

R $\frac{291}{52}$

R $\frac{177}{334}$

$\frac{801-16}{2427}$

А. С. Хахановъ.

×

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

—
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.
—

НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ И АПОКРИФЫ.

Печатано подь наблюдениемъ Члена-Соревнователя А. С. Хаханова.

ф. 33-4328
 Ц.С.С.

Настоящій очеркъ, посвященный народному эпосу и апокрифамъ, является первымъ опытомъ по исторіи грузинской словесности. Какъ всякій опытъ, нашъ трудъ отличается недостаточной полнотой и слабой разработкой тѣхъ вопросовъ, которые въ немъ затронуты. Эта отрицательная сторона преимущественно отразилась на второмъ отдѣлѣ нашего труда, именно на апокрифахъ, впервые извлеченныхъ нами изъ рукописей и напечатанныхъ здѣсь по русски частью въ переводѣ, частью же въ изложеніи. Мы и не ставили себѣ задачей изслѣдовать грузинскіе апокрифы и эпосъ во всѣхъ деталяхъ сравнительно съ однородными памятниками, такъ какъ подобная постановка изученія совершенно нетронутаго литературнагоклада, расширивъ объемъ нашей книги и замедливъ ея появленіе, отклонила бы насъ отъ желанія дать въ ближайшемъ будущемъ возможность специалистамъ ввести грузинскіе устные и письменные памятники въ кругъ литературы вопроса. Однако, мы не могли довольствоваться однимъ переводомъ или изложеніемъ нашихъ памятниковъ. Намъ представлялось неизбѣжнымъ опредѣлить въ известной степени положеніе грузинскаго эпоса среди произведеній другихъ народовъ и указать по доступнымъ источникамъ отношеніе грузинскихъ апокрифовъ къ апокрифамъ греческимъ, славянскимъ, латинскимъ, армянскимъ и др. Мы соединили въ одной части эпосъ и апокрифъ въ виду

и изслѣдователями. бокъ о бокъ этихъ непосредственно за ія объ Амиранѣ, дукоторы отражаютъ но было бы открытъ) настоятельная по- зь грузинской сло- бликованію нашего ніями для внесенія кой словесности и

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. едн. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковй	1964
24		61.				4	338	359.

1717/54 - 225 000.

Печатано подъ наблюденіемъ Члена-Соревнователя А. С. Хаханова.

Настоящій очеркъ, посвященный народному эпосу и апокрифамъ, является первымъ опытомъ по исторіи грузинской словесности. Какъ всякій опытъ, нашъ трудъ отличается недостаточной полнотой и слабой разработкой тѣхъ вопросовъ, которые въ немъ затронуты. Эта отрицательная сторона преимущественно отразилась на второмъ отдѣлѣ нашего труда, именно на апокрифахъ, впервые извлеченныхъ нами изъ рукописей и напечатанныхъ здѣсь по русски частью въ переводѣ, частью же въ изложеніи. Мы и не ставили себѣ задачей изслѣдовать грузинскіе апокрифы и эпосъ во всѣхъ деталяхъ сравнительно съ однородными памятниками, такъ какъ подобная постановка изученія совершенно нетронутаго литературнаго клада, расширивъ объемъ нашей книги и замедливъ ея появленіе, отклонила бы насъ отъ желанія дать въ ближайшемъ будущемъ возможность специалистамъ ввести грузинскіе устные и письменные памятники въ кругъ литературы вопроса. Однако, мы не могли довольствоваться однимъ переводомъ или изложеніемъ нашихъ памятниковъ. Намъ представлялось необходимымъ опредѣлить въ известной степени положеніе грузинскаго эпоса среди произведеній другихъ народовъ и указать по доступнымъ источникамъ отношеніе грузинскихъ апокрифовъ къ апокрифамъ греческимъ, славянскимъ, латинскимъ, армянскимъ и др. Мы соединили въ одной части эпосъ и апокрифъ въ виду той связи, которая установлена между ними новыми изслѣдователями. Не ограничиваясь механическимъ расположеніемъ бокъ о бокъ этихъ двухъ отдѣловъ словесности, мы дѣлали попытки непосредственно за ними то въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ (напр. сказанія объ Амиранѣ, духовные стихи, легенды и др.) отмѣтить тѣ наслоенія, которыя отражаютъ вліяніе апокрифовъ. При другихъ условіяхъ возможно было бы открыть иные слѣды взаимодѣйствія эпоса и апокрифовъ, но настоятельная потребность хотя бы въ бѣгломъ обзорѣ памятниковъ грузинской словесности послужила поводомъ къ поспѣшному опубликованію нашего сочиненія. Мы воспользуемся всѣми полезными указаніями для внесенія поправокъ въ первый опытъ очерковъ по грузинской словесности и

вмѣстѣ съ новыми апокрифами, таящимися въ Тифлис. церковномъ музеѣ и Обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ приложимъ ко второй части задуманной нами работы. Весь обзоръ нашъ рассчитанъ на четыре книги. Содержаніе первой изъ нихъ представлено уже на судъ читателей, во второй мы предполагаемъ обнять исторію письменной словесности до XIII в., т. е. до конца золотой эры грузинской литературы, третью часть посвятимъ памятникамъ съ XIII в. до XVIII в. включительно, а четвертую отведемъ новому періоду грузинской словесности, начавшейся со времени водворенія русскаго владычества на Кавказѣ. Насколько намъ удастся осуществить свой планъ, это дѣло будущаго; теперь же остается пожелать, чтобы наша работа возбудила интересъ къ богатой, но игнорируемой учеными, грузинской литературѣ.

Грузинскій языкъ.

Пространство, на которомъ распространена иверійская или картвельская (грузинская) группа языковъ, извѣстно съ древнихъ временъ подъ именемъ Иверіи, Гурджистана, Георгіи, Géorgie, Грузіи. Въ составъ Грузіи въ лучшую эпоху ея жизни, при царицѣ Тамарѣ въ XII в., входили часть Албаніи, Кахетія, Карталинія, Колхида, Месхетія, Таохіа Страбона или грузинскій Таоскари до Трапезунда. На этомъ пространствѣ господствовала иверійская группа языковъ, къ которой относятся языки: грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванетскій. Отношеніе иверійской группы языковъ къ установленнымъ семьямъ языковъ до сихъ поръ не опредѣлено. Боппъ и Броссе относили ее къ индо-европейской, Максъ Мюллеръ къ туранской семьѣ языковъ, а Фридрихъ Мюллеръ выдѣлилъ, такъ называемые географическимъ терминомъ, кавказскіе языки въ изолированную группу языковъ. „Кавказскіе языки“ въ свою очередь разбиты на три класса: классъ западно-лорскихъ языковъ, классъ восточно-горскихъ языковъ и иверійскій классъ языковъ, причемъ родство между этими отдѣльными подраздѣленіями кавказскихъ языковъ не признается ¹⁾. Въ такомъ положеніи находится вопросъ объ отношеніи грузинскаго языка къ другимъ группамъ языковъ.

Памятники, дошедшіе до насъ на грузинскомъ языкѣ, относятся къ христіанской эпохѣ жизни Грузіи. Наибольше древнимъ пока считается Ксанское пергаментное евангеліе VI в., по опредѣленію покой-

¹⁾ *Klaproth. Asia polyglotta et Voyage au Mont Caucase et en Géorgie, 2 volumes. Paris, 1823. Die Kaukasische Glieder des Indoeuropischen Sprachstamms von Franz Bopp. Berlin 1847. Lettre à M. Bopp sur son rapport relativement aux recherches phil. de M. le docteur Rosen par M. Brosset (въ Bul. hist.—phil., t. II.) Max Müller. The Languages of the seat of war in the east. 2 ed. London, Leipzig, 1855, p. 194). Fr. Müller Orient und Occident, Göttingen, 1864 p. II, p. 546. Царевичи. Грамматическая литература грузинскаго языка. Спб. 1873. Моя статья въ Wiener Zeitschrift f. d. Kunde d. Morgenl. VII B. Ueber den gegenwärtigen Stand der grusinischen Philologie стр. 312, 313.*

наго грузинолога Д. Бакрадзе. *) Переводъ Евангелія и вообще церковно-богослужебныхъ книгъ кладетъ въ Грузіи начало литературному языку, который ближе стоялъ къ древне-грузинскому народному, чѣмъ къ настоящему печатному. Развиваясь, правда не особенно сильно, вмѣстѣ съ народомъ, грузинскій языкъ подвергся разнымъ вліяніямъ другихъ народовъ. Одна и та же грузинская рѣчь измѣнялась въ разныхъ областяхъ и разбивалась на областныя нарѣчія: гурійско-имеретинское, карталіно-кахетинское, пшаво-хеверсурское, месхійское, пнгилойское. Самымъ сильнымъ чужеземнымъ вліяніемъ было вліяніе древне персидское, передавшее грузинскому языку массу культурныхъ словъ. За нимъ слѣдовало вліяніе греческое, усилившееся со времени переводовъ церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ сочиненій на грузинскій языкъ. Столкновения и сношенія съ другими восточными и западными народами способствовали внесенію въ нашъ языкъ многихъ иностранныхъ словъ—санскритскихъ, латинскихъ, арабскихъ, армянскихъ, тюркскихъ. Вообще же нужно замѣтить, что западная Грузія испытала больше вліянія со стороны Турціи, а восточная со стороны Персіи. Со времени владычества русскихъ на Кавказѣ и распространенія вѣнскихъ формъ западно-европейской жизни, грузины заимствовали не мало иностранныхъ словъ, относящихся къ наукамъ и искусствамъ, строю военному и административному, быту общественному и частной жизни.

*) Древніе варианты груз. четверо-евангелія. (Труды V археол. съѣзда).

Народная словесность.

Исторія грузинской словесности обнимаетъ произведенія грузинскаго народа, распадающіяся на два вида: на устныя или народныя, письменныя или литературныя. Народная, устная безыскусственная словесность предшествуетъ письменной литературной, искусственной словесности. Между этими видами словесности есть двоякое различіе—внѣшнее и внутреннее. Первое различіе заключается въ томъ, что народныя произведенія, не записываясь, передаются устно изъ одного поколѣнія въ другое, а литературныя пишутся обыкновенно при самомъ ихъ возникновеніи. Второе различіе заключается въ томъ, что авторъ устныхъ произведеній—цѣлый народъ; авторъ сочиненій литературныхъ—отдѣльныя личности. Устная поэзія обнимаетъ всѣ интересы народной жизни, литературная служитъ выраженіемъ взглядовъ и чувствованій отдѣльныхъ лицъ. Отсутствіе личности въ народныхъ произведеніяхъ устраняетъ субъективность и преднамѣренность цѣли автора.

Народъ смотритъ на свою поэзію, какъ на драгоценное достояніе, неприкосновенное преданіе, имѣющее смыслъ священной старины. Начало народной словесности восходитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ, и самый древній ея видъ—пѣсни-молитвы языческимъ богамъ, называемыя обрядовыми пѣснями. Вся же народная поэзія, обнимавшая всѣ стороны первобытной жизни, разбилась на отдѣльныя части, являющіяся „разрозненными членами обширнаго эпического преданія“. Главнѣйшіе изъ этихъ членовъ—пѣсни и сказки, менѣе важныя—пословицы, загадки, заговоры. Къ другому отдѣлу народной словесности относятся произведенія, сложившіяся подъ вліяніемъ книжной литературы: духовные стихи и легенды. Что касается до объясненія происхожденія и значенія народныхъ произведеній, то въ настоящее время мифологическая теорія, толкующая всѣ виды устной словесности, какъ символическое олицетвореніе разныхъ силъ и явленій природы, не является исключительно господствующей. Эта теорія, главными представителями которой на западѣ были

Я. Гриммъ, Маннгардтъ, Шварцъ, А. де-Губернатисъ, нашла среди русских ученых горячих послѣдователей. Достаточно назвать покойнаго с.-петербургскаго профессора Ор. Миллера и Аванасьева, почтенный трудъ котораго „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ является образцомъ объясненія народныхъ сказаній на мифологической почвѣ.

Такое направленіе въ толкованіи народной словесности нашло ограниченіе со стороны представителей теоріи *литературнаго заимствованія*: Бенфея на Западѣ, акад. А. Н. Веселовскаго, Вс. О. Миллера и др. въ Россіи. Въ послѣднее время выступает ограниченіе вліянія древней индійской словесности и богомилской литературы и съ большей рельефностью выдвигается значеніе христіанской канонической и апокрифической литературы, проникавшее на отдаленный Сѣверъ и Востокъ. Извѣстный лингвистъ проф. въ Христіаніи Софусъ Бугге попытался даже объяснить саги скандинавской Эдды христіанскими преданіями, занесенными на Сѣверъ проповѣдниками-монахами Британскихъ острововъ. По объясненію Бугге выходитъ, что Локи произошелъ изъ Люцифера, сказаніе о смерти Вальдура—отзвукъ христіанскихъ сказаній о смерти Спасителя и т. д.

Христіанскія вліянія проникли на Востокъ, въ Монголію, Туркестанъ, Китай благодаря несторіанамъ, изгнаннымъ изъ Византійской имперіи за еретическое ученіе. (Докладъ проф. Хвольсона на VIII археол. съѣздѣ). Съ другой стороны, плѣнники христіане, число которыхъ въ XIII в. было достаточно въ столицѣ монгольскихъ хановъ, Каракорумѣ, распространяли христіанскія сказанія: Въ монгольскихъ сказаніяхъ обнаруживаются такіе мотивы, которые должны быть отнесены на счетъ христіанскихъ литературныхъ вліяній. Сказанія грузинъ объ Амиранѣ и *мирозданіи* также ¹⁾ отражаютъ вліяніе свящ. писанія. Во многихъ сказкахъ сохранилось нѣсколько мотивовъ изъ апокрифовъ о Соломонѣ (сказаніе „Соломонъ и рыболовъ“).

Собираніе произведеній грузинской словесности началось весьма недавно. Первые записи устныхъ произведеній начинается въ семидесятихъ годахъ текущаго столѣтія подъ вліяніемъ живого интереса къ народной поэзіи, возникшаго въ Россіи послѣ появленія сборниковъ Аванасьева, Кирѣевскаго и Рыбникова. Грамотные люди древней Грузіи, воспитываясь на произведеніяхъ духовной словесности, отвращались отъ народныхъ произведеній, въ которыхъ сохранялись еще

¹⁾ *Веселовскій*. Къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ, „Этногр. Об.“, кн. V. *Вс. Миллеръ*. Отголоски апокрифовъ въ кавказ. народ. сказаніяхъ. *Журн. Нар. Пр.*, 1893, № 7, отд. 2.

остатки древнихъ языческихъ суевѣрій и обрядовъ. Издававшіяся съ 1820 годовъ грузинскіе періодическіе органы не давали мѣста народной поэзіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ 1821 г. вышла первая *Грузинская газета*, посвященная политическимъ и официальнымъ извѣстіямъ. Въ 1832 г. другая газета, *Тифлисскія Выдомости*, издававшаяся Соломономъ Додаевымъ, держались высокаго стиля Антонія католикаса, писателя XVIII ст., и потому съ пренебреженіемъ относилась ко всему народному. Въ 1851 г. журналъ кн. Г. Эривова *Цискари* и *Сакартавелосъ Моамбе* кн. Чавчавадзе въ 1863 г. также исключали изъ своей программы печатаніе народныхъ произведеній и только возникшая въ 1866 г. газета *Дрозби* стала отводить страницы грузинскимъ сказкамъ и пѣснямъ. Наибольшее число народныхъ произведеній появилось въ журналѣ, впоследствии обратившемся въ газету, *Иверія*; печатались пѣсни и легенды также въ газ. *Театръ* въ 1884 г. Въ журналахъ *Нобати* и *Джеджими* появлялись народныя пѣсни, сказки, загадки, поговорки. *Г. Ахпателовымъ* изданы были двѣ сказки „Золотыя дѣти“ и „Ростомела“ (Т., 1887). Нѣсколько пѣсенъ и одна большая сказка, записанная въ Саабошо, изд. *С. Гонгадзе* (Тифлисъ, 1892). Пѣсни, сказки, заговоры записаны мною въ различныхъ концахъ Грузіи и пока имѣются только въ рукописи. Груз. сказки, печатались въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа“. Первый сборникъ грузинскихъ сказокъ вышелъ въ 1891 г., изд. *В. Амиашвили*. Сванетскія сказки, собранныя *Вольнымъ сваномъ* (псевдонимъ), появились въ 1893 г. а мингрельскія, числомъ семь, имѣются въ Мингрельскихъ этюдахъ г. *Цагарели* (Спб. 1880).

I. Грузинскія народныя пѣсни.

Сравнительный методъ изученія народныхъ произведеній индоевропейскаго племени привелъ къ заключенію, что самый древній видъ устной поэзіи—пѣсни-молитвы языческимъ богамъ. Такія молитвы въ видѣ отрывковъ, съ примѣсю именъ христіанскихъ святыхъ сохранились и въ Грузіи. Пѣніе ихъ сопровождается совершеніемъ обычаевъ, которые считаются остатками языческихъ обрядовъ. Такія пѣсни называются *обрядовыми*. Эти пѣсни-молитвы имѣютъ цѣлью выпросить у божества счастья и благоденствія, оградить отъ нечистой силы и гнѣва своихъ геніевъ-покровителей. Въ Грузіи лучше сохранились обряды, сопровождавшіе пѣніе молитвы, чѣмъ эти воззванія къ языческимъ богамъ. Съ принятіемъ христіанства молитвы стали забываться и смѣшиваться съ христіанскими прошеніями, а обряды обратились въ

обычай. Языческая религія грузинъ опиралась на борьбу двухъ началъ—свѣтлаго и добраго съ темнымъ и злымъ. Наблюдая смѣны времени года грузинъ-язычникъ замѣчалъ выдающіеся моменты торжества солнца, свѣта и тепла, и устраивалъ чествованія солнца обрядами и пѣснями. Первый праздникъ былъ приуроченъ къ тому моменту, когда свѣтъ начинаетъ усиливаться, дни прибавляются²⁾. Въ христіанскія времена онъ совпалъ съ праздникомъ Рождества Христова. До настоящаго времени въ Сванетіи связываются съ кануномъ Рождества своеобразные обычаи. Въ остальной Грузіи съ Рождества праздникъ солнца перенесенъ на Новый годъ, извѣстный у гурійцевъ *Камандоба* (рус. Коляда). Праздникъ, приуроченный въ Карталинѣ пынѣ къ Рождеству Христову, носитъ названіе *амло*. Для объясненія этимологіи этого слова сопоставимъ его съ *арало*, ари, арало—припѣвомъ застольныхъ и хоровыхъ пѣсенъ. Генри Раулинсонъ указываютъ гору Агаги (Араратъ?), по ванскимъ надписямъ *Ugartu*, къ которой были приурочены мѣны объ аралезахъ. Если же сравненіе этого мѣна съ культомъ Истары (Астарты) заслуживаетъ вѣры, то мы въ *Арамъ* видимъ воззваніе къ богинѣ весны. Изъ Арало ари же можно объяснить происхожденіе *амло*.

Карталинцы пекутъ еще наканунѣ Рождества крендели счастья („бедись квери“) для животныхъ, а для цѣлаго дома хлѣбъ „басила“

²⁾ Приводимъ одну пѣсню, въ которой передается споръ между двумя небесными свѣтлами—солнцемъ и луной:

„Внимайте всѣ тщательно:
Заспорили солнце и луна.
Послала сказать луна:
„29 дней я работала
На тридцатый же скончалась.“
Въ отвѣтъ же посылаетъ солнце:
„Что ты превозносишься,
Приписывая себѣ всякое добро.
Три дня и три ночи
Не ты ли скрывалась,
А на четвертый день, показавшись
Закуталась туманомъ?
Подняла громъ и молнію
И сгубила созрѣвшую жатву.“

„Иверія“ 1889, 275. По другимъ сказаніямъ споръ этотъ идетъ еще съ тѣхъ временъ, когда солнце проснувшись раньше стало дневнымъ свѣтиломъ, а луна, проснувшая утро, ночнымъ.

съ крестомъ по срединѣ, названный такъ въ честь св. Василія; для пахаря печется плугъ, для быка — ярмо, для коровы — вымя. Толпа мальчиковъ отъ 10 до 12 лѣтняго возраста, обходитъ каждый домъ съ иконой Вожьей Матери и славить Христа. Хозяева ихъ отдаютъ. Обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *алило*¹⁾ и сопровождается пѣсню, выражающей поздравленіе: „Алило и Опоіа (?) я вѣстникъ Рождества, Господь да дастъ вамъ встрѣтить Рождество и Новый годъ“. По другому варианту пѣсня эта поется такъ: „Алило и Рождество! алило! Мы вѣстники Рождества. Алило! Въ Виелеемѣ явилась звѣзда. Алило! Предтеча Рождества. Алило! *Птички съли на заборъ*. Алило! Поемъ, Рождество Христово. Алило! Да дастъ вамъ Господь встрѣтить Рождество. Алило! Рождество и Новый годъ. Алило!“ Воспѣваніе возвращенія весны указывается словами „птички съли на заборъ“.

Новогодніе обычаи у грузинъ представляютъ интересъ по остаткамъ старинны и по смѣшенію христіанскихъ понятій съ древнѣйшими языческими²⁾.

Празднованіе Новаго года издревле въ царствующемъ домѣ, по словамъ историка Вахушти, начиналось задолго до восхода утренней зари. Послѣ того, какъ трижды пропѣли пѣтухи, весь высшій военный и гражданскій синьлитъ являлся во дворецъ къ царю въ строгомъ іерархическомъ порядкѣ съ поздравленіями и приличными царскому званію подарками. Амилахоръ, т. е. конетабль, обязанъ былъ привести изъ своего табуна лучшаго по красотѣ коня съ золотой сбруей; базіертъ-ухуцесь, старшій распорядитель царской охоты, подносилъ позолоченную голову дикаго кабана, приводилъ въ клѣткѣ быстраго сокола; за нимъ подходили штабъ-офицеры и, поклонившись до земли своему повелителю, въ глубокомъ молчаніи отступали назадъ. Послѣдними приносили поздравленія эриставы, т. е. начальники областей, поднося царю натянутыя стрѣлы, имѣющія символическое значеніе. „Пусть эта стрѣла, — заканчивалъ каждый эриставъ свое привѣтствіе, — пронзитъ безошадно сердце твоего измѣнника, всемогущій царь!“ Поздравленія открывалъ Чкондидели—архіепископъ мартвильскій (мингрельскій), благословлялъ царя крестомъ и образомъ, а царицу угощалъ разными сладостями.

¹⁾ Грузинское *алило* не стоитъ ли въ связи съ румыно-славянскимъ припѣвомъ *col lalom d'ai legom...*? Хлѣбъ Василя въ честь и въ образѣ Василія Великаго, тождествененъ съ сербск. васильница. (*Веселовскій*, *op. cit.*, 435).

²⁾ См. подробности въ моей статьѣ „Празднованіе Новаго года у грузинъ“ *Этногр. Обзор.*, кн. III, стр. 29—40.

При описаніи празднованія Нового года у современныхъ грузинъ будемъ имѣть въ виду четыре народа грузинскаго племени, а именно: *инилойцевъ* въ Закатальскомъ округѣ, *карталинецъ* въ Горійскомъ уѣздѣ, *гурійцевъ* и имеретинъ въ Кутаисской губ. и *джаваховъ* въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ.

Торжество Нового года у *инилойцевъ*, какъ и у всѣхъ грузинъ, начинается при закатѣ солнца ружейными выстрѣлами, за которыми слѣдуетъ всеобщій крикъ, шумъ и суетня *). Хозяйка ночью торопливо прядетъ шерсть, а хозяинъ развлекаетъ ее приятной бесѣдой. Кончивъ работу, оба они подкрадываются къ спящимъ дѣтямъ, вынимаютъ изъ-подъ одѣяла ихъ руки, обвиваютъ вокругъ кисти руки пряжу, завязываютъ ее концы и въ такомъ же молчаніи обвязываютъ ниткой всю посуду и главный столбъ „деда-бодзи“ (мать-столбъ), поддерживающій избу. Этой кольцеобразно обвивающей руки и предметы ниткой ингилойцы символически выражаютъ желаніе, чтобы всѣ члены ихъ семейства и ихъ состояніе осталось цѣлымъ и невредимымъ. Съ руки нитка эта не спинается въ теченіе трехъ дней.

На разсвѣтѣ старѣйшины будятъ всѣхъ членовъ семьи. Вдругъ слышится стукъ у дверей; всѣ вмѣстѣ три раза спрашиваютъ: „кто тамъ и что несетъ?“ На это слѣдуетъ трижды отвѣтъ: „счастье и благополучіе приношу моей семьѣ“. Удовлетворенные такимъ отвѣтомъ просятъ его войти, присоединяя пожеланіе, чтобы „стеяз его была стезей ангела въ ихъ домѣ“. Входитъ глава семьи, который незамѣтно исчезъ изъ избы въ то время, когда въ ней началась суматоха при вставаніи со сна членовъ семьи. Тогда же, выходя, онъ взялъ съ собой кувшинъ и перекидные мѣшки съ кормомъ для птицъ. Кувшинъ наполнилъ водой, мѣшокъ съ кормомъ смочилъ въ водѣ, отломалъ нѣсколько вѣтокъ орѣховаго дерева, положилъ ихъ въ другой мѣшокъ и вернулся домой. Вступивъ въ избу, онъ ставитъ кувшинъ въ шкафъ для посуды или на полку (*корте*), орѣховыя вѣтви въ „сакане“ или „бегели“, гдѣ хранится мука и зерно, кормомъ обсыпаетъ всѣ углы дома, взывая: „Господи, Курмухская церковь, дай намъ хлѣба и благоденствія!“.

Послѣ обсыпанія избы для обильнаго урожая, всѣ садятся вокругъ очага, старшій достаетъ накануне приготовленную связку орѣ-

*) Ингилойцы не знаютъ термина Калацоба, известнаго, впрочемъ, только у западныхъ грузинъ подъ вліяніемъ Греціи. Ср. груз. слово, *Калацоба* съ болгар. *Колада*, франц. *tsalenda*, *chalendes*, прованс. *calendas*, новогреч. *τά χόλιαντα*; бѣлорус. *коляда*.

ховыхъ вѣтвей и даетъ каждому члену по одной вѣтви, потомъ первый самъ кладетъ свою вѣтвь въ огонь. Трескъ вѣтви сопровождается благоговѣйными словами главы семейства: „Господи, размножь насъ и пошли обиліе въ нашъ домъ, будь милостивъ къ намъ!“ Всѣ вѣтви одна за другой дѣлаются жертвой огня, за исключеніемъ двухъ, которыя снова прячутся. Послѣ этого, уже на разсвѣтѣ начинаютъ готовить „табла“—жертву. Кладутъ на поднось (*хонча*) хлѣбъ (*назуки*), лепешки, тарелку меду, масла, кувшинъ вина, красныя и бѣлыя нитки и всѣ вмѣстѣ идутъ поздравлять съ новымъ годомъ садъ. Здѣсь они останавливаются предъ виноградной лозой, дающей обильные плоды, обрѣзываютъ ее, землю около нея поливаютъ виномъ и рѣжутъ у корня ея пѣтуха съ красными перьями, которыя потомъ привязываются къ лозѣ. При этомъ священнодѣйствіи произносится обычная молитва: „Господи, Курмухскій св. Георгій, не оставь нашихъ кувшиновъ безъ вина“. Глава семьи предлагаетъ всѣмъ по кусочку хлѣба съ медомъ и масломъ, даетъ отпить немного вина, и, совершивъ это своеобразное таинство, всѣ направляются въ избу.

Для каждаго члена испеченъ хлѣбъ, формы котораго аллегорически выражаютъ назначеніе и обязанность каждаго члена семьи: для старѣйшины некутъ топоръ, для сыновей—серпы, для женщинъ—самопрялки, (ср. у осетинъ), крендель для коровы и одинъ крендель для птицъ небесныхъ. Возвратившись изъ сада домой, каждый уже самъ разламываетъ свой хлѣбъ и съѣдаетъ небольшой кусочекъ. Крендель, назначенный для птицъ, оставляется на крышѣ, а хлѣбъ, испеченный для коровы, несутъ въ хлѣбъ. Здѣсь сначала крендель надѣваютъ коровѣ на рога, потомъ даютъ ей съѣсть, приговаривая: „живи долго и невредимо, да сохранить тебя Курмухскій св. Георгій!“

Къ обѣду ждуть поздравителя „мевле“ (собственно значить — пролагающій борозду, стезю счастья), который долженъ быть въ глазахъ народа болѣе награжденъ судьбой и осыпанъ ея щедрой благодатью. До его прихода никого не принимаютъ. „Мевле“, поздравивъ всѣхъ съ новымъ годомъ, достаетъ изъ-подъ потолка спрятанныя вѣтви, кладетъ ихъ въ огонь и при трескѣ ихъ выражаетъ пожеланіе, чтобы Богъ даровалъ привѣтствуемымъ имъ членамъ здравіе и обильный урожай. Его угощаютъ сладостями и онъ подноситъ яблоко, утыканное серебрянными монетами ¹⁾). Въ этотъ день никому ничего не даютъ взаимы и не принимаютъ подозрительныхъ людей.

¹⁾ Поднесеніе въ такомъ видѣ яблочка извѣстны и карталинкамъ. Иоаннъ Златоустъ возставалъ противъ и нынѣ господствующаго обычая проводить Новый

Наканунъ же Новаго года приготовленное печенье кладется на поднось вокругъ свиной головы, называемый „абраміани“, т. е. жертва въ честь Авраама, старшій выноситъ поднось на дворъ, обходитъ трижды домъ, и поздравляетъ коровъ и быковъ. Яйцомъ прикасается онъ къ животнымъ, приговаривая: „будьте такъ круглы и полны, какъ это яйцо!“

Входя обратно въ домъ, онъ подходитъ прежде всего къ очагу, беретъ горящую головню, ударяетъ ею по очагу, и когда посыплется искры, онъ шепчетъ: „столько коровъ, быковъ, свиней, столько лѣтъ жизни, столько денегъ“ и т. д. Потомъ угощаетъ всѣхъ медомъ съ пожеланіемъ каждому: „такъ сладко пусть состаринься, какъ сладокъ этотъ медъ!“ „Абраміани“ въ теченіе трехъ дней подается старшему за обѣдомъ и ужиномъ, а по прошествіи трехъ дней вырѣзываютъ крестъ изъ хлѣба „басила“ и бросаютъ его въ амбаръ со словами: „да будетъ нестоцимъ и обилень хлѣбъ въ этомъ амбарѣ!“

Въ день Новаго года карталпонецъ избѣгаетъ ссоры и неприятностей. Онъ искренно вѣритъ, что происшедшее въ этотъ день знаменуетъ всю предстоящую жизнь человѣка въ теченіе года: кто будетъ плакать въ этотъ день, проплачетъ цѣлый годъ; кто будетъ шить, пришьетъ счастье. Обрѣзать ногти воспрещается, чтобы дьяволъ не завладѣлъ ими. Принимать кого-либо до „меквле“, испытаннаго поздравителя, не принято. „Меквле“ (отъ квали-стева) приноситъ старшей въ домъ красное яблоко, утыканное монетами, а его угощаютъ „гози-наки“—сладостью изъ орѣха и меду.

Въ Гуріи Новый годъ извѣстенъ подъ именъ „Каландоба“¹⁾, у абхазцевъ *Каланда* или *Калинда*²⁾. Къ новому году гурійцы откармливаютъ свинью, куръ, индѣекъ. Наканунъ пекутъ лепешки по числу членовъ, дома какъ и у другихъ грузинъ. Особенность празднованія Новаго года у гурійцевъ представляетъ обычай украшать вѣтвь орѣховаго дерева стружками, изображающими бороду св. Василія (ср. обычай рус. завивать бороду Волосу) и разными плодами Проверливъ дырочки въ вѣткѣ, наз. „чичилаги“, продѣваютъ черезъ нихъ палки; на концахъ палокъ привѣшиваютъ лимоны, апельсины, гранаты, въ большемъ изобилии произрастающіе въ Гуріи; съ другого конца привѣшиваютъ шелеть, кошелекъ съ серебряными монетами, гроздь вино-

годъ въ весельи, чтобы до слѣдующаго января не приключилось какое-либо несчастье. Поднесеніе яблока съ серебряными монетами было отмѣчено еще этимъ отцемъ церкви. (*Весселовскій*, *op. cit.*, 102).

¹⁾ *Коляды см. Весселовскій*. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Ср. Новый годъ у осетинъ. *Миллеръ*, этюдъ. II, 266.

²⁾ *Сборн. свѣд. о Кавказ. юрцахъ VII*, 20. Религіоз. вѣрованія абхазцевъ.

града и „деда пури“ (мать — хлѣбъ). Рано утромъ по знаку, данному старшимъ, выбѣгаютъ на дворъ взять „цхомла“,—вѣтвь орѣховаго дерева: кто первый успѣетъ захватить ее, тотъ проживетъ дольше всѣхъ. Затѣмъ выносятъ приготовленную „табла“ (жертву) съ свиной головой и кувшиномъ вина. Старшій въ домѣ съ младшимъ членомъ выносятъ ее съ зажженными свѣчами изъ амбара, гдѣ она была оставлена на ночь, и несутъ въ винный подвалъ. Здѣсь старшійшина, обращаясь къ какому-то богу вина Агуна, въ родѣ Бахуса, приглашаетъ его пройти селенія Бахви и Аскани, извѣстныя лучшими винами въ Гуріи, и прибыть въ его подвалъ: „Агуна переходи къ намъ у насъ много винограда, а у нихъ одни листья!“ Изъ подвала онъ идетъ къ амбару и въ хлѣбъ. Возвращаясь въ избу, они находятъ двери запертыми, и на ихъ стукъ изнутри спрашиваютъ: „что несешь?“ Отвѣтъ гласитъ, что идутъ съ хлѣбомъ, виномъ, шелкомъ, счастьемъ и т. д. Двери растворяются, несущіе „табла“ привѣтствуютъ всѣхъ. Съ радостью подводятъ маленькаго провожатаго ко всѣмъ членамъ семьи и предметамъ, чтобы онъ передалъ имъ здоровье, прочность, счастье и благополучіе. Затѣмъ всѣ выходятъ на дворъ и, обойдя трижды, возвращаются въ избу; здѣсь подходятъ къ очагу, ударяютъ по немъ „цхемла“ (орѣховой вѣткой). У имеретинъ находимъ аналогичныя повѣрья, связанныя съ Новымъ годомъ: тотъ же „меперхе“—(отъ слова *перхи-нога*) поздравитель и „маввліари“¹⁾ т. е. *меквле*.

У *джаваховъ* наканунъ праздника старшій собираетъ домашнюю рухлядь, такъ какъ обиліе и счастье дома покоится на одномъ какомъ-либо предметѣ, нужномъ для домашняго обихода; оставить такую вещь внѣ дома въ ночь на Новый годъ — значитъ потерять все состояніе. Пекутъ хлѣбъ „цминда Басила“ (св. Василія), „харисъ-кеди (шея быка), „банисъ пуреби“ (хлѣбы крыши), „бедисъ када“ (хлѣбъ счастья), „катамъ—цицила“ (цыпленокъ—курица). Все это укладывается на новогодней поднось, центромъ является „Басила“ а вокругъ него размѣщаются разнообразныя по своему символическому значенію печенія. На поднось замѣчается здѣсь отсутствіе свиньи. Это объясняется вліяніемъ мусульманской религіи, которая воспрещаетъ ѣсть свинину.

Когда солнце уже зашло, оба старшійшины отъ мужской и отъ женской половины приступаютъ къ изгнанію бѣсовъ и нечистыхъ силъ, водворившихся въ домѣ. Они ходятъ по всѣмъ угламъ и приговариваютъ: „ангелъ-покровитель, находящійся здѣсь въ углу нашего

¹⁾ *Сборн. матер. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа*, вып. XIII, отд. II, стр. 3—8. Бахви—искаженный Вахъ, о почитаніи котораго на Кавказѣ говоритъ Діонисій Периегетъ.

дома, молю тебя, спаси мой домъ отъ искушений дьявола!“ Нужно произнести это заклинаніе трижды, обходя всѣ углы дома, гдѣ притаились ангелы-хранители.

Старѣйшина беретъ большую желѣзную палку, выходитъ на дворъ и, повернувъ направо, повторяетъ заклинаніе: „Господи, избавь насъ отъ проказы дьявола!“ Онъ обходитъ избу, хлѣвъ и проводитъ желѣзомъ кругъ, противъ нечистой силы, всходитъ на кровлю, откуда чрезъ отверстіе въ крышѣ спускаетъ внизъ кошелекъ на длинной ниткѣ. Семья кладетъ въ кошелекъ нѣсколько рублей, онъ поднимаетъ его и входитъ въ избу съ лѣвой стороны. Значеніе этой процедуры джавахи толкуютъ въ томъ смыслѣ, что въ теченіе года деньги въ домѣ будутъ неистощимы и обиліе во всемъ обеспечивается. Старѣйшина беретъ подносъ съ зажженными свѣчами въ правую руку и, выходя изъ избы, произноситъ молитву: „Господи, будь заступникомъ нашимъ и да будетъ стезя моя стезей архангела Михаила и св. Георгія! Пошли моей семьѣ счастливо встрѣтить Новый годъ!“ Окончивъ молитву, онъ сбрасываетъ черезъ отверстіе въ избу хлѣба съ подноса, кромѣ „хлѣба счастья“ и „Басила“. Раньше другихъ спускается внизъ „хлѣбъ крыши“, далѣе „шея быка“ и наконецъ завернутый въ платокъ „цыпленокъ“. Возвратившись домой, угощаетъ всѣхъ медомъ, идетъ въ хлѣвъ, курятникъ и поздравляетъ скотъ и птицъ.

Обращаютъ особенное вниманіе, какъ и гдѣ упали сброшенные печеня. Если „хлѣбъ крыши“ упалъ низомъ къ верху, то говорятъ, что урожай не будетъ; если хлѣбъ покотился къ очагу, то урожай будетъ обильный; если одинъ хлѣбъ покотился къ очагу, а другой къ дверямъ, то урожай будетъ посредственный. „Хлѣбъ счастья“ и „Басила“ хранятся до Крещенія, и вся эта недѣля считается святой. Въ день Крещенія разрѣзываютъ „хлѣбъ счастья“ и „Басила“ на куски, и кому достанется монета, вложенная въ „бедись пури“, тотъ будетъ счастливъ и богатъ. „Басила“ разламывается и раздается всѣмъ, какъ профора.

Въ день Новаго года джавахи ходятъ съ кувшиномъ за водой, при чемъ нужно идти за ней и вернуться такъ, чтобы ни съ кѣмъ не говорить. Если кто-нибудь съ вечера до утра Новаго года простоятъ на берегу рѣки, теченіе ея остановится, и рѣка повѣдаетъ все, что должно случиться въ предстоящій годъ. До „меквеле“, излюбленнаго поздравителя, посѣщеніе котораго было замѣчено какъ благоприятное, никого не принимаютъ, какъ и у другихъ грузинъ.

Дѣлая обобщеніе всего описаннаго нами, можно сказать, что картвелы (грузины) въ разныхъ и исторически разобщенныхъ частяхъ Грузіи

празднуютъ Новый годъ почти одинаково, съ небольшими измѣненіями, которыя объясняются мѣстными условіями и судьбой, испытанной различными провинціями бывшаго грузинскаго царства. Къ измѣненіямъ, между прочимъ, придется отнести отсутствіе центра праздника — свиньи у джаваховъ и ингилойцевъ, принявшихъ нѣкогда мусульманскую вѣру. При празднованіи наглядно выступаетъ значеніе „меквеле“, перваго счастливаго посѣтителя, а новогодія „жертвы“ а обсыпаніе зерномъ имѣютъ одинаковое распространеніе у всѣхъ грузинъ¹⁾. Нужно затѣмъ отмѣтить обычай печь хлѣбъ, символически выражающій то или другое понятіе, и, наконецъ, важное значеніе очага, съ которымъ связаны благоприятныя предзнаменованія и его традиціонное почитаніе.

Праздникъ весенняго солановорота сохранился въ нѣкоторыхъ частяхъ Грузіи²⁾.

Въ субботу, за недѣлю до масляницы, въ Имеретіи празднуютъ *бослобу* или праздникъ буйлятниковъ (погонщиковъ буйволовъ). За нѣсколько дней до этого праздника прекращаются работы. Кого же застанетъ эта недѣля на работѣ вдали отъ дома, тотъ можетъ ее продолжать. Въ эту же недѣлю никто не долженъ плестъ веревокъ, чтобы телята не рождались уродами, не починаютъ сапогъ, чтобы телята не ослѣпли. Земледѣльцы не чешутъ волосъ, чтобы сѣмена не сгнили въ поляхъ. Завѣдующій скотомъ наканунѣ праздника постится цѣлый день. Съ наступленіемъ сумерокъ, старшій въ семьѣ, взваливши на себя дѣтей отъ 4 до 9 лѣтнаго возраста, идетъ въ буйлятникъ. „Да дастъ вамъ Господь силу,—говоритъ хозяинъ быкамъ и лошадямъ, коровамъ и кобылицамъ, показывая яйцо,—и да сохранитъ васъ такими же полными, какъ это яйцо, да вознаградите хозяина рожденіемъ такихъ хорошихъ телятъ и жеребятъ, какъ это яйцо“. Обойдя весь скотъ, онъ тихо произноситъ слѣд. молитву: „О, Боже, Творецъ всѣхъ животныхъ, хранитель всѣхъ существъ и веществъ; установитель всѣхъ праздниковъ въ нашемъ краѣ, какъ и въ другихъ! Ты благословилъ насъ встрѣтить этотъ радостный праздникъ, съ этими нашими тружениками, посредствомъ которыхъ мы кормимъ себя, женъ и дѣтей; ниспошли

¹⁾ *Меквеле* (завѣтный гость) отвѣчаетъ сербскому *полажайнику*, обсыпаніе зерномъ такому обряду славянскому и ново-греческому. Свинная голова—принадлежность Васильева вечера и Рождественскихъ святокъ у русскихъ, болгаръ, сербовъ, румынъ, въ Сициліи и Англій, Германіи и Скандинавскихъ земляхъ. См. Grimm., Deutsche Mythologie, 4 ausg. 41—2, 176—8; 1036. *Аванасевъ*. Поэтич. возр. I, 778—81. Ср. *Веселовскій* op. cit. стр. 108, примѣч.

²⁾ *Дубровинъ*. Исторія войны на Кавказѣ, т. I, кн. II, 234—6.

благоденствіе на земледѣльцевъ дома сего, на рогатыхъ скотовъ, быковъ, лошадей, коровъ и телятъ и благослови, чтобы были здоровы и имѣли у себя пищу, припасы, чтобы во славу Твою, Творецъ, исполнилась воля Твоя размноженіемъ ихъ; да пошли благословеніе Свое на земледѣліе и растительность, сохрани насъ отъ болѣзней, научи, какъ Тебя любить!“ Возблагодаривъ Господа бокаломъ вина и оставивъ яйцо въ темномъ углу хлѣва, хозяинъ съ дѣтьми возвращаются въ саклю. Онъ стучится въ запертую дверь и заявляетъ вопрошающей изнутри женщинѣ, что идетъ добрый человѣкъ, а не злой духъ, отъ дѣтей — коровъ, телятъ и лошадей. Двери отворяютъ и за порогомъ хозяинъ бросаетъ ему въ лицо жидко-растворенныя отруби.

Въ то время какъ жители нижней Рачи въ Имеретіи оканчиваютъ празднованіе *бослобы*, у жителей верхней Рачи начинается *гочись-хуцанати* — четвергъ поросать. Праздникъ этотъ наступаетъ за недѣлю до наступленія масляницы. Къ нему готовятъ строгимъ постомъ. Съ разсвѣтомъ желаннаго четверга, хозяинъ семейства идетъ въ церковь и по окончаніи литургіи возвращается съ зажженной свѣчей. Получивъ отчетъ отъ пастуха о числѣ скота, онъ передаетъ свѣчу старшему по немъ члену семьи, который идетъ поздравлять скотъ въ хлѣвъ. Садясь за столъ, обильный яствами, хозяинъ читаетъ молитву: „Мы благодаримъ Бога, что дождались желаннаго дня, который намъ предвѣщаетъ начало весны, а съ нею и благословеніе Божіе на все въ міръ плодящееся, растущееся, — весны, въ которую мы должны забыть тьму и отдыхъ зимній и новыми трудами прославить Творца вселенной за его къ намъ милость посылаемую. Въ продолженіе весны и лѣта все переродится, будемъ питаться зеленою сочною и вкусною, а изъ посѣянной пшеницы соберемъ другую ниву“.

Въ связи съ святочною обрядностью стоитъ масляничная ¹⁾. Интересъ изученія грузинской масляницы заключается въ участіи странствующихъ пѣвцовъ — музыкантовъ, вооруженныхъ инструментомъ, похожимъ на волынку и за нѣсколько грошей поющихъ передъ домомъ хвалебную пѣсню его хозяину. По улицамъ ходитъ мальчикъ, наряженный старикомъ и называемый *берика*: онъ пляшетъ и кривляется передъ каждымъ проходящимъ и неотступно выпрашиваетъ денегъ. Этотъ же самый *берика* носить иногда названіе *дато* (медвѣдь), когда принимается къ хороводы женщинъ. Неотъемлемую принадлежность масляницы составляетъ игра въ мячъ и въ чаличи (жгутъ): нѣсколько

¹⁾ См. *Квали* (груз. еженедѣльн. журналъ), 1893, № 5 *Берикоба*.

человѣкъ въ чертѣ круга получаютъ ловкіе удары жгутомъ отъ находящихся внѣ круга, пока кого-нибудь изъ бьющихъ не задѣнутъ ногою въ чертѣ; тогда противная партія становится въ кругъ.

Въ деревняхъ въ первый день масляницы молодые грузины паряжаются и ходятъ по улицамъ съ пляскою и пѣніемъ. Партія ряженныхъ состоитъ изъ *берикееби* и *гори* — свиньи, т. е. человѣка, наряженного свиньей. Последній прикрытъ спереди и сзади свиньими шкурами, спитыми въ видѣ чехла, на голову надѣта свинья голова съ огромными зубами. Прийдя въ домъ, толпа ряженныхъ начинаетъ пляску: *гори* бѣгаетъ вокругъ нихъ и колеть ихъ своими клыками, тѣ бьютъ его деревянными саблями, пока онъ не притворится убитымъ. *Берикееби* беззапретно пьютъ хозяйское вино, имъ выносятъ въ подарокъ яйца, при этомъ выщипываютъ изъ бороды берика волосъ и кладутъ въ курятникъ, чтобы куры въ предстоящій годъ лучше неслись. (чехи у масляничнаго медвѣдя вытягивать соломенки для гусей). Въ прежнее время въ прощальный вечеръ воскресенья на масляной слуги приходили къ своимъ господамъ съ палахою: палка съ веревкою, слабо натянутою отъ одного конца къ другому. Палка эта надѣвалась на босую ногу осужденнаго къ наказанію по пятамъ. Въ этотъ вечеръ господа обязывались полнымъ повиновеніемъ своимъ слугамъ и чтобы отдѣлаться отъ наказанія палахою, должны были щедро отдаривать ¹⁾.

Въ чистой понедѣльникъ у грузинъ бываетъ *кеенаба*, праздникъ установленный въ память побѣды грузинъ надъ персіанами, будто бы при царѣ Теймуразѣ. Въ г. Гори обыкновенно въ этотъ день жители раздѣляются на двѣ партіи, во главѣ которыхъ стоялъ царь и *кеенъ* (шахъ). На нихъ надѣваютъ колпакъ, сдѣланный изъ бурки, шубу наизнанку, лицо пачкаютъ сажей, а въ руки даютъ мечъ, конецъ котораго украшенъ яблокомъ. Они сидятъ на ослахъ и объѣзжаютъ городъ, собирая подати — въ видѣ остатковъ говядины, печеній (када), вина и пр. Имъ оказываютъ почтеніе, а провинившихся мажутъ сажей. Къ обѣду партіи сталкиваются и побѣжденный *шахъ* бросается въ воду, а вечеромъ начинается кулачный бой ²⁾. Въ старину толпа народа, нарядившись въ шутовскія платья, верхами во главѣ всадника на ослѣ, изображавшаго шаха въ вывороченной овечьей шубѣ съ вымазаннымъ сажей лицомъ, направлялась къ царскому дворцу съ цеховыми знач-

¹⁾ Повиновеніе господъ слугамъ, какъ и избраніе потѣшнаго царя, лицо котораго пачкаютъ сажею — восходитъ къ обычаямъ сатурналіи, перешедшихъ позднѣе въ святочные.

²⁾ *Кавказъ*, 1889, № 49, *Кеенаба*.

ками и зурной, оглашая криками *кеенс салами* (подайте за зрѣлице кеена). Цари щедро награждали и шествіе направлялось къ домамъ знатныхъ лицъ.

Другіе весенніе праздники соединились съ Пасхой, Оминой недѣлей, днемъ св. Георгія. Въ февралѣ мѣсяцѣ соблюдается обычай закликать весну пѣснями: „наступилъ февраль, вода всочилась въ дерево, птицы и пташечки заложили гнѣздышко“. Недовѣріе первымъ весеннимъ днямъ выражается въ пѣснѣ: „февраль дуетъ, мартъ шубу дуетъ, еслибы одинъ день жизни оставался марту и тогда нельзя ему вѣрить“. Въ среду на Страстной недѣлѣ до сихъ поръ господствуетъ обычай, соотвѣтствующій такому у русскихъ въ день Благовѣщенія: разводять предъ домами огонь ¹⁾ и перепрыгиваютъ черезъ него, съ словами „аули кудіанебса“, т. е. „пламя колдунамъ“, приурочивая къ нему начало весны. Въ первый день Пасхи по народному повѣрію солнышко играетъ съ овечкой (у русскихъ *солнышко играетъ*). Русской пѣснѣ—„солнышко, ведрышко, выгляни въ окошечко!“—соотвѣтствуетъ грузинская пѣсня, нынѣ распѣваемая дѣтьми во время дождливой погоды: „Солнышко, солнышко взойди, зарѣжу я тебѣ барана, жарю, посолю и поставлю тебѣ на блюдѣ“. Едва ли случайна связь между повѣріемъ объ игрѣ солнца съ овечкой въ день Пасхи и упоминаніемъ барана въ приведенной пѣснѣ.

Въ субботу наканунѣ Пасхи обходитъ группа пѣвцовъ всѣ дома въ деревнѣ съ пѣніемъ пѣсни, именуемой *чона*, и собираютъ яйца, при этомъ пѣсня поется слѣдующаго содержанія: „Алата балата (?) свѣшу корзину, жена, вложи одно яйцо, Богъ да дастъ вамъ достатокъ. Господи, награди этотъ домъ своей милостью, миромъ и долгоденствіемъ! Два яйца, два евангелія да и благословятъ его“ ²⁾. На второй день Омичной недѣли, на второй день Пасхи и въ великую пятницу выходятъ съ красными яйцами на могилы покойниковъ, привѣтствуютъ ихъ съ великимъ праздникомъ и служатъ панихиды. Послѣдній обрядъ, вѣроятно, присоединился впоследствии къ древнему языческому обычаю поздравлять тѣни умершихъ съ наступленіемъ весны.

¹⁾ Воспрещеніе этого обычая см. въ постановленіяхъ VI вселен. собора, переведеннаго съ греческаго Евиміемъ при царѣ Вагратѣ (980—1008). § 53 этихъ постановленій, гласитъ: противоборствуютъ законамъ тѣ, которые слѣдуютъ чародѣямъ, кудесникамъ, каландѣ, заговорамъ, бросанію ячменя, предсказаніямъ по лопатѣ и внутренностямъ, зажигаютъ костры для перепрыгиванія. Исторія Грузіи *Вакуити*, стр. 143, прим.

²⁾ Этотъ обычай извѣстенъ и среди грузинъ-мусульманъ Батумской обл. *Иверія* 1894, № 7.

На Оминой недѣлѣ въ Имеретіи извѣстна игра въ мячъ, въ Карталинѣ 23 января въ день св. Георгія, покровителя пастуховъ и земледѣльцевъ ¹⁾, впервые выгоняется скотина въ поле, народъ радостно проводитъ этотъ праздникъ въ оградѣ церкви этого высшаго патрона грузинъ, сопровождая обильное угощеніе хороводными пѣснями *перхули*. (отъ слова *перхи-нехи*—пога) Круглая форма хороводовъ и ихъ кругообразное движеніе—символь солнечнаго движенія,—показываютъ, что они обязаны своимъ происхожденіемъ празднованію въ честь солнца и первоначально имѣли религіозный характеръ. Припѣвки въ хороводныхъ пѣсняхъ *Дела, дели*, можетъ быть, (ср. съ русскими *Дидь-ладо, лель, люли*) находится въ связи съ грузинскимъ словомъ „дила“ (утро) и представлять прославленіе первыхъ лучей солнца, его появленіе. Связь же хороводныхъ пѣсней съ пробужденіемъ природы послѣ зимнихъ оковъ устанавливается по сохранившимся въ нихъ слѣдамъ:

Сегодня ²⁾ ласточка спустилась.
Къ намъ щебеча: „весна весна!“
И вновь надежда возродилась
И чувствомъ вновь души полна.
Природа все въ уборѣ новомъ
Блестаетъ подъ весны покровомъ,
И сердце полно мечтанья
Забыло прошлыя страданья
Дѣла—дѣла, дѣли—одѣла!
Дѣла—дѣла, дѣли—одѣла!

Къ обрядовымъ пѣснямъ должны быть отнесены *тѣсни свадебныя*. Въмѣсто прыганія жениха и невѣсты у русскихъ въ свадебныхъ обрядахъ, грузинамъ извѣстно хожденіе новобрачныхъ вокругъ очага, чѣмъ символически выражается къ приобщенію новаго члена къ домашнему культу. Пѣсня, которая поется свитой молодыхъ, выражаетъ радостное чувство и прославленіе жениха и невѣсты („царя“ и „царицы“). „Идемъ и радуемся: веземъ краснаго фазана“—говорится въ пѣснѣ. Быть можетъ фазанъ приносился въ жертву богамъ, какъ пѣтухъ, посвященный Перуну и домашнему очагу, является принадлежностью свадьбы у славянъ ³⁾.

¹⁾ См. мой Грузинскій изводъ о св. Георгіи, М. 1892.

²⁾ См. Этнографическій концертъ въ Москвѣ 11 марта 1893 г. Грузинская пѣсня съ переводомъ, стр. 20—29.

³⁾ *Афанасьевъ*, Поэтич. возвращеніе славянъ, т. I, стр. 467.

Эта пѣсня у грузинъ месховъ ¹⁾ поется немного пространнѣе:

Идемъ и радуемся—ведемъ красную бабочку
Счастлива мать жениха—роза засияетъ предъ каминомъ

Провожая жениха и невѣсту „макари“ ²⁾ (свита) поетъ:

Увы матери невѣсты! крысы заскребуть предъ каминомъ.
Царь (женихъ), вѣнецъ твой да озарится крестомъ Всевышняго!
Сладость да ждетъ тебя въ жизни съ твоей повобрачной!
Она даруетъ тебѣ семь сыновей и трехъ солнцеподобныхъ дочерей —
Макарами опять мы будемъ, если твой первенецъ дочь.

Въ Хевсурстѣи читается слѣдующая молитва для благословенія новобрачныхъ! „Господи, умоляю тебя, Создателя круглаго неба, золотого трона (солнца?), вѣнцовъ и свѣчъ, умоляю І. Христа, установителя браковъ, дай имъ (молодымъ) долгую и счастливую жизнь“. Нѣкоторыя пѣсни связаны съ рожденіемъ ребенка. Убаюкивая младенца мать или няня поетъ: „спи младенецъ, спи роза-фіалка! солнце разрѣшилось отъ бремени и родило луну“. Пѣсня эта вытекаетъ изъ почитанія солнца и луны, вообще небесныхъ свѣтилъ.

Другія пѣсни приурочены къ паханію, сѣянію, къ сбору винограда. Эти пѣсни вмѣстѣ съ свадебными составляютъ отдѣлъ бытовыхъ пѣсенъ. По свадебнымъ пѣснямъ уже можно замѣтить, что бракъ заключился, да и теперь нерѣдко заключается путемъ похищенія. Побѣдная пѣсня: „идемъ и радуемся“... можетъ служить отголоскомъ удачнаго нападенія на извѣстную семью для похищенія невѣсты. Со временемъ, какъ и вездѣ, похищеніе становится не единственной формой заключенія браковъ. Являются посредники между семьями, имѣющими юношу и дѣвицу, которые и принимаютъ на себя обязанность за извѣстное вознагражденіе привести обѣ стороны къ соглашенію о бракѣ подросткаго поколѣнія. Сваты, преимущественно свахи и нынѣ играютъ важную роль въ Грузіи. Дѣвица у грузинъ также, какъ въ русскихъ пѣняхъ, становится товаромъ, а юноша женихомъ. Дѣвушку *выдаютъ* замужъ, „не смотря на ея слезы и причитанія“. Народъ, впрочемъ, бракъ считаетъ дѣломъ судьбы, прибавляя при этомъ, что „первый бракъ—дѣйствительно судьба, второй—слухъ, третій—катаніе на ослѣ, четвертый уже гонимъ“. Какъ тяжело женщинѣ въ чужой семьѣ видно изъ слѣдующихъ пѣсенъ.

„Умоляетъ дѣвушка зрѣлая:
Не выдавай меня замужъ, маменька!“

¹⁾ *Мой очеркъ* „Месхи“. Этногр Обзор. кн. X, стр. 20.

²⁾ *Макари*—арабское слово; происходитъ отъ qerî—угощать, отсюда moqarî—угощающій и названъ такъ, потому что свита жениха угощаетъ присутствующихъ на свадьбѣ.

„Молодая должна быть стройна, какъ тополь, лелѣять свекровь, почитать свекра какъ Бога, къ золовкѣ и деверю быть внимательной и всемъ услужливой“. Вражда между невѣсткой и свекровью отразилась въ пѣснѣ чрезвычайно характерно; невѣстка жалуется: „не ѣмъ—говоришь, что я голодна, ѣмъ—называешь меня грифомъ, тихо хожу—зовешь дѣннвой, тороплюсь—ругаешь каджи (чертовка), сижу—зовешь калѣвкой, стану—обзываешь шестомъ. Что мнѣ дѣлать?!—Какъ угадать злой свекрови своей“ ¹⁾? Какія мысли лелѣютъ дѣвочки, не вышедшія еще замужъ, хорошо обрисовывается въ одной пѣснѣ:

Я бы желала во что-нибудь превратиться—
Превратиться именно въ соловья,
Знать его прекрасный языкъ
И воспѣвать цвѣты садовъ.

Это возвышенное настроеніе женщины въ крестьянской семьѣ не находитъ достойной себѣ обстановки. Женщина обращается не въ поэтессу, а въ работницу.

Когда лезгины взяли меня въ плѣнъ—было начало мая,
Перешли мы девять высокихъ горъ, горъ Кавказскихъ,
Взглянулъ я на равнину, покрытую мглой,
Три дѣвицы косили сѣно,
Въ рукахъ держали серпы съ алмазнымъ лезвіемъ,
Мраморными точилами наостряли серпы,
Всѣ три пѣли, какъ ангелы небесные,
Я изумился, увидавъ женщинъ за работой.

II. Героическія пѣсни.

Героическія пѣсни въ Грузіи дробятся на двѣ группы: къ первой группѣ относятся тѣ пѣсни, въ которыхъ воспѣвается поколѣніе великановъ, предшествовавшее поколѣнію людей, ко второй группѣ относятся пѣсни, сюжеты которыхъ являются заимствованными у другихъ народовъ, преимущественно у персовъ. Первая группа пѣсенъ можетъ быть сосредоточена вокругъ Амираана, вторая вокругъ Ростома. Объ Амиранѣ извѣстны три полныя версіи, а отдѣльные же моменты изъ его дѣяній сохранились во многихъ мѣстахъ Грузіи. Въ полномъ

¹⁾ Ів. стр. 38. См. также *Иверію* 1889, 275. Ср. русскую пѣсню: „Ступишь ли ногой? поглядятъ всѣ за тобой. Махнешь ли рукой? засмѣются надъ тобой. Молвишь ли словечко? передразнивать начнутъ. Сидешь ли за столъ? всѣ куски во рту сочтутъ... *Сахаровъ*. Сказки т. I, кн. II, стр. 149, № 161.

видѣ отъ начала до конца ни одна версія не сохранилась въ формѣ пѣсни, мѣрной рѣчи: во всѣхъ трехъ версіяхъ преобладаетъ прозаическій рассказъ надъ рифмованнымъ.

Начнемъ изложеніе героическихъ пѣсней *объ Амيرانѣ* съ пшавской версіи.

Амиранъ,¹⁾ младшій сынъ Сулкалмаха и Дарэджаны, имѣлъ двухъ братьевъ: Бадри и Усипа. Амиранъ родился въ преклонные годы родителей. Мать больше всего любила меньшаго своего сына Амيرانа, почему его и прозвали Дарэджанисдзэ (Дареджановичъ). Кумомъ Амيرانа былъ Исусъ Христосъ, который, крестному своему сыну даровалъ быстроту съ горы скатившаго бревна, тягу горнаго снѣжнаго обвала, силу 12 паръ быковъ и буйволовъ и походку волка, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлили ему бѣдноту въ дѣтствѣ и бранную жизнь въ возмужалости.

Вскорѣ по своемъ крещеніи, Амиранъ лишился отца. Дѣвы напали на сиротъ и опустошили все ихъ достояніе. Переугнанные братья укрылись въ Чабалхэты (?). Мать ихъ Дарэджана²⁾ тоже не вынесла горя и скончалась.

Между тѣмъ Амиранъ возростъ, возмужалъ. Отъ давленія неимоверной силы героя подъ нимъ земля содрагалась³⁾. Герой и ѣду имѣлъ

¹⁾ Изъ *Иверіи* въ газ. „Кавказъ“, 1893, № 244 записана *О. Разикашвили въ Пшавіи*.

²⁾ Отъ этого сложнаго имени (Дарэ-Джана) произошли фамиліи: Дарэджанашвили (въ Закавказскомъ округѣ), Даруджанашвили и Авсаджанашвили (въ Херсургетіи), Оваро-Джанашвили и Джанашвили (въ Имеретіи и Кахетіи); вѣстный историкъ Гюрги Джанадзе иначе назывался также Джанашвили (Исторія Грузіи *Теймураза*, стр. 284).

³⁾ Ср. съ Святогоромъ, погрязшимъ въ землѣ, подобно Амيرانу за похвальбу перевернуть всю землю.—Осетинскаго Мукара, называемый *княземъ скалы*, проф. Миллеръ сопоставлялъ съ Святогоромъ, находящимся въ связи съ *горами*. (Миллеръ, „Кавказско-русскія параллели“ въ *Этногр. Об.* кн. X.

Въ русской литературѣ въ послѣднее время изслѣдователи эпоса стали обращать вниманіе на параллели между нѣкоторыми типами и сюжетами кавказскихъ нартскихъ сказаній и русскихъ былии. Акад. Веселовскій, проф. Миллеръ, Халанскій, Потанинъ и др. выдвинули значеніе Кавказа, какъ посредника въ передачѣ восточныхъ мотивовъ русской и западно-европейской литературы. Г. Халанскій въ своемъ изслѣдованіи „Великорусскія былины Киевскаго цикла“ попытался даже обосновать нѣкоторыми историческими соображеніями сущіи черты родства кавказско-русскихъ сказаній. Сношенія Руси съ Кавказомъ были настолько живы и постоянны, что они должны были отразиться на народ-

необыкновенную: во время обѣда съѣдалъ двухъ буйволовъ, а во время ужина не довольствовался и тремя (ср. Идолице — поганище русской былины). Его братъ, Бадри былъ похожъ на красивую дѣвушку, Усипъ—на хрустальную башню, а самъ Амиранъ—на черныя тучи, наполненныя парами ливня. Одинъ изъ зубовъ Амيرانа былъ золотой.

Братья однажды пошли на охоту. Перешедши черезъ девять горъ, они увидѣли десятую гору Алгети. Тутъ стали охотиться. Скоро оказался громадный олень съ гигантскими вѣтвистыми рогами. Амиранъ пустил въ него стрѣлу и ранилъ. Олень убѣжалъ. Братья погнались за нимъ и вышли на одно мѣсто, гдѣ стояла хрустальная, отовсюду замкнутая, башня. Братья обошли ее, чтобы найти входъ, но нигдѣ не было слѣдовъ дверей. Тогда Амиранъ ударилъ ногой объ стѣпу и, чрезъ образовавшуюся брешь, вошли во внутрь. Тамъ увидѣли усопшаго Цамцума, тутъ стоялъ его конь, по правую сторону нашли пашку, по лѣвую — копье, достигающее до небесъ; въ одномъ углу башни—груды золота и серебра; возлѣ усопшаго сидѣла мать его, а у головы жена, проливаемая слезы которой достигали до моря; онъ держалъ въ рукѣ письмо, изъ котораго вычитали: „я внукъ Усипа. Пока былъ живъ, побилъ всѣхъ своихъ враговъ, за исключе-

номъ творчествѣ какъ замѣтны слѣды ихъ вліянія въ языкѣ, бытѣ, общемъ складѣ русской народности. Позднѣе казачество запорожское и донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Русь. Лоці сошпунес русскихъ былииъ — *шежи шемажинскіе, сьдла черкескія, черкеси ятиторскіе* объясняются именно живыми сношеніями съ Кавказомъ. Благодаря этимъ связямъ, въ русской литературѣ появляется сказаніе „Слово и дивна повѣсть о дѣвицѣ иверскаго царя дщери Динарѣ-царицѣ“ — о войнѣ царицы Тамары съ персами. Матеріалы, до сихъ поръ изданные по эпическимъ кавказскимъ сказаніямъ, позволяютъ установить фактъ, что богатырскія сказанія сѣверо-кавказскихъ народностей представляютъ собою одинъ эпическій циклъ, который можно назвать сѣверо-кавказскимъ и который нѣкогда сложился въ степяхъ сѣверо-западнаго Кавказа, а впоследствии зашелъ въ горы, гдѣ главнымъ образомъ и сохранился. Наибольшее число нартскихъ сказаній сохранились у кабардинцевъ и осетинъ. Въ Кабардѣ нартскія сказанія пѣлись бродячими пѣвцами, называвшимися гегуако, которые разъѣзжали по всей Кабардѣ исключительно съ цѣлью присутствовать на народныхъ собраніяхъ, увеселеніяхъ, погребальныхъ и иныхъ процессіяхъ, гдѣ и пѣли свои пѣсни о минувшихъ временахъ. Но съ распространеніемъ ислама гегуако впадаютъ въ немилость у муллъ, какъ ихъ соперники по вліянію на народъ, и съ теченіемъ времени исчезаютъ. Особенно сильное вліяніе на осетинскій эпосъ оказали франскіе сюжеты — Рустемъ, Бежанъ, также Дареджаны, перешедшіе къ осетинамъ съ юга, отъ грузинъ. (Подробности по этому вопросу см. у Миллера — Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892.)

нiемъ одного — неуклюжаго дэви. Кто убьетъ его, тому завѣщаю свою пику, кто объ этомъ мнѣ сообщитъ, тому мою шпагу, кто похоронитъ моихъ родителей, тому все мои деньги, кто выдастъ замужъ моихъ сестеръ, тому все мое золото и серебро, кто похоронитъ меня, тому жену и коня“.

Братья-герои похоронили Цамцума, все имъ завѣщанное забрали и, вышедъ изъ башни и опять замкнувъ ее, отправились искать „неуклюжаго дэви“. Пройдя немного, они встрѣтили этого дэви.

— Куда ты идешь, дэви, спросилъ Амиранъ.

— Иду пожрать Цамцума, внука Усипа, отвѣтилъ дэви.

— Кто-же позволить тебѣ его сожрать, спросилъ Амиранъ.

— Какъ кто? А кто-же можетъ воспрепятствовать мнѣ, вопросительно отвѣтствовалъ неуклюжій.

Дэви только что произнесъ эти слова, какъ Амиранъ набросился на него. Закипѣла битва гигантовъ. Подъ ногами ихъ вся твердь дрожала, тряслась. Слышанъ былъ подземной гуль. Наконецъ, Амиранъ одолѣлъ противника. Могучими своими руками схвативъ и поднявъ вверхъ неуклюжаго дэви, Амиранъ изо-всѣхъ силъ размахнулся и ударилъ его объ землю. Отъ этого удара у дэви разбилось плечо; онъ сталъ ревѣть и просить: „Не убивай меня Амиранъ! За моремъ есть дѣвица, называемая Камари; для мытья ея платья необходимо имѣть семь кусковъ мыла и семнадцать кока (ведро) воды, а для сушенiя ея платья семь солнечныхъ дней. Дорога туда легкая, но оттуда опасна, полная приключенiй. Въ проводники я дамъ тебѣ своего курьера“. Амиранъ умиловился было, но братья посовѣтывали не шадить его. Амиранъ принялъ совѣтъ братьевъ и отрубилъ у дэви двѣ головы и когда собирался отрѣзать и третью — послѣднюю, то дэви опять взмолился: „Итакъ, ты убиваешь меня, но вотъ послѣдняя моя просьба: изъ моихъ головъ выйдутъ три червя и ты ихъ пощади“. Когда Амиранъ отрубилъ и послѣднюю голову, то дѣйствительно изъ головы дэви выползло три червя — бѣлый, красный и черный. Братья просили Амирапа погубить и ихъ, но онъ не послушался и отпустилъ червей, а самъ съ братьями и съ проводникомъ дэви отправился далѣе искать заморскую красавицу.

Ходили много и, наконецъ, вышли на одно пустынное поле. Оглянулся Амиранъ и видитъ, что тѣ три червя, которымъ онъ далъ свободу, превратились въ драконовъ, идутъ по полю и распѣваютъ пѣсню. Амиранъ бросился на нихъ и мгновенно убилъ бѣлаго и краснаго, но черный одолѣлъ его, проглотилъ живаго и поползъ далѣе, быстро. Тѣмъ временемъ братья Амирапа, которые при видѣ драконовъ убѣ-

жали на гору, успѣли спуститься и пошли въ догонку чернаго дракона. Усипъ пустилъ стрѣлу и угодилъ въ хвостъ. Хвостъ отпалъ, но драконъ продолжалъ путь. Амиранъ, заключенный въ животъ дракона, грызъ и царапалъ сердце и внутренности его. Драконъ, ноя отъ страшныхъ спазмъ и болей, поспѣшилъ къ столбу, на которомъ, взвизгивая, обыкновенно онъ умерщвлялъ своихъ жертвъ. Но по совету Усипа, Бадри сталъ кричать своимъ сильнымъ и порывистымъ голосомъ, напоминая Амирану достать изъ кармана ножъ, распоротъ животъ дракона и выйти вонъ. Голосъ его былъ услышанъ, совѣтъ принятъ. Амиранъ вылезъ изъ чрева дракона живъ и здоровъ, но потерялъ бороду и усы.

Усипъ, увидя, что Амиранъ преобразился, началъ насмѣхаться надъ нимъ. Амиранъ разгнѣвался на брата, но Бадри успокоилъ его, говоря: „не сердись, братъ! ты хорошо знаешь, что за человекъ Усипъ. Что ты волосы потерялъ—это не бѣда. Пойдемъ къ господину Игри, и онъ тебѣ сдѣлаетъ какіе хочешь волосы“. Пошли—Игри сдѣлалъ Амирану волосы.

Отсюда опять пошли далѣе искать Камари. Искали долго, перенесли много горя и липенiй, но до Камари все-жъ не достигли. Продолжая путь, они наткнулись на домъ девяти дѣвовъ, Амиранъ ворвался въ домъ къ дѣвамъ и сталъ рѣзать ихъ. Уничтожилъ всѣхъ. Кровь дѣвовъ наполнила весь домъ. Амиранъ ударилъ ногой объ стѣну дома, стѣна рухнула и кровь потекла ручьемъ.

Затѣмъ Амиранъ сказалъ братьямъ: „братья помогите мнѣ достать Камари; вы ждите меня по ту сторону моря, я же переплыву море и перевезу ее, солнце-образную“. Братья согласились. Амиранъ сѣлъ на бѣлаго коня, переплылъ море и подѣхалъ къ башнѣ Камари. Она въ это время мыла посуду. Амиранъ спрашиваетъ ее: „Камари, сойди съ башни и поѣзжай со мной!“ Она же отвѣчаетъ: „взойди ты самъ сюда, немножко отдохни, а я тѣмъ временемъ уберу посуду“.

Амиранъ привязываетъ коня къ дереву и поднимается на башню.

Камари вымыла посуду и Амирану сказала уложить ее на полки. При укладкѣ посуды, Амиранъ разбилъ одну чашку, ту именно, которая его не слушалась и не хотѣла стоять на своемъ мѣстѣ. Съ разбитiемъ чашки, раздался оглушительный звонъ всей посуды, которая сразу зашевелилась, тронулась и полетѣла къ небу, къ отцу Камари и стала кричать: „Помогите, Камари похитили!“.

Камари, предвидя печальный исходъ предпрiятiя Амирапа, посовѣтывала ему торопиться въ путь. Амиранъ сѣлъ на коня, посадилъ къ себѣ и Камари и поскакалъ во всю прыть. Но скоро ясное

и безоблачное небо понахмурилось. Подулъ вихрь и пошелъ дождь ливнемъ. Тогда Камари сказала Амирану: „Торопи коня; этотъ вихрь—воинство отца моего, а ливень—слезы матери моей“; затѣмъ она пропѣла:

„Амиранъ, скорѣй, скорѣй!
Хвалить быстроту твоихъ ногъ!
Амры, Умры (?) и арабы
Быстро сядутъ на коней,
Быстро-жь догонять тебя
И завяжутъ съ тобой горячій бой“.

Амиранъ ей отвѣчаетъ: „я не фазанъ, чтобы поймали меня соколы, и не заяцъ, чтобы поймали гончими. Придутъ, и я здѣсь. Одинъ пойду на отца твоего“.

Амиранъ, переплывъ море, благополучно прибылъ къ братьямъ. Тѣмъ временемъ и армія врага причалила къ берегу и наполнила все побережье моря. Бороться съ врагомъ сначала вышелъ Усипъ. Онъ перебилъ половину всей арміи и самъ погибъ. Затѣмъ вышелъ Бадри, перебилъ многихъ, но и самъ погибъ. Тогда Камари стала проситься выйти на бой, но Амиранъ не согласился и самъ бросился на враговъ. Рѣзня была страшная. Въ сѣчи погибли всѣ, за исключеніемъ отца Камари и Амираана. Теперь столкнулись эти гиганты. Долго они боролись. Камари издали смотрѣла на ихъ бой и, замѣтивъ, что Амиранъ слабѣетъ въ безуспѣшной борьбѣ, громкимъ голосомъ совѣтуетъ ему: „Амиранъ, ты не искусенъ въ борьбѣ: слона бьютъ не по спицѣ, но ножныя жилы подрѣзываютъ; съ подрѣзываніемъ столбовъ и дворецъ рушится“. Амиранъ ударяетъ мечами по колѣнямъ врага, и онъ падаетъ на землю. Амиранъ отрубаетъ у него голову и затѣмъ, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, направляется къ Камари. Идущаго встрѣчаетъ какая-то дѣвица и стыдитъ его словами: „еслибы ты былъ героемъ, шпагу вложилъ-бы въ ножны и пошелъ искать погибшихъ братьевъ своихъ“. Амиранъ влагаетъ шпагу въ ножны и идетъ искать братьевъ. Послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ находятъ остывшіе трупы, переносятъ ихъ въ одно мѣсто, садится самъ тутъ же и горько оплакиваетъ погибшихъ братьевъ. Горе по братьямъ еще болѣе усугубляется, когда Амирану ясно представляется его безпомощное положеніе послѣ потери братьевъ. Онъ рѣшается покончить съ собою. Вотъ послѣднія слова героя: „девять братьевъ Мхаргрдзе“

лѣй ¹⁾ Алгетскую рощу затоптали, Амиранъ-же оставшись безъ братьевъ, безъ дядей, убилъ себя“.

Прибѣжавшей Камари только оставалось проливать горячія слезы надъ героемъ и его братьями.

Долго она, безпомощная, плакала и не знала, что предпринять, на что рѣшиться. Вдругъ изъ норы выскочилъ мышенокъ и сталъ лизать кровь Амираана. Камари разгнѣвалась и ударомъ своего башмака размозжила голову мышенку. Мать этого мышенка не замедлила выскочить изъ норы. Она начала упрекать Камари: „что ты это сдѣлала? Изъ-за тебя погибли твой отецъ, твой мужъ, твои деверы и столько войска, ты еще убиваешь мое дитя? Или ты думаешь, что и я не люблю свою дочь! Горе тебѣ, что-же касается до меня, то я выльчу своего дѣтеныша“! Сказавъ сіе,мышь сорвала какую-то траву, приложила къ ранѣ мышенка и послѣдній ожилъ... Камари обрадовалась: тою-же травой она исцѣлила Амираана и его братьевъ. Встали и пошли домой.

Послѣ этого прошло много времени. Амиранъ всюду побивалъ дѣвовъ, драконовъ и уничтожалъ ихъ старинные зародыши. Постоянныя побѣды убѣдили Амираана, что равнаго ему въ силѣ ужъ нѣтъ никого.

Однажды Амиранъ шелъ себѣ по дорогѣ и встрѣтилъ печальное шествіе: на арбѣ вели хоронить умершаго его заклятаго врага Амбріа. Въ арбу хотя запряжено было 12 паръ быковъ и буйволовъ, но и эта сила едва двигала останки героя. Трупъ усопшаго не умѣщался на арбѣ и одно колѣно Амбріа волочилось по землѣ. Мать умершаго, шедшая возлѣ арбы, запримѣтивъ и узнавъ Амираана, попросила его: „Амиранъ Дарѣджанисдзе, будь добръ, подними ногу Амбріа и положи на арбу“. Амиранъ сталъ поднимать, но не поднялъ: колѣно было тяжело и у Амираана силъ не хватило. Вида это, мать Амбріа поетъ:

„Несчастлива та страна,
Гдѣ ты амиранствовалъ,
На голову каску надѣвалъ,
На тѣло латы укрывалъ.
Богъ свидѣтель, ты не равнялся

¹⁾ Мхаргрдзели историческая грузинская фамилія сподвижниковъ Тамары. При Тамарѣ Мхаргрдзели-Саргисъ и Захарія были полководцами. Мхаргрдзели значить „долгорукій“. (См. Additions et éclaircissements. Brosse, стр. 266—288 и 358—367.

Съ Амбіемъ ни въ їдѣ, ни въ питіи,
 Ни въ борьбѣ. Какъ-же ты могъ
 Сравниться съ живымъ, когда онъ
 Мертвецъ побѣдилъ тебя!
 Какъ-же враждовалъ съ нимъ,
 Когда его ногу не можешь поднять?⁴

Амиранъ страшно опечалился.

Онъ, удрученный печалью, заперся въ одну темную комнату и предался горю. Но Богъ пришелъ къ нему на помощь. Онъ прибавилъ ему силу трехъ разбушевавшихся водъ и трехъ горныхъ снѣжныхъ обваловъ. Амиранъ обрадовался и вышелъ дѣйствовать. Теперь ужъ никто не могъ съ нимъ состязаться. Амиранъ возгордился и такъ какъ равнаго ему по силѣ никого не было, то онъ пожелалъ испытать свою силу въ борьбѣ съ своимъ кумомъ, т. е. съ Иисусомъ Христомъ.

Однажды Амиранъ встрѣтилъ Господа и сказалъ ему: „кумъ, ты мнѣ далъ столько силы, что никто со мной не можетъ состязаться. Будь, что будетъ, ужъ ты самъ выходи со мною бороться“. Христосъ отвѣтилъ: „Амиранъ, ты человѣкъ философъ, какъ-же не знаешь и того, что съ кумомъ тебѣ не подобаетъ бороться? Но Амиранъ все-же не отставалъ и требовалъ состязаться съ нимъ. Христосъ, вонзивъ палку въ землю, сказалъ Амирану: „если ее достанешь изъ земли, то побѣда твоя“. Амиранъ потянулъ палку и вытащилъ легко. Христосъ вторично вонзилъ палку. Амиранъ опять досталъ и замѣтилъ Христу: „шутить что-ли со мной? или борись, или отстань!“

Христосъ въ третій разъ вонзилъ палку и повелѣлъ ей пустить корни, обнимающіе всю вселенную, пустить стволъ, достигающій до небесъ, и затѣмъ приказалъ Амирану вытащить палку.

Амиранъ не только не вытащилъ, но шевельнуть ее не сумѣлъ.

Тогда Христосъ проклялъ Амирава и привязалъ къ тому-же дереву, которое выросло изъ палки. Надъ привязаннымъ Амираномъ Господь придвинулъ снѣжно-ледовитыя вершины Мкинвари (гора Казбекъ) и Гергеты, чтобы навсегда лишить его возможности видѣть небо и землю, свѣтъ и радость. Съ тѣхъ поръ Амиранъ томится тамъ. Богъ опредѣлилъ ему на пропитаніе порцію хлѣба и чашку вина въ день. Эту провизію ему доставляетъ воронъ. У Амирава имѣется одинъ пестъ рожденный отъ ворона. Заржавленную цѣпь, которою привязанъ Амиранъ, этотъ пестъ неустанно лижетъ, отчего она топѣетъ, слабѣетъ. Въ это время душа Амирава наполняется надеж-

дою, что вотъ-вотъ цѣпь разорвется и онъ получитъ свободу. Но этой надеждѣ героя не суждено осуществиться, ибо въ утро страстнаго четверга всѣ грузинскіе кузнецы ударяютъ молотами по три-раза о наковальню и цѣпь доведенная до точки разорванія, отъ этихъ ударовъ опять крѣпнеть и получаетъ прежнюю прочность. Амиранъ опять ввергается въ уныніе, опять та же печальная участь томленія, лишенія свободы, и свѣта (Ср. удары кузнецовъ у армянъ для укрѣпленія, цѣпей Артавазда).

Въ недалекомъ разстояніи отъ Амирава валяется его шпага, покрытая ржавчиной. И шпага, какъ и ея хозяинъ, оплакиваетъ себя.

Гора Гергеты въ годъ одинъ разъ открываетъ Амирану двери свѣта, но онъ не радъ этому, ибо лучи свѣта еще сильнѣе возжигаютъ въ немъ боли его застывшей тоски и печали.

На горѣ Гергеты есть одинъ окаменѣлый драконъ. Онъ пришелъ сюда пожрать скованнаго Амирава, но Богъ проклялъ и его, отчего и онъ окаменѣлъ. Съ тѣхъ поръ лежитъ тамъ этотъ драконъ, неповрежденный ни силою огня, ни силою солнца, ни силою бури и ледянаго обвала. Онъ позабытъ и небомъ, и землей; ни ледъ, ни снѣгъ никогда его не покрываютъ, дождь не орошаетъ и даже зефиръ не охлаждаетъ его чела; горные туры и козы даже во время злыхъ мятежей и вихрей не заглядываютъ въ его скалистые пріюты. Вся и все бѣжитъ отъ него, сторонится избѣгаетъ его. Вокругъ и около него доносится только гласъ проклятія, запустѣнія, смерти.

Послѣдній судный день есть крайній предѣлъ томленія Амирава. Съ наступленіемъ этого дня и Амиранъ получаетъ свободу. Вотъ тайный гласъ, доносящійся изъ скалы:

„Не радуйтесь, демоны!
 Еще разъ увидите Амирава,
 Одѣтаго въ броню со шпагою въ рукѣ,
 Преслѣдующаго и разящаго васъ
 Своєю могучею рукою!“

Сванетская версія ¹⁾ о героѣ Амиранѣ. Въ одномъ дремучемъ лѣсу ²⁾, вершины деревьевъ котораго касались неба, возвышалась

¹⁾ „Иверія“ 1887 № 212 *Тависунами свани* (псевдонимъ).

²⁾ По представленію свановъ мѣстѣйской общины, Амиранъ былъ сильный человѣкъ. Когда онъ бросалъ вверхъ жернова мельничіе, то разбивалъ ими потолокъ и крышу и до паденія успѣвалъ выбѣгать наружу и ловилъ ихъ на лету. Когда онъ сдѣлался сильнымъ, дьяволы заключили съ нимъ союзъ, но затѣмъ сами нарушили его, поймавъ и привязавъ его цѣпью противъ того мѣ-

тонкая, но очень высокая гора. Недалеко от этого лѣса жилъ охотникъ. Во время охоты ему случилось близко подойти къ подошвѣ скалы, откуда ему послышался женскій голосъ. Онъ вздумалъ взобраться на скалу, но она оказалась неприступной. Возвратившись домой къ своей хромой женѣ, онъ велѣлъ приготовить къ слѣдующему дню путевую провизію, а самъ отправился къ кузнецу заказать одинъ мѣшокъ (мѣхъ-„гуда“) долота и молота. На другой день съ провизіей и мѣшкомъ этихъ орудій охотникъ вернулся къ скалѣ. Онъ сталъ вбивать долото въ скалу и, дѣлая ступени, постепенно поднимался; когда у него вышли долота, а молотки износились, онъ очутился на вершинѣ скалы ¹⁾. Здѣсь онъ чрезъ отверстіе въ родѣ дверей вошелъ въ пещеру, гдѣ лежала „Дали“ (женщина). Она поразила его своей удивительной красотой и золотистыми кудрями. Достаточно имъ было взглянуть другъ на друга, чтобы влюбиться и броситься въ объятія. Охотникъ провелъ съ нею ночь, и „Дали“, побѣжденная любовью, раздѣлила съ нимъ ложе. Оставшись и вторую ночь у нея, на третью ночь она его уговаривала вернуться домой, чтобы его жена не пришла по его слѣдамъ въ пещеру и не причинила имъ несчастія. Охотникъ успокаивалъ ее тѣмъ, что жена его хромая и дома едва ходитъ. Дѣйствительно, жена безпокоясь о мужѣ, по слѣдамъ его взобралась въ пещеру, гдѣ мужъ ее спалъ съ Дали. Она отыскала ее золотыя ножницы, отрѣзала у нея золотистыя кудри и съ ними вернулась домой. Дали, проснувшись, открыла пропажу ножницъ и кудрей. Считая себя беременной, Дали предложила охотнику разрѣзать ей утробу и вынуть ребенка. „Если будетъ мальчикъ, говорить она, назовемъ Амираномъ, а если дѣвочка, какъ хочешь. Сынъ мой будетъ героемъ; жаль, что не пришлось ему больше жить въ утробѣ, тогда бы онъ вступилъ въ со-

ста, гдѣ былъ привязанъ Амираномъ демонъ. Съ тѣхъ поръ всѣ ногти человѣскіе, которые отрѣзываются по средамъ и пятницамъ, прибавляются демону, который достаетъ такимъ образомъ и скребетъ его, всѣ же ногти, которые отрѣзываются въ остальные дни прибавляются Амирану и царапаютъ имъ демона. Въ ленджерской церкви съ наружной стороны представленъ Амиранъ, который, будучи поглощенъ нитомъ, поразилъ чудовище и вышелъ изъ живота невредимымъ. Въ такомъ барельефѣ можно видѣть отраженіе сказанія о прор. Іовѣ. Амиранъ же верховъ поражаетъ грузинскаго сказочнаго героя Бакбакъ — дэви. (Поѣздка въ Сванетію *еп. Григорія* стр. 33, 52, Поті, 1893 г.). Въ этомъ поображеніи усматривается перенесеніе на Амирана пораженіе св. Георгіемъ дракона.

¹⁾ Такой же способъ восхожденія на скалу недавно былъ примѣненъ однимъ крестьяниномъ въ Рачѣ. „*Иверія*“ 1891 г. № 216, 217.

стяжаніе даже съ Богомъ“. Она завѣщала держать ребенка три мѣсяца въ брюшной внутренности, потомъ положить въ люльку и поставить ее у источника Ямана ¹⁾; пройдетъ мимо крестный отецъ и скажетъ ему, что необходимо. Охотникъ долго отказывался, но по ея настоянію исполнилъ просьбу. Прохожіе мимо ребенка, спрашивали его, кто его родители и кто его крестилъ. Ребенокъ отвѣчалъ, что родителей не знаетъ, а крестный его отецъ — ангелъ ²⁾. На троекратный вопросъ ангелъ явился, ангела ребенокъ давалъ одинъ и тотъ же вопросъ, далъ ему имя Амиранъ и мотокъ нитокъ, который онъ велѣлъ спрятать въ чевякахъ и воспользоваться имъ при крайней нуждѣ. Благословивъ его, ангелъ объявилъ, что на землѣ не будетъ никого сильнѣе его.

Разъ къ источнику Ямана пришли водовозы и стали смѣяться надъ Амираномъ. Онъ обидѣлся, приподнялся съ колыбели и перебилъ имъ кувшины. Объ этомъ рассказали Яману, и онъ раздраженный такимъ поступкомъ, спустился къ источнику, къ Амирану. Онъ очень обрадовался находкѣ мальчика, говоря: „онъ будетъ братомъ для моего Усуна и Бадри“. Колыбель съ ребенкомъ онъ принесъ женѣ; та также радовалась въ надеждѣ, что Амиранъ будетъ качать люльку Усуна и Бадри. На другой день она, уходя, поставила люльку Амирана между люльками Бадри и Усуна и велѣла качать ихъ, угрожая за ослушаніе наказаніемъ. Амиранъ въ гнѣвѣ всталъ изъ люльки, гдѣ онъ нашелъ шило, и укололъ имъ дѣтей. Мать слышала плачь дѣтей и разсердилась, какъ онъ осмѣлился обидѣть ее дѣтей, когда на это не дерзнетъ даже сынъ Дали, Амиранъ. Обидчикъ пробормоталъ, что онъ есть Амиранъ. Мать тогда прибѣжала, расцѣловала его, выкупала въ молоко и завернула въ священную матерію „кадтхи“. Дѣти стали расти героями: они избивали всѣхъ, идущихъ на востокъ и западъ. Обиженные сдалека только разъ осмѣлились упрекнуть ихъ, что они смѣло бьютъ постороннихъ, а не знаютъ судьбы глаза Ямана. Мать старалась успокоить дѣтей, говоря, что она испортила глазъ Яману. Второй разъ мать также отдѣлалась отъ нихъ. Третій разъ дѣти попросили мать

¹⁾ Этотъ эпизодъ Амирана изъ жизни напоминаетъ библейскій рассказъ объ оставленіи Моисея—ребенка его матерью въ корзинѣ на берегу рѣки.

²⁾ Въ X вып. *Сборника для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа отд. II, стр. 6*, помѣщена сказка объ Амиранѣ. Она гораздо короче переводимой мной легенды и начинается съ того, что беременная Дали проситъ мужа своего „Дарчеліана“ вынуть мальчика изъ ея утробы и держать въ животѣ бычка одинъ мѣсяць. Крестный отецъ его не ангелъ, а Хрисгосъ (Ср. пшавскую версію).

испечь ватрушки, Амирапъ и Усупъ взявъ по ватрушкѣ съ огня, положили на груди матери, угрожая припечь ихъ ей, если не скажетъ правды, какъ потерялъ глазъ Яманъ. Она сообщила, что какой-то дэви паложилъ подать на Ямана и когда родились Бадри и Усупъ, онъ просилъ или одного изъ нихъ, или правый глазъ Ямана. Послѣдній пожалѣлъ дѣтей и предпочелъ отдать ему свой глазъ ¹⁾.

Дѣти стали готовиться къ борьбѣ съ дэви. Яманъ по ихъ просьбѣ напелъ имъ желѣзную стрѣлу, Амирапъ подтянулъ, стрѣла разсѣклась на двѣ части. Амирапъ отнесъ въ кузнецу 9 ока ²⁾ желѣза для стрѣлы. На другое утро втроемъ отправились на борьбу съ дэви ³⁾. На полѣ встрѣтили одного дэви подъ яблоннымъ деревомъ. Стадо барановъ лежало тутъ же, дэви сказалъ имъ, если они богатыри, то пусть постараются сбить одно яблоко и поднять его снова на дерево. Бадри и Усупи не сумѣли, а Амирапъ бросилъ стрѣлу, всѣ яблоки упали съ одной стороны и поднялись съ другой на дерево. Дэви продолжалъ ихъ испытывать. Онъ предложилъ поднять одного барана и снова уложить его. Бадри и Усупи не могли, а Амирапъ такъ сильно ихъ уложилъ, что чуть все стадо не погибло. Разгнѣванный дэви обхватилъ стадо съ Амирапомъ загналъ домой и заперъ двери. Бадри и Усупи остались на дворѣ. На ужинъ онъ приготовилъ себѣ четырехъ барановъ, мясо ихъ съѣдалъ, а кости бросилъ за спиной въ уголь, гдѣ у него на цѣпи была привязана сестра. Поужинавъ дэви прилежъ, говоря, что завтра у него прекрасная закуска—Амирапъ.

Дэви заснулъ. Амирапъ обращается съ просьбой къ сестрѣ дэви научить его, какъ убить ея брата. Она сказала, что дэви можетъ быть убитъ только собственной саблей ⁴⁾, которую онъ держитъ въ маслѣ. Вытянуть оттуда саблю одному было трудно, поэтому она предложила

¹⁾ Въ „Сборникъ“; стр. 7 представлено дѣло немного иначе.

²⁾ Она=3½ фунтовъ. Ср. повтореніе цифры 9 въ сказкахъ: 9 подиругъ, 9 цѣпей...

³⁾ Ср. „Сборникъ“ стр. 8. Предварительное испытаніе сыновей въ ловкости: требовалось раздробить три мельничныхъ жернова.

⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ грузинскихъ сказкахъ передается, какъ можно убить дэви. Въ VI кн. 1891 г. *Джеджеджили*, напечатана сказка о „Царѣ Несмѣянѣ“. Здѣсь царевичъ узнаетъ отъ похищенной дэви жены, что дэви можетъ быть убитъ только тогда, когда снимутъ голову съ известнаго дикаго кабана, вынуть оттуда коробку, гдѣ хранятся три птички: одна изъ нихъ (красная) заключаетъ его силу, другая (бѣлая)—умъ и третья (черная)—душу. Убить же кабана можно собственной дэви стрѣлой изъ стали. Царевичъ воспользовался этимъ указаніемъ и постепенно лишалъ дэви силы, ума и души, убивая одну птичку за другой.

привязать одинъ конецъ „дцема“ (толстый ремень) къ саблѣ, а другой конецъ дать ей. Нанесеніе удара саблей дэви не требовалось—ее нужно было положить ему на шею—сабля сама срѣжетъ голову. Она просила дать ей слово поручителемъ Христа, что онъ ее освободитъ и вреда не причинитъ. Амирапъ далъ слово, и сдѣлалъ все такъ, какъ было сказано. Когда вытянули саблю, раздался страшный шумъ, дэви проснулся, но вскорѣ опять заснулъ. Когда сабля прорѣзала полъ шеи, онъ почувствовалъ ея силу, но спастись было уже поздно. Амирапъ нарушилъ слова Христа тѣмъ, что обезглавилъ и сестру дэви. Кое-что взявъ изъ доставшагося ему состоянія дэви, онъ отправился съ братьями далѣе въ путь. На вершинѣ одной скалы видитъ дэви, прыдущаго шерсть. Веретеномъ служить еловое дерево, а самопрялкой—жерновъ. Этотъ дэви и взялъ глазъ Ямани. „Я вижу, говоритъ дэви, три мухи приближаются ко мнѣ, вернитесь назадъ, а то мясо ваше съѣмъ, а кости выглодаю“. Амирапъ вызвалъ его на бой, дэви вступилъ въ борьбу. Амирапъ одну стрѣлу за себя, а двѣ за братьевъ пускаетъ въ дэви. Борцы устали. Дэви приблизился, разинулъ ротъ и проглотилъ Амирапа. Когда дэви входилъ во дворъ, его догналъ Бадри и только хвостъ ¹⁾ могъ у него отрѣзаться. У дэви заболѣлъ животъ, ²⁾ сталъ тереться объ столбы, но удержаться безъ хвоста не могъ и упалъ на землю ³⁾. Мать спрашиваетъ, не видѣлъ ли онъ кого-нибудь. Дэви отвѣчалъ, что онъ повстрѣчалъ трехъ мухъ и одну изъ нихъ „проглотилъ“.—Горе тебѣ, говоритъ ему мать, если ты сына „Дали“, Амирапа проглотилъ! Братья между тѣмъ подошли къ окну и въ пѣснѣ совѣтуютъ брату, чтобы онъ досталъ изъ чевяковъ кинжалъ (хангари?) и употребилъ въ дѣло. Дэви проситъ его не убивать и даетъ слово выпустить его изъ рта или чрезъ задній проходъ. Амирапъ оба пути считаетъ для себя оскорбительными. Дэви предложилъ ему вынуть у него двѣ боковыя кости и чрезъ образовавшееся отверстіе выйти на свѣтъ Божій. Амирапъ вынулъ всѣ боковыя кости и вышелъ, но съ испорченнымъ глазомъ. Дэви, въ виду угрозы Амирапа для исцѣленія глаза, предложилъ отрѣзать кусокъ съ его печени и легкихъ и приложить къ глазу. Амирапъ такъ и сдѣлалъ. По просьбѣ дэви Амирапъ ему вставилъ на мѣсто бока деревянный плетъ ³⁾. Дэви трудно

¹⁾ Дэви представляется иногда съ хвостомъ. По легендѣ изъ „Сборника“ Висибъ отрѣзалъ ему ногу, стр. 8.

²⁾ Въ „Сборникъ“ нѣтъ убійства дэви.

³⁾ Если бы Амирапъ не деревянный плетъ приставилъ къ боку дэви, то мѣръ погибъ бы. Затмѣніе солнца объясняется тѣмъ, что дэви проглатываетъ

было разстаться съ глазомъ Ямана, но долженъ былъ указать Амيرانу столбъ, въ которомъ находилась коробка внутри другой коробки съ глазомъ Ямана. Съ этимъ глазомъ пришли къ отцу и пробыли у него нѣсколько времени.

Амиранъ, собиравсь въ путь, не хотѣлъ брать съ собою братьевъ, которые ему въ трудныя минуты скорѣе мѣшали, чѣмъ помогали. Но они его упростили, и втроемъ пошли въ поле, гдѣ повстрѣтили трехъ дэвовъ. Последніе имъ сказали, что Амиранъ сдѣлался бы извѣстнымъ богатыремъ, если бы онъ женился на Кету, дочери кесаря Кеклуца ¹⁾. Узнавъ отъ нихъ, что кесарь Кету держитъ въ башнѣ, прикрѣпленной на цѣпи къ небу, братья пошли ее искать и наткнулись на море. Такъ какъ трудно было переправиться чрезъ море, то попросили встрѣтившуюся имъ женщину-дэви указать другую дорогу къ Кету. Она согласилась ихъ переправить чрезъ море — единственный путь къ царевнѣ, съ условіемъ принять ее къ товарищи. Амиранъ далъ ей въ этомъ Христа поручителемъ. Дэви-женщина срѣзала одну косу, положила мостомъ чрезъ море. Когда братья переправились, то Амиранъ кинжаломъ перерѣзалъ мостъ, когда вступила на него женщина, и она упала въ море. Такъ Амиранъ второй разъ нарушилъ данное во имя Христа слово.

Онъ встрѣтилъ человѣка по имени Андреробъ. Онъ былъ на столько великъ, что 9 паръ быковъ и буйволовъ везли арбу, въ которой онъ лежалъ, пособляя безсмѣтное число людей и все же арба съ трудомъ подвигалась. Его везли хоронить, опасаясь, чтобы по смерти, вслѣдствіе тяжести, не остался далеко отъ гроба не погребеннымъ. Съ арбы у него одна нога упала, люди не могли ее поднять, и она, влачась по землѣ, образовала рытвины, какъ при проведеніи плуга. Амиранъ, видя это, стрѣлой приподнял ногу великана на арбу. Андреробъ, удивленный силой Амيرانа, попросилъ у него дать руку. Амиранъ изъ боязни вмѣсто руки подалъ ему камень, который онъ сдвинулъ до того, что вода изъ него потекла. Вслѣдъ за вторичной просьбой Андрероба Амиранъ далъ ему руку и во имя Христа побратался съ его сыномъ. Съ нимъ Амиранъ ходилъ много, усталъ и прилежъ заснуть. Въ это время сынъ Андрероба поймалъ двухъ оленей ²⁾ и повѣсилъ ихъ на дерево. Амиранъ огорчился, видя это, и убилъ сына

его. Солнце прожигаетъ деревянный бокъ и снова является. Ср. Г. Церетели „Міры на руз. почвѣ“ (*Кавказъ*: 1892, 74 и 74) гдѣ сказанія объ Амيرانѣ объясняются исключительно мифологически.

¹⁾ „*Иверія*“ № 213, 1887 г. *Усуни*. „Царь“ груз. сказокъ въ сванетскихъ наз. „Кесаремъ“.

²⁾ По варианту—двухъ борзыхъ собакъ.

Андрероба, опасаясь, что онъ со временемъ и его побѣдитъ, если въ нѣжномъ возрастѣ совершаетъ такіе подвиги. Такимъ образомъ, Амиранъ третій разъ нарушилъ данное во имя Христа слово.

Амиранъ отправился искать башню Кеклуца-кесаря ³⁾. Нашедши ее, Амиранъ предложилъ братьямъ подпрыгнуть и саблей достать цѣпь. Они не сумѣли, но Амиранъ подпрыгнулъ, ударилъ кинжаломъ, разсѣкъ цѣпь и башня спустилась на землю. Они вошли въ башню. Амиранъ и Кету посмотрѣли и влюбились въ другъ друга. Узнавъ объ этомъ кесарь, собралъ народъ и осадилъ башню. Усуни вышлель сразиться съ кесаремъ, уничтожилъ первый рядъ его войска, но кесарь однимъ дуновеніемъ задушилъ его. Такая же судьба постигла Бадри. Тогда самъ Амиранъ выходитъ въ бой. Кету дала ему слѣдующій совѣтъ: отецъ ея носить на головѣ повязку, привязанную къ шеѣ золотымъ нервомъ; нужно разрѣзать этотъ нервъ, повязка спадетъ, шея обнаружится и тогда ударомъ кинжала можно съ нимъ покончить. Амиранъ истребилъ послѣдній третій рядъ войска, отъ дуновенія кесаря палъ на колѣни, но быстро поднялся и срѣзалъ съ него голову. Но Амиранъ не хочетъ безъ братьевъ возвращаться къ старику-отцу. Онъ указываетъ Кету на ихъ примѣтные знаки: на хребтѣ Усуни изображено солнце, а на хребтѣ Бадри луна. Кету утерла ихъ лица своимъ полотенцемъ*), и они ожили. Съ Кету, братьями и имуществомъ Кеклуца Амиранъ вернулся къ отцу Яману. Послѣ этого онъ братьевъ не бралъ съ собой, такъ какъ они только мѣшали ему.

Амиранъ одинъ совершилъ много подвиговъ. Разъ онъ на землѣ только трехъ дэвовъ, трехъ кабановъ и три дуба оставилъ безъ истребленія. Въ теченіе своей жизни онъ три раза нарушалъ слово, данное во имя Христа. За это Богъ его наказалъ. Онъ повѣсилъ большую желѣзную цѣпь и прикрѣпилъ ее къ желѣзному колу. Вмѣстѣ съ Амيرانомъ Богъ привязалъ къ этому колу его собаку, по имени Курша за то, что она пріятныхъ Богу туровъ разодрала. Амиранъ и собака въ теченіе года тянуть колъ, который все выше изъ подъ земли поднимается и остается только одинъ пріемъ, чтобы его вырвать съ корнемъ, какъ по повелѣнію Бога, прилетаетъ птичка и садится на колъ. Амиранъ въ гнѣвѣ замахивается на нее желѣзной палкой, птичка

³⁾ Въ *Сборникъ* она названа „Кеклоція“ (стр. 9).

*) Оживляющій платокъ—обыкновенный мотивъ какъ въ груз., такъ и вообще въ индо-европ. сказкахъ.

успѣваетъ улетѣть, ударъ со всей силой наносится колу, который глубоко уходитъ въ землю. Такъ повторяется изъ года въ годъ.

Курша Амирали—щенокъ орла. (ср. выше—песъ, рожденный отъ ворона). По повѣрью сванетовъ въ числѣ своихъ птенцовъ орелъ производитъ на свѣтъ и одного щенка. Орлица поднимаетъ его высоко и бросаетъ на землю, чтобы человекъ не могъ его вырастить. Одного такого щенка нашель охотникъ и вырастилъ его. На хребтѣ у него крылья орла, двумя прыжками догоняетъ тура, считая третій скачокъ позорнымъ. Есть пѣсня въ честь этого щенка, въ которой выражается скорбь охотника по утратѣ Курша ³⁴⁾. „Въ полночь исчезла у меня собака. Увы! быть можетъ ее ведетъ купецъ Чортъ укравъ ее у меня. Золотыя уши и губы у тебя, глаза похожи на луну, лай ея напоминаетъ громъ съ небесъ; ноги ея равнялись гумну. Ея скачекъ — поле большое. Пища ея — хлѣбные пирожки, напитокъ ея — вино молодое (сладкое — бадаги). Увы! если теперь пьешь мутную воду! Постель ея — пуховое одѣяло. Курша! поднимаясь вверхъ, ты—левъ, опускаясь внизъ, ты—рябчикъ. На сушѣ ты—герой, на морѣ—корабль. Курша, Курша! Цѣлый годъ плакалъ и горевалъ о тебѣ“ ³⁵⁾. Перейдемъ къ *картаминской версии* сказанія.

Жили три брата: Сулкалмакъ ³⁶⁾, Бадри и Усупи по фамилии Даруджанавили. Усупи имѣлъ одну желѣзную шапку, надѣвалъ ее, поднимался на чинаровое дерево, стоящее во дворѣ, и такъ сильно выкрикивалъ, что дѣвы отъ страха спѣшили принести ему подарки и приношенья. Разъ онъ пошелъ на охоту и открылъ въ скалѣ башню, откуда ему послышался голосъ „красавицы, не видавшей никогда солнечныхъ лучей“. Онъ вошелъ въ башню и остался тамъ три дня. Уходя, Усупи говоритъ красавицѣ: черезъ три дня я умру, вотъ тебѣ алмазное кольцо. Если у тебя родится дочь, отдай ей это кольцо; а родится мальчикъ, самъ о себѣ позаботится. Усупи умеръ. Дѣвы узнали объ этомъ, захватили въ плѣнъ его братьевъ и поставили ихъ кравчими у себя. Красавица родила мальчика, который явился на свѣтъ

³⁴⁾ Оригиналь пѣсни помѣщенъ въ *Сванецкихъ сказкахъ*, собранныхъ *Тависупами свани* (стр. 100—101).

³⁵⁾ Въ „*Сборникъ*“ нѣтъ конца легенды, какъ Амиракъ былъ привязанъ къ цѣпи.

³⁶⁾ *Иверія* № 145 и 146, 1887 г. *Амиракъ Даруджанавили*. Грузинская легенда, записанная въ сел. Врети Горійск. уѣзда Тифлис. губ., со словъ крестьянина Ваню Чинчаладзе.

³⁷⁾ Въ сванетской легендѣ Сулкалмакъ отсутствуетъ: по этой легендѣ Амиракъ братъ, а не племянникъ Бадри и Усупи.

Божій съ короткой саблей. Его крестилъ самъ Богъ и далъ ему имя Амиракъ. Кто по годамъ растетъ, тотъ же по днямъ, а десяти лѣтъ былъ уже въ состояніи вступить въ опасную борьбу. Разъ онъ выглянулъ изъ окна и видитъ идущую съ кувшиномъ женщину. Амиракъ держитъ пари съ матерью, что разобьетъ у женщины кувшинъ, не причинивъ ей самой боли и вреда. Онъ удачно пустилъ стрѣлу въ кувшинъ. Женщина отказалась проклясть его, какъ единственнаго сына матери, но напомнила, что ему герою болѣе приличествовало бы освободить дядей изъ позорнаго положенія кравчихъ у дѣвовъ, чѣмъ обижать ее. Амиракъ впервые узналъ, что у него есть дядя. Попросивъ у матери дать ему грудь, онъ сдвинулъ ее зубами и требовалъ отвѣтить, если или нѣтъ у него дяди. Въ началѣ она отказывалась, но страшная боль заставила ее назвать Бадри и Сулкалмаха. Пошелъ Амиракъ искать ихъ. Вскорѣ нашель и попросилъ ихъ дать ему ѣсть. Дяди, посмотрѣвъ на него, нашли сходство между нимъ и Усупомъ. Пригласили его въ садъ подъ тѣнь деревьевъ на обѣдъ. Одинъ изъ дѣвовъ обратилъ вниманіе на короткую саблю красиваго гостя-юноши, другой замѣтилъ, что не трудно сжарить его на вертелѣ въ видѣ закуски ³⁸⁾ послѣ вина. Амиракъ, услыхавъ это, перебилъ дѣвовъ. Обрадованные дяди расцѣловали его. Въ комнатѣ онъ нашель шапку Усупи, необходимую для того, чтобы голова отъ сильнаго крика не разсѣклась. Для Амирака шапка была мала, но онъ ее рукой раздвинулъ и надѣлъ, вырвалъ съ корнемъ чинаровое дерево, считая его лишнимъ, и такъ вскрикнулъ, что земля сотряслась. Дѣвы испугались, думая, что Усупи воскресъ и приближалъ съ приношеньями. Послѣ обѣда Амиракъ и дядя (по варианту съ братьями) его пошли на охоту. Вдругъ поднимается изъ кустовъ олень, рога котораго касаются неба. Амиракъ пустилъ стрѣлу и оросилъ красной кровью ея ребра, и по слѣдамъ ея крови онъ шелъ семь дней и семь ночей, не теряя дороги. Наткнулся на одну башню, до небесъ поднимающуюся, но входа въ нее не было видно; Амиракъ ударилъ ногой и сдѣлалъ себѣ двери чрезъ образовавшуюся брешь. Здѣсь видитъ несчастнаго покойнаго съ письмомъ въ рукахъ, въ которомъ означена личность умершаго (фамилія его): „я не безызвѣстенъ—я племянникъ Усупи по сестрѣ; при жизни истребилъ не мало дѣвовъ, но остался Бакбакъ-дѣви, и потому я умеръ съ горечью въ сердцѣ.

³⁸⁾ Ср. подобное ироническое отношеніе дѣвовъ къ герою въ армянскихъ и мингрельскихъ сказкахъ. *Халатъяцъ*. Общій очеркъ народ. армян. сказокъ, стр. 13. *Цагарети*, Мингр. Этюды, в. I, стр. 14.

Кто его убьетъ, тотъ пусть возьметъ моего крылатаго коня („раши“³⁹⁾, за дверьми мое копье, и это ему по заслугѣ будетъ принадлежать“⁴⁰⁾. Дяди сказали, что они знаютъ Бакбакъ-дэви, но боятся его самого и его матери. Бакбакъ самъ идетъ на встрѣчу къ нимъ. Онъ спѣшитъ выбросить мертваго собакамъ, такъ какъ живого не удалось его осрамить. На вопросъ Амيرانа, кто идетъ, дэви отвѣчаетъ, что имени знать не нужно, а идетъ дэви съѣсть племянника Усупи. „Кто тебѣ позволить съѣсть сына Адама?! Я готовъ бороться съ тобою!“ Началось состязаніе, земля подъ ихъ ногами колебалась. Амيرانъ ударилъ дэви о камень и разбилъ ему плечо. Ему совѣтуютъ дяди не пускать дэви въ живыхъ, ожидая отъ его матери неминуемаго несчастія.—Здоровый не могъ справиться со мной, а тѣмъ болѣе разбитый, отвѣчаетъ онъ.—Бакбакъ-дэви отправился съ воємъ къ матери. Она бѣжитъ на встрѣчу и выбрасываетъ изо рта огонь. Амيرانу говорятъ дяди, чтобы онъ приготовилъ мѣхъ меду и золы и на просьбу ея дать ей пищу, влить сначала медъ, а потомъ всыпать ей въ ротъ золу. Амيرانъ далъ ей медъ, потомъ надѣлъ ей мѣхъ съ золой на голову и отрубилъ ее. Амيرانъ похоронилъ ее въ башнѣ и вернулся домой. На дорогѣ нашли трехъ змѣевъ (ср. выше 3 червя). Дяди предлагаютъ ихъ убить, чтобы посторонніе не подумали, что они испугались ихъ. Амيرانъ саблей срубалъ двумъ змѣямъ голову, а на одну изъ жабръ третьей змѣя наступилъ онъ ногой, другою рукою сорвалъ, но въ эту минуту змѣя проглотила его. Дяди отрубали 9 аршинъ съ хвоста у змѣя, который приходитъ послѣдній къ матери и жалуется на боль въ животѣ. „Можетъ быть, сынъ мой, червяковъ ты съѣлъ или кого нибудь изъ Даруджанавили“⁴¹⁾? Самого Амيرانа проглотилъ, отвѣчаетъ змѣй. Мать испугалась: „если онъ умеръ, то воскреснетъ, говоритъ она, а живъ, тѣмъ хуже—онъ отомститъ; вызови его“. Амيرانъ отказывается выходить чрезъ ротъ или бокъ: „буду, говоритъ онъ, харотиной или кривобокомъ“. Дяди съ кровли ему совѣтуютъ, чтобы онъ вынулъ изъ чевяковъ ножъ и разрубалъ ребро змѣю. Амيرانъ выходитъ, но безъ усовъ и бороды. Дядя, смѣясь, сравниваютъ его съ поросенкомъ, другою успокоиваетъ его, говоря, что есть безбородые люди. Амيرانъ умылся на рѣчкѣ, и у него отросли лучшіе усы и борода. По дорогѣ

³⁹⁾ Персидскій Raksch см. *Фирдоуси Shah-Nameh*.

⁴⁰⁾ Ср. мой очеркъ о *месхазь Этнор. Обзор. кн. X*, стр. 32—33.

⁴¹⁾ Ср. съ вышеприведенной сванетской легендой: тамъ дэви съѣдаетъ Амيرانа („муха“), а здѣсь змѣя съѣдаетъ его („червякъ“). Змѣя служитъ зооморфическимъ образомъ дэви.

встрѣчаетъ онъ дэви, котораго онъ крикомъ остановилъ и поймалъ. Тотъ проситъ отпустить его, обѣщаясь за моремъ ему указать красавицу, которую оберегаютъ осель и волкъ. Но достаточно взять барана для волка и коню сѣна для осла, чтобы стражу усыпить и безопасно явиться къ красавицѣ. Амيرانъ такъ сдѣлалъ. Красавица разсердилась на стражу, что она пропустила къ ней Амيرانа. Волкъ и осель отвѣтили, что она имъ ничего не даетъ ѣсть, а онъ принесъ имъ сѣно и барана.*) Красавица начала мыть посуду, но одна тарелка все вертѣлась и ворочалась. Амيرانъ ударилъ о землю и разбилъ ее на части. Осколокъ ея вылетѣлъ изъ окна и поспея быстро съ вѣстью къ родителямъ красавицы. Тѣ явились на помощь къ дочери съ войскомъ. Амيرانъ же, посадивъ ее на коня, привезъ къ дэвамъ. Последніе выслали невѣстку на встрѣчу, чтобы она улыбнулась Амيرانу, и если послѣдній покажетъ ей стеклянный зубъ, то значить, что гость—Даруджанавили. Невѣстка такъ и поступила. Амيرانъ ей отвѣтилъ въ стихахъ, что онъ сынъ Усупи и ищетъ осла. Невѣстка доложила объ этомъ дэвамъ, которые съѣли осла. Дэвы вышли, чтобы съѣсть и Амيرانа, но были имъ перебиты. Амيرانъ съ красавицей вошелъ въ домъ, который вскорѣ былъ окруженъ войскомъ отца красавицы. Первыми вышли съ нимъ воевать дяди Амيرانа, заповѣдавъ знакомъ смерти перваго дяди появленіе птицъ, втораго—появленіе муравьевъ. Появленіе птицъ и муравьевъ Амيرانа убѣдило, что дяди уже погибли, и самъ, помолившись Богу, выѣхалъ на конѣ сразиться съ врагомъ, а красавицу посадилъ на гору для наблюденія за ходомъ сраженія. Истребивъ войска, Амيرانъ подошелъ къ отцу, стоявшему въ шапкѣ изъ слоновой кости. Удары объ эту шапку вызвали искры огня. Красавица крикнула съ горы, что для убіенія нужно бить ниже отъ шапки. Отецъ, огорченный измѣной дочери, упрекаетъ ее, что она предпочла любовника отцу, вскормившему ее. Она отрицаетъ заботы отца и говоритъ, что ее оставляли въ углу комнаты, гдѣ няня ей пѣла колыбельныя пѣсни⁴²⁾. Убивъ отца красавицы и кого-то, поднявшагося еще изъ труповъ, Амيرانъ возвращался въ башню, какъ вдругъ, подкравшись, неизвѣстное лицо убиваетъ его. Красавица начинаетъ плакать. Богъ прислалъ ворона узнать, что случилось. Воронъ, насытившись на трупахъ, прилетѣлъ къ Богу съ вѣстью, что люди запрягли плугъ. Второю разъ то же самое доложилъ

*) Сюжетъ извѣстный и въ русскихъ сказкахъ.

⁴²⁾ Упрекъ, обратившійся въ поговорку у грузинъ по отношенію къ беззаботнымъ родителямъ.

воронъ. Тогда былъ отправленъ голубь. *) Голубь, спустившись, видитъ много убитыхъ и предъ однимъ изъ нихъ плачущую красавицу. Голубь, намочивъ ноги въ крови, прилетѣлъ къ Богу и разсказалъ, какъ убитого несправедливо героя оплакиваетъ красавица. Богъ разгнѣвался на ворона и бросилъ горящую головню, и потому онъ сдѣлался такъ черенъ ⁴³⁾, а прежде онъ былъ бѣлаго цвѣта ⁴⁴⁾ Богъ благословилъ голубя и дозволилъ ему употреблять въ пищу и жертвовать для душъ усопшихъ. Богъ послалъ крысу къ красавицѣ. Крыса начала сосать кровь Амираана; красавица бросила въ нее сандали и убила ее. Мать крысы прибѣжала, побранила красавицу, отыскала потомъ цѣлебную траву, приложила къ крысѣ, и она ожила. Крыса получила строгій наказъ безъ позволенія матери не выходить изъ норы. Красавица поискала эту же цѣлебную траву и воскресила Амираана и дядей его ⁴⁵⁾. Благополучно все вернулись домой.

Разъ съ дядями вышелъ Амираанъ на охоту. Несутъ покойника, у котораго одна рука упала съ саней ⁴⁶⁾. Рука прорывалась рытвины, какъ бы отъ проведеннаго плуга. Мать покойника ѣхала верхомъ за нимъ съ кнутомъ въ рукахъ. Амираанъ попытался по просьбѣ этой женщины поднять руку на сани, но ее и съ мѣста не могъ сдвинуть. Мать же концомъ кнута безъ труда подняла руку на грудь покойника и сказала Амираану, что она кнутомъ бы его наказала, еслибы она не попросила именемъ его матери. Амираанъ сталъ жаловаться своему крестному отцу Богу, что у него силъ мало. Богъ далъ ему силу

*) Посыланіе Богомъ ворона и голубя—искаженный отголосокъ библейскаго разсказа о Ноѣ.

⁴³⁾ Въ текстѣ различаются два вида ворона: *qvacvi* и *qogani*; первый получилъ менѣе сильный ударъ, потому онъ менѣе черенъ, а второй, наоборотъ, отъ сильнаго удара отличается большею чернотою.

⁴⁴⁾ По древнему греческому сказанію вороны нѣкогда были бѣлы: черными ихъ сдѣлалъ Аполлонъ въ минуту гнѣва за то, что воронъ принесъ ему неприятную вѣсть о невѣрности возлюбленной его царевны Корнисъ (*De Gubernatis Die Thiere*, 533). Великороссы передаютъ, что воронъ, выпущенный изъ кобчага, накинулся на падалъ и не воротился къ Ною: съ той поры онъ сдѣлался чернымъ и кровожаднымъ. *Проф. Сумцовъ. Этн. Об.* кн. IV. О воронѣ.

⁴⁵⁾ О заимствованіи у мышей искусства врачеванія ст. *проф. Сумцова въ Этногр. Об.* кн. VIII, 64—68. Ср. Сванетскія сказки, собр. *Тависупами свани* (Кутань, 1893 г.), сказка „Царь“, стр. 35—42. См. пшавскую версію.

⁴⁶⁾ Любопытно, что здѣсь названы сани, а не арба. См. *Анушинъ. Конь, сани и ладья Древности.* Труды Моск. археол. общ., т. XIV, 81—226. М. 1890.

9 паръ ⁴⁷⁾ буйволовъ. Амираанъ, возвращаясь домой, все ломалъ по дорогѣ. Богъ, опасаясь, что Амираанъ людей всѣхъ перебьетъ, явился къ нему въ образѣ человѣка и вызвалъ его на поединокъ.*) Амираанъ сталъ уже одерживать верхъ, и Богъ былъ близокъ къ пораженію, когда крестный отецъ высвободился изъ рукъ Амираана и говоритъ ему: я „воткну этотъ посохъ въ землю и будешь героемъ, если его вырвешь!“ Амираанъ сталъ вытаскивать посохъ изъ земли, а онъ все грубже въ землю уходилъ. Богъ перекрестилъ Амираана, и онъ привязался къ посоху, надъ которымъ появилась большая гора ⁴⁸⁾.

Амираанъ, по варианту, привязанъ въ лѣсу къ посоху съ своей маленькой собачкой (*ninia*), которая лижетъ цѣпь и доводитъ ее къ концу года до того, что Амираану остается еще немного вытянуть, чтобы она разорвалась. Но въ Великій четвергъ кузнецъ, ударяя три раза молоткомъ о наковальню, восстанавливаетъ ту цѣпь, чтобы снова безъ конца лизала его собака Амираана. Если бы кузнецы забыли исполнить этотъ обрядъ, то Амираанъ разорвалъ бы цѣпь и наказалъ бы всѣхъ кузнецовъ. Въ семь лѣтъ разъ открывается дверь къ Амираану. Разъ маленькой пастухъ пастъ стадо на горѣ, вдругъ онъ увидѣлъ открывшійся входъ и заглянулъ туда: предъ нимъ показался огромный человѣкъ, и онъ испугался. Но Амираанъ приласкалъ его, говоря, что онъ христіанинъ(!) и бояться не слѣдуетъ. Амираанъ взялъ хлѣбъ у пастуха, сдвинулъ такъ сильно, что три капли крови появи-

⁴⁷⁾ Число девять въ Грузіи имѣетъ особое значеніе. Часто счеты ведутся по 9: 9 хлѣбовъ и пр. (науки, вакалпур и пр.). Вообще, нѣкоторыя нечетныя числа уважаются грузинами: три, семь, девять, одиннадцать, тринадцать и пр. Дэви съ 9, 11 или 13 головами въ сказкахъ часто встрѣчается. Римляне и греки также отдавали преимущество нечетному предъ четнымъ. Виргилій говоритъ: *numero deus impari gaudet* (Ecl. VIII, 75). Въ трагедіи Софокла *Эдипъ въ Колоннѣ* хоръ поэтъ Эдипу: ты „положишь съ двухъ сторонъ жертвенника по 3 раза девять вѣтвей оливковаго дерева и будешь такъ молиться Евменидамъ“. Данте говоритъ, что по Птоломею и по христіанскимъ писателямъ оказывается несомнѣннымъ, что число подвижныхъ сферъ 9. См. *Божественная комедія.* Пѣснь II).

⁴⁸⁾ Отраженіе библейскаго мотива о борбѣ Іакова съ Богомъ. Библиогр. *Птица—вѣстникъ* см. у *Акад. Веселовскаго „Южно-русскія былины“* III—XI, стр. 10, 403—404. (Спб., 1884).

⁴⁹⁾ Преданіе тушинъ тождественно съ этимъ сказаніемъ. На горѣ Амираанской закованъ въ цѣпи Амираанъ за дерзость противъ Творца. „Вѣрныя его собаки день и ночь грызутъ его цѣпи“.... См. газ. „Кавказъ“ 1850, № 1. „Три удара по наковальнѣ“.

лись на немъ; потомъ сдавилъ свой хлѣбъ, и потекло молоко. „Вотъ какой хлѣбъ должны вы печь!“ сказала Амиранъ пастуху. Амиранъ указалъ на свою саблю и попросилъ передать ему это оружье. Но пастухъ не могъ сдвинуть саблю съ мѣста. Тогда Амиранъ велѣлъ лечь, взять за руку саблю, а самъ потянулъ ее къ себѣ за ноги пастуха, ухватившаго оружье. Пастухъ сталъ кричать отъ боли въ спинѣ и Амиранъ оставилъ его. Онъ попросилъ его принести ремень изъ дому, наказавъ никому не говорить, куда его несетъ. Однако за пастухомъ погналась пастушка и надоѣла ему вопросомъ, куда онъ несетъ ремень. „Тебѣ какое дѣло, куда я несу!“ вскричалъ пастухъ и при этомъ обернулся къ ней. Когда онъ пришелъ ко входу, то онъ уже былъ запертъ. „Теперь говорятъ, что Амиранъ накажетъ и кузнецовъ и женщинъ, если онъ сброситъ съ себя гору и сорветъ цѣпь. Конецъ этой легенды приводится въ „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“⁴⁹⁾, въ томъ же видѣ, въ какомъ мы изложили: бродилъ одинъ крестьянинъ около горы „Сакорнія“⁵⁰⁾ и увидѣлъ въ разступившемся громадномъ утесѣ прикованнаго цѣпью Амирана. Согнувшись, онъ тщетно старался достать огромный мечъ великана. Амиранъ попросилъ его подойти къ нему, обласкалъ его и сталъ увѣрять, что онъ другъ бѣдныхъ и угнетенныхъ и пр.

Отношеніе Амирана къ помянутому въ сказаніи объ немъ Амбрію выясняется изъ кахетинскаго варианта о породненіи Бога съ человѣкомъ^{*)}. Амбрій былъ извѣстный богатырь, котораго рѣшительно никто на свѣтѣ не могъ одолѣть. Амиранъ же былъ крестникомъ Бога и тоже отличался громадною силою и ловкостью, такъ что поборолъ очень многихъ героевъ и сталъ вызываться на борьбу съ самимъ Амбріемъ. Узнавъ объ этомъ намѣреніи крестника, Богъ встревожился будучи увѣренъ, что Амбрій поборетъ Амирана; поэтому, не желая довести своего крестника до позора, послалъ на Амбрія смерть прежде, нежели они могли сойтись и вступить въ единоборство. Когда Амиранъ подходилъ къ мѣсту жительства Амбрія, то послѣдняго уже везли на громаднхъ саняхъ („мархили“) для погребенія. Амиранъ былъ крайне удивленъ и въ недоумѣніи остановился. Въ это время мать мертваго покойнаго богатыря, замѣтивъ, что рука у покойнаго свалилась съ

⁴⁹⁾ Выпускъ X, стр. 47 (отдѣлъ III). Объ Амиранѣ, Ростомѣ и Георгіи см. еще Nahn. (Leipzig, 1892) Aus dem Casanus 106—116.

⁵⁰⁾ Qoganі значитъ воронъ, отсюда Сакорне-гора вороновъ, а не коршунъ. Находится она въ Пшветіи, въ началѣ Панкисскаго ущелья.

^{*)} „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“ в. XVII, отд. II, 136.

груди и стала волочиться по землѣ, попросила Амирана приподнять спущенную руку на грудь мертваго. Амиранъ схватился за руку Амбрія, но она оказалась настолько тяжелою, что не могъ ее приподнять. Тогда мать Амбрія, видя безсиліе Амирана, обратилась къ нему съ насмѣшкою: „И ты ли несчастный, направлялся къ моему сыну на борьбу, когда не можешь приподнять даже одну его мертвую руку?“ Амиранъ устыдился своей неудачи и отправился къ своему крестному отцу. Богъ его успокаивалъ тѣмъ, что онъ умертвилъ Амбрія, и нѣтъ уже ни одного богатыря сильнѣе Амирана. Послѣдній возгордившись борется съ Богомъ, но оканчиваетъ жизнь заключеніемъ въ скалу. Амиранъ по пшавской версіи сынъ Сулкармаха, по сванетской—братъ Бадри и Усупи, по карталинской—сынъ Бадри.

Смѣшеніе же Амирана съ женскою личностію Рокапи имѣетъ въ имеретинскомъ преданіи. Рокапи — безобразная старуха съ четырьмя длинными клыками, съ волосатымъ хвостомъ, со впалыми щеками, костлявыми руками и ногами. Существо это злое и потому оно *привязано самимъ Богомъ*, посредствомъ толстой желѣзной цѣпи, къ длинному шесту, воткнутому въ землю: этотъ шестъ однимъ концомъ доходитъ до самаго центра земли. Рокапи, какъ Амиранъ, старается вырвать изъ земли шестъ и съ этою цѣпью колеблетъ его въ землѣ; но какъ только она доходитъ до цѣпи вдругъ появляется „трясохвостья“ (пташка), садится на шестъ и начинаетъ вертѣть хвостомъ; Рокапи замахивается на нее громаднмъ молоткомъ, но она улетаетъ, и ударъ своею тяжестью падаетъ на шестъ, который уходитъ въ землю до самаго ея центра. Такъ она мучится подобно Амирану, изъ года въ годъ. Рокапи-Амиранъ и мать его (по картал. версіи), выбрасывающая огонь, напоминаютъ бабу-ягу русскихъ сказокъ^{*)}.

^{*)} Сборн. Матер. для опис. племенъ и мѣст. Кавказа, вып. IX, отд. II, стр. 179. Вѣдьма.—Объ Амиранѣ см. еще Сбор. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. II, отд. II, стр. 158—160; вып. VII, отд. VI, стр. 20—23. Миллеръ, Осетинскіе этюды, ч. I, стр. 68, 145—7. *Его же* Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССХХV, отд. 2, стр. 110, 116. Газ. „Кавказъ“, 1846, № 35, ст. *Султанъ-Ханъ-Гирей* Миеология черкесскихъ народовъ; тамъ же статья *Н. Дункель-Веллима* Осетинская легенда о Прометѣе (*Кавказъ*, 1859, № 20). *Дубровинъ*, Исторія войны I, кн. II, стр. 159. *Эминъ*, Моисей Хоренскій и древній армян. эпосъ. М. 1881, стр. 76. et sq. *Мои* очерки: Пшавы, стр. 14 (Этногр. сбор. подъ ред. Миллера в. III), Тушины (Этногр. Обзор., кн. II). Груз. легенда „Тритино“ (сообщ. *Гумбатъ* „Моск. Вѣд.“, 1891, № 82). *Brosset* Hist. de la Géorgie I, 26. Le livre des Rois, trad. par *Mohl*, 1838 г., V, 69—113. „Сванетскія сказки“ стр. 83—101.

Схема сказанія объ Амيرانѣ по всѣмъ тремъ версиямъ носитъ общія черты. Въ лицѣ его мы имѣемъ два наслоенія, по одному изъ которыхъ Амيرانъ—бога добра, а по другому онъ злой демонъ⁵¹⁾. Амيرانъ истребляетъ дэвовъ, вступаетъ въ борьбу съ небомъ изъ-за того, что не все на землѣ справедливо и совершенно, стремится людямъ давать хлѣба съ молокомъ, а не съ кровью, и за это прикованъ, какъ Прометей за сообщеніе священнаго огня людямъ, къ скаламъ Сагорніа, коршунамъ же велѣно клеветать его гордое сердце. Съ другой стороны, въ лицѣ же Амирана сочеталась борьба съ Богомъ, I. Христомъ. Амيرانъ хочетъ истребить людей, въ немъ сила такая громадная, что никто не можетъ устоять. Онъ возстаетъ противъ самого Бога и вступаетъ съ нимъ въ состязаніе, въ результатѣ котораго онъ прикованъ цѣпью къ желѣзному колу, а надъ нимъ воздвигнута огромная гора. Амيرانъ можетъ восполнить отсутствіе бога зла въ грузинской языческой религіи, отличающейся дуалистическимъ характеромъ. Богъ добра—Армази (ср. персидскій Ормуздъ) хорошо извѣстенъ грузинской лѣтописи⁵²⁾, а Ариманъ, повидимому, слился съ Амيرانомъ въ народномъ представленіи. Служители персидскаго Аримана—ешмаки (Aeshma) играютъ выдающуюся роль въ грузинской языческой религіи, и трудно согласиться съ мнѣніемъ, что самъ глава злыхъ духовъ не былъ усвоенъ грузинами, подобно другимъ воззрѣніямъ, заимствованнымъ изъ Персіи. Вліяніе персидской религіи до настоящаго времени сказывается въ міросозерцаніи грузинскаго народа. Литературная обработка сказанія объ Амيرانѣ дана въ груз. повѣсти Мосе Хонели (XII в.) въ Амيرانъ - Дареджаніани. Сказаніе объ Амيرانѣ извѣстно всѣмъ народностямъ не только грузинскаго племени, но и вообще всего Кавказа. Сказаніе осетанъ и черкесовъ о Дарезановыхъ отражаетъ слѣды заимствования у грузинъ.—Преданіе объ Амيرانѣ дополнялось чертами изъ апокрифовъ, какъ мы указывали въ примѣчаніяхъ, и въ свою очередь отлагались на легенды о св. Георгіи, св. Симеонѣ и др. (Мой груз. изводъ сказ. о св. Георгіи). Въ легендѣ о святомъ Симеонѣ мы находимъ наслоеніе одной детали изъ сказанія объ Амيرانѣ. Старикъ-охотникъ изъ села Рустави (Ахалкалакскаго уѣзда Тифлис. губ.) пробрался разъ въ пещеру, въ которой увидѣлъ старика предъ иконой Божьей Матери. Отшельникъ спрашиваетъ пришельца, чтó дѣлается на землѣ, и какъ живутъ люди. Охотникъ подалъ старику оставшіяся

⁵¹⁾ „Этногр. Обзор.“ X вѣн., стр. 33.

⁵²⁾ Hist. de le Géorgie I, 43 ср. Eranische Alterthumskunde. B. I и II Leipzig. 1871—3.

отъ завтрака хлѣбъ. Тотъ сжалъ его и изъ хлѣба упала капля крови. Старикъ тяжело вздохнулъ и сказалъ: о сколько зла творится на землѣ. Потомъ онъ взялъ свой хлѣбъ и сжалъ его и оттуда упала капля молока. (Сбор. матер. для опис. плем. Кавк. вып., VII).

О Ростомъ полныхъ версій только три, при чемъ онѣ также представляютъ соединеніе пѣсеннаго съ прозаическимъ разказомъ. По *сванетской* версии, сообщенной въ газ. „Иверія“, (1887 г. № 214). Ростомъ былъ туранецъ (sic) жилъ въ царствѣ Кекевоза (перс. Кей Каусъ) въ „Караи“ (Караязская степь?) и проводилъ жизнь въ борьбѣ съ дэвами и кабанами. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ— Гиви и Гургена и одного племянника Бежана, сына Гиви. Кекевозъ дорожилъ Ростомомъ, такъ какъ безъ него дэви погубили бы его царство. Когда дэви наводняли царство и похищали у жителей даже дѣтей изъ колыбели, тогда Ростомъ, по просьбѣ Кекевоза, истреблялъ ихъ и очищаль царство. Когда Ростомъ состарился, Кекевозъ собралъ народъ и предложилъ позаботиться о томъ, чтобы Ростомъ оставилъ послѣ себя сыновей, которые продолжали бы дѣло отца и спасали отечество отъ дэвовъ. Ростомъ, какъ герой, не хотѣлъ имѣть связи съ женщиной. На собраніи была одна женщина, которая вызвалась завлечь богатыря. Царь обѣщаль ей большую награду, если она исполнитъ свое слово. Женщина пригласила Ростомъ на ужинъ, а послѣ ужина уговариваетъ его остаться у нея почевать. Хозяйка приготовила три постели а на одну изъ нихъ указала Ростому. Когда богатырь заснулъ, она прилегла къ нему. Проснувшись, Ростомъ сильно разсердился на то, какъ осмѣлилась женщина лечь рядомъ съ богатыремъ, которому повелѣно отъ Бога не знать женщинъ, такъ какъ онъ посвятилъ себя исключительно геройскимъ подвигамъ, и перешелъ на другую постель. Но женщина и тутъ не оставила его въ покоѣ; она перешла къ нему, и когда онъ перешелъ на третью постель, снова послѣдовала за нимъ. Когда она наконецъ высказала подозрѣніе, что онъ лишенъ мужской силы, Ростомъ, устыдившись, долженъ былъ исполнить ея желаніе. На другой день, покидая ее, онъ объявилъ, что въ случаѣ рожденія сына, она должна назвать его Зурабомъ. Когда мальчикъ подрастетъ и захочетъ пуститься на геройскіе подвиги, пусть она надѣнетъ ему на шею шарни (гривну) и привяжетъ его племъ къ сѣдлу: по этой примѣтѣ Ростомъ узнаетъ сына, если ему придется съ нимъ встрѣтиться. Дѣйствительно, у женщины родился сынъ, прекрасный, какъ звѣзда. Ночью онъ росъ на $\frac{1}{4}$ аршина, днемъ на 4 пальца. Когда онъ подросъ и выходилъ въ поле, то билъ всѣхъ сверстниковъ, не щадя и сыновей

Кекевоза. Царевичи однажды упрекали его тѣмъ, что отецъ его пропалъ безъ вѣсти. Тогда Зурабъ отправился отыскивать отца, и мать передъ его отбѣздомъ надѣла на него шарни. На дорогѣ въ Караю Зурабъ встрѣтился съ дѣволомъ, принявшимъ видъ женщины. Эта женщина стала издѣваться надъ юношей, смѣясь надъ его женскимъ украшеніемъ и шлемомъ, привязаннымъ къ сѣдлу. Зурабъ, не обращая на это вниманіе, ѣдетъ дальше. Дѣволъ въ другомъ видѣ снова встрѣчается ему и повторяетъ свои насмѣшки. Наконецъ, послѣ 3-й встрѣчи съ дѣволомъ, богатырь, выйдя изъ себя, прячетъ шарни въ карманъ и шлемъ подъ сѣдло. Прибывъ въ Караю, гдѣ охотился Ростомъ, Зурабъ до вечера убилъ столько звѣрей, что сдѣлалъ себѣ изъ ихъ костей палатку, гдѣ и расположился на ночлегъ. Замѣтивъ въ полѣ палатку, Ростомъ подѣхалъ къ ней и, не видя на пріѣзжемъ богатыря своихъ примѣтъ, вызываетъ его на поединокъ. Въ первой схваткѣ Ростомъ всадилъ Зураба въ землю до колѣнъ, а Зурабъ Ростому до спины. По обычаю богатырей поединокъ долженъ былъ возобновиться на второй и на третій день. Оставшись побѣжденнымъ вторично, Ростомъ замыслилъ хитростью убить пріѣзжаго богатыря. Онъ заказалъ кузнецу два копыя и спряталъ ихъ въ своихъ ноговицахъ. Когда въ третьей схваткѣ Зурабъ повалилъ его, Ростомъ лежа на землѣ, всадилъ оба копыя ему въ животъ. Умирая Зурабъ проклинаетъ своего убійцу и грозитъ ему мщеніемъ Ростому, своего славнаго отца: „взойдешь ли ты, говоритъ онъ на скалу, Ростомъ обратится туромъ и догонитъ тебя; пустишься ли въ море, онъ поплыветъ за тобою форелью; взойдешь ли въ землю, онъ обратится въ крысу и не оставитъ мою смерть безъ отмщенья“. Пораженный горемъ, Ростомъ разспрашиваетъ сына, и тотъ объясняетъ, почему онъ скрылъ свои примѣты. Ростомъ старается излѣчить раны сына, но напрасно: Зурабъ уже похолодѣлъ. Тогда въ отчаяніи отецъ обращается съ молитвою къ властителю міра и даетъ обѣтъ 12 лѣтъ просидѣть въ ямѣ, не видя солнца, если воскреснетъ Зурабъ. Выкопавъ затѣмъ яму въ 12 сажень глубины, онъ сходитъ въ нее съ трупомъ сына и сидитъ въ ней безъ пищи и питья. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подзываетъ къ ямѣ дьякона царя Кекевоза и посылаетъ его просить у царя для Зураба воды, воскрешающей мертвыхъ. Коварный царь даетъ дьякону чашу воды, но приказываетъ ему, подходя съ нею къ Ростому, нарочно оступиться и пролить воду: иначе, говоритъ онъ, „Ростомъ съ такимъ сыномъ-богатыремъ отниметъ у насъ царство“. Дьяконъ исполнилъ приказаніе царя, но Ростомъ, разгадавъ ихъ хитрость, посылаетъ изъ ямы угрозы дьякону и царю. (Ср. „Сванетскія сказки“, стр. 102—116).

Десять лѣтъ уже сидитъ Ростомъ въ ямѣ. Борода отросла у него до ногъ. Онъ продѣлъ волосы бороды между пальцами Зураба, сдѣлалъ такимъ образомъ „чѣланури“ (скрипку) и наигрываетъ на ней печальные мотивы, воспѣвая несчастное убійство сына. Между тѣмъ дѣви и кабаны наводнили царство Кекевоза. Братья Ростому—Гиви и Гургенъ — неспособны были защитить страну, племянникъ, Бежанъ, былъ совсемъ молодъ. Кекевозъ проситъ Гиви послать сына его Бежана противъ враговъ. Гиви исполняетъ просьбу царя и посылаетъ Бежана, давъ ему въ руководители его дядю Гургена. (Далѣе въ сванетскомъ сказаніи слѣдуетъ описаніе похвѣжденій Бежана, которыя мы рассмотримъ позже). Послѣ того, какъ Бежанъ былъ заключенъ царемъ Афросіабомъ въ яму, Кекевозъ возлагаетъ всю надежду на одного Ростому и посылаетъ къ нему дьякона съ мольбой о помощи. Дьяконъ, наступивъ на камень, закрывавшій яму Ростому, кричитъ ему грознымъ голосомъ: „встань, старивашка, безъ тебя дѣви и кабаны разорили насъ!“ Ростомъ, выведенный изъ себя этой дерзостью, бросаетъ трупъ Зураба, въ которомъ уже начинали показываться признаки жизни, выходитъ изъ ямы и приказываетъ дьякону достать дратву и осла, навьюченнаго пулями. Дьяконъ исполняетъ приказаніе. Тогда Ростомъ сбрилъ ему бороду и положилъ его подъ осла и сказалъ: „если несправедливо поступилъ со мною дьяконъ, то я разсѣку однимъ ударомъ осла, навьюченнаго пулями, и дьякона, чрезъ котораго я второй разъ убилъ сына“. Дѣйствительно, однимъ ударомъ онъ разсѣкъ осла и дьякона и всадилъ мечъ въ землю на 12 сажень. Затѣмъ онъ идетъ къ царю. Кекевозъ съ двумя сыновьями выходитъ на встрѣчу, но Ростомъ, помня его коварство, раздавилъ царевичамъ головы, чтобы и Кекевозъ почувствовалъ, какъ тяжело потерять сына.

Ишавская версия о Ростомѣ ⁵³⁾. Однажды богатырь Ростомъ увидѣлъ высокую скалу, съ вершины которой капала кровь. Онъ приставилъ къ скалѣ чинарь, взобрался на вершину и нашелъ тамъ исполнскаго чернаго араба. Великанъ сидѣлъ, всадивъ въ землю между колѣнами кинжалъ, и когда начиналъ дремать, ударялся лбомъ объ остріе кинжала и тотчасъ просыпался. Ростомъ спросилъ его: „братецъ, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь?“ Арабъ открылъ глаза и говоритъ: „счастье твое, что ты называлъ меня братомъ, а то ты пострадалъ бы“. Затѣмъ онъ объяснилъ Ростому, что онъ подстерегаетъ краснаго араба, который поднимется съ чудной красавицей съ востока изъ Краснаго моря и пройдетъ мимо скалы. Черный арабъ будетъ биться съ краснымъ изъ-за красавицы

⁵³⁾ „Иверія“ 1889, 82.

и потому подстерегает его, боясь заснуть. Ростомъ предложилъ черному арабу уснуть, общаясь караулить и во-время разбудить его. „Ты меня не разбудишь,—сказалъ ему черный арабъ,—если не ударишь меня кинжаломъ въ босую ногу“. Такъ и сдѣлалъ Ростомъ, когда вскорѣ затѣмъ красный арабъ разлилъ свѣтъ на востокъ. Ростомъ пожелалъ помочь черному арабу въ борьбѣ съ краснымъ. Черный приказалъ ему вырыть яму и сидѣть въ ней во время борьбы, укрывшись такимъ образомъ отъ ужаснаго вѣтра, который поднимался отъ ногъ борцевъ. Если красный арабъ начнетъ осиливать, пусть Ростомъ выйдетъ изъ ямы и крикнетъ; тогда красный потеряетъ бодрость. Ростомъ исполнилъ все это, и черный арабъ отбилъ у краснаго красавицу, а Ростомъ оставался у побѣдителя въ качествѣ слуги. Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Подкрывшись къ нему во время сна, онъ попытается отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не можетъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ своимъ кинжаломъ отрубилъ арабу обѣ ноги. Великанъ приподнялся и бросилъ свои отрубленные ноги такъ сильно, что деревья съ корнями взлетѣли вверхъ. Затѣмъ Ростомъ напалъ на искалѣннаго араба, убилъ его и хотѣлъ взять съ собою красавицу! Но она убѣжала отъ него и крикнула: „не можетъ быть моимъ мужемъ тотъ, кто измѣной и коварствомъ убилъ араба, а не лицомъ къ лицу, какъ подобаетъ герою“. Ростомъ не могъ пустить стрѣлу въ убѣгающую красавицу, такъ какъ герой не можетъ поднять руку на женщину; но онъ взобрался на гору, крикнувъ такимъ громкимъ голосомъ, что красавица упала, и онъ овладѣлъ ею. Покидая красавицу, Ростомъ даетъ ей особый знакъ и велитъ ей пришить его къ одеждѣ будущаго сына, когда онъ вырастетъ и задумаетъ искать отца. Самъ Ростомъ возненавидѣлъ съ этихъ поръ всѣхъ женщинъ и черный цвѣтъ.

Зурабъ—такъ назвала красавица сына—былъ такъ силенъ, что еще 6-ти мѣсяцевъ отъ роду, сжимая альчики въ рукѣ, обращалъ ихъ въ порошокъ. Однажды одинъ обиженный имъ мальчикъ сказалъ ему: „если ты ужъ такъ силенъ, то отыщи своего пропавшаго отца⁵⁴⁾“. По настоянію Зураба, мать рассказала ему объ отцѣ, и онъ отправился его разыскивать. Чтобы испытать сына, какъ онъ встрѣтитъ врага, мать одѣлась въ мужское платье, вооружилась и въ видѣ всадника подсакала на пути къ Зурабу, требуя, чтобъ онъ отдалъ ей оружіе.

⁵⁴⁾ Предложеніе такое дается и Амирану: отыскать глаза отца Ямана или дядей, взятыхъ въ плѣнъ дѣвами.

Зурабъ ударилъ копьемъ въ лошадь всадника, шапка съ него упала, и рассыпались жепскіе волоса, по которымъ Зурабъ узналъ свою мать. Последняя, довольная мужествомъ сына, благословила его въ дальпѣйшій путь и вернулась домой.

Зурабъ прибылъ въ какой то городъ. Здѣсь одинъ старикъ по „знаку“ призналъ въ немъ сына Ростомъ и, опасаясь, что отецъ съ сыномъ будутъ причинять городу еще больше несчастій, сталъ издѣваться надъ знакомъ Зураба, говоря, что съ нимъ онъ похожъ на женщину. Зурабъ спряталъ знакъ за пазуху. Старикъ рассказалъ въ въ городѣ о прїѣздѣ Зураба и, по его совѣту, горожане отправляются просить Ростомъ сразиться съ прїѣзжимъ богатыремъ. Ростомъ идетъ къ дому, гдѣ остановился Зурабъ, и смотритъ на богатыря чрезъ окно въ крышѣ. Зурабъ подзываетъ его къ двери, но Ростомъ не входитъ и отвѣчаетъ, что завтра они будутъ биться. Въ первой схваткѣ осилилъ Зурабъ. Ростомъ прекратилъ бой. Ночью онъ отточилъ ножъ и утромъ вызвалъ Зураба на вторичный поединокъ. Но Зурабъ снова повалилъ стараго богатыря. Тогда, лежа на землѣ, Ростомъ вонзаетъ неожиданно ножъ въ Зураба. Юноша, смертельно раненый, угрожаетъ противнику мстью своего отца. Пораженный его словами, Ростомъ требуютъ „знака“ и Зурабъ, умирая, указываетъ себѣ за пазуху. Въ надеждѣ воскресить сына, Ростомъ посылаетъ къ кузнецу Кевзу Маханадзе за „живой“ водой. Маханадзе былъ врагъ Ростомъ и не желалъ воскрешенія его сына, но все же послалъ воды съ дякопомъ, которому велѣлъ, приблизившись къ Ростому, споткнуться и пролить воду. Въ отомщеніе за это Ростомъ прїѣзжалъ къ Кевзу Маханадзе и убилъ двухъ его сыновей, а самъ бросился въ море, но не могъ утонуть и все плавалъ на поверхности. Городъ обѣщалъ крупную награду тому, кто выманитъ Ростомъ на берегъ. Одинъ старикъ беретъ за это предпріятіе съ условіемъ, чтобъ его кормили на общественный счетъ, пока онъ живъ, и похоронили, когда умретъ. Онъ идетъ на море и начинаетъ полоскать въ водѣ черную шерсть. Ростомъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ старику: „безумецъ, развѣ можетъ воронъ поблѣтъ, хотя бы безъ конца мыть его пескомъ!“ Старикъ отвѣтилъ: „а кто когда-либо воскресилъ слезами умершаго?“ Ростомъ вышелъ на берегъ и остался на землѣ, проклиная свою несчастную судьбу.

Все начало приведенной сказки едва ли принадлежитъ къ иранскимъ сказаніямъ о Рустемѣ и противорѣчитъ характеру героя Липо, служащее у чернаго араба, затѣмъ убивающее его коварнымъ образомъ и отвергаемое красавицей, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ эпическимъ Ростомомъ. Въ пшавскомъ сказаніи сюжето и спу-

тано содержаніе двухъ разныхъ сказокъ, и потому первая часть, до рожденія Зураба, можетъ быть оставлена въ сторонѣ. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя черты — черный богатырь (арабъ), красный богатырь и красавица морского происхожденія — встрѣчаются въ грузинскомъ разсказѣ о похожденияхъ героя Бадри Яманисдзе, входящемъ какъ эпизодъ (porte 2-me) въ составъ романа о хожденіяхъ богатырей Дареджановъ (Daredjaniani), во главѣ которыхъ стоитъ популярный въ грузинскихъ сказаніяхъ герой Амиранъ. Остальная часть шпавскаго сказанія довольно близка къ сванетскому. Отмѣтимъ только черты несходныя. Такъ, въ шпавскомъ, встрѣчѣ Зураба съ Рустемомъ предшествуетъ нападеніе на Зураба переодѣтой въ мужскую одежду женщины. Сказаніе видитъ въ ней мать Зураба, желавшую испытать его мужество. Но очевидно этотъ мотивъ представляетъ отголосокъ поединка иранскаго Зураба съ амазонкой Гурдаферидъ, о полѣ которой онъ узнаетъ, такъ же какъ въ сванетской сказкѣ, по волосамъ, расплывшимся изъ подъ сорваннаго съ ней шлема. (Миллеръ, „Иран. отголоски“).

Въ другой подробности—въ высматриваніи Рустемомъ пріѣзжаго богатыря черезъ отверстіе въ крышѣ—можно видѣть отголосокъ ночного тайнаго посѣщенія иранскимъ Рустемомъ замка, въ которомъ жилъ Зурабъ, причѣмъ Рустемъ убиваетъ ударомъ кулака Зендэ Резма, замѣтившаго его случайно. Яма, въ которой, по сванетской версіи, нѣсколько лѣтъ сидитъ Ростомъ у трупа сына, замѣнена въ шпавской моремъ, попавшимъ сюда изъ другого сказанія, повидимому принадлежавшаго къ циклу походовъ Дареджановъ, отдѣльныя черты которыхъ и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ переплетаются съ похождениями Ростома. Такъ, въ осетинскихъ сказкахъ, Ростомъ принадлежитъ, какъ и Беза (Бежанъ) къ богатырскому роду Дареджановъ. Похожденіе Бежана ¹⁾, приводится въ тѣсную связь съ окончаніемъ сказанія объ убіеніи Ростомомъ его сына. Въ то время, когда Ростомъ сидитъ въ ямѣ, говорится въ сванетскомъ разсказѣ, царь Кекевозъ (а не Кей Хосру,

¹⁾ Сказаніе о *Бежанѣ* обращается не только въ народѣ, передающемъ его устно, но и въ письменной словесности. *Бежаніани*—похожденіе Бежана—извлечено изъ *Ростоміани*, представляющаго сокращенный переводъ на груз. яз. Шахъ-Наме, сдѣланной въ XVII в. Хосро Турманидзе. (*Бежаніани*, изд. 9-ое Тифлисъ, 1890). Письменный груз. памятникъ, вѣроятно, сильно повлиялъ на народное сказаніе о Бежанѣ, занесенное, быть можетъ, въ Грузію и устно. Такъ какъ о Ростоміани будемъ имѣть случай касаться во второй части нашихъ очерковъ по грузинской словесности, то теперь мы обойдемъ вопросъ о взаимной связи письменнаго и устнаго сказанія о Ростомѣ и Бежанѣ.

какъ у Фирдоуси) посылаетъ Бежана вмѣстѣ съ Гургеномъ прогнать кабановъ, опустошавшихъ его царство. Бежанъ убилъ столько кабановъ, что ихъ клыками наполнилъ 100 аробъ, Гургенъ же, испугавшись, влѣзъ на дерево и оттуда смотрѣлъ на побоище, по окончаніи котораго помогъ Бежану выдергивать клыки. Затѣмъ онъ предлагаетъ Бежану идти къ иранскому (sic) царю Афросіабъ и просить у него дочь красавицу Маруджану. Онъ дѣлаетъ это изъ хитрости: туранцы и иранцы—кровные враги; Бежана убьютъ иранцы, а Гургенъ присвоитъ себѣ убитыхъ кабановъ. Когда Бежанъ отправился овладѣть красавицей, Гургенъ привезъ клыки къ царю Кекевозу и разсказалъ, что самъ перебилъ кабановъ, а Бежанъ, испугавшись ихъ, обратился въ бѣгство, но былъ настигнутъ кабаномъ и убитъ. За такой подвигъ Гургенъ получилъ почетное званіе у царя. Между тѣмъ Бежанъ прибылъ къ башнѣ, въ которой Афросіабъ держитъ свою дочь. Последняя увидѣла Бежана влюбилась въ него и поручила своей служанкѣ ввести его тайкомъ въ башню, гдѣ онъ и остается при ней нѣкоторое время. Узнавъ объ этомъ, Афросіабъ окружаетъ башню войскомъ. Бежанъ перебилъ половину его, а другую обратилъ въ бѣгство. Визирь совѣтуетъ царю прекратить осаду, позволить Бежану жениться на Маруджанѣ, а затѣмъ овладѣть имъ хитростью. Царь послушался совѣтниковъ. Сыграли свадьбу. Когда Бежанъ спалъ ночью, на него наложили оковы, но онъ разорвалъ ихъ какъ нитку. Удивились царь и визирь и рѣшили отъ него же узнать, чѣмъ его можно связать. Уговорили служанку вывѣдать объ этомъ у Бежана, и послѣдній проговорился, что его можно связать только тетивою его собственнаго лука. Такъ ночью и связали его. Царь радуется и глумится надъ Бежаномъ. Бежанъ говоритъ, что еслибъ ему дали лахти (булава изъ металла), онъ перебилъ бы всѣхъ иранцевъ. Афросіабъ хочетъ его убить, но его визирь Шевлохъ, туранецъ по происхожденію, знавшій Ростома, отговариваетъ царя и совѣтуетъ ему бросить Бежана въ яму и чтобы Маруджана сама доставляла ему пищу, добывая ее какъ знаетъ. Афросіабъ велѣлъ вырыть въ городѣ своею Нарти (который будто бы существуетъ и донныи) яму. Туда посадили Бежана, закрывъ яму громаднымъ камнемъ. Родъ Ростома имѣлъ „минутныя часы“, (sic) посматрѣвъ на которые, можно было видѣть весь міръ. По выходѣ изъ ямы, въ которой онъ оплакивалъ Зураба, Ростомъ, взглянувъ на часы, увидѣлъ Бежана въ ямѣ. Тогда онъ взялъ съ собой 12 молодыхъ богатырей, посадилъ ихъ въ мѣшки, которыми нагрузилъ ослось, и съ такимъ караваномъ отправился въ городъ Афросіаба. Жена Бежана узнаетъ о его прибытіи и сообщаетъ мужу, что пріѣхалъ

человѣкъ очень похожій лицомъ на него. Бежанъ посылаетъ ее въ прїѣзжему съ разспросами. Ростомъ въ свою очередь посылаетъ узнику кольцо съ мизинца ¹⁾, письмо и курицу. Изъ письма Бежанъ узнаетъ, что дядя Ростомъ придетъ ночью освободить его съ 12 богатырями. Маруджана разводитъ огонь около ямы. Никто изъ товарищей Ростоме не можетъ отвалить камня, но онъ бросаетъ его такъ сильно въ башню, что ея вершина обрушивается, а камень летитъ дальше, ударяется въ скалу и затѣмъ падаетъ въ средину города Нарты, разрушивъ его до основанія. Освобожденный Бежанъ и 12 богатырей ѣдутъ домой. Афросіабъ съ войскомъ догоняетъ ихъ, но Ростомъ, отправивъ впередъ Бежана съ дружиной, одинъ остается, чтобы встрѣтить непріятеля. Вырвавъ съ корнемъ громадный кедръ и очистивъ его отъ вѣтвей, Ростомъ бросилъ имъ въ Афросіаба и пригвоздилъ его съ конемъ въ землѣ. Затѣмъ онъ догоняетъ товарищей. Бежанъ хотѣлъ убить Гургена, но Ростомъ исходатайствовалъ у племянника прощеніе дядѣ ²⁾.

Отдѣльные моменты изъ жизни Ростоме и сохранились у различныхъ народностей грузинскаго племени.

Имеретинская версия о Ростомѣ ³⁾ оказывается въ ближайшемъ родствѣ съ пшавскимъ. Какъ въ послѣднемъ, такъ и здѣсь, Ростомела случайно видитъ ручей крови. Пойдя по направленію, откуда течетъ кровь, Ростомела увидѣлъ девятиголоватаго дэви, опирающагося подбородкомъ на остріе пики и постоянно смотрящаго по одному направленію. Когда же его одолеваетъ дремота, онъ натывается на остріе, сейчасъ же просыпается, а изъ подбородка ручьемъ течетъ кровь. (Въ пшавскомъ разсказѣ вмѣсто дэви является гигантскій чернй арабъ, натыкающійся на кинжалъ, когда начинаетъ дремать). На вопросъ Ростомелы, кого караулитъ дэви, послѣдній разсказываетъ, что у него отнялъ жену 12 головый дэви, который долженъ пройти

¹⁾ Вопросъ объ отношеніи сказанія о Ростомѣ къ персидской повѣсти Шах-Наме разсмотрѣнъ проф. *Миллеромъ* въ статьѣ „Иранскіе отголоски на Кавказѣ“ въ „Этногр. Обзор.“ кн. II и перепечатано въ его трудѣ „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“. О Бежалѣ отрывки въ *Извѣстїи* 1890 257 (картал.).

²⁾ Призваніе по кольцу—распространенный сказочный сюжетъ у малоруссовъ, цыганъ, англичанъ и др. См. статью проф. *Сумцова* „Мужъ на свадьбѣ своей жены“. „Этногр. Обзор.“ кн. XIX.

³⁾ „Ростомела“ въ *Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа*, вып. IX, отд. II, 167—170. Груз. текстъ изд. *Ахпателовымъ*, Тифлисъ 1887 г. Отдѣльные отрывки о Ростомѣ приводятся въ „Сбор. пшавскихъ пѣсней“, Т. 1887, въ Карталиноскихъ пѣсняхъ у *Бибилашвили* и др.

мимо его и съ которымъ онъ хочетъ биться на смерть. (Въ пшавскомъ разсказѣ чернй арабъ поджидаетъ краснаго, чтобы отбить у него красавицу). Ростомела обѣщаетъ помочь первому дэви, и когда показался второй, онъ поборолъ его, отрѣзалъ ему головы и возвратилъ сопровождавшую его красавицу ея мужу. (Въ пшавскомъ разсказѣ Ростомъ помогаетъ черному арабу только крикомъ, отнявшимъ бодрость у краснаго). Затѣмъ Ростомела, самъ плѣнившій красавицей, убиваетъ ея мужа и вступаетъ съ нею въ связь. (Въ пшавскомъ разсказѣ Ростомъ совершаетъ это убійство изподтипка, такъ какъ не можетъ справиться съ великаномъ въ открытомъ бою, не можетъ даже поднять его кинжала). Проведя одну ночь съ женою дэви, Ростомела на другое утро уходитъ, велитъ ей назвать будущаго сына Абрамомъ, когда онъ вырастетъ нашить ему на плечи двѣ красныя ленточки, по которымъ Ростомела могъ бы узнать сына, если съ нимъ впоследствии встрѣтится. Итакъ, въ имеретинской передачѣ иранское имя сына—Зорабъ замѣнено именемъ Абрамъ, въ которомъ скрывается имя Амиранъ, попавшее и въ другихъ кавказскихъ вариантахъ въ сказанія о Ростомѣ чрезъ контаминацію со сказаніями изъ цикла Амираана Дареджаніани Сынъ Ростомелы Абрамела (- ела-суффиксъ, придающій имени уменьшительное значеніе) еще трехлѣтнимъ мальчикомъ отличается непомерною силой и вырываетъ съ корнемъ цѣлыя деревья. Діаволъ въ видѣ женщины, побуждаетъ его сбросить примѣту (ленточки). Незнанный отцомъ, онъ вступаетъ съ нимъ въ бой, причемъ борцы всаживаютъ другъ друга въ землю. Отецъ, всадивъ сына въ землю по самую шею, отрубаетъ ему голову и затѣмъ замѣчаетъ на его плечѣ остатки ленточекъ. Въ отчаяніи онъ посылаетъ за „живою водою“, но діаволъ, въ видѣ женщины, отвлекаетъ его отъ намѣренія оживить сына. Женщина начинаетъ предъ Ростомелой мыть черную шерсть и на его вопросъ, неужели она думаетъ, что шерсть побѣлѣетъ, говоритъ: Она также не побѣлѣетъ, какъ не оживетъ и твой сынъ“. (Въ пшавскомъ разсказѣ сходный мотивъ приуроченъ къ тому моменту, когда Ростомъ по убійеніи сына бросился въ море и не хотѣлъ оттуда войти на землю). Наконецъ, Ростомела, бросивъ мысль воскресить сына, сломалъ себѣ самъ руку, которою отрѣзалъ ему голову и выразилъ свое сердце въ слѣдующихъ стихахъ.

„Ростомъ герой, Ростомъ дэви! Ростомъ страшно ошибся: сына онъ собственнаго убилъ и за то руку себѣ изуродовалъ“ (стр. 170).

Имеретинскій вариантъ бѣднѣ деталями, чѣмъ пшавскій, съ которымъ онъ представляетъ наибольшее сходство, но все же не лишены интереса для вопроса о переработкѣ иранскаго сюжета о боѣ

Ростомъ съ сыномъ на кавказской почвѣ. Имеретинскій своимъ началомъ (борьба двухъ великановъ изъ за женщины) подтверждаетъ, что этотъ эпизодъ, неизвѣстной изъ персидской версіи Фирдоуси, былъ прикрѣпленъ къ похождениямъ Ростомъ, повидимому, на Кавказѣ, но, вѣроятно, еще очень давно. Кажется, что мотивъ овладѣнія Ростомомъ женою какого-то великана (дэви или чернаго араба) находится въ какомъ-то отношеніи къ мотиву и связи Ильи-Муромца съ женою великана Святогора. Но разъяснить себѣ это отношеніе мы пока не въ состояніи *).

Удѣлѣвшій эпизодъ у тушинъ ¹⁾ передаетъ тотъ моментъ борьбы Ростомъ съ сыномъ Зурабомъ, когда послѣдній, пораженный отцомъ, испускаетъ духъ.

Ты старецъ, убѣленный сѣдинами
 Зачѣмъ вонзилъ ты въ меня мечъ до рукоятки?
 Куда уйдешь ты отъ места отца моего Ростомъ?
 —Если ты сынъ Ростомъ, у тебя будетъ знакъ на тѣлѣ.
 О, горе! Сынъ мой, Зурабъ, ты убить рукою отца!
 Не моя вина, виновата твоя мать—
 Кто повѣритъ жинщивѣ, да лишится могилы!

Къ числу героическихъ пѣсенъ должна быть отнесена поэма *Этеріани* или пѣсни объ *Абесаломѣ и Этери* ²⁾.

Красавица Этери много терпѣла отъ своей злой мачихи. Разъ мачиха ее послала въ поле стеречь корову, дала ей клубокъ пряжи, веретено, худо испекшійся хлѣбъ „кути“ и приказала клубокъ весь выпрясть, довольствуясь однимъ „кути“. Въ полѣ охотился царь той страны Абесаломъ. Онъ увидѣлъ въ лохмотьяхъ спящую въ тѣни дерева Этери и полюбилъ ее. Этери отказалась принять его предложеніе, говоря, что она бѣдная сирота, а онъ великій царь. На другой день Этери отказалась идти въ поле, Абесаломъ же пришелъ къ ней въ хату и снова поклялся ей въ любви именемъ Бога и всѣмъ,

*) Отзывы *проф. Миллера* о „Сборн. матер. для опис. племенъ и мѣстн. Кавказа“, стр. 98 (Тифлисъ, 1893).

¹⁾ *Мой* очеркъ „Тушинъ“. „Этногр. Обзор.“, кн. II, стр. 59. Содержаніе Рустеміады въ моемъ очеркѣ „Пшавы“ въ „Этногр. сбор.“ подъ ред. В. Ф. Миллера (М. 1888), вып. III, стр. 94. О Ростомѣ поютъ и мохевцы. („Мохевскія пѣсни“, Т. 1886). Отдѣльныя четверостишія о Ростомѣ сохранились у месховъ, карталинцевъ и др.

²⁾ Привожу содержаніе по изданной С. Т-ъ поэмѣ (Озуреты, 1892) дополняя ее имѣющимся у меня рукописнымъ вариантомъ. Въ 1869 г. А. І. Эліавишвили въ стихахъ съ своими прибавленіями впервые напечаталъ, Этеріани⁴ по распоряженію журн. „Мнатоби“.

что ему было дорого: пусть свыше Богъ мечетъ огни—Абесаломъ устоитъ подъ ними! Если на войнѣ поднятая сабля по рукоятки опустится въ пожны; съ скачущаго коня сорвется пряжка, въ безводномъ пространствѣ море для меня иссушится, для меня семь лѣтъ блуждающему истощится путевая провизія, и тогда кто могъ бы рѣшиться замыслить тебѣ измѣну? Въ знакъ своей вѣрности Абесаломъ далъ ей ножъ, потомъ послалъ ей вѣнчалное платье и устроилъ пышный брачный пиръ. Во время пира царь пожелалъ своего визиря Мурмана посадить во главѣ стола, покрытаго златотканной скатертью. Мурманъ посмотрѣлъ на Этери, и пробѣжала по всему его тѣлу сильная дрожь. Образъ Этери поразилъ его, отъ воспламенившагося чувства любви онъ метался, какъ сумасшедшій. Мать посоветовала ему поискать „лѣкарство любви“. Онъ отправился за нимъ и по дорогѣ встрѣтилъ дьявола въ образѣ человека. Дьяволъ согласился дать ему лѣкарство любви, если Мурманъ продастъ ему душу своей матери. Тотъ огорченный такимъ требованіемъ, вернулся къ матери, которая изъ явила согласіе пожертвовать для сына душой. Мурманъ отдалъ душу матери дьяволу, а послѣдній—одну чашу проса: „обсыпь имъ, говорить дьяволъ, Этери и она будетъ твоя“. Мурманъ такъ и сдѣлалъ. Просо обратилось во вшей, и онѣ покрыли тѣло Этери. Царь, выведенный изъ терпѣнія, разстается съ Этери и отдаетъ ее Мурману, пожелавшему ее принять. Какъ только Мурманъ прикоснулся къ Этери, вши оставили ее тѣло. Черезъ двѣ недѣли Абесаломъ проѣхалъ верхомъ мимо Этери, она стала его укорять, что онъ ее оставилъ и обратилъ ее вънецъ въ прахъ.

Абесаломъ опечаленный вернулся домой. Разъ на его вопросъ, какъ поживаетъ Этери, Мурманъ отвѣтилъ: хотя не подобаетъ хвалить свою жену, но скажу, что Этери гордо сидитъ въ высокой башнѣ („тонкая талія, плечи широкія, низкія бедра, лобъ широкій, мелкія брови, красивые виски“ — такъ описываетъ внѣшнія черты Этери), и прядетъ сырецъ—шелкъ: девять оловокъ робко ей прислуживаютъ, свекоръ сидитъ у нея за спиной и плететъ черную косу, девять деверей, какъ острые алмазы, заслоняютъ входъ къ ней, а свекоръ лежитъ на крышѣ, готовый глотать драконовъ.

Абесаломъ отъ тоски и ревности сильно заболѣлъ. Желая погубить Мурмана, чтобы вернуть Этери, посылаетъ его за живой водой. Мурманъ ночь проводитъ съ женою въ горькомъ раздумьѣ о разставаніи: ему нужно обойти горы Коджарскія, подняться на высоту орла. Сестра же Абесалома Марехъ (араб. назв. Арси) идетъ къ Этери и проситъ поспѣтить дворецъ ея брата Темурхана, осмотрѣть атласъ, привезенный

изъ Индіи и исцѣлить Абесалома своимъ лицедрвіемъ. Этери идетъ. Когда она приблизилась къ дому Абесалома, послѣдній узналъ ея шаги и воззвалъ благодарю за приходъ, но напрасно ты побезпокоилась, я стою у могилы—такъ угодно было Господу. Сестра забѣжала къ нему, чтобъ обрадовать его извѣстіемъ о приходѣ Этери. Онъ велѣлъ ей подать лучшаго коня съ сѣдломъ, усыпаннымъ камнями и жемчугомъ. Этери отвѣчаетъ, что ей не нуженъ конь: я храню твой ножикъ, я заколю себя въ правую грудь, чтобы умереть и быть погребенной съ тобой! Она погибаетъ съ нимъ и ихъ хоронятъ вмѣстѣ въ началѣ проѣзжей дороги. На ихъ могилѣ вырастаетъ роза и распускаетъ ее утренняя роса, изъ подъ могилы пробивается родникъ, въ которомъ плаваетъ золотая чаша: всѣ проходящіе мимо утоляютъ жажду, благословляя и завидуя ихъ участи. Мурманъ по возвращеніи изъ путешествія за живой водой зарылъ себя живымъ въ землю. На его могилѣ выросъ тернъ, а изъ подъ нея зародились щенята.*) Фіалка и роза надъ могилами Абесалома и Этери наклонялись другъ къ другу для объятій, но тернъ Мурмана становился посрединѣ и разъединялъ ихъ ¹⁾.

Въ Тушетіи сохранились героическія пѣсни о *Торган Тилисдзе* ²⁾ Вацаде, Гига, Зезва и другихъ героевъ, которые отличились въ борьбѣ съ лезгинами, кистинцами, чеченцами.

Гига воспѣвается, какъ охранитель и защитникъ кровной мести. За убійство въ войнѣ своего брата Георгія, Гига уничтожаетъ цѣлый отрядъ лезгинъ и этимъ чувствительнымъ урокомъ ограждаетъ Тушетію отъ повторенія подобныхъ случаевъ вторженія со стороны кистинцевъ и лезгинъ.

¹⁾ Отрывки сказанія объ Этери въ стихахъ поются въ разныхъ концахъ Грузіи (см. напр. *Иверію* № 275, 1889 г.). Литературная обработка этого сказанія, принадлежащая даровитому грузинскому поэту *Важа Пшавела*, напечатана въ *Иверіи* въ №№ 192, 194, 195, 196, и 197 1890 года. П. Умикашвили по народнымъ пѣснямъ, распѣваемымъ въ Карталинѣ, Кахетіи, Имеретинѣ, Самцхе, Хевсуретіи и гор. Моздокъ издалъ частью въ прозаическомъ, частью въ стихотворномъ изложеніи связанный текстъ поэмы объ Абесаломѣ и Этери. „Этериани“ въ томъ видѣ, въ какомъ обращается въ Пшаветіи, напечатанъ въ *Иверіи* (1888 г. № 274). Близкій (сигнахскій) вариантъ этой поэмы записанъ для меня свящ. Натидзе.

²⁾ Сказаніе кончается превращеніемъ, сходнымъ съ метаморфозами Овидія (Ср. Грузинское сказаніе какъ произошелъ иволга, удождь и соловей. „В. Евр.“ 1892, апрѣль).

³⁾ *Мой* очеркъ „Тушины“ въ „Этногр. Обзор“. Кн. 2.

Герой *Зезва* фигурируетъ между прочимъ въ нижеслѣдующемъ сказаніи о взятіи Бахтріонской крѣпости, которое привожу въ изложеніи. Объ этой крѣпости такъ отзывается географъ XVIII в. Вахушти: „Къ востоку отъ рѣки Алазани лежитъ крѣпость Бахтріони *). Нѣкогда она представляла собою сильную твердыню, но теперь брошена“.

Печальныя развалины этой крѣпости, дѣйствительно, слабо напоминаютъ о ея минувшей славѣ. А вотъ что рассказываетъ о ней народное преданіе. Два тушина изъ прикительцевъ, охотясь за дикими козами, вошли на небольшую гору, откуда открылась имъ неизвѣстная до того времени роскошная Кахетія съ ея Алазонскою долиною. Видъ восхитительной картины очаровалъ охотниковъ такъ сильно, что они рѣшили немедленно спуститься внизъ, въ Панкисское ущелье. Здѣсь они встрѣчаютъ татарскую стражу на рѣчкѣ Бацарисъ—цвали. Татары нападаютъ на нихъ, захватываютъ въ плѣнъ и, мало того, надругаются надъ ними самымъ позорнымъ образомъ. Народъ, взволнованный этимъ гнуснымъ поступкомъ своихъ враговъ, разсылаетъ гонцовъ къ пшавамъ и хевсурамъ, призывая ихъ къ мести за позоръ, который весь народъ терпитъ въ лицѣ своихъ собратьевъ. Горцы отделились, собрались въ Тушетію пшавы, хевсуры, тушины близъ рѣчки, гдѣ обыкновенно рѣшались дѣла, касающіяся всѣхъ общинъ. Ополченіе раздѣлилось на два отряда: одинъ направился въ Панкисское ущелье, гдѣ и скрылся, другой къ Бахтріонской крѣпости. Послѣднему отряду пришлось переправляться чрезъ рѣку по мосту, усыпанному золой съ тою цѣлью, чтобы по оставшимся на ней слѣдамъ знать направленіе враговъ. Тушины прибѣгли къ хитрости Виттекинда, подковали лошадей обратно и такимъ образомъ ввели въ заблужденіе татаръ относительно принятаго маршрута. Войско „султана“ погналось за ними, но какъ разъ въ другую сторону. Между тѣмъ отрядъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ приблизился къ Бахтріонской крѣпости, занятой татарами. Ворота крѣпости были заперты и взять ее не было надежды. Но герой Зезва заранѣе предвидѣлъ это; онъ заготовилъ колья, (ср. выше сваветскую версію объ Амиранѣ) которые вбилъ въ стѣну, и, взобравшись по нимъ, спустился во внутрь крѣпости. Отворивъ ворота, онъ впустилъ поджидавшихъ соумышленниковъ, а татары, видя ихъ, выбѣжали въ поле. Погнался побѣдоносный отрядъ горцевъ изъ Панкисскаго ущелья. Застигнутые въ серединѣ татары всѣ были перебиты, почему Алванское поле и получило названіе *гацхетила* (гацхвета — истреблять). Хевсуры и

*) *Wakhousht. Description géograph. de la Géorgie* (Сиб., 1842), стр. 321.

пшавы взяли добычу, а тушины получили Алвани. Этимъ объясняетъ народъ происхождение Алвани, какъ общей собственности всѣхъ тушинъ. Самое названіе Алвани ставится въ связь съ грузинскимъ словомъ али—пламя, такъ какъ дымились потоки крови татаръ, павшихъ на полѣ брани. По другому народному объясненію имя Алвани происходитъ отъ *ал*-господинъ или госпожа по кистинсеи и *ва* здѣсь: Алвани отсюда значитъ: здѣсь мѣстопребываніе царицы (Тамары). Сохранился рассказъ о Зевѣ и въ пѣснѣ, содержаніе котораго совпадаетъ съ приведеннымъ выше преданіемъ объ его подвигахъ.

Въ Карталиніи и Кахетіи распѣваютъ ¹⁾ *пѣсни объ Арсенѣ*, которыя представляются своего рода грузинской былинной въ томъ смыслѣ, что Арсена является лицомъ, жившимъ въ сравнительно недавнее время и во всякомъ случаѣ при русскомъ владычествѣ на Кавказѣ. Отдѣльныя слова русскаго происхожденія могутъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія: „драсти знаком“ (-здравствуй знакомый!); „куда идешь?“ и др. Пѣсни объ Арсенѣ поются странствующими музыкантами подъ аккомпаниментъ ствиры (волынки), и со словъ ихъ составилъ цѣлую книжку объ этомъ народномъ любимцѣ П. Умигашвили, выдержавшую уже нѣсколько изданій. Герой этой устной поэмы—Оделашвили Арсена—крѣпостной человѣкъ кн. Баратова, у котораго онъ похищаетъ одну красивую служанку, послѣ отказа барина ее уступить ему за 120 руб. Князь о похищеніи своей служанки донесъ „губернатору“, который посылаетъ 10—12 казаковъ за Арсеной, укрывшимся въ Триалетскихъ горахъ. Арсена избиваетъ казаковъ и ловко освобождается отъ нападенія. Арсена посвящаетъ себя „служенію интересамъ своихъ братьевъ“. Онъ предлагаетъ евреямъ, обманывающимъ крестьянокъ, мѣрить товары не аршиномъ, а длинной кизиловой палкой, которую онъ имъ даетъ. За послушаніе онъ угрожаетъ сбрить съ нихъ бороду и заставить ѣсть свинину. Беретъ у нихъ матерію на архалукъ и благородно возвращаетъ изъ предложенныхъ 150 руб. — 100 рублей назадъ. Съ армянина онъ снимаетъ шубу и самъ ее надѣваетъ. Узнавъ объ этихъ его похожденияхъ установили карантинъ („карактини“), чтобы онъ не проникъ въ страну лековъ (лезгинъ), откуда могъ онъ угрожать самому Тифлису. Благодаря измѣнѣ кума—Парсадана Бодбисхевскаго (деревня близъ Сигнаха), Арсена, послѣ обильнаго яствами и напитками ужина, былъ связанъ 12 пастухами Парсадана и доставленъ въ Тифлисъ. Здѣсь восторгались Арсеной

¹⁾ Пѣсни объ Арсенѣ, Тифлисъ 1889.

грузины, имеретины, осетины („хорцу“—хорошо), русскіе („очень хорошей“) и не могли наглядѣться на его красоту. Самъ начальникъ такъ былъ восхищенъ мужественнымъ его видомъ, что выбранилъ Парсадану за задержку блуждающаго героя. Начальникъ допрашиваетъ Арсену. Онъ отвѣчаетъ, что никого не грабилъ: если отнималъ у богатаго, то отдавалъ бѣдному. Однако, его заковали въ цѣпи и присудили къ ссылке въ Сибирь. Разъ онъ пожелалъ изъ крѣпости идти „по привычкѣ“ въ баню: по дорогѣ въ духанѣ (трактирѣ) на одинъ рубль онъ угощаетъ провожающихъ его солдатъ, которые напелись отъ рома, поданнаго духанщикомъ вмѣсто воды, а самому Арсенѣ подають папилокъ. Этимъ орудіемъ онъ распялилъ оковы въ банѣ и выбѣгаетъ, надѣвъ русскую шинель, сапоги и шапку. Онъ не метитъ своему врагу Парсадану, хотя и имѣетъ возможность, гуляетъ на свободѣ 15 лѣтъ, но ничьей крови не проливаетъ, „помогаетъ бѣднымъ и за то Богъ его не оставляетъ“. Умирая отъ хитрости въ Карталиніи отъ Георгія Кучатвели, онъ предъ смертью завѣщаетъ ему взять 7000 р., спрятанныхъ въ сел. Каспи и раздать бѣднымъ. Похоронили его во Мцхетѣ и поставили надъ его могилой мраморный памятникъ.

Одна поэма о *Солагѣ*—героѣ известна лишь месхамъ.*) Мнѣ удалось записать отрывокъ, повидимому, изъ очень длиннаго сказанія. Начинается рассказъ тѣмъ, что Солагъ отправился въ Стамбуль и прибылъ ко дворцу султана. Визирь встрѣтилъ его у дверей и, обнявъ его, спросилъ, зачѣмъ онъ пожаловалъ къ султану. Солагъ не успѣваетъ объяснить причины своего дальняго путешествія, какъ визирь предлагаетъ ему, какъ славящемуся во всей Грузіи борцу, вступить въ единоборство съ арабомъ, обѣщая въ случаѣ побѣды, предоставить ему постъ паши въ Ахалцихѣ. Солагъ отказывается, но визирь настаиваетъ. Борецъ наконецъ соглашается на предложеніе визиря; даютъ ему коня быстрого, сѣдло золотое. Въ патчицу весь городъ выходитъ на площадь. Арабъ летитъ на конѣ. Солагъ ему кланяется низко, но арабъ не терпитъ отлагательства—онъ хочетъ начинать бой. Онъ бросаетъ одно за другимъ три копыя, но Солагъ ловко отражаетъ удары. Тогда Солагъ направляетъ лошадь къ арабу, пускаетъ копье, арабъ падаетъ и умираетъ. Муллы приступаютъ читать коранъ надъ трупомъ. Солага берутъ во дворецъ, хотя онъ и боится за свою жизнь. Султанъ принимаетъ его благосклонно, награждаетъ его золотомъ и обѣщаетъ поручить ему должность паши въ Ахалцихѣ. Солагъ отказы-

*) Мой очеркъ о *месхамѣ* (Этногр. Обзор. кн. X).

вается отъ этой чести, предпочитая обладать силой при помощи своей руки, чѣмъ благодаря занимаемой должности. Въ этомъ сказаніи отражаются сношенія между Турціей и Месхетіей, когда послѣдняя съ XVII в. оказалась во власти османовъ.

III. Историческія пѣсни.

Въ историческихъ пѣсняхъ ¹⁾ воспѣвается преимущественно царица Тамара и царь Ираклій II *) Въ уста Тамары вляется грустное размышленіе о томъ, что она, при всей своей земной славѣ, не смотря на то, что побѣдоносно пронеслась отъ Испани до Константинополя, наложила дань на Турцію и Персію и была грозною повелительницею полъ-міра,—все таки унесла съ собою въ вѣчную жизнь лишь девять аршинъ грубаго холста.

Царицей была я Тамарой,
Вѣкъ свой въ заботахъ жила.
Построивши прежде Монголію,
Въ скалахъ прорубила дороги
И землю вокругъ обошла:
Воздвигнула башни въ моряхъ
И всѣхъ покорила себѣ...
И что-же? виновницу столькихъ дѣяній
Въ Самхорахъ постигла болѣзнь,
А въ Вардцихѣ съ жизнью разсталась;
И девять аршинъ полотна (т. е. саванъ)
Съ собой унесла я въ могилу....

Въ другой пѣснѣ воспѣвается царь Ираклій II, который навелъ такой ужасъ на лезгинъ и кистинцевъ, что они вынуждены были скрыться въ горы и надолго отказаться отъ разграбленія тушинскихъ стадъ.

Ираклій, Барталиновій повелитель,
Божьей волей взялся за мечъ.
Загремѣлъ въ барабанъ, заигралъ въ свирѣли

¹⁾ Историч. пѣсни приводятся въ *Джеджили* 1891, I, стр. 75. *Иверія*, 1889, № 214, ід. 1891, 12 сент. и 19 сент., 1890, 287 (о построеніи Тифлискаго Сіонскаго собора Вагратіонами, т. е. династіей Вагратидовъ).

*) Мой очеркъ „Тушины“ „Этногр. Об.“ кн. 2.

И собралъ сильный отрядъ.
Соорудивъ желѣзные телѣги,
Онь наполнилъ ихъ оружіемъ;
На рѣкахъ мосты построилъ,
Разрушивъ турецкій городъ до основанія,
Ираклійъ взялъ много добычи.

Въ трудныя минуты, подъ натискомъ врага, всегда вспоминали грузины этого героя—царя, сожалѣя, что онъ не придетъ заступиться за нихъ, придавая себѣ храбрости однимъ воспоманіемъ о немъ:

Возстань, простиись, герой героев!
Вѣдь ужъ слышится крикъ враговъ!
Пусть не застанутъ они насъ безпомощными;
Начнемъ ихъ рубить, какъ прежде рубили!
Но мы видимъ, что ты медлишь,
И намъ не вернуться домой!
Поле и площадь усыпаны жемчугомъ,
И онъ собирается тѣмъ, кто совершилъ подвигъ,
Но горе измѣннику отечества на томъ свѣтѣ:
Будеть онъ брошенъ въ огонь неугасимый!

Послѣ смерти Ираклія не только Тушетія, но и вся Грузія сдѣлалась ареной кровавыхъ сценъ. „Пали желѣзные врата, погибъ тушинъ, умеръ царь Ираклій—неуязвимая твердыня Грузіи. Царица убивается надъ безжизненнымъ трупомъ супруга; она призываетъ тушинъ, вѣрныхъ воиновъ Ираклія противъ враговъ, уже рассуждающихъ надъ свѣжей могилой царя, кому овладѣть престоломъ.“ Видно, что пѣсня эта сложена женщиной, потому что она оканчивается такимъ восклицаніемъ: „О, еслибъ я была мужчиною, то одѣлась бы въ кольчугу и первая вонзила бы кинжалъ въ сердце ненавистнаго врага!“

Періодъ владычества турокъ въ Ахалцыхѣ далъ много сюжетовъ для народной поэзіи *). Давленіе мусульманъ на населеніе, его преданность христіанской вѣрѣ, борьба грузинскихъ царей съ „хондаромъ“ (султаномъ) изъ-за Месхетіи давали обильную пищу для поэтического творчества. Нашествіе турокъ смѣнялось вторженіемъ персидскихъ шаховъ, производившихъ не меньше опустошенія, чѣмъ янычары султана. Одна пѣсня сохранила воспоминаніе о послѣдствіяхъ вторженія шахинъ—шаховъ „Двинулся грозно Демуръ—каянъ (шахъ), оставилъ свой городъ Хаворшанъ (Хорасанъ), вступилъ онъ въ пре-

Мой очеркъ „Месхи“ „Этногр. Обзор.“ кн. X. Столкновение съ лезгинами въ *Сбор.*, XIV.

дѣлы Грузіи, городъ (Ахалцыхъ) сжегъ, плѣнныхъ угналъ какъ стадо, а женщинъ и дѣвицъ роздалъ солдатамъ“. Въ другой пѣснѣ, отразилось отношеніе Месхетіи къ Высокой Портѣ. „Усупъ-паша, (съ позволенія отца) въ виду опасности, грозившей ему лишеніемъ поста въ Ахалцыхѣ, отправился къ султану, сѣлъ возлѣ него и сладко воспрошала его: „зачѣмъ, государь лишаешь меня сана? Ты знаешь, владѣтель Кахетіи (т. е. царь Ираклій II) ополчается на насъ. Велишь—приведу въ цѣпяхъ или, воткнувъ на копье его голову, преподнесу тебѣ“.—„Если это ты исполнишь, возстановлю твою власть, одарю тебя халатомъ и дамъ тебѣ весь Гурджистанъ“ (Грузію).

Одна надежда ободряла и жителей Месхетіи при турецкомъ владѣнствѣ—это помощь царя Ираклія. Взоры всѣхъ были обращены на него, онъ послужилъ предметомъ восторговъ и поэтическаго воодушевленія. Его славная побѣда надъ турками при Аспиндзѣ ¹⁾ (недалеко отъ Ахалцыха) вдохновляла не только народныхъ пѣвцовъ—месховъ, но и лирическихъ поэтовъ Восточной Грузіи (кн. Орбелани).

Я перевожу одну изъ любимыхъ распространенныхъ пѣсней у месховъ объ аспиндской битвѣ съ турками въ 1770 г.

Небо тучами покрылось,
Дождемъ земля оросилась,
Иракль къ Ацкверу стремился.
Онъ семь сутокъ здѣсь остался
У Аспиндзы уврѣнился
И съ врагомъ тутъ вдругъ столанулся.
Въ битвѣ кровь лилась рѣкой,
Делибашъ разбитъ совсѣмъ,
Царь Ираклій прослезился,
Когда „Русскій“ *) повернулся,
Но Богъ далъ Царю побѣду,
Трупы бросилъ онъ въ Куру.

Ираклій—любимый герой народныхъ пѣсней. Его имя пользуется всеобщимъ уваженіемъ, въ виду того могучаго отпора, который онъ далъ вторженіямъ лезгинъ въ Грузію. „Трупы убитыхъ тобой, царь, лезгинъ гніютъ на Аспиндскихъ поляхъ, сдѣлавшись добычей хищныхъ воронъ, жадно выклевывающихъ глаза павшимъ врагамъ Грузіи“. Молитвы всѣхъ возносились къ небу о дарованіи долгоденствія „лов-

*) Намекъ на гр. Тотлебена, оставившаго Ираклія II въ критическую минуту, безъ поддержки. Царемъ „Грамоты, относящіяся къ Грузіи“ Спб. 1891.

кому бѣдоку, неустрашимому воину“. На вопросъ падшихъ „кто такой Ираклій“, народъ описываетъ его, согласно историческимъ даннымъ грузинской лѣтописи: „Ираклій — милый ребенокъ ¹⁾, въ которомъ бьется сердце слона, крѣпокъ, какъ неприступная скала, разрушаетъ крѣпости, какъ подгнившее дерево.“ Самъ онъ вступалъ въ единоборство съ многими изъ враговъ и удачными ударами опрокидывалъ ихъ на землю.

Немало сказаній сохранилось у грузинъ о царицѣ Тамарѣ (XII в.). Съ ея именемъ связана масса легендъ, превратившихъ ее изъ строго—засвидѣтельствованной исторической личности въ полумифическую съ особенностями христіанской святой дѣвы или языческаго божества. У грузинъ—горцевъ она причисляется то къ лику святыхъ, то считается цѣлительницей отъ всѣхъ недуговъ и болѣзней. Нѣтъ сомнѣнія, что популярной царицѣ приписали на Кавказѣ много чертъ ей несвойственныхъ, и немало дѣяній и построекъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ и лицамъ. *) Разнохарактерныя наслоенія, сочетанія противорѣчивыхъ между собою качествъ отразились и на извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова: („Въ глубокомъ ущельѣ Дарьяла“ и пр.), который, вѣроятно, согласно съ народными преданіями говорить, что Тамара была „прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ—коварна и зла“. Месхи также помнятъ, что кизильбашскій владѣтель, очарованный небесной красотой царицы, хотѣлъ ее похитить, но попытки его были неудачны и кончились позорнымъ плѣненіемъ самого хана. Любопытно отмѣтить представленіе грузинъ какъ Тамара успѣвала воздвигать церкви и башни, приписываемыя исключительно ей, если только онѣ красуются на вершинѣ неприступной скалы или теряются въ тѣснинахъ дремучихъ лѣсовъ. Грузины увѣряютъ, что царица разставляла войско такъ, что послѣдній воинъ стоялъ на мѣстѣ постройки, а первый у подошвы горы, на берегу рѣки, около нужнаго для строенія матеріала: такъ передавались изъ рукъ въ руки кирпичи, камни, вода, св. иконы и богослужебные предметы.

Изъ другихъ историческихъ пѣсней отмѣчу воспоминаніе о царѣ Арчилѣ. Ему совѣтуется оставить Аліани и Чаліани (деревни), уг-

¹⁾ За небольшой ростъ Ираклій прозванъ былъ „патара кахи“ (маленькій кахетинецъ). Это не мѣшало ему быть выдающимся полководцемъ, которымъ восторгался Фридрихъ Великій.

*) О Тамарѣ см. „Джеджили“ 1892, VI; Новое Обозрѣніе № 2764; „Иверію 1893, № 24. „Сбор. мат. для опис. племенъ и мѣст. Кавказа“, в. VII; X, отд. III, стр. 35, 45. Осет. этюды В. О. Миллера, III, 174 — 179.

рожая въ противномъ случаѣ ядомъ. Въ одной пѣснѣ отмѣчается царь Иасе, который окружилъ свой дворецъ тутовыми деревьями и развелъ прекрасный садъ. Въ пѣснѣ посвященной Вахтангу (Горгаслану?), передается, что Господь его любилъ и давалъ ему слышать звонъ небесный. Подъ его гигантскими шагами содрагался Эльбрусь, съ вершины котораго онъ разогналъ дьяволовъ за 9 горъ. Эпоха феодализма, давленія дворянства на крестьянъ, купля-продажа ихъ дали поводъ излить накипѣвшую горечь въ пѣсняхъ, часто проникнутыхъ глубокой ненавистью къ своимъ господамъ. „Ты, Эриставъ, владѣлецъ горъ и Арагвы, оставь торговать своими крестьянами, ты много уже продалъ дѣвицъ и женъ, украшенныхъ черными волосами и красивыми глазами“^{*)}. Вспоминаются князья Амилахвари Зурабъ, Арагвскій эриставъ и Тумановы, притѣсняющіе своихъ крестьянъ.

Отмѣтимъ въ полномъ видѣ одну пѣснь о Тамарѣ со словъ мествире (пѣвца).

„Это было, когда была и жила царица Тамара, а когда была и жила царица Тамара,—то знаетъ весь крещеный грузинскій людъ!

Пріѣхала Тамара въ Карталицію—и весело стало въ Карталиніи, встрѣчалъ народъ Тамару, миловала народъ Тамара!

Ѣхала ли она черезъ деревню—деревня становилась городомъ—пріѣзжала-ли въ городъ и городъ дѣлался Тифлисомъ.....

И много людей крещеныхъ и некрещеныхъ, ѣхало съ нею: князья и дворяне грузинскіе, агалары и беки татарскіе, паши и аги турецкіе....

Вздумалось царицѣ царей, прекрасной Тамарѣ,—вздумалось ей поохотиться на звѣрей лѣсныхъ, на птицъ небесныхъ.

И бѣжалъ олень многорогій навстрѣчу ей стрѣль, и не смѣла цапля бороться съ соколомъ крѣпко-грудымъ!

На берегу Лиахвы, на самомъ этомъ мѣстѣ, — гдѣ стоимъ мы теперь, христіане, отдыхала (царевна) Тамара, любовалась охотою.

Князья и беки, и паши не щадили рьяныхъ коней и все джигитовали и все гонялись за звѣрьми быстроногими, чтобъ бросила на нихъ свѣтлый взглядъ Тамара, чтобъ похвалила ихъ молодечество.

Но не думала о нихъ царица, не глядѣла на нихъ Тамара — любимый ея ястребъ улетѣлъ и сѣлъ за рѣкою на крутой горѣ, — и не хотѣлъ возвратиться съ добычею къ Тамарѣ.

Рогомъ серебрянымъ созвали князей, сбѣжались беки, прискакали паши—просить ихъ Тамара переплыть воду, принести ей ястреба.

^{*)} Пѣсни относящіяся къ крѣпостному праву, печатались въ *Иверіи* 1890, № 6, 1891, 20. Ограженіе нар. поэзіи въ лѣтописи *Кар.-Цх.* II, 40 (Зурабъ Эристовъ), 125 (Бахтеріони).

Широко разлилась Лиахва, шумитъ она сильно, бѣжитъ она шибко—гарцуютъ князья, беки и паши—а воды переплыть не смѣютъ.

Смотритъ на нихъ царица, смѣется надъ ними, презираетъ ихъ и сулитъ дать, какую ни попросить награду, смѣльчаку, кто переплыветъ воду, кто возвратитъ ей ястреба.

Смотритъ на Тамару юноша съ свѣтлыми глазами, юноша съ черными кудрями—и просится плыть за птицею ослушницею!

Широко и шибко бѣжитъ Лиахва—но смѣло и сильно переплываетъ се пѣвецъ молодой, высоко на горѣ сидитъ ястребъ — ловитъ его чернокудрый охотникъ и несутъ его уже волны рѣки къ Тамарѣ, и скоро попроситъ онъ себя награды....

Но тяжелая мысль потемнила свѣтлое лицо царицы—но сжалось ея сердце, и думаетъ она со страхомъ: что если юноша попроситъ себя въ награду ея сердце, ея любовь?..

Стала молиться она Божіей Матери Гелатской, стала просить, чтобъ спасла и защитила ее отъ желаній юноши, если захочетъ онъ ея сердца, ея любви....

Изъ Лиахвы уже смотрятъ на нее черные глаза пловца—нетерпѣливо кричитъ птица хищная,—но зашумѣла буря, и Лиахва опрокинула, унесла въ Куру хребца молодаго.

И снова стала молиться Тамара; о чемъ она молилась, то знала только ея грудь бѣлая, да голова многоумная—а сказала она князьямъ, что выстроить на горѣ, гдѣ сидѣла птица непослушная, крѣпость крѣпкую, на память о юношѣ бѣдномъ, что утонулъ ради спасенія души ея чистой!..

Вотъ, христіане, какъ построилась, церковь, крѣпость въ Гори, вотъ, христіане, что было, когда была и жила царица Тамара?....

Пѣсня эта¹⁾ въ звучныхъ стихахъ обработана поэтомъ В. Л. Величко „Горійская башня“ въ I т. его „Восточныхъ мотивовъ“.

IV. Лирическія пѣсни.

Лирическія пѣсни²⁾ отличаются лаконической сжатостью и краткостью и такими особенностями, свойственными грузинскому языку,

¹⁾ Эта же легенда о Тамарѣ приурочена къ Гориджварской церкви. См. статьи въ „Кавказѣ“ 1887 № 117, 118, 134, 139. „Гор. Гори и окрестности“.

²⁾ Помимо отдѣльныхъ народныхъ пѣсенъ, печатавшихся въ *Иверіи*, „Квалъ“, „Джеджили“, мы имѣемъ въ настоящее время два печатныхъ сборника, „Мохевскихъ“ и „Пшавскихъ“ пѣсенъ (Т. 1886 и 1887). Хевсурскія пѣсни съ комментаріями Н. Урбнели печатались въ *Иверіи*, тупинскія же, собранныя мною, остаются пока въ рукописи.

которые дѣлаютъ ихъ почти не переводимыми на русскій языкъ. Я приведу нѣсколько образцовъ, чтобы дать представленіе объ этомъ видѣ грузинской поэзіи. „Восходящей зарѣ и солнцу говоритъ она—взойди! Насытиться твоимъ созерцаніемъ мнѣ не суждено, такъ вопъ измученная душа! Это значитъ, что красавица, возлюбленная страдальцемъ, можетъ соперничать съ утренней зарей по красотѣ, но ему не предопредѣлено считать ее своей подругой, и въ отчаяніи ему остается наложить руку на себя. Въ другой пѣснѣ влюбленный, не пользующійся взаимностью, прокликаетъ день своего рожденія: „я не ждалъ твоей разлуки. Когда вспоминаю тебя, пламенная любовь сжигаетъ мнѣ сердце, и если суждено, было разстаться съ тобой, то къ чему выростила меня бѣдная мать!“ Иногда проявляется поразительная преданность выбранной сердцемъ, рѣдкая готовность пожертвовать за нее жизнь, лишь бы на короткое время насладиться ея дружбой“. „Если бы кто-нибудь изрубилъ меня на куски, трупъ бросилъ на съѣденіе чернымъ воронамъ, а кровь пролилъ для утоленія жажды свободныхъ оленей,—все это я перенесъ бы легко, лишь бы остался съ тобой вдвоемъ“. Разъ загорѣвшееся чувство любви постепенно возрастаетъ, вытѣсняя всѣ помыслы о другихъ. Измѣна-позоръ, постоянство-достоинство любящихъ сердецъ. „Съ тѣхъ поръ какъ ты ушелъ,—говорить дѣвица своему возлюбленному,—я взора не бросала на другихъ; кровавые ручьи непрерывно текли изъ моихъ глазъ, окрашивая краснымъ цвѣтомъ безбрежное море“.

Особый видъ поэзіи составляютъ пѣсни, въ которыхъ отъ имени дѣвицы и ея возлюбленнаго дѣйствуютъ звѣри. Этотъ животный эпосъ очень богатъ и по количеству стиховъ и по внутреннему ихъ содержанию. Символически олень означаетъ влюбленнаго, голубь—влюбленную, лиса — неприятельницу ихъ, медвѣдь — грубую силу и проч.. Женщина служитъ предметомъ поэтического воодушевленія грузинъ и воспѣвается какъ хранительница завѣта предковъ, съ презрительнымъ укоромъ обращающаяся къ самимъ мужчинамъ, потерявшимъ прежній отважный геройскій духъ. Если теперешній мужъ уже не тотъ безстрашный воинъ, о которомъ прежде мечтала грузинка, за то она та же скромная и вѣрная супруга со всеми качествами, которыми грузинъ чрезвычайно дорожитъ. Опъ воспѣваетъ ея черные глаза, черныя кудри, и, по своей любви къ фигуральнымъ выраженіямъ, сравниваетъ ея носъ съ тонкой свирѣлю, нѣжныя губки съ кожицей лука, зубы—съ правильно расположеннымъ бисеромъ, глаза на розовыхъ ланитахъ уподобляетъ паденію звѣздъ съ небесной высоты, а рыданія съ

грустнымъ напѣвомъ соловья. Или вотъ еще подобнаго уже рода образныя восхваленія:

Скажи мнѣ, дѣвушка, чья ты?
Твои глаза напоминаютъ ежевику;
Лобъ походить на луну,
Появившуюся среди темной ночи;
Лицо же твое подобно утреннему солнцу,
А ростъ тростнику, растущему при морѣ.

Любовью этой красавицы грузинъ очень дорожить и всякая случайная помѣха или интриги злого разлучника повергаютъ его въ уныніе или въ озлобленіе.

Полюбилъ я дѣвицу-красавицу,
Но меня постигло несчастье:
Просилъ ея руки, и мнѣ отказали,
Злой разлучникъ сталъ между нами.
Уймись, недругъ, перестань враждовать,
Уяроги свой змѣинный языкъ!
Вѣдь ты виновникъ нашего разлада.
Тяжкій же грѣхъ ты взялъ на себя!

* *
*

Желалъ бы я быть ястребомъ
И подняться на высокій утесъ.
Бабы догнать мнѣ твоего похитителя
И увидѣть, на чьей рукѣ ты ляжешь!..
Я повѣдаю тебѣ свои мысли,
Если ты отзовешься на стонъ моего сердца.
Я уже повѣдаю этотъ край,
Иду въ Триалеты (горы) за овцами.
Хоть тогда поплачь обо мнѣ,
Когда насыплютъ надо мною могилу.

Съ своей стороны за измѣну разъ избранной подругѣ грузинъ самъ надъ собою произноситъ неумолимое проклятіе. „Твоего измѣнника,—говоритъ онъ красавицѣ въ пѣснѣ,—пусть караетъ всевышній Богъ, пусть буря—ураганъ застигнетъ на безлюдномъ „салбухекомъ“ послѣ и раздробится на куски поднятый на врага сверкающій кинжалъ!“

Требуя отъ женщины постоянства, онъ и самъ себя обязываетъ остаться неизмѣннымъ другомъ своей возлюбленной. „Кто можетъ соб-

рать разсыпанныя зерна кромѣ цыплятъ? Кто сумѣетъ насъ разлучить кромѣ смерти?" Нравственныя качества женщины измѣряются и ея хозяйственными способностями: „хорошая жена встаетъ рано утромъ, принесетъ воды, вымоетъ посуду и отнесетъ провизію къ пахарямъ“. Народъ не терпитъ женщины болтуни и лживой.

Скажемъ нѣсколько словъ вообще о пѣсняхъ. Грузія въ древности была въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, и вліаніе послѣдняго слишкомъ глубоко отразилось на бытѣ и характерѣ грузинъ. Много поучительныхъ, трогательныхъ и поэтическихъ сценъ совершилось въ 15-ти вѣковой борьбѣ Грузіи, религіозной и политической, подъ гнетомъ непрерывныхъ бѣдствій отъ персовъ и турокъ. Но, къ сожалѣнію, отголоски ея прошедшей жизни и волненій мало высказались въ пѣсняхъ. Угнетенный народъ не имѣлъ, повидимому, ни времени, ни расположенія слагать пѣсни; лишь непоколебимая прмвязанность къ вѣрѣ осталась ему въ утѣшеніе: въ гимнахъ благоговѣнія выражалъ онъ свои думы о претерпѣваемыхъ ужасахъ. Но не однѣ событія внутренней жизни народа создаютъ характеръ его поэзіи. Грузія, по естественному положенію своему, можетъ назваться счастливѣйшею страной: ея роскошная природа и живописныя вершины горъ и скалъ представляютъ на каждомъ шагѣ поэтическія картины, и, располагая къ пріятнымъ впечатлѣніямъ, невольно вызываютъ порывъ души.

Пѣсни, относящіяся къ полевымъ работамъ ¹⁾, хорошо характеризуютъ народный бытъ:

„Ну буйволъ рогатый,
Я тебѣ товарищъ по ярму;
Но не могу нести его съ тобой:
Меня называютъ еще мальчикомъ!“

Чтобы понять эту пѣсню нужно знать, что въ грузинскихъ деревняхъ у крестьянъ во время уборки хлѣба, на гумнѣ, между работающими крестьянами, есть непременно главный запѣвало. Начиная пѣсню, онъ обращается къ буйволамъ, запряженнымъ въ плугъ, чтобы они несли ярмо, и что хотя тяжесть эту несутъ и жнецы, но не могутъ раздѣлить ее вполнѣ, такъ какъ они въ сравненіи съ ними (буйволами) безсильны, какъ дѣти. Затѣмъ за каждой фразой слѣдуетъ общій припѣвъ (*a - pa - lalo!*) Никто не принималъ говорить въ пѣснѣ на себя обязанностей предъ лицомъ І. Христа кормить крестьянина, одинъ только волъ вызвался начертать на своихъ

¹⁾ „Кавказъ“, 1850, № 64. „Иверія“, 1890, № 6.

рогахъ этотъ трудъ. Бросились къ нему ангелы и поцѣловали его въ глаза и прильпили къ рогамъ пару восковыхъ свѣчей. „Ступай и работай шесть дней, а кто запряжетъ тебя въ праздничные и воскресные дни, того да посѣтитъ проклятіе Божіе“. Волъ жалуется, что его не только заставляетъ работать по праздникамъ, но и самъ погонщикъ садится на ярмо. Ангелъ отвѣчаетъ, что люди объ его завѣтѣ вспомнятъ поздно,—когда съ желѣзнымъ ярмомъ бросятъ ихъ въ адъ. Вотъ еще пѣсня въ подобномъ родѣ:

О плугъ! готовъ я тебѣ пожертвовать собой,
Люблю я твою дугообразную шею;
Ты даешь намъ хлѣбъ и вино,
Человѣкъ, гонимый нуждою—
Невольно дружится съ тобою.

* *

Въ чему молодцу украшенія свѣта,
Въ чему пригодятся они?
Прилична ему: острая шапка,
Да мощная сила мускулистыхъ рукъ.

* *

Смерть сказала жизни:
Много я брани терплю отъ тебя,
Но слухъ мой отъ браней закрытъ:
Не страшны мнѣ твои угрозы!

Въ этихъ народныхъ пѣсняхъ высказываются нравственныя и религіозныя воззрѣнія. Въ небольшомъ четверостишіи проводится взглядъ о необходимости судьбы, взглядъ, который извѣстенъ и по нѣсколькимъ сказкамъ: „Доля“, „Судьба“ и др. Въ чемъ заключается назначеніе человѣка, по пониманію народа, видно изъ слѣд. пѣсни: цѣль жизни не въ наслажденіи жизнью, которая обращается въ прахъ со дня смерти, а въ томъ, чтобы „человѣкъ былъ добръ и щедръ, ласковъ и привѣтливъ, сострадательнъ къ несчастнымъ и преданъ Богу. О, превратная вселенная! испытала ты меня тысячу разъ, взростила мою плоть и сгубила душу“ ¹⁾! Нѣкоторыя пѣсни созданы подъ вліаніемъ письменной литературы, въ особенности поэмы Шота Руставели *Барсова кожа*. „Такъ тяжела старость, что камышекъ перевѣшиваетъ ее, ляжешь и не встанешь, лѣнь даже приподняться“! Другое четверостишіе

¹⁾ *Иверія*, 1889, 204.

о равноправности мужчинъ и женщинъ также подсказано Руставели:
„Порожденіе льва—все левъ, все равно какого бы пола оно ни было“.

Такое содержаніе большей части грузинскихъ народныхъ пѣсенъ. Между тѣмъ, грузинъ-поэтъ по преимуществу, онъ любитъ пѣть болѣе чѣмъ кто-нибудь: каждый кустъ, каждое дерево, каждое событіе вызываетъ изъ устъ его пѣсню, — если можно назвать импровизацію, изливающуюся бессознательно, отъ избытка сердечныхъ ощущеній.

Народныя пѣсни нынѣшнихъ грузинъ раздѣляются на двѣ категоріи: на собственно народныя грузинскія и получившія народность татарскія, персидскія и армянскія. Характеръ первыхъ болѣе эпическій, послѣднихъ—лирический, первыя рисуютъ какія либо событія изъ жизни народной, преданія старины и картины идиллическія; послѣднія выражаютъ какую либо скорбь сердца объ утраченной любви, восхваляютъ красоту женщинъ и проникнуты нѣжностью и яростью красокъ. Тѣ и другіе народны въ Грузіи и поютъ на каждомъ пиршествѣ, смѣсь этихъ пѣсенъ до того обыкновенна, что не рѣдко грузинъ или армянинъ, въ разгарѣ пира, или въ минуты одиночества, заливаема отъ души татарскою пѣсню, слушатели, какъ и самъ пѣвецъ, считая себя растроганными до слезъ, не понимаютъ ихъ содержанія. Формы этихъ пѣсенъ различны, — смотря по содержанію и принадлежности. Грузинскія являются подъ названіемъ: *симгера* или *шаири* и *лекси*. Симгера пѣсня обыкновенная, заключающая въ себѣ нѣсколько строкъ въ стихахъ или прозѣ. Лекси — собственно стихотвореніе, пѣсни въ стихахъ. Пѣсни, распѣваемые въ хороводахъ называются *перхуми*.

Тебя я люблю, и вижу въ тебѣ
Красоту лучезарнаго солнца;
Сладкимъ кормлю я тебя леденцомъ
И сахаромъ бѣлымъ какъ снѣгъ....
Обо мнѣ жъ не тужи: сытъ я,
Голодный, люблюсь тобою.

* *

Вотъ этотъ дѣтина пляшетъ не душно:
На пальцы становится ногъ;
Ну, если онъ ногу себѣ повредитъ?
Взвалить онъ вину на судьбу!—

* *

Подъ бурной сладко спится мнѣ
Отъ полночи глубокой до разсвѣта;

Но въ этомъ безмятежно снѣ —
Три призрака меня волнуютъ часто
Одинъ какъ будто не земной,
Исполненъ красоты и пѣги—
Другой сіяетъ предо мной,
Какъ солнца лучъ, какъ звѣзды неба.

А третій призракъ всѣхъ милѣй,
То призракъ дѣвы черноокой,
Подруги нѣжной прежнихъ дней.
Цвѣтокъ взлѣбленной любовью...

О, если-бъ мнѣ построить домъ!
Обвелъ бы я тотъ домъ оградой,
И поселилъ тогда бы въ немъ
Моихъ невѣдомыхъ красавицъ!

Ихъ пѣсни тѣшили-бъ меня,
Ихъ рѣчи сладкія лились бы въ душу,
И никогда не спалъ бы я
Отъ полночи глубокой до разсвѣта!

* *

Заглянулъ я въ садикъ—аралало!
Увидѣлъ спящую красавицу—аралало!
Подъ тѣнью цвѣтущей яблони,—
Яблонь была у ея изголовья,—
А у ногъ ея пропасть зелени.—
Я молилъ ее: полюби меня!
Но она была въ траурѣ,—
По родномъ братѣ,—
Отказала мнѣ въ любви...
Чтобы вѣкъ ей осталась
Съ такими чувствами,
Съ какими я оставилъ ее!—

* *

Красавицы вотъ вамъ совѣтъ,
Послушайте мою пѣсенку.
Не любите стариковъ:
Они пресыщены сладостью,
Повинули ихъ желанія
И жажды любви нѣтъ въ ихъ груди.
Не любите льстивыхъ,
Берегитесь вельможъ,

Чтоб не увлекло вас притворство,
 Чтоб не взманили почести.
 Любите пылких юношей,
 Еще робких и неопытныхъ.
 Чего они не выскажутъ словомъ,
 То прочтете въ ихъ глазахъ.

**

Когда построили Манглисъ,
 Обвели его ключевой водой
 И украсили великолѣпными теремами.
 Въ нихъ обитала красавица.
 Повадилса къ ней пастухъ изъ Триалетъ
 И носилъ каждый день на блюдѣ сыръ.
 Захотѣлось бѣдняку на ней жениться,
 Онъ высказалъ красавицѣ желаніе.
 „Горемычный, отвѣчала она,—если
 Скрывалъ ты въ сердцѣ подобную мысль,
 Какъ смѣлъ обнаружить ее устами,—
 Горе тебѣ; да исчезнетъ все твоё стадо!“—
 И уста пастуха тоже огласились карой:
 „Да разрушатся терема твои,
 Да увезутъ тебя въ плѣнъ лезгины
 Съ плачемъ и стenanіями!
 Чтобъ предсталъ я предъ тобою
 Съ чашей, наполненной серебромъ
 Для твоего выкупа;
 Лишь выкуплю тебя, тогда
 И радость окружить меня и веселье!“

Изъ мусульманскихъ пѣсенъ поются въ Грузіи только два рода:
 мухамбазъ и баятъ. Мухамбазъ — пѣсня въ стихахъ, имѣющая опре-
 дѣленное содержаніе и собственный напѣвъ. Для примѣра приведемъ
 удачный переводъ „Татарской пѣсни“, напечатанной въ *Закавказ-
 скомъ Вѣстникѣ* (№ 3, 1847 г.).

Она.

Онъ у башни стоялъ подь стѣной,
 И на немъ былъ чекмень дорогой,
 И мелькала подь краснымъ сукномъ
 Голубая рубашка на немъ.
 Упрекайте меня,—прикажите судить!—
 Вся вина моя горькая въ томъ,

Что его навсегда мнѣ пришлось полюбить!
 Не бросай въ меня камнями;
 Я и такъ ужъ ранена!
 Весь народъ ходитъ въ праздничныхъ одѣяніяхъ,
 Я одна только въ траурѣ!
 Подъ стѣной сталъ гранатъ поспѣвать:
 Всѣхъ плодовъ мнѣ рукой не достать;
 Всѣхъ прекрасныхъ мужчинъ для чего:
 Стала бы я привораживать! О,
 Приютила бъ я къ сердцу во мракѣ ночей,
 Приглубила бъ только его,—
 И ужъ больше любви мнѣ не нужно ни чьей!
 Не бросай въ меня камнями;
 Я и такъ ужъ ранена!

.....
 Разлучили насъ горы,—холмы
 Эриванскія; бѣлой зимы
 Вѣчнымъ снѣгомъ покрыты онѣ,
 Говорятъ на чужой сторонѣ
 Дѣвы Грузіи блескомъ своей красоты
 Увлекаютъ сердца,—обо мнѣ,
 Въ той странѣ не забудешь-ли ты?!

Не бросай въ меня камнями;
 Я и такъ ужъ ранена!
 .....
 Говорятъ, вѣсть оттуда пришла,—
 Тамъ кровавая битва была,
 Тамъ засада была!—говорятъ,
 Будто нашихъ Сарбазовъ отрядъ
 Истребленъ ненавистной измѣною... Ахъ,
 По дорогѣ блуждаетъ мой взглядъ,
 Далеко—и шепчу я молитву—Аллахъ!..

Онъ.

Я бѣ желалъ или камнемъ быть безчувственнымъ
 Подъ стѣнами у башни лежать,
 Или всякаго, кто ни ѣдетъ къ намъ,
 Кто ни ѣдетъ отъ насъ,—провождать,—
 Лишь бы только узнать, познакомиться
 Помѣняться, какъ съ братомъ, душой,
 Съ тѣмъ, который такую красавицу
 Называетъ родною сестрой.

Подъ стѣнами у башни три дерева,
Три черешни цвѣтутъ, но нѣжнѣй
Чѣмъ плоды поливные, сверхающій
Цвѣтъ ланить у Зюлейки моей.
Не она ли? я вижу, идетъ ко мнѣ,
Съ непокрытыми персими, ахъ!
На ея ли груди не молятся мнѣ
За нее, и за жизнь—о, Аллахъ!

Баять—пѣсня, напѣвъ которой заключается въ звонкихъ перекатахъ и значительномъ повышеніи голоса, содержаніе ея обыкновенно двѣ, или не болѣе трехъ строкъ, выражающихъ какую-либо мысль съ приличнымъ сравненіемъ. Пѣвецъ растягиваетъ иногда баять на цѣлый часъ, повторяя одно и тоже.

1.

Всѣ ищеть свой предѣлъ:
Борабль не вѣчно остается въ морѣ,
Душа не вѣчно живетъ въ тѣлѣ...
Не страшить меня не постоянство жизни,
Не боюсь измѣны твоей любви.

2.

Соловей любить розу, лишь ей
Онъ поетъ сладко звучныя пѣсни;
Та же о, милая,
Никогда не разлучна со мною....
Ахъ научи меня пѣснямъ любви,
Любимецъ красавицы розы.

3.

Могутъ ли когда ослабѣть
Рука собирающая грозды
И нога, выжимающая сокъ винограда!
Этотъ упоительный напитокъ
Слаще и упоительнѣе,
Чѣмъ голый поцѣлуй юной красавицы
Старое вино дороже всѣхъ удовольствій міра.

Кромѣ этихъ пѣсенъ въ Грузіи употребляются еще пѣсни на армянскомъ языкѣ подъ названіемъ: вичаки *), вродѣ русскихъ

*) Статьи И. Еглагова въ „Кавказѣ“ 1850 г. № 64 и др. Ср. *Дубровинъ*, Ист. войны на Кавказѣ т. I, кн. II, 164—6.

святочныхъ. Самыя ревностныя послѣдователи вичаки — армянки и грузинки. Для этого собираются онѣ ежегодно, на канунѣ Крещенія и Вознесенія, въ ближайшей сосѣдней домъ, куда приносятъ каждая съ собою какія нибудь бездѣлушки: кольца, ключи, ножницы, наперстки и проч. Затѣмъ садятся въ кружокъ и, выбравши изъ среды себя царицу—одну изъ дѣвушекъ, покрываютъ ее флеромъ; передъ нею ставятъ горшокъ, наполненный водою съ принесенными вещичками. Начинается сложенная на этотъ случай пѣсня передъ завѣтнымъ горшкомъ и таинственная жрица сидитъ безмолвно подъ прозрачнымъ покрываломъ, изъ подъ котораго выглядываютъ часто очаровательныя глазки. По окончаніи пѣсни, царица вынимаетъ изъ горшка наудачу вещичку, которая рѣшаетъ, кому предвѣщается жребій по приговору пѣсни. Обрядъ этотъ продолжается до тѣхъ поръ, пока опустѣетъ горшокъ, и увы! разлука съ горшкомъ многимъ изъ нихъ обходится не безъ слезъ...

1.

Яблоко есть у меня
Разукрашенное,
Братъ просилъ, не дала:
Милымъ оно
Мнѣ въ подарокъ дано.

2.

Рѣчка бѣжитъ
Волнуется;
По рѣчкѣ плывутъ
Два яблочка...
Вотъ и милый мой
Возвращается.
Вижу, какъ рукой
Шапкой манить онъ!

3.

У нашего дома цвѣтеть огородъ;
Въ огородѣ томъ травка растетъ—
Нужно траву скосить молодцу,
Нуженъ молодець красной дѣвицѣ...

4.

Хлѣбъ я спекла изъ пшена,
Показался ячменнымъ онъ мнѣ...
Ахъ, далеко ты отсюда, мой милый!
Но какъ вернешься съ пути—

Рѣчи полюбятъ изъ усть,
Словно сахаръ сладкія.

5.

Воспѣвая розу, я цвѣты собираю;
Соберу и насыплю цвѣты я въ мѣшокъ,
И мѣшокъ тотъ кругомъ обошью;
И пойду, поброжу съ сакля на сакля,
И лучше тебя я найду
Молодца.

6.

Поднялась я на горву крутую,
Мыль бѣлье подвѣечное,
Мыло было съ позолотою;
На глазахъ же слезы горькія...
Ахъ, родные не горюйте вы—
На роду мнѣ такъ написано.

7.

Пошла я подъ камень тяжелый—
И пару лишь платья взяла...
Ахъ, скажите вы роднымъ моимъ
Доля тяжкая мнѣ досталася.

Грузины имѣютъ также свои музыкальные инструменты: ствири (дудка), дапи (въ родѣ барабана), чанги (арфа), буки (труба), горотото (длин. труба), цинцилани (кастаньетики), чонгури и чіанури (родъ скрипки). Изъ нихъ самыя древнѣйшія и собственно грузинскія: ствири, горотото, буки, цинцилани и чанги—названія эти встрѣчаются въ „Барсовой кожѣ“ Руставели и весьма часто упоминаются даже въ старинныхъ грузинскихъ сказкахъ. Что касается дапи, чонгури, и чіанури, а въ послѣдствіи еще—зурна, дудки, то эти музыкальные инструменты перешли въ Грузію изъ Персіи. Люди, посвятившіе себя изученію музыкальнаго искусства, въ томъ числѣ и пѣснопѣвцы, называются общимъ именемъ сазандари, но раздѣляются на два рода: мествире и ашуги, о которыхъ мы поговоримъ подробнѣе.

Мествире—это странствующие всюду грузинскіе музыканты, во всякое время года, въ особенности же въ дни масляницы. Они обыкновенно бродятъ по улицамъ, играя на такъ называемой гуда—подобіе волынки. Гуда дѣлается изъ небольшого бурдюка съ двумя лапками; въ одну изъ нихъ вставляется дудочка, а въ другую деревянный рожокъ съ круглыми продушниками. Дудочка и рожокъ уби-

раются для украшенія различными побрякушками, какъ то: змѣиными головками, раковинами и т. п. Самый же бурдюкъ обшивается холстомъ, тикомъ, или чѣмъ нибудь, по состоянію мествире.

Похожденія мествире бываютъ по одиночкѣ и вдвоемъ. Въ первомъ случаѣ онъ самъ игрокъ и пѣвецъ; когда же ихъ двое; то одинъ изъ нихъ забавляетъ игрою на родномъ инструментѣ, а другой подъ звуки его поетъ свои фантазіи во славу родины, восхваляя покинутыя дубравы и поля своей Карталиніи; или привѣтствуетъ слушателя папегириками, которые онъ поетъ безъ всякаго къ тому приготовленія. Иногда онъ тѣшитъ толпу кривляніями или пляскою, не рѣдко оканчивающеюся паденіемъ въ грязь. Мествире преимущественно воспѣваетъ о подвигахъ своихъ соотчичей, слышанныхъ по преданію, и минувшихъ бѣдствіяхъ страны во время нашествія Ага-Магометъ-хана, подъ часъ расскажетъ въ пѣсни какія либо сцены изъ священной исторіи, напримѣръ, о смерти Авеля, о потопѣ и Ноѣ, объ Іовѣ, о принесеніи въ жертву Исаака и проч. Какъ истый импровизаторъ и поэтъ, мествире, потупивши глаза и не обращая вниманія на слушателей, разгрызаетъ по своему творческому произволу затѣйливыя въ своемъ родѣ фантазіи; онъ готовъ пѣть нѣсколько часовъ сряду, не нарушая ни избраннаго склада (размѣра), ни рѣмы. Мествири импровизаціи своей почти никогда не помнитъ: онъ ловитъ ее въ каждомъ взглядѣ, воспѣваемого лица, въ каждомъ его движеніи.

Мествире сколько поэтъ, столько и скоморохъ; но ашугъ пѣвецъ по призванію, по необходимости. Большая часть ашуговъ армяне—переселенцы изъ Турціи, всѣ они почти слѣпцы отъ природы, и съ дѣтства посвящаютъ себя пѣснопѣнію, какъ единственному средству для добыванія насущнаго пропитанія. Они посѣщаютъ только большіе города, а деревни и мѣста мало населенныя весьма рѣдко—развѣ мимоходомъ. Аккомпанируя пѣсни своей игрою на чонгури (балалайка) или на скрипкѣ, они не бродятъ, подобно мествире, по улицамъ, и не импровизируютъ безъ приготовленія; но въ дни праздничныя, избравши уголокъ, гдѣ болѣе сборища народа, садятся, поджавши ноги и поютъ предъ окружающею праздною толпою. Предъ ними бываетъ разостланъ платокъ, составляющій кассу,—туда восторженные слушатели и прохожіе бросаютъ деньги, по мѣрѣ щедрости,

Пѣсня ашуга—это пылкій порывъ души, полной избытка чувствъ; то грустно замираетъ она въ его устахъ, подъ звуки аккомпонирующаго инструмента, то весело, разгульно вырывается изъ вдохновеннаго сердца.

Любимѣйшія пѣсни ашуговъ—пѣсни о подвигахъ прославленнаго пѣздника Керъ-Оглы, (объ немъ въ „Сборникъ матер. для описанія Кавказа“, II, 122) и чѣмъ больше ихъ въ запасѣ у ашуга, тѣмъ больше цѣнится его дарованіе. Пѣсни свои ашуги часто приправляютъ неподражаемымъ комизмомъ. Смотря иногда на ихъ веселыя лица во время пѣнія, на ихъ наивныя выходки и гримасы, для большого развитія слушателей можно подуматъ, что они считаютъ себя счастливейшими и мало заботятся о лишеніяхъ, на которыя ихъ осудила тяжкая судьба. Случается даже, что въ веселый часъ, подъ звуки чонгури, рассказываютъ они просто какую нибудь сказку, и тѣмъ потѣшаютъ на славу зрячую братью, которая отъ души сочувствуетъ пѣсни убогаго слѣпца, въ слѣдующемъ родѣ:

Взгляните, слѣпецъ я, но жребій завидный
 Мнѣ посланъ на долю: я пѣсни пою,
 И вы, предстоящіе, вы мнѣ не видны,
 Но вижу, какъ любите пѣсню мою,
 Какъ льется она изъ веселаго сердца
 И сладко, и нѣжно какъ трель соловья...
 Не правда ль, заманчива рѣчь пѣснопѣвца,
 Согрѣта любовью и пѣсня моя?
 Мнѣ мрачно, когда озираюсь кругомъ,
 Когда одинокъ и сижу молчаливый,
 Когда жъ предъ вами съ открытымъ челомъ
 Пою беззаботно, веселый, счастливый,—
 Тогда такъ свѣтло на душѣ, такъ легко,
 И горе тогда забываю и бремя,
 И мыслью нешусь, далеко, далеко,
 И мчится какъ мысль невозвратное время.

У ашуговъ есть также много чудныхъ въ своемъ родѣ импровизаціи: послѣднія суть вѣрные оттѣнки ихъ жизни и характера, и вообще пѣсни ашуговъ славятся на всемъ Востокѣ. Грустно и отчаянно смотрѣть на ашуговъ: если природа лишила ихъ съ колыбели зрѣнія, то вдохнула въ нихъ въ замѣнъ любовь къ пѣснямъ и необыкновенную способность къ изученію ихъ.

V. С к а з к и.

Самый обильный по количеству и богатый по содержанию отдѣлъ устной словесности составляютъ народныя сказки.

Грузинскія сказки могутъ быть раздѣлены на три класса: 1, сказки мифическія, въ которыхъ преобладаетъ фантастическое, чудес-

ное начало, 2, сказки бытовыя, въ которыхъ главное мѣсто занимаетъ изображеніе нравственныхъ доблестей человѣка и 3, сказки о животныхъ или животный эпосъ. Самыя разнообразныя явленія обоготворенной природы и общественной жизни изображаются въ сказкахъ въ формѣ фантастическаго вымысла, изукрашеннаго всевозможными чудесами. Сходство сюжетовъ грузинскихъ сказокъ съ индо-европейскими и тюрскими объясняется, помимо заимствованія мотивовъ, общностью извѣстныхъ психологическихъ представлений. Борьба свѣтлаго и темнаго начала, дня и ночи, лѣта и зимы составляетъ основу мифологическихъ сказокъ у всѣхъ народовъ. Въ грузинскихъ сказкахъ усматриваются слѣды мифическихъ возрѣній того періода когда народомъ были обоготворяемы стихіи и силы природы. Дѣйствующими лицами въ сказкахъ являются—солнце, мѣсяцъ, дѣви трехъ-и-стоглавые, рокапи или баба-ята. Сказкѣ народъ въ настоящее время не вѣритъ, считаетъ ея вымысломъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ начало каждой сказки: „Было и ничего не было“... Съ утратою вѣры въ сказку, какъ въ рассказъ о богахъ и ихъ борьбѣ, сказка утратила и свой прежній стихотворный складъ; теперь сказки повѣствуются въ прозѣ, но слѣды мѣрнаго склада сохранились въ присказкахъ, въ родѣ „была птичка-пѣвичка“..., соответствующихъ русской присказкѣ „и я тамъ былъ, медъ—пиво пилъ...“ или какъ въ грузинскихъ сказкахъ: „съ съ неба упало три яблока—одно слушателямъ, другое мнѣ, а третье безмолвно проходящему“. Въ мингрельскихъ сказкахъ: „Вчера ногою я былъ тамъ, сегодня вечеромъ я здѣсь. Три яблока, три граната Богъ да пошлетъ вамъ, созрѣвіе благодаря вашему уходу“.

Мифологическія сказки въ свою очередь могутъ быть подведены по общности мотивовъ къ нѣсколькимъ группамъ. Первая изъ нихъ обвиняетъ сказки о свѣтилахъ и явленіяхъ природы. По сказкѣ, записанной у сванетовъ, въ началѣ міръ былъ освѣщаемъ планетой, отличной отъ солнца. Когда эта планета была вызвана съ земли на небо Богомъ, то міръ погрузился въ непроницаемый мракъ. Все приуныло и возроптало на свою Творца. Тогда показалась на небѣ планета, которую называли солнцемъ. Для большого свѣта была создана и луна. Солнце и луна братья по отцу. Луна меньше своего брата—солнца. Разъ Богъ объявилъ матерямъ солнца и луны, что у нихъ родятся сыновья, изъ которыхъ одинъ будетъ дневнымъ, а другой ночнымъ свѣтиломъ, смотря потому, кто раньше проснется безъ участія матерей. Луна, чтобы встать раньше брата, легла на терновую постель, долго не засыпала и на разсвѣтѣ уснула. Солнце легло рано, встало раньше брата и освѣтило своими лучами всю вселенную. Луна про-

снулась тогда, когда мать мѣсила тѣсто и въ гнѣвъ ударила ей въ лицо рукой, вымазанной тѣстомъ, отчего появились и сохранились понынь пятна. Ночью солнце скрывается въ морѣ, моремъ идетъ на востокъ и утромъ показывается на востокѣ. По представленію кахетинцевъ солнце и луна—сестра и братъ. Солнце, какъ существо женское ходитъ только днемъ, луна же ходитъ и днемъ, и ночью. Пятна на лупѣ образовались отъ удара матерью рукою, вымазанной въ тѣстѣ, когда сынъ назойливо требовалъ хлѣба ¹⁾.

Лунныя и солнечныя затмѣнія объясняются тѣмъ, что ихъ поглащаетъ драконъ, вотъ почему для огражденія свѣтилъ отъ преслѣдованій чудовища грузины стрѣляютъ изъ ружій, дабы заставить его выпустить изъ пасти захваченное свѣтило.

Вся земля покоится на спинѣ чудовищной рыбы (золотой быкъ у татаръ), которая держитъ хвостъ во рту. Скользкій хвостъ у нея иногда выскакиваетъ изъ рта и вся она приходитъ въ движеніе и съ нею вмѣстѣ колеблется земля, т. е. происходитъ землетрясеніе.

Небо отъ земли, долгое время было такъ близко къ землѣ, что крестьяне поговя свихъ воловъ, задѣвали концомъ своего кнута за небо. Люди находились въ общеніи съ Богомъ и иногда подымались къ нему на небо. Оно поднялось на настоящую высоту, послѣ того какъ одна женщина вмѣсто тряпки обчистила испачкавашагося ребенка лавашемъ (плоскимъ хлѣбомъ). При страшныхъ впервые раздавшихся раскатахъ небо удалилось отъ людей. ²⁾ — Облака — губки, которыя, спускаясь въ море напиться влаги и потомъ, проносясь по атмосферѣ, выпускаютъ воду въ видѣ дождя. Градъ посылается Богомъ въ гнѣвъ на людей. Руководитель градобитія Элія (Илья) спитъ, не всегда ведетъ тучи по высокимъ горамъ и по внушенію злого духа идетъ на людей. Для предотвращения града нужно дать знать Элію какими нибудь знаками: поэтому звонятъ въ церковныя колокола, и Элія, понявъ ухищреніе дьявола, долженъ отойти въ сторону. За этими космогоническими сказаніями нужно назвать сказки объ окаменѣніи и чародѣйственномъ усыпленіи.

Въ сказкѣ Два брата ³⁾ передается, что старшій братъ по освобож-

¹⁾ *Иверія* 1887, 37. „Сб. мат. для опис. Кавказа“, XVII, II, 140.

²⁾ Сбор. матер. для опис. плем. Кавказа“, XVII, 140—2; 145. Ср. малорус. сказку о томъ, какъ І. Христосъ съ апостолами попросили, въ видѣ нищихъ, у женщины милостыни, но получили кусокъ хлѣба, которымъ она отерла ребенка. Съ тѣхъ поръ у пшеницы только одинъ колосъ. *Чубынский* I, 156, 84. Легенда о колосѣ у киргизовъ *Этногр. Об.* VII, 263. Латшская сказка, какъ мѣсяцъ потерялъ свѣтъ за оскорбленіе его женщиною *Трейландъ*, 11.

³⁾ *Иверія*, 1888, №№ 235, 236.

деніи цѣлой страны отъ чудовищной птицы, растаскивающей жителей, женился на дочери царя и отправился на охоту, гдѣ встрѣтилъ пестраго оленя. Когда онъ догналъ оленя, послѣдній обратился въ старуху, пригласившую его играть съ ними въ „нардѣ“ съ условіемъ, если онъ проиграетъ, то будетъ обращенъ въ камень, если же она будетъ побѣждена, то онъ получитъ три палочки, изъ которыхъ одна обладаетъ способностью обращать въ камень, другая—оживлять, третья—исполнять желаніе. Юноша проигралъ и былъ обращенъ ударомъ палочки въ камень. Паденіе его архалуха въ комнатѣ матери юноши служило знакомъ, что со старшимъ ея сыномъ приключилось несчастіе. (Ср. „Сборникъ матер. для Кавказа“, X, III, 29, Дѣти Кучи) Младшій братъ, обладавшій даромъ сердецѣднія, отправляется на помощь къ брату и по пути останавливается у его жены, которая его принимаетъ за своего мужа, такъ какъ братья были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. На ложѣ съ нею онъ кладетъ межъ нею и собою кинжалъ—имъ онъ далъ себѣ слово отрѣзать тотъ членъ, которымъ прикоснется къ своей невѣстѣ. (Эта черта вошла въ сказку о Таріемѣ) Подъ утро ему пришлось лишиться большого пальца на ногѣ согласно съ этой клятвой. По дару сердецѣднія онъ пришелъ къ той же старухѣ, выигралъ у нея „нардѣ“, по ея указанію среди окаменѣвшихъ нашелъ брата, котораго онъ оживилъ посредствомъ чудодѣйственной палочки. Старуху убили, а ея богатство взяли съ собою. Въ началѣ этой же сказки, представляющей сочетаніе нѣсколькихъ мотивовъ, юноша, отправляясь въ поиски за врачомъ, яблокамъ котораго были обязаны родители появленіемъ двухъ сыновей, встрѣчаетъ по пути стада окаменѣвшихъ свиней, далѣе овецъ и все, что ему попалось.

Въ другой сказкѣ ¹⁾ говорится, что охотникъ Георгій Гвтисшвили (буквальный перев.—сынъ Бога) обращенъ былъ въ камень перомъ, брошеннымъ ему съ дерева птичкой. Собаки его стали лизать и оживили. Другой его братъ Иванъ подвергся той же участи и вой, поднятый собаками, разжалобилъ Господа, который чрезъ горлицу ²⁾ послалъ платокъ, имъ—то былъ оживленъ окаменѣвшій охотникъ. Другія сказки о цѣломъ окаменѣломъ царствѣ по своимъ мотивамъ сходятся съ таковыми же извѣстными въ русской и нѣмецкой литературѣ.

Мифическія окаменѣнія, какъ и вездѣ, замѣнились въ Грузіи легендарными сказаніями. Въ Кахетіи я записалъ слѣдующую легенду.

¹⁾ *Мой сборникъ сказокъ, записанныхъ въ Имеретіи № 4.* Въ *Джесджими*, 1891, кн. 6 приводится объ окаменѣлыхъ отрядахъ черныхъ, бѣлыхъ, красныхъ псадиновъ, которые оживаютъ ударомъ кнута, даннымъ двѣмъ юношѣмъ.

²⁾ Появленіе горлицы отъ Господа см. выше сказаніе объ Амيرانѣ стр. 38.

Женщина изъ фамиліи Гоголаани въ деревнѣ Сабузъ была захвачена съ двумя собачками ребенкомъ, въ люлькѣ въ плѣнѣ лезгинами. Она воззвала къ Богу съ мольбой обратить ее въ камень. Просьба его была услышана и окаменѣвшій ея образъ до сихъ поръ показываютъ по дорогѣ въ Енцели. Съ этимъ камнемъ связаны нѣкоторыя повѣртія кахетинцевъ. Если желаютъ дождя, то обращаютъ его лицомъ къ небу, если же погоды, то оборачиваютъ къ землѣ, при чемъ исполненіе ихъ пожеланій требуетъ присутствія одного изъ представителей фамиліи Гоголаани. Слова сородича „поднимись со мною—нуженъ намъ дождь“, или „опустись, нужна намъ погода“, могутъ привести къ желанному исходу ¹⁾. Одна легенда, записанная близъ Манглиса носитъ характеръ позднѣйшей христіанской формаціи. Героиня легенды дала слово остатку вѣчной дѣвы—Христовой невѣстой. Родители, однако, безъ ея согласія выбрали жениха и назначили день свадьбы. Невѣсту подвели къ храму, но оказалось, что она двигаться не можетъ; ее сняли съ арбы окаменѣвшей въ формѣ креста. (*20 сутокъ шли дожди, пока ее не уложили*). Въ христіанскую также легенду обратилось сказаніе объ окаменѣвшемъ хлѣбѣ. Въ Шаропанскомъ уѣздѣ (Кутаис. губ. близъ дер. Гореша) указываютъ камень, по формѣ похожій на хлѣбъ. Относительно этого *окаменѣшаго* хлѣба разсказываютъ, что разшель священникъ, у котораго въ переметной сумочкѣ были хлѣбъ и свинина. Нищій въ лохмотьяхъ встрѣтившійся съ священникомъ, просилъ у него подаенія. Священникъ отказалъ, разгнѣванный же нищій сказалъ: да обратится въ камень твой хлѣбъ и свинина. Съ тѣхъ поръ и лежитъ этотъ камень, при когоромъ воздвигнуть нынѣ крестъ: здѣсь оставляются пожертвованія то хлѣбомъ то деньгами ²⁾.

Сказанія о чудовищныхъ змѣяхъ или гвелешапахъ ³⁾ и дѣвахъ составляютъ самый большой отдѣлъ грузинской устной словесности. Драконъ—побѣжденный Ормуздомъ Аримапъ, богъ зла и тьмы является

¹⁾ *Моя памятная книжка* 1892 г. Гиз. Кавказъ 1879, № 50.

²⁾ *Исторія*, 1886, 268. Ср. армян. сказаніе объ Эрмени-булагъ (статуя-армянинъ). Статуя представляетъ всадника въ полномъ вооруженіи на жеребцѣ. Всадникъ положилъ три пальца правой руки на лобъ какъ будто для того, чтобы перекреститься. Статуя—окаменѣвшій армянинъ. Мусульмане напали на армянина и хотѣли его убить; онъ перекрестившись, просилъ Бога обратить его въ камень. *Сборн. матер. для опис. плем. и мѣст. Кавказа*, вып. II. (См. выше).

³⁾ Гвели-змѣя, вешани-драконъ, отсюда гвелешапи-змѣя—драконъ. Ср. армянскія сказки о великанахъ у *Халитьянца*. Общій очеркъ народныхъ армянскихъ сказокъ стр. 6—10.

прожорливымъ существомъ, безопадно истребляющимъ челоѳическій родъ. Випапамъ въ Арменіи еще въ IV в. по Р. X. поклонялись и приносились въ жертву цѣломудренныя дѣвы ¹⁾. По грузинскимъ сказкамъ они владѣютъ источниками, позволяютъ имъ брать воду, по предоставленіи ему дѣвицъ, и погибаютъ отъ стрѣлъ неожиданно явившагося на помощь героя. Сказанія о гвелешапахъ входятъ въ видѣ эпизодической части въ составъ многочисленныхъ сказокъ. Въ сказкѣ „Соловей“ ²⁾ передается какъ одинъ царевичъ послѣ долгихъ испытаній захватилъ чуднаго соловья и вмѣстѣ съ его красивой обладательницей, обращавшей въ прахъ искателей ея руки, возвращался домой. По дорогѣ измѣнически похитилъ у него красавицу *чонгуристка-коса* (скрипачъ безбородый), а царевичъ въ поискахъ за ней спустился въ подземный міръ. Съѣвъ на красиваго коня, онъ еще глубже понесся и прибылъ въ царство, гдѣ рѣка была занята дракономъ. Узнавъ отъ старухи, что драконъ за крошечную мѣру воды требуетъ и съѣдаетъ по одной дѣвицѣ, царевичъ взялъ у нея кувшинъ и отправился за водой. На берегу рѣки онъ увидѣлъ одѣтую въ черное платье царевну, плачь которой вызывало слезы даже у земли. Царевичъ старался ее успокоить, говоря, что онъ не отдастъ ее на съѣденіе дракону, а она, называя его братомъ, просила со слезами уйти отъ бѣды, грозящей отъ чудовища обимъ одинаково. Царевичъ остался ждать дракона и прилежъ спать отъ усталости, предупредивъ ее, чтобы она разбудила его, когда завидитъ дракона. Вдругъ со страшнымъ ревомъ понесся драконъ, дѣвица стала будить царевича,—но напрасно. Онъ уснулъ очень крѣпко. Она уронила три слезы на его щеку, и онѣ-то разбудили его. Онъ вскочилъ, натянулъ лукъ и стрѣлой разорвалъ его въ воздухѣ на двѣ части. Потомъ онъ бросился кинжаломъ и разрубилъ его такъ, что съ одной стороны образовалась гора изъ мяса и костей дракона, а съ другой, рѣкой понеслась его кровь. Когда вѣсть о гибели дракона дошла до жителей города, то они радостно направились къ рѣкѣ благодарить юношу, но послѣдній незамѣтно исчезъ. Съ цѣлью отыскать его, царь устроилъ пиръ, на который пригласилъ всѣхъ проживающихъ въ городѣ. Царевна обошла гостей, но царевича, своего спасителя, не могла она найти. Царь велѣлъ привести оставшихся дома, и тогда только удалось сыскать освободителя страны отъ дракона. Въ

¹⁾ *Эминъ*. Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ армянъ, М. 1864, стр. 36—7.

²⁾ *Дожджили* груз. журналъ (*Нива*), 1891 г., кн. 5. (7) Рукописный сборникъ сказокъ, записанныхъ въ Кахетіи, № 7.

награду за благодѣяніе, оказанное царству, онъ, отказавшись жениться на царевнѣ, выпросилъ содѣйствія для возвращенія на родину. Въ другихъ сказкахъ гвелешапъ не довольствуется съѣденіемъ живыхъ существъ, онъ вырываетъ мертвецовъ изъ могилъ и пожираетъ, по стрѣла юноши и тутъ является оградю отъ глумленія.

Въ сказаніи о св. Георгіи крылатый гвелешапъ играетъ замѣтную роль. Гвелешапъ слетаетъ и осаждаетъ храмы во имя этого святаго патрона грузинскаго народа и погибаетъ отъ копья побѣдоносца¹⁾. Сказка о змѣй-царѣ относится къ распространенному сюжету; змѣй за оказанную ему человѣкомъ услугу даетъ ему способность понимать языкъ всѣхъ животныхъ. Эта способность доставляетъ ему богатство, которое, какъ и жизнь, онъ рискуетъ потерять, если сообщить кому-нибудь свою тайну. Жена надѣдаетъ мужу до такой степени распросами о томъ, какъ онъ приобрѣлъ богатство, что онъ рѣшается рассказать ей все и умереть. Сдѣлавъ приготовленія къ смерти, онъ подслушиваетъ разговоръ домашнихъ животныхъ, осуждающихъ его за поблажку женѣ, передумываетъ и вмѣсто того, чтобы сообщить ей тайну, наказываетъ ее. Съ имеретинской сказкой о змѣѣ можно сопоставить русскую „Охотникъ и его жена“, нѣмецкую *Die weisse Schlange*, бурятскую „Охотникъ“ и др.²⁾

Романтическія связи змѣй по славянскимъ, романскимъ, армянскимъ сказкамъ, въ какихъ находятся царицы или царевны, въ грузинскихъ сказкахъ переносятся на дѣвоу съ Змѣя-Горыныча. Въ одной карталинской сказкѣ встрѣчаемъ обычный сказочный сюжетъ, какъ царица, влюбившаяся въ дѣва, желаетъ погубить сына. Она притворяется мнимо больной и для излѣченія посылаетъ сына по совѣту дѣва, за печенкой дикаго кабана, за тремя яблоками на какомъ-то отдаленномъ деревѣ;

¹⁾ „Сборн. матер. для опис. племенъ и мѣстн. К.“ вып. IX, отд. II, 181—3 *Аванасьева* VI № 47; *Grimm. Kinder-und Hausmärchen*. Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя *Н. М. Хамаловымъ*, *О. Н. Затопляевымъ* и др. Иркутскъ, 1889.

²⁾ Съ змѣей связывается вѣрованіе, что она обладаетъ волшебнымъ камнемъ. Этимъ послѣднимъ можно овладѣть, если бросить въ змѣю нижнее бѣлье, наполненное пескомъ. Ср. повѣрье армянъ о томъ, что на Араратѣ живетъ царь-змѣй, украшенный цѣнною короной; его можно овладѣть, если при видѣ его снять нижнее бѣлье женщины и бросить ему въ голову, тогда онъ оставитъ свою драгоценную ношу подъ бѣльемъ и убѣжитъ. *Сборн. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа* вып. II, ст. г. *Зелинскаго*. „Этногр. очеркъ изъ быта армянъ-переселенцевъ изъ Персіи“.

покорный сынъ съ большою опасностью для своей жизни добывалъ назначаемыя матерью лѣкарства, но больная все не выздоравливала. По ея настоянію, онъ открылъ, что сила его заключается въ трехъ жилахъ правой руки, жизнь его въ одной жилѣ лѣвой руки и двухъ шейныхъ жилахъ. Во время сна она съ дѣвомъ разрѣзала ему жилы и бросила его въ яму, считая его умершимъ, откуда былъ извлеченъ хозяиномъ проѣзжаго каравана, а посредствомъ живой воды убитаго приведетъ въ сознаніе¹⁾. Дѣви (санскр. дѣва, авест. даэва, арм. дѣвъ татар. дивъ) входитъ въ большую часть грузинскихъ сказокъ. У индусовъ дѣва является духомъ добрымъ, по Зороастру же даэва-существо злое, служитель Аримана. Вліяніе ученія Зороастра, отразившееся во всемъ міросозерцаніи грузинскаго народа, сказалося и въ области сказокъ. Въ послѣднихъ дѣви представляется не духомъ безтѣлеснымъ, а полудемономъ и получеловѣкомъ, гигантомъ, великаномъ, обладающимъ нѣсколькими головами иногда до ста. Какъ человѣкъ онъ подлежитъ смерти, даже человѣкъ можетъ его убить, обмануть, утратить; онъ входитъ въ дружественныя сношенія съ людьми, влюбляется въ женщинъ и не рѣдко женится на нихъ. Онъ живетъ въ пещерахъ, ямахъ, дремучихъ лѣсахъ, а иногда богатыхъ дворцахъ. Онъ располагаетъ неистощимымъ запасомъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, чудесныхъ гранатовъ и десятками прекрасныхъ царскихъ дочерей. Обыкновенные смертные въ свою очередь также женятся на сестрахъ дѣви.

Въ одной сказкѣ²⁾ передается, какъ юноша Караманъ, разыскивая красавицу, сестру девятиглавыхъ дѣви, пришелъ къ нему на домъ. Сестра дѣви поражена появленіемъ прекраснаго юноши, спрашиваетъ, какъ онъ дерзнулъ пробраться сюда, когда ни муравьи на землѣ, ни птицы въ небесахъ не осмѣливаются отъ страха пройти мимо. Потому она учитъ, какъ спастись отъ дѣвоу: они дадутъ желѣзный обрубокъ, расколеть восковымъ топоромъ, поднять мизинцамъ громадный котель, наполненный застрѣленными звѣрами, взобраться съ тазомъ масла на высокое дерево такъ, чтобы не пролить ни одной капли. Для исполненія первой задачи, она даетъ свой волосъ для прикрѣпленія къ топору и тогда безъ труда разрубить желѣзо; поднять котель помогутъ ея ногти, взобраться на дерево ея—кольцо. Послѣ счастливаго исхода

¹⁾ *Мой* карталинскій сборникъ сказокъ № 1. Ср. Сказку изд. *Амиашвили* (стр. 45—7), въ которой мать по наущенію дѣви проситъ для исцѣленія рога оленя и птенца „пашкунджи“. Ср. „Нов. об.“ 2276, „Испытаніе сына“, въ которомъ названы *плачущіе и стѣющіеся гранаты* дѣвоу.

²⁾ *ib.* № 2. *Джеджи*, 1891, 4. Въ мингрельскихъ сказкахъ три брата дѣви (*деми*) женаты на дочеряхъ одного и того же царя. *Цагарели*. Мингрельскіе этюды ч. I, 14.

всѣхъ предложенныхъ дѣвами испытаній, они согласились выдать за него свою сестру. Убитый дѣвомъ, Карамонъ, былъ оживленъ братомъ, Карапогли, съ помощью чудодѣйственнаго платка. Дѣви хотѣли съѣсть обонихъ братьевъ, но Карапогли выпросилъ три года, три мѣсяца и три дня срока для возвращенія похищенной дѣвомъ невѣстки (жены брата). Карапогли отправляется разыскивать ее и встрѣчаетъ чело- вѣка, который глотаетъ дерны; послѣдній присоединяется къ нему и вмѣстѣ съ священникомъ, несущимъ церковь на спинѣ и съ героемъ осушающимъ море приходитъ къ похитителю; опускается Карапогли въ яму, гдѣ друзья его оставляютъ, поднявъ только освобожденную его невѣстку. Потомъ ему удается выбраться изъ подземнаго цар- ства и перебить вѣроломныхъ товарищей. Извѣстенъ вариантъ этой сказки „Дѣвушка Исрисъ-Мисрисъ“¹⁾, въ которой сохранилась неболь- шая пѣсня, распѣваемая предъ замкомъ красавицы. „Услышь мои слова, дѣвушка Исрисъ-Мисрисъ, спусти свои волосы, подними меня къ себѣ, посади меня рядомъ съ собою.“

Въ сказку объ Караманѣ внесено нѣсколько сказочныхъ сюже- товъ. Между прочимъ глотающей глыбы и осушающей море должны напомнить объѣдало и опивало славянскихъ и нѣмецкихъ сказокъ. Эти два чудовища вмѣстѣ съ чуткимъ и скороходомъ встрѣчаются и отдѣльно въ грузинскихъ сказкахъ. („Сванет. сказка“, стр. 32).

На ряду съ дѣвами долженъ быть поставленъ Очо-кочи (козель- челоуѣкъ, т. е. лѣшій) мингрельцевъ, соответствующій русскому ко- щею. Очо-кочи длиннородый старикъ, весь обросшій волосами; онъ бродитъ въ лѣсу какъ тхисъкаци (лѣсной челоуѣкъ) грузинскихъ ска- зокъ. Въ одной мингрельской сказкѣ царевичъ Санартія попадаетъ въ замокъ Очо-кочи²⁾, который хочетъ его убить, но юноша его избиваетъ и ставитъ сторожемъ у дверей, чтобы никто не осмѣлился будить царевича. Какъ дѣви утратили исключительное господство надъ людьми, такъ и Очо-кочи становится въ рабское положеніе къ силь- ному. Сказку о Полифемѣ или Очочоко разбираетъ проф. Миллеръ³⁾ въ статьѣ „Кавказскія сказанія о циклопахъ“ („Этногр. Об.“, кн. 4), Изъ четырехъ кавказскихъ рассказовъ объ Одноглазѣ—мингрельскомъ

¹⁾ *Джеджили*, 1891 кн. IV.

²⁾ Мингрель. этюды *Цагарели*, стр. 42. Безобразные дѣвы, то опасныя для людей всрѣчаются въ *татарскихъ* сказкахъ. („Сборникъ матер. для опис. плем. Кавказа“, в. IX.

³⁾ *Отзывы проф. Миллера* „о Сборникѣ матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“, стр. 48 и 89. Тифлисъ, 1893.

дагестанскомъ (зап. Д. Н. Анучинимъ), чеченскомъ и осетинскомъ, пер- вое—мингрельское отличается болѣею близостью къ сказанію о По- лиемѣ. „Ты видишь, рассказываетъ мингрелецъ, что мы всѣ носимъ трауръ, отъ мала до велика. Насъ было восемь братьевъ, и мы всѣ зани- мались рыболовствомъ. Цѣлые мѣсяцы иногда мы не сходили съ корабля и только разъ въ недѣлю посылали на лодкахъ рыбу. Однажды, заки- нувъ съ корабля удочки, мы замѣтили, что корабль нашъ сталъ отходить отъ берега и идти въ море. Спустя нѣсколько недѣль, мы увидѣли ска- листый берегъ, откуда вытекалъ ручьемъ медъ. Когда мы подплыли ближе къ источнику, то увидѣли, что изъ подъ корабля выплыла большая рыба, у которой ротъ былъ шире сажени. Она начала глотать медъ съ такою жадностью, что почти осушила ручей. Это была самая большая рыба, которая сюда приплыла пить медъ, а въ Анаклію ѣсть кукурузу. Оказалось, къ нашему несчастію, что удочки наши зацѣпились за ея плавники,—она—то насъ и тащила. Здѣсь, когда она пила медъ, мы подерались и обрубили веревки. Рыба, напившись меду, поплыла на- задъ, а нашъ корабль остался. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, мы порѣшили, набравъ воску и меду, ѣхать все берегомъ, по одному направленію. Когда на утро хотѣли ѣхать, то увидѣли, что къ ручью подходитъ стадо овецъ и козъ. Сзади стада шель челоуѣкъ громад- наго роста, Одноглазый. Одноглазъ держалъ въ рукахъ громадную палку, толщиною въ столбъ, и вертѣлъ ею, какъ веретенемъ. Онъ выта- щилъ нашъ корабль на берегъ, а насъ послалъ со своимъ стадомъ. Мы подошли къ огромному зданію, занимавшему нѣсколько кцевъ (=¼ де- сятинны). Вокругъ его росъ громадный лѣсъ, и деревья были такъ высоки, что взоръ не достигалъ до вершины. Особенно замѣчательны были въ домѣ отдѣленія: для козъ, овецъ, ягнлятъ и козлятъ. Здѣсь онъ заперъ насъ и самъ ушелъ со стадомъ. Вечеромъ видимъ, что приходитъ нашъ Одноглазъ съ своимъ стадомъ и, расположивъ его по своимъ мѣстамъ, сталъ разводитъ огонь. Когда онъ развелъ изъ цѣлыхъ деревьевъ огонь, то взялъ шампуръ (вертелъ) и, выбравъ жирнаго барана, сталъ его, не очистивъ, жарить. Баранъ вертѣлся на шампурѣ до тѣхъ поръ, пока у него глаза не лопнули. Сожравъ цѣликомъ всего барана, онъ растянулся и захрапѣлъ. На другой день онъ сожралъ еще двухъ барановъ и, вечеромъ, когда возвращался со своимъ стадомъ, то, выбравъ изъ насъ самаго полного, насадилъ его на шампуръ и на- чалъ жарить на огнѣ. Братъ вертѣлся и кричалъ намъ: „спасите!“ Но что мы могли, бѣдные, сдѣлать? Когда у брата лопнули глаза, Одноглазъ оторвалъ одну ногу и бросилъ ее намъ, а самъ сожралъ остальное. Мы тамъ же похоронили эту ногу. Такъ это чудовище

събло всѣхъ нашихъ братьевъ, кромѣ меня и младшаго, и мы ничего не могли сдѣлать, находясь въ положеніи ягненка, котораго терзаетъ волкъ. Когда онъ наѣлся въ послѣдній разъ человѣческаго мяса и легъ, по своему обыкновению, у огня и захрапѣлъ,—мы съ братомъ подошли тихонько къ его шампуру, воткнутому близъ головы, и съ большимъ трудомъ вытащили изъ земли этотъ шампуръ. Затѣмъ положили его въ огонь. Когда шампуръ накалился до-красна, мы всунули прямо въ глазъ Одноглазу. Онъ сбросилъ съ глаза шампуръ, подпрыгнувъ кверху съ такой силой, что мы думали, что онъ разобьетъ потолокъ. Но онъ пробилъ себѣ голову. Съ страшными криками бѣгалъ Одноглазъ по зданію, давя козъ и овецъ, но не могъ насъ розыскать, такъ какъ мы ускользнули у него изъ подъ ногъ. Утромъ овцы и козы подняли крикъ, какъ бы прося хозяина выпустить ихъ на пастбище. Одноглазъ не могъ вытерпеть страданія любимыхъ имъ животныхъ и, ставъ у дверей, началъ пропускать межъ ногъ козъ и овецъ, ощупывая у нихъ хребетъ, животъ и голову. Такимъ образомъ онъ поступалъ до полудня. Затѣмъ, уставши, пересталъ ощупывать со всѣхъ сторонъ, а только гладилъ рукою по хребту. На наше счастье у брата оказался ножикъ, которымъ мы сняли съ двухъ барановъ шкуры и, надѣвъ ихъ, рѣшились пробраться межъ ногъ Одноглаза. Мы тотчасъ же направились къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ нашъ корабль, ища его со страхомъ глазами. Увидѣвъ его, мы укрѣпились въ надеждѣ на спасеніе. Въ это время подходили къ намъ стада нашего мучителя, мы взяли лучшихъ козъ и овецъ и нагрузили ими нашъ корабль. Но только что успѣли мы отрѣзать якорь, какъ увидѣли, что Одноглазъ бѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ нашъ корабль, и сталъ ощупывать—привязанъ ли корабль. Отплывъ немного далѣе, мы стали ему кричать наши имена, гордясь, что сдѣлали ему такой вредъ. Съ яростнымъ воемъ онъ швырнулъ въ насъ своею дубиной такъ сильно, что поднялось волненіе, и нашъ корабль чуть не погибъ. Послѣ долгаго странствованія у берега, претерпѣвъ много лишеній, мы возвратились домой. Проф. Миллеръ приводитъ мингрельскій рассказъ цѣлкомъ для того, чтобы читатель могъ судить о его замѣчательной близости къ греческому сказанію о Полифемѣ. Сказанія, сродныя съ греческимъ, какъ извѣстно, оказываются у многихъ еврейскихъ и азіатскихъ народовъ. Они являются и въ арабскомъ сборникѣ сказокъ „Тысяча и одна ночь“ (ночь LXXIX и LXXX), и у финновъ, и у нѣмцевъ, и у огуцевъ, и у сербовъ, и у русскихъ. Мнѣ о Полифемѣ и родственнѣхъ ему типахъ въ сказаніяхъ другихъ народовъ былъ изслѣдованъ еще въ 1858 году Вильгельмомъ Гриммомъ, а въ

и въ нашей литературѣ появился этюдъ г. Комарова о томъ же циклѣ народныхъ сказаній. Однако до сихъ поръ еще не удалось установить генетической связи между доселѣ извѣстными вариантами—западными и восточными—этого сказанія. Оба вновь записанные кавказскіе варианты—дагестанскій и мингрельскій занимаютъ, говоритъ проф. Миллеръ, среди прочихъ особое положеніе. Между всѣми, доселѣ извѣстными, нѣтъ ни одного, который былъ бы такъ близокъ къ греческой исторіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя спеціальныя черты сходства между греческимъ и кавказскими вариантами.

1) Подобно тому, какъ Полифемъ представляется пастухомъ—скотоводомъ, ухаживающимъ за своими стадами,—такъ и кавказскій Одноглазъ изображаетъ заботливымъ и скотолюбивымъ хозяиномъ стада.

2) У Полифема „въ отдѣльныхъ звукахъ заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ въ порядкѣ.

Тамъ размѣщенные, старшіе съ старшими, средніе подлѣ Среднихъ—и съ младшими младшіе . . . . .

У мингрельскаго Одноглаза въ жилищѣ было 4 отдѣленія для козъ, овецъ, ягнятъ и козлятъ.

3) Дубина Полифема была „свѣжій стволъ изъ обрубленной маслины дикой“. Мингрельскій Одноглазъ держитъ въ рукахъ громадную палку толщиной въ столбъ.

4) Вокругъ жилища Полифема „частымъ заборомъ стояли черноглавыя дубы и сосны“. Вокругъ жилища мингрельскаго Одноглаза „росъ громадный лѣсъ, и деревья были столь высоки, что взоръ не достигалъ до вершины“.

5) Придя въ домъ, Полифемъ прежде всего раскладываетъ „яркій огонь“; то же дѣлаетъ и мингрельскій Одноглазъ.

6) Въ Одиссеѣ описывается, какъ поутру овцы и козы жалко блеяли въ закутахъ, какъ Полифемъ выпускалъ ихъ и ласкалъ своего любимца—барава. Въ мингрельской сказкѣ упомянута подобная же черта: „утромъ овцы и козы подняли крикъ, какъ бы прося хозяина выпустить ихъ на пастбище, и Одноглазъ не могъ вытерпѣть страданія любимыхъ имъ животныхъ“ . . . .

Такимъ образомъ, не говоря уже о сходствѣ главнаго мотива процесса ослѣпленія Одноглаза посредствомъ остраго орудія,—кола или шампура,—мы находимъ въ рассматриваемыхъ сказаніяхъ и замѣчательное совпаденіе въ деталяхъ. Это совпаденіе таково, что невольно является мысль, не перешелъ ли греческій рассказъ книжнымъ путемъ къ мингрельцамъ, не рассказалъ ли его какой нибудь книж-

ный человекъ въ своей деревнѣ, откуда любопытный рассказъ пошелъ гулять по другимъ деревнямъ. Мѣстечко Анаклія, гдѣ извѣстенъ рассказъ объ Одноглазѣ—людодѣ, лежитъ на берегу моря, почти на полупути между древними греческими колоніями—Диоскурией на сѣверѣ и Фаресомъ на югѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта часть побережья была хорошо извѣстна грекамъ, имѣвшимъ здѣсь поселенія и постоянныя сношенія съ туземцами, предками нынѣшняго населенія. Вѣроятно, уже къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ слѣдуетъ отнести существованіе въ названныхъ мѣстахъ сказанія объ одноглазомъ людодѣ, хотя оно записано и попало въ печать только въ 1885 году. Вопросъ только въ томъ, заимствовали ли туземцы Мингрелии этотъ рассказъ у грековъ путемъ устнаго общенія, или, наоборотъ, греки у туземцевъ, или наконецъ тѣ и другіе почерпнули его изъ одного источника. Если его заимствовали мингрельцы у грековъ, то во всякомъ случаѣ, въ давнія времена, въ формѣ нѣсколько отличной отъ той, въ которой эта сказка вошла въ редакцію Одиссея. Если заимствовали греки у кавказскихъ туземцевъ, то все таки въ формѣ, нѣсколько отличавшейся отъ современной мингрельской редакціи, и притомъ они (греки) подвигъ ослѣпленія Одноглаза приурочили къ своему популярному герою, хитроумному Одиссею, такъ что пребываніе у Полифема авилось въ дошедшей до насъ редакціи Одиссея однимъ изъ эпизодовъ или приключеній, испытанныхъ героемъ въ теченіе его многолѣтнихъ странствованій. Возможно только предположить, что греками могла быть заимствована (и затѣмъ попасть въ Одиссею) сказка о великомъ людодѣ, которую они приурочили къ своему циклопу Полифему. Нельзя конечно, настаивать на мысли, что эта сказка была завезена греками изъ Кавказа: могло быть, конечно, и то, что сказка изъ одного источника попала и на Кавказъ, и на родину Одиссея. Но существованіе кавказскія сказокъ, весьма близкихъ къ греческой, невольно наводитъ на мысль, что приключеніе Одиссея у Полифема зашло къ грекамъ изъ Азіи, подобно тому, какъ и нѣкоторыя другія сходныя съ азіатскими сказки были указаны Герландомъ въ Одиссеѣ. [Срав., напримѣръ, замѣчательныя черты сходства между феакійцами и индійскими вядіадарами (Kidyádharās)]. Какъ бы то ни было, тѣсная связь между кавказскими и греческою редакціей сказки несомнѣнна и требуетъ объясненія. Нѣсколько не настаивая на высказанныхъ нами догадкахъ, мы желали только, говорить проф. Миллеръ, обратить вниманіе специалистовъ на этотъ интересный вопросъ.

Обычный мотивъ грузинскихъ сказокъ составляетъ „Золотой соловей“. Одна сказка напечатанная въ *Джеджили* совпадаетъ съ армянской сказкой, изложенной г. Халатовымъ¹⁾. Жилъ былъ царь. У него было три сына. Онъ велитъ имъ по очереди построить такую церковь, которая не представляла бы никакихъ недостатковъ. Старшій сынъ отказался, за нимъ средній, а младшій ихъ братъ изъявилъ готовность исполнить приказаніе отца. Когда церковь была построена, царь собралъ народъ и просилъ указать недостатокъ. Всѣ похвалили, но одинъ старецъ заявилъ, что фундаментъ церкви кривъ. Царь велѣлъ ломать церковь и строить новую, которую также пришлось разрушить, такъ какъ тотъ же старикъ нашелъ, что куполь кривъ. Третій разъ старикъ заявляетъ, что церковь хороша, но не достаетъ соловья²⁾. Младшій сынъ получивъ отъ отца крылатога коня (раши) ѣдетъ за соловьемъ. По дорогѣ встрѣтился какой-то старецъ, который научилъ въ трудныя минуты обращаться къ коню съ словами: „теперь пужаюсь я въ тебѣ, мой хорошій“, и онъ самъ знаетъ, какъ тебѣ помочь. Онъ его перевезетъ чрезъ море къ красавицѣ, которая, обладаетъ соловьемъ. Красавица во время спускаетъ внизъ золотистые волосы съ своего зѣмка, нужно намотать на руку ея волосы и не выпускать, пока небомъ, звѣздами, землей не дастъ слова идти замужъ за него во имя чуднаго слова. Юношѣ велѣно у зѣмка ея спрятаться, чтобы она не обратила его въ вѣтеръ и прахъ. Коса-меченгуре (безволосый скрипачъ) 4 года также ищетъ ее похитить, но не удается. И когда юноша овладѣлъ ею то коса ее отнялъ самого его бросилъ въ яму и, только освободившись изъ подземнаго царства, онъ возвращаетъ себѣ красавицу и ея соловья³⁾. Грузинская сказка о соловьѣ, имѣющая параллели въ нѣмецкой „Der goldene Vogel“ и русской „Жаръ птицѣ“ смѣняется сказками о чудныхъ птицахъ, желаніе овладѣть⁴⁾ которой встрѣчается въ крупныхъ препятствія. Такъ, въ кахетинской сказкѣ „Пухъ“ юноша находитъ перо; „раши“ (конь) ему говоритъ человѣческимъ языкомъ: „возьмешь, будешь каяться, не возьмешь, будешь каяться“. ⁵⁾ Юноша съ пе-

¹⁾ *Халатіянь*, 16—17. Ср. Армян. сказку „Завѣщаніе оца“ въ „Сб. матер. для Кавказа“, XIII, 116—126.

²⁾ „Айдона и булбули“ не достаетъ айдокъ αἰδών по гречески, булбуль по персидски означаетъ соловья.

³⁾ *Джеджили*, 1891 г. кн. 5. Ср. сказку, въ *Иверии* (1889, 144). „Приключенія съ Георгіемъ“, и объ Иванѣ-царевичѣ, въ поискахъ за царь-птицей, *Аванасьева*, I, 176.

⁴⁾ *Мой* сборникъ кахетинскихъ сказокъ, № 3.

⁵⁾ Въ аварской сказкѣ, напечатанной въ XIV в. „Сбор.“, стр. 94—102 нахо-

ромъ прибылъ въ городъ и сталъ конюхомъ у царя. Ночью при осмотрѣ коней онъ вынималъ пухъ, который освѣщаль всю конюшню. Замѣтила это красавица и донесла царю. Последній взялъ перо и пожелалъ имѣть и ту птицу, которой принадлежало само перо. Поручается это дѣло конюху. Раши выручаетъ его изъ бѣды. Онъ совѣтуетъ взять у царя 9 подругъ, 9 цѣпей съ желѣзными гвоздями, одного осла и одинъ молотокъ и нужную провизию. Остановились въ полѣ; раши предлагаетъ зарѣзать осла и привязать его девятью цѣпями и гвоздями, а самому взобраться въ утробу осла. Налетитъ масса красивыхъ птицъ, но онъ долженъ схватить ту изъ нихъ, которая съ громомъ и вѣтромъ спустится на трупъ. Два раза она тщетно пытается сорвать осла, а потомъ садеть и становится ѣсть; въ это время онъ долженъ ее схватить и позвать раши на помощь, который понесетъ юношу къ царю съ птицей. Предъ царемъ птица говоритъ, что не она чудна, а чудна ея воспитательница красавица—ее можетъ привести тотъ же, кто ее поймалъ. По совѣту раши онъ беретъ у царя два горшка масла, двухъ барановъ и провизию. Остановились опять въ томъ же въ полѣ, онъ топнулъ ногой, отворилась дверь въ подземное царство и показались двѣ собаки, которымъ юноша поставилъ горшки съ масломъ, далъ еще двумъ львамъ онъ бросилъ барановъ. Войдя въ домъ, онъ отперъ—что было заперто и обратно, что было сложено—раскрылъ и обратно; въ послѣдней комнатѣ встрѣтилъ красавицу, волосы которой намоталъ на руки и похитилъ ее. Напрасно она обращалась за помощью къ открытому и запертому, разложенному и сложенному; открытое отвѣчало, что поможетъ, когда опять будетъ закрыто, разложенное, когда будетъ сложено, собаки изъявили готовность помочь, когда масло съѣдятъ, львы—когда барановъ съѣдятъ. Привезъ такимъ образомъ къ царю красавицу, но она отказалась стать его женою, пока не выкупятся оба въ молокъ морскихъ коней. Нечего дѣлать, опять этотъ юноша-конюхъ ѣдетъ за ними, взявъ девять буйволовыхъ шкуръ, девять подругъ для раши, масло и провизию. Раши опускается въ море, а юноша поднимается на дерево и опускаетъ по одной каплѣ масла въ море: если покажется красная пѣна, значитъ раши погубъ, а если бѣлая пѣна,

димъ этотъ же мотивъ освѣтляемъ пухъ, вошедшій въ одну изъ версій Александра. О войнахъ Александра рассказывается, что въ странѣ мрана они захватили камни и комки золота, оказавшіеся чистымъ золотомъ: такъ что тѣ, которые не захватили ничего, жалѣли объ этомъ, а захватившіе жалѣли, что не взяли больше. Названная аварская сказка представляетъ близкую параллель къ грузинской сказкѣ. Здѣсь для возвращенія молодости требуется выкупаться въ молокъ чисто-красныхъ коровъ (ср. груз. молоко морскихъ коней).

то онъ живъ и выгонитъ табунъ морскихъ коней. Въ морѣ съ раши вступила въ борьбу Аджилга, (?) которая при каждомъ нападеніи сди-рала съ раши по одной буйволовои шкурѣ и подругѣ, наконецъ утомилась и была убита. Табунъ былъ пригнанъ, юноша при помощи раши выдоилъ молоко, выкупался въ горячемъ молокѣ, охлажденномъ ржаніемъ раши, царь же сварился въ котлѣ, а юноша женился на красавицѣ.

Такое осложненіе сюжета о свѣтляемъ перѣ въ другихъ сказкахъ предшествуетъ времени захвата пуха, а въ приведенной сказкѣ поднятое перо какъ бы мститъ за его присвоеніе и послѣдствія этого факта—цѣлый рядъ трудныхъ порученій, которыя возлагаются на него, связываясь между собою конечнымъ звеномъ съ захватомъ на дорогѣ свѣтляющаго пера громадной птицы.

Въ грузинскихъ, какъ и вообще, въ сказкахъ, добывая золотаго соловья, юноша попадаетъ къ вѣдьмѣ, которая, почувявъ присутствіе челоуѣка, приговариваетъ: „духомъ сына Адама (=челоуѣка) пахнетъ“. Это приговариваніе же слышится изъ устъ „дэвовъ“, по ихъ возвращеніи домой, гдѣ нашель пріютъ какой-нибудь царевичъ подъ покровительствомъ матери дэвовъ. Другое, характерное выраженіе, исходящее отъ этихъ великановъ, относительно случайно оказавшихся въ ихъ присутствіи юноши, такъ же носитъ отгѣнокъ общесказочной ироніи. „Хорошую добычу на шашлыкъ мы получили“, говорятъ о царевичѣ дэви въ грузинскихъ и мингрельскихъ сказкахъ. „Мы изъ него шашлыкъ сдѣлаемъ, читаемъ въ армянскихъ сказкахъ“¹⁾. Однако, юноша обыкновенный смертный перехитритъ и одурачитъ и вѣдьму, и дэви.

Сюжеты о вѣщемъ конѣ, скатерти-самобранкѣ, коврѣ-самолетѣ, шапкѣ-невидимкѣ, волшебныхъ камняхъ, мечяхъ и дубинахъ составляютъ важнѣйшую принадлежность грузинскихъ сказокъ. „Бездѣльникъ“ (*Нацаркекіа*)²⁾, побратавшись съ дэвами, похищаетъ у нихъ волшебный камень, дающій все, что душѣ угодно. Первая и вторая попытка бѣжать съ камнемъ ночью изъ дому оказались тщетными, такъ какъ двери заскрипѣли и заговорили: „гость камень похитилъ“. Положивъ его на свое мѣсто, Нацаркекіа прилежъ и хитростью склонилъ

¹⁾ Армянскія сказки *Халатъяна* стр. 13. Мингрельскіе этюды *Цацаремі*, I, 14.

²⁾ *Амташвили*, Груз. сказки, стр. 20. Ср. Татарскія сказки—*Рыба разноцѣпная*—въ которой обращаетъ на себя вниманіе значеніе ковра-самолета, скатерти-самобранки, дубины и шапки-невидимки (въ „Сбор. матер. для опис. иѣст. и племенъ Кавказа“, вып. IXXIII). Ср. Сванетскія сказки, собран. *Вольномъ сваномъ*, 53. („Бездѣтный кейсаръ“, стр. 69).

дэвовъ думать, что двери ихъ обманываютъ. Третій разъ они не обратили вниманія на завываніе дверей, и Нацаркакіа исчезъ съ камнемъ. По дорогѣ онъ помѣнялся съ однимъ спутникомъ дубиной, обладающей свойствомъ бить безъ пощады всѣхъ на зовъ— „ура, дубина!“ а потомъ отнял свой камень у него же съ помощью этой же дубины, съ другимъ помѣнялся пашкой, снимающей головы съ 10.000 душъ, съ третьимъ буркой, волосы которой прикрѣпляютъ разрозненные части тѣла и оживляютъ, а при содѣйствіи той же дубины, онъ возвращаетъ свой камень и со всѣми этой чудодѣйственными вещами поселяется въ городѣ. Царь этой страны, приглашенный на обѣдъ къ Нацаркекіа, пожелалъ имѣть этотъ камень, получивъ же отказъ, онъ напускаетъ отрядъ воиновъ на него, которыхъ Нацаркекіа вначалѣ перебиваетъ пущенными въ ходъ пашкой и дубиной, а потомъ оживляетъ ихъ буркой. Отнятый волшебный камень въ другихъ сказкахъ возвращается при помощи мыши. Мышь щечочетъ въ носу хвостомъ, спрятавшій камень во рту чихаетъ и роняетъ похищенный талисманъ, который подхватываетъ и уноситъ мышь ¹⁾. Оживленіе побѣдниковъ происходитъ съ помощью „живой воды“ бурки, или чудснаго платка, прикосновеніе котораго достаточно, чтобы поднять на ноги окаменѣвшихъ и мертвыхъ. Къ другой группѣ сказокъ принадлежатъ тѣ, въ которыхъ оживленіе происходитъ посредствомъ цѣлебныхъ травъ. Плакующій трупъ видитъ, какъ крыса, напр. накладываетъ какую-то траву и оживаетъ мышенка; (см. выше въ сказаніи объ Амиранѣ отыскиваютъ ту же траву и мертвецъ воскресаетъ). Живую воду часто замѣняютъ гранаты, которымъ соотвѣтствуютъ молодые „яблоки и арбузы“ въ индо европейскіхъ сказкахъ. Былъ одинъ нѣкогда „Царь несмѣянтъ“ ²⁾. Сыновья просили отца сказать, почему онъ не смѣется. Старшій, за нимъ средній царевичи, получившіе въ отвѣтъ оплеуху, удалились, а младшій изъявилъ готовность получить три удара съ условіемъ найти удовлетвореніе въ вопросѣ. Царь предложилъ ему принести знаменитые гранаты и обѣщалъ сказать. По дорогѣ къ гранатовому дереву онъ находитъ окаменѣвшіе черные и красные отряды. Сорвалъ четыре граната—одинъ съѣлъ, а три положилъ въ карманъ. Гранатовое дерево оказалось принадлежностью дэви, замокъ котораго оберегался стражей. Проникнувъ туда чрезъ посредство спущенныхъ съ высоты замка волосъ красавицы, онъ выпросилъ у нея узнать отъ дэви,

¹⁾ Въ малорусской сказкѣ такъ добываетъ мышь божью трость, спрятанную во рту у царевны; *Проф. Сумцовъ*. Мышь въ народной словестности. „Этногр. Обзор.“ кн. VIII.

²⁾ *Джедажим*, 1891, VI.

въ чемъ его душа покоится. Дэви, прибывъ въ замокъ, заявилъ, что чувствуетъ запахъ человѣка. Красавица увѣрила, что онъ самъ принесъ изъ мірскихъ походовъ человѣческой духъ. Относительно же мѣста пребыванія его души, онъ говоритъ, что она покоится то въ метлѣ, то въ столбѣ, которые она украшаетъ цвѣтами, будто бы изъ любви къ дэви. Потомъ онъ открываетъ, что душа его покоится въ коробкѣ, хранящейся въ головѣ кабана. Въ этой коробкѣ три птички: одна красная—его сила, бѣлая—его умъ, черная—его душа. Убить этого кабана можно стрѣлой, намоченной въ его урилѣ. Кабанъ же этотъ овладѣлъ рѣкой и давалъ жителямъ глотокъ воды за живую жертву въ видѣ дѣвицы или юноши. Царевичъ у рѣки засталъ приведенную для кабана дѣвицу, которую онъ освобождаетъ отъ чудовища, убивъ его стрѣлой. Перебивъ птичекъ красную и бѣлую, т. е. силу и умъ, онъ съ черной приходитъ къ обезсиленному дэви. Царевичъ вытребовалъ у него три кнута, посредствомъ которыхъ оживилъ окаменѣвшіе отряды, взявъ большое богатство и, убивъ дэви ¹⁾, вернулся къ отцу. Но по дорогѣ онъ встрѣтился съ братьями, которые его бросили въ яму и присвоили добытые имъ гранаты. Однако отцу не могли объяснить, что видѣли. Отправилъ царь своихъ приближенныхъ розыскать младшаго царевича, который рассказалъ, что онъ видѣлъ. Красавица помогавшая юношѣ, оказалась женою царя, а окаменѣвшіе отряды—его войскомъ. Узнавъ объ убійствѣ, онъ такъ сильно засмѣялся, что земля треснула и оттуда вышли мѣшки съ драгоценностями. Юноша вернулся въ замокъ, убилъ дэви и возвратился вмѣстѣ съ плѣненной имъ матерью.

Въ другихъ сказкахъ, юноша, добывшій живую воду или гранаты, вызываетъ зависть въ старшихъ братьяхъ, которые бросаютъ его въ яму. Онъ попадаетъ въ царство мрака, вскочивъ не на того звѣря, который выноситъ на землю, а погружаетъ въ подземелье. Здѣсь узнаетъ отъ старушки, что рѣку держитъ драконъ, котораго онъ убиваетъ стрѣлой и скрывается, не смотря на желаніе царя вознагражить юношу за освобожденіе страны отъ чудовища. Тѣмъ временемъ онъ убиваетъ змѣя, который пожираетъ птенцовъ одной большой птицы. Пташки указываютъ на юношу, какъ на своего избавителя. Птица

¹⁾ Многоголовымъ дэвамъ въ латышскихъ сказкахъ соотвѣтствуютъ дьяволы, напр. *десятиглавый чортъ* въ сказкѣ „о чортовомъ работникѣ“. *Трейландъ*. Латышскій народ. сказк. стр. 40 (въ Сборн. матеріаловъ по этнографіи, изд. при Дашковскомъ музеѣ подъ ред. В. О. Миллера, вып. II, М. 1887). Продѣлки людей съ дэвами, напоминаютъ таковы же съ чертами въ латышскихъ сказкахъ. Ср. парень и чортъ стр. 55 и Нацаркекіа и дэви.

хочетъ услужить ему за это. „Вынеси меня на бѣлый свѣтъ!“ говоритъ юноша. Для птицы онъ беретъ у царя семь „кока“ вина, семь пудовъ хлѣба, семь пудовъ мяса и подаетъ ему, когда та, неся его на своихъ крыльяхъ, оборачивается къ нему. Когда у него не хватило мяса, то онъ вырѣзалъ икры изъ своихъ ногъ и подаль ей. Она спрятала икры и приложивъ къ ногѣ юноши, когда тотъ сталъ прихрамывать на землѣ. Эту громадную птицу знаютъ и русскія сказки. Въ одномъ изъ вариантовъ сказки о Коцеѣ Безсмертномъ она названа „моголь-птица“.

Сказки объ оборотничествѣ составляютъ богатый отдѣлъ въ грузинской устной словесности. Прекрасная дѣвица въ шкурѣ лягушки, или юноша въ образѣ орла встрѣчаются въ сказкахъ различныхъ народностей грузинскаго племени. Остановимся прежде всего на одной сказкѣ, заключающей въ себѣ цѣлый рядъ оборотничествъ. Какой-то крестьянинъ ¹⁾ искалъ для сына учителя. Въ поискахъ, онъ разъ по пути остановился у источника, напился холодной воды и воскликнулъ: Ахъ, какъ ты хороша („Вахъ-ра каргихаръ“). Изъ глубины источника выскочилъ дьяволъ въ образѣ челоуѣка и говорилъ *Вамрака* я, что тебѣ нужно?“ крестьянинъ сказалъ, что ищетъ учителя для сына. Дьяволъ взялся учить мальчика и предложилъ отцу въ концѣ года взять его обратно если узнаете своего сына. Когда пришелъ крестьянинъ, дьявола не было дома. Изъ группы учениковъ выдѣлился его сынъ, подошелъ къ отцу и отрекомендовался. Мальчикъ сказалъ, что учитель всѣхъ ихъ при немъ обратитъ въ голубей. При полетѣ онъ поднимется первый и вернется послѣдній,—по этому знаку онъ можетъ назвать своего сына. Такъ какъ отецъ открылъ сына, то дьяволъ долженъ былъ отдать ему мальчика. Идетъ онъ съ отцемъ и видятъ охотятся князья за зайцемъ. „Я обращусь въ гончаго и поймаю зайца“, говоритъ сынъ отцу. Князья пожелають купить меня, ты продай и потомъ я опять вернусь къ тебѣ“. Крестьянинъ такъ и сдѣлалъ. Второй разъ сынъ обратился въ ястреба и снова выгодно проданный князьямъ возвратился къ отцу. Потомъ онъ оборачивается конемъ и наказываетъ отцу продать его кому-угодно, но только не сѣроглазому. Однако, крестьянинъ соблазненный высокой цѣной продалъ именно сѣроглазому своего сына да и узду отдалъ ему. Сѣроглазый оказался его учителемъ-дьяволомъ, который его загналъ въ темную комнату и заперъ

¹⁾ *Анцисаили*, Груз. сказки, № 1. Ср. татарскую сказку „Гюль и Сюнейвизъ“, соответствующую типу русскихъ сказокъ „Царевна лягушка“. Въ „Сборн. матер. для опис. племенъ Кавказа“, вып. IX.

ему двери. Разъ мальчикъ замѣтилъ, что въ комнату проникъ солнечный лучъ. Онъ оборотился крысой и выползъ изъ заточенія. Замѣтилъ это учитель оборотился кошкой и погнался за нимъ; ученикъ тогда оборотился рыбой и поплылъ по рѣкѣ, за нимъ учитель бросился неводомъ; ученикъ обратился въ фазана, учитель въ ястреба, первый яблокомъ и винулся въ подолъ царя, второй ножомъ и очутился въ рукахъ царя; первый въ кодъ ¹⁾ пшеницы и рассыпался, а второй въ насѣдку съ цыплятами и повлевалъ пшеницу, лишь одно оставшееся зерно обращается въ иголку, учитель въ нитку и продвѣается въ иголку, послѣдняя бросилась въ огонь и сгубила нитку.

Другой примѣръ оборотничества изъ грузинскаго сказочнаго эпоса. представляетъ сказка „Охотникъ“, который, перепрыгнувъ черезъ черепъ, сталъ дѣвицей и рождаетъ отъ царевича сына Малхаза. Перешагнувъ черезъ спину оленя, она сдѣлалась кобылицей, рождаетъ жеребца а, перескочивъ черезъ убитаго оленя, сдѣлалась борзой собакой и родила щенятъ. Достаточно было перескочить ей черезъ хвостъ оленя, чтобы снова сдѣлаться мужчиной-охотникомъ. Послѣдній отправляется въ теремъ къ красавицѣ, которой долженъ сказать три такихъ вѣрныхъ мысли, какихъ никто не говорилъ. „Могъ ли я родить Малхаза?“ Въ доказательство истинности этой мысли появился по условію огонь подъ котломъ. „А этого жеребца“?.. Вода закипѣла въ котлѣ. „Этихъ щенятъ“?.. Мясо въ котлѣ сварилось ²⁾. У одного царя родился орелъ ³⁾ вмѣсто сына. Онъ велѣлъ его бросить въ яму, рядомъ съ нимъ въ другую яму дѣвушку, которая бы кормила его, подавая незримо по одному хлѣбу и куску мяса ⁴⁾. Разъ онъ схватилъ ее за руку и долго не пускалъ; она посмотрѣла въ яму и увидѣла тамъ прекраснаго юношу. Они объяснились въ любви и она перешла къ нему въ яму. По желанію царю была наведена справка, что дѣлаетъ орленокъ, и ему донесли, что въ ямѣ увидѣли красиваго юношу съ дѣвушкой. Ихъ велѣли привести, обвинчали и отпраздновали веселую свадьбу.

Грузины знаютъ сказку, параллельную русской о царевнѣ лягушкѣ. Три брата берутъ невѣсть съ тѣхъ мѣстъ, куда падаютъ

¹⁾ Коды=8 пудамъ.

²⁾ *Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа* X, III, 72—5.

³⁾ *Мой сборникъ* Картали. сказокъ № 1. *Потанинъ* Марья, Лебедь Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ. Схема сказки: морская дѣва, дочь морскаго царя, выдали замужъ за челоуѣка, царь отбираетъ или собирается отобрать, сказка кончается торжествомъ мужа при помощи советовъ вѣщей жены. „Эти. Об.“ XIII—XIV.

⁴⁾ См. выше сказаніе о Бежанѣ.

пущенныя ими стрѣлы ¹⁾. Стрѣла младшаго брата попадаеть въ озеро, откуда выходитъ лягушка. Братья не желаютъ жить съ младшимъ, и выдѣляютъ его. Послѣдній замѣтилъ, что въ его отсутствіе, кто-то прибираеть комнату, готовитъ пищу и скрывается. Онъ подкараулилъ и оказалось, что лягушка сбрасываетъ съ себя шкуру и выходитъ красавицей. Онъ спалилъ ея шкуру, хотя жена предупредила, что за это угрожаютъ ему бѣдствія. Узнавъ помѣщикъ обо всемъ этомъ, велѣлъ своему крестьянину или въ одинъ день засѣять весь амбаръ пшеницы, или отдать ему жену. Жена явилась къ нему на помощь. Она послала къ озеру съ просьбой къ роднымъ одолжить быковъ, которые вспахали и засѣяли поле. Помѣщикъ потомъ велѣлъ собрать все засѣянныя зерна. Данныя изъ озера галки исполнили порученіе барина. Наконецъ, царь отправляетъ его въ подземное царство взять кольцо у покойной царицы-матери. Изъ озера дали барана, который его понесъ въ подземелье. По дорогѣ онъ встрѣтилъ женщину и мужчину, которые не помѣщаются на шкурѣ буйвола, на рукояткѣ же топора другая такая пара свободно сидятъ; видитъ священника, длинную бороду котораго поѣдаютъ быки. Крестьянину обѣщаютъ все они объяснить свою судьбу, если онъ назадъ вернется. Наконецъ, баранъ его пронесъ черезъ кипящую смолу и прибылъ къ царицѣ, которая отдала ему шкатулку съ кольцомъ. На обратномъ пути священникъ говоритъ ему, что наказанъ Богомъ за то, что онъ преслѣдуя свои интересы, часто кормилъ своихъ быковъ на счетъ другихъ, а быки послѣднихъ оставались голодными. Свободные размѣщающіеся на рукояткѣ топора жили въ мирѣ и на землѣ а толкающіе другъ друга на шкурѣ постоянно враждовали въ жизни. Принесъ шкатулку царю и когда тотъ открылъ вышелъ оттуда огонь и поглотила барина. Параллельную сказку находимъ въ *Сборникѣ сванетскихъ сказокъ*. Одинъ крестьянинъ, освободивъ молодаго змѣя отъ старой змѣи, получилъ отъ первой кончикъ ея хвоста, который доставилъ ему необыкновенное богатство. Еврей вывѣдалъ черезъ посредство одной женщины у супруги, въ чемъ заключается сила его богатства, держалъ съ нимъ пари и выигралъ хвостъ. Для возвращенія чудодѣйственнаго хвоста крестьянинъ отправляется съ жалобой къ солнцу вселенной. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ сучку, которая мучится, но оцѣниться не можетъ. Она поручаетъ крестьянину узнать отъ солнца причину ея мукъ. Далѣе онъ срываетъ яблоко, оказав-

¹⁾ Груз. сказки № 4. Ср. Этн. Об. кн. XIII—XIV. *Потанинъ* Марья Лебедь Вѣлая въ былинахъ и сказкахъ.

шееса горькимъ; встрѣчаетъ пастуха, собственное стадо котораго, хотя пасется на лугу, отличается худобой, а порученное стадо, пущенное имъ по голымъ горамъ, все же носить все признаки полноты. Видитъ женщину-прачку у рѣчки, вода до ея ногъ течетъ молокомъ, а подошедши къ ней, обращается въ кровь. Все они просятъ узнать у солнца причину ихъ несчастій. Крестьянинъ не засталъ дома солнца и попросилъ у луны содѣйствія. Луна обратила его въ гребешокъ и положила въ щель. Вернувшись вечеромъ, солнце, какъ дѣви, говоритъ, что чувствуетъ „запахъ сына Адама“. Луна вначалѣ увѣряетъ, что солнце само принесло съ земли запахъ человѣка, а потомъ снова обративъ гребешокъ въ человѣка, проситъ ему помочь. Солнце предлагаетъ крестьянину держать пари съ евреемъ и предложить ему: „если завтра солнце съ востока взойдетъ, то пусть твое состояніе будетъ мое, не взойдетъ, отдамъ тебѣ и свое“. Для спасенія сучки солнце посоветовало сойти съ золотой тахты (дивана) и тогда избавится отъ мукъ. Для услаченія яблони нужно вырыть въ ея корнѣ скрытый кладъ золота ¹⁾. Для пополненія стада слѣдуетъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ одинаково пасти на лугахъ, а женщина пусть хорошо стираетъ бѣлье, и тогда молоко не обратится въ кровь. Солнце взошло съ востока, и еврей проигралъ пари ²⁾.

Оборачиваніе женщины въ рыбу, змѣя ³⁾, волка, пѣтуха, щепку, тополь нерѣдко встрѣчается въ грузинскихъ сказкахъ. Одинъ крестьянинъ былъ обращенъ невѣрной женой ударомъ палки въ пѣтуха, котораго захотѣли зарѣзать сосѣди. Затѣмъ жена обратила его въ собаку. Послѣдняя побѣжала за проѣзжимъ всадникомъ и съ ними переночевала у пастуховъ, которые выпросили ее у всадника за то, что разогнала напавшихъ на стадо волковъ. Разъ эта собака проникла въ домъ царя, гдѣ лежалъ покойный его сынъ, въ каждую ночь оживляемый нечистой силой. Собака укусила нечистую силу, послѣдняя убѣжала, а царевичъ остался живъ. Нечистая сила встрѣтившись съ собакой, награжденной царемъ золотыми колокольчиками, дала ей палочку, которой онъ себя вернуть образъ человѣка, а жену обратилъ въ зайца ⁴⁾.

¹⁾ Ср. груз. сказку „Дармоѣлъ“ *Сбор. матер.* для опис. плем. Кавказа X, II, 67. Оборачиваніе см. „Волшебную сказку“ въ кн. *Бебура* „Груз. нар. сказки“.

²⁾ „Сванетскія сказки“, стр. 10. Превращеніе человѣка въ гребень см. въ *Сбор. матер.* X, 191, сказка *Три брата*.

³⁾ Имерет. сборникъ сказокъ № 5. Мингрельская сказка „Старикъ и змѣй“ въ *Сбор. матер.* X, II, 22. Юноша, обратившійся въ змѣя, женится на крестьянкѣ. Сказки о тигрѣ-якѣ („лѣсной человѣкѣ“) ср. съ чеченскими „алмасами“ *Терскій Сбор.*, III, 115.

⁴⁾ *Джеджили* 1891, кн. IV. Оборачиваніе красавицы въ золотую рыбу,

Темой оборотничества служатъ преданія о покойникахъ, совершившихъ тяжкія преступленія, или не погребенныхъ по должнымъ обычаямъ. Обращаются также дьяволы и нечистыя силы, принимая образъ человѣка, животныхъ или предметовъ. Въ одной сказкѣ съ помощью кольца, выпавшаго изъ зарѣзанной курицы, которую захватилъ царевичъ на могилѣ отца, вызываетъ ешмаковъ и кадзовъ его обладатель, и при ихъ содѣйствіи для полученія руки царевны, исполняетъ чудеса по требованію царя: изъ-за 12 горъ приноситъ снѣгъ съ землей, изъ чернаго моря городъ. Еврей захватываетъ у царевича кольцо, а послѣдній отправляется сначала къ кошкамъ, а затѣмъ къ крысамъ переправить его чрезъ море: черныя и красныя отказались, а бѣлая крыса вызвалась по приглашенію „кесаря крысъ“ доставить его къ еврею, у котораго кольцо хранилось во рту. Во снѣ она всадила хвостъ въ носъ, онъ чихнулъ и выронилъ кольцо, которое схватила крыса и принесла царевичу ¹⁾. Мотивы оборотничества восходятъ въ отдаленную древность: намеки находятся у Гомера, Овидія, Лукіана.

Обращаемся къ сюжету о вѣдмахъ. Колдуньи, вѣдмы грузинскихъ и армянскихъ сказокъ, рокапи имеретинскихъ и мингрельскихъ, баба-яга русскихъ отличается двойственностью характера. То онѣ добры и оказываютъ помощь героямъ, то злы и поѣдаютъ ихъ. Вѣдмы представляются народомъ съ хвостомъ и живутъ въ темныхъ пещерахъ, развалинахъ мельницъ и башенъ. Въ сказкахъ онѣ выступаютъ съ тѣми же чертами, какими ихъ надѣляетъ народъ въ своихъ повѣртіяхъ. Такъ, одна вѣдма ²⁾ дала бездѣтному царю яблоко, съ условіемъ, чтобы младшій изъ имѣющихся родиться сыновей былъ ей отдавъ. Дочери вѣдмы во время ея сна пожелали спасти юношу отъ сѣденія и дали ему по одной волшебной вещи: старшая сестра гребень, средняя ножницы, младшая кусочекъ соли. Чрезъ семь дней проснулась вѣдма и погналась за нимъ; юноша бросилъ назадъ, не оборачиваясь, гребень—и появилась лѣсная чаща; когда вѣдма пробила и снова показалась, юноша бросилъ ножницы, породившія скалы, но и тутъ она пробралась. Тогда онъ бросилъ кусокъ соли—развер-

изъ одной косточки которой вырастетъ чинаръ, въ ст. проф. *Сумцова* „Этн. Обзор.“ XIII, 143. „Вылины о Добрынь и Маринѣ и родственныя имъ сказки о жепѣ волшебницѣ“ имѣются параллели изъ кабардинскихъ, осетинскихъ и чеченскихъ сказокъ, въ которыхъ жена обращаетъ мужа въ осла.

¹⁾ „Сванет. сказки“ 35—42. Ср. *Сумцовъ*. Мышь въ народной словесности. *Этн. Об.* VIII, Мышь учитъ убить дѣви княжаломъ. „Сван. сказки“, 48, III, 49.

²⁾ „Грузин. сказки“, стр. 74, 75, 129, 140.

нулось море, въ которомъ утонула вѣдма. Юноша останавливается у девяти дѣвовъ, у которыхъ онъ проситъ дружбы. Тѣ принимаютъ его съ условіемъ стащить платокъ у красавицы на перекресткѣ. Юноша вступилъ съ нею въ бой, отнял и платокъ; и золотую туфлю. Размѣнять ее въ городѣ идетъ хромою дѣви, котораго задерживаетъ одинъ богачъ, признавъ въ ней обувь своей жены. Одинъ за другимъ всѣ дѣви идутъ узнать судьбу хромого дѣви и всѣхъ сажаютъ въ тюрьму. Юноша, наконецъ, для оправданія ихъ вызывается доставить и другую, подобную первой, туфлю. Съѣлъ на корабль и поплылъ по морю, по которому гинет судна съ хлѣбомъ отъ какой-то женщины, погружающей ихъ въ глубину волнъ. Юноша схватилъ ее за руку въ тотъ моментъ, когда она зацѣпила снизу корабль, спасъ его и сорвалъ съ ея руки кольцо. Прибылъ въ одинъ городъ, гдѣ одного царевича убила красавица, оживляющая его ночью въ церкви и къ разсвѣту ударомъ палочки убивающая его. Юноша проникъ въ церковь, къ разсвѣту онъ отнял у красавицы палочку, и царевичъ остался живъ. Идетъ по дорогѣ, встрѣчаетъ араба съ табуномъ. Юноша спрашиваетъ, чей-то табунъ, а арабъ отвѣчаетъ, какъ его поглотить—съ головы или съ ногъ. Юноша далъ ему оплеуху и загналъ его за 9 горъ, а съ табуномъ прибылъ въ городъ, подошелъ къ дому, гдѣ на тахтѣ оказываются золотыя туфли. Онъ спрятался подъ тахтой (диванъ). Прилетѣли три красавицы, которымъ подалъ роскошный обѣдъ арабъ. Первая провозгласила тостъ за того юношу, который отнял у нея платокъ и туфлю, вторая за того, который спасъ отъ нея судно и сорвалъ кольцо, третья за того, который вырвалъ у нея волшебную палочку. Юноша вышелъ изъ подъ тахты и сказалъ, что это онъ и представилъ платокъ, туфлю, кольцо и палочку. Онъ получилъ отъ нихъ золотую туфлю, доставилъ ее купцу, освободилъ дѣвовъ, а самъ съ двумя братьями вернулся къ нимъ и женился на нихъ соотвѣтственно съ возрастомъ³⁾. Отмѣтимъ, что въ другой сказкѣ вѣдма сажаетъ въ кувшинъ одну дѣвицу, сама садится туда же и летитъ, каковую способность приписываютъ вѣдмѣ всѣ народности грузинскаго племени.

Имеретинскія вѣдмы—тѣ же люди, исключительно женщины съ тою только разницею, что онѣ обладаютъ сверхъестественными способностями: онѣ могутъ летать на воздухѣ, превращаться въ животныхъ, сглазить, вліять на погоду, урожай, болѣзни, вырывать сердца у людей. Выходятъ онѣ изъ простаго сословія и лишь изрѣдка изъ привилегированнаго класса. Одна изъ главныхъ характерныхъ чертъ имеретинской вѣдмы, это старость. Чѣмъ старѣе и безобразнѣе женщина, тѣмъ скорѣе народъ сочтетъ ее за вѣдму. Отъ такой женщи-

ны „съ хвостомъ“ (кудіани) всё сторонятся, внушая ей увѣренность, что дѣйствительно способна вредить своимъ недругамъ: бывали примѣры, что вѣдьмы ловили на мѣстѣ преступленія и подвергали физическимъ истязаніямъ. Для опредѣленія, вѣдьма ли извѣстная женщина, существуетъ въ Грузіи способъ, отмѣченный еще въ проповѣдяхъ Серапіона ¹⁾, епископа Владимірскаго въ XIII в., замѣченную бросаютъ въ воду и, если она погрузится въ нее, значитъ она не вѣдьма,—ее вытаскиваютъ изъ воды; если же, наоборотъ, нѣсколько секундъ остается на поверхности воды, то она вѣдьма и предоставляютъ собственной участи. Прежде раскаленнымъ желѣзомъ выжигали ей слѣды на лицѣ, рукахъ и ногахъ ²⁾

Для устраненія вліянія вѣдьмы устраиваются два раза въ теченіе года въ среду на Страстной недѣлѣ и наканунѣ Успенія заклинанія, заключающіяся въ томъ, что въ означенные дни въ каждомъ дворѣ зажигаютъ большіе костры, берутъ въ руки мѣдный тазъ, мѣдный котелъ или какую-нибудь другую металлическую посуду и, производя по нимъ удары палкою или камешкомъ, бѣгаютъ вокругъ пылающаго костра и, обращаясь къ вѣдьмамъ, говорятъ: „ѣште и пейте свое, а мы свое осѣнили крестомъ, прочь отъ насъ „кудіани“! Послѣ этого производятъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, въ которыя иногда вкладуются вмѣстѣ съ пулями иголки, чтобы сильнѣе поразить вѣдьму. На ночь каждый членъ прикрѣпляетъ къ волосамъ по восковому кресту противъ нечистой силы; всё отверстія и дыры задѣлываются, чтобы вѣдьма не могла пробраться въ видѣ жучковъ, бабочекъ. Особенный переполохъ производятъ въ эту ночь появленіе чужой кошки, на которой ѣздитъ вѣдьма на поклоненіе къ начальницѣ Рокани, обитающей на Табакелѣ ³⁾.

¹⁾ См. Хрест. Буслаева, стр. 128.

²⁾ Въ Мингреліи появленіе чумы, неурожай, падежъ скота приписывается кудіани. Въ 1856—7 гг. послѣ турецкой войны тамъ распространился падежъ скота. Считая его дѣйствіемъ кудіани, начали ихъ бросать въ рѣку: которая тонула—та не вѣдьма, а которая же тонула—та вѣдьма, послѣднихъ нагами гнали между разложенными кострами, пока онѣ не признали за собою вины въ падежѣ скота. *Зап. Кавказ. отд. II. Р. Г. О. кн. VII.* Крѣпостное состояніе въ Мингреліи.

³⁾ О вѣдьмахъ, въ *Сбор. матер. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа*, вып. IX, отд. II, стр. 175—8. Ср. „Кавказская Старина“ кн. *Р. Эрнстова* „Путевыя Записки по Мингреліи“, въ которыхъ сообщаетъ о праздникѣ *Мозаквали* (колдуны).

Было время—Табакела ¹⁾ не представляла собой пустыни. Густолиственный лѣсъ шумѣлъ на ея склонахъ, высокія пихты и сосны украшали ея вершину. Все живое—и звѣри, и птицы, гнѣздились на этихъ высотахъ. Увидѣлъ все это царь тьмы, и стало ему больно. Захотѣлось ему уничтожить жизнь на веселой горѣ, обратить рай земной въ мѣсто смерти и ужаса. Онъ собралъ духовъ, гнѣздившихся въ ущельяхъ Кавказа, и послалъ ихъ на Табакелу. Звѣри бѣжали, птицы улетѣли, родники и ручьи ушли въ землю. Человѣку пришлось сойти внизъ и оставить гору на жертву судьбѣ. Съ тѣхъ поръ Табакела стала гнѣздомъ нечистыхъ тварей, царствомъ духовъ, средоточіемъ зла и порока. Косматый, молчаливый *каджи* началъ шагать по уступамъ ея скаль, блестя надгруднымъ топоромъ, стуча алмазными зубами. А али, а чинки? Женщины—ихъ прирожденные враги, и чинки мстятъ имъ съ безумною жестокостью. Онѣ думаютъ въ постели, вырываютъ сердце, куски матеріи ихъ платья и заставляютъ чахнуть и изнывать медленною смертью. Есть одинъ способъ приручить чинку. Это—остричь ей волосы и ногти. Тогда она дѣлается смирной и послушной, усердно прислуживая въ домѣ. Но услуги ея продолжаются до тѣхъ поръ, пока она не отыщетъ волоса. Тогда она снова превращается въ духа и, отмстивъ поработателю, улетаетъ на Табакелу. Всѣ чинки подвластны парижѣ „Деда-Рукапи“ (деда-мать). Она столь же безобразна, сколько прекрасны подчиненные ей духи. Старая, горбатая, вся въ прыщахъ и язвахъ, Деда-Рукапи вооружена длиннѣйшимъ хвостомъ и большими клыками. На лбу у нея единственный глазъ, который вертится колесомъ и позволяетъ видѣть все и вся. Ей невѣдомы ни милость, ни сожалѣніе. Въ средѣ отживающихъ вѣкъ старухъ у нихъ есть свои адепты, не менѣе страшны, чѣмъ онѣ сами. Это—„кудіанеби“, колдуньи, обладающія сверхъестественной силой. Наканунѣ Успенія ²⁾, вся эта нечисть приходитъ въ движеніе, Табакела содргается отъ дикой вакханаліи. Съ послѣднимъ лучемъ заходящаго солнца изъ всѣхъ разсѣлинъ горы вылетаютъ духи и разсѣиваются по равнинѣ. Въ каждомъ встрѣчномъ грозитъ опасность столкнуться съ чинкою, въ каждомъ кустѣ пайти ея логовище, въ каждый моментъ она можетъ промчатся верхомъ на черной кошатѣ. Оговесюду слышны голоса, выкрикивающіе.

¹⁾ „Нов. Обзорѣніе“ № 2288. Въ мѣрѣ фантазіи. *Ил. Хонели*. Ср. у меня очеркъ „Месхи“ „чинки и али“.

²⁾ „Иверія“, 1886, № 227. Ср. „Кавказъ“, 1894, 30 *Чинки и Каджи*. *А. Никитинъ*. Груз. чинка соответствуетъ чеченскій *джинъ*. „Религія чеченцевъ“ *Дамата* въ „Терскомъ Сборникѣ“, в. III, стр. 79, 1893. Владикавказъ.

джвари ак'ет, джвари ик'ит!
т'квени свит'да т'к'вени тчамет
чвенсас джвари дагвитцерет!

„Да будетъ крестная сила съ нами! Въйте свое, пейте свое,— оставьте наше и осѣните его крестомъ!“ Въ домахъ хозяйки тоже запяты дѣломъ. Они лютъ восковыя свѣчи и воскомъ залѣпляютъ пучки волосъ себѣ и дѣтямъ. Это страхованіе отъ опасности. Злые духи не смѣютъ прикасаться къ „мѣченной“, какъ не въ силахъ вредить дому, на которомъ видѣнъ крестъ. Затѣмъ крѣпко на крѣпко запираются кошки, чтобы чинки не ѣздили на нихъ. Съ нарушеніемъ сумерекъ зажигаютъ костры и молодежь прыгаетъ чрезъ нихъ, очищаясь огнемъ. Чинки и кудіанеби обязаны представить Деда-Рукани подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ за эту ночь. Верхомъ на кошкахъ, на меглахъ, мулахъ съѣзжается нечистая сила во дворъ своей царицы. Она сидитъ на тронѣ изъ гадовъ въ сообществѣ гномовъ и змѣй, еще безобразнѣе, чѣмъ прежде. Блеснетъ наконецъ лучъ десницы, настанетъ праздникъ Успенія, и Табакела замираетъ на одинъ годъ. Чинкамъ посвящается мѣсяцъ октябрь, когда эти духи пребываютъ на землѣ, съ 15 числа по 7 ноября. Чинка представляется ребенкомъ 3—4 лѣтъ съ длинными до земли волосами. Однако она обладаетъ громадной силой, способной поднять на воздухъ цѣлыя дома. Приходъ ея 15 октября или уходъ сопровождается дождемъ. Въ первую ночь ея сошествія на землю пужно запечатлѣть изображеніе креста на камнѣ или кирпичѣ и бросить недалеко отъ винныхъ кувшиновъ или въ хлѣвъ. Прикасаясь этимъ камнемъ къ платью, приговариваютъ: „печать св. Георгія“. Чинка не можетъ приблизиться къ мѣсту нахождения камня. Родившихся между 15 и 1 ноября необходимо дать имя Георгія и Маріи, иначе имъ угрожаетъ опасность быть уведеннымъ обманомъ чинки въ темное царство. Достаточно произнести имя Маріи или Георгія, чтобы освободиться изъ подъ власти чинки. Въ промежутокъ пребыванія чинки на землѣ во всѣхъ работахъ требуется выдѣлать въ пользу ея извѣстную долю: если вяжутъ чулки, шали, то неизбежно въ миниатюрномъ видѣ приготовить такія же вещицы для чинки, чтобы избавиться отъ нанесенія вреда работѣ. 7 ноября является Михаилъ—Гавріилъ-архангелъ, свяжетъ всѣхъ чинковъ вмѣстѣ и броситъ въ рѣку.

Сказка, утрачивая мѣстическій характеръ о борьбѣ двухъ началъ свѣтлаго съ темнымъ, стала *бытовымъ правописательнымъ* рассказомъ. Сюда относятся сказки о мачихѣ, падчерицѣ и пасынкахъ, трехъ се-

страхъ и грехъ братьяхъ, изъ которыхъ младшая сестра и младшій братъ являются гонимыми старшими, но остаются побѣдителями подъ покровительствомъ судьбы. Схема грузинскихъ сказокъ о мачихѣ ничѣмъ не отличается отъ общеизвѣстной. Начинаются такія сказки большею частью съ того, что вдовецъ, имѣющій дочь, женится на вдовѣ, которая за собою приводитъ дочь. Мачиха не любитъ падчерицы и заваливаетъ ее работой. Каждый день, высылая ее пасти скотъ, она задаетъ ей большіе уроки прясть или ткать. Падчерицу въ нашихъ сказкахъ обыкновенно выручаетъ корова, которая даетъ совѣтъ плачущей дѣвочкѣ. Мачиха, желая извести падчерицу, губитъ свою дочь. Схема сказки о трехъ сестрахъ: онѣ хвалятся предъ царемъ своимъ искусствомъ первая приготовить коверъ въ одинъ день для всего войска, вторая накормитъ все войско изъ одного яйца, третья родитъ золото-кудраго ребенка. Далѣе слѣдуетъ подмѣна сестрами дитяти, плаваніе матери въ сундукѣ по морю, обличеніе обмана: торжество младшей сестры и наказаніе старшихъ посредствомъ привязыванія къ конскому хвосту. Другую группу составляютъ сказки, схема которыхъ можетъ быть представлена въ слѣд. видѣ: мачиха не любитъ падчерицу и обременяетъ работой. Падчерицѣ помогаетъ быкъ или корова. Животное зарызали по требованію мачихи, падчерица зарываетъ его кости. На ихъ мѣстѣ вырастаетъ яблоня. Ее срубаютъ, но изъ одной щепки вырастаетъ красавица, на которой женится царь. — Значеніе быка осмыслено въ тангутской сказкѣ—это сынъ гонимой женщины, зарытый въ землю и возродившійся подъ видомъ животнаго ¹⁾.

¹⁾ Ср. *Потанинъ* Восточныя параллели къ русскимъ сказкамъ. „Этногр. Обзор. кн.“ VIII. груз. сказка *Амгаливили* № 2 „Мачиха и три дочери“. См. на эту тему сбор. Сванетскихъ сказокъ „Старикъ и старуха“ „Сбор. матер. для опис. племенъ и мѣстн. Кавказа“ X отд. III, стр. 25; 62. Мингрельская сказка „Золотыя дѣти Кучи“. Груз. сказка „Три сестры“. Сванет. сказка „Кесарь“ (ib. отд. II, 162—175). Ср. съ этой сванетск. сказкой бурятскую о Гужирѣ. Параллели въ этихъ сказкахъ сходятся. Гужиръ въ монгольской сказкѣ исполняетъ порученіе Гули-хана, чтобы получить невѣсту. Одно изъ порученій исполняемыхъ Гужиромъ, заключается въ илѣненіи и укрощеніи собаки Гуниръ; одно изъ порученій сванетскаго героя—укрощеніе дикой лошади. Во всѣхъ случаяхъ Гужиръ пользуется совѣтами невѣсты, тоже и въ сванет. сказкѣ. Для укрощенія собаки Гужиръ обращается къ кузнецамъ и они куютъ ему намордникъ и путы; сванет. герой обращается къ кузнецамъ и они куютъ ему желѣзный молотокъ и желѣзные стремена. („Ордынскія параллели въ поэмахъ Ломбардскаго цыгана“), Этногр. Обзор., XVIII, 22.

Содержаніе сказки о трех братьях разыгрывается въ средѣ царской или крестьянской. Старшіе любимы отцемъ и преслѣдуютъ младшаго брата. Но за его доброту и честность ему покровительствуетъ судьба. Его выгоняютъ, а старшіе ищутъ руки красавицы, которая объявляетъ выйти за того, кто возьметъ извѣстный призъ. Младшему брату помогаетъ конь, который доставляетъ три раза трехъ цвѣтовъ платья и подлетаетъ подъ самое окно красавицы. Она выходитъ за него, но прежде чѣмъ насладиться счастьемъ, братья бросаютъ ея жениха въ яму, откуда онъ проникаетъ въ подземное царство, освобождаетъ рѣку отъ дракона, дѣтенышей орла отъ змѣи и на крыльяхъ „царя птицъ“ поднимается на землю. Здѣсь открывается обманъ и правда торжествуетъ. Содержаніе о трехъ братьяхъ по той же схемѣ распредѣляется при добываніи ими живой воды или чудной птицы по порученію отца. Обыкновенно подвигъ этотъ удается младшему, но старшіе временно присваиваютъ его честь, но потомъ, при появленіи виновника приобрѣтенія волшебныхъ предметовъ, побѣда остается за младшимъ. Въ этихъ сказкахъ выражается взглядъ народа и симпатіи къ добродушнымъ, сострадательнымъ людямъ. Въ нихъ сказывается увѣренность, что правда всегда торжествуетъ надъ кривдой, добро надъ зломъ ¹⁾

Вотъ одна сказка, носящая названіе „Богъ поможетъ правому“.

Жилъ нѣкогда славный царь, у котораго былъ знаменитый богобоязненный серебрянныхъ дѣлъ мастеръ. Послѣдній имѣлъ привычку на всякій вопросъ царя отвѣчать: „правому Богъ поможетъ!“ Царю не нравились эти слова и вздумалъ онъ отучить отъ нихъ мастера.

Онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости: отдать мастеру лучшей брилліантъ, чтобы тотъ обдѣлалъ въ золото, подослать визира и украсть этотъ драгоценный камень, а затѣмъ потребовать отъ мастера, чтобы онъ или возвратилъ камень, или отказался отъ ненавистныхъ царю словъ. Все такъ и было устроено. Мастеръ крайне огорченный отправился къ царю заявить о пропажѣ. На вопросъ царя, куда онъ дѣлъ брилліантъ, онъ далъ привычный отвѣтъ: „Богъ поможетъ правому!“ Царь далъ пять дней срока или отыскать брилліантъ, или отвыкнуть отъ этихъ словъ, угрожая въ противномъ случаѣ снять съ него голову. Мастеръ вернулся опечаленный домой. По дорогѣ встрѣ-

¹⁾ *Мой Карталинскій сборникъ сказокъ №№ 6 и 8. Имерет. сказка Унцреседа въ „Сбор. матер. для опис. плем. Кавказа“, IX, отд. 161—5. Герой напоминаетъ Иванушку—дурачка, хотя своего добродушія не выдерживаетъ до конца. Сванетск. сказки, стр. 29. „Девять братьевъ“.*

тилъ рыболова, который продалъ ему только что пойманнаго лосося. Когда его выпотрошили, то его жена нашла во внутренности рыбы брилліантъ. Мастеръ при видѣ его отъ радости воскликнулъ: „Богъ поможетъ правому!“ Оказывается, царь въ раскаяніи велѣлъ бросить въ море украденный для него визиремъ камень, который проглотилъ лосось, а послѣдній былъ пойманъ рыболовомъ. Мастеръ тотчасъ же принесъ брилліантъ, сказавъ: „Богъ поможетъ правому!“ Царь узналъ, какъ найденъ былъ камень, и съ тѣхъ поръ самъ онъ сталъ часто повторять: „Богъ поможетъ правому“.

Сказка объ армянскомъ священникѣ входитъ въ сложный циклъ сказаній о невѣрной женѣ. Содержаніе всѣхъ этихъ повѣстей сводится къ тому, что жена при мужѣ хвораетъ, уйдетъ онъ, она весела—является любовникъ, котораго она угощаетъ яствами и напитками. Въ польской сказкѣ любовникомъ является ксендзь. Въ сказкѣ, записанной Месопотаміи, женщина угощаетъ любовника хлѣбомъ, который она намазала масломъ—это *назук* груз. сказки, а бутылка вина, поднесенная женою рыбака въ итальянской сказкѣ, сближаетъ эту деталь съ груз. *кувшинномъ вина (сагине)*. Мнѣніе объ индійскомъ происхожденіи европейскихъ сказокъ о вѣроломствѣ и хитрости женщинъ было высказано Гастономъ Парисомъ. Онѣ были созданы въ Индіи буддійскими отшельниками, гдѣ женщины, лишеныя свободы, сознанія своего достоинства, всегда имѣли извѣстные пороки, изображеніе которыхъ получило преувеличенные размѣры ²⁾.

Животный эпосъ или сказки о животныхъ стоятъ особнякомъ. Сказки эти получили начало въ ту эпоху, когда первобытный человекъ, воодушевляя всю природу, считалъ подобными себѣ тѣхъ звѣрей, съ которыми ему приходилось вести упорную борьбу. Въ лѣсу, по его представленіямъ, жило особое звѣриное общество, имѣющее особенные нравы и обычаи, особенный языкъ и знанія. Съ развитіемъ болѣе близкаго знакомства съ бытомъ звѣрей, человекъ пересталъ чувствовать религиозный страхъ предъ нимъ, и первоначальный животный миѣзъ обратился въ сказку. Въ древнихъ сказкахъ животные не представляются аллегорическими образами людей, какъ въ позднѣйшихъ басняхъ, а, напротивъ, сохраняютъ инстинкты, свойственные ихъ природѣ, совмѣщая съ качествами и дѣйствіями человѣческими.

¹⁾ Эта сказка приводилась мною въ „Этногр. Обзор.“ кн. XV, 187 подъ заглавіемъ „Грузинская версія сказанія о Поликратовомъ перстнѣ“.

²⁾ *Сумцовъ*. „Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки“ „Этногр. Обзор.“, кн. XII.

Основные мотивы грузинских сказок о животных очень сходны с мотивами индо-европейскими. Главными действующими лицами являются: лиса, волк, медведь, козел, баран, корова, собака, шакал, пѣтухъ. Лиса отличается хитростью, коварством и вѣроломством; волку присущи прозорливость, грубость и глупость: онъ является битымъ, осмѣяннымъ и побѣжденнымъ лисой. Познакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Было два брата, у каждого было по 10 хлѣбовъ. Пошли вмѣстѣ искать счастья. Сначала съѣли 10 хлѣбовъ одного брата, а сохранившій свою порцію отказался удѣлить первому долю. Оставшійся безъ хлѣба упросилъ мельника дать ему пріютъ. Ночью на мельницу вошли медведь, шакал и волкъ. Сначала попрыгали, а потомъ стали забавлять себя разсказами. Медведь сказалъ, что на той горѣ у крысы много денегъ, которыя она провѣтриваетъ въ солнечную погоду. Еслибы человекъ зналъ объ этомъ, то могъ бы улучшить минуту, убить крысу и овладѣть ея сокровищемъ. Волкъ сказалъ, что въ такомъ-то городѣ вода стѣитъ очень дорого, а жители не знаютъ, что подъ однимъ камнемъ прекрасный источникъ. Шакалъ говоритъ, что царская дочь больна и для излѣченія ея достаточно ее выкупать въ водѣ съ букowymъ деревомъ. На разсвѣтѣ звѣри разошлись, а юноша разслышалъ все ими сказанное и немедленно воспользовался ихъ указаніями. Узнавъ его братъ, какъ онъ разбогатѣлъ и пришелъ на мельницу: прибывшіе туда звѣри заявили другъ другу, что кто-то тогда подслушалъ ихъ разговоръ и все сдѣлалъ по ихъ совѣту. Нужно поискать, нѣтъ ли кого нибудь на мельницѣ. Нашли притаившагося юношу и растерзали его. ¹⁾

Въ другой сказкѣ къ волку, медведю присоединяются лиса и орелъ. Лиса стоитъ во главѣ этихъ слугъ царевича, который ихъ кормитъ остатками дичи. Лиса хитростью добываетъ царевичу невѣсту, „никогда не видѣвшую солнечныхъ лучей“. Лиса велѣла сдѣлать сани, въ которыя она посадила волка и медведя, а орлу приказала летать по воздуху и схватить царевну, когда она выглянетъ. Съѣла лиса на козлы саней, заиграла въ трубу, а медведь и волкъ плясали подъ эту музыку. Красавица выглянула изъ окна, была схвачена орломъ, посадили ее въ сани и привезли къ царевичу ²⁾.

¹⁾ Груз. сказки *Амиашили* 70—74 (Два брата).

²⁾ Лиса и царевичъ ib. стр. 135. Добываніе невѣсты лисой для мельника см. въ *Сбор. сванетскихъ сказокъ*. „Мельникъ“, стр. 24—8. Доставленіе лисой герою сказки табуна лошадей за позволеніе ей съѣсть козу см. въ сказкѣ „Три брата“ 62—6.

Изъ сказокъ о животныхъ мы назовемъ еще въ стихотворной формѣ извѣстное сказаніе о самомъ сильномъ существѣ. Въ Калилѣ и Димилѣ, Панчатантрѣ, Гитонадешѣ мышь, превратившаяся въ дѣвушку по молитвѣ одного отшельника, захотѣла имѣть мужемъ самаго сильнаго изъ всѣхъ существъ. Отшельникъ обращается къ солнцу, отъ него переходитъ къ облаку, вѣтру, горѣ и мышѣ, которая подыравливаетъ гору и оказывается наиболѣе сильнымъ существомъ. Грузинское сказаніе считаетъ самымъ сильнымъ кота, такъ какъ онъ поѣдаетъ мышъ. Я привожу его въ русскомъ переводѣ И. О. Тхоржевскаго въ которомъ, впрочемъ, конца нѣтъ—землю съѣла мышъ, а послѣднюю котъ:

Пойдемъ, поглядимъ на зеленый нашъ садъ

Пришли, поглядѣли, а сада нѣтъ.

А кто это съѣлъ тотъ зеленый нашъ садъ?

Коза съѣла садъ,—говорятъ намъ въ отвѣтъ.

Пойдемъ, если такъ, поглядимъ на козу.

Пришли, поглядѣли, а козочки нѣтъ.

А кто это съѣлъ лиходѣйку козу?

Да волкъ съѣлъ козу, говорятъ намъ въ отвѣтъ.

Коза съѣла садъ,

А волкъ съѣлъ козу.

Пойдемъ, поглядимъ, а каковъ этотъ волкъ.

Пришли, поглядѣли, а волна нѣтъ.

А кѣмъ это съѣденъ, скажите намъ, волкъ?

Ружьемъ съѣденъ волкъ, говорятъ намъ въ отвѣтъ.

Ружьемъ съѣденъ волкъ,

А волкъ съѣлъ козу;

Коза же съѣла садъ.

Пойдемъ, поглядимъ на лихое ружье.

Пришли, поглядѣли и этого нѣтъ.

А кто же это съѣлъ то лихое ружье?

Да ржавчина съѣла, мы слышимъ въ отвѣтъ.

Та съѣла ружье,

Ружьемъ съѣденъ волкъ,

А волкомъ коза;

Коза же съѣла садъ.

Пойдемъ, поглядимъ, что за ржавчина тамъ.

Пришли, поглядѣли, а ржавчины нѣтъ.

Кто же ржавчину съѣлъ, знать хотѣлось бы намъ?

Земля съѣла ржавчину, слышимъ въ отвѣтъ.

Земля съѣла ржавчину,

Эта—ружье

Ружьемъ съѣденъ волкъ,

А волкомъ коза;
 Коза же съѣла садъ,
 Что былъ вскормленъ землей.

Въ сказкѣ „Сильнѣе сильнаго всегда можно найти“ встрѣчается ¹⁾ между великанами пахарь, напоминающій былиннаго Микулу Селяниновича. Онъ пахнетъ землю, запрягши въ плугъ нѣсколько десятковъ паръ быковъ, и прячетъ въ своей сумкѣ другого великана, преслѣдуемаго врагомъ. Святогоръ сажаетъ въ карманъ Илью Муромца, а Микула носить въ сумкѣ „тягу земную“.

Одна пѣсня изъ животнаго эпоса приведена мною въ очеркѣ „Месхи“ ²⁾. Въ этой пѣснѣ дѣйствующими лицами являются представители различныхъ классовъ животнаго міра:

У несчастной старухи крысы жнутъ ниву,
 Львы вяжутъ солому, а барсы въ пукъ снопы;
 Дэви запряжены въ арбу и водуть ихъ на гумно;
 Молотильныя доски быстро вертятъ олени,
 На нихъ сидятъ ангелы, нѣжно напѣвая;
 Дчинки званы провѣять смолоченное пшено;
 Кабаны поправляютъ гумно, а лисы подметають;
 Медвѣди нагружены мѣшками и спускають хлѣбъ въ яму;
 Волки посланы на мельницу, чтобы молотъ пшеницу;
 Жаворонка отправили въ небо, чтобы собрать всѣхъ птицъ,
 Тегеревъ просѣиваетъ муку, куропатка мѣситъ, сорока валяетъ;
 Голуби пекутъ лаваша, горлицы ихъ достаютъ (изъ печи въ землѣ);
 Гаріани (?) приготавлиють, сайки кладутъ на подносы;
 Аминари и Гавари (?) сидятъ близко другъ къ другу;
 Фазана за красоту сажаютъ въ серединѣ межъ собою.
 Сами ѣдятъ, пьютъ, дворовую собаку гонять къ концу (стола),
 Слворца просятъ поближе поиграть на „чанури“ (скрипка).

Происхождение кукушекъ. Гдѣ-то въ Индіи есть царство карликовъ, куда какъ-то попалъ грузинъ. Карлики ѣли и пили очень мало: одного чурека да полтунги вина имъ хватало на цѣлую недѣлю. Грузинъ привыкшій къ обильной пищѣ, былъ въ отчаяніи. Три зимы онъ провелъ въ тоскѣ по родинѣ. Разъ одинъ изъ карликовъ предложилъ ему идти вмѣстѣ съ нимъ въ Грузію. Отправились. Предъ границей, гдѣ оканчивалось царство карликовъ, товарищъ заявилъ

¹⁾ „Сбор. мат. для опис. плем. Кавк.“ X, отд. III, стр. 32—5. ib. II, 326. Ср. *Бабуръ* „Кузнечикъ и Муравей“, 25.

²⁾ Этногр. Обзор., кн. X.

грузину: „чуть только перешагну границы нашего царства, я превращусь въ птицу, которую зовутъ у васъ кукушкой. Я полечу, а ты слѣди за мной, а то не найдешь дороги“. Не успѣлъ грузинъ оглянуться, какъ карликъ превратился въ птицу и улетѣлъ вдаль; грузинъ остолбенѣлъ и не двигался. Птица вернулась назадъ и ударомъ крыла по щекѣ вывела товарища изъ задумчиваго положенія. Прибыли въ Грузію въ концѣ мая. Грузинъ приглашалъ кукушку къ себѣ въ домъ, но она отказалась подъ предлогомъ, что боится кошекъ и ребятишекъ ¹⁾.

По другому сказанію кукушка это—невѣстка, которую свѣкоръ засталъ во время причесыванія волосъ. Считая позорнымъ положеніе, въ какомъ видѣлъ ее мужчина, она воззвала къ Богу съ просьбой обратить ее въ птицу: Господь услышалъ ея молитву и она съ гребешкомъ на головѣ, котораго не успѣла снять, превратилась въ птицу.

О происхожденіи иволги, соловья и удода существуетъ поэтическое сказаніе. Гогія, пѣвецъ, отправляясь на защиту своей родины, прощается съ матерью, женой и сестрой. Имъ онъ завѣщаетъ каждый день играть на *чонгури* (скрипкѣ) и пока онъ будетъ живъ и струны будутъ играть, а оборвутся струны, пусть у Бога молятъ вѣчнаго мира грѣшной его душѣ. Такъ одна за другой женщины играли на чонгури, крѣпки были струны,—ни одна не оборвалась. Но разъ въ обѣденное время спрыгнулъ старый котъ, задѣлъ чонгури и сбросилъ. Подскачили женщины — въ дребезги разбилась чонгури Гогіи, тихо звеня, оборвались всѣ струны до единой... Пришелъ недобрый вѣстникъ, держа въ рукахъ одежды Гогіи. При видѣ ихъ въ ужасѣ пожелтѣла старая мать, словно пепломъ подернулось лицо молодой сестры. И сжалилось небо, услышало оно молитву матери: оборвалась ея жизнь, а на мѣстѣ ея вспорхнула желтая иволга; слѣдомъ за ней выпорхнулъ сѣрый соловушко. Молодая жена, для которой мужъ лишь „поясъ серебряный удобомѣняемый“, не круша себѣ сердца, ушла въ свою свѣтлицу, одѣла цвѣтное платье и, прихорашиваясь, стала чесать волосы. Но вотъ раздался гдѣ-то голосъ въ вышинѣ: „не быть и тебѣ между женами, негодная!“ И въ мигъ исчезло пестрое платье! Не успѣла вынуть гребень изъ волосъ — ударилась объ полъ пестрымъ удодомъ, гребешокъ остался на головѣ ²⁾.

Происхождение совъ. У крестьянина было два сына, которыхъ онъ любилъ искренно и нѣжно. Спусти нѣкоторое время по смерти

¹⁾ *Кавказъ* 1849, № 18. Ср. *Дубровинъ*, кн. I, т. I, 170.

²⁾ Соч. кн. *Акакія Церетели*, т. I. Ср. „Вѣсти. Евр.“ 1892, апрѣль.

первой жены, онъ женился на другой. Злая мачиха стала преслѣдовать и бить своихъ пасынковъ. Дѣти считали себя счастливыми, когда вдали отъ мачихи пасли коровъ и свободно рѣзвились. Однажды заигравшись до вечера, они не замѣтили, какъ все стадо разбрелось по лѣсу. Собравъ кое-какъ стадо, одного теленка не досчитались. Становилось все темнѣй и темнѣй. Испуганные темнотою ночи и воемъ шакаловъ, бѣдные дѣти прижимались другъ къ другу и горько плакали. Боясь побоевъ мачихи, они не рѣшались идти домой. Стадо снова разбрелось по полю. Дѣти просили у Бога, какъ спасенія отъ мачихи, чтобы онъ превратилъ ихъ въ птицъ. Молитва ихъ услышана: они сдѣлались совами, которыхъ до этого времени не было на свѣтѣ. Совы полетѣли въ глубь лѣса, но страхъ, внушенный мачихою, былъ такъ великъ, что они, ставъ совами, все еще не забыли о теленкѣ. Да и теперь въ лѣсу не усидятъ на одномъ мѣстѣ, а все летаютъ съ дерева на дерево, ища теленка. Иювне (нашелъ ли)? кричить одна.—Вера, вера (нѣтъ, нѣтъ)! отвѣчаетъ другая ¹⁾.

Сказка „Царь и три его сына“ любопытна въ томъ отношеніи, что находитъ параллель въ сказкахъ различныхъ народовъ. Царь Востока, умирая, вставилъ въ стѣну одинъ драгоценный камень и завѣщалъ своимъ сыновьямъ достать его тогда, когда они окажутся въ бѣдственномъ положеніи. Одинъ изъ братьевъ, безъ вѣдома другихъ, вынулъ камень, а когда во время нужды братья рѣшились воспользоваться кладомъ, то его тамъ не нашли. Такъ какъ только они знали о существованіи камня, то отправились къ царю Запада, чтобы онъ ихъ рассудилъ. По нѣкоторымъ примѣтамъ, видѣннымъ ими по дорогѣ, они узнали, что по ней недавно проходилъ верблюдъ кривой, хромой, навьюченный двумя бурдюками (съ масломъ и медомъ). Вскорѣ имъ попался на встрѣчу и погонщикъ, разыскивавшій верблюда. Они такъ точно сообщили ему примѣты его верблюда, что онъ заподозрилъ ихъ въ его угонѣ и повелъ ихъ къ царю на судъ. Царь спрашиваетъ, какъ они, не выдавъ верблюда, могли такъ точно его описать. „Очень просто“—отвѣтилъ первый братъ, „слѣдъ верблюжий всегда замѣтенъ; а что онъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ, то это легко можно было узнать: верблюдъ шелъ своей дорогой и щипалъ траву только съ одной стороны, съ той, гдѣ глазъ былъ цѣлъ“.—„А что верблюдъ былъ хромой“, сказалъ второй братъ: „то нѣтъ ничего легче, какъ объ этомъ догадаться: всякое животное приподнимаетъ здоровую ногу выше хромой, а хромую волочить за

¹⁾ *Иверія*, 1886, 263. Имеретинскія легенды—происхожденіе совъ и кукушекъ. Ср. *Дубров.*, Ист. войны, I, 2, 170—1. Ср. татарскую въ „Сб. мат. для оц. К.“ IX, 127.

собою, оттого и слѣдъ другой: идетъ какъ бы бороздой“. „А что на верблюдѣ лежали два бурдюка: одинъ съ масломъ, а другой съ медомъ“, сказалъ третій: „то и это можно было легко замѣтить: по правую сторону дороги сидѣли на травѣ мухи, которыя лакомятся масломъ: стало быть, бурдюкъ съ масломъ висѣлъ съ правой; а что бурдюкъ съ медомъ висѣлъ съ лѣвой,—это видно было изъ того, что лакомявшіяся медомъ пчелы сидѣли на травѣ съ лѣвой стороны“. Затѣмъ царь угощаетъ братьевъ ужиномъ, а привратникъ подслушиваетъ ихъ разговоръ. Онъ слышалъ увѣреніе одного брата, что каша отзывается мертвечиной, другаго— что баранина отзывается псиной и третьяго, что самъ царь, вѣроятно, человекъ низкаго происхожденія. Царь идетъ къ матери своей и, допросивъ ее, узнаетъ, что дѣйствительно онъ ея незаконный сынъ; отъ управителя онъ узнаетъ, что просо, изъ котораго была изготовлена каша, было скошено на могилѣ, и отъ пастуха, что подавнный на столъ барашекъ былъ вскормленъ сухой, такъ какъ матку зарѣзалъ волкъ. На другое утро братья узнали въ собранномъ царемъ народѣ человекъ, укравшаго ихъ коня и царь отпустилъ ихъ съ богатыми дарами. Почти всѣ детали этой грузинской сказки встрѣчаются въ кабардинской ¹⁾ и персидской, изложенной Гаммеромъ: здѣсь также три умныхъ брата встрѣчаютъ погонщика, ищущаго верблюда, и рассказываютъ ему его примѣты (кривой, хромой, со сломаннымъ зубомъ). Далѣе идетъ допросъ у хана, угощеніе и подслушаніе, посредствомъ котораго ханъ узнаетъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ въ своемъ хозяйствѣ и о своемъ происхожденіи (вино отзывается падалью, ягненокъ—псиною, самъ ханъ оказывается сыномъ повара). Извѣстны и арабская сказка того же сюжета, и киргизская, и греческая и индійская, въ которыхъ встрѣчаются либо всѣ, либо нѣкоторые эпизоды грузинской и кабардинской сказки ²⁾.

Для рѣшенія же вопроса, кто изъ братьевъ укралъ драгоценный камень, царь обратился за помощью къ мудрой своей дочери. Она, отдѣливъ себя занавѣской отъ братьевъ, чтобы скрыть свой полъ, задала имъ вопросъ, какъ они поступили бы, если бы они встрѣтили на дорогѣ богато одѣтую женщину безъ провожатыхъ; старшіе братья отвѣтили, что они довели бы ее до дому, а младшій заявилъ, что онъ

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. плем. Кавказа“, в. XII, (96—101).

²⁾ *Hammer Geschichte der schönen Redekunste persiens*, 307—310. Radloff. *Proben der Volkslitteratur der Nordlichen Turkischen Stämme III*, 392. *Акад. Веселовскій* Южно-рус. быльины, III—XI, стр. 55.

снялъ бы съ нея богатяя украшенія. Царевна въ виду этого и заявила, что воръ — младшій братъ, и послѣдній признался въ своемъ преступленіи.

Заслуживаетъ по своей идеѣ вниманія сказка, озаглавленная „Земля свое возьметъ“ („Сб. мат. для К^а, X). Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе этой поэтической сказки. Сынъ бѣдной вдовы, узнавъ, что его отецъ умеръ и что смерти никто не избѣгнетъ, отправляется искать такую страну, гдѣ нѣтъ смерти. Послѣ разныхъ встрѣчъ онъ приходитъ на берегъ моря и видитъ стеклянный дворецъ. Во дворцѣ онъ находитъ необыкновенную красавицу, лѣтъ пятнадцати на видъ, которая спрашиваетъ его, чего онъ ищетъ. „Не знаешь ли ты такой страны, гдѣ бы не было смерти?“ говоритъ юноша. „Такой страны нѣтъ“, отвѣчала красавица, — „да ты и не достоинъ безсмертія; скажи, сколько мнѣ лѣтъ, если можешь?“ — „Тебѣ не болѣе пятнадцати лѣтъ“, сказалъ юноша, смотря на нее влюбленными очами. — Нѣтъ, я въ первый день творенія создана и до сихъ поръ такую и остаюсь. Меня зовутъ Красотою: я вѣчно буду такою и никогда не умру! Ты бы могъ остаться со мною, но тебѣ надоѣстъ вѣчная жизнь!“ Юноша далъ обѣщанье вѣчно остаться съ нею. Лѣтъли года за годами, прошло тысяча лѣтъ, но красавица не увядала, и юноша не замѣчалъ теченія времени. Наконецъ, онъ соскучился по матери и просилъ красавицу отпустить его къ ней, не повѣривъ ей словамъ, что и костей его матери уже не существуетъ. Красавица отпустила его и дала ему три яблока. Прибывъ на родину, юноша оказался среди чужихъ и на мѣстѣ родного дома увидѣлъ развалины, поросшія мохомъ и крапивою. Въ сильномъ горѣ онъ съѣлъ данное красавицею яблоко и тотчасъ же сѣдая борода покрыла его грудь; съѣлъ второе — колѣна ослабѣли, силы пропали и сдѣлался онъ разслабленнымъ. Стыдясь самого себя, онъ попросилъ проходившаго мимо мальчика подойти къ нему, достать изъ кармана послѣднее яблоко и подать ему. Мальчикъ исполнилъ его просьбу; разслабленный съѣлъ третье яблоко и тотчасъ испустилъ духъ. Въ параллель приводимъ аварскую сказку.

Въ Аварскомъ ханствѣ, между двумя снѣговыми горами, жилъ богатый и знаменитый ханъ Аспаръ. Послѣ долгихъ молитвъ, Богъ сжалился надъ нимъ и даровалъ ему сына, который чѣмъ болѣе росъ, тѣмъ болѣе хорошѣлъ. Родители назвали мальчика — Али и хотѣли дать ему особенное воспитаніе, для чего выстроили хрустальную башню, куда помѣстили ребенка, приставивъ къ нему кормилицу. Кромѣ кормилицы, никто (даже родители дитяти) не имѣлъ право входить въ хрустальную башню въ теченіи 15-ти лѣтъ. Ребенка кормили одними бараньими

мозгами и поили козьимъ молокомъ. На 16-мъ году родители захотѣли выпустить своего сына на бѣлый свѣтъ и кормить обыкновенной пищей. Но Али отбросилъ отъ себя кружку вина съ такою силой, что она попала въ противоположную стѣну и, такъ какъ стѣна была хрустальная, вылетѣла вонъ, образовавъ отверстіе въ родѣ круглаго окошка. Мальчикъ очень удивился, подбѣжалъ къ отверстию и началъ смотрѣть на улицу, гдѣ увидѣлъ постройки и людей. Особенно онъ обратилъ вниманіе на кладбище, на которомъ въ то время хоронили одну старуху. Похороны заинтересовали мальчика, и онъ началъ спрашивать о нихъ своего дядьку. Дядька рассказалъ ему, что когда люди умираютъ, то ихъ закапываютъ въ землю, и это называютъ похоронами. Тогда Али спросилъ: „Неужели и я долженъ умереть?“ — „Да, князь — отвѣчалъ дядька: — и ты умрешь, когда придетъ время.

„Нѣтъ!“ вскричалъ Али: я не долженъ умереть и не умру!“ Въ это самое время, на башню пришли ханъ съ ханшей, чтобы взять съ собой царевича. Но Али не понималъ, что значить государь и государыня, или отецъ и мать — и просилъ растолковать ему значеніе этихъ словъ.

Затѣмъ ханъ повелъ своего сына во дворецъ показывать богатства, но Али не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, а все думалъ о томъ, какъ-бы найти мѣсто, гдѣ можно было-бы совсѣмъ не умирать и, наконецъ, рѣшилъ поискать его по бѣлу свѣту. Съ наступленіемъ ночи, онъ слѣзъ съ коня, пустилъ его гулять, а самъ легъ на зеленую траву.

Когда-же онъ на другой день всталъ, то увидѣлъ, что его коня нѣтъ и что остается продолжать путь пѣшкомъ. Отправившись въ путь, онъ дошелъ до одной такой огромной долины, что шелъ 3 дня и едва только достигъ ея середины. И видитъ, что на серединѣ долины стоитъ буйволъ, а передъ нимъ лежатъ 3 рога.

— Скажи пожалуйста, зачѣмъ ты здѣсь стоишь и долголи будешь жить на свѣтѣ? — спросилъ Али, подойдя къ буйволу.

— Я стою здѣсь три года — отвѣчалъ тотъ, и каждый годъ съ меня падаетъ по одному рогу, и когда вся эта долина будетъ усѣяна рогами, я умру.

Али не понравилось, что все же ему придется умереть и потому, простившись съ нимъ, онъ отправился дальше и видитъ, что на краю ущелья сидитъ сорока, а перелъ ней 3 пера. „Съ меня каждый годъ падаетъ по одному перу и когда все это ущелье наполнится перьями,

я умру" — Такъ объяснила сорока хану причину своего пребыванія на краю ущелья.

Царевичъ не захотѣлъ остаться съ ней и пошелъ дальше; на 20-й день онъ пришелъ къ огромному кургану, на которомъ, стоя на колѣняхъ, молодая и прекрасная собой дѣвица звучнымъ голосомъ читала коранъ.

— Я, — отвѣчала ему та, дѣвица — читаю коранъ и молю Бога за всѣхъ дѣвицъ на свѣтѣ. Каждый годъ изъ моихъ глазъ падаетъ по одной слезѣ въ яму, которую ты видишь передо мною, и когда яма эта наполнится слезами, то я умру. Ты ищешь себѣ мѣста, гдѣ можно было-бы никогда не умирать: иди прямо и за этими горами увидишь три высокихъ дерева, а подъ однимъ изъ нихъ стоящаго на колѣняхъ и молящагося Богу уже 700 лѣтъ сѣдаго, какъ лунь, старика. Спроси его объ этомъ мѣстѣ, и если ужъ онъ не знаетъ, то такого мѣста нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ.

Подойдя къ старику, царевичъ поклонился ему низко. „Ступай сказалъ старикъ, на эту гору, за которой увидишь долину, покрытую цвѣтами, а на ней 12 роскошныхъ финиковыхъ пальмъ и молочное озеро. Стань возлѣ озера и молись до тѣхъ поръ, пока не придутъ райскія дѣвы и не возьмутъ тебя въ рай Магомета“.

Такъ молился Али съ утра до вечера. Когда-же солнце стало садиться, молочное озеро разверзлось на двѣ части; на днѣ показались золотыя ворота, которыя растворились, и изъ нихъ вышли 6 райскихъ дѣвъ неописанной красоты. Онѣ подошли къ нему, взяли его подъ руки и повели въ рай. Въ раю хану жилось очень хорошо, потому что онъ ѣлъ только фрукты и пилъ медъ. Такимъ образомъ Али наслаждался около 100 лѣтъ. Но вдругъ ему вздумалось пойти на землю, чтобы посмотрѣть своихъ родителей.

Сначала райскія дѣвы уговаривали его не ходить, но потомъ, видя, что никакія просьбы не помогаютъ, рѣшились отпустить хана, а для этого вывели его къ молочному озеру и дали на дорогу 3 яблока, съ условіемъ, чтобы онъ ихъ никому не давалъ.

Простясь съ дѣвицами, Али пустился въ обратный путь и дошелъ до того мѣста, гдѣ стоялъ старикъ; но старика тамъ не было и на камнѣ онъ прочелъ надпись: „Пророкъ вознесся на небо живымъ за то, что онъ въ продолженіи 800 лѣтъ молился Богу“. Отъ этого мѣста царевичъ пошелъ къ кургану, на которомъ сидѣла дѣвица и увидѣлъ ее мертвую, лежащую возлѣ ямы, наполненной слезами. Точно также онъ не засталъ въ живыхъ ни буйвола, ни сороки, людей совсѣмъ не было. Али подошелъ къ своему дому, отвернулъ

дверь и хотѣлъ войти, какъ вдругъ къ нему на встрѣчу бѣжить шайтанъ и говорить: „Здравствуй, царевичъ, сколько времени я ожидаю тебя и наконецъ-то дождался“.

Царевичу очень любопытно было знать, сколько лѣтъ прошло со времени его отбѣзда изъ роднаго города и онъ спросилъ объ этомъ шайтана.

„Однако ты очень хитеръ и хочешь знать это безъ платы; дай мнѣ сначала одно изъ твоихъ яблокъ, тогда я скажу все, что ты хочешь знать“.

Али, не смотря на запрещеніе, отдалъ шайтану яблоко, которое тотъ живо съѣлъ и сталъ просить еще. А такъ какъ Али не далъ, то началась между ними борьба, изъ которой побѣдителемъ вышелъ Али и, оставивъ шайтана, пошелъ опять къ раю. Но когда онъ пришелъ къ молочному озеру, то молился 3 дня и 3 ночи и на 4-й только день пришли 2 райскія дѣвы и взявъ его подъ-руки, поставили между адомъ и раемъ за то, что онъ отдалъ священное яблоко противнику рода человѣческаго.

Такъ и до сихъ поръ стоитъ безсмертный Али-ханъ на томъ-же самомъ мѣстѣ“.

Интересно, что *) въ нѣкоторыхъ деталяхъ, грузинская и сварская сказки сближаются съ японскою объ Урашимѣ, помѣщенной въ трудѣ фонъ-Латечча (Japanische Thee-Geschichten Fu-sô-châwa). Какъ грузинскій юноша, такъ и герой японской сказки встрѣчаетъ на берегу моря красавицу Сенъ-нинъ. Это была фея, дочь царя духовъ (ри-ши). Она, полюбивъ Урашиму, переноситъ его на островъ безсмертія, и, живя съ нею, юноша забылъ родителей, родину и не замѣчалъ теченія времени. Прошло, какъ ему казалось, три года, и онъ пожелалъ провѣдать своихъ, чтобы затѣмъ снова вернуться къ Сенъ-нинѣ. Отпуская его съ тоскою, она на прощанье дала ему ящичекъ со словами: „Никогда не расставайся съ нимъ, но знай: если ты дѣйствительно надѣешься вернуться ко мнѣ, то держи ящикъ запертымъ, боясь его открыть! Очутившись на родинѣ, Урашима замѣтилъ удивительную перемену и въ странѣ, и въ жителяхъ, которые его не узнавали. Оказалось, что онъ прожилъ на островѣ безсмертія триста лѣтъ, а не три года. Отыскавъ на кладбищѣ могилу родителей, онъ упалъ на нее въ отчаяніи. Вспомнивъ затѣмъ объ ящикѣ, данномъ ему Сенъ-ниной, онъ подумалъ: „О, еслибъ здѣсь найти средство воскресить старое!“ Забывъ предостереженіе, онъ тихо открылъ крышку: изъ ящика поднялось легкое серебристое

*) Газ. „Кавказъ“ 1874, 22, Аварская сказка „Безсмертный Али“.

облачко и улетѣло къ вѣчно-зеленому острову. Въ тотъ же мигъ Урапима преобразился: волосы его побѣлѣли, глаза потухли, глубокія морщины избороздили лицо, зубы выпали, онъ весь согнулся, задрожалъ; дыханіе становилось слабѣй, сердце перестало биться. Онъ качнулся и трупомъ упалъ на могилу родителей. Въ ящикѣ была жизненная сила, которая дастъ вѣчную молодость. — Какими путями и откуда распространился первоначальный рассказъ, потомки котораго оказываются на Кавказѣ и въ Японіи, это вопросъ, на который, вѣроятно, не скоро будетъ полученъ отвѣтъ.

Сказка „Судьба“, напечатанная въ сборникѣ г. *Аниашвили*, представляетъ любопытную параллель къ одной русской побывальщинѣ. Молодой царевичъ заблудился въ лѣсу на охотѣ, провелъ тамъ ночь и утромъ набрелъ на домикъ, въ которомъ увидѣлъ дряхлаго старика, читавшаго большую книгу и что-то по временамъ записывавшаго въ ней тростниковымъ перомъ. Царевичъ спросилъ у него объясненія его занятія. Тотъ долго отказывался и, наконецъ, сказалъ, что записываетъ въ книгу судьбу каждаго человѣка. „Въ такомъ случаѣ попросилъ царевичъ, — потрудись узнать въ твоей книгѣ, что опредѣлено мнѣ судьбою“. Старикъ посмотрѣлъ въ книгу и объявилъ, что судьба предназначала царевичу жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая давно страдаетъ неизлѣчимою болѣзью. Царевичъ разсердился на старика, ушелъ изъ его хижины и побрелъ, куда глаза глядятъ. Идя ночью на свѣтъ огонька, онъ пришелъ къ хижинѣ одного бѣдняка, который предложилъ ему у себя почевать. „Если не сбрезгаешь твоя милость“, сказалъ онъ, — „то я помѣщу тебя въ моей хижинѣ; тамъ спать только моя больная дочь“. „Больная дочь?“ спросилъ царевичъ, „а кто же ты самъ?“ „Я бѣдный пастухъ, твой покорный рабъ“. Царевичъ тотчасъ догадался, что больная дѣвушка — предназначенная ему невѣста, и рѣшился ее погубить. Онъ легъ почевать въ комнатѣ больной, а пастухъ съ женою спали на дворѣ. Ночью царевичъ, убѣдившись, что хозяйка спитъ глубокимъ сномъ, подошелъ къ спящей дѣвушкѣ и ударилъ ее кинжаломъ въ животъ: она громко вскрикнула и замолкла. Думая, что она мертва, царевичъ положилъ около нея мѣшокъ съ червонцами, вышелъ тихонько изъ хижины и исчезъ въ темнотѣ. По уходѣ царевича, когда утромъ отецъ и мать вошли въ хижину, то увидѣли дочь свою совсѣмъ здо-

¹⁾ „Грузинскія сказки“ стр. 34—39. Ср. татарскую сказку въ „Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“ вып. VI. Груз. и татарскія сказки совпадаютъ во всѣхъ деталяхъ.

ровой. Оказалось, что ударъ кинжаломъ псѣлѣилъ ее, такъ какъ она страдала водянкой. Обрадованные родители вмѣстѣ съ дочерью переселились въ городъ, гдѣ купили себѣ домъ на деньги, оставленные царевичемъ. Дочь ихъ стала замѣчательною красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ ее у крыльца дома, влюбился въ нее и сталъ умолять отца своего позволить ему на ней жениться. Царь изъ любви къ сыну соглашается исполнить его просьбу. Однажды молодая царевна съ матерью и сестрами своего мужа пошла въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокой шрамы и сказали царевичу. Онъ разспросилъ жену и убѣдился, что жена его именно та дѣвушка, которую онъ покушался убить. Подобно сказка въ цѣломъ извѣстна закавказскимъ татарамъ („Сбор. матер., вып. VI), и во многихъ деталяхъ близко напоминаетъ побывальщину о женитьбѣ богатыря Святогора, записанную *Рыбникова* (I, стр. 40—41).

Идея непрерывности Судьбы или Доли прослѣжена акад. Веселовскимъ и ея народные олицетворенія отмѣчены въ сказкахъ различныхъ народовъ ¹⁾. Въ одной грузинской сказкѣ находимъ параллель къ этому сюжету. Жилъ былъ богачъ: его безчисленные стада рогатаго скота и табуны лошадей бродили по горамъ безъ пастуховъ и присмотра, точно ихъ оберегала какая-то невѣдомая рука. ²⁾ Въ той же странѣ жилъ бѣднякъ, человѣкъ лѣнивый. Богачъ предложилъ ему приходить къ нему помогать при работахъ; онъ даетъ ему за то пару воловъ. Лѣнivecъ предпочитаетъ угнать часть богачева стада, безъ присмотра пасущуюся и продать выгодно въ городѣ. Когда онъ подошелъ къ стаду, то пронесся свистъ и пронзительный крикъ по горамъ. Стада вдругъ зашевелились, лошади заржали, лѣнивыя коровы оживились, раздался шумъ и весь скотъ, какъ вихрь, слетѣлъ въ долину. Бѣднякъ подошелъ къ мѣсту сбора и увидѣлъ среди стада крошечнаго человѣка, лицо котораго сіяло, какъ огонь; животные проталкивались къ нему, желая облизать его. Я Счастье хозяина этихъ стадъ, былъ его отвѣтъ на вопросъ бѣдняка, а твое Счастье тамъ на холмѣ подъ кустомъ почиваетъ. Бѣднякъ идетъ искать его, но долго не находитъ, и такъ какъ полѣнился идти дальше, то легъ и про-

¹⁾ *Веселовскій*, Разысканія, вып. V, гл. XIII; „Этногр. Обзор.“ IX, 20—29. Идея груз. сказки, что злую долю можно исправить трудомъ, волей представляетъ Боккаччо „de resibus osarum illustrium“ въ томъ смыслѣ, что лихую долю всякій самъ себѣ навязываетъ. Ср. *Потебня*, о Долѣ и сродныхъ съ нею представленіяхъ и *Васильева* „Этногр. Обзор.“ кн. IV.

²⁾ „Сбор. мат. для опис. мѣстн. Кавказа“, в. X, отд. III, стр. 49.

спалъ до вечера. Вдругъ до него донесся стонъ: въ кустахъ извивался какъ наѣкомое, совершенно высохшій, безобразный человѣкъ „я твое счастье“, прохрипѣлъ онъ и отвѣчалъ на укоръ бѣдняка: ты лежишь и починаешь я тоже лежу и сохну; встань — встану и я, проснись — я буду добро добывать, трудись — дамъ богатство. Бѣднякъ одумался, началъ трудиться; проснулось и его счастье — онъ разбогатѣлъ и зажилъ счастливо.

Къ олицетвореніямъ должны быть причислены представленія грузинъ о средѣ и пятницѣ, которая въ образѣ женщинъ помогаютъ родильницѣ и наказываютъ праздновать дни, посвященные имъ. Среда наградила поворожденнаго способностью вмѣсто слезъ во время плача сыпать жемчугъ, а во время смѣха выбрасывать розу и фиалку. Пятница же одарила силой превращать обмытую имъ воду въ золото, а при каждомъ движеніи разсыпать мускусъ и амбру. Въ Сванетіи до сихъ поръ наряду съ воскресеньемъ строго соблюдается празднованіе пятницы. (Почитаніе св. Пятницы см. *Стоглавъ*, вопросъ, 21).

VI. П о с л о в и ц ы .

Пословицами называются краткія изреченія, въ которыхъ выражаются мысли и сужденія о внѣшней природѣ, вѣрованія и суевѣрія, нравственныя понятія и правила житейской мудрости, выведенныя народомъ изъ опыта и наблюденія. Въ пословицахъ можно указать на слѣды первобытнаго міеологическаго міросозерцанія и пережитыхъ историческихъ событій; нѣкоторыя изъ нихъ образовались подъ влияніемъ книжной словесности. Миѣическій элементъ нетрудно замѣтить въ пословицѣ: „Минутный сонъ и рѣкой овладѣваетъ“, представляя рѣки, какъ и всѣ другія твари, одушевленными и способными предаваться сну ¹⁾. „Если луна на моей сторонѣ, то на что мнѣ звѣзды?“ (указаніе на поклоненіе свѣтлѣамъ природы). Олицетвореніе смерти находимъ: „Смерть сказала, что кого я ни убивала, вину сваливала на другія причины“. Къ остаткамъ миѣическаго періода относится также вѣра

¹⁾ *Иверія* 1890, 208. Сказка „Мушкамбари“ и „Сбор. мат. для опис. Кавказа“, вып. X.

²⁾ По повѣртію грузинъ ежегодно бываетъ (преимущественно наканунѣ Нового года) моментъ, когда засынаетъ и вода и земля, и огонь и воздухъ, и растеніе, и плацета, и ангелъ. Въ это время на мгновеніе открываются небесныя врата и показывается лучезарный Богъ: кто уснѣетъ взмолиться къ Богу при открытыхъ небесныхъ вратахъ, то исполнится все, о чемъ онъ проситъ. Ср. *И. Джанашиили*. Бартвельскія повѣрія и *Мамаладзе*. *Гурійскія повѣрія* въ „Сбор. мат. для опис. Кавказа“, в. XVII.

рокъ, въ непреодолимую силу судьбы: „Необходимость заставить лечь съ царицей“. „Отъ судьбы не убѣжишь“. „Дай счастье и выброшь на навозъ“. „Судьба мужа и жены рѣшается на небесахъ“. „Несчастливаго камень и на подъемѣ догонитъ“ (ср. мингр.). Къ миѣическимъ же пословицамъ относятся тѣ, въ которыхъ выражается представленіе о существованіи когда-то людей великановъ и карликовъ: „Самъ былъ великанъ, а умъ имѣлъ короткохвостый“. У нихъ не хватало настолько ума, чтобы давать кормъ своимъ высокорослымъ лошадямъ въ ясляхъ, поставленныхъ на землю: они воображали, что лошадь не съумѣетъ нагнуться, и потому ясли ставили на крыши своихъ домовъ. Карлики ихъ превосходили умомъ: „Большая голова, умъ короткій, маленькая голова, умъ великій! Маль да милъ (ср. маленький да удаленькій). Повѣрье въ дьяволовъ: „Вина не было а дьяволы мѣха раздували“. „Рабочій дьявола разбитъ Богомъ“. „Покинутой церковью дьяволы владѣютъ“. Повѣрье въ душъ умершихъ и возможность похищеніе ими живыхъ родичей осталось въ пословицѣ: „Душа душу познаетъ“. „Будь здоровъ до его прихода“. „Твоя болѣзнь на твоемъ соплеменникѣ“. Вѣра въ какого-то бога, которому пѣлось „алило“, отмѣчается въ пословицѣ: „Одно алило и жрецъ забудеть“. Въ христіанскую эпоху сложились пословицы, смѣнившія представленіе о судьбѣ вѣрой въ Бога: „Богъ-милостивъ“ (ср. рус. у Бога милости много). „Господь щедръ, бѣднякъ, не огорчайся въ сердцѣ“. „Вдову и сиротъ Богъ трижды въ день озираетъ“. „Откуда и какъ св. Саваоѣ!“ „Каковъ попъ, таковъ и народъ“ (ср. рус.). Историческія событія также послужили основой пословицъ, сохранившихъ воспоминанія о прошлой жизни народа. О сношеніяхъ Грузіи съ Турціей и гоненіяхъ послѣдней имѣемъ слѣдъ въ пословицѣ: „Татаръ эрзерумскій голову поросенка у меня оспариваетъ“. О передвиженіи месховъ изъ предѣловъ прежняго мѣстожителства въ новую территорію говоритъ пословица: „Пришелъ месхъ и автохтона согналъ“. Слѣдъ наиболѣе отдаленныхъ связей грузинскаго народа съ греческимъ обнаруживается въ пословицѣ: „Пусть будетъ медь, а муха изъ Милета прибудетъ“. При видѣ разнообразнаго сборища говорятъ: „Словно милетскій народъ!“ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Милетъ замѣненъ Багдадомъ. Индія вспоминается въ нѣсколькихъ пословицахъ: „Разспросами можно дойти до Индіи“. „Говорятъ въ Индіи осель влѣзъ на дерево, — вотъ дерево пусть и тутъ влѣзетъ“. Въ грузинской лѣтописи сохранились пословицы: „Увы сокровищу царя Свимона!“ (по поводу разграбленія его семьи Даутханомъ). „Сына Коргана Карапиду толкнули, и онъ перелетѣлъ ¹⁾“.

¹⁾ *Картлись-Цховерба* II, 27, 28, 30, 50.

Изъ пословицъ, относящихся къ быту семейному, важны тѣ, въ которыхъ выражаются отношеніе между сословіями и положеніе женщины. Покорность крѣпостныхъ своему помѣщику иллюстрируется пословицей: „Баринъ сказалъ, что на дубѣ растутъ яблоки—ты вѣрь“. „Любимая бариномъ змѣя должна быть крѣпостнымъ посажена за пазуху“. „Гнѣвъ барина на крѣпостнаго—знакъ милости“. Сознаніе достоинства свободнаго человѣка воспроизводится въ пословицѣ: „Не былъ крѣпостнымъ и крѣпостныхъ не имѣлъ, а стараго вина и хлѣба хватало на цѣлые годы“. О гордости дворянина говоритъ пословица: „Дворянинъ кукурузнаго хлѣба не ѣсть, проголодается — на все согласится“. „Быть въ гостяхъ у дворянина—не шутка“. „Обычай дворянъ—подавать десертъ послѣ ужина“. На несоотвѣтствіе гордости дворянъ ихъ матеріальному положенію намекается въ пословицѣ: „Крестянство у князя не дало мнѣ возможности собрать муки въ коду“ (= 4 пуда). Особая группа пословицъ затрогиваетъ различныя стороны семейнаго и общественаго быта. Отмѣтимъ пословицы, въ которыхъ указывается несамостоятельный выборъ жениха женщиной: „Дѣвѣ сидѣть и счастья ждать“. „Не возбудитъ жалости дѣвка ни плачемъ, ни воемъ“. „Что дѣлать несчастной женщинѣ, какъ не плакать при видѣ смертоснаго супруга“. Любовь супруговъ ведетъ въ миръ: „Мужъ и жена и на топоръ ложатся спать“. Невысокое мнѣніе народа о женщинѣ выражается въ пословицѣ: „У женщины волосъ длиннѣе, умъ коротокъ“ (ср. русскую) „Если женщина потянетъ, то 9 паръ воловъ не удержатъ“. „Пока у женщины есть мужъ — она Амиранъ (герой), когда онъ умретъ она Амиранъ надъ амиранами“. „Не вѣрю женщинѣ и чистому небу“. Достоинство ея—скромность отмѣчается въ пословицѣ: „Застѣнчивая дѣва, знатный юноша—стоятъ вселенной“. Покорность ея року приказывается въ пословицѣ: „Хорошъ иль дуренъ, женщина, а все же онъ твой мужъ“! Отношеніе мачихи къ дѣтямъ выражается въ пословицѣ: „Мачиха—зла въ глазахъ“. Тяжелое положеніе невѣстки, „Бьютъ собаку, дають понять невѣсткѣ“ — Невѣстка порицается: „Кто видѣлъ хорошую невѣстку“? Изъ пословицъ, относящихся къ быту общественному, отмѣтимъ тѣ, въ которыхъ выражается взглядъ народа на значеніе общины *теми* (ср. рус. „миръ“): „Гласъ Божій—гласъ народа“; „царь разгнѣвается,—обратись къ *теми*; *теми* разгнѣвается—переселись“! Обязанность человѣка къ обществу характеризуется по пословицѣ: „Человѣкъ долженъ быть пилой, чтобы въ обѣ стороны вырѣзывать, а не топоромъ, чтобы все въ свою сторону отрѣзывать“; „человѣкъ долженъ имѣть два имени, одно для того міра, а другое для оставленія въ этомъ мірѣ“. Нера-

венство сословій оправдывается пословицей: „Горы и равнины нельзя сравнивать“. Старинное судопроизводство и взяточничество рисуются въ пословицахъ: „Взятка освѣтитъ и адъ“; „то такъ—то сякъ“ (произвольное рѣшеніе), хотя „одной рукой двухъ дынь нельзя держать“. Случайность назначенія судей показана въ пословицѣ: „Въ одной странѣ не нашли лучшаго, осла поставили судьей“. Любовь народа къ правдѣ и справедливости подтверждается многими пословицами: „Бей сто разъ, но дай сказать правду“. Какъ трудно, однако, правду высказывать, видно изъ пословицы: „Кто правду говоритъ, тотъ долженъ держать коня осѣдланымъ“ (чтобы ускакать). „Сказать много я могу, но ротъ зажимаютъ“. „Погонишься за правдой, лишишься свѣта“. Презрѣніе же къ лести и сплетнѣмъ сказывается въ пословицѣ: „Кто въ лицо хвалитъ, тотъ посланникъ дьявола“. „Новаго огурца и новой молвы не покупай дорого—скоро спустятся въ цѣнѣ“. Народъ цѣнитъ гостеприимство и помнитъ хлѣбъ-соль: „И камень помнитъ хлѣбъ-соль“; „войти въ домъ твое дѣло, но выйти дѣло хозяина“; „если хозяинъ не поетъ, то и гостю взгрустнется“. Юридическіе обычаи сводятся къ почитанію старины: „Не забывай старыхъ завѣтовъ, ни стараго друга“. „Дѣла самаго стараго человѣка заслуживаетъ вѣры“. „Лучше истребиться роду, чѣмъ адату“. „Адаты сильнѣе закона“. Взглядъ на воровство: „Воръ иголки и верблюда—все воръ“¹⁾. Уваженіе народа къ ученію выражено въ пословицѣ: „До конца своей жизни не ослабѣвай въ ученіи“. Трудность ученія и воспитанія хорошо понимается народомъ: „Лучше одну коду (4 пуда) проса пробуровать, чѣмъ одного ребенка воспитать“.

Цѣлый рядъ пословицъ возникъ подъ влияніемъ книжной литературы и въ особенности Ш. Руставели: „Въ несчастіи нужно быть непреклоннымъ, какъ каменному зданію“; „страхъ не удержитъ смерти,—безполезно кривляться“; „лучше смерть славная, чѣмъ жизнь позорная“²⁾.

Въ нѣкоторыхъ пословицахъ характеризуются имеретинны, мингрельцы, армяне, горцы.

Отъ пословицъ, образовавшихся въ разныя времена чрезъ наблюденіе надъ жизнью, нужно отличать поговорки, присловія и присказки. Онѣ не заключаютъ въ себѣ полной опредѣленной мысли, а употреб-

¹⁾ Грузинскія пословицы въ хрестоматіи Д. Чубинова, а отдѣльно изданы П. Умикашвили. Тифлисъ, 1876.

²⁾ Изреченія изъ „Барсовой кожи“ изд. Н. Велицихели, Тифлисъ, 1890 г. Ср. журналъ „Иверія“ за 1881—1883 гг.

ляются въ разговорѣ въ видѣ сравненія или для большей наглядности. „Каковъ отецъ, таковъ и сынъ“. „Не по годамъ, а по днямъ растеть (ср. русскую не по днямъ, а по часамъ растеть). На поминѣ собака, (ср. на поминѣ легокъ). „Копка бросилась въ лицо“, „т. е. остался ни съ чѣмъ.“

Форма пословицы представляетъ рѣчюванную или мѣрную рѣчь¹⁾.

VII. 3 а г а д н и.

Особый видъ народной словесности составляютъ загадки, имѣющія также рѣчюванную или мѣрную рѣчь. Загадками называются аллегорическія выраженія, въ которыхъ одинъ предметъ изображается посредствомъ другаго, имѣющаго съ нимъ какое-нибудь отдаленное или внѣшнее сходство.

Древнѣйшія загадки отражаютъ слѣды первобытной миѣической символизаци, нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ еще на эпоху представленія явленій и свѣтил природы въ образахъ птицъ или животныхъ. „Прилетѣло двѣсти орловъ, раскрыло 300 крыльевъ, ударило 400 клюновъ, пробило 500 скалъ“ (солнце). „Въ одной странѣ два брата имѣютъ одинъ и тотъ же свѣтъ, одинъ вѣчно юнъ, а другой близокъ къ старости, у одного безчисленное войско, у другого же только одинъ тронъ“. (Солнце и луна).— „Это патронъ, за патрономъ ножъ, за ножомъ гумно, гумно оковано, жеребенокъ остриженъ“ (небо и звѣзды). „Съ высоты вскачь кинулись всадники, туда и сюда разогнали пѣшихъ и конныхъ“ (градъ). Другія загадки объ явленіяхъ природы не менѣе любопытны: „абли, бабли(?) серебряный тронъ, взялъ солнцемъ, поставилъ луной“ (ледъ). „Одно невидимое, но гласное существо обходя море и сушу, домой приноситъ вой и шумъ“ (вѣтеръ). „Пришелъ бѣлый теленокъ,

¹⁾ Армянскія, грузинскія и татарскія пословицы въ русскомъ переводѣ напечатаны въ небольшомъ числѣ въ „Сбор. свѣд. о Кавказѣ“ подъ р. *Н. Зейдлица*, т. I, 328—336 (Тифлисъ, 1871). Армянскія пословицы приводятся въ книгѣ *Wislocki Märchen und Sagen der Bukowinaer und Sigbenborger Armenier* (Hamburg, 1892). Вотъ нѣсколько параллелей грузино-армянскихъ пословицъ: Нищій гордецъ противенъ; бѣденъ и гордъ. Что нужно вору? темная ночь; лучшее желаніе вора—темная ночь. Злой сынъ заставляетъ ругать своихъ родителей; одинъ испортилъ славу тысячъ. Пришелъ армянинъ принесть, съ собою другой ударъ (громовой); у армянина умъ въ головѣ, а у грузина въ глазахъ. Ср. съ грузинскими мингрельскія: Въ кушань, что закричишь, то и онъ тебѣ закричитъ; что поѣешь, то поженъ. „Сб. мат. для опис. плем. Кавказа“, X, II, 256.

прогналъ чернаго теленка“ (день и ночь). Загадываніе и отгадываніе загадокъ, состязаніе или мудрые разговоры вошли въ грузинскія народныя сказки. Вопросы и отвѣты на мотивы имѣются въ отдѣльныхъ загадкахъ и сказкахъ и собраны въ наибольшомъ количествѣ въ повѣсти „Дѣвица и юноша“ въ родѣ „Гробъ движущійся и мертвецъ вызывающій“ (Иона). Подъ вліяніемъ чтенія священныхъ книгъ сложилась загадка „Меня родилъ отецъ мой, я родилъ дочь свою, дочь моя родила отца моего“ (Иисусъ Христосъ). „Разъ рожденный и дважды умершій (Лазарь)“¹⁾. Отгадываніе загадокъ считается по грузинскимъ сказкамъ не только признакомъ мудрости, но и правоты. Обреченный на казнь освобожденъ въ томъ случаѣ, если давалъ отвѣтъ на предложенную загадку. Такимъ образомъ, загадка является своего рода Божьимъ судомъ. Желаящій жениться на царевнѣ долженъ отгадать, по нѣкоторымъ сказкамъ, предлагаемая невѣстой загадка, какъ въ повѣсти „Юноша и дѣвица“. Для образца приведемъ, помимо выше названной сказки, еще сказку въ загадкахъ²⁾. Былъ мудрый царь и у него былъ мудрый католикосъ. Желая его погубить, царь предложилъ три вопроса, на которые онъ долженъ отвѣтить въ три дня или же онъ долженъ сложить голову на плаху. Царь требовалъ разрѣшенія вопросовъ: 1, сколько онъ, царь, стоитъ; 2, сколько звѣздъ на небѣ и 3, что онъ думаетъ въ данную минуту. Опечалился католикосъ. Поваръ его проситъ позволенія идти вмѣсто него къ царю для отвѣта на заданные вопросы. Сдѣлавъ себѣ парикъ католикоса, поваръ пришелъ къ царю. На первый вопросъ онъ отвѣтилъ, что царь стоитъ 15 серебрянниковъ, такъ какъ Спаситель проданъ былъ за 30 серебрянниковъ, а Иосифъ за 17, а царь меньше ихъ обоихъ. На второй вопросъ сказалъ, что на небѣ 10 милліоновъ звѣздъ, а если не вѣрить, то пусть прикажетъ сочестъ. На третій вопросъ онъ замѣтилъ, что царь думаетъ въ настоящую минуту, будто видитъ предъ собою католикоса, а на самомъ дѣлѣ онъ его поваръ, и снялъ парикъ. Царь вознаградилъ и повара, и католикоса.

¹⁾ Грузинскія загадки, собранныя *кн. Р. Эристовымъ*, Тифлисъ 1879.

²⁾ *Джеджими* 1892, кн. IV. Сказки „Царь и Католикосъ“. Ср. рус. сказку о *купцѣ Басаргѣ*, внесенную въ апокрифическую бесѣду. Православный Басарга попалъ къ изыскаемому царю Несибяну; послѣдній предлагаетъ купцу загадку; отгадавши ихъ, онъ остается на свободѣ, въ противномъ случаѣ онъ долженъ лишиться жизни. Вмѣсто Басарги три вопроса царя рѣшаетъ семилѣтній сынъ перваго, Мудросмыслъ (Борзосмыслъ). Ср. *Буслаевъ*. Очерки рус. нар. словесности, II, 26.

Другая сказка въ загадках „Царь рыболовъ“¹⁾. Рыболовъ стоялъ зимою въ водѣ, когда царь прошелъ мимо него съ своими визириями. Царь его спросилъ: Неужели не сумѣлъ ты восьмью превысить четыре, что работаешь при морозѣ? — Не могъ ничего сохранить благодаря 32. — Какъ мельница работает? — Давно уже испортилась. — На горѣ снѣгъ пошелъ. — Къ домику тоже давно спустился. — Какъ вдали чувствуешь? — Приблизилъ. — Какъ ты надвухъ поживаешь? — Утроилъ. — Если отдамъ козъ, не сумѣешь ли ихъ отстричь? — Такъ отстригу, что и кожу захвачу. — Царь очень былъ доволенъ отвѣтами. Визиряи ничего не поняли. Царь объявилъ имъ, что изъ нихъ будутъ наказаны тѣ, которые не сумѣютъ истолковать поднятыхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Визиряи просили помощи у рыболова; послѣдній согласился оказать содѣйствіе за большое награжденіе, и визиряи должны были для его удовольствія заложить даже платья женъ. Получивъ гонораръ, онъ имъ объяснилъ бесѣду такъ: „царь спросилъ какъ онъ не смогъ въ 8 мѣсяцевъ столько сколотить запаса, чтобы въ зимніе четыре мѣсяца его хватало. Я отвѣтилъ: ничего не могъ спасти отъ 32 зубовъ, — что зарабатываю, то и съѣдаю. — Зубы цѣлы? спросилъ царь. — Давно спали, отвѣтилъ я. — Въ волосахъ уже сѣдина, замѣтилъ онъ? и въ бородѣ прибавилъ я. — Какъ ты видишь? спросилъ онъ меня; ничего не вижу. прибавилъ я. Колѣна какъ работаютъ? — Опираюсь на палку. Козы же — это вы, закончилъ старикъ. Визиряи остались на своихъ мѣстахъ, удовлетворивъ царя отвѣтами.

Въ сборникѣ кахетинскихъ сказокъ²⁾ имѣется одинъ разговоръ — загадка. Здѣсь дѣвица объявляетъ, что выйдетъ за того, кто трижды заставитъ ее заговорить и засмѣяться съ вечера до утра, а кто при-

¹⁾ *Джеджили* 1890, кн. I. Ср. Разговоръ—загадку у *Буслаева*. „Русе. нар. поэзія. I, 33—4.

²⁾ *Мой рукописный сборникъ кахетинскихъ сказокъ*, № 5. Ср. сказку „Царевичъ“, напечатан. у *Як. Гогобашидзе* въ его книгѣ „Бунесисъ Кари“ стр. 448—451. Оживленіе убитыхъ мужей происходитъ по этой сказкѣ не съ помощью Божьяго платка, а травкой, указанной крысой, которая оживила мышенка, убитаго на трунахъ мужа и деверя. Ср. сказочный этотъ сюжетъ съ сказками другихъ народовъ. *Проф. Сумцовъ*. „Мышь въ нар. словесности“. „Этногр. Об.“ Въ другихъ сказкахъ средство оживленія заимствуется у змѣя. Одна змѣя убиваетъ другую, но потомъ зеленымъ листомъ начинать тереть мертвую и возвращаетъ ее къ жизни. См. „Книгу мудрости и лжи“ *С. С. Орбелиани*, перев. *А. Цагарели* (Сиб. 1878, № III). Тотъ же мотивъ у осетинъ, ильмцевъ, литовцевъ, въ араб. сказкахъ „Тысяча и одна ночь“.

ступить къ опыту и не сумѣетъ, съ того голову велить снять. Царевичъ тщетно пытался вызвать дѣвицу на разговоръ, подъ утро вспомнилъ о волшебномъ яблокѣ, имѣющемся у него, досталъ его и оно-то сказало сказку. Было два брата, одинъ женатый, другой холостой; по дорогѣ на нихъ напали и съ обѣихъ сняли головы. Стала горько плакать жена; на ея плачъ Господь послалъ ангела съ платкомъ и велѣлъ, приставивъ головы къ тѣламъ, приложить къ нимъ платокъ. Но по ошибкѣ голову мужа приставили къ тѣлу его брата и обратно, они ожили, и стали ссориться изъ-за женщины. Загадка — кто ея мужъ? Дѣвица отвѣтила, что она принадлежитъ тому, кто имѣетъ тѣло мужа и голову деверя. А ты дѣвица, говоритъ яблоко, принадлежишь этому царевичу. Дѣвица засмѣялась. Говоритъ опять яблоко: шли вмѣстѣ столяръ, священникъ и портной. Столяръ сдѣлалъ изъ дерева фигуру женщины, священникъ вложилъ душу, а портной спилъ ей платье. Начался у нихъ споръ, кому она принадлежитъ. „Разумѣтся плотнику, говоритъ дѣвица, если бы онъ не сдѣлалъ фигуру, то въ некого было вложить душу или шить платье. — Значитъ и ты этому юношѣ принадлежишь“. Дѣвица засмѣялась третій разъ. Говоритъ снова яблоко: были одинъ прорицатель, одинъ врачъ и одинъ скороходъ. У нихъ была вдали одна невѣста, и никто изъ нихъ не хотѣлъ отказываться отъ своей претензіи на нее. Разъ дѣвица эта заболѣла. Прорицатель (сердцевѣдъ) узналъ объ этомъ несчастіи, врачъ приготовилъ лѣкарство, а скороходъ его доставилъ больной и вылѣчилъ ее. Кому она теперь принадлежитъ? „Безъ сомнѣнія сердцеведъ, — отвѣчаетъ дѣвица, — если бы онъ не узналъ объ ея болѣзни, не для кого было бы готовить лѣкарство или доставлять его.“ — Значитъ и ты этому юношѣ принадлежишь“, говоритъ яблоко. Дѣвица заговорила и засмѣялась третій разъ и вышла за юношу.

VIII. Заговоры.

Заговоры являются молитвенными словами, обращенными язычникомъ къ богамъ для привлеченія къ себѣ ихъ благоволенія и отвращенія ихъ вреднаго дѣйствія. Заговоры до сихъ поръ пользуются уваженіемъ въ Грузіи, а знатоки ихъ слывуть за народныхъ знахарей и цѣлителей. Знахарь, обращаясь къ содѣйствію силъ природы, ангеловъ и святыхъ, вызываетъ, наговариваетъ благодѣтельное или вредное ихъ дѣйствіе на однихъ, и заговариваетъ, останавливаетъ вліяніе добрыхъ и злыхъ силъ. Заговоры употребляются съ различными цѣлями. Въ звѣроловномъ и пастушескомъ быту человѣкъ путемъ

заклятія надѣялся привлечь звѣрей въ свои сѣти или оградить скотъ отъ нихъ. У сванеговъ до сихъ поръ извѣстенъ культъ богини охоты, *Далъ* (ср. Артемиду), которую они представляютъ себя женщиной, одаренной удивительною красотою и живущею на вершинахъ горъ. Безъ ея воли никакой охотникъ не можетъ убить туровъ и дикихъ козъ, которыхъ она пасетъ. Пшавы вѣрятъ, что у каждаго животнаго есть свой геній-покровитель въ образѣ маленькой красивой дѣвочки, которую умоляютъ помочь имъ на охотѣ¹⁾. Въ земледѣльческомъ быту путемъ заговоровъ стараются своевременно вызвать дождь и солнце, и, представляя все въ природѣ живущимъ и дѣйствующимъ сознательно, олицетворили болѣзнь, злую силу, вообразили ее сознательнымъ существомъ, а отсюда предположили возможнымъ посредствомъ заклія отогнать отъ себя болѣзнь и пустить ее въ недруга. Заговоръ, наконецъ, примѣнялся въ различныхъ отношеніяхъ семейныхъ и общественныхъ. Заговоры стали записываться рано и уже въ древнѣйшихъ лѣчебникахъ (*Карабадини*) помѣщены вмѣстѣ съ рецептами противъ разныхъ болѣзней. Есть заговоры противъ зубной боли, сглаза, испуга, на удачную охоту, на любовь, противъ любви. Заговоры являются однимъ изъ образцовъ народнаго *двоетрїя*: тутъ рядомъ съ какими-то темными силами призываются св. Георгій, Богородица, І. Христосъ. Заговоры имѣютъ форму мѣрной рѣчи, а въ нѣкоторыхъ сохранились остатки прежней риемы. Нѣкоторые заговоры, напр. испуга, произносятся при извѣстной обстановкѣ: съ углемъ и пожемъ въ черной рукояткѣ. (Надъ углемъ шепчутъ слова и русскіе и обводятъ имъ, напр., начинающийся чирей).

Для отараченія града существуетъ заговоръ: „Кварквалъ(?) счастливый, по ущельямъ ходи, града предводитель (т. е. Илья), помоги намъ! Творецъ, помоги твоею благодатью, архангелъ помоги намъ!“ Грузины въ Джавахетіи (Ахалкалак. уѣзда) говорятъ, когда сверкаетъ молнія и гремитъ громъ: „слѣпой Еліа (Илья), направляйся по горамъ!“ По ихъ представленію градъ, молнія и громъ—дѣло Еліа, котораго просятъ пощадить ихъ нивы и сады и отступить къ горамъ. Во время молніи и грома кладутъ на сковородку немного соли и ставятъ у дверей въ увѣренности, что градъ растаетъ и обратится въ воду²⁾. Во время засухи грузинки женщины и дѣвицы) дѣлаютъ большую куклу и потомъ обносятъ ее по деревнямъ и поютъ:

Лазарь пришелъ къ дверямъ нашимъ,
Посмотрѣлъ туда-сюда,
Сѣлъ на полку и угодился лунѣ.
О, святой Илья, чего задумался?
Нашу корову тучную тебѣ жертвуемъ!
Двигутся тучи, торопится дождь.
Господи, дай намъ грязи,
Не хотимъ болѣе засухи.
Если ты пошлешь дождь,
Мы зарѣжемъ тебѣ козла“.

По окончаніи пѣсни поселанки поднимаются на крыши своихъ домовъ, куклу и „лазаристокъ“ обливаютъ водою изъ кувшиновъ и дарятъ имъ масло, яйцо, свѣчи и пр.

Если заболѣетъ какое-нибудь домашнее животное, или начинаютъ погибать шелковичные черви, или ружье перестаетъ бить, или въ неводѣ рыба, или въ капканѣ не попадается звѣрь, и причину этихъ явленій можно предположить въ дурномъ глазѣ кого-нибудь, то надъ этими предметами читаютъ слѣдующій заговоръ противъ сглаза: „Я буду молиться противъ глазъ, противъ ушей, противъ злыхъ глазъ, противъ злыхъ ушей домашняго, чужого, женщины, мужчины, взрослога, малаго, блондина, брюнета, всякой души и рожденнаго. Я молящаяся, Христосъ—врачеватель, Господи, молитва моя, величіе Твое“. (Молитву читаетъ обыкновенно женщина). Вторая часть молитвы: „Сидѣла мать Марія (Богородица) у дверей рая, ткала ткань коралловую. Пришла женщина та страшная и мужчина тотъ страшный, запуталъ ткань мою, повредилъ плечо мое. О томъ плачетъ (Марія), на то жалуется, о томъ проливаетъ слезы бриллиантовыя, за то рветъ волосы гиперовые, за то рветъ (царапаетъ) щеку яхонтовую. Пришелъ Христосъ, спросилъ: „что хочешь, мать Марія? Возьми мѣдъ растопи¹⁾, сожги глазъ и ухо, имѣющаго злой глазъ ослѣпи“.

Третья часть молитвы: „текла черная рѣка, она несла черную змѣю, опустилъ я черную костьль, досталъ я черную змѣю, положилъ я на камень изъ „мѣди“, заставилъ излить ядъ-кровь ея дурной души, ея дурное сердце. Глазамъ ея зола, сердцу копье, святого Георгія лукъ—стрѣла. Ушла (змѣя) на гору, голову ударила о камень,

¹⁾ *Мой очеркъ* Пшавы, стр. 7 (въ „Сбор. при Дашковскомъ музеѣ, вып. III).

²⁾ *Иверія*, 1889, мартъ. Ср. „Этногр. Обзор.“, II, 190.

¹⁾ *Сбор. матер. для опис. Кавказа*; в. XVII, статья г. *Мамаладзе* о гурійцахъ. Авторъ „рвали“ оставляетъ безъ перевода, хотя значеніе „рвали“ извѣстно; рвали—мѣдъ.

животъ о бритву, глазъ о кость змѣи, лопнула мѣдь, выскочилъ глазъ (змѣи).

Четвертая часть молитвы: „Въ Иерусалимѣ у меня была нива, въ нивѣ лежалъ большой камень, въ камнѣ лежалъ дѣви, у него въ одномъ глазу горѣлъ огонь, въ другомъ глазу вода стояла. Опрокинулась вода, потухъ огонь, ослѣпъ зрячій глазъ у имѣющаго злой глазъ, зло ухо, злое сердце, злую душу“.

При выдериваніи зуба. „Возьми солнце, золотой зубъ, возврати мой серебряный зубъ“, причемъ зубъ этотъ бросается или на крышу дома или на полку. (Ср. рус. „на тебѣ, мышка, рѣпной зубъ, дай мнѣ костяной“). Оставаясь въ лѣсу, пшавы обращается къ богинѣ земли (Деметрѣ), прося пріютить его на ночь. *При исканіи потерянаго* произноситъ молитву: „Червякъ, червякъ, дай найти, а помогу тебѣ найти мать“¹⁾!

Заговоръ противъ дурнаго глаза извѣстенъ еще слѣд. содержанія²⁾. „Во имя Господа, Отца и Сына и Св. Духа. Заговариваю противъ сглаза домашней женщины, домашняго мужчины, чужой женщины, чужаго мужчины, священника, мірянина, дворянина и князя. Обрушилась черная скала, вышелъ черный человекъ, вмѣстѣ съ нимъ выбѣжалъ вороной конь въ черной сбруѣ. Человекъ сѣлъ на вороного коня, поѣхалъ по черной дорогѣ, пріѣхалъ къ черной рѣкѣ, опустилъ черную руку, вынулъ черную змѣю, выпотрошилъ ножомъ съ черной ручкой, досталъ черный жиръ, ударилъ имъ по черному булыжнику и раскололъ его. Такъ да уничтожится, такъ да умретъ сглазившій его“.

Заговоръ противъ рожистаго воспаления: „Во имя господа Отца и Сына. Эта молитва была тогда, когда церковь въ морѣ была. Христосъ Богъ часы служилъ для уничтоженія болѣзни. Звѣзды солнца западнаго! Что ты, что за повѣтріе? Бѣлое ли повѣтріе, черное ли повѣтріе? Какое бы повѣтріе ни было—выходи; не выйдешь—выведу молніей и громомъ; свяжу накрѣпко, брошу подъ мѣдную молотилку; вымолочу, развѣю мѣдными вилами. Подыму восточнымъ вѣтрамъ, дамъ тебя западному вѣтру“³⁾. Я молещикъ, Христосъ Богъ облегчитель“.

¹⁾ Ср. *И. С. Евименко*, (Матер. по этногр. рус. насел. Архангельск. губ.; М. 1878), заговоръ при исканіи клада: Чуръ! чуръ! Свято мѣсто, — чуръ Боже да мое!

²⁾ *Сбор. матер.* и пр. вып. XVI, стр. 135 (отд. II).

³⁾ Ср. заговоръ отъ рожи у латышей. Матер. по этногр. лытышскаго племени *О. И. Трейландъ*. Москва, 1881, стр. 130. Въ морѣ тридцать кузне-

Для полноты ребенка, обливая его водою, говорятъ: „пустъ медвѣдь будетъ тощъ, а ты полонъ!“ (Ср. рус. съ гоголя вода, съ младенца худоба)!

Для крѣпости тѣла при первыхъ раскатахъ грома берутъ камень, ударяютъ по спинѣ и приговариваютъ: „пустъ спина будетъ крѣпка, а нива сыта“!

Противъ колдуновъ: „али-ули кудіанебса“ (колдунамъ пламя) говорятъ, перепрыгивая чрезъ заженные костры.

Въ архивѣ иностр. дѣлъ (въ Москвѣ) хранится одна рукопись, представляющая заговоръ во имя избранныхъ святыхъ. Она завершается перечисленіемъ различныхъ наименованій св. Георгія. Я привожу ихъ въ русскомъ переводѣ: Св. Георгій Каппадокійскій, Иерусалимскій, Виолемскій (Бетлемскій), Гесиманскій, Синайскій, Святогорскій (Мтацминда), Галатійскій, Фессалоникскій, Киликійскій, Коринѳскій, Римскій, Византійскій, *Илорскій*, Абхазскій, Гаенатскій, Одишскій, Хонскій, Гурійскій, Саджавахойскій, Персадскій, Хвашмійскій, Мраваль - Дзальскій, Барійскій, Путіетскій, Схавскій, Квацхутскій, Сванетскій, Чхарійскій, Гвіарскій, Атопій, Арбоскій, Усанетскій, Ахалджварскій, Горійскій, Цхинвальскій, Карельскій, Душетскій, Цилканскій, Мтилетскій, Мухранскій, Кавтихевскій, Уцоскій, Мцхетскій, Дигомскій, Кашоетскій, Калобанскій, Телетскій, Болнискій, Манглискій, Дманискій, Ахталскій, Телавскій, Ахметскій, Кондольскій, Шильдскій, Гермискій, Кварельскій, Чавазискій, Велисцхискій, Зеджинскій, Гурджанскій, Карданахскій, Сигнахскій, Бодбійскій, Магоройскій, Меланійскій, Зіарскій, Пховельскій, Манавскій, Ниноцминскій, Сагареджойскій, Патарцеульскій, Хашмскій, Карабулахскій, Гареджіскій, Марткопскій, Велетскій, Ломійскій, Годогнискій, Кутанскій, Парцханаканевійскій, Сакарійскій, Шамійскій, Балегоротскій, Илемискій, Табакинискій, Чхерійскій, Ваханійскій. Заговоръ этотъ длиной 5 саж. принадлежитъ Ивану, сыну Рева. Св. Георгій изображенъ на конѣ поражающимъ дракона. Недалеко показывается царица, вѣроятно, Александра.

Заговоръ противъ испуга. „Во имя Отца и Сына и св. Духа. Заговариваю противъ испуга отъ домашнихъ, чужихъ, голубоглазыхъ, черноглазыхъ; мужчина ли испугалъ, женщина испугала, большой

оцвъ, тридцать молотковъ, тридцать наковаленъ: здѣсь ихъ закуютъ, здѣсь перебьютъ ихъ (рожи синюю, краснобѣлую) здѣсь ихъ разсѣкутъ 39 саблями, исчезли, разлетѣлись всѣ, какъ мѣсяцъ подъ ущербъ, какъ старый поздрякъ. Боже Отецъ!...

испугаль, маленькій испугаль; днем ли испугался, ночью ли испугался; во снѣ ли испугался, на яву испугался; животное ли испугало, собака испугала—выходи (боязнь), оставь его, *чужихъ женщины и мужчины посты*. Осѣни Боже (больного) своимъ крестомъ, оглянись на него своимъ окомъ“. Здѣсь болѣзнь насылается на недруговъ, устраняя ее отъ своихъ.

Есть заговоры противъ испуга, въ которыхъ идетъ еще большее перечисленіе явленій и существъ, могущихъ испугать больного: скрипъ дверей, пѣніе пѣтуха, громъ небесный, ржаніе коня, мычаніе быка. Въ заключеніе призываются „для возвращенія сердца на мѣсто“ Матвѣй, Маркъ, Лука и Иоаннъ, присоединившіеся къ заговору, конечно, уже подъ влияніемъ знакомства съ Евангелиемъ ¹⁾.

Въ Гуріи на 8-й день послѣ родовъ совершается обрядъ „насыщенія земли“. Онъ заключается въ томъ, что бабка беретъ кусочекъ хлѣбной мякоти, мѣситъ его съ воскомъ и ладономъ, отрываетъ кусочки отъ этой смѣси, кладетъ ихъ въ углубленіе въ землѣ, заливаєтъ супомъ изъ курицы и виномъ, причемъ обращаясь къ землѣ, говоритъ, что она насытила ее (землю) хлѣбомъ, виномъ, масломъ (последнее содержится въ супѣ, приправленномъ грецкими орѣхами), воскомъ, ладономъ и потому проситъ даровать вновь разрѣшившейся женщинѣ здоровье и счастье. („Сбор. мат. для опис. мѣстн. Кавказа“, XVII, II, 95).

Такой же олицетворенный характеръ носитъ заговоръ противъ *али* (=ави-сули, т. е. „злой духъ“):

Али-ули выучила женщину (родильницу)
 Бинжалъ, сѣть и гребень подложить подъ голову.
 Поймали али мерзкую, скверную,
 Отрубили бинжаломъ голову, прогнали на дворъ.
 Петръ сидитъ у дверей, Павелъ же на кровлѣ,
 Цѣнь лежитъ на порогѣ, а крестъ на кровлѣ;
 Господи, осѣни крестомъ здѣсь лежавшую родильницу! *).

¹⁾ *Мой Сборникъ заговоровъ* № 2.

*) „Али“ акад. *Веселовскій* (Разысканія, II 41) и *Е. А. Ляцкий* сопоставляетъ съ греч. Гилло (Γίλλο), превратившись на русской почвѣ въ Гладел, Гледя и пр. Ср. напр. заговоръ противъ трясовицы: „изъ вѣхъ сестеръ старшая проклятая въ ночь челоуку спать не даю, бѣсы къ нему приступаютъ и на мѣстѣ съ ума сводить“. „Этногр. Об.“, XIX, 124—5. „Къ вопросу о заговорахъ противъ трясавицы“. Ср. мой очеркъ *Месхи*, „Этн. Об.“ X, стр. 10 и слѣд.

Али — духъ женскаго пола, гибельный для новорожденныхъ, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Али живетъ вездѣ, преимущественно въ Базалетскомъ озерѣ, гдѣ она плещется и поетъ сладострастные пѣсни. Противъ нея существуетъ еще другой заговоръ, который можетъ быть сопоставленъ съ молитвой св. Сисинія: „Насъ было три брата, во имя св. Троицы и носили каждый двойное имя: Арозъ-Марозъ, Эмирозъ-Эдварозъ, Эвмарозъ-Антиохосъ. *Охотились мы на полъ дамасскомъ*, гдѣ есть гора, изобилующая оленями и напали мы на слѣдъ прямой—превратный: пятки прямая, а животъ наоборотъ, спина прямая, а лицо наоборотъ. Отправились мы по тому слѣду и увидѣли стоявшую въ пещерѣ *днвущку*: волосы у нея пурпурные, зубы у нея жемчужные. Мы спросили ихъ: кто вы, и какъ ваше имя? Она отвѣчала. Я — али нечистая сила, что прихожу къ родильницѣ, хватаю ее за волосы и удавливаю вмѣстѣ съ ребенкомъ. Тутъ мы обнажили мечи и стали поражать злодѣйку. Тогда она начала умолять насъ и сказала съ клятвой: Господа мои, пощадите меня, и я впредь на сто миллионъ триста восемнадцать *стади* не осмѣлюсь приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ будутъ произносить наши имена или будетъ находится *хартія* съ нашими именами. Явились св. архангелы Михаилъ и Гавріиль; вышелъ черный всадникъ, ведя чернаго коня, въ черной сбруѣ, съ черною плетью. Съѣлъ онъ на того коня, отправился по черной дорогѣ. Спросили его: куда ѣдешь злодѣй смрадный съ зубами ядовитыми, отстань отъ сего раба Божія и войди въ голову дракона. Христосъ Богъ милосердія, благи отрады! Помоги Матерь Христа Марія и даруй облегченіе рабу Божію“. Въ этомъ заговорѣ, по мнѣнію акад. Веселовскаго, смѣшаны два: одинъ отвѣчающій типу молитвы Сисинія кончался, вѣроятно, явленіемъ ангеловъ, другой могъ начинаться встрѣчей ангеловъ съ чернымъ всадникомъ. Мнѣніе это, съ своей стороны, подкрѣпимъ тѣмъ, что въ грузинскихъ заговорахъ черный всадникъ и пр. часто встрѣчается и могъ быть присоединенъ къ Сисиніевой молитвѣ впоследствии. Въ грузинскомъ заговорѣ два брата и греч. молитвы Сисинія и Синодоръ обратились въ трехъ; моря нѣтъ, осталась гора какъ въ румынскихъ и славянскихъ текстахъ. Одинъ демонъ съ нѣсколькими именами обратился въ рус. въ столькихъ же демоновъ, въ груз. али—одна, но далѣе говорится; мы спросили *ихъ*, онѣ отвѣчали, т. е. груз. заговоръ стоитъ на перепутьи къ русскимъ.

Есть заговоры, которые сохранили больше архаичности въ представленіи о болѣзни, какъ о живомъ существѣ. Таковъ заговоръ противъ „ужмури“, которая обитаетъ въ дуплахъ деревьевъ и въ сырыхъ мѣстахъ. „Ты Иоаннъ ангелъ, идущій ночью и покровитель души, на-

кладывалъ я на себя крестное знаменіе девятью крестами, девятью ангелами, печатью Соломона, четырьмя евангеліями. Св. Георгій, ты одолжи мнѣ твой поясъ, щитъ и мечъ, золотую цѣпь, въ морѣ дракона побѣдитель (раздробитель), крылатого змѣя сокрушитель, ты защити и прикрой, 363 святыхъ Георгія, отъ невидимаго „ужмури“. Однако, это невидимое существо все же можетъ быть поймано и наказано. Вотъ заговоръ: „Три брата Троицы, обладающіе силою Троицы— одного звали Карасто, другого Кересто, третьяго Курусто, поднялись мы на гору—гору высокую, поставили сѣть (тенета), поймали „ужмури“—черта, разрѣзали пламенемъ скорымъ, чернымъ оружіемъ съ раздвоеннымъ остриемъ, положили въ котель изъ сплава мѣди и олова, отнесли на гору — гору высокую да разсѣтъ Отець, Сынъ и Духъ Святой во мгновение ока!“ Въ другихъ заговорахъ передается, какъ „ужмури“ братья Тавгиридзе *схватили за руку* снимаютъ съ него *голову*. Очевидно, ужмури обладаетъ и тѣломъ, такъ какъ угрожаютъ ему изрѣзать на куски и бросить въ огонь.

Заговоры заключаютъ иногда слова уже непонятныя народу („рвали“, „терполотики“), что указываютъ на отдаленную эпоху ихъ созданія.

Заговоръ противъ исуга. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Куда идешь злой чась въ безвременный чась?—Иду къ Н.—Для чего идешь?—Исугаю, сердце его встревожу (собственно переверну) и не дамъ спать.—Не ходи, не ходи! Клянусь моей благостью пошлю моихъ есауловъ (сторожей), отдамъ имъ мои кнуты, ударю по тѣлу твоему, сокрушу твои силы, разрѣжу, изрублю въ куски, сварю въ серебряномъ котлѣ, смолочу золотой молотильной доской, провѣю серебряной лопатой, свяжу крѣпко и брошу въ черное море.— Господи, Господи, молю Тебя, не посылай Твоихъ есауловъ, не давай имъ Твоихъ кнутовъ, не бей меня по тѣлу, не сокрушай моихъ силъ, не рѣжь, не руби въ куски, не вари въ серебряномъ котлѣ, не молоти золотой молотильной доской, не изволь провѣять серебряной лопатой, не вяжи крѣпко и не бросай въ черное море: пойду себѣ, исчезну, сяду подъ серебряной чашей, отдамся черному морю. Господи, осѣни крестомъ Твоей милости раба (или рабыню—имя рекъ)!

Заговоръ противъ бѣльма и синяка въ тѣль. Заговоръ этотъ въ стихотворной формѣ долженъ быть произнесенъ семь разъ съ 7-ю пшеничными зернами. Переводъ его слѣдующій: „Насъ было трое, силою Троицы собирали лѣкарство для бѣлой цинги, для красной цинги, для бѣльма, для синяка. Выходи по моей молитвѣ, если не выйдешь добровольно, то выведу тебя силой, ударю ножикомъ съ черной

ручкой, заставлю подняться тебя восточнымъ вѣтромъ и понестись западнымъ. Я была жена ханаанская съ туманными (?) колѣнами и гнослазая, развернулась какъ ястребъ, выльзешъ, какъ змѣя. Пахаль красный быкъ въ плугѣ, сѣялъ камень и песокъ. Семьдесятъ зеренъ въ колосьяхъ падаютъ и увлекаютъ съ собою бѣльмо, синякъ, красныя пятна. Господи, осѣни крестомъ Твоей милости раба (или рабыню—имя рекъ)!

Заговоръ противъ глаза (изъ Карабадини). „И связалъ я все—сглазь, злой языкъ, злое помышленіе во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Еще связалъ глаза и помышленія и противника Давида (хвостомъ) воина Христа, сладкимъ молокомъ Дѣвы Маріи, тетивую (лука Давида), печатью премудраго Соломона, двумя большими пальцами св. Моисея, 12 апостолами, 18 первосвященниками, цѣпью св. Георгія Побѣдоносца, лукомъ св. Марка. Еще связываю дурной глазъ и дурной языкъ св. Крестомъ Христа, 8 псалтырями закона, 4 св. евангеліями. Связываю, запечатываю и сдѣлаю нѣмымъ злого челоуѣка и его лобъ, лице, языкъ, брови, волосы, брошу на землю, связываю и запечатаю во имя Бога и св. ангеловъ. Аминь“.

Противъ сглаза сваны читаютъ на грузинскомъ языкѣ молитву, смыслъ которой имъ иногда совершенно непонятенъ:

„Разойдись скала, черная скала,
Выходи черный конь
Съ черными уздой и сѣдломъ.
Плачетъ мать Марія.
„Зачѣмъ ты плачешь мать Марія?
— Плачу, потому что еврей Мкестерма ‘)
Наслалъ (болѣзнь?), сѣялъ меня,
Посадишь на гриву коня,
Прокатилъ до города.
Взрослаго мальчика отниму,
У дѣвушки цвѣтъ лица отниму,
У вола отниму силу супруга,
У коровы молоко отниму,
Сердце да погубнетъ, зрѣніе потеряетъ,
Ничего хорошаго да неувидитъ,
Глазъ покрыть золой,
Въ сердце всажена игла

‘) Мкестерма отъ Кѣга—имя одного изъ дьяволовъ, которые носятъ названіе Артавазъ Каштъ (h) наджъ, гогверъ, ногіа гвенъ, мушвріа и др.

Несь Доравели (?)
 При семи церквахъ клялся
 На 1000 иконахъ и крестахъ.
 Христосъ поѣхалъ въ Иерусалимъ
 Ограда Христа, въ серединѣ крестъ,
 Виѣ ограды мечъ дьявола.
 Святый Георгій, будь покровитель!

Ишавы присоединяютъ къ этому заговору противъ солнца еще слѣдующія слова: „Не плачь мать Марія! принеси воды, умой въ понедѣльникъ, среду и субботу, да истребится съ злымъ глазомъ тебя озирающіе, съ злымъ сердцемъ тебя видящіе, да потухнетъ какъ огонь соломѣ, растаетъ, какъ снѣжная вода, пройдетъ вѣтромъ и тебя осѣнитъ Христосъ крестомъ. Былъ камень плоскій (булыжникъ), сидѣлъ змѣй (сипи) Остоти, одинъ глазъ имѣлъ водяной, другой огненный; лопнулъ глазъ водяной и облилъ глазъ огненный. Да истребится тебя съ злымъ глазомъ озирающей... Съ неба (на него) да грянетъ громъ, съ дверей огонь, васъ же осѣнитъ Христосъ крестомъ“.

Въ другомъ дополненномъ вариантѣ къ Маріи обращается съ вопросомъ, зачѣмъ она плачетъ, архавгель Гавриилъ. ¹⁾

Заговоръ противъ глаза. Заговоръ составленъ въ стихотворной формѣ и произносится обыкновенно старухой, вооруженной ножомъ съ черной ручкой и кускомъ угля. Вотъ приблизительно дословный переводъ этого заговора: „Имя имени, трижды имя Божье. Заговариваю противъ сглаза (другихъ), а прежде всего противъ моего, (противъ сглаза) домашнихъ и чужихъ, мужчины и женщины, румяныхъ и блѣдныхъ. Сидѣла мать Маріамъ, вязала шелковую ткань. Мимо прошелъ злой глазъ, черный глазъ, сѣрый глазъ, сглазилъ (мою работу) и прервалъ мою ткань. Не плачь, мать Маріамъ, въ глазъ зола, въ сердце горячій уголь (пошлю). Господи, осѣни крестомъ Твоей милости раба“ (рабыню—имя рекъ).

Противъ волка, чтобы онъ не съѣлъ скотины, читаютъ слѣд. заговоръ въ Карталинѣ: „Екеліа (?) бекеніа (?), въ Бекени (?) икона покоится. Господи, Господи пошли 9 замковъ, скрѣпки, запечатай зубы звѣрей, дай имъ языкъ, какъ бурка, зубы изъ воска, чтобы не повредили нашему ослу“.²⁾

¹⁾ *Иверія* 1885 г. № 215.

²⁾ Журналъ *Иверія* 1883 г. кн. X, 98.

Болѣзнь у грузинъ нерѣдко представляется въ видѣ пластическихъ образовъ или духовъ ¹⁾. Болѣзнь оспы, напримѣръ, не считается физической, но болѣзнью живою—обществомъ высшихъ разумныхъ духовъ, которые, имѣя власть надъ человѣкомъ, посѣщаютъ непременно каждаго и обрекаютъ на смерть того, кто имѣлъ несчастье навлечь на себя ихъ гнѣвъ. Господство духовъ надъ человѣкомъ послужило основаніемъ къ тому, что ихъ прозвали батонами (господинъ) и даже ангелами. Больнаго, съ самыми первыми признаками оспы, укладываютъ въ саклю на самомъ почетномъ мѣстѣ, и около него ставятъ столикъ, уставленный лучшими вещами, имѣющимися въ домѣ. Куски сахара, яблоки, преимущественно краснаго цвѣта, и другіе мѣстные фрукты, стаканъ съ молокомъ, крендели и обрѣзки разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, все это размѣщается на столикѣ возлѣ больнаго. По понятію грузинъ, духи, какъ и люди, нуждаются въ пищѣ и питьѣ. Они берутся на приготовленное имъ кушанье въ глубокую полочку, когда повсюду царствуетъ тишина и всѣ погружены въ мертвый сонъ. Приготовивъ для духовъ столъ, грузинъ принимается за музыку и пѣніе, какъ необходимыя принадлежности хорошаго стола. Если въ домѣ не случается чонгури, то достаютъ у сосѣда и играютъ подлѣ больнаго, а въ промежутокъ между музыкою всѣ домашніе считаютъ необходимымъ пѣть пѣсни, слѣдующаго содержания: „Лилія-баюшки, роза-баюшки, лилія-баюшки-баю! Къ намъ пожаловали батонеби, лилія-баюшки, пожаловали и развеселились, лилія-баюшки-баю!“ По увѣренію старухъ, батонеби большіе охотники до пѣнія и музыки. Они, по рассказамъ, сами играютъ на чонгури и поютъ такъ сладко и очаровательно, что пѣніе ихъ можно сравнить только съ ангельскимъ пѣніемъ. Во все время болѣзни, утромъ и вечеромъ, около больнаго курятъ базму—составъ изъ мелко-истолченныхъ грецкихъ орѣховъ, смѣшанныхъ съ хлопчатой бумагою. Составъ этотъ имѣетъ видъ курительныхъ свѣчей желтоватаго цвѣта. Базмѣ приписываютъ волшебную силу. Рассказываютъ, что если оспа изуродовала больнаго или лишила его какого-либо органа, то стоитъ только мѣсяцъ или два покурить въ саклѣ базму, и тогда больному возвратится прежнее здоровье. Если въ домѣ есть опасно больной оспою, то стоитъ только зажечь базму и поставить ее тайкомъ на кровлѣ сосѣда, гдѣ есть также больной: тогда первый выздоровѣетъ, а послѣдній слѣ-

¹⁾ Ср. болѣзнь и смерть по представленіямъ Вѣлоруссовъ „Этнографич. Обзоръ. XIII—XIV, 23—41.

ляется жертвою батонеби. Къ послѣдному средству прибѣгаютъ, впрочемъ, очень рѣдко. Во время посѣщенія батонеби никто не смѣетъ плакать по больному, ни носить трауръ, пока они не распростятся окончательно съ семействомъ, хотя бы умершій отъ нихъ былъ единственный сынъ у родителей. Нельзя стрѣлять изъ ружья, рѣзать куръ и свиней, потому что батонеби, при посѣщеніи, считаютъ ихъ, и потомъ, если курица и свинья будетъ зарѣзана, то бѣда всему семейству. *Лихорадка* представляется грузинами въ видѣ существа страшно худощаваго и блѣднаго, въ которомъ нѣтъ и признака живительной крови; тѣло ея одинъ скелетъ, движущійся посредствомъ какой-то невѣдомой силы. Этотъ суровый образъ лихорадки странствуетъ по-бѣлу свѣту и, кого навѣститъ, тотъ-неминуемая жертва болѣзни. Раннею весною, по сказанію грузинъ, у главнаго входа въ городъ Гумри (нынѣшній Александрополь) собираются три брата, геніи лихорадки. (Рус. заговоръ передаетъ, что на камнѣ въ морѣ сидятъ *три старца* съ желѣзными прутьями и къ нему на встрѣчу идутъ 12 сестеръ лихорадокъ. *Ефименко* 205). Отсюда они начинаютъ свое путешествіе: одинъ идетъ въ Кахетію, другой въ Карталинію, а третій въ Арменію. Съ наступленіемъ зимы братья опять соединяются въ Гумри. По сказанію Карабадини „естъ двадцать пять родовъ лихорадки, но противъ всѣхъ существуетъ одна молитва: „Аврамъ, Саврамъ, Турманъ, гора лихорадки лѣкарственная, сказано въ молитвѣ. Если ты не христіанинъ, а жидъ, то ради имени священнаго Каіафы, если татаринъ или персіанинъ, то ради Магомета, удались отъ сего раба Божія. Августъ взобрался на кедръ ливанскій, крича, рыдая и сокрушаясь. Отчего ты плачешь, сила трясущая? Разрѣжу я тебя вдоль и поперекъ и брошу въ пропасть клокочущую и, моя молитва да уничтожитъ тебя“.

Противъ насморка: „связалъ насморкъ, перекинулъ черезъ черную собаку, черная собака бросилась черезъ мостъ, насморкъ упалъ въ воду“.

Мигрень представляется въ образѣ быка, грызущаго желѣзо. Противъ него надо переписать на лоскуткѣ чистой бумаги, потомъ обмотать его въ укусу и приложить ко лбу слѣдующую молитву „На краю сѣнокоса завелся шакеки (мигрень), грызущій желѣзо, какъ воля сѣно. Св. Георгій проклялъ его, и на утро онъ исчезъ“¹⁾.

Заговоръ *противъ чирей:*²⁾ Илья имѣлъ съ Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ! Ты чирей, красивый тѣломъ, прелестный, вѣтромъ

шествующій съ золотошвейнымъ нагрудникомъ, гдѣ ты родился, гдѣ ты основался?—У подножья бѣлой горы, на берегу Чернаго моря, послѣдовалъ за вѣтромъ, спрятался въ пыли лошади, на стезѣ кончата быка. Поднялъ голову, поставилъ бѣлую палатку и посмотрѣлъ на села, въ селахъ двери расцвѣли, какъ фіалка, роза. Спустился, бросился въ гриву коня, скосилъ колѣни, кинулся на шею быка, сорвалъ было высокую, разстроилъ сопъ, вынулъ мозгъ. Бросился на юношу съ пробивающими усами, скосилъ волосы и усы, ослабилъ колѣни двигающіяся; кинулся на дѣвушку, скосилъ волосы и застежки (?), заставилъ плакать Матерь Христа, Марію. Спросилъ Господь Христосъ: „Зачѣмъ плачешь Матерь Марія?“ — Что будетъ лѣкарство опухли?—Возьму золотой посохъ, обойду вселенную и выпрошу лѣкарство. Крикнулъ чирей, тѣломъ нѣжный и прекрасный! Зачѣмъ спрашиваешь мое лѣкарство? спроси, кто мнѣ далъ существованіе. Теперь то я скажу мое лѣкарство своими устами, Господи Иисусе: дай расцвѣсти на моей дорогѣ розѣ-фіалкѣ, бѣлому быку, бѣлой овечкѣ, тогда распушусь, услащусь и насыплюсь сахаромъ. Впервые мое лѣкарство была кожа тывы, сахаромъ посыпанная; было мое лѣкарство проскурнякъ-трава. Отправился я къ Черному морю, къ своему Господу. Встрѣтили лѣсные звѣри, показали брови смерти, замахнулся и сдернулъ проклятыхъ. Распушусь, перекрещусь, услащусь, посыплюсь сахаромъ, помоги Боже и мой освободитель! ‘)

Чесотка, по понятію народа, безродное чудовище, которое выходитъ изъ черныхъ скалъ, входитъ въ тѣло, гложитъ кости и, высасывая кровь, превращаетъ ихъ въ прахъ. „Гой, ты Іело, Іело юродивый, безпріютный! говоритъ заклинатель. Откуда исходишь и кудаходишь!—Исхожу изъ черной смолистой горы, вхожу въ тѣло человѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. Нѣтъ, да не допустить тебя Отецъ, Сынъ и Св. Духъ; не позволяю я тебѣ войти въ человѣка, раздроблю тебя на мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскалю его огнемъ и жупелемъ сѣрнымъ. Удались, отвяжись отъ раба Божьяго!“ Надо трижды прочесть въ день субботній эту молитву надъ больнымъ, при двухъ зажженныхъ свѣчахъ. Части тѣла, на которыхъ больше сыпи, намазать мазью изъ толченой сѣры, смѣшанной съ чухонскимъ масломъ, и выздоровленіе несомѣнно.

Заговоръ *противъ смаза*, записанный въ Сванетіи:

Во имя Отца!
Треснула черная скала,

¹⁾ Ср. заговоръ отъ чирьевъ у латышей. *Трейландъ*, 135.

¹⁾ *Дубровинъ*. Исторія войны на Кавказѣ I, кн. II, 175. *Иверія*, 1888, 223.

²⁾ *Иверія*, 1888, 223. Ср. у латышей, *Трейландъ*, 135.

Вывелъ чернаго коня
 Съ чернымъ сѣдломъ-удиломъ,
 Взялъ въ руки черный „пуща“ ¹⁾,
 Ввелъ черную змѣю.
 Пасеби (?) трижды да лопнетъ
 Вы и ваши соумышленники—
 Кто золь, кто дурнаго глаза.
 Плачетъ мать-Марія,
 Говоритъ мать-Марія.
 Пришелъ Михаилъ-Гаврилъ архангелъ
 — Зачѣмъ плачешь мать-Марія?
 Зачѣмъ горюешь, мать-Марія?
 — Плачу о томъ, горюю о томъ:
 Пришелъ еврей Кетаребаша (?)
 Извѣстилъ, излюбилъ.
 — Не плачь, мать Марія
 Существуютъ пять лунъ—
 На воду лей огонь (!) (а не обратно огонь на воду) ²⁾
 Въ глазахъ насыпана зола,
 Сердце пронзено шиломъ.
 — Что ты дѣлаешь вѣдьма?
 — Это дѣлаю, это творю:
 У красавицы колѣна отниму (т. е. бодрости),
 У красавицы цвѣтъ (лица) отниму,
 У быка супругу отниму,
 Коровѣ не дамъ отелиться,
 У лошади силу отниму,
 Анагетъ, Палагетъ, Хварамзетъ—
 Жирныя страны,
 Туда же болѣзнь приведу
 Вступи въ море,
 Нырни въ море.
 Святой Георгій,
 Осѣни здѣсь насъ крестомъ твоимъ!

Противъ льшаго („ам“).

Насъ было три брата,
 Сила Троицы,
 Воссядемъ на горѣ высокой,

¹⁾ „Пуща“—железная палка съ остриемъ, чѣмъ вынимаютъ мясо изъ котла.

²⁾ При этихъ словахъ заговаривающая въ сосуды съ водой бросаетъ горящія угли и даетъ потомъ пить больному.

Видѣли слѣды дьявола,
 Пошли по оставшимся слѣдамъ,
 Сдѣлали шелковую сѣть,
 Поймали льшаго-дьявола,
 Уши у него были ослиныя,
 Глаза были мѣдныя,
 Носъ имѣлъ кошачій,
 Ноги имѣлъ стекляныя,
 Отрѣжемъ ухо ослиное,
 Глазъ мѣдный—
 Оторвемъ ногу стеклянную.
 Нѣтъ, сванъ (?) счастливый,
 Не рѣшь у меня ухо ослиное,
 Не коли глаза мѣднаго,
 Не отрывай ноги стекляной!
 Не прикаснусь къ родильницѣ,
 И ни къ какой женщиѣ,
 Пришелъ я изъ Чернаго моря,
 Вокормленъ подъ крыломъ орла,
 Мимолетно пришелъ,
 Мимолетно уйду!
 — Скажи мнѣ свое лѣкарство.

Отвѣтъ всегда начинается двумя загадочными словами:

— Мое лѣкарство:
 „Елани“ „мелани“ (?)
 Желчь лисицы,
 Бѣлокъ яичный,
 Если въ корзинѣ
 Будетъ слышно пѣніе пѣтуха,
 Не приду.
 Святой Георгій,
 Осѣни крестомъ!

Тотъ же заговоръ записанный въ другой деревнѣ. (Срав. у насъ 131 стр.)

Насъ было три брата:
 Орозъ, Корозъ, Куристанъ.
 Пойдемъ на охоту,
 Дома нѣтъ звѣрей.
 Пошли по оставшимся слѣдамъ.
 Нашли стезю дьявола.
 Разставили сѣть шелковую.
 Попался лѣшій дьяволъ.

Орозъ сказалъ:
 Вырѣжемъ носъ кошачій,
 Борозъ сказалъ:
 Выдернемъ зубы мѣдные,
 Буристанъ сказалъ:
 Оторвемъ ногу стекляную.
 Нѣтъ, три ¹⁾ брата счастливыхъ,
 Не рвѣя носа кошачьяго,
 Не вырывая зуба мѣднаго,
 Не отрывая ноги стекляной.
 Христось—скала, Христось—ограда,
 Не коснусь челоука высокаго,
 Ни женщины, ни раненаго,
 Гдѣ будетъ слышенъ
 Лай красной собаки,
 Пѣніе краснаго пѣтуха,
 Хрюканье красной свиньи,
 Звонъ колокола,
 Пусть обратятъ коряну у дверей
 На ней мостикъ поставьте.
 Мимолетно приду,
 Мимолетно уйду!
 Святой Георгій, осѣни своимъ крестомъ

Заговоръ противъ судьбы:

Пришелъ Михаилъ-Гавриилъ архангелъ,
 Встрѣтилась днемъ и ночью судьба.
 — Что ты, кто ты?
 — Я судьба.
 — Кѣмъ ты возвращена?
 — Изъ Хваманди украдена,
 Подъ копытомъ лошадомъ рождена,
 На крыло орла дерево положено
 — Пфу! Обрати ты стоишь!
 Я не видалъ такой стези.
 Скажи лѣварство для этого,
 А то брошу виѣсть съ вѣтвью,
 Разведу огонь,
 Три дня, три ночи
 Не покажу дневнаго свѣта,

¹⁾ Въ первомъ вариантѣ читается „сванъ“, здѣсь произошло смѣшеніе по звуковому сходству „сами“—три и „свани“—сванеть. „Сами“—три вѣрше.

Не подаму ночнаго врага.
 — Охъ, охъ, мать моя!
 Банъ высказать мнѣ горе!
 Вотъ это лѣварство:
 Елани—мелани,—
 Желчь лисицы,
 Бѣлокъ яичный,
 Порошокъ стеклянный.
 Меуни (?) и тбили (теплый?)
 Святой Георгій,
 Осѣни здѣсь крестомъ твоимъ!

Противъ заразы ядомъ:

Выходи назадъ сабецо (ядъ?)
 Черной змѣи,
 Бѣлой змѣи,
 Билилики (?) змѣи,
 Красной змѣи,
 Желтой змѣи,
 Красной лягушки
 Ящерицы,
 Крысы,
 „Матинела“ (грязь)
 Какой-то нарушитель
 Съ дерева сошелъ,
 Вездѣ валяется,
 Умъ одушевленнаго выгналъ,
 Поднялся на дерево,
 На землю спустился,
 На небо птицей явился,
 Въ травку вошелъ,
 Въ комочку вошелъ,
 Въ грязь запачкался,
 Пришелъ сухой,
 Усы, откроете голову ¹⁾
 Борни покажи—
 А то выведу
 Илей и милей (?) (Ilitha da militha),
 Бельцомъ Соломона,
 Голосомъ Маріи,
 Силой св. Георгія.

¹⁾ При этихъ словахъ ядъ въ видѣ усиковъ начинаетъ выходить. Милей образовано созвучно съ Илей.

Ани вздрогнулъ, Мани вздрогнулъ, небо вздрогнуло,
Сидѣла женщина посреди дороги,
Плакала, рыдала.

— Женщина, что плачешь, что рыдаешь?

Плачу о томъ, рыдаю о томъ:

На Иерусалимскомъ полѣ (Iirsulim)

Зарѣзалъ быка Христось,

Всѣхъ изъ моей страны пригласилъ,

Меня не пригласилъ.

— Пфу! Ты гадкій, ты дурной!

Зачѣмъ тебя пригласить,

Сосешь кровь, сосешь мозгъ, ѣшь кость.

Нѣтъ! Даю руку Христу,

Само хребта, пѣна воды

Пѣна выпятка,

Вотъ это лѣкарство мое.

Святой Георгій, осяни своимъ крестомъ!

Оспа и Корь *)—братья. Мать ихъ до сихъ поръ жива, мѣстомъ жительства которой служить одна неприступная приморская скала. Мать время отъ времени посылаетъ своихъ сыновей въ страну людей. Только одинъ человѣкъ могъ видѣть жилище Оспы и Кори. Разъ одно семейство отправлялось въ дальнюю сторону, по морю на кораблѣ. Поднялась сильная буря. Весь корабль вмѣстѣ съ пассажирами погибъ въ пучинѣ морской. Спасся только одинъ человѣкъ, котораго морская волна выбросила на ближайшую скалу. Съ большимъ усиленіемъ достигъ странникъ вершины скалы. Поднявшись на ея вершину странникъ увидѣлъ женщину совсѣмъ голую, которая сняла бѣлье близъ журчащаго ручья. Сосцы у этой женщины были перекинута за спину. Подкравшись сзади, человѣкъ прикоснулся зубами до ея сосцовъ (знакъ усмысленія). Женщина смутилась и, обернувшись къ нему, спросила, какъ онъ могъ добраться до нея.—Были мои сыновья въ твоёмъ домѣ?—спросила его она,—я ихъ къ тебѣ послала. Разказавъ о своемъ приключеніи, странникъ просить ее указать мѣсто, гдѣ она живетъ. Женщина согласилась повести его въ свой домъ. Вошедши въ домъ, странникъ сильно былъ удивленъ столбомъ, на которомъ держалась крыша: весь столбъ былъ какъ бы обитъ человѣческими глазами. Спросивъ объ этомъ странномъ украшеніи, женщина разказала ему, что эти глаза принадлежатъ тѣмъ, у которыхъ

ея сыновья отняли зрѣніе. А зрѣнія лишаются тѣ, въ домѣ которыхъ во время оспы пыльно и огонь поливается водой. Во время ихъ разговора возвратились домой Корь и Оспа. Мать попросила своего сына, Оспу, чтобы онъ довелъ странника до дому. Я только что отъ Бога, отвѣтилъ Оспа; онъ посылаетъ завтра въ домъ сосѣда странника Моровую язву, съ которой его и можешь отправить. Въ вершинѣ этой скалы кромѣ Оспы и Кори и другія болѣзни имѣли мѣстожительство. Изъ земли въ нѣсколькихъ мѣстахъ показывались пламя и дымъ; мать Оспы и Кори показала страннику и по-очередно называла мѣстожительство каждой болѣзни. Между прочимъ, она указала жилище Моровой язвы, откуда поднималась чудовищный дымъ. Въ другомъ пунктѣ было мѣстожительство Насморка.

Во время появленія холеры въ 1892 г. въ Грузіи стали возникать сказанія объ этой эпидеміи. Нѣкоторые представляли ее громаднымъ дракономъ, другіе мелкими червячками, причемъ бактерии передѣляли въ *басилу* (Василія) и полагали, что носителями болѣзни являются какіе-то Василіи.

Противъ этой, наведшей ужасъ, болѣзни въ г. Гори на грузинскомъ языкѣ стали распространяться слѣд. заговоры: „Святое писаніе Иисуса Христа, присланное чудомъ І. Христа, написанное въ формѣ креста собственной рукою золотыми буквами на еврейскомъ языкѣ и найденное въ 15 верстахъ отъ св. Ароши въ Ланге Долкалъ(?). Его (письмо) прочиталъ и перевелъ сирота 7 лѣтъ, который до того былъ нѣмъ. Предписываемъ вамъ въ день св. воскресенія совершить благочестивое дѣло. Не исполните—не спасетесь отъ моего гнѣва, такъ какъ я вамъ далъ шесть дней въ недѣлю для вашихъ дѣлъ. Праздники точно соблюдайте, также для оказанія помощи бѣднымъ и если не исполните, то будете прокляты мною, пошлю вамъ голодъ страшный, мучительный для души мой гнѣвъ, вы должны поститься пять пятницъ и прочтите Отче нашъ, Иисусе, должны помянуть Богородицу и мои страданія и то, что перенесъ на крестѣ для вашего спасенія. Вы должны почитать Меня и помогать всѣмъ просящимъ. Кто сомнѣвается въ подлинности Моего письма и словахъ Моихъ, будетъ проклятъ въ день суда такъ же, какъ и спрятавшій его (письмо) въ своемъ домѣ. Кто же отдастъ списокъ съ него, то будетъ благословенъ. Столько грѣховъ, сколько звѣздъ на небѣ, простится какъ списавшимъ его, такъ и хранящимъ его у себя, ни злой духъ, ни огонь, ни громъ не постигнетъ ихъ. Года? Мѣсяца? (нужно обозначить время переписки).

Во имя Бога и Іоанна Крестителя сіе освободительное письмо написали и дали мы чтецы высокихъ духовъ—Анани, Ванани, Курша,

*) *Иверія*, 1877, 51. Сванетское повѣріе.

Гишера, и Царбиани (брови въ дословномъ переводѣ), гдѣ бы ни встрѣтились, ничего дурнаго не сдѣлали бы, вамъ Баніа приказалъ, Курбана написалъ, Гишера руку приложилъ и я свидѣтель. Господи Исусе, спаси отъ страшнаго несчастья раба Божьяго (имя рекъ).

Заговоръ для облегченія родильницы: „разъединитесь мать и дитя, какъ я разъединилъ лягушку и змѣю!“ долженъ произнести тотъ, кому удалось когда-нибудь освободить лягушку изъ змѣиной пасти. *) Молитва эта записана въ Кахетіи

Въ греческомъ заговорѣ „Εἰς τὴν ἡν τοὺν σὺ δύνῃται τέξαι“ находимъ упоминаніе о Богородицѣ и апостолахъ, но характеръ молитвы не соотвѣтствуетъ грузинскому заговору *). Заговоры же противъ змѣй, хотя извѣстны въ Грузіи, но не были еще записаны.

Словесность книжная.

Древніе памятники грузинской письменности.

Принятіе христіанства Грузіей въ IV в. было началомъ ея просвѣщенія. Христіанство оторвало ее отъ языческаго Востока и поставило ее подъ благотворное воздѣйствіе Византіи, хранительницы священнаго огня, зажженнаго древними греками и римлянами. Еще до Миріана въ IV в. сношенія Грузіи съ Греціей засвидѣтельствованы исторіей; съ введеніемъ же христіанства они сдѣлались постоянными. Грузія составила особую церковь, которая была приписана къ ближайшей—Антиохійской патріархіи. Первые епископы и даже католикосы до VI в. были изъ грековъ, а съ VI вселенскаго Константинопольскаго собора „Мцхетская церковь въ Грузіи признана автокефальной, равною по достоинству съ католическими и патріаршими престолами“. Съ 545 г. католикосы иверскіе выбираются изъ грузинъ и первымъ таковымъ главою церкви былъ Савва.

Вмѣстѣ съ архипастырями изъ Греціи приходили въ Грузію представители греческаго духовенства, приносяшіе съ собою разныя церковно-богослужбныя рукописи; равнымъ образомъ, грузины отправлялись въ Грецію, Палестину, на Аѳонъ или для богомолья, или для списыванія книгъ. Кромѣ этихъ собственно церковныхъ сношеній, были и другія связи—торговныя и политическія. Всѣ эти обстоятельства болѣе и болѣе укрѣпляли вліяніе Византіи на Грузію, поставили образованность и литературу послѣдней въ сильную зависимость отъ того періода греческой словесности, который извѣстенъ подъ именемъ „византійскаго“, продолжающагося отъ Юстиніана до паденія Константинополя (529—1453 г.). Этотъ періодъ греческой литературы названъ византійскимъ потому, что въ это время Византія, сосредоточивъ въ себѣ грамматическія, риторскія, философскія и юридическія школы, была преимущественнымъ, а потомъ и единственнымъ сборнымъ мѣстомъ литературы. Въ школахъ было введено чтеніе Библии, отеческихъ твореній на

*) „Сб. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“, в. XVII, II, 138.

*) А. Vassiliev. Anecdota graeco-Byzantina. (M. 1899), I, 339.

ряду съ древне-классическими авторами. Отсюда сложился двойственный характер византийскаго литературнаго языка, въ которомъ восточныя краски, заимствованныя преимущественно изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, сливались съ древне-классическимъ стилемъ. Искусственностью, витиеватостью, обиліемъ символовъ и аллегорій отличаются произведения византийскаго образованности. Этотъ украшенный литер. стиль оказалъ свое глубокое вліяніе на груз. литературу. Масса произведений не одного духовнаго содержанія, но и другихъ отдѣловъ передана Грузіи Византіей. Византийская словесность оставила глубокой слѣдъ не только въ письменной литературѣ Иверіи, но въ народныхъ произведеніяхъ,—въ духовныхъ стихахъ и легендахъ.

Посредствующимъ звеномъ между литературой греческой и грузинской служили иверскіе монастыри и школы при нихъ въ Палестинѣ, Сиріи и на Афонѣ¹⁾. До введенія книгопечатанія у грузинъ (въ нач. XVIII в.), словесныя произведенія распространялись между читателями посредствомъ списковъ. Переписываніе было единственнымъ средствомъ, замѣнявшимъ типографскій станокъ. О томъ размѣрѣ, каковаго оно съ теченіемъ времени достигло въ древней Грузіи, свидѣтельствуетъ количество рукописей, хранящихся въ „Обществѣ распространяемости среди грузинъ“, Церковномъ музеѣ при Сіонскомъ соборѣ, въ Гелатскомъ монастырѣ и другихъ книгохранилищахъ. Постепенное развитіе книгописанія опредѣлялось возрастающимъ запросомъ на книги. На первомъ мѣстѣ стояла необходимость снабдить каждую церковь богослужебными книгами, которыя отъ времени приходили въ ветхость и требовали ихъ замѣны новыми. При томъ, чтеніе книгъ, помимо церковно-богослужебныхъ, вообще духовныхъ съ цѣлью христіанскаго назиданія, служило дальнѣйшимъ побужденіемъ къ усиленному списыванію рукописей. Грамотные люди смотрѣли на „книжное почитаніе“, какъ на дѣло душеполезное, почему и желали имѣть у себя въ домѣ книги, утверждающія въ истинной вѣрѣ и указывающія путь къ истинно-христіанской нравственности. Изъ убѣжденія въ душевнотворительной пользѣ священныхъ книгъ вытекалъ релігіозный взглядъ на самое служеніе книжному дѣлу.

Списываніе и распространеніе книгъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, подвигомъ благочестія. Понятіе о важности списыванія,

¹⁾ Литература вопроса *Бакрадзе*, (въ Трудахъ V археол. съѣзда въ Тифлисѣ). Грузинскій монастырь св. Креста въ Иерусалимѣ. *Царели*. Памятники грузин. старины въ Святой Землѣ на Синаѣ. Спб. 1888. *Его же*. Свидѣнія о памятникахъ груз. письменности, вып. I и II. Спб. 1886, 1889.

какъ христіански-полезнаго занятія, возвышалось еще самымъ трудомъ при совершеніи дѣла. До появленія скорописи много времени и терпѣнія требовалось отъ переписчика, чтобы уставомъ написать такія объемистыя рукописи какъ Ксанское и Урбинское евангелія, дошедшія до насъ. Отсюда понятна радость трудившагося, когда онъ удовлетворительно оканчивалъ свою долгую работу. „милостью Божьею дошли мы до конца“ читаемъ на послѣднихъ страницахъ груз. рукописей, чѣмъ выражается богоугодность и пріятность исполненнаго подвига. При дороговизнѣ книгъ и при трудности ихъ списыванія было совершенно естественнымъ, что переписчики или владѣтели книги старались предохранить свою собственность отъ поврежденій, неосторожнаго обращенія съ нею, похищенія. „Кто похититъ, да будетъ проклятъ,“—говоритъ приписка къ толкованію св. Іоанна Златоуста. Свои замѣтки на этотъ счетъ они помѣщали въ самой же рукописи. „Написано сіе душу просвѣтляющее четырехглавіе рукою многогрѣшнаго всенедостойнаго іерея, малозначащаго писца и чтеца, Авеля. Знаеть Богъ, я старался, елико возможно было, списать вѣрно. Если кто найдетъ въ сей рукописи мѣста, кажушіяся сомнительными, не измѣняйте тотчасъ же, ибо я имѣлъ предъ собою три вѣрныхъ евангелія, съ которыхъ я списывалъ по надлежащей съ ними свѣркѣ. Если пожелаете измѣнить какое-нибудь слово, то прежде всего свѣрите съ двумя и тремя подлинными текстами евангелія и за скорое письмо мое не проклинайте меня, мои господа! Нашедшіе же въ моей рукописи ошибки, поправьте, помняте и молитесь за меня. Да ниспошлетъ вамъ равное Господь Богъ вселенной, ибо трудъ остается, а труженикъ уходитъ“.

Эта приписка къ Гелатскому евангелію является весьма характерной. Здѣсь ясно выступаетъ отношеніе переписчика къ работѣ, исполняемой при тщательномъ вѣрномъ слѣдованіи подлиннику. Несмотря однакожь на строгій запретъ отклоняться въ чемъ-либо отъ текста, списки подвергались ошибкамъ и даже искаженіямъ, вольнымъ и невольнымъ. Первые происходили отъ увлеченія переписчиковъ собственными понятіями и соображеніями, вторыя отъ невѣжества или небрежности. Поэтому возникала необходимость свѣрять старые переводы съ греческими оригиналами и неточности исправлять.

Заботясь о правильной и точной передачѣ текста, переписчики были очень неравнодушны къ каллиграфической и декоративной сторонѣ рукописей. Заглавныя и начальныя буквы отличаются величиною и особеннымъ, затѣйливымъ видомъ; онѣ, какъ и нѣкоторыя строчныя буквы, обыкновенно писались кинорварью (составомъ изъ ртути и сѣры).

Многія рукописи украшены миниатюрами и орнаментами. Большое Гелатское евангелие дает на оберткѣ съ внутренней правой стороны изображение двухъ св. мучениковъ. На верху изображение представляетъ женщину съ царскою короною, нижнее же изображение св. Георгія. Оба изображенія даны въ красныхъ мантияхъ. Разукрашенные виньетки (заставки) съ орнаментальными украшениями встрѣчаются весьма часто въ памятникахъ груз. письменности. Въ иллюстраціяхъ Гелатскаго евангелія XII в. переданы въ миниатюрахъ фактическая сторона евангелія, особенно чудеса и изрѣдка въ традиціонныхъ формахъ ученіе и притчи. Оно, напр., Рождество Христово представляется въ слѣд. деталяхъ: ясли, въ видѣ ящика, въ которыхъ лежитъ спеленутый Младенецъ; на нихъ падаютъ золотые лучи отъ стоящей вверху въ голубомъ небѣ звѣзды; возлѣ яслей Богоматерь въ постели; вошь и осель. Надъ пещерой четыре ангела; внизу золотая купель, въ которой двѣ бабки омываютъ Младенца. Иосифъ задумчивый смотритъ на это омовеніе ¹⁾. Иллюстрація къ памятникамъ письменности служатъ однимъ изъ важныхъ образцовъ для изученія грузинской школы живописи и національныхъ мотивовъ съ первыхъ вѣковъ распространенія христіанства въ Грузіи.

Списываніемъ книгъ занимались люди всѣхъ состояній и званій; списки заказывались, расписывались живописью и украшались драгоценными камнями, „для прощенія грѣховъ“. Списки рукописей представляютъ два разряда: въ однихъ означено время ихъ написанія; въ другихъ такого означенія нѣтъ. Сверхъ того, древнѣйшіе списки предпочитаются позднѣйшимъ за свою большую вѣрность оригинальному тексту, потому что они не успѣли еще подвергнуться ошибкамъ и искаженіямъ. Почеркъ въ древнихъ рукописяхъ заглавный или уставъ а въ позднѣйшихъ появляется мелкій „хуцури“. Писали у грузинъ на веществѣ трехъ родовъ: пергаментѣ, бомбицинѣ и тряпичной бумагѣ.

Главный по назначенію и первый по времени появленія согласно цѣлямъ христіанской вѣры были книги священнаго писанія и богослуженія. По свидѣтельству „Карт.-Цх.“ уже въ началѣ V в. для супруги царя Арчила былъ сдѣланъ первый переводъ Евангелія и Апостола. Изъ дошедшихъ же памятниковъ ксанское Евангелие является пока наиболѣе древнимъ. Оно относится къ VI в., ибо дата, постав-

¹⁾ *Покровскій*. Евангелие въ памятникахъ иконографіи. Спб. 1892. *Петровъ*. О миниатюрахъ греческаго Никомидійскаго евангелія XIII в. въ сравненіи съ миниатюрами евангелія Гелатскаго монастыря XI в. въ Трудахъ V археол. съѣзда).

ленная въ началѣ и концѣ рукописи соотвѣтствуетъ по груз. лѣточисленію 506, а по греч. 596 г. по Р. Х. По внѣшнимъ палеографическимъ признакамъ ксанское Евангелие представляется весьма любопытнымъ: пергаментъ его самый грубый; буквы аляповаты; инициалы безъ всякихъ украшеній. Вторымъ по древности Евангелиемъ считается урбнисское, хотя дата его представляется подозрительною: она писана не рукою переписчика и не его чернилами. Эти четвероевангелія—ксанское и урбнисское, оказываются не согласными ни между собою, ни съ переводомъ Георгія Святогорца (XI в.). О существованіи перевода Евангелія до Георгія Святогорца засвидѣтельствовано не только этими отрывками урбнисскаго и ксанскаго Евангелій, но и припиской къ гелатскому Евангелію и словами, оставленными намъ однимъ изъ учениковъ св. Евфимія: „Мы съ самаго начала,—говорится у него,—имѣли и писанія и вѣру истинную; но такъ какъ мы были далеко отъ грековъ, то армяне, вравшись въ наше довѣріе, подъ видомъ духовной пользы, сѣяли въ нашемъ народѣ плевелы; отъ нихъ у насъ даже были нѣкоторыя книги, ими же переведенныя; но Господь воздвигъ новаго Златоуста отца Евфимія, который началъ очищать нашъ край отъ плевелъ посредствомъ перевода св. Писанія“. Итаетъ, переводы священныхъ книгъ существовали до Георгія Святогорца, и нѣтъ сомнѣнія, что краеугольной камень христіанскаго вѣроученія — Евангелие раньше всѣхъ долженъ былъ явиться на грузинскомъ языкѣ.

Древніе переводы Евангелія заключаютъ въ себѣ массу отступлений, сокращеній, пропусковъ сравнительно съ нынѣшнимъ его текстомъ. Такъ, въ ксанскомъ четвероевангеліи каждое Евангелие носить странное заглавіе, которое нѣсколько измѣнено въ урбнисскомъ, а въ позднѣйшихъ спискахъ уже не повторяется, а именно, въ ксанскомъ Евангеліи находимъ такое чтеніе: Евангелія глава Марка; глава (такая-то); Евангелія глава Іоанна; глава (такая-то). Въ урбнисскомъ: Евангелія глава Марка; Евангелія глава Іоанна. Ясный смыслъ заглавій обоихъ четвероевангелій показываетъ, что каждое изъ Евангелій принимаемо было во всей цѣлости, какъ одна особая глава, въ свою очередь подраздѣлявшаяся на внутреннія главы или отдѣлы. Вотъ откуда ведетъ свое начало слово четверо-главъ—четвероевангелие, вошедшее и въ позднѣйшіе памятники Грузіи ¹⁾. Слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько особенностей

¹⁾ *Бакрадзе*. Древніе варианты груз. четверо-евангелія (въ Трудахъ V арх. съѣзда). Такое же чтеніе мы нашли въ Евангеліи, хранящемся въ Іоанно-Кре-

этих древних текстов груз. евангелий. Въ Евангелии Матѳея, гл. XXVII, ст. въ фразѣ „Понтіи или Понтійскій Пилатъ“ слова Понтій нѣтъ ни въ ксанскомъ, ни въ урбинскомъ четверо-евангелии. Полагаютъ, что слово Понтійскій ошибочно получило право гражданства, такъ какъ имя Пилата было Понсъ-Пилатъ. Изъ современныхъ изданій на европейскихъ языкахъ четвероевангелий мы находимъ замѣненнымъ слово Понтій словомъ Понсъ только во франц. переводѣ Ponce (греч. Πόντιος, англійскій Pontius, нѣмецкій Pontio). Въ ксанскомъ же евангелии послѣдняя 26 гл. отъ Матѳея заканчивается стихомъ 8 и 20-мъ и этотъ пропускъ въ 12 стиховъ пополненъ въ урбинскомъ Евангелии.

Отмѣченныя особенности древнихъ грузинскихъ вариантовъ Евангелия и пропуски въ нихъ побудили Георгія Святоторца въ XI в. исправить существовавшій до него текстъ, свѣрить его съ греческимъ оригиналомъ и установить его въ окончательномъ видѣ, такъ что нынѣ онъ ни въ чемъ существенномъ не разнится отъ переводовъ греч., латин. и славянскаго. Изъ отмѣченныхъ же чертъ ксанскаго и урбинскаго вариантовъ слѣдуетъ, что глубокая древность груз. четвероевангелий, писанныхъ церковнымъ уставнымъ алфавитомъ, должна быть отнынѣ признана безспорной. Языкъ Евангелия является наиболѣе древнимъ памятникомъ въ грузинской письменности и потому его изученіе представляется вопросомъ въ высшей степени важнымъ. Этотъ языкъ послужилъ образцомъ для послѣдующихъ переводовъ церковныхъ и свѣтскихъ. Орфографія первыхъ памятниковъ наложила свой отпечатокъ на орфографію позднѣйшей письменности, и исторіи грузинскаго языка не можемъ прослѣдить, не обратившись къ самому ея первоисточнику.

Для характеристики языка евангелия остановимся на первыхъ главахъ евангелия отъ Матѳея. Прежде всего насъ поражаетъ присутствіе въ самомъ началѣ II главы конструкции, несвойственной современному литературному языку, именно—дательнаго самостоятельнаго, соответствующаго греч. родит. и славянскому дательному самостоятельному. Далѣе необычнымъ представляется употребленіе сказ. въ ед. ч. при подлежащ. во мн. ч. вм. современной формы во мн. ч. Употреб. предлога *тан* съ род. п. замѣнилось нынѣ управленіемъ дат. п. Любопытной представляется

стительскомъ монастырѣ. Названный памятникъ сопровождается изображеніемъ евангелистовъ и писанъ мелкимъ „хуцури“ (церковнымъ алфавитомъ) на пергаментѣ. (См. мой отчетъ о поѣздѣ на Кавказъ лѣтомъ 1893 г.).

вставка знака множ. ч. въ глаголь между темой его и окончаніемъ при прямомъ допол. въ множ. ч. II, ст. 4, 8, 16. Современный языкъ не требуетъ измѣненія формы глагола при прямомъ допол. во мн. ч. Въ древнихъ памятникахъ вообще и въ этой въ главѣ частности имѣемъ часто повторяющуюся вставку плавнаго. Съ другой стороны имѣемъ предлоги *ian*, *тиар* съ сохраненіемъ носоваго *n* и плавнаго *l* въ префиксахъ вм. совр. *ia* и *тиа*. Греческій членъ нерѣдко переводится указ. мѣстоимѣніемъ (ст. 13). Изъ другихъ особенностей отмѣтимъ еще отсутствіе повѣств. пад. въ качествѣ подлежащ. при сказ. въ прош. совершен. Прилагательное въ смыслѣ опредѣленія въ Евангелии всегда слѣдуетъ за опредѣляемымъ словомъ (ст. 10). При этомъ укажемъ еще на одно обстоятельство: прилагат. именное образуется въ род. п. и въ послѣдней формѣ оно считается за имен. п. и согласуется съ опредѣляемымъ словомъ въ числѣ и падежѣ, наприм. во II главѣ Виелеемъ Іудейскій. На вопросъ куда? ставится твор. II, (IV, 24 II, 8); на вопросъ гдѣ? ставится дат. п. (II, 5, въ Виелеемѣ Іудейскомъ, ст. 18, Гласъ въ Рамѣ слышанъ). Изъ другихъ памятниковъ VI вѣка до насъ дошла пергаментная рукопись, хранящаяся въ Тифлис. церковномъ музеѣ. Она носитъ названіе „Литургія Іоакова“ и перевезена въ Тифлисъ изъ Мцхетскаго собора. Бакердзе ее относитъ къ VI в.). Доводы, говорящіе въ пользу ея древности сводятся къ историческимъ фактамъ, сохранившимся въ памятникѣ: здѣсь упоминаются византійскіе императоры до Юстиніана включительно (527—565 г.) и названъ католикосъ Симеонъ, который жилъ при царѣ Бакуріи, въ эпоху Юстиніана. Изъ VII вѣка имѣется два листа папирусной псалтыри и три томика папирусной праздничной Минеи, найденной въ Іерусалимской лаврѣ св. Саввы преосвящ. Порфириемъ, прекраснымъ знатокомъ христіанскаго востока. Къ VII в. относится также „Обращеніе Грузин“. Къ VIII в. относится „мученическая кончина св. Або“. Пергаментная эта рукопись привезена изъ Сванетіи и палеографическій ея характеръ не оставляетъ сомнѣнія въ ея древности ¹⁾.

Съ IX вѣка до насъ дошли поученія, сборники, требники. Къ X в. относится Библия, писанная на Аеоувѣ до построенія большаго Иверскаго монастыря. Она сохранилась въ двухъ томахъ въ 978 г.

¹⁾ Бакердзе. Исторія Грузин, стр. 208, 221. Ср. *Жорданія* „Хроника и мат. для ист. Грузин“ 72—3 (Т., 1893).

²⁾ Сванетскій манускриптъ представляетъ громадный фоліантъ въ 489 л. писанный заглавнымъ „хуцури“ за исключеніемъ 187—210 стр. мелкаго хуцури.

переписанныхъ тремя писцами: Михаиломъ, Стефаномъ и Георгіемъ. Съ этой Библии сняты двѣ копии, одна по приказанію владетеля Мингрелии Давида въ 1851 г., а другая хранится въ Тифлисѣ въ Сіонскомъ соборѣ. Но другой важный списокъ Библии Іерусалимской относится къ XI в. Аѳонская Библия и списокъ съ нея не представляетъ полнаго собранія книгъ Ветхаго Заѣта. Въ ней нѣтъ книгъ Маккавейскихъ, Исуса Навина, Чисель, Второзакон., Руфи, Паралипомена, Псалмовъ, книгъ прор. Варуха. Въ 1742—3 г. груз. Библия впервые была напечатана въ Москвѣ, по желанію царя Арчила († 1712), подъ редакцію Бакара и Вахуштіа Вахтанговичей. Они собрали разрозненные части, недостающія книги перевели съ славянскаго языка ¹⁾, сличили съ подлинникомъ, причемъ Псалтырь, Пророки и Новый Заѣтъ, напечатанные въ Тифлисѣ царемъ Вахтангомъ (1710—1723 г.), вошли въ трудъ московскихъ редакторовъ груз. Библии. Изъ сличенія съ оригиналомъ, оказывается, что она переведена съ кодекса 10 толковниковъ. Что касается до отдѣльныхъ книгъ Библии, то онѣ существовали у насъ съ давняго времени: Псалтырь VIII—IX в., „Пророки“, списокъ коихъ представляетъ воспроизведеніе не съ Аѳонской Библии 978 г. а болѣе древняго оригинала; этотъ памятникъ хранится въ монастырѣ св. Креста, близъ Іерусалима.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ переводы твореній святыхъ отцевъ. Ихъ три рода: одни содержатъ въ себѣ толкованія св. писанія, другія относятся къ догматическимъ, а третьи—къ нравственнымъ. Давъ св. писаніе на языкѣ, понятномъ народу, надлежало дать и руководство, облегчающее его пониманіе толкованіемъ. Первая мысль о составленіи книгъ толковыхъ или толковниковъ явилась очень рано. До насъ дошло отъ X вѣка переводное толкованіе св. Іоанна Златоуста на Евангеліе; сюда же относятся слова на Шестодневъ Василія Великаго, памятникъ, писанный почеркомъ св. Евѳимія. Списки толкованія свящ. писанія и ирмосы Богородичные идутъ отъ X в. Къ XI в. относится сокращеніе толкованія ап. Павла, Кирилла Александрійскаго, къ XII в. толкованіе на Псалтырь; къ XII в. толкованіе на 50 псаломъ св. Аѳанасія Александрійскаго. Толкованія Іоанна Златоуста на Евангелія дошли во многихъ спискахъ съ X по XII в.

За толкованіемъ свящ. писанія слѣдуютъ учительныя творенія св. отцевъ и догматическія, въ которыхъ излагается христіанское ученіе въ полномъ составѣ или объясняются важнѣйшіе догматы. Такъ, поученіе св. Евѳрема Сирина, писанное въ Палестинѣ Георгіемъ въ

¹⁾ Впослѣдствіи древніе ихъ переводы были найдены (*Иверія*).

Лаврѣ св. Саввы, заключаетъ въ себѣ ученіе о монашествѣ, покаяніи, второмъ пришествіи, преображеніи, Адамѣ; Слова св. Григорія Бого-слова, содержаніе коего слѣд.: объ Юліанѣ отступникѣ, о рожденіи Спасителя, о свѣтѣ, о Пасхѣ; Слова Іоанна Дамаскина, заключающія избличенія несторіанъ, Слово Никиты, священнослужителя Студійскаго монастыря въ разоблаченіе армянскаго вѣроученія, толкованіе великаго философа Пселоса для своихъ учениковъ, Семь соборныхъ посланій, переведенныхъ св. Георгіемъ Мтацмандели, „Отвѣтъ Евѳимія Гтзели Сосеону, армянскому учителю“ X в., переписан. на Олимпѣ. Въ духовной литературѣ правоучительнаго характера видное мѣсто занимаютъ сочиненія аскетическія Исаака Сирина, дошедшее до насъ на бомбицинѣ въ Синайскомъ монастырѣ, Максима исповѣдника (Гелат. мон.), Лѣствица, св. Іоанна Климакса съ XI в., хранящаяся въ Крестномъ монастырѣ, а въ иѣсколькихъ позднѣйшихъ спискахъ въ Кватехевскомъ мон. Причиною ихъ распространенія было, съ одной стороны, высокое достоинство ихъ содержанія, а съ другой—общее уваженіе къ жизни иноческой, какъ къ высшему проявленію христіанскаго совершенства. Кромѣ цѣлыхъ отеческихъ сочиненій правоучительнаго содержанія, дошли особые сборники разныхъ названій, Маргаритъ, Вѣнецъ, заключающіе наставленія о молитвѣ, милостынѣ, послушаніи, нестяжательности и другихъ добродѣтелей, составленныхъ изъ сочиненій отцевъ и учителей церкви. „Рай“, представляющій описаніе подвиговъ христіолюбивыхъ отцевъ и женъ, имѣется въ рукописи XIII в. (въ Синайск. м.). Множество поученій Исаака Дороея о разныхъ Христовыхъ добродѣтеляхъ дошло съ XI—XII в. изъ Синайскаго монастыря.

Между многоразличными сборниками есть такіе, содержаніе которыхъ полудуховное и полусвѣтское. Объ одномъ изъ нихъ, извѣстномъ подъ именемъ „Пчель“, мы находимъ свѣдѣніе у Бакрадзе въ его археол. путешествіи. Содержаніе ихъ, впрочемъ не соотвѣтствуетъ обычному составу этого сборника. Вмѣсто изреченій изъ различныхъ сочиненій о мудрости, чистотѣ, правдѣ, богатствѣ и пр., въ нашемъ сборникѣ имѣемъ: житія святыхъ, рассказы о постройкѣ церкви св. Софіи въ Константинополѣ; разъясненіе основанія груз. пасхальнаго цѣла, трактатъ о раздѣленіи Грузіи и Арменіи ¹⁾.

Масса сборниковъ не только специальныхъ, относящихся къ одному какому-либо роду, предметовъ, но и общихъ, содержанія разнообразнаго, представляли обильный матеріалъ для чтенія и сообщали

¹⁾ *Бекрадзе*. Археологическое путешествіе по Гуріи и Апчарѣ, стр. 156. Ср. *Кондаковъ*. Опись памятниковъ въ храмахъ Грузіи, стр. 131.

богатый запасъ свѣдѣній любознательнымъ чтецамъ. Манускриптъ IX в., переписанный инокомъ Иоанномъ, даетъ рядъ рассказовъ о сотвореніи чловѣка, объ образѣ животныхъ Василя, еп. Кесарійскаго, хронологическія справки о царяхъ евреевъ, персовъ, Птоломеяхъ египетскихъ, римскихъ; объясненіе происхожденіе алфавитовъ еврейскаго, финикійскаго и греческаго. „Рассказъ о свв. нашихъ мудрецахъ въ Синайскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ „Похвалой груз. языку“ восходятъ къ X в. Восхваленіе писца Иоанна, сводится къ тому, что грузинское лѣтосчисленіе продолжительнѣе лѣточисленія другихъ народъ на 94 (96?) и что языкъ этотъ, подобно Лазарю, имѣетъ воскреснуть и будетъ существовать до Страшнаго суда, который долженъ происходить на этомъ языкѣ. Такія сочиненія, смѣшанныя съ апокрифическими сказаніями, давали обильную пищу любознательности древняго грузина. Такъ, извѣстенъ Апокалипсисъ Иоанна съ толкованьемъ Андрея Критскаго (Кесарійскаго ?).

Изъ нѣкоторыхъ отрывковъ, дошедшихъ до насъ, мы можемъ заключить, что Византія передавала намъ книги историческаго содержанія—хроники и хронографы. Хроники ¹⁾ содержатъ въ себѣ исторію древнихъ царствъ и византійскую, какъ это видно изъ сборника Шатбердскаго, переписаннаго инокомъ Иоанномъ въ IX—X в. Онъ хранится въ Обществѣ распротр. грамот. среди грузинъ. Хронографы заключили всеобщую исторію и приведены были въ различное время и послужили источникомъ мѣстныхъ историческихъ работъ, какъ напр. хронографъ царя Теймураза I. Наконецъ, изъ Византіи стали распространяться апокрифы, заключающихъ смѣсь достовѣрныхъ рассказовъ съ вымыслами о событіяхъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи. Любознательный читатель прибавлялъ къ тексту свящ. писанія то, чего недоставало въ немъ, но что было желательно знать. Вначалѣ церковь не преслѣдовала апокрифическихъ произведеній, но когда ими воспользовались для проведенія еретическихъ ученій, церковь наложила на нихъ запрещеніе. Въ X в. уже имѣемъ письмо Евоніи къ икону Георгію въ которомъ сообщаетъ свѣдѣнія объ отреченныхъ книгахъ, св. Церковью не допускаемыхъ. Однако, апокрифы разошлись въ народѣ и повліяли на складъ его мирозозерпанія. Количество списковъ апокрифовъ, дошедшихъ до насъ, ясно свидѣтельствуетъ о степени интереса, возбуждаемаго ими среди грузинскихъ читателей. Появившіеся въ Византіи съ VII в. *Антологіи*—сборники

¹⁾ Дошелъ до насъ Георгій Амартола, переведенный на грузинскій языкъ инокомъ Арсеніемъ. *Жорданія*. Хроники и другіе матеріалы для исторіи Грузіи до 1213 (Тифлисъ, 1893, стр. 224 и 334).

выписокъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей о разныхъ предметахъ переводится уже въ XIII в. на грузинскій языкъ и служитъ источникомъ ознакомленія съ древними философиями, ораторами, историками и поэтами. Такимъ образомъ, Грузія въ теченіе пяти вѣковъ послѣ принятія христіанства широко приобщается къ Византійской образованности, черпая свѣдѣнія не только по духовной, но вообще по свѣтской литературѣ, завѣщанной намъ классическими писателями.

Центры просвѣщенія въ древней Иверіи.

Обстоятельства, при которыхъ возникло въ Грузіи образованіе и появилась письменность, сообщили всей древней словесности особенный характеръ и направленіе. Образованіе возникло у насъ изъ христіанской вѣры и въ ней имѣло главный источникъ. Оно сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ училищахъ при церквахъ, направлялось лицами духовными и монашествующими, по книгамъ церковнымъ и духовнымъ. Это сообщило какъ древней грузинской жизни, такъ и древней словесности религіозно-церковное направленіе. Большая часть древней словесности состоитъ изъ сочиненій духовныхъ: словъ, поученій, житій святыхъ. Періодъ грузинской словесности съ IV по IX в. является эпохой *подготовительной* къ свѣтской словесности, развившейся съ IX в. Произведеній не духовнаго характера мы почти не встрѣчаемъ въ первомъ періодѣ, если не считать отдѣльныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, присоединяемыхъ къ житіямъ святыхъ. Прокопій въ VI в., впрочемъ, увѣряетъ въ существованіи историческихъ документовъ у лазовъ (запад. грузинъ). Усвоивъ христіанское ученіе подъ руководствомъ греческихъ учителей, грузины усвоили религіозное направленіе византійской литературы. Подъ вліяніемъ отеческихъ твореній первыхъ вѣковъ христіанства и сочиненій древнихъ греческихъ писателей сложился характеръ византійскаго образованія, оказавшаго сильное вліяніе на просвѣщеніе Грузіи. Частью въ предѣлахъ Грузіи, частью далеко за ея предѣлами—въ Палестинѣ, на Синаѣ и Аѳонѣ открываются школы при церквахъ и монастыряхъ грузинами, получившими греческое образованіе. Объемъ и система преподаванія переносится изъ Византіи въ грузинскія школы, создаются центры просвѣщенія и книжной дѣятельности.

Колыбелью грузинской письменности нужно признать Лавру св. Саввы въ Св. Землѣ. Основаніе этого монастыря въ V в. приписывается сыну грузинскаго царя Бакара II, Мурваносу, извѣстному въ монашествѣ подъ именемъ Петра, епископа Маюмскаго (Газскаго). Достовѣрное житіе его было составлено его же ученикомъ въ V в. грузи-

номъ Захаріей на сирійскомъ языкѣ и переведено было на груз. языкъ священникомъ Макаріемъ. Царь Ватхангъ Горгасланъ побывалъ въ Палестинѣ для поклоненія Св. Гробу Господню и оказалъ поддержку вновь возникшему здѣсь монастырю. Такимъ образомъ, уже въ V в. имѣется въ Иерусалимѣ монастырь и страннопріемный домъ, въ которомъ приступаютъ къ переводу церковно-богослужебныхъ книгъ для вновь насажденной грузинской церкви. Къ VII в. относится не датированная груз. рукопись Праздничная Минея, писанная въ Палестинѣ. Имена переводчиковъ, потрудившихся надъ первыми образцами церковно-богослужебныхъ книгъ, сохранились въ позднѣйшихъ памятникахъ. Тѣмъ ученыхъ книжниковъ-монаховъ: Антонія и Саввы призываются въ манускриптѣ „Семь соборныхъ посланій“ XII в. Евемій и Георгій Святгорець исправляютъ въ XI в. переводы, сдѣланные Давидомъ и Стефаномъ, о которыхъ мы узнаемъ лишь по указанію автора житія Евеміа. Въ IX в. въ лаврѣ св. Саввы жилъ замѣчательный грузинскій путешественникъ по Востоку Иларіонъ, по фамиліи Донауръ изъ Кахетіи. Сначала онъ поселился на Олимпѣ, гдѣ было въ то время много грузинъ. Побывавъ въ Константинополѣ, Римѣ, сталъ заниматься „любомудріемъ въ Лаврѣ св. Саввы“ и литературное преданіе ему приписываетъ переводъ съ греческаго Метафраста и житія св. Симеона Столпника. Въ X—XI вв. груз. братія продолжаетъ подвизаться въ этой Лаврѣ. Другой монастырь сдѣлавшійся пріютомъ книжниковъ, былъ Крестный монастырь возобновленный или построенный въ X в. Прохоре изъ Шавшетіи. Переводная литература закипѣла въ этомъ монастырѣ съ XI в. и при храмѣ св. Воскресенія. До насъ дошли изъ переводовъ братіи Крестнаго монастыря датированныя рукописи 1038 г., Толкованія Іоанна Златоуста на Евангеліе, 1040 г. Житія и творенія Григорія Назіанзанина и Григорія Нисскаго, писанныя иноками Гавріиломъ и Іоанномъ, 1049 г., Синаксарій, писанный — Михаиломъ Нестеріономъ и Павломъ. Далѣе слѣдуетъ Маргаритъ Іоанна Златоуста, Трїодъ, Лѣствица, различныя посланія и поученія, переведенныя въ монастырѣ Св. Креста. Возникновеніе грузинскаго монастыря на историческомъ мѣстѣ Крестнаго древа, составившее эпоху въ дѣятельности грузинъ въ Св. Землѣ, всецѣло обязано энергіи Прохоре и св. Георгію Мтацминдели при дѣятельной поддержкѣ Баграта IV, матери его Маріамы, при сильной помощи груз. братіи монастыря Калипской Богородицы близъ Антіохіи, Саввинской Лавры Гроба Господня, которая писала и жертвовала рукописи для этого „грузинскаго подворья“. Такимъ образомъ, около половины XI в. Крестный монастырь дѣлается центромъ дѣятельности грузинъ въ

Св. Землѣ. Письменные изъ этого монастыря памятники, дошедше до насъ, являются одними изъ наиболѣе цѣнныхъ для установленія взгляда на быстрое книжное развитіе грузинскаго народа.

Въ эпоху владычества турокъ въ Палестинѣ дѣятельность грузинъ въ Св. Землѣ не ослабѣваетъ. По взятіи Иерусалима Крестоносцами въ XII в. грузины продолжаютъ пользоваться всѣми правами христіанъ въ новомъ христіанскомъ королевствѣ. *Monasterium georgianum* имѣетъ своего игумена, на которомъ лежитъ обязанность приумножать братію и направлять ея дѣятельность. Къ этому времени относится заботливое попеченіе царя Давида Возобновителя, обогащающаго пожертвованіями лавры и страннопріимные дома въ Грузіи и за ея предѣлами. Въ XII в. въ этомъ Крестномъ монастырѣ находитъ успокоеніе грузинскій поэтъ III. Руставели, расписавшаго лавру и оставившаго по себѣ память во фрескахъ монастыря въ одѣяннѣ вельможъ 1643 года.

Грузинская письменность, возникшая въ половинѣ XI в. въ стѣнахъ новозданнаго монастыря Св. Креста есть и по характеру и по содержанію естественное продолженіе грузинской письменности Саввинскаго и Аеоно-иверскаго монастырей, подобно тому какъ основатель этого монастыря Георгій Прохоре былъ инокомъ сначала въ Иверскомъ монастырѣ на Аеоноѣ и затѣмъ въ Лаврѣ св. Саввы. По красотѣ письма памятники эти, хотя и уступаютъ нѣсколько въ общемъ таковымъ Аеоноа и Лавры св. Саввы, тѣмъ не менѣе они подражаютъ имъ успѣшно и есть нѣсколько экземпляровъ, писанныхъ вполне аеоносскимъ почеркомъ тонкаго и изящнаго письма съ изящными инициалами цвѣтовъ и заставками темно-голубого и темно-багроваго цвѣта, изъ гирляндъ и вѣнокъ съ птицами и животными на превосходномъ бѣломъ пергаментѣ.

Художественныя украшенія въ груз. памятникахъ отражаютъ съ VII в. вліяніе искусства египетскаго, византійскаго, арабскаго и персидскаго. Въ Палестинской папирусной Миней встрѣчаются на поляхъ киноварью незатѣйливыя, правда, изображенія Христа и святыхъ, равно воспроизводятся въ лицахъ событія большихъ праздниковъ. Рисовальщики воспроизводятъ нерѣдко мѣстную природу и подражаютъ мѣстному искусству, такъ напр. въ одной синайской рукописи VIII—IX в. находится изображеніе верблюдицы. Въ общемъ груз. мینیатюры синайскихъ рукописей подражаютъ египетскимъ и арабскимъ искусствамъ. Аеоноскія рукописи отражаютъ вліяніе византійскихъ мینیатюръ. Памятники самцхійскіе, гелатскіе и мартвильскіе въ заставкахъ, инициалахъ, цвѣтныхъ колоннахъ соединяютъ въ себѣ стили византійско-персидскій съ мѣстнымъ грузинскимъ. Въ грузинскихъ мینیатюрахъ

особенно сильно развиты растительныя украшенія изъ гирляндъ, вѣтвей, цвѣтовъ и листьевъ—украшенія, составляющія особенности грузинскаго живописнаго и архитектурнаго стиля.

Письменныя сокровища Крестнаго монастыря, составляющія нынѣ 138 номеровъ, накопились постепенно изъ памятниковъ, писавшихся въ разное время въ самомъ монастырѣ со времени его основанія (XI в.) по самое начало XIX в.; кромѣ того, привозились и жертвовались изъ разныхъ груз. монастырей изъ Грузіи, съ Аѳона и изъ Палестины: св. Самуила, св. Іоанна Богослова, св. Василия, Голгоѳа, храма Воскресенія, Гроба Господня, Саввинской пустыни. И тамъ, гдѣ Грузія имѣла двадцать храмовъ и монастырей съ древнѣйшими школами при нихъ, вѣтъ нынѣ пріюта для грузинъ. Памятники, ими возведенные, заняты христіанами другихъ національностей или обращены въ мечети. Съ паденіемъ религіозныхъ центровъ пала и книжная дѣятельность грузинъ въ Палестинѣ.

Грузинская церковная литература, какъ ясно изъ сказаннаго нами, созидалась вначалѣ внѣ предѣловъ Грузіи: въ Іерусалимѣ, Синаѣ, въ монастыряхъ Аѳона и Черной горы близъ Антіохіи. Въ этихъ, монастыряхъ выработался особый грузинскій языкъ и списаны самыя цѣнныя манускрипты, которыми гордится Грузія. Самое большее количество рукописей, дошедшихъ до насъ и писанныхъ при томъ со всею роскошью каллиграфическаго искусства, принадлежатъ перу синайской грузинской братіи второй половины X в. Одинъ изъ наиболѣе древнихъ нашихъ памятниковъ, если считать ксанское евангеліе подозрительнымъ по древности, нужно признать папирусный псалтырь VII в., переписанный на Синаѣ. Усиленная книжная дѣятельность грузинской братіи здѣсь совпадаетъ со вторымъ періодомъ груз. литературы X—XII вв. Сохранились имена книжниковъ, трудившихся надъ созиданіями грузинскихъ синайскихъ памятниковъ: X в. Квирикѣ Миднадзорели, Іоаннъ, Зосимъ; XI в. Пименъ; XII в. Микель Катамонели изъ Катамонійскаго монастыря, близъ Іерусалима. Находясь на различныхъ ступеняхъ духовной іерархіи, всѣ иноки принимали одинаково дѣятельное участіе въ приумноженіи грузинскихъ рукописей: одинъ давалъ инициативу, указанія, нужный матеріалъ, другой писалъ, третій переплеталъ новыя и старыя рукописи; четвертый снабжалъ художественными украшеніями.

Синайскіе грузинскіе монастыри возникли еще въ VII—VIII вв. Около этого времени жилъ въ Арселаѣ, близъ Хорива Авва Михайлъ съ ученикомъ Евстаѳіемъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ Синайскій патерикъ. Въ X в. грузинамъ принадлежали двѣ церкви Св. Іоанна Бо-

гослова и св. Георгія Побѣдоносца. Въ концѣ XI в. въ началѣ XII в. ц. Давидъ II построилъ церковь съ кельями надъ пещерой св. Ильи на Хоривѣ. Благочестивая парица Тамара поддерживала Синайскіе монастыри своими щедротами. Бѣдствія, обрушившіяся на грузинскихъ иноковъ въ XV—XVII в., заставили ихъ поклонить Синай. Число синайскихъ рукописей дошедшихъ до насъ, выражается цифрой 93 и является весьма цѣннымъ по разнообразію своего содержанія своимъ памятниковъ древней грузинской литературы. Помимо церковно-богослужебныхъ книгъ, здѣсь сохранились слова, поученія, толкованія, и сборники духовнонравственнаго характера.

Третьимъ центромъ просвѣщенія и книжной дѣятельности въ первые вѣка христіанства въ Грузіи были монастыри на Черной горѣ, близъ Антіохіи и Дивной горѣ или Симоновой, гдѣ уже въ XI в. процвѣталъ монастырь во имя Богородицы Калипосъ. Среди монаховъ были столпники, молчальники, затворники и книжники. Нѣсколько роскошныхъ рукописей въ монастырѣ Калипосъ даетъ основаніе судить о блестящемъ расцвѣтѣ здѣсь грузинской писменности. Одна изъ нихъ—золотыми инициалами писанное четвероевангеліе, относится ко времени царя Баграта Нобилиссима (1027—1072). Въ 1040 г. писано житіе и твореніе свв. Григорія Назіанзина Гаврилломъ и Іоанномъ на Дивной горѣ. Къ XI в. писано четвероевангеліе рунской церкви на Черной горѣ, близъ города Селевкии, рукою недостойнаго и грѣшнаго Захаріи Чернаго. Въ XIII в. здѣсь еще существовалъ грузинскій монастырь, и, по завоеваніи Сиріи турками, Антіохія обратилась въ мусульманскій городъ, а христіанскіе храмы подверглись опустошеніямъ и грабежамъ османовъ.

Аѳонъ съ иверскими монастырями до сихъ поръ продолжаетъ быть пріютомъ для грузинскихъ иноковъ. Основаніе иверскаго монастыря относится къ X в., какъ объ этомъ сообщаетъ „Житіе св. Іоанна и Евѳимія и увѣдомленіе о достопамятныхъ подвигахъ ихъ, описанное недостойнымъ іеромонахомъ Георгіемъ“. Житіе составлено ок. 1040—1047 г. Основатель этой обители Іоаннъ †988 имѣлъ сподвижникомъ Торникія, бывшаго грузинскаго военачальника, который разбилъ возмущившагося Варда Склера при дѣтяхъ византійскаго импер. Романа II. Второй настоятель монастыря Евѳимій (†1028) много потрудился надъ переводами священныхъ книгъ и проявилъ административныя способности по управленію лаврой, въ которой насчитывалось до 300 иноковъ. Изъ послѣдующихъ за нимъ настоятелей Георгій II Святогорецъ, прозванный Перелагачелемъ свящ. писанія на грузинскій языкъ, является однимъ изъ крупныхъ дѣятелей Аѳонскаго монастыря. Исторію осно-

ванія монастыря онъ повѣствуетъ на основаніи письменныхъ памятниковъ и разспросовъ лицъ, близко стоявшихъ къ первымъ настоятелямъ иверской лавры.

Замѣчательный груз. дѣятель XI в. Георгій Мтацминдели (Святого-рецъ) род. въ Самцхѣ ок. 1014 г. 25 лѣтъ онъ отправился на поклоненіе святымъ мѣстамъ Востока и постригся въ монахи въ монастырѣ св. Романа, близъ Антиохіи. Въ 1044 г. онъ отправился въ Иерусалимъ, откуда на Аѳонъ, гдѣ провелъ семь лѣтъ подвижнической жизни, занимаясь и переводами книгъ на грузинскій языкъ, а въ 1051 г. онъ былъ избранъ настоятелемъ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ. Вскорѣ онъ отказался отъ настоятельства и отправился на Черную гору близъ Антиохіи, здѣсь онъ встрѣтился съ царицей Маріамой, матерью Баграта IV. Опасаясь сельджуковъ, царица не рѣшилась отправиться въ Иерусалимъ и поручила Георгію отъ ея имени доставить влады въ палестинскіе монастыри. Въ Иерусалимѣ Георгій нашелъ Прохоре, занятаго постройкой Крестнаго монастыря. По возвращеніи изъ Иерусалима въ Антиохію, онъ жилъ то въ монастырѣ св. Симеона, то въ Калискомъ монастырѣ. Отсюда, по приглашенію царя Баграта, онъ прибылъ въ Грузію, гдѣ усердно принялся исправлять нравы соотечественниковъ и устраивать школы. Взявъ съ собою 80 мальчиковъ для обученія наукамъ въ Константинополь и на Аѳонѣ, Георгій отправился въ Византію, гдѣ и скончался внезапно въ началѣ второй половины XI вѣка.

Св. Георгій Мтацминдели, получившій названіе отъ св. горы Аѳона, является типичнымъ дѣятеlemъ въ древнегрузинской жизни. Одаренный отъ природы хорошими способностями, приводившими въ изумленіе его близкихъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, онъ безъ усталы работаль на различныхъ общественно-религіозныхъ поприщахъ. Неутомимый и энергичный онъ находится въ непрерывномъ передвиженіи изъ Грузіи въ Антиохію, изъ Антиохіи въ Иерусалимъ, отсюда на Аѳонъ, въ Византію, направляясь обратно по мѣрѣ нужды и необходимости. Онъ то дѣлается аскетомъ, то бросается въ кипучую сферу дѣятельности, являясь строителемъ и правителемъ монастырей, переводчикомъ и редакторомъ церковно-богослуж. книгъ на грузинскомъ языкѣ, учителемъ и обличителемъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ. Разнообразіе его дѣятельности направляется единой и могучей силой—желаніемъ послужить родной землѣ и ея интересамъ. Въ извѣстный моментъ онъ сосредоточиваль свои силы на томъ пунктѣ, который всего болѣе требоваль энергичнаго дѣятеля. Понятно, въ виду сказаннаго, что онъ не могъ взяться за одну какую-либо спеціальную работу—

управленіе лаврой или переводы священнаго писанія. Онъ съ лихорадочной быстротой успѣваль вездѣ побывать, дать указанія, поднять духъ народа и иноковъ. Увлекаясь тѣмъ, что подсказывало назрѣвшее время, онъ оставилъ, при своей подвижной жизни, замѣчательные памятники своихъ литературныхъ занятій. Ему принадлежать до 20 названій переводовъ духовно-нравственныхъ книгъ и житіе первыхъ настоятелей Иверской обители съ обстоятельной ея исторіей. Онъ и Евѳимій немало труда кладутъ на исправленіе переводовъ Вѣтхаго и Новаго Завѣта предшественниковъ—Давида и Стефана, у которыхъ вкрались крупныя ошибки и неточности. По ширинѣ дѣятельности съ Георгіемъ не можетъ сравняться ни одинъ изъ дѣятелей древне-груз. духовныхъ отцевъ и одинъ св. Евѳимій, настоятель Иверской обители превосходить его по количеству переводныхъ работъ. Св. Евѳимій оставилъ намъ 50 церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, но такая литературная плодовитость объясняется ограниченностью сферы его дѣятельности кругомъ иноческихъ добродѣтелей и литературныхъ занятій. Георгіемъ Салтисели, а не Святогорцемъ переведенъ въ X в. „Златоструй“.

Мы говорили о центрахъ книжной дѣятельности и просвѣщенія Грузіи внѣ ея предѣловъ. Въ какихъ же пунктахъ сосредоточивалась образованность грузинъ въ самой странѣ? Отдѣльныя надписи на древнѣйшихъ памятникахъ письменности и отрывочныя извѣстія изъ біографіи грузинскихъ царей и дѣятелей даютъ скудныя указанія на поставленный вопросъ. „Кар.—Цх.“ (лѣтопись) же совершенно умалчиваетъ о внутреннемъ бытѣ грузинъ въ первые вѣка христіанства, и потому приходится довольствоваться свидѣтельствами приписокъ на манускриптахъ и указаніями иностранныхъ писателей о Грузіи.

Прежде всего приходится отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что просвѣщеніе Грузіи въ эпоху отъ VIII до XII в., по преимуществу, процвѣтало въ западной ея части, въ Месхетіи, Имеретіи, Шавшетіи. Въ X в. въ Тбети, вѣроятно, существовала школа при епископской Шавшетской каедрѣ и въ ней-то переписано знаменитое Тбетское четвероевангеліе. Тутъ же былъ составленъ документъ XIII в. о пасхальномъ циклѣ¹⁾ и фоліантъ IX в. изъ Верхней Сванетіи, перевезенный въ Тифлисскую духовную семинарію. О школѣ книжниковъ въ Тбети свидѣтельствуетъ приписка къ названному четвероевангелію. Оно написано въ 995 г. писцами Давидомъ и Архипомъ, въ царствованіе Давида Куропалата, при еп. Іоаннѣ, переплетчикомъ былъ священникъ

¹⁾ Пасхальный циклъ приложенъ еще къ пергаментному псалтырю X в.

Стефанъ и украсилъ его изображеніями евангелистовъ и арками епископъ Самуилъ. Въ библиотекѣ кн. Мингрельскаго открыты нынѣ пѣснописныя X в. (*Жорданія*, ор. с. 93).

Въ Самцхѣ въ XI в. извѣстны монахи Савва Тухарели и Ефремъ Младшій, ученикъ Іоанна Петриція. По просьбѣ Саввы, Ефремъ Младшій переводитъ книги, которыхъ не было на груз. языкѣ: книги Діонисія Ареопага, Исторію Теофилопа, Леванконъ Григорія Богослова и др. Въ селѣ Хахули, въ монастырѣ X в., основанномъ Давидомъ Курополатомъ, возникла религіозная и книжная дѣятельность кружка монаховъ, число которыхъ, по припискѣ къ Толкованіямъ Іоанна Златоуста, доходило до 17. Въ самомъ началѣ XI в. въ той же лаврѣ подвизался архіеп. Іоаннъ Хахулели, прозванный за краснорѣчіе грузинскимъ Златоустомъ. О сочиненіи его противъ монофизитовъ сообщаетъ свѣдѣніе Антоній I католикосъ въ Мѣрномъ словѣ 237—238. Въ этомъ монастырѣ получилъ первоначальное образованіе Георгій Мтацминдели подъ руководствомъ о. Иларіона Тулаели. Есть свѣдѣніе изъ житія св. Георгія, перелагателя свящ. писанія на грузинскій языкъ, что онъ, по возвращеніи изъ путешествія по Востоку, сталъ устраивать школы на родинѣ. Книжная дѣятельность процвѣтала въ Гелати, Пархали, Дручи, Мартвили. Дручское евангеліе 936 г. старѣе списка Георгія Святогорца XI в. Кромѣ двухъ евангелій Ксанскаго и Урбнисскаго, названныхъ раньше, переводу св. Георгія предшествуютъ еще Евангеліе Иверской лавры 913—917 г. и Пархальское евангеліе 973 г., открытое въ селѣ Чалахъ. Въ Дручскомъ же монастырѣ написано житіе Богоматери алфавитомъ IX—X в. Количество памятниковъ, переписанныхъ въ Гелати („Новыя Аѳины“), краснорѣчиво говоритъ о важномъ значеніи его, какъ центра просвѣтительной дѣятельности.

Приписки же къ рукописямъ даютъ основаніе думать, что школы, въ которыхъ переводилось, украшалось и изучалось свящ. писаніе, были раскинуты по всей Грузіи. Въ Джавахетіи извѣстенъ Цкароставскій монастырь, въ которомъ переписано дошедшее до насъ Четвероевангеліе. Въ Бerti (Батумской обл.) Шемокмеди, Опизѣ, Парехи, Шатбери, Анчѣ въ Батумской области при монастыряхъ организовались иноческіе союзы, посвятившіе себя распространенію книгъ въ Грузіи. Сел. Вани, Шемокмеди, Джумати, въ Озургетскомъ уѣздѣ сѣяли сѣмена просвѣщенія по Гуріи; Мартвильскій, Коцхерскій, Хопскій и Моквскій монастыри по Мингреліи; Моцамети, Гелати, Никорцминда, Хони, Кацхи и Мгвиме по Имеретіи; Никозскій, Руйскій, Самтавискій, Шіомгвймскій по Карталиніи; Мцхетскій, Давидо-Гареджійскій, Іоанно-Крестительскій, Хирскій, Самебскій по Кахетіи. Еще въ IX в. образованіе было поставлено настолько широко, что нѣкоторые съ шести

лѣтъ отдавали дѣтей въ школу, организованную по образцу византійскихъ школъ. Извѣстенъ изъ этой школы Николай Чолакаевъ, изучившій нѣсколько языковъ, обладавшій глубокими познаніями въ священномъ писаніи, философіи и исторіи. Въ X в. въ Бетанійскомъ монастырѣ получаетъ первоначальное образованіе Прохоръ, будущій строитель Крестнаго монастыря въ Іерусалимѣ. Въ XI в. въ Кахетіи получаетъ извѣстность школа Арсенія Ивалтоели, у котораго учится знаменитый поэтъ Ш. Руставели.

Итакъ, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, древнѣйшимъ центромъ, гдѣ писаны грузинскіе манускрипты—Крестный монастырь—это лавра св. Саввы въ Іерусалимѣ, сохранившая намъ рукописи VII—X вв.; съ X по XVII в. книжная дѣятельность процвѣтаетъ на Синаѣ, гдѣ писанъ папирусный псалтырь VII в, съ X в. по настоящее время Аѳонъ съ Иверской Портантской лаврой становится средоточіемъ дѣятельности груз. книжниковъ, передавшихъ намъ громадное количество драгоценныхъ памятниковъ. Эти три центра выработали свои особые почерки со всевозможнымъ изяществомъ письма и орнаментаціи. Писцомъ указывается, кто онъ, кто далъ ему поводъ написать, кто и чѣмъ ему помогаль, для какой церкви писалъ, поименована груз. братія и родня писца, указана дата по греческому и грузинскому хроникону, разницу между которыми составляютъ 95 лѣтъ. Упоминаются важные историческіе дѣятели и жертвователи, какъ дѣлаетъ, напр., Синайско-грузинскій синодикъ или *мтотписъ*, перечисляющая имена грузинскихъ царей и царицъ, владѣтелей духовныхъ и свѣтскихъ изъ грузинской исторіи: Дадіаны, Самцхійскіе атабегі, католикосы, настоятели Крестнаго монастыря, паломники во Св. Землю и на Синай.

Въ чемъ заключалось образованіе древняго грузина, объ этомъ можно судить по поэмѣ „Арчиліани“, въ которомъ перечисляются занятія, необходимыя для тогдашняго просвѣщеннаго человѣка: чтеніе и письмо, всеобщая исторія, иностранные языки, переводы иноземныхъ памятниковъ, толкованія, свящ. писаніе, юриспруденція, пѣнитика, математика, дипломатія, гимнастика, фехтованіе. Лишь свѣдѣнія о школахъ XVIII в. дошли до насъ въ подробностяхъ, благодаря трудамъ католика Антонія I и ректора Телавской семинаріи Гаіоза. Образованіе въ тогдашнихъ училищахъ было поставлено по образцу русскихъ и европейскихъ академій—по схоластической системѣ. Извѣстна въ XI в. академія Петрици въ г. Іреми. Католикосъ Антоній I самъ переводитъ и составляетъ учебники по грамматикѣ, логикѣ, философіи, богословію, метафизикѣ, физикѣ. При монастыряхъ и церквяхъ продолжаютъ существовать школы, гдѣ дается элементарное образованіе.

Общій характеръ грузинской образованности остается неизмѣняемымъ въ теченіе всей жизни Грузіи. Религіозное воспитаніе составляетъ основу просвѣщенія грузина. Духовенство остается главнымъ руководителемъ и воспитателемъ юношества; въ монастыряхъ сосредоточивается книжная дѣятельность. Связь Грузіи съ Византіей и Аеономъ способствуетъ усилению религіознаго направленія въ учебной части и литературныхъ занятіяхъ. Питаясь, такъ сказать, въ монастырскихъ стѣнахъ, подъ вліяніемъ иноковъ, грузинскія школы явились вѣрными оруженосцами своихъ кормильцевъ, служили проведенію въ народную массу любви и христіанской религіи, и эта любовь, слившаяся въ понятіи народа съ любовью къ родинѣ, спасла Грузію отъ поглощенія мусульманскими народами. Крестъ Христа сталъ, такимъ образомъ, національнымъ знаменемъ грузинъ, пробуждавшимъ въ нихъ сознаніе единства и стойкости противъ тяжелыхъ ударовъ жестокой судьбы.

Наиболѣе обширный отдѣлъ духовной литературы, характеризующій умственные интересы народа, составляютъ апокрифы и тѣ произведенія устной словесности, которыя образовались подъ вліяніемъ письменности: легенды и духовные стихи.

І. А П О К Р И Ф Ы.

Апокрифы (тайныя, сокровенныя книги) заключаютъ въ себѣ рассказы, восполняющіе вымыслами фантазіи пробѣлы въ событіяхъ изъ священнаго писанія. Начало многихъ апокрифовъ заключается еще въ іудейскихъ преданіяхъ, впоследствии записанныхъ и внесенныхъ въ христіанскія книги. Апокрифическія книги вначалѣ не преслѣдовались христіанскою церковью, но когда еретики стали пользоваться ими для распространенія своего ученія, то онѣ подверглись осужденію и внесенію въ индексъ или списокъ запрещенныхъ книгъ наряду съ еретическими сочиненіями. Въ Грузію апокрифы перешли съ первыхъ вѣковъ ея просвѣщенія христіанствомъ изъ Греціи, а впоследствии нѣсколько отреченныхъ сочиненій было переведено на грузинскій языкъ съ армянскаго, восходящихъ къ греческому оригиналу. Насколько рано распространились апокрифы въ Грузіи, можемъ судить изъ письма Евѳимія ¹⁾ къ иноку Георгію, помѣщеннаго въ манускриптѣ XI—XII в. Книги, — говоритъ онъ, — которыхъ не признаетъ Церковь, суть тѣ, которыя написаны еретиками. Еретикъ Оригенъ написалъ много книгъ, которыя отвергаетъ Церковь. Евсевій Памфилъ оставилъ книгу, въ которой помѣстилъ еретическія мысли, и потому

¹⁾ Евѳимій скончался въ 1028 г. *Вахушти*, Исторія Грузіи, стр. 151.

Церковь не признаетъ ея. Эту книгу *издревле* перевели на грузинскій языкъ и далеко раньше отца моего (Іоанна) и спрашивалъ епископъ Стефанъ, возможно ли ее принять. Въ книгѣ этой много хорошаго, но зато много и плевелъ, и потому отвергается Церковью. *Обращеніе Антиохіи*, известное подъ именемъ Абукурова, не можетъ быть принято, такъ какъ явна тамъ ересь. Есть также *Жизнь Адама, Дѣтство Христа (Господа)*, но также не допускаются. Житія свв. апостоловъ также въ нѣкоторыхъ книгахъ искажены. Есть *мученическая кончина св. Георгія* достовѣрная и другія житія, сообщающія о дѣяніяхъ его, не признаваемыхъ Церковью. Избѣненіе обращенныхъ и мучениковъ намѣренно искажалъ проклятый Ивлианъ (Юліанъ). Чтобы все подвергнуть сомнѣнію, достовѣрное даже считаютъ за невѣроятное ¹⁾.

Приведенный отрывокъ изъ письма Евѳимія заключаетъ первыя указанія объ апокрифахъ, вошедшихъ въ предѣлы Грузіи. Въ настоящее время намъ известны упомянутые въ немъ отреченные памятники: Жизнь Адама, Дѣтство Христа, Мученія св. Георгія. — Грузинскіе апокрифы впервые издаются мною. Число ихъ весьма значительное, но они таятся или въ бібліотекахъ церковнаго музея и Общества распространенія грузинской грамотности, или же въ частныхъ и монастырскихъ книгохранилищахъ. Обратимся къ ветхозавѣтнымъ апокрифамъ.

Убіиство Каиномъ Авеля ²⁾.

Сказанія о Каинѣ, Авелѣ и Сноѣ разсмотрѣны у *Порфирьева* въ изслѣдованіи „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“. Каинъ убиваетъ брата по паученію дьявола. Адамъ и Ева плакали надъ тѣломъ Авеля 30 лѣтъ и не знали, какъ его похоронить. Этому научили ихъ двѣ горлицы. Въ грузинскомъ апокрифѣ нѣтъ указанія, какъ похоронили Авеля, послѣ того какъ земля выбросила его трупъ. Подобный разсказъ встрѣчается въ Іудейскихъ книгахъ. Фабрицій въ своемъ Сборникѣ приводитъ изъ сочиненія Pirke R. Eliaser *Главы Раваина Eliaser* слѣд. сказаніе о погребеніи Авеля: Considerant autem Adam et uxor ejus flentes et ludentes propter eum et nesciebant, quid faciendum esset Abeli, quia non assueti erant sepulturae: venit autem illuc corvus quidam atque sumpsit quendam e sociis suis, quem in terra defodit et abscondidit coram illorum oculis. Dixit Adam: uti corvus iste, sic quoque faciam. Illico sumpsit cadaver Abelis, defodit interra atque abscondidit. Во-

¹⁾ *Бакрадзе*, Исторія Грузіи, стр. 260—1 (Тифльсъ, 1889).

²⁾ Рукопись общества распространенія грамотности, переписана въ 1864 г. „Мхедрули“ (гражд. буквы); переводъ сдѣланъ, вѣроятно, съ армянскаго.

ронъ и ворона въ грузинскомъ апокрифѣ упоминаются по другому поводу: въ ихъ образѣ явились дьяволы и научили Каина убить Авеля.¹⁾ Убийство Каиномъ Авеля посредствомъ камня у *Порфирьева*—стр. 106. Сюжетъ о погребеніи Авеля по указанію воронъ, прилетѣвшихъ къ Адаму, который не зналъ, что дѣлать съ трупомъ, находимъ въ груз. разсказѣ „Дѣвица и юноша“ (см. дальше): „прилетѣли двѣ вороны; одна изъ нихъ заклывала другую и закопала въ землю. Адамъ увидѣлъ это и поступилъ по примѣру вороны: выкопалъ яму и похоронилъ Авеля“. Содержаніе груз. апокрифа: Адамъ, наставляя дѣтей своихъ, говорилъ, что по его изгнаніи изъ рая, Господь сжалился надъ нимъ и подчинилъ ему всѣхъ животныхъ, впрягалъ быка въ ярмо и, научивъ имъ пахать землю, велѣлъ изъ урожая жертвовать извѣстную долю Богу. Такъ велѣлъ и Адамъ поступать своимъ дѣтямъ. Каину исполнилось 50 лѣтъ, а Авелю 20 лѣтъ, старшій братъ былъ земледѣлецъ, а младшій пастухъ овецъ. Адамъ велѣлъ десятую часть всего жертвовать Богу. Абель выбралъ одного лучшаго первенца жирнаго ягненка для жертвы Богу, но ждалъ, когда Каинъ получитъ урожай, чтобы вмѣстѣ принести жертву. Вотъ сжалъ, смолотилъ и провѣялъ хлѣбъ Каинъ и, потоптанные ногами колосья, собравъ въ снопъ крошечный, пожертвовалъ Богу. Абель уже привелъ своего лучшаго ягненка и просилъ Каина, какъ старшаго брата, первому принести жертву. Сталъ Каинъ молиться, говоря: „О, Ты Господи Боже, Творецъ всѣхъ тварей, вотъ потомъ и трудомъ добытое припнесъ Тебѣ Твою долю. Прими сію мою жертву и да будетъ воля Твоя!“ Разгнѣвался Господь, послалъ надъ Каиномъ при громѣ черное облако, изъ котораго подулъ сильный вѣтеръ, и онъ принесенные имъ колосья развѣялъ, а лицо самого Каина почернѣло, какъ уголь. Потомъ Абель принесъ своего первенца барана, воздѣлъ руки и произнесъ: „Господи Боже вселенной, молю Тебя принять сію жертву, долю изъ дарованной Тобою милости!“ Снизшелъ свѣтъ съ небесъ, и въ вѣяніи тихаго вѣтерка былъ слышенъ голосъ, что жертва и молитва приняты, и свѣтъ въ видѣ облака сталъ надъ Авелемъ.

Каинъ тогда возымѣлъ намѣреніе убить брата въ то время, когда челоукоубійство не было еще извѣстно на землѣ. Разъ Каинъ предложилъ Авелю идти съ нимъ въ поле: здѣсь онъ началъ съ нимъ играть и бороться, но каждый разъ побѣжденнымъ оставался Каинъ. Тогда онъ выдумалъ игру — связывать другъ друга прутьями изъ дикаго винограда; первый онъ связалъ виноградной лозой руки и ноги Авеля. Послѣдній только теперь понялъ злой умыселъ брата: сталъ плакать и, умоляя отпустить его, обѣщалъ быть его покорнымъ и любящимъ

¹⁾ Ср. греч. Πόθεν ἔμαθεν Κάιν φωνεῖσαι τὸν Ἀβελ; 'οδίαβόλος αὐτῷ καὶ ὄνορ ὑπέδειξεν ποίφ θανάτωσαι αὐτόν. *Мочульскій*. Слѣды народной библии, 81—2.

братомъ. Въ то время, какъ Каинъ размышлялъ, чѣмъ убить брата, показались два дьявола въ образѣ воронъ: одна изъ нихъ взяла остроконечный камень и убила другую. Каинъ этимъ же камнемъ сталъ тщетно водить по шеѣ брата, просящаго у него послѣдній разъ поцѣловать родныхъ, такъ много заботившихся о немъ. Каинъ не слушалъ и, наконецъ, когда съ трудомъ удалось заколоть брата, отправился съ радостью домой. По дорогѣ явился ему Господь (въ 50? ростомъ) и спросилъ Каина: гдѣ братъ твой Абель? Каинъ отвѣтилъ: „Развѣ Ты поручилъ мнѣ его беречь, что теперь отъ меня его требуешь, развѣ я сторожъ его?“ Господь такъ милостиво спрашивалъ его, чтобы вызвать въ немъ раскаяніе. Въ виду того, что онъ не раскаялся, то Господь его наказалъ семью проклятіями: 1) выросъ у него на лбу рогъ, который оглашалъ окрестности: Каинъ братоубійца; 2) онъ не могъ положить въ ротъ хлѣба, такъ какъ у него руки тряслись и хлѣбъ выпадалъ въ грязь; 4) потерялъ навѣки сонъ; 5) онѣмѣлъ и объяснялся жестами; 6) ходилъ всегда съ плачемъ; 7) онъ не долженъ былъ умереть, и на того перешло бы проклятіе, кто его убилъ бы. Жилъ Каинъ 860 лѣтъ, искалъ онъ смерти и не находилъ. Въ это время Ламекъ ходилъ на охоту, и Каинъ въ отчаяніи въ барсовой кожѣ легъ по дорогѣ ему, и Ламекъ убилъ его, какъ звѣря. Рогъ и всѣ проклятія перешли къ Ламеку, но благочестивая его жена кровными слезами выпросила прощенія мужу у Господа. Смерть Каина по палейному разсказу также объясняется убійствомъ его *слѣтымъ* Ламехомъ; послѣдній личнымъ покаяніемъ, а не „кровными слезами жены“, какъ въ груз. апокрифѣ, удостоился прощенія у Господа. Этотъ разсказъ заимствованъ, по мнѣнію Порфирьева, изъ Іудейской книги Яшаръ.

Адамъ и Ева, узнавъ о смерти Авеля, стали громко плакать, принесли трупъ для погребенія, но земля выбросила его, (Ср. *Порфирьевъ*, 44 „земля не принимала до смерти Адама“) и теченіе крови не остановилось; онъ не измѣнился въ лицѣ, не издавалъ смрада и не обратился въ землю, такъ какъ, по повелѣнію Господа, первый долженъ былъ перейти въ прахъ Адамъ, а потомъ его потомки. Адамъ и Ева, видя окровавленный трупъ сына на поверхности земли, стали горько плакать и прикасаться другъ къ другу перестали. Сжалился Господь и послалъ Ангела возвѣстить о рожденіи Сеты (Сива), который доставитъ имъ радость. Въ концѣ апокрифа подаются житейскіе совѣты: кто не пожалѣетъ средствъ для нищихъ и Церкви, тотъ удостоится участи Авеля, получившаго милость Божью, а кто ихъ пожалѣетъ, или пожертвуетъ бесполезную вещь, какъ Каинъ, тотъ раздѣлитъ судьбу его. Таковы, напримѣръ, тѣ, которые кладутъ на тарелку священнику фальшивыя монеты, или злословно судящій другихъ уже убиваетъ брата своего

словомъ, какъ Каинъ убилъ острымъ камнемъ Авеля, заслуживая этимъ поступкомъ бѣльшаго наказанія, чѣмъ первый убійца, такъ какъ онъ не зналъ послѣдствій своего дѣянія. Конецъ этотъ свидѣтельствуешь о томъ, что апокрифы распространяли, быть можетъ, сами духовныя лица въ цѣляхъ нравственнаго воспитанія народа и не безъ корыстныхъ видовъ.

Благовѣщеніе ангела о рожденіи Сеты (Сива), построение Ноемъ ковчега и потопъ.¹⁾

Адамъ смертью Авеля былъ очень опечаленъ, и для утѣшенія его Господь послалъ ангела возвѣстить о дарованіи ему сына Сеты, чѣмъ значить радостный. Адамъ, опасаясь испытать новое горе, не желалъ приближаться къ жепѣ своей, но Господь возвѣстилъ, что онъ вдвойнѣ будетъ вознагражденъ за перенесенныя муки: размножится сѣмя Сеты по лицу земли, но потомки его не должны сблизжаться съ поколѣніемъ Каина. У Адама и Евы появилось 24 сына и 440 дочерей. Каинъ былъ уже женатъ за 250 лѣтъ до рожденія Сеты, а Авель 25 лѣтъ умеръ неженатымъ. Благочестивые потомки Сеты держались въ сторонѣ отъ поколѣній Каина. Внукъ Адама, Енохъ, спросилъ однажды его, почему онъ и Ева постоянно плачутъ. Они рассказали ему исторію изгнанія изъ рая, вкушеніе плода. Енохъ успокоивалъ ихъ, говоря, что онъ возмѣститъ имъ всю потерю. Онъ отказался отъ женитьбы, развелъ прекрасный садъ и всѣмъ проходящимъ далъ право пользоваться плодами его; самъ же надѣлъ желѣзную шапку, закрывъ ею глаза, чтобы плоды не склонили его къ соблазну. За такой подвигъ Господь его тѣлесно возвелъ въ рай. По его примѣру многіе изъ потомковъ Сеты бросили родныхъ, семью и въ числѣ 400 удалились въ горы для поста и молитвы. Сѣмя же Каина сильно размножилось, причемъ одинъ мужчина приходился на сто женщинъ. Женщины изъ за мужчинъ ссорились и отнимали ихъ другъ у друга. Когда же стали ощущать крайній недостатокъ въ мужчинахъ, женщины прибѣгли къ хитрости: сдѣлали флейту и скрипку, раскрасили лицо косметическими средствами, поднялись на гору, заиграли, запѣли и затанцовали. Этимъ путемъ соблазнили тамъ молящихся мужчинъ, и только одинъ Ной воздержался. Вотъ почему трижды грѣшно, если женщина мажется, ибо она не довольствуется образомъ, дарованнымъ ей Богомъ.

Господь разгнѣвался и за грѣхи, содѣянные женами изъ племени Каина, вознамѣрился истребить людей. По повелѣнію Господа явился ангелъ Ною и приказалъ ему жениться, чтобы послѣ потопа люди размножились изъ его сѣмени. Ной отказывался, говоря, что ему въ возрастѣ 500 лѣтъ поздно жениться, но ангелъ возвѣстилъ, что онъ

¹⁾ Изъ той же рукописи „Общества распротр. груз. грамотности“.

проживетъ еще 400 лѣтъ и, предложивъ взять въ жены женщину Немзасу изъ племени Сеты, велѣлъ приготовить ковчегъ 150 (?) въ длину и 50 въ ширину, съ тремя отдѣленіями. Ной женился и приступилъ къ заготовленію ковчега, при чемъ послѣдній при каждомъ прикосновеніи пилы и топорика издавалъ звукъ: „будетъ потопъ!“ Люди осмѣивали Ноя, а онъ непрерывно работалъ 80^{1/2} лѣтъ. Въ теченіе этого времени у него родились три сына — Симъ, Хамъ и Іафетъ. Ангелъ велѣлъ ихъ женить на дѣвахъ Ханаханъ, Зармаханъ, Перикмаханъ изъ племени Сеты и взойти въ ковчегъ, въ виду предстоящаго потопа. Ной просить дать ему срокъ для проповѣди среди народа. Господь далъ ему 20 лѣтъ. Но люди не раскаялись, а осмѣивали его, говоря, что онъ не радъ тщетной работѣ по построению ковчега и спрашивали его, не хочетъ ли онъ продать имъ матеріалъ ковчега. По истеченіи 20 лѣтъ, Ной просилъ еще 7 дней; онъ сталъ ударять двѣ доски другъ о друга, которыя издавали звуки: „бѣгите въ ковчегъ, ибо приблизился потопъ!“ пришли съ воємъ птицы и звѣри, предчувствуя гибель. Господь велѣлъ взять чистыхъ птицъ по двѣ, а звѣрей по семи, первыхъ размѣстить въ верхнемъ отдѣленіи ковчега, а вторыхъ въ нижнемъ, самъ же Ной съ дѣтьми остался въ среднемъ отдѣленіи. На седьмой день онъ смазалъ двери ковчега дегтемъ, чтобы вода не проникла вовнутрь. Шелъ дождь 40 дней, вода выступила изъ береговъ и потопила все. Ковчегъ остановился черезъ годъ на Эчмиадзинской горѣ, называемой Масисъ¹⁾. Первый разъ Ной выпустилъ ворона, который не вернулся, оставшись на трупахъ, черезъ 7 дней отпустилъ голубя, который принесъ ему цвѣтокъ. Ной открылъ окно и, увидѣвъ вершины горъ сухими, выпустилъ птицъ, а черезъ три мѣсяца и самъ вышелъ. Онъ принесъ Богу жертву, прося не губить міра потопомъ. Господь показалъ на радугу, какъ условный знакъ того, что милость Божья снизошла на людей. И велѣлъ Господь построить деревню Акура²⁾, которая и нынѣ есть, а

¹⁾ Грузины различали землю Араратскую и Масиса. *Histoire de la Géorgie* I, 16 „la terre d'Ararat et Masis“. По-армянски Араратъ носитъ названіе Masik, форма множ. числа отъ Masi. Армяне равнину вокругъ горы Масиса называли Айраратскимъ полемъ, а область же Арарата они знали къ югу отъ Ванскаго озера, на югѣ Арменіи. Айраратъ-долина Аракса, а Араратъ—Uragtu ассирійскихъ надписей и область алародійцевъ по Геродоту. О названіи Арарата см. *Vivien Saint Martin. Recherches sur quelque popul. du Caucase*, p. 3, 81; *Мою работу „Древн. предѣлы населенія грузинъ“*, 50.

²⁾ Акури—деревня въ Тифлисска. губ., Телавскаго уѣзда, есть еще Акуринскъ въ Карсской области, въ Ольшинскомъ округѣ. „Сводъ статистич. данныхъ

потомъ пошли къ Нахчевани. Ной прожилъ еще 300 лѣтъ, и родилось у него два сына. Послѣ этого онъ умеръ и погребенъ близъ Нахчевани, гдѣ и нынѣ его могила, а могила его жены въ Марандѣ¹⁾, близъ Нахчевани. Отъ нихъ размножился мѣрь. (О Ноѣ и Сноѣ у *Порфирьева*, ор. с., 106, 108, 248).

Господи, даруй намъ милость!

Соломонъ и Китоврасъ.

Сказанія о Соломонѣ и его мудрости извѣстны и на Западѣ, и на Востокѣ, присоединяя къ его имени такіе мѣны, которые развивали основную тему въ связи съ народной поэзіей. Въ англо-саксонскихъ діалогахъ Соломона и Сатурна и въ славянской статьѣ о Соломонѣ и Китоврасѣ имѣется обмѣнъ загадокъ и мудрыхъ вопросовъ, носящій характеръ взаимнаго испытанія въ знаніи. Въ средневѣковой нѣмецкой литературѣ было распространено произведеніе, заключавшее исторію Соломона и Моральфа или Маркольфа. Грузинское сказаніе объ увозѣ жены Соломона Островитяниномъ соответствуетъ палейному разсказу, по которому Китоврасъ является царемъ: днемъ онъ царствуетъ надъ людьми, ночью надъ звѣрями, при чемъ самъ обращается въ звѣря Китовраса, т. е. въ Кентавра. Онъ похищаетъ жену Соломона, который является передѣтымъ въ Китоврасово царство, здѣсь онъ открытъ и обреченъ на казнь, но успѣваетъ спасти себя, предавъ смерти Китовраса и его пособницу, свою невѣрную жену. Похитителемъ жены Соломона, по второму нѣмецкому сказанію, является король Рнаго, т. е. Поръ, а Морельтъ, соответствующій по первой нѣмецкой поэмѣ Китоврасу Палей, является пособникомъ Соломона. Разбирая генезисъ сказанія Фогтъ и Веселовскій²⁾ исходятъ изъ талмудической легенды объ Асмодеѣ (=Китоврасѣ). Это сказаніе распадается на два эпизода: 1, поимка Асмодея. Его разговоры съ Бенаей и Соломономъ и 2, сверженіе Соломона демономъ. Грузинское сказаніе не подходитъ подъ тѣ схемы, которыя устанавливаетъ акад. Веселовскій. Нѣкоторую связь можно уловить, однако, между вторымъ типомъ объ увозѣ Соломоновой жены и грузинской версіей: Соломонъ самъ

о населеніи Закавказскаго края, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ 1886 года". Тифлисъ, 1893 г. Названные въ апокрифѣ географическіе термины указываютъ на его армянскую передѣлку.

¹⁾ Маранды въ Нахчеванск. уѣздѣ не имѣется, есть одна деревня тамъ, названіе которой звучитъ не особенно близко къ Марандѣ именно, *Мараликъ*.

²⁾ *Веселовскій*. Разысканія въ области рус. дух. стиха V, 73, 59.

похищаетъ жену,—обратный увозъ представлялся отместкой, *похититель былъ раньше знакомъ съ Соломоновой женой*¹⁾.

Трехъ путниковъ застигла ночь—гласитъ грузинская рукопись—и они остановились на берегу рѣки. Во имя Бога закинули они въ воду рыболовную сѣть и вытащили три рыбки, изрѣзали ихъ на мельчайшіе куски, положили въ котель, развели огонь и начали варить. Когда рыба сварилась и котель былъ снятъ съ огня, Соломонъ мудрый (путники были премудрый Соломонъ, его жена царица и визирь) повелъ такую рѣчь: „меня называютъ всѣ опорой мудрости, палатой ума, но я недоумѣваю, когда вспомню сонъ, который я видѣлъ прошлою ночью. Чудилось мнѣ, что на моемъ ложѣ спитъ какой-то человѣкъ; въ головахъ у него росла яблоня, въ ногахъ такая же, по болѣе первой обремененная яблоками. Если это правда, то пусть оживетъ одна изъ пойманныхъ нами рыбъ, въ подтвержденіе моего видѣнія“. И о диво дивное! вода въ котлѣ зашумѣла, мгновенно выскочила оттуда рыбка и исчезла въ рѣбѣ. Соломонъ-мудрый кончилъ свою рѣчь, и очередь дошла до служителя. Ставъ на колѣни передъ своимъ владыкой, визирь началъ говорить ему: „ты меня взростилъ, вывелъ въ люди, облагодѣтельствовалъ, такъ что я до сихъ поръ не извѣдалъ ни разу чернаго дня; но какой-то вѣщій помыслъ неотступно твердитъ мнѣ о твоемъ убійствѣ, чую, что кто-то угрожаетъ твоему счастью; если мое предчувствіе справедливо, то одна изъ двухъ сваренныхъ рыбъ да возвратится къ жизни и послѣдуетъ за своей подругой, ожившей по твоему слову“.—Такъ и сбылось, рыбка ожила и погрузилась въ свою стихію; въ котлѣ оставалась одна рыбка. Въ это время солнце-подобной царицѣ, вдругъ ни съ того ни съ сего, сдѣлалось дурно, она упала въ обморокъ, около нея засуетились, начали тереть ей грудь розовою водою. Она мало по малу пришла въ себя и на вопросъ царя—кто посягаетъ на его жизнь? отвѣчала: „ты воленъ тотчасъ же умертвить меня, я измѣнила тебѣ и ты, мудрѣйшій изъ мудрыхъ, до сихъ поръ ничего не зналъ о моей невѣрности; двѣнадцать лѣтъ, какъ я люблю царя острововъ Кундзулели; справедливость этого подтвердитъ даже рыбка безгласная.—И дѣйствительно послѣдняя рыбка выпрыгнула вонъ, и котель опустѣлъ. „Позвать ко мнѣ Кундзулели—Островитянина, моурова (предводителя) бѣсовъ,“ загремѣлъ Соломонъ—и въ мгновеніе ока Кундзулели очутился передъ нимъ.

— Я повѣдаю тебѣ слово,—молвилъ ему премудрый,—которое будетъ тебѣ по сердцу; у меня есть одинъ мѣдный кувшинъ, если возь-

¹⁾ *Веселовскій*. Ор. cit., стр. 102.

мешся наполнить его своими подданными, то выигрешь царицу". Предложеніе это привело Островитянина въ восхищеніе, тогда же онъ созвалъ своихъ людей всѣхъ до одного. Три дня и три ночи лился въ дивный кувшинъ потокъ людей, и все таки кувшинъ не наполнился до горлышка. Подъвай уже и ты, сказалъ Соломонъ Островитянину, за тобой кстаті послѣдуетъ и выигранная тобою царица—твоя любовница. Только что лукавый опустился въ кувшинъ, какъ захлопнули крышку, и Соломонъ приложилъ къ ней свою печать; сосудъ былъ накрѣпко закупоренъ, окованъ крестообразно и брошенъ въ самую глубь моря. Съ тѣхъ поръ не стало нечистой силы, прошло пятнадцать вѣковъ и о духахъ въ поминѣ не было. Но не навсегда земля оставалась свободною отъ злыхъ духовъ. Какими то судьбами рыболовы вытаскивали изъ моря роковой кувшинъ и, думая найти въ немъ кладъ на весь міръ, разбили его. И, увы! тма тмуца злыхъ духовъ хлынули изъ него бурнымъ потокомъ, тѣ, которые попадали при такой суматохѣ въ воду, сдѣлались обладателями этой стихіи, т. е. водяными, инымъ удалось достигнуть лѣса и водвориться въ немъ, отчего произошли лѣшіе; другіе устремились въ долины, ущелья, въ горы, въ пещеры, въ пропасти, въ мельницы и основались тамъ. Такимъ образомъ злые духи наводнили землю и утвердились на ней...

Сказаніе (устное) о Соломонѣ и Китоврасѣ въ стихотворной формѣ записано въ трехъ вариантахъ: въ Карталиннѣ въ горійскомъ уѣздѣ тифлис. г. въ сел. Кодисъ-Цкаро со словъ Наники Гвинадзе („Иверія“, 1891 № 85), въ Кахетинѣ, въ сел. Кодало сигнахск. у., тифлис. г. Аполлономъ Годердзашвили („Иверія 1888, № 92) и мною въ г. Кизлярѣ Терской области („Театръ“, 1888 г., іюль). Эти три варианта сходны въ сюжетѣ, но различны въ деталяхъ. Кахетинскій вариантъ передаетъ, что Богъ проклялъ рыболова, послѣ того какъ онъ вытащилъ въ своихъ сѣтяхъ кувшинъ съ демонами, отбилъ горлышко и выпустилъ ихъ на волю. Въ карталинскомъ вариантѣ сказаніе начинается съ того, что три неизвѣстныхъ путника—царь, царица и визирь остановились на берегу рѣки (моря кахетин. вар.) и при нихъ рыболовъ закинулъ сѣти, а не сами путники, какъ повѣствуетъ кахет. вариантъ. По варианту, записанному мною, шли три путника держа въ рукахъ золотой мечъ, освѣщающій темную ночь. Всѣ три варианта согласно передаютъ „Слово“ Соломона: „Сооружу плугъ изъ воска, запряженный парой дѣвовъ. На морѣ вспашу, посею, рыбъ ловить буду на сушѣ; смолочу гумно на льду я, въ омутъ сброшу всю солому; муравей мой грузъ подниметъ, соколъ понесетъ багажъ; буйволъ ѣсть со-

лону станетъ, а верблюды птенца ловить. Если слово это вѣрно, то оживетъ одна изъ рыбъ“.

Въ связи съ приведеннымъ сказаніемъ о Соломонѣ и разсѣяннѣ по міру демоновъ, находится Повѣсть о мѣдномъ городѣ и преданіе о Соломонѣ и Александрѣ Македонскомъ. Изложенный сюжетъ легенды о Соломонѣ не находится въ связи съ цикломъ сказаній о царѣ Соломонѣ¹⁾. Она, по характеру своему, напоминаетъ находчивые отвѣты, данные ветхозавѣтнымъ мудрецомъ царицѣ южичской. Хитрое заключеніе демоновъ съ ихъ главой въ мѣдный кувшинъ представляетъ одинъ изъ видовъ суда и расправы царя Соломона.

Въ связи съ сказаніями о Соломонѣ находятся лѣчебныя средства, предлагаемая въ „Карабадини“. Соломонъ по этимъ свѣдѣніямъ является съ помощью „печати“ („бетчеди“—annulum, *δακτυλίδιον*) повелителемъ демоновъ или дэви, которыя открываютъ передъ мудрымъ царемъ свою зловредную силу и средства противъ нея²⁾. Демоны (дэви) представлены чудовищами, обладающими получеловѣческой и полуживотной организаціей. Такъ, первый демонъ, по имени Тутго, длиною въ 60 арш. имѣетъ одну голову съ однимъ глазомъ, другую собачью голову, [*Κύων Ραβδος*; является Соломону въ его Testamentum-ѣ, *Migne*, 1838] подъ ногой съ однимъ глазомъ, двѣ ноги слона, двѣ руки человѣка. Онъ является людямъ во снѣ, пугаетъ ихъ и отъ страха передъ нимъ человѣкъ рветъ на себѣ платье и кусаетъ руки. На вопросъ Соломона, какое же лѣченіе дѣйствительно противъ такой силы дэви, послѣдній предлагаетъ написать имена на бумагѣ, смазать чары посредствомъ свѣчи и опустить въ воду, которую нужно давать пить больному съ яичнымъ желткомъ. Чары же слѣд.: Забнусъ, усапъ, Эпсасъ, усапъ, Эпамекъ, усапъ, Эалалпапъ, агсака. Другой дэви, по имени Драмаги съ свиной головой и коровьими ногами, по признанію своему, предъ Соломономъ пребываетъ у домашняго очага и у роженецъ, стараясь лишить ихъ плода. Онъ предлагаетъ для противодѣй-

¹⁾ *Пятинъ*. Очеркъ лит. ист. стар. повѣстей и сказокъ, стр. 104 и сл. *Веселовскій*. Соломонъ и Китоврасъ. *Тигонравовъ*. Суды царя Соломона, Соломонъ и Китоврасъ въ „Памятникахъ отречен. рус. литер“. т. I, 254—273. См. еще о Соломонѣ и Китоврасѣ газ. „Кавказъ“ 1854, № 28. „Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа, вып. XVII, ст. *Джанашвили*, стр. 171.

²⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ рукописнаго *Карабадини*. Существуетъ въ грузинской письменности памятникъ „Языкъ цвѣтовъ“, въ которомъ сообщаются, какіе цвѣты какою цѣлебной силой обладаютъ и чѣмъ могутъ служить смертнымъ. *Иверія*, 1894, 47.

ствія написать на бумагѣ нижеприведенныя имена, бросить ее въ воду и выпить послѣднюю съ волчьей желчью. Женщина послѣ такого лѣченія возымѣетъ плодъ. Имена суть: Эай, бари, кутуть, вадхви, парпъ. Ср. изъ Testamentum'a εις χάρτην ἐπιγράψη τοῦτα τὰ ὀνόματα τῶν ἀγγέλων Ιαεὼ, Ιεαλῶ, Ιωελῆτ, Σαβάωθ, Ιθοθ, βαε. *Migne, 1344.*

Третій дэви—Фишти съ ослиной головой овладѣваетъ дѣтьми, покрывая ихъ отъ своего дыханія желтымъ цвѣтомъ. Самъ же предлагаеть Соломону противоядіе.

Пятый дэви—Галанось съ змѣей во рту, съ верблюжьими руками, коровьими ногами, многочисленными глазами, ослабляя организмы людей и выпуская у нихъ кровь изъ носу. Сверхъ обычныхъ внутреннихъ пріемовъ лѣкарства, онъ предлагаеть противъ своей силы повѣсить на одномъ плечѣ чары.

Шестой дэви—Леной двуглавій съ кошачьей головой и человѣческими ногами безъ рукъ представляется людямъ, выходящимъ изъ дому, пугаетъ ихъ и вгоняетъ въ лихорадку.

Седьмой дэви—Мошаръ въ человѣческомъ образѣ съ двумя змѣями на рукахъ вселяетъ болѣзни въ различныя части человѣческаго организма.

Восьмой дэви—лъ образѣ козы съ свиной головой побуждаеть людей заниматься развратомъ.

Девятый дэви—съ собачьей головой, съ коровьими ногами вселяетъ ревматизмъ.

Десятый дэви—Катіаръ живетъ подъ людскою постелью и отнимаетъ своимъ явленіемъ разумъ. Противъ всѣхъ этихъ вредныхъ вліяній демоновъ ими же предлагаются мѣры лѣченія съ соответствующими чарамп. Въ груз. памятникѣ нѣтъ демоновъ, упомянутыхъ въ Testamentum Solomonis ¹⁾: 'Ορνίας, Βεελλζεβούλ, 'Ονοσκελίδα, 'Ασμο-

¹⁾ Testamentum Solomonis filii David, qui regnavit in Ierusalem et ditoni suae et imperio subiecit omnes aërios, terrenos et subterraneos spiritus per quos et omnia opera templi supereminetia fecit; quae potestates eorum in homines et quorum angelorum ore ipsi daemones impotentes redduntur patefaciens. Sapientis Sol. Ср. Διαθήκη Σολομώντος οἰοῦ Δάνιδ, ὅς ἐβασίλευσεν ἐν Ἱερουσαλήμ καὶ καταχθονίων πνευμάτων δι' ὧν καὶ πάντα τὰ ἔργα τοῦ ναοῦ τὰ ὑπερβάλλοντα πεποίηκεν καὶ τίνες αἱ ἐξουσίαι αὐτῶν κατὰ ἀνθρώπων. καὶ παρὰ ποίων ἀγγέλων οὗτοι οἱ δαίμονες καταρχοῦνται. Τοῦ σοφοῦ Σολομώντος. Начиается словами: Benedictus es, Domine Deus, qui dedisti Solomoni telem potentiam: tibi gloria et virtus in saecula. Amen. Ср. Εὐλογητός εἶ, κύριε ὁ Θεός, ὁ θεός τῆ Σολομώντι τοιαύτην ἐξουσίαν σοὶ δόξα καὶ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας. 'Αμήν. *Migne. Patrologiae, t. CXXII, 1315—1338.*

δαίος и др. Характеръ бесѣды Соломона съ демонами аналогичный съ груз. памятникомъ. 'Εγὼ Σολομῶν ἔφην πρὸς αὐτὸν λέγων Βεελλζεβούλ, τίς ἐστὶν ἡ πράξις σου. 'Οδὲ λέγει, 'Εγὼ βασιλεὺς ἀπολωῶ συμμαχῶ μετὰ ἀλλοφύλων τυφάνων καὶ τοὺς ἀνθρώπους, ἵνα εἰς αὐτοὺς πιστεύωσιν καὶ ἀπόλωνται καὶ τοὺς ἐκλεκτοὺς δούλους τοῦ Θεοῦ ἢ ἱεφεῖς καὶ πιστοὺς ἀνθρώπους εἰς ἐπιθυμίας ἀμαρτιῶν πονηρῶν καὶ αἰρέσεων κακῶν καὶ ἔργων παρανόμων διεγείρω καὶ ὑπακούουσί μου καὶ εἰς ἀπωλειαν φέρω αὐτοὺς καὶ φθόνους καὶ φόνους, καὶ πολέμους (*Migne, 1324*). Извлеченный нами отрывокъ представляеть незначительную часть той рукописи, которую мы видѣли въ г. Гори. Точки соприкосновения между грузинской рукописью и Testamentum-омъ можно указать, но считать ихъ въ близкомъ родствѣ, по крайней мѣрѣ, по приведенному отрывку представляется невозможнымъ.

Дѣвица и юноша ¹⁾.

Повѣсть объ юношѣ и дѣвицѣ представляеть изъ себя памятникъ, принадлежащій къ группѣ Бесѣды трехъ святителей.

У однихъ богатыхъ родителей былъ сынъ, на образованіе котораго истратили все свое состояніе. Для поправленія разстроенныхъ дѣлъ сынъ богато разодѣлся и съ родителями переселился въ другое государство, гдѣ продалъ царю, въ качествѣ плѣнниковъ, своихъ родителей, съ ихъ же разрѣшенія, и объ этомъ объявилъ впоследствии царю. Получивъ отъ нихъ благословеніе, онъ покинулъ это царство и отправился въ далекое странствованіе. По пути онъ встрѣтился съ человѣкомъ, который ему передалъ письмо доставить къ царю Востока, за что можетъ получить онъ большую награду. Разъ, вставъ отъ сна, ему захотѣлось пить, и не имѣя другой посуды, онъ досталъ воды изъ колодца съ помощью врученного ему письма. Напившись, онъ рѣшилъ прочитатъ письмо, въ которомъ извѣщался царь, что податель его—негодный человѣкъ—обезчестилъ дочь царя Запада и заслуживаетъ смертной казни. Возблагодаривъ мысленно родителей за то, что его учили грамотѣ, онъ письмо изорвалъ. Прибывъ въ одинъ богатый городъ, онъ остановился у одной старухи, отъ которой онъ узналъ, что тамъ царевна 13 лѣтъ успѣла 99 царевичей обезглавить: она объя-

¹⁾ На 23 изданіи этого памятника припечатано, что повѣсть эта переведена съ греческаго яз. въ XVII в. царемъ Теймуразомъ. 14-е изданіе, которымъ я пользовался вышло въ Тифлисѣ въ 1893 г. и заключаетъ въ себѣ 15 стр. in. 8°. Помѣщенная въ XIII вып. „Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“ *Сказка объ юношѣ и дѣвицѣ* представляеть переводъ письменнаго памятника.

вила, что выйдет замужъ за того, кто ее побѣдитъ умомъ и знаніями, если же вступающій съ нею въ бесѣду потерпитъ отъ нея поражене, то она предастъ его смертной казни. Юноша рѣшилъ состязаться съ нею, хотя старуха отговаривала его.

На другой день утромъ онъ пришелъ во дворецъ, доложили царевнѣ объ немъ, и въ присутствіи царя и царицы началась бесѣда.

Царевна спросила юношу: Кто твой отецъ?

„Огонь и воздухъ“, отвѣтилъ юноша.

— А мать?

„Земля и вода“.

— А кто твоя бабушка?

„Бабушка моя та, которая меня видитъ, и которой я не вижу; слышитъ мой голосъ, но голоса которой я не слышу“, отвѣтилъ юноша.

— Чья кровь была пролита первый разъ? спросила дѣвица.

„Кровь Авеля, убитаго Каиномъ“.

— Назови мнѣ тѣхъ трехъ, которые пили, ѣли, но которые не были рождены отъ матери?

„Адамъ, Ева и ягненокъ, дарованный Богомъ отцу Аврааму“.

— Назови мнѣ тѣхъ, которые родились, но не умирали?

„Енохъ и Илія, которые не умрутъ до пришествія антихриста“, отвѣтилъ юноша. (Ср. Сбор. серб. письма начала XIV в., принадлежащаго проф. П. С. Сречковичу въ Бѣлградѣ: В. Кто боле всѣхъ живетъ. От. Илиа и Енохъ. (*Мочумскій*, 263). Ближе къ груз. тексту латин. списки—парижскій VIII в. *Quis vivit dum seculum vicit?* Elias et Inoc.; Шлеттштатскій: IX в. *Quis est natus et non est mortus?* V. Helias et Enoch. *Мочумскій*, 96—7.

— Какія тѣ птицы, которыя саманъ и ячмень ѣдятъ?

„Саранча“, отвѣтилъ юноша.

— Что это за существо, которое при жизни ѣло саманъ и ячмень, послѣ же смерти ѣло мясо человѣческое и пило кровь человѣческую?

„Ослиныя челюсти, при помощи которой Самсонъ умертвилъ тысячу человѣкъ“.

— Назови мнѣ то дерево, которое не имѣло листьевъ и вѣтвей и которое впоследствии тѣло и кровь восприняло?

„Жезлъ Моисея; онъ не имѣлъ листьевъ и вѣтвей; впоследствии превратился въ змѣю и такимъ образомъ воспринялъ тѣло и кровь“.

— Назови мнѣ тѣхъ двухъ враговъ, которые любятъ другъ друга?

„День и ночь“. Ср. названный сбор. серб. письма, в. 81. Кто два супостата? Отв. Ночь съ днемъ.

— Кто былъ тотъ, при приближеніи котораго мать воскликнула, что она дѣвственна?

„То было тѣло Авеля; когда его опускали въ могилу, земля воскликнула: я дѣвственна“!

— Кто былъ тотъ, который 15 ¹⁾ лѣтъ царствовалъ, на 16-й заболѣлъ, на 30-й умеръ и воскресъ?

„Это луна“ ²⁾.

— Скажи, чья была могила, которая двигалась и ходила?

„То былъ Иона пророкъ, котораго проглотилъ китъ, ходившій и двигавшійся“ ³⁾.

— Кто былъ тотъ голодный, который, когда поднесли пищу, не съѣлъ пищи, а съѣлъ принесшаго пищу?

„Даниилъ пророкъ, котораго принесли орлу; орелъ съѣлъ принесшаго пищу, самого же Даниила отпустилъ“.

— Кто былъ тотъ, тѣло котораго по смерти не было положено въ могилу, душа же не пошла къ Богу?

„Жена Лота, которая обратилась въ соляной столбъ, тѣло не удостоилось могилы, душа же—лицезрѣнія Бога“ ⁴⁾.

— Назови то дерево, которое имѣетъ листья и вѣтви, и на которомъ черные и бѣлые плоды?

„Дерево то—годъ, вѣтвь—мѣсяцъ, плоды же—день и ночь“.

— Назови того, который былъ побитъ камнями, хотя онъ былъ

¹⁾ Въ „Сбор. матер.“ въ названной сказкѣ о дѣвицѣ и юношѣ вмѣсто 15 поставлена цифра 14.

²⁾ Ср. у П. Майера, издаваемаго „Госа monachorum“, въ такъ названныхъ имъ „Interrogationibus profanis“, вопросъ 28. *Quis crescit et descrecit? Luna* (6).

³⁾ *Мочумскій* „Слѣды народ. Библии“. Приложение. Изъ пергаментной рукописи Вѣнской импер. библиотекы XII в. вопросъ 31. Ποῦτος προφήτης ἀπέθανε καὶ τὸ μῦθον περιπέτατε καὶ ὁ νεκρὸς ἔψαλλεν: Ἄποκ. Ἰώνας ἐν τῷ κήτῳ.

⁴⁾ Повѣсть о дѣвицѣ и юношѣ близко стоитъ къ известной „Бесѣдѣ трехъ святителей“. (*Тихомировъ*, Памятники отречен. рус. литературы II, 429—432. М. 1863). Нѣкоторые изъ ихъ вопросовъ и отвѣтовъ взяты изъ апокрифической Бесѣды. В. Кто не рожденъ умре, а рожденъ не умре въ столпъ претворися, а не исля? Отв. Адамъ не рожденъ умре, а рожденъ не умре Илія пророкъ, а въ столпъ превратися Лотова жена. (*Буслаевъ*. Древне-рус. народная литература и искусство II, 28—9. М. 1861).

ни человекъ, ни ангелъ, ни дьяволъ, по который разговаривалъ съ людьми.

„То былъ пророкъ Еремія, когда скала разговаривала съ людьми“.

— Кто былъ тотъ (вѣстникъ), котораго Богъ послалъ къ Адаму?

„Воронъ, прилетѣвшій къ Адаму, который по убіеніи Каиномъ Авеля, не зналъ что дѣлать. Прилетѣли два ворона, одинъ убилъ другаго, разрылъ землю и похоронилъ его. Увидя это, Адамъ узналъ, что ему дѣлать: вырылъ могилу и похоронилъ Авеля“. [Ср. у меня стр. 161].

— Теперь довольно, можешь идти домой; сегодня ты спасся отъ смерти; завтра навѣрное не избѣгнешь ея, сказала молодая дѣвушка подъ конецъ разговора юношѣ.

„Богъ, спасшій меня сегодня, спасетъ завтра“, отвѣтилъ юноша.

Когда увидѣли его царедворцы уходящимъ, удивились: всѣ входившіе къ царевнѣ тамъ же и оставляли свои головы.

Юноша отправился домой и увидѣлъ свою старуху плачущую. Его возвращенію она очень обрадовалась. „Богъ спасъ меня“, сказалъ юноша.

Съ наступленіемъ утра, всталъ онъ, одѣлся въ царское платье, помолился и отправился во дворецъ, вошелъ въ комнату дѣвушки, отдалъ поклонъ ей и сѣлъ на золотой стулъ.

— Узнай: одинъ убилъ другого; убійца попалъ въ рай, жертва же въ адъ?

„Лавекъ (Ламехъ) ¹⁾ убилъ Каина; первый попалъ въ рай, второй же пошелъ въ адъ.“

— Кто такіе были рождены бѣлыми, а впоследствии стали черными?

„Сыновья Ноя, которые послѣ проклятія отца стали черными.“

— Узнай: Пѣтухъ родилъ курицу?

„Адамъ Еву родилъ.“ ²⁾

¹⁾ Въ „Сбор. матер. для опис. К.“, вып. XIII, стр. 53, это мѣсто передается иначе: „Богъ убилъ Каина; отвѣтилъ юноша: Каинъ пошелъ въ адъ, а Богъ находится въ раю“. Въ такомъ переводѣ нужно усмотрѣть неточность перевода, отчего происходитъ несообразность факта убійства Богомъ Каина. Нѣкоторые вопросы и отвѣты вовсе пропущены: напр. вопросъ „какія вещи не упоминаются?“ и отвѣтъ на этотъ вопросъ.

²⁾ *Мочумскій* op. cit., приложение. Ср. съ нашимъ вопросомъ, воп. 38. Τις ἐλαβεν τὴν ἰδίαν θυγατέρα ἑωαῖτα; Апок. Αδὰμ. τὴν Εὐάν и вопр. 87 изъ Сбор. сербск. письма проф. Сречковича „Кои волъ краву роди? Отв. Адаму изети ребро и създа ѿмоу женоу.“

— Кто былъ тотъ, котораго сунули въ пасть волку, и волкъ выпустилъ его, а съѣлъ принесшаго его?

„То былъ Иосифъ Прекрасный.“

— Какое было то мѣсто, которое съ сотворенія міра разъ только освѣтило солнце?

„Дно Краснаго моря, которое увидѣло солнце, когда Моисей разсѣлъ его своимъ жезломъ.“

— Что это за существа, которыя чѣмъ больше живутъ, тѣмъ больше растутъ?

„Въ морѣ—рыба, на сушѣ—змѣя.“

— Кто тѣ два существа, которыя ненавидятъ другъ друга?

„Душа и тѣло; послѣ смерти они ненавидятъ другъ друга.“

— Кто тотъ, который при жизни ничего не ѣлъ и не пилъ, а послѣ смерти ѣлъ землю и пилъ воду?

„Жезлъ Моисея. Ему не нужна была пища; послѣ же превратился въ змѣю, которая ѣла землю и пила воду.“

— Есть одинъ домъ—внутри состоитъ изъ золота, снаружи же изъ серебра; когда онъ разрушится, даже все человѣчество въ совокупности не можетъ его построить?

„То—яйцо, которое если разобьютъ, никто не въ состояніи возстановить его.“

— Встань и ступай. И сегодня ты ускользнулъ изъ моихъ рукъ. Завтра же навѣрное ты выпьешь тотъ ядъ, который вотъ уже выпило у меня 99 человекъ.

„Богъ милостивъ“, отвѣтилъ юноша; всталъ и ушелъ съ радостью.

Съ разсвѣтомъ пошелъ онъ снова во дворецъ.

— Кто тѣ существа, которыя воюютъ слухомъ, бьютъ другъ друга тѣломъ, между тѣмъ какъ не обладаютъ ни ногами, ни руками?

„Рыбы“, отвѣтилъ юноша.

— Кто послалъ тѣхъ, которые не были ни ангелами, ни дьяволами, ниже людьми?

„Воронъ и голубь. Ихъ послалъ Ной осмотрѣть окрестности; воронъ нашелъ падаль и не воротился назадъ, голубь же воротился съ масличной вѣткой къ Ною.“ (Ср. выше сказаніе объ Амиранѣ.)

— Кто тѣ, которые 300 лѣтъ спали, а послѣ проснулись?

„Семь юношей, бѣжавшихъ отъ царя. На дорогѣ они заснули, а потомъ снова проснулись.“

— Кто такіе были тѣ, которыхъ было только три, когда ушли, и 6000 когда возвратились?

„Сыновья Іакова.“

— Какія вещи въ мірѣ не упоминаются?

„Первое—море, которое не имѣетъ крышки, второе—небо, которое не имѣетъ столбовъ, третье—кураца, лишенная молока и четвертое—ладонь человѣка, лишенная волосъ.“

Теперь встань и уходи, завтра, навѣрное, ты будешь въ моихъ рукахъ.

На разсвѣтѣ всталъ юноша, одѣлся въ царское платье, помолился Богу, пошелъ во дворецъ, вошелъ въ комнату царицы, поклонился ей; подали ему золотой стулъ: онъ сѣлъ.

„Время начать бесѣду,“ сказалъ юноша.

— Начинайте, очередь за вами, сказала царица.

„Кто былъ тотъ, который былъ богатъ, потомъ обѣднялъ, одѣлся въ мать, на отца сѣлъ верхомъ и поѣхалъ, чтобы искать себѣ богатство, догнала его смерть; взялъ ее въ руки, выпилъ посредствомъ ее воды и далъ пить своей лошади; самъ избавился отъ смерти, спасъ и лошадь?“

На это царица не могла ничего отвѣтить.

— Встань и ступай, завтра я тебѣ дамъ отвѣтъ.

По уходѣ юноши царица приказала своимъ слугамъ зарѣзать двухъ курицъ, наполнить ихъ сахаромъ и изжарить ихъ хорошо; приготовить два кувшина хорошаго вина, бѣлый хлѣбъ и другія яства.

Когда всѣ спали крепкимъ сномъ, царица встала, разбудила двухъ красивыхъ служанокъ и отправилась вмѣстѣ съ ними къ юношѣ. Постучались; юноша отворилъ двери и вышелъ къ нимъ. „Мы служанція во дворцѣ царицы; твоя любовь привела насъ сюда. Проведемъ время вмѣстѣ.“

„Не вѣрю,“ отвѣтилъ юноша, „изъ дворца ко мнѣ никто изъ женщинъ не придетъ. Ступайте туда откуда пришли.“

— Пока не увидимъ твоего лица, до тѣхъ поръ будемъ стоять тутъ, сказала царица.

Наконецъ, онъ былъ принужденъ отворить имъ двери и впустить ихъ. Вошли. Царица сняла покрывало съ лица, сѣла возлѣ него, перемѣнила голосъ, чтобы не могъ онъ узнать его. Увидѣлъ юноша ее и влюбился въ нее.

— Есть ли у тебя чтонибудь, принеси и будемъ веселиться.

„Нѣтъ ничего у меня“, возразилъ онъ: „не зналъ, что посѣтите вы меня.“

Тогда царица приказала служанкамъ подать все то, что взяли съ собою. Накрыли столъ. Начали веселиться. Юноша опьянѣлъ.

— Объясни мнѣ ту загадку, которую задалъ ты вчера царицѣ.

Юноша отказался объяснить. Тогда царица сказала, что до тѣхъ поръ не исполнитъ его желанія, пока онъ не разъяснитъ ей загадки.

Наконецъ, юноша согласился: онъ все объяснилъ и опьяненный заснулъ. Царица встала, одѣлась и ушла со своими служанками. Онѣ такъ поспѣшили, что въ торопяхъ покрывало забыли у юноши. На другой день проснулся онъ, догадался, что его обманули и опечалился. Но къ своему удивленію нашелъ ее покрывало на своей постели. Одѣлся онъ и пошелъ во дворецъ. Царица позвала своихъ родителей.

— Объясните намъ вашу загадку? спросила царица.

„Объясните.“

Царица объяснила. Всѣ удивились. Она приказала позвать палача, отрубить ему голову.

„Въ продолженіе трехъ дней она задавала мнѣ вопросы“, сказалъ юноша царю и присутствующимъ: „я задалъ ей одинъ вопросъ и едва отвѣтила; позвольте мнѣ дать ей еще одинъ, и если отвѣтитъ, то воля ваша.“ Дозволили.

„Вчера ночью ко мнѣ прилетѣли три птички, снялъ я перья съ нихъ, хотѣлъ съѣсть, но они улетѣли, если хотите могу показать перья.“

— Трудна загадка—задай другую.

„Что же больше задавать: ты моя и я твой!“

Грузинская повѣсть о дѣвицѣ и юношѣ кончается этими словами и заключаетъ въ себѣ 33 вопроса. Для опредѣленія ся отношенія къ подобнымъ вопросамъ и отвѣтамъ въ Бесѣдѣ 3 святителей обратимся къ литературѣ предмета. *Мочульскій* въ изслѣдованіи своемъ „Слѣды народной Библии въ славянской и въ древне-русской письменности“ (Одесса, 1893) называетъ Бесѣду трехъ Святителей апокрифической Библией, а Барчъ ein Repetitorium der biblichen Geschichte. Образовалась она въ продолженіи долгаго времени, начиная, по всей вѣроятности, съ IX в. и постепенно пополняя свой составъ подходящими апокрифами, изъ коихъ несомнѣнно въ нее вошли въ видѣ отрывковъ: 1, апокрифическая „книга Бытія“; 2, апокрифъ отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ; 3, книга Адама и 4, апокалипсисъ Іоанна. Изъ этихъ четырехъ памятниковъ, вошедшихъ въ Бесѣду трехъ святителей¹⁾ въ грузинской повѣсти о дѣвицѣ и юношѣ не видно слѣдовъ

¹⁾ А. С. *Архатемскій*. Твореніе Отцевъ церкви древне-русской письменности. гл. II. *Порфирьевъ* Апокрифическія сказанія по рукописямъ Соловецкой библиотеки (въ предисловіи, 5 отд., стр. 113).

апокрифического вліянія „отъ сколькихъ“ частей былъ созданъ Адамъ и Апокалипсиса Іоанна. Грузинскій апокрифъ не заключаетъ въ себѣ ни одного вопроса изъ Новаго Завѣта—бесѣда огривичивается испытаніемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Вопросъ, кѣмъ когда, и для какой цѣли она была составлена, не былъ затронутъ ни проф. Архангельскимъ, ни проф. Порфирьевымъ. Проф. Красносельцевъ первый опубликовалъ два списка греческаго документа, имѣющаго важное значеніе въ вопросѣ объ источникахъ „Бесѣды“, хотя авторъ отказывается съ точностью опредѣлить время ея появленія и степень распространенности¹⁾ Проф. Ждановъ въ статьѣ „Бесѣда трехъ святителей и Іоса монахогити“²⁾ останавливается на аналогіяхъ, существующихъ между Іоса монахогити и греко-славянскими текстами Бесѣды. Проф. Мочульскій, въ названномъ изслѣдованіи поставилъ задачей выяснить греческіе источники Бесѣды трехъ святителей, останавливаясь и на латинскихъ ея текстахъ, наиболѣе древніе изъ которыхъ восходятъ къ VI, VII и IX вв. Древнѣйшій изъ греческихъ списковъ, найденныхъ г. Мочульскимъ, принадлежитъ Вѣнской Императорской Библіотекѣ. Списокъ этотъ помѣщенъ въ пергаментномъ сборникѣ XII в. Всѣхъ вопросовъ 56, изъ коихъ 19 относятся ко всей ветхозавѣтной Исторіи, съ 19 до 36 къ повозавѣтной, съ 36 идутъ вопросы смѣшанные.

Сопоставляя грузинскій апокрифъ съ изданными г. Мочульскимъ родственными съ ними греч., латин. и слав. памятниками мы находимъ параллели то въ томъ, то въ другомъ спискѣ на трехъ языкахъ, но нельзя назвать ни одного изъ нихъ прототипомъ нашего варианта. Послѣдній восходитъ къ той стадіи развитія Бесѣды 3 святителей, которая запечатлѣлась въ латинскихъ спискахъ—въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ безъ участія отцевъ церкви.

Абраміани—Пѣснь объ Авраамѣ³⁾.

Бездѣтныи благочестивый Авраамъ, обладающій многоголовыми стадами, просилъ у Бога неоднократно о дарованіи сына, обѣщаясь вырастить для Него и семи лѣтъ Ему принести его въ жертву.

¹⁾ „Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ святителей“ а „Еще къ вопросу объ источникахъ Бесѣды трехъ святителей“.

²⁾ „Жур. Мн. Народ. Пр.“ 1892, янв. 157—194.

³⁾ Рукопись Общества распротр. грамотности. Изд. Чарквиани, Тифлисъ 1892 г. Другой эпизодъ изъ жизни Авраама въ татарской легендѣ „Сб. матер. для оп. К.“, XIII, 2, 156.

По привычкѣ, Авраамъ безъ гостей никогда не обѣдалъ, но вотъ дьяволъ¹⁾ загородилъ въ теченіе 30 дней всѣмъ дорогу и во все это время Авраамъ не вкушалъ хлѣба. На сороковой день самъ Господь въ трехъ лицахъ приходитъ къ нему въ гости. Авраамъ принимаетъ ихъ за смертныхъ, накрываетъ предъ ними скатерть и радостно ихъ угощаетъ. Беретъ Одинъ изъ нихъ хлѣбъ, ломаетъ его, говоритъ: „семью эту благословляетъ Господь, у Сарры родится сынъ“. Сарра слышитъ эти слова у дверей и смѣется, такъ какъ она уже въ преклонномъ возрастѣ. Но Троица не гнѣвается за противорѣчіе. Не увѣруютъ въ сыновей своихъ, они будутъ плѣнены въ Египтѣ, Содомъ и Гоморъ погибнутъ (огнемъ), но Лотъ съ семьей спасется отъ огня. У Авраама рождается сынъ. На пятый годъ ребенокъ уже въ состояніи садиться верхомъ и всѣ удивляются, что ребенокъ такъ быстро растетъ. На седьмой годъ Авраамъ говоритъ женѣ: „не разсудительная, ты не знаешь, зачѣмъ этотъ ребенокъ растетъ — я обѣщаль семи лѣтъ принести его въ жертву и слово мое ненарушимо“. Мать сначала очень огорчается, но вспомнивъ гостей, говоритъ Аврааму: „далъ обѣтъ, исполни его, приблизилось время, у Милосердаго служба никогда не бываетъ бесполезна, если же нарушишь, то гораздо больше потеряешь“. Авраамъ собирается въ дорогу, нагрузилъ слугу дровами, рабы слѣдуютъ за ними. Остановились на горѣ, развели огонь, пламя котораго достигало неба. Вода въ котлѣ кипитъ и испаряется, а жертвы не видно. „Отецъ, говоритъ сынъ Аврааму, я знаю, что въ жертву меня ты предназначилъ, такъ зачѣмъ сердце твое огорчается?“ Обожди, сынокъ, помолимся Богу.—Исаакъ садится рядомъ съ отцомъ и, поклонившись до земли, говоритъ: „Господи, прими мою кровь, [прости мнѣ забыть родителей]²⁾“. Обращаясь же къ отцу, онъ проситъ связать его покрѣпче и такъ зарѣзать, чтобы кровь не обрызгала его, въ противномъ случаѣ жертва не будетъ принята. Авраамъ отточилъ ножъ и приготовился зарѣзать сына, но прежде чѣмъ коснулся его, разсудокъ и сознаніе покидаютъ его, а ножъ въ горлѣ сына каменѣетъ.

¹⁾ Ср. палейный рассказъ: Авраамъ такъ любилъ принимать, что если не было странниковъ, не хотѣлъ садиться за столъ и часто по два и по три дня оставался безъ пищи. Такъ какъ дьяволъ, желая досадить Аврааму, *заграждя странникамъ путь* къ нему, то онъ самъ выходилъ на дорогу встрѣтить странниковъ. *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 57.

²⁾ Ср. Соловецк. пал. № 653. Исаакъ самъ проситъ отца, чтобы онъ принесъ его на жертву. *Порфирьевъ*, *op. cit.*, стр. 57.

Господь взглянул съ неба на дѣяніе Авраама, и послалъ ему ягненка, говоря: „зарѣжь его, а сынъ пусть встанеть на ноги. Предъ Господомъ и такая жертва является угодной и пріятной,—Онъ будетъ подъ покровительствомъ Моимъ.

По варианту этой пѣсни ангелъ возвѣстилъ Аврааму, что Творецъ его только испытывалъ въ преданности къ нему и увѣрившись въ его твердости, Онъ велитъ принести въ жертву ягненка, и будетъ Авраамъ благословенъ—родъ его распространится, какъ песокъ морской. Услышавъ это Авраамъ и Исаакъ возблагодарили Господа и обрадовали Сарру возвѣщенной милостью Божьей. Не упоминая подробно о всѣхъ разночтеніяхъ въ печатной и рукописной пѣснѣ объ Авраамѣ, замѣтимъ, что по рукописному варианту Авраамъ ждетъ сорокъ дней, чтобы, по обыкновенію, съ гостями принять пищу. Въ печатной пѣснѣ нѣтъ данныхъ о появленіи ангела и возвѣщеніи милости Господней. Сверхъ этихъ отличій, рукописный вариантъ только даетъ имена Исаака и Сарры, которыя въ печатномъ неизвѣстны. Со стороны языка рукопись даетъ формы глагольныя съ древними окончаніями на *is* вм. соотвѣствующихъ въ печатной пѣснѣ *i*, глагольное окончаніе 3 лица современного литературнаго и разговорнаго языка. Время переписки Абрамиани въ точности не можетъ быть опредѣлено.

Пѣснь объ Іовѣ¹⁾.

Іовъ стоялъ на молитвѣ, когда дьяволъ огнемъ сжегъ стада его овецъ, садъ семилѣтній, ослонъ, верблюдовъ, дворецъ до тла, всю скотину и всѣхъ погонщиковъ. Дьяволъ въ образѣ человѣка явился передъ Іовомъ и рассказалъ о постигшемъ его несчастіи. Іовъ отвѣчаетъ, что не стоитъ слезъ, ибо этимъ свершится долгъ предъ его Господомъ и вознесъ благодареніе Создателю. У Іова было семь сыновей и три солнцеподобныхъ дочери, и всѣхъ ихъ онъ въ одинъ день потерялъ. Дьяволъ въ образѣ человѣка объявилъ Іову о новомъ несчастіи, но праведникъ сталъ на молитву и возблагодарилъ Господа. Женѣ же посылаетъ онъ сказать, чтобы она не печалилась, слезъ не проливала, если она боится Бога. Она лишь будетъ составлять утѣшеніе для него. Но дьяволъ и се погубилъ и донесъ объ этой потерѣ Іову. Праведникъ не прервалъ молитвы и потомъ отвѣтилъ, что онъ этимъ исполняетъ долгъ предъ Господомъ. Остается дьяволу взять у праведника силы, чтобы онъ произнесъ ропотъ на Бога. Тѣло Іова покры-

¹⁾ Изд. на груз. яз. Гр. Чарквиани. Тифлисъ 1892 г.

ваетъ тысяча разноцвѣтныхъ червей, одна изъ нихъ падаетъ, но Іовъ поднимаетъ и сажаетъ на тѣло — пищу ихъ, назначенную Богомъ? Дьяволъ приходитъ къ больному и спрашиваетъ, какое угодное Богу дѣяніе онъ совершилъ, что Онъ его такъ облагодѣтельствовалъ?! Іовъ проклялъ дьявола, говоря, что все его несчастіе—дѣло этой нечестивой силы. Дьяволъ вскрикнулъ и обратился въ гору сѣраго цвѣта. Съ неба послышалось сладкое пѣніе ангеловъ. Еліа и Захарій, дѣти Іова, боги грома и молніи, посылаютъ удары на своего врага.

Пѣснь объ Іовѣ, записанная мною у месховъ¹⁾, передаетъ нѣсколько дополнительныхъ фактовъ изъ его жизни:

Іовъ былъ богомольный
Жену имѣлъ праведную,
Дочери его солнцобразныя
Погибли всѣ въ одинъ день.
Послалъ сказать женѣ своей:
„Не печалься, безумная,
Не оплакивай земныхъ дѣтей;
Онъ далъ, Онъ же взялъ,
Воздадимъ Ему хвалу!“
Заявился дьяволъ гнусный
И говорить въ лицо Іову:
„Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ Творцемъ
За что Онъ отнялъ дѣтей?“
— Поди прочь, гнусный дьяволъ!
Горе мое—дѣло твое!
Онъ далъ, Онъ же взялъ
Воздадимъ Ему хвалу!“
Загорѣлось огнемъ поле,
Стада Іова погибаютъ:
Пять сотъ его верблюдовъ,
Разукрашенныхъ алмазомъ;
Ихъ мученія и терзанія
Поднимаются выше къ небу.
Заявился дьяволъ гнусный
И говорить въ лицо Іову:
„Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ Творцемъ?
За что Онъ сжегъ твои стада?“
— Поди прочь, дьяволъ гнусный!
Горе мое—дѣло твое!

¹⁾ „Этногр. Обзор.“ X, 31 (Очеркъ *Мессии*).

Онъ далъ, Онъ же взялъ,
 Воздадимъ Ему хвалу!¹
 Черви Иова съѣдаютъ,
 Его мукамъ нѣтъ конца.
 На войлокъ его положили
 И выбросили въ навозъ.
 Когда червь одинъ свалился,
 Иовъ въ сердцѣ огорчился,
 Самъ поднялъ его на раны:
 „Они Божье созданье,
 Пожирай плоть и кость,
 А смерти не страшися!“

Продолженіе этой пѣсни имѣемъ въ карталинскомъ вариантѣ легенды: Иовъ сгнилъ и сѣдлался жертвой насѣкомыхъ и червей. Богъ, считая его испытаніе достаточнымъ, отправилъ къ нему ангела съ тарелкой воды, которую онъ долженъ былъ вылить на страдальца. Ангелъ исполнилъ волю Бога: Иовъ исцѣлился — раны его зажили. Вода же исцѣлившая его, была впитана облакомъ, чтобы во время засухи ея капли присоединялись къ дождю для оплодотворенія земли; гдѣ упадетъ капля этой „живой“ воды, тамъ образуется цѣлебный источникъ. Великодушный Иовъ молилъ Бога не истреблять его мучителей — насѣкомыхъ, но даровать имъ благотворную для человѣка способность. Услышалъ Богъ его моленіе и послѣ того по міру распространились полезныя твари: пчелы, пѣвки и др. Тѣ черви, которые ползли по всему тѣлу Иова, превратились въ шелковичныхъ. Съ тѣхъ поръ они выпускаютъ изъ желудка нити, которыми желаютъ опоясать человѣка ¹). Отсюда возникла вѣра ткачей шелковыхъ матерій и свѣчниковъ въ Иова, какъ въ своего благочестиваго патрона. Черви, сѣдавшіе его тѣло, были пчелы дающія воскъ и медъ, и шелковичные червяки, дающіе шелкъ ²). Пѣснь объ Авраамѣ приводится въ рукописи начала XIX в. и напечатана въ Тифлисі, хотя неизвѣстно изъ устъ народа, или же изъ какого-нибудь сборника апокрифовъ. Пѣснь объ Иовѣ сохранилась въ народѣ, но въ записанномъ видѣ въ бібліотекахъ нигдѣ пока не встрѣчалась. Объ эти пѣсни могутъ быть отнесены къ духовнымъ стихамъ, о которыхъ рѣчь предстоитъ на слѣдующихъ страницахъ. Рассмотрѣнными памятниками окончимъ отдѣлъ *ветхозавѣтныхъ* апокрифовъ и перейдемъ теперь къ *новозавѣтнымъ*.

¹) *Иверія*, 1889, июль.

²) *Евразировъ*, Исторія учред. въ Закавказьи т. II, стр. 204.

Успеніе ¹) Пресвятой Богородицы, сказаніе святого отца нашего Василя Кесарійскаго ²).

Получивъ откровеніе отъ Святаго Духа ³) о времени преставленія, Богородица исполнилась радости и желанія вѣчной жизни. Богоматерь пребывала въ Сіонѣ, имѣя трехъ дѣвъ при себѣ неотлучно. Во вторникъ пришла, по обыкновенію, ко гробу Иисуса Христа помолиться съ кажденіемъ и колѣнопреклоненіемъ. Она молила со слезами Господа помиловать и послать ей Иоанна Богослова (Благовѣстителя), ибо іудеи поклялись сжечь ея тѣло. Отверзлись небеса и явился архангелъ Гавріиль и сказалъ: „радуйся, Марія, молитва твоя услышана — ты вознесешься на небо“! Получивъ отъ архангела вѣтвь оливы (маслины), Богоматерь отправилась въ Виледемъ. Здѣсь молилась предъ образомъ на могилѣ Сына своего, а на утро въ среду со своими ученицами возвратилась въ Сіонъ и въ шестомъ часу зажгла свѣчи, воскурила еиміамъ, воздѣла руки и стала молиться. Господь послалъ ей Иоанна Благовѣстителя и Богослова, будучи восхищенъ отъ Ефеса на облакахъ ⁴). Послѣ взаимнаго привѣтствія и лобзанія Богоматерь передала слова архангела о кончинѣ своей и показала данную ей вѣтвь финика (?). Поручивъ апостолу два платья передать двумъ ея дѣвамъ, которыя прислуживали, Богоматерь назначила мѣсто своего погребенія.

Иоаннъ Благовѣститель сказалъ, что соберутся предъ ея кончиной не только всѣ апостолы, но ихъ ученики. Послышался громъ и на облакахъ прибыли въ Сіонъ: Петръ изъ Рима, Павелъ изъ Тиве-

¹) Изъ рукописнаго („мхедрули“) сборника житія святыхъ, откуда будутъ далѣе приведены сказанія объ Алексіи челоуѣтѣ Божьемъ, нищемъ Иоаннѣ и пр. Успенію Богородицы посвящены стр. 95—134.

²) Слово объ Успеніи въ апокрифической литературѣ приписывается Иоанну Богослову, Иоанну архіепископу Солунскому, Мелитону епископу Сардійскому, Іосифу Аримаѣйскому, Моисею Хоренскому, а грузинское слово приписывается Василю Кесарійскому.

³) Латинская редакція, авторъ которой называетъ себя Іосифомъ Аримаѣйскимъ, передаетъ, что Богоматерь вѣсть о скоромъ своемъ преставленіи получила отъ ангела (*Титшндорфъ*, *Aposcalypses apocripheae*, p. 113—123).

⁴) Порядокъ хода изложенія въ груз. словѣ объ Успеніи Богородицы и въ русскихъ вмѣстѣ съ греко-латинскими другой, не совпадающей и съ армянской его передѣлкой. *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 76—92. *Эминъ*. Преставленіе Богородицы. Апокрифъ V в.

рин, Матѣей „съ моря“, Маркъ изъ Александріи, Варѣоломей изъ Тебайдѣ (Фивайдѣ?), Андрей, Іаковъ, Филиппъ, Лука, Симонъ возстали изъ мертвыхъ. вмѣстѣ съ ними были ихъ достойные ученики, какъ поучаетъ великій Діонисій Ареопагитъ, который также прибылъ въ Сіонъ на облакахъ. Всѣ привѣтствовали Богородицу, которая привстала на одрѣ, исполненная великой радости. Миръ вамъ, сказала мать Іисусова имъ, называя ихъ по имени: Варѣоломей—источникъ мудрости, Іаковъ—многоцвѣтный ароматъ, Лука—честный жемчугъ, Матѣей—глубина Божественнаго провидѣнія, учитель апостоловъ, Симонъ—достояніе Троицы, искоренитель безвѣрія и т. д. Богоматерь пожелала узнать, какимъ образомъ они прибыли къ ней и какъ имъ сдѣлалось извѣстно объ ея отшествіи изъ міра. Іоаннъ ¹⁾ предлагаетъ апостоламъ повѣдать, какъ они получили откровеніе отъ Святаго Духа о кончинѣ Богородицы. Апостоль Петръ сказалъ: я былъ въ Римѣ и шелъ къ заутренѣ и вдругъ услышалъ гласъ, глаголющій мнѣ: мать Господа твоего представляется, иди немедленно въ Сіонъ, и облако восхитило меня. Я видѣлъ и прочихъ братьевъ своихъ апостоловъ на облакахъ. Іоаннъ сказалъ: когда я былъ въ Ефесѣ и входилъ во святой алтарь службу сотворить, Духъ Святой сказалъ мнѣ: приблизилось время преставленія матери Господа твоего, иди въ Сіонъ ²⁾, и облако восхитило меня и мимолетно поставило здѣсь. Маркъ сказалъ: я былъ въ Александріи на литургіи, и когда приобщился Тѣла и Крови Христа, поставилъ чашу, снялъ оранъ, Духъ Святой возвѣстилъ: представляется мать Господа, иди немедленно въ Сіонъ, и тотчасъ я оказался здѣсь. Іаковъ сказалъ: я былъ въ Іерусалимѣ и говорилъ: помилуй Господи Давида и миръ его („симшвидѣ“), Варѣоломей сказалъ, что онъ былъ въ Тебайдѣ (Фивайдѣ?) на заутренѣ и поучалъ народъ; Андрей, Іаковъ, Филиппъ, Лука, Симонъ сказали, что были въ раю и всѣ они услышали повелѣніе Святаго Духа иди въ Сіонъ и облако восхитило и принесло ихъ сюда ³⁾.

Былъ тутъ Діонисій Ареопагели (Ареопагитъ?), Іерофіосъ, Титъ и Тимоѣей и другіе ученики ихъ, которые прославляли царицу мать Господа, какъ повѣствуетъ названный Діонисій въ главѣ, написанной имъ къ Тимоѣю о силѣ молитвы. Богоматерь, воздѣвъ руки къ небу, благодарила Господа, что Онъ услышалъ ея молитву. Она пожелала

¹⁾ Порфирьевъ, op. cit. Такое предложеніе дѣлаетъ ап. Петръ, стр. 273.

²⁾ Порфирьевъ, op. cit. Внесемъ, стр. 78, 273.

³⁾ Порфирьевъ, op. cit. Порядокъ именованія ап. толовъ не совпадаетъ съ груз. словомъ.

узнать гдѣ были погребены Андрей, Іаковъ, Филиппъ, Симонъ и Лука. Андрей сказалъ, что проповѣдовалъ по берегу моря въ странахъ Понтойскихъ, Битвинскихъ, Фракійскихъ, въ землѣ Ракоійцевъ (?), прибылъ въ городъ Севастійцевъ, гдѣ былъ лагерь ансирійцевъ и когда распяли, то въ Патрѣ ахейцевъ („ахели“) былъ погребенъ. Іаковъ сказалъ: я Сына твоего проповѣдовалъ въ Іудеѣ и мечомъ Ирода убитый, погребенъ здѣсь. Филиппъ сказалъ: я въ Фригіи былъ для проповѣдованія и когда умеръ, то погребенъ былъ въ Іерополѣ. Симонъ сказалъ: я въ окрестностяхъ Еловториполиса до Египта проповѣдовалъ Сына твоего и когда распяли, былъ погребенъ въ египетскомъ городѣ Лустрѣ. Богоматерь благодарила Господа за прославленіе апостоловъ. Іудеи, услышавъ о дѣлахъ апостоловъ, составили заговоръ избить ихъ, а мать Господа съжечь. Двинулось къ нимъ безчисленное воинство съ мечами и пиками, но по дорогѣ ноги воиновъ перестали двигаться, глаза ослѣпли, языки замолкли, только одинъ изъ нихъ по имени Абраамъ остался невредимъ, чтобы указать другимъ путь спасенія. Онъ сказалъ имъ, что вѣруеть въ Богоматерь и за замыселъ противъ нея они сами пострадали. Воины отвѣтили, что увѣровали въ Марію и Господа Іисуса Христа. Прибывъ съ миромъ въ Сіонъ, они поклонились Богородицѣ и повѣдали обо всемъ съ ними приключившемся.

Была среда. Во время вечерни Богоматерь просила апостоловъ молиться за нее предъ Господомъ, апостолы выражали чувства горести, въ виду предстоящаго разставанія съ нею. Въ полночь показался на иконѣ Спасителя яркій свѣтъ, который издавалъ гласъ: слушайте апостолы и отдайте честь и поклоненіе матери Моей. Вокругъ иконы совершили крестный ходъ съ пѣніемъ „кирелейсопъ и аллилуіа“; Іаковъ прославлялъ Господа Творца, Свѣтъ тихій безкончнаго, непостижимаго, неисповѣдимаго; Іоаннъ—Сына и Слово Отца, воплотившагося отъ Дѣвы Маріи для нашего спасенія, милостиваго и долго терпѣливаго. Такъ провели среду, въ четвергъ апостолы пошли въ Сіонъ, а Богоматерь молилась предъ образомъ Спасителя, прося принять ея душу. Снова изшелъ свѣтъ съ образа и благоуханіе наполнило все. Послышался гласъ: „не бойся, мать Моя, молись и получишь просимое“. Богоматерь, воздѣвъ руки, сказала: „помилуй творенія рукъ Твоихъ, не предавай ихъ аду, но удостой свѣта Твоего“. Гласъ отвѣтилъ: „прославляющихъ тебя, прослаблю Я, просящимъ во имя твое, воздамъ Я“. Богоматерь повѣдала объ этомъ пришедшимъ къ ней апостоламъ, которые просили ее не забывать ихъ и помянуть ихъ, когда придетъ Сынъ ея во славу Своей Давъ паставленіе апо-

столамъ, Богоматерь подала надежду дѣвамъ, ей прислуживающимъ, чтобы онѣ не горевали, по ея преставленіи — она не забудетъ ихъ, какъ Сынъ ея не забываетъ ¹⁾).

Богородица сказала, что душа ея не покинетъ, пока не придетъ Сынъ ея. Она пожелала приобщиться Св. Таинъ изъ рукъ первосвященника Іакова. Помолвившись предъ чашей, она приобщилась Тѣла и Крови Христа. По желанію Богоматери, началось пѣніе и поклоненіе предъ крестомъ Спасителя, знаменіемъ воскресенія. Апостолы одинъ за другимъ прославляли Богоматерь, о которой пѣлъ еще пророкъ Давидъ. Богородица по окончаніи молитвы велѣла возжечь свѣчи и кадить и пѣть, ибо придетъ Спаситель принять ея душу. Пришелъ Давидъ и сладко пѣлъ предъ ней, за нимъ явились архангелы Михаилъ и Гавриилъ, говоря: радуйся благодатная Марія! Пришли Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, говоря: благословенная Дѣва, прими съ вѣрою создавшаго словомъ небеса и основавшаго землю на водѣ! Явились Симеонъ Богопріимецъ, прославляя ея выше серафимовъ и херувимовъ. Іоаннъ Креститель подошелъ къ Богоматери, и другъ друга облобызали.

Потряслись небеса, послышался сильный громъ и вѣтеръ, море заволновалось. Съ неизъяснимой славой со множествомъ ангеловъ сошелъ Иисусъ Христосъ. Съ пѣніемъ встрѣтили Спасителя, и исполнилось сердце Богоматери великой радостью. Лишь Спасителя сіялъ ярче чѣмъ на Фаворѣ; блескъ Его поразилъ апостоловъ, и они пали. „Я съ вами, сказалъ Господь, — не бойтесь“. Апостолы встали, прославляя Божественное величіе Его. Господь сказалъ ей: тѣло твое преложено будетъ въ рай, а душа на небеса, въ свѣтлость, гдѣ миръ и веселіе. Богоматерь просила благословить ее: всякому челоуку, призывающему имя Твое, подай помощь Твою. Помилуй всякую душу, нарицающую имя Твое и прославь прославляющаго Тебя именемъ моимъ.

Богоматерь предъ отходомъ І. Христа высказала опасеніе предъ „стражей воздуха“, но Господь велѣлъ Михаилу и Гавриилу по дорогѣ пѣть побѣдныя гимны, говоря: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ!“ Ангелы стали пѣть, а Богоматерь уснула. Господь вознесъ ея душу, небесныя силы пѣніемъ отстранили стражу воздуха, радуя подземныхъ гласомъ: „идетъ Богоматерь, привѣтствуйте ее!“ Такъ вознеслась на

¹⁾ У Порфирьевъ, начиная отъ Діонисія Ареопагита до пришествія Спасителя, не находимъ свѣдѣній, соответствующихъ груз. апокрифу.

небо пречистая царица и унаслѣдовала царство вѣчное. Всѣ силы небесныя восклицали „аллилуія“! Душа вознеслась на небо, а домъ наполнился благоуханіемъ, и тѣло ея освѣтилось яркимъ свѣтомъ. Апостолы съ пѣніемъ приблизились къ тѣлу и поклонились ему. По ея преставленіи, одержимые болѣзною, глухіе, слѣпые, бѣсноватыя получили исцѣленіе. Апостолы дали знать Петру, что пора приступить къ молитвѣ ¹⁾, а Петръ приглашалъ Іоанна. Но Петра признавая главой апостоловъ, ни одинъ изъ нихъ не соглашался. Богоматерь бальзамировали душистыми травами и обвили въ холстъ. Апостолы Петръ, Павелъ и Іоаннъ пѣли и прославляли ее; за ними всѣ апостолы и силы небесныя невидимо ту ночь хвалили и славили Богоматерь. Утромъ въ пятницу апостолы понесли на плечахъ одръ, на которомъ лежало честное ея тѣло и направились изъ Сіона въ Гесаманію (Геосиманію), какъ велѣно было Іоанномъ Крестителемъ пресв. Богородицѣ. Ангелы шли предъ ними и прикрывали ихъ своими крыльями, апостолы пѣли, а вѣрующіе слѣдовали благоговѣнно съ зажженными факелами и кажденіемъ. Воздухъ наполнился благоговіемъ. Іудеи же, исполненные ненависти, рѣшили нарушить благочинный порядокъ и напали на апостоловъ съ пиками и копьями. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе дерзкій, по имени Іофанъ (греч. Іофанія, арм. Софроній), растолкалъ толпу вѣрующихъ, схватилъ одръ и хотѣлъ уронить его на землю, но внезапно ангелъ Господень невидимою силою мечомъ огненнымъ отсѣкъ обѣ руки его по плечи. Это чудо поразило всѣхъ, и посрамленные іудеи отступили. Іофанъ уже со слезами каялся въ преступленіи, молился имени І. Христа и Богоматери. По повелѣнію Петра, отрубленные руки Іофана прилетѣли, какъ птицы, къ его тѣлу. Тогда всѣ стали прославлять истинную Богоматерь Марію и Сына ея Иисуса Христа. Послѣ этого чуда съ большой честью понесли одръ Богородицы съ пѣніемъ аллилуія и когда прибыли въ Гесаманію сняли въ холстѣ честное ея тѣло и положили въ могилу. Апостолы поставили икону Спасителя у ея могилы и провели ночь въ молитвѣ и пѣніи. На зарѣ, въ субботу, показалось сіяніе на иконѣ Спасителя и въ этотъ день вечеромъ провели время въ молитвѣ, въ полночь же уснули. Въ это время началось землетрясеніе и тѣло Богородицы невидимо было восхищено на небо. Павелъ и Іоаннъ отъ колебанія проснулись и разбудили другихъ.

¹⁾ Порфирьевъ, op. cit., 79 и 278. Господь обращается къ Петру съ этими словами. Плагаютъ, что Богородица представлялась въ возрастѣ отъ 50 до 70 лѣтъ. „Прав. Обзоръ“, 1873, 57, 67.

При Успении Богоматери не было апостола Θомы ¹⁾; въ почъ на воскресеніе онъ явится во время землетрясенія. Онъ былъ въ Пидіи въ городѣ царевича и въ минуту крещенія его племянника Духъ Святый открылъ ему: Матерь Господа представляется, спѣши въ Гесимаію. Облако восхитило его и принесло въ Гесимаію. По его просьбѣ, апостолъ Петръ открылъ гробницу Богоматери, но тѣла Ея уже не нашли. Іоаннъ сказалъ, что плоти Ея нѣтъ и истинно во время землетрясенія восхищена на небо. Θома сказалъ, что не повѣритъ Ея преставленію, если Богоматерь не дастъ отвѣта. Во время молитвы показался свѣтъ предъ одромъ и увидѣли Богоматерь. Она подозвала Θому и сказала: „почему не вѣришь моему преставленію на 84 году? Сынъ взялъ мать Свою на небо“. Приблизился Θома къ ногамъ Ея, говоря: „вѣрую отнынѣ, что еси жива душою и плотью“. Богоматерь благословила его и сдѣлалась невидимой. Апостолы удивились чуду и славилъ Господа ²⁾

Грузинское слово объ Успении Богоматери, имѣя сходныя черты съ существующими разказами, отличается нѣкоторыми особенностями, ставящими его особнякомъ. Прежде всего грузинское слово поражаетъ витиеватостію изложенія одинаковыхъ фактовъ съ другими редакціями. Рѣзко выставляется идея о главенствѣ Петра, отмѣченная Порфирьевымъ въ Словѣ Солунскомъ, какъ признакъ латинской обработки. Но грузинское слово не примыкаетъ во всѣхъ деталяхъ къ послѣдней редакціи. Здѣсь мѣсто погребенія въ долинѣ Іосафатовой назначено Самимъ Спасителемъ, а въ грузинскомъ словѣ Іоанномъ Крестителемъ. Не отмѣчая другихъ несовпадающихъ подробностей, укажемъ на явленіе Богоматери Θомѣ по грузинскому слову, между тѣмъ какъ соответствующаго разказа не находимъ у архіепископа Солунскаго. Родство грузинской редакціи со словомъ Іоанна Богослова и армянскимъ сказаніемъ ³⁾ не можетъ быть установлено, ибо подробности послѣднихъ (напр. о Θомѣ, получившемъ поясъ отъ Богоматери и сожженія дома Іакова) носятъ совершенно другой характеръ сравнительно съ изложеніемъ грузинской редакціи. Въ виду этого послѣдняя получаетъ особый интересъ для изучающихъ апокрифическую литературу.

¹⁾ По „Слову Пресв. Богородицы архіепископа Солунскаго“ Θомы также не было при Успении Богородицы, но конецъ его не совпадаетъ съ груз. словомъ.

²⁾ Явленія Богоматери Θомѣ въ „словѣ Солунскаго“ нѣтъ. *Порфирьевъ* op. cit. 87. По армян. апокрифу, Богородица преставилась 60 лѣтъ. *Эминъ* op. c., 9.

³⁾ Сказаніе о преставленіи Богородицы и объ ея образѣ, написанномъ

Посланіе царя Авгара (Авгароза) къ Господу нашему Іисусу Христу. ¹⁾

Авгарозъ былъ черный ²⁾. Привѣтствую Тебя, благого и замѣчательнаго врача Господа, явившагося въ странѣ Іерусалимской.

Слышалъ о Тебѣ и исцѣленіи Твоемъ, какъ (яко) не лѣкарствами и не травами, а словомъ Твоимъ слѣпымъ даешь прозрѣніе, хромымъ хожденіе, прокаженнымъ—очищеніе, глухимъ—слухъ, духовъ и демоновъ изгоняешь словомъ Твоимъ, мертвыхъ воскрешаешь. Посему удивился этимъ чудесамъ, о которыхъ слышалъ, какъ творишь. Помыслилъ я (положилъ въ мысли), что Ты или еси Богъ, сошедшій съ неба и творишь это, или что Ты еси Сынъ Бога.

Посему я написалъ къ Тебѣ, дабы Ты пришелъ ко мнѣ, и я поклонился святости Твоей, и дабы Ты исцѣлилъ немощь (болѣзнь)

евангелистомъ Іоанномъ. Армянскій апокрифъ V в. *Н. Эмина*, М. 1874. Апокрифъ этотъ армянскіе ученые приписываютъ Моисею Хоренскому, жившему по установленію мнѣнію около половины V в., хотя въ послѣднее время Баррьеръ, отодвигаетъ „Исторію“ Моисея Хоренскаго къ VII—VIII в., такъ какъ онъ пользовался арм. переводомъ исторіи Сократа, сдѣланнымъ въ концѣ VII ст. — Арцруни, владѣтельный князь Баспураканской области, просилъ Моисея Хоренскаго, одного изъ переводчиковъ священ. писанія на армянскій языкъ, разсказать ему исторію чудотворнаго образа, называемаго *Образомъ Матери Господней*.

¹⁾ Авгарево посланіе на шеѣ носятъ неразумные, замѣчается въ кодексахъ при перечисленіи объ этой легендѣ. *Lipsius*. Die Edessinische Abgarsage Braunschweig 1880. Легенда объ Авгарозѣ сведена къ тремъ версиямъ: сирскому армянскому и греческому. На сирскомъ языкѣ, по словамъ историка Евсевія, легенда впервые была составлена. *М. Куртмонъ* напечаталъ отрывокъ ея подъ заглавіемъ *Doctrine d'Addai, l'apôtre* (Ancient Syriac documents relat. to the earliest establishem. of Christianity in Edessa, London, 1864). М. Филипъ открылъ въ С. Петербургской библіотекѣ полный текстъ этой легенды VI в. *The Doctrine of Addai, the apostle*, London, 1876. Армянскій текстъ опубликованъ *Эминъ* у *Langlois* Collect. des historiens de l'Arménie мхитаристомъ Ашшаномъ. Греческій текстъ приведенъ въ церковной исторіи, (13 гл. I кн.) *Евсевія*. Грузинскій апокрифъ примыкаетъ къ греческому тексту. Сирская легенда возникла не позже III в. и ею воспользовался Евсевій, исторія котораго окончена въ 324—325 г.

²⁾ Слово „шави“ грузинскаго апокрѣфа въ смыслѣ чернаго соответствуетъ *Испата* историка Евсевія, Аршама Моисея Хоренскаго. *Икката*, т. е. черный, былъ прозвищемъ Авгара. *Lipsius* op. cit. стр. 11.

эту, коей я страдаю, (которую я имѣю), ибо я имѣю вѣру къ Тебѣ (я вѣрую въ Тебя). Паки же я слышалъ и то, что иудеи ропщутъ на Тебя, преслѣдуютъ Тебя, ненавидятъ Тебя и ищутъ Тебя оскорбить.

Я же имѣю (владѣю) градомъ небольшимъ, но преблагимъ и прекраснымъ, и достаточно намъ обоимъ для того, чтобы жить въ немъ. Миръ Тебѣ!

„Святое посланіе Господа нашего Иисуса Христа къ царю Авгарозу“. (Здѣсь представлено въ рукописномъ Алавердскомъ евангелии изображение Иисуса Христа, предъ нимъ столъ, на которомъ Онъ пишетъ).

Блаженъ еси ты, Авгарозъ, что, не узрѣвъ, вѣруешь въ Меня, ибо написано обо мнѣ: яко видящіе Меня, не увѣровали въ Меня, и кои не видѣли Меня, увѣровали въ Меня. И Я посланный для готовыхъ вознесусь къ Отцу Моему, который послалъ Меня. И Я когда вознесусь пошлю къ Тебѣ одного изъ своихъ учениковъ и немощь, которою ты страдаешь (ты имѣешь), тотъ исцѣлитъ и (всѣхъ), коихъ имѣешь (въ своемъ распоряженіи) обратитъ къ вѣчной жизни. И страна твоя да будетъ благословенна во вѣки, и врагъ да не покоритъ ее во вѣки. Посланіе же Мое вездѣ во владѣніи ли (на землѣ), или на морѣ, или же кого въ горячку бросаетъ, или треплетъ лихорадка, или будетъ одержимъ страхомъ, или чарами охваченъ (связанъ), или отъ какой либо болѣзни—отъ всякой спасетъ (болѣзни).

Кто приметъ это (на себя), то долженъ быть чистъ и свободенъ отъ всякаго злого дѣла, ибо все написано Моей рукой. И напечатано посланіе это семью печатами, которыя писаны ниже. Вотъ эти семь печатей. (Слѣдуетъ изображеніе начальныхъ греческихъ буквъ).

Крестъ, воскресеніе душъ, упованіе христіанъ, вѣчная жизнь, возносящій свѣтъ въ небеса, крестъ, слава христіанъ.

Вотъ переводъ этихъ печатей.

Когда посланіе Господа получилъ царь Авгарозъ и слышалъ (онъ), что иудеи ищутъ Его смерти, послалъ царь художника нарисовать образъ Господа и принять его. (Ср. *Kai dēξαμενος Αὐγαρος τὴν τοῦ κυρίου ἐπιστολὴν ἀχούσας ἔτι καὶ οἱ Ἰουδαῖοι ἐπιγόνται (сод ἐπηγοντε) τοῦ ἀποκτεῖναι τὸν κύριον πέμψας οὖν αὐτίκα ἐπ' αὐτόν*). Художникъ тотъ и гонцы, быстро совершивъ переходы, подошли къ вратамъ *προπόλαια* Иерусалима и встрѣтилъ Иисусъ и сказалъ (имъ): человекѣ, вы художники. Отвѣчали тѣ: мы посланы владѣтелемъ (царемъ) Авгарозомъ видѣть Иисуса Назарейнина и срисовать Его образъ. Сказавъ это, они пошли за нимъ. На другой день сталъ Иисусъ среди многочисленнаго

народа и училъ (его). Художникъ же тотъ стоялъ и рисовалъ его образъ, но не сумѣлъ, ибо не могъ уловить Его чертъ. Тогда другъ его сказалъ ему: отдай холстъ этотъ въ руки Ему. Подошелъ человекъ тотъ, палъ къ ногамъ Господа и все объявилъ предъ народомъ Его и отдалъ холстъ тотъ. Господь же принялъ холстъ и положилъ (его) на ликъ Свой и вдругъ отобразился ликъ Его на немъ и удивились всѣ присутствующіе которые видѣли это.

(Здѣсь изображенъ Христосъ, утирающійся холстомъ, на которомъ отобразился Его ликъ).

Холстъ же тотъ отдалъ Господь апостолу (ученику) *Θαδδαι* и повелѣлъ, по вознесеніи Его, отправиться въ городъ Едессу ¹⁾ для исцѣленія отъ болѣзни и всѣхъ недуговъ подъ небесами. И по вознесеніи Господа, по словамъ Его, отправился онъ въ Едессу. Пришли *Θαδδαι* и его спутники въ одинъ городъ, который именуется *Ιεραπολι(ς)* ²⁾. И остановились внѣ города въ жилищѣ (одного) гончара и положили св. тотъ холстъ между двухъ глиняныхъ сковородокъ, ибо боялись (потерять?). Когда же заснули, вотъ показался съ неба огненный столбъ и остановился онъ надъ тѣмъ (мѣстомъ), гдѣ былъ образъ Господа. И увидѣла стража того города чудо это и донесли владѣтелю (города). Вышелъ владѣтель тотъ со своимъ народомъ и нашли образъ Господа между тѣхъ двухъ глиняныхъ сковородокъ, гдѣ стоялъ огненный столбъ и соизволилъ, онъ принять образъ тотъ. Гонцы же и художникъ сказали, что они (подданные) Авгароза. И владѣтель тотъ нашелъ на сковородкахъ отобразенный ликъ Господа, который похожъ былъ на образъ тотъ. Тогда взялъ владѣтель сковородку, а холстъ тотъ отдалъ апостолу и гонцамъ. И пошли (далѣе) *Θαδδαι* и спутники его, которые были отправлены Господомъ. И приблизился (*Θαδδαι*) на разстояніи одной стадіи (поприща) къ одному городу Авгароза, нашелъ нѣкоего лежащаго, который просилъ хлѣба. И возложилъ руку на него и тотъ вдругъ, прыгая пошелъ бѣгомъ въ городъ и пришелъ къ матери своей. Увидѣли его всѣ и удивились. Дошелъ слухъ этотъ до Авгароза. Тотъ же призвалъ юношу и спросилъ: „Кто тебя исцѣлилъ?“ Отвѣтилъ тотъ, говоря: „человѣкъ нѣкій нашелъ меня за городомъ, возложилъ руку и исцѣлилъ.“ Авгарозъ, полагая что это

¹⁾ По другимъ вариантамъ, не *Θαδδαι*, а *Αδδαι*, одинъ изъ 72 апостоловъ, прибылъ къ Авгарю въ Едессу и исцѣлилъ его. *Tixeront, Les origines de l'église d'Edesse et la légende d'Abgar* (Paris, 1888), стр. 20.

²⁾ *Ιεροπολις* града Яропола. *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія, стр. 248.

(явилъ) Господь, а посланный нашель Ѡаддея и гонцовъ съ нимъ отправленныхъ. Пришли тѣ и принялъ онъ ихъ съ радостью. Авгарозъ былъ одержимъ (болѣзнию) и лежалъ на одрѣ шесть лѣтъ. Тогда припалъ холстъ тотъ, на которомъ былъ отображенъ ликъ Господа и приложился (лобызаль) къ нему и тотчасъ всталъ и сталъ ходить совершенно здоровый. И сказалъ апостолу Ѡаддею: „что мнѣ подобаеъ дѣлать?“ Отвѣтилъ тотъ, говоря: „прежде всего подобаеъ тебѣ принять крещеніе“. Тотъ же съ радостью согласился. И послѣ того, какъ проповѣдалъ Евангеліе Божіе, повелъ къ рѣкѣ, именуемой Верійской и крестилъ здѣсь апостолъ Ѡаддей Авгароза, супругу его, дѣтей ихъ и всѣхъ домочадцевъ съ ними во имя Отца и Сына и Святаго Духа—радовались всѣ, и очистилъ ихъ отъ всѣхъ немощей и прославляли Бога, кому подобаеъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Иисусе Христе, владыка всѣхъ вѣковъ, возвеличь душой славящаго Тебя священника Соломона и безъ стыда удостой лицезрѣть образъ Твой, подобно владѣтелю Авгарозу. Молитву творите святые отцы для несчастнаго душой грѣшнаго инока Юанна Рвали (?)

Таково содержаніе грузинскаго „авгароза“. *I. Alb. Fabricius* въ „Codex Arosyphus novi Testamenti“ приводитъ переписку І. Христа съ Авгаремъ изъ исторіи *Евсевія* на греческомъ языкѣ съ версіей изъ *Руфина* на латинскомъ языкѣ.

Переписка Иисуса Христа съ Авгаремъ и сказаніе о нерукотворенномъ образѣ изслѣдованы *Порфирьевымъ въ Апокрифическихъ сказаніяхъ* ¹⁾. Русское сказаніе начинается такъ: „подобаеъ о семъ мало побесѣдовать о самой благодати Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Много ему чудеса благолѣпнѣ содѣвающу во всѣхъ языкѣхъ провозвѣщено бысть о Иисусѣ. Слышавъ о семъ Авгарь, князь Едесской, иже отъ синяя проказы и расслабленія непріяннаго томимъ бѣ и желаше своимъ очима самого Содѣтеля видѣти. Посла Авгарь ко Иисусу посланіе молебное, глагола сиче. Слышано ми естъ о тебѣ Господи, и о дѣлахъ твоихъ бывающихъ, токмо бо словомъ даши исцѣленіе болящимъ, слѣпымъ прозрѣніе, хромымъ ходити, слышати глухимъ“... Славянская редакція, напечатанная акад. Тихоновоымъ носитъ смѣшанный характеръ о перепискѣ и нерукотворенномъ образѣ. Въ этой редакціи помѣщены сначала рассказъ о нерукотворенномъ образѣ, а потомъ переписка Иисуса Христа съ Авгаремъ. „Посла же Авгарь Луку скорописца, гораздо иконамъ писати“ ²⁾. Однако, осо-

¹⁾ Изъ Торжественнаго XVI в. № 370 у *Порфирьева* оп. с. стр. 239—270.

²⁾ *Тихоновогъ*. Памятники отреченной литературы II, 11—17.

бенность этой редакціи, заключающаяся въ томъ, что посланіе Спасителя написано Его рукою и запечатано было семью печатями, что оно тѣхъ, кто его имѣетъ при себѣ, спасетъ отъ разныхъ болѣзней и несчастій, вскрывается и въ грузинскомъ сказаніи ¹⁾.

Посланіе царя Авгаря къ Иисусу Христу въ переводѣ съ грузинскаго языка на русскій приводится г. Покровскимъ въ его статьѣ „Миньютюры Гелатскаго евангелія“ ²⁾. Здѣсь дано и объясненіе печатей, которыя были приложены І. Христомъ въ отвѣтномъ посланіи къ царю Авгарю. „Крестъ означаеъ, что Я волею былъ распятъ на немъ, ψ означаеъ, что я воистину полный (ψιλόος), Χ означаеъ, что Я покоюсь на Херувимахъ (χερουβίμ), ε означаеъ, что Я Богъ Единный (εἰς), υ означаеъ, что Я высшій Творецъ и Богъ боговъ (υψιστος), ρ означаеъ, что Я избавитель рода человѣческаго (ρυστήρ), δ означаеъ, что Я всеправедный (δικαιός), вѣченъ и есмь во вѣки вѣковъ“. (Ср. араб. вариантъ у меня стр. 199). Толкованіе же знаковъ по приведенному мною посланію Авгаря изъ приписки къ Алавердскому евангелію значительно отличается отъ объясненія даннаго въ Гелатскомъ евангеліи, какъ легко заключить изъ ихъ сопоставленія. Помимо этого, въ посланіи изъ евангелія Гелатскаго замѣчаются нѣкоторые пропуски сравнительно съ письмомъ Авгарю изъ Алавердскаго евангелія. Такъ, въ первомъ не передается, что художникъ, будучи не въ состояніи уловить черты лика І. Христа, подошелъ (къ Нему), палъ къ ногамъ Господа и все объявилъ предъ народомъ ³⁾, Далѣе, въ немъ нѣтъ свѣдѣній, что Авгарь (Авгарозъ, по нашей редакціи) былъ одержимъ болѣзнию и лежалъ на одрѣ шесть лѣтъ. Также умалчивается, что холстъ тотъ (съ изображеніемъ лика) Господь отдалъ апостолу Ѡаддею и повелѣлъ, по вознесеніи Своемъ, отправиться въ городъ Едессу для исцѣленія отъ болѣзней подъ небесами. И по вознесеніи Господа, по словамъ Его, онъ отправился въ городъ Едессу“. Отличительную черту посланія по Алавердскому евангелію отъ таковаго по Гелатскому евангелію заключаеъ въ томъ, что источникъ, гдѣ Ѡаддей крестилъ Авгароза въ первомъ названъ *Верійскимъ*, а во второмъ *Керасанъ* ⁴⁾. Эти посланія представляютъ почти буквальное воспроизведеніе того,

¹⁾ Ср. приведенное мною на 143 стр. посланіе І. Христа, которое спасетъ отъ гнѣва Божьяго, отъ холеры и другихъ болѣзней.

²⁾ *Записки* отд. рус. и славян. археологій И. Рус. Арх. Общ. т. IV, стр. 306 и сл. ст. *Покровскаго*.

³⁾ Ср. *Покровскій*, назван. статью, стр. 308.

⁴⁾ ib. 309.

что сказано объ этомъ у историка Евсевія. У Моисея Хоренскаго сохранилась эта переписка І. Христа съ Авгаремъ согласно съ повѣствованіемъ Евсевія ¹⁾. Авгарозъ на грузинскомъ языкѣ былъ переведенъ издревле. Онъ дошелъ до насъ писанный на бомбицинѣ въ Синайскомъ монастырѣ. Посланіе Авгара, царя Едесскаго, начинается обращеніемъ къ І. Христу: „Авгарозъ, правитель города Едессы, Спасителю, благому царю, явившемуся въ городѣ Іерусалимѣ при вѣтствую...“ ²⁾.

Легенда объ Авгарѣ критически изучена Ришардомъ Адебертомъ Липсіусомъ. Легенда разлагается имъ на двѣ части: первая—переписка І. Христа съ Авгаремъ, вторая—разсказъ о происхожденіи нерукотвореннаго образа. Достоверность переписки оспаривалась еще въ первые вѣка церкви. Авгарь, корреспондентъ І. Христа, историческое лицо: онъ пятнадцатый царь въ Едессѣ. Онъ носилъ прозвище Икклатъ, т. е. черный. Жилъ въ первой половинѣ перваго столѣтія по Р. Х. (*Gutschmid, Königsnamen, s. 171 fr.*) Объ отправленіи къ Авгарю образа Христа, Евсевій ничего не сообщаетъ, точно также едесскіе акты, переведенные съ сирскаго, не располагаютъ свѣдѣніями по этому вопросу. Моисей Хоренскій сообщаетъ вкратцѣ, что „Анапъ, гонецъ Абгаря, принесъ ему это І. Христа письмо вмѣстѣ съ изображеніемъ лика Спасителя, существующимъ до сего времени въ городѣ Едессѣ. (*М. Хоренскій, новый пер. Эмина, стр. 81.*) Въ грузинскомъ переводѣ нѣтъ имени Анапія, хотя краткій разсказъ Моисея Хоренскаго (стр. 82), о принятіи крещенія Авгаремъ имѣетъ параллель въ нашей легендѣ. Въ подробностяхъ наша легенда сходится съ приведеннымъ Липсіусомъ разсказомъ изъ cod. Vindobon. 315 ³⁾.

Приводимъ для параллели *арабскій* вариантъ объ Авгарѣ, напечатанный у *Tixeront* въ его изслѣдованіи: Les origines de l'église d'Edesse et la légende d'Abgar. p. 200.—Au nom du Dieu créateur, vivant, parlant. Nous commençons, avec le secours de Dieu Très-Haut et sa bonne assistance, à copier la lettre d'Abgar, roi d'Edesse (que sa bénédiction soit avec nous. Amen!) Il l'envoya à Notre Seigneur Jésus Christ avant son ascension corporelle. Il dit: j'ai entendu parler de toi, o même Seigneur, et des miracles que tu fais, miracles qui ne sont point comme les oeuvres des magiciens

¹⁾ *Евсевій*. Церковная исторія, кн. I, гл. 13. *Моисей Хоренскій* кн. II, 31, (пер. Эмина),

²⁾ *Царели*, Памятники на Синаѣ и въ Св. Землѣ, стр. 238.

³⁾ *Lipsius*. op. cit. стр. 55—6.

et qui ne sont pas non plus opérés avec des remèdes et des simples comme le font les médecins de ce monde. Mais avec une simple parole, tu guéris les maladies, tu fais sortir les esprits méchants, tu donnes la vue aux aveugles, le mouvement aux paralytiques, la parole aux muets, l'ouïe aux sourds; l'hémorroïde a été guérie, lorsqu'elle a touché le bord de ton vêtement. En entendant raconter cela de toi j'ai cru que tu es le Fils de Dieu descendu du ciel et que tu as fait cela à cause de ton amour pour l'humanité. Bien que j'en sois indigne, je te demande, ô mon Seigneur, de venir chez moi pour me guérir de mes infirmités. J'ai entendu (dire), que les Juifs te haïssent et veulent te tuer. Eh bien, je possède une petite ville; elle est à moi et à toi.

Réponse de Notre Seigneur (A lui la gloire!) Il dit: Heureux es tu Abgar! Le bien soit à ta ville qui s'appelle Edesse, parce que tu ne m'as pas vu et tu as cru en moi. Tu seras récompensé de ton intention; tu règneras sur tes sujets. Je te pardonne tes péchés. Ta ville sera bénie et la gloire de Dieu habitera en elle, la sécurité sera dans ton peuple. Je répandrai ta mémoire sur la terre; toutes les nations entendront (parler) de toi. Moi, Jésus-Christ, de même que tu as manifesté mon, nom je manifesterai le tien, moi. J'ai écrit cette lettre de ma propre main. Partout où elle sera portée aucun doute ne pourra l'infirmer. Tous les esprits méchants fuiront devant elle par la vertu de la sainte Trinité. Heureux es-tu Abgar, roi d'Edesse; je t'ai donné la santé. Pour ce que tu me demandes d'aller chez toi, après avoir été vers le Père, je t'enverrai un de mes disciples, Thaddée; il guérira tes infirmités et te donnera la vie éternelle. La paix soit avec la ville pour laquelle tu me pries. L'ennemi ni le tyran ne prévaudront point contre elle ni contre celui qui portera cette lettre.

Et il scella la lettre de sept sceaux. Le premier sceau (portait): Voici que je suis allé sur la croix, par ma volonté;—le second sceau: je ne suis comme un homme simple parfait (ψαλίζε);—le troisième sceau: j'ai été élevé sur la Croix et sur les Chérubins;—(le quatrième sceau): Je suis le premier, l'éternel; personne n'est comme moi;—5: Roi des rois, Dieu des dieux; 6: j'ai passé entre les hommes en faisant le bien: 7: Le Verbe éternel, en tous temps, toujours, éternellement. Puis il prit un mouchoir et s'en essuya le visage. A l'instant son visage se reproduisit sur le mouchoir sans le secours de drogues. Ensuite il l'envoya (avec le titre) à Abgar roi d'Edesse, et celui-ci opéra des miracles et des merveilles. Gloire à Dieu toujours!

Fin de la lettre d'Abgar, roi d'Edesse, dans le salut du Seigneur.—Amen.

Хождение Святой Богородицы по мукамъ грѣшныхъ людей¹⁾.

Соизволила Пренепорочная Мать Творца неба и земли, Дѣва Марія, видѣть муки, которыми мучатся, осужденные грѣховъ ради, разнообразными муками нестерпимыми и невыразимыми болями. Вошла она на святую гору Елеонскую и сказала: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, да снизойдетъ съ неба великій изъ архангеловъ, Михаилъ, дабы повѣдать Миѣ обстоятельства сущихъ между небомъ и землею и вѣдѣти міра, и дать узрѣти Миѣ муки грѣшниковъ. И послѣ сихъ словъ снизошелъ главный изъ ангеловъ вмѣстѣ съ сонмомъ ангеловъ и съ благоговѣніемъ привѣтствовалъ св. Богородицу. Сказала Пресвятая Михаилу архангелу: „Сгаршій надъ воинствомъ небеснымъ невидимаго Саваоа, Бога Отца совѣтникъ и Св. Духа слуга, который предстоишь предъ необъятной для ока церковью Св. Троицы и преисполненъ благодати отъ нея, которому надлежитъ трубить и разбудить вѣками уснувшихъ мертвыхъ. Радуйся, начальникъ началъ (т. е. чина ангеловъ), небесный вождь!“ Отвѣтилъ Михаилъ Дѣвѣ съ благодареніемъ и сказалъ: „Превышняя надъ всѣми небесами и превышняя надъ всѣми херувимами и Пресвятая надъ всѣми нами, опредѣленными на небесахъ, Тебѣ подобаеъ хвала, Тебѣ подобаеъ слава и Тебѣ приличествуетъ всякая честь, ибо превзошла еси небо и землю и возвысилась

¹⁾ На груз. языкѣ напеч. мною въ „Мцхемси“ 1893, 19, „1894, 2“. Рукопись принадлежитъ горійскому предводителю дворянства И. Д. Сулханову. Рукопись представляетъ сборникъ апокрифовъ, писанныхъ мелкимъ почеркомъ „мхедрули“. Дата не поставлена. Ср. Хождение Богородицы по мукамъ въ „Памятникахъ русской отреченной литературы“ Н. Тихонравова, т. II, стр. 23—40. М. 1863. Начало изъ сербской рукописи XV в.: Благовѣсть свята Богородица възыде на гору Елеонстѣи. Армянское „Видѣніе Богородицы Маріи, въ которомъ она видѣла муки грѣшниковъ“ по рукописи покойнаго Эмина, приготовленной для печати, открываеъ словами: „Встала Богородица, Мать Господа, пошла на Елеонскую гору молиться за всѣхъ вѣрующихъ, дабы Богъ избавилъ ихъ отъ всѣхъ бѣдъ, отъ геены тартара и отъ непроницаемаго мрака.“ Греческій текстъ, приведенный А. Васильевымъ начинаеъся: Ἐφάνη τις τῆς παναγίας καὶ ὑπάγη εἰς τὴν κόλασιν καὶ ἰδῆ τοὺς ἀμαρτωλοὺς πῶς κολάζονται, καὶ παγαίνει εἰς τὸ βουνὶ τῶν Ἑλαίων καὶ κάμη τὴν προσευχὴν τῆς καθὼς ἦτον συνηγμένη καὶ παγαίνη πάντοτε καὶ προσεύχεται καὶ καὶ ἀκόπτη τὰ γόνατά της. Далѣе слѣдуетъ явленіе, по молитвѣ Богородицы, Архангела Михаила, по грузинскому, славянскому и греческому апокрифу, а по армянскому—архангела Гавриила. Vassiliev. Anecdota graeco-byzantina. 125.

имя Твое надъ обширной вселенной и Тебѣ величаютъ вѣчно предъ Отцемъ безначальнымъ“. Сказала Пресвятая Богородица: „покажи миѣ, вождь народа, всѣ муки, которыми мучатся всѣ люди грѣшныи, родъ христіанскій и языческій“. Приказалъ Михаилъ именемъ св. Троицы открыть и обнаружить въ аду всѣ муки. Тогда адъ открылся и узрѣла Пресв. Богородица неисчислимое множество мужей и женъ, которые мучатся въ немъ и былъ плачь великій и сѣтованіе. Спросила Пресв. Богородица: „скажи вождь народный, Михаилъ, кто суть сіи, или каковы ихъ грѣхи?“ Отвѣтилъ Михаилъ и сказалъ: „это, Пресвятая, тѣ, которые не вѣрятъ ни въ Отца, ни въ Сына, ни въ Духа, ни Тебя не величали, поэтому мучатся такъ здѣсь“. Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ мракъ и сказала Михаилу, что означаетъ мракъ сей. Михаилъ отвѣтилъ: главнѣйшія муки происходятъ здѣсь, Пресвятая. Сказала ему Пресвятая: желаю видѣти сіи муки. Отвѣтилъ ей Михаилъ: невозможно тебѣ, Пресвятая, видѣти муки сіи, ибо заповѣдь дана миѣ отъ невидимаго Отца, что они не увидятъ свѣта, дондеже придетъ во славу Сынъ Твой вторично, огонь вѣчный будетъ ихъ пожирать. Сказала Пресвятая, кто суть сіи или каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ ей Михаилъ: это они..., Пресвятая Богородица. (Въ груз. текстѣ пропускъ, греч. и армян. памятники передаютъ, что по молитвѣ Богородицы мракъ разсѣялся и вступили съ нею въ бесѣду грѣшники здѣсь сущіе: они мучаются за то, что не увѣровали въ І. Христа). Они говорятъ, что къ нимъ не приходилъ еще никто: ни Авраамъ, ни Моисей, ни Іоаннъ Креститель, ни апост. Петръ, Богородица же, надежда христіанъ, Бога молитъ за всѣхъ грѣшниковъ. Сказала Пресвятая: „Эхъ, вы несчастные, и не слушали предсказанія пророковъ!“ И опять окуталъ ихъ мракъ. И сказалъ Михаилъ: „Пресвятая, куда изволишь выдти? Сказала она къ востоку, и тотчасъ предстали серафимы и херувимы и вывели Пресв. Богородицу. И пришла и узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ множество мужей и женъ и мучились они въ огнѣ, иные по грудь, иные до ногъ. Сказала Пресвятая Михаилу—кто суть сіи? Отвѣчалъ Ангелъ: сидящіе до чреслъ въ огнѣ—это тѣ, которые обрѣли проклятіе отца и матери, нынѣ такъ мучатся здѣсь. Сказала Пресвятая: кто такіе, которые сидятъ по грудь въ огнѣ? Отвѣтилъ Ангелъ: это Пресв. тѣ, которые воспріемницъ прелюбодѣніемъ и безсчеіемъ оскверняютъ. Изволила сказать Пресвятая: кто такіе, что сидятъ въ огнѣ по самую макушку? Отвѣчалъ Михаилъ: это, Пресвятая, тѣ, которые ѣли человѣческое мясо. Сказала Пресвятая: возможно развѣ, чтобъ человѣкъ ѣлъ человѣческое мясо? Отвѣчалъ ангелъ: это тѣ, которые невиннаго плѣнника несправедливо продавали и выручку ѣли, подъ этимъ подра-

зумѣвается съѣденіе человѣческаго мяса¹⁾). Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ: черви ѣли мясо человѣка. Спросила Пресвятая Михаила—это кто такіе или каковъ ихъ грѣхъ? Это, Пресвятая, растовщики, отыскивающіе проценты на проценты. Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ женъ, повѣшенныхъ обѣими грудями, и звѣри (черви) выходили изъ ихъ усть. Сказала Пресвятая—кто это такіе, вождь Михаилъ? Отвѣтилъ Пресвятой: Пресвятая, это тѣ, которыя приходили къ сосѣдямъ и подслушивали всѣ ихъ слова и этимъ вызывали много ссоръ и зла. Сказала Пресвятая: не лучше ли было для нихъ не родиться!

Плакала много Пресвятая и сокрушалась о нихъ. Сказалъ Ангелъ: Царица, Ты еще не видѣла великихъ мукъ. Затѣмъ привелъ Пресвятую Богородицу въ другое мѣсто; и узрѣла она облако огненное и въ немъ массу отцевъ и матерей и драконы огненного цвѣта обвивали члены ихъ тѣла и сожигали ихъ, какъ хворостъ сухой. Вздохнула Пресв. Богородица и сказала ангелу, — кто суть сіи или каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ Михаилъ: это тѣ, которые лежали по воскреснымъ днямъ и не отправлялись въ церковь на молитву и обѣдню. (Въ греч. и армян. текстахъ находимъ прибавленіе о больныхъ, которые немочны (ἀσθενῆς) ходятъ въ церковь. Муки ожидаютъ только тѣхъ, кои нѣжатъ себя. Въ груз. памятникѣ слѣдуетъ затѣмъ описаніе мукъ за стѣной говорящихъ и согрѣшившихъ предъ церковью, а въ арм. апокрифѣ его нѣтъ). Узрѣла грѣшниковъ Пресв. въ мѣстѣ иномъ: бруски желѣзные были повѣшены на ихъ языкахъ. Спросила Пресвятая ангела, каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ Михаилъ: „это, Пресвятая, за спиной говорящія“. Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ людей, окрашенныхъ кровью отъ ногтей ногъ по самую макушку, и языкъ ихъ былъ обжатъ огненнымъ пламенемъ и не въ состояніи были произносить слова. Плакала Пресв. Богородица и сказала: Господи помилуй! Тогда пришелъ Ангелъ, который сторожилъ ихъ и отверзъ языкъ ихъ скованный. Сказала Пресвятая Михаилу: „кто это такіе, или каковъ ихъ грѣхъ, что такъ мучатся несчастные?“ Отвѣчалъ Михаилъ Пресв.: это согрѣшившіе передъ святой церковью. Сказала Пресвятая, какъ соизволено было желать, такъ да будетъ. А ихъ постигла та же самая мука. Сказалъ Михаилъ: Пресвятая, приди и узри, гдѣ мучатся священники. Возврѣла и увидѣла повѣшенныхъ священниковъ и огонь исходилъ изъ ихъ

¹⁾ Такого толкованія „съѣденія человѣческаго мяса“ не находимъ въ греч. и армян. текстахъ. Продажа плѣнниковъ—фактъ извѣстный въ грузинской исторіи, противъ котораго энергично боролась церковь. См. „Церковные гуджары“, изд. мною. Кутаисъ, 1891.

макушекъ. Спросила Пресвятая, каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ ангелъ это приносящія божественную жертву, которые стоятъ у страшныхъ вратъ церкви Господа и дѣла на части священнаго Агнца, по неосторожности, роняли внизъ частицы. По сему церковь Господня сотрясалась и подножіе ногъ ихъ содрагалась. За это здѣсь мучатся они такъ. Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ людей, находящихся въ огнѣ. И звѣри крылатые, у которыхъ голова была на подобіе пламени огненного, терзали ихъ. Спросила Пресвятая ангела, каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ ангелъ: „это суть діаконы, которые евангеліе, писанія и поученія церкви знали и не были смиренны предъ церковью и священниками, не избѣгали грѣха, потому здѣсь они такъ мучатся (въ арм. пропускъ). Вышли въ другое мѣсто и узрѣли тамъ сидящихъ въ огнѣ. Спросила Пресвятая: кто это такіе или каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣтилъ Михаилъ: это, Пресв., тѣ, которые имѣли образъ апостоловъ и первосвященниковъ и были па земли первосвященниками, и говорили имъ духовные и свѣтскіе: благослови святѣйшій владыка, а между тѣмъ они были не святые, а нечестивые и поруганные грѣхомъ, и оскверненные нечестіемъ, и не ходили по пути справедливости, всѣ эти подвергаются здѣсь мукамъ. Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ женъ и пламя огненное вырывалось изъ ихъ усть. И со вздохомъ плакали и сжигались. Спросила Пресвятая архангела—кто эти или каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ Михаилъ: Пресвятая это жены духовныхъ лицъ, которыя по смерти своихъ супруговъ священниковъ не уважили ихъ и не воздерживались на истинномъ вдовствѣ и вышли замужъ за другихъ, поэтому здѣсь мучатся. Узрѣла въ иномъ мѣстѣ въ подобныхъ же мукахъ женъ діаконъ и въ другомъ мѣстѣ множество отцовъ и матерей, повергнутыхъ въ огонь, и огонь и звѣри пожирала ихъ мясо. Спросила Пресв. кто это или каковъ ихъ грѣхъ? Это суть монахини, которыя прелюбодѣйствовали, осквернили свои тѣла и не соблюли своего монашества, поэтому подвержены здѣсь мукамъ. Сказалъ Михаилъ Пресвятой: гряди Пресвятая, и узри болѣе важныя муки и многочисленность грѣшниковъ. Пришла Пресв.) Богородица и узрѣла огненную рѣку страшно

¹⁾ Перечисленіе мукъ женъ священниковъ, діаконъ, вышедшихъ замужъ, монахинъ, нарушившихъ обѣтъ чистоты, нечестивыхъ духовныхъ лицъ—въ армян. и греч. текстахъ не имѣются. Нѣкоторыя изъ группъ грѣшницъ должны были выработаться на груз. почвѣ по народному міросозерцанію, напр., о вдовахъ священнослужителей, выходящихъ замужъ. (О „πρεσβυτερισσαι καὶ διακονισσαι“ см. въ греч. текстѣ). Этого указанія не находимъ въ армянскомъ апокрифѣ точно такъ же, какъ въ немъ нѣтъ описанія „самыхъ тяжкихъ мукъ евреевъ“. Въ гре-

шумящую и въ ней сидѣли мужья и жены, и огненные драконы висѣли на ихъ языкахъ. Плакала Пресв. Богородица. И сказалъ Архангелъ, это Пресв. прелюбодѣи, клеветники, и совершившіе много всякихъ злыхъ дѣяній, и клятвопреступники, похищающіе и пожирающіе чужими трудами добытое, которые властвовали надъ бѣдными и немилосердные взяточники, челоѣкоубійцы, не служившіе Богу и церкви и священники поругающіе. (*Васильевъ*, стр. 130).

Узрѣвъ этихъ Пресвятая сказала: Горе безбожникамъ и грѣшникамъ! Отвѣтилъ Михаилъ Архангелъ: „пока Пресвятая Ты еще не видѣла тяжчайшихъ мукъ. Тогда повелъ онъ Пресв. Богородицу туда, гдѣ были самыя тяжкія муки. Налѣво была рѣка огненная и была страшная темнота и видъ рѣки самой темной и было въ ней множество мужей и женъ, былъ плачь и стenanіе и кипѣло какъ въ котлѣ и клочкотало волненіе, подобно морю разъяренному, и раскаленные огоньки ударили въ грѣшниковъ, и черви пожирали ихъ. И произнесли всѣ однимъ голосомъ: „Господи помилуй, судья справедливости!“ Узрѣвъ Пресвятую мученики единогласно произнесли: Благодаримъ Тебя, Сынъ Божій, ибо не видающіе со дня нашей смерти свѣта, теперь удостоились видѣть благодатью непорочной Матери Твоей! и паки зывали къ Богородицѣ: Радуйся, свѣтъ непомеркающій! Сказала Пресвятая Михаилу: „крайне сокрушаюсь и горестью наполняется сердце Мое!“ Увидѣла Пресвятая и ангеловъ, которые мучили грѣшныхъ, сокрушающимися, и болѣе огорчилась Пресвятая и плакала. Печалились Михаилъ и мучащіе ангелы о плачѣ Пресвятая, а грѣшники возопили: пришла для насъ Пресвятая, которые вѣками находились во мракѣ! И сказала Пресвятая: О, тяжкія зрѣлища, которыя я теперь глазами узрѣла! И ушли всѣ и произнесли: Господи помилуй! И послѣ сихъ словъ успокоилось волненіе, которому подвержены были грѣшники. И вслѣдъ показались грѣшники величиной въ горчичное зерно. Плакала Пресв. Богородица и спросила Михаила, какая эта рѣка, или каковъ грѣхъ сидящихъ въ этомъ мракѣ? Отвѣчалъ Михаилъ Пресвятой: это внѣшній мракъ и въ немъ находятся евреи, которые распяли на крестѣ Господа нашего Иисуса Христа и Бога, которые не крестились и не увѣровали ни въ Отца, ни въ Сына, ни въ Духа Святаго. Находятся тамъ же тѣ изъ восприемниковъ, ко-

торые прелюбодѣйствовали съ кумами и еретики, и челоѣкоубійцы, и чародѣи, и удушившіе дѣтей. Сказала Пресвятая Богородица: да будетъ съ ними сообразно съ дѣлами ихъ, и тотчасъ взбунтовалась рѣка, мракъ охватилъ ихъ и огонь окуталъ ихъ. Сказалъ Михаилъ Пресвятой: — если кто попадаетъ въ этотъ мракъ, такъ не суждено ему освободиться! И сказала Пресв. Богородица: „горе грѣшнымъ и безсильнымъ, ибо безконечно ихъ мученіе“. Сказала Пресвятая: прошу, Михаилъ, тебя, вождь народный, чтобы ты показалъ мнѣ, въ какомъ мѣстѣ мучатся христіане крещеные. И повелъ онъ, гдѣ мучались христіане. Узрѣла Пресвятая тяжкія муки съ огнемъ и мракомъ и спросила Михаила, каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ Михаилъ Пресв.: это суть тѣ, которые крестились, но приступили къ дѣвольскимъ дѣяніямъ, не позаботились о времени раскаянія и тунеядствовали, поэтому здѣсь такъ мучатся въ озерѣ огненномъ. (*Васильевъ*, стр. 131). Сказала Пресвятая: имѣю къ тебѣ, небесный вождь народа, слово, чтобы и я отправилась и мучилась вмѣстѣ съ христіанами. Отвѣчалъ Михаилъ — ты, Пресв., покойся въ раю. Отвѣчала Пресвятая: „молю тебя, Михаилъ старшій со своимъ воинствомъ молитесь за грѣшныхъ!“ Отвѣчалъ Михаилъ Пресвятой: „Святъ Господь семь разъ въ теченіе ночи, и мы если будемъ приносить моленіе за нихъ, не услышитъ Господь насъ“. Сказала Пресвятая: „молю тебя, старшій надъ небожителями, прикажи воинству ангеловъ, вывести Меня къ Отцу Благому“. И при этихъ же словахъ воинство вывело къ церкви Божества. Тогда распростерла Дѣва свои руки и сказала: „помилуй насъ грѣшныхъ и призри очами милости на грѣшныхъ сихъ мучащихся, ибо я узрѣла и не могу перенести ихъ муки и я мучаюсь ихъ видомъ. Раздался голосъ невидимаго Отца: не могу помиловать ихъ, Пресвятая, и не прииму моленія Твоего, ибо Я вижу въ рукахъ ихъ гвозди, которыми былъ распятъ Сынъ Мой, и не могу помиловать ихъ. Сказала Пресвятая: „помилуй только христіанъ Господи!“ Донесся голосъ невидимаго Отца: „не могу помиловать, Пресвятая, они не помиловали своихъ братьевъ, были горды и немилосердны по отношенію къ церкви и священникамъ, къ нищимъ безчелоѣчны, и я ихъ тоже не помилую. Сказалъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ: услышь Пресвятая, если кто совершитъ злое и не совершитъ доброе, какъ это сказано въ Евангеліи, и въ законѣ Моемъ, и во всѣхъ писаніяхъ, такъ да и будетъ наказанъ. Молилъ Отца Благого Сынъ возлюбленный: „Отецъ призри на творенія рукъ Твоихъ, за которыхъ молю Тебя и помилуй ихъ“. Сказалъ Матери Своей Христосъ: „Услышь, Пресвятая, нѣтъ челоѣка, который призывалъ бы имя и слово Твое“. Тогда воззвала Пресвятая *) и

*) Въ греч. текстѣ нѣтъ упоминанія о перечисленныхъ въ грузинскомъ

чекскомъ текстѣ объ этомъ см. у *Васильева*, стр. 130—131. οὗτός ἐστιν ὁ πόρινος ποταμός τὸ πῦρ τοῦ ἀβυστροῦ καὶ οἱ βασανιζόμενοι ὑπὸ τῶν κομάτων εἰσὶν οἱ ἰουδαῖοι οἱ σταυρώσαντες τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός καὶ τὰ ἔθνη τὰ μὴ βαπτισθέντα καὶ οἱ ἀρνούμενοι τὸν θεόν καὶ τὸ ἅγιον βάπτισμα καὶ οἱ πορνεύοντες εἰς τὰ ἴδια τέχνα καὶ πνίγοντες τὰ βρεφῆ.

призвала крестителя Иоанна, и евангелиста Иоанна, Абраама, и Моисея, Петра главу апостоловъ и Павла, и множество мучениковъ, и Квирика, гордость мучениковъ, и Гавриила, вѣстника радости, и угодниковъ Божіихъ отъ всѣхъ вѣковъ. И сказала: „придите и соберитесь здѣсь и вмѣстѣ со Мною обратимъ къ Богу молитву за грѣшниковъ“. Тогда Михаилъ повергся ницъ предъ церковью силъ небесныхъ и узрѣлъ онъ молитву за грѣшныхъ и сказалъ Сыну Единородному, узри молитву за грѣшныхъ. Отвѣчалъ Сынъ Единородный Михаилу: „встань и свизойди и искупи грѣшныхъ отъ мукъ молитвами Матери Моей“. И когда узрѣли грѣшныя, всѣ возопили съ плачемъ: „помилуй насъ Сынъ Божій! Помилуй Господь вѣчный и праведный Судья грѣшныхъ! Отвѣчалъ имъ Господь: „Рай насадилъ руками Моими и человекъ создалъ по образу Моему и поставилъ его старшимъ надъ раемъ и даровалъ ему жизнь вѣчную. Но онъ преступилъ заповѣдь Мою и грѣхомъ обрекъ себя смерти; но я не пренебрегъ твореніе рукъ Моихъ, вочеловѣчился отъ Непреложной Матери Моей, сдѣлался человекъ, распялся, дабы освободить васъ отъ перваго проклятыя, и былъ положенъ во гробъ. Снизшелъ въ адъ, попралъ враговъ и разорилъ адъ; воскресилъ Моихъ угодниковъ, освятилъ Иорданъ отъ старыхъ грѣховъ, и которые крестились, присоединились ко Мнѣ. Но дѣла добрыхъ никакихъ не творили, возненавидѣли свѣтъ и возлюбили тьму. По этому здѣсь всѣ такъ мучатся. Но, Матерь Моя, изъ-за тебя и всѣхъ святыхъ молитвами дамъ имъ покой въ раю Отца Моего въ православный день пятидесятницы и да покаются и прославляютъ Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь ¹⁾! Нынѣ

апокрифъ святыхъ, къ которымъ воззвала Богородица. Въ армянскомъ вариантѣ (по Эмину) читаемъ въ этомъ мѣстѣ: „и говорятъ Св. Богородица архангеламъ Гавриилу и Михаилу—давайте съ апостолами и пророками помолимся за души грѣшниковъ: статья можетъ, умилосердится надъ ними Богъ“.

¹⁾ Въ арм. текстѣ: „и раздался голосъ съ неба: ради многихъ моленій и слезъ Вашихъ даруется покой до втораго пришествія находящимся въ мукахъ со дня моего воскресенія“. Ср. греческій текстъ ἀκούσατε πάντες· παράδεισον ἐφύτευσα καὶ ἀνθρώπων ἔπλασα κατ' εἰκόνα ἡμῶν καὶ κατέστησα αὐτὸν κύριον τοῦ παραδείσου ζωῆν αἰώνιον ἔδωκα αὐτὸς δὲ ἐπαρήκουσε καὶ παρέβη τὴν ἐντολήν μου καὶ θανάτῳ παρεδόθη ἐγὼ δὲ οὐκ ἔφερον τὰ ἔργα μου ὑπὸ τοῦ διαβόλου τυραννοῦμένα θεωρῶντας καὶ κατελθὼν ἐπὶ τῆς γῆς σάρκα ἐφόρεσα ἐκ τῆς παρθένου μου μητρὸς ἀνθρώπος γενόμενος καὶ ἐψώθη ἐν σταυρῷ ὃ ὑμᾶς, ὕδαρ ἐξήτησα καὶ ἔδωκα μοι χολήν καὶ ἔξος· αἱ χεῖρές μου αἱματώθησαν ἐκ τοῦς ἡλσος καὶ εἰς τον ἄδην ἐκατέβησα καὶ τὸν ἐχθρὸν κατεπάτησα καὶ πάντας ἀνέστησα καὶ τὸν Ἰορδάνην εὐλο-

умоляю васъ, православныя, дабы внимали сказанному въ этой книгѣ. Отцы и братья, великіе и малые, старые и молодые, матери и отцы дабы со страхомъ и вѣрою внимали именовъ креста Христа Бога нашего и здѣсь и на томъ свѣтѣ. Аминь.

Какъ отразилось повѣствованіе вышеприведеннаго апокроеа въ народномъ сознаниі можно отчасти судить по разсказу одного пшавы, путешествоваго (!) въ подземномъ царствѣ ¹⁾, по повеленію правителя какой то страны, пожелавшаго получить обратно дорогое кольцо, унесенное покойной его матерью въ могилу. Вступивъ изъ предѣловъ, по слѣдамъ катившагося предъ нимъ облака, существующаго міра въ тотъ свѣтъ, молодой пшавъ встрѣчаетъ голую скалу, у подошвы которой былъ привязанъ быкъ безъ корма, однако поразительно жирный и полный. „Какъ это такъ, спрашиваетъ пшавъ, что ты не имѣешь корма, ничего не ѣшь, а между тѣмъ такъ полонъ“? Быкъ отвѣтилъ: „многихъ я видѣлъ входящихъ въ этотъ міръ, но никого не видалъ выходящимъ. Ступай и если вернешься, тогда все разскажу“. Пшавъ вышелъ на открытое поле, цвѣтущее разнообразными травами и перерѣзанной холодной, какъ ледъ, рѣкой. Тутъ былъ привязанъ такой тонкій быкъ, что ворону нечѣмъ было бы полакомиться. Удивленный горецъ подошелъ и спросилъ причину худобы. Быкъ обѣщался разсказать, если онъ вернется обратно. Двигается далѣе и видитъ на рукояткѣ топора лежатъ, обнявшись, мужъ и жена, да еще просятъ другъ друга: „примыкай ко мнѣ, чтобы насладиться тобой“. Путешественникъ и къ нимъ обращается съ обычнымъ вопросомъ: какъ это такъ, и получаетъ въ отвѣтъ согласіе все повѣдать на возвратномъ его пути. Пройдя большое разстояніе, онъ видитъ другую противоположную картину: на шкурѣ буйвола лежатъ мужъ и жена, да еще не помѣщаются на ней и безпрестанно говорятъ другъ другу: „отодвигайся далѣе, ты видишь мнѣ мѣста нѣтъ“. Смущенный пшавъ проситъ объяснить, какъ имъ не хватаетъ такой большой кожи. Многихъ видѣли проходящихъ, но не встрѣчали возвра-

γῆσα καὶ οὐκ ἠθέλησατε βαπτισθῆναι καὶ ἐὰν καὶ βαπτισθῆτε, τὰ ἔργα μου δὲν ἐκάμετε, διὰ τοῦτο εὐρίσκεσθε ἐν ταῖς κολάσεσιν ταύταις καὶ οὐκ ἐλέησα ὑμᾶς νῦν διὰ τῆς ἀγράντου μου μητρὸς τὰ δάκρυα καὶ διὰ τὴν τάξιν τοῦ πατρὸς μου καὶ διὰ τῶν ἀγγέλων μου καὶ τῶν ἁγίων μου τὴν δέησιν ἰδοὺ δίδωμι ὑμᾶς (==ὑμῖν) νόκας καὶ ἡμέρας πᾶσι τοῖς κολαζομένοις ἀπὸ τῆς ἀναστασεως μου ἕως τῆς ἁγίας πεντηκοστῆς πενήντα ἡμέρας τὴν ἀνάπαυσιν.

¹⁾ *Иверія*, 1889 г. № 182. Вѣсти изъ загробной жизни, сказанныя Иосифомъ Жаміашвили въ дер. Чаргали и записанныя Θ. Разикашвили.

щающихся, отвѣтили они. Если ты вернешься, расскажем. Шель шель горецъ и встрѣчаетъ священника. На спинѣ онъ тащитъ церковь, а молящіеся слѣдуютъ за нимъ. Гдѣ солнце его застанетъ, снимаетъ церковь и отправляетъ богослуженіе. Священникъ на вопросъ пшавы далъ слово все повѣдать, если онъ вернется. Затѣмъ на дорогѣ горецъ встрѣчаетъ челоѣка, у котораго изъ рта идетъ шерсть. На его любопытный вопросъ, страдалецъ согласился рассказать ему на обратномъ пути. Встрѣчаетъ мученика, укладывающаго яйца на веревку, чтобы потомъ поднять на спину, но всѣ его хлопоты остаются тщетны. Онъ такъ же обѣщалъ рассказать лишь по его возвращеніи. На пути далѣе онъ видитъ челоѣка обратившагося въ соленой камень, который лезетъ скотина. Видитъ челоѣка съ кувшиномъ, наполненнымъ прохладной родниковой водой; кричитъ онъ: жажду, пить хочу, а напиться не можетъ. Путешественникъ набрелъ на изумительную картину: одна женщина мѣситъ черное, какъ деготь тѣсто, кладетъ въ печь а вынимаетъ бѣлые хлѣбы, какъ вата. Вскорѣ онъ видитъ обратное: кладетъ женщина въ торпѣ (печь) бѣлые хлѣбы, а вынимаетъ черные. Двигаясь ближе къ своей цѣли, онъ встрѣчаетъ дерево, на которомъ виситъ сосцами женщина. Далѣе ему пришлось переходить оврагъ, на которомъ мостомъ служилъ челоѣкъ, чрезъ котораго всѣ проходили. Это была послѣдняя картина страданія въ загробной жизни. Пшавъ прибылъ къ матери царя, которая, требуя не прикасаться къ ней, просила рассказать, зачѣмъ онъ пришелъ. Получивъ отвѣтъ, мать царя дала посланнику кольцо и прибавила при этомъ: передай моему сыну за то, что онъ и здѣсь не оставляетъ меня въ покоѣ, проклятье сдѣлается ему зайцемъ, старухѣ его борзой собакой, свитѣ его волками и пожрать другъ друга.

Вернулся пшавъ и по дорогѣ получилъ отвѣтъ отъ всѣхъ, мимо которыхъ онъ проходилъ и запрашивалъ о причинѣ ихъ тягостнаго положенія. Челоѣкъ — мостъ ему говорить, что за обиды, наносимыя имъ вдовамъ, сиротамъ, безъ различія, за то, что все попираетъ въ земной жизни, онъ обреченъ теперь здѣсь быть мостомъ для всѣхъ проходящихъ. Женщина, повѣшенная сосцами, объяснила свое положеніе тѣмъ, что она бросила сиротъ и вышла за мужъ за другаго. Женщина, которая пекла бѣлый хлѣбъ, а вынимала черный, сказала, что въ земной жизни она имѣла всего много, но никогда ни одного странника и несчастнаго не приютила и не накормила. Женщина же которая вынимала бѣлый хлѣбъ, ставя въ печь черный, такъ истолковала это чудо: на томъ свѣтѣ я часто имѣла лишь одинъ ячменный хлѣбъ, но страннику всегда давала провизію,

всегда принимала обездоленныхъ. Челоѣкъ съ кувшиномъ воды, вызывающій дать ему напиться, признался, что онъ изъ родника, находившагося близъ его дома никому не давалъ воды. Челоѣкъ, раскладывающій яйца на веревкѣ, сказалъ, что въ земной жизни онъ воровалъ яйца, теперь его заставляютъ ихъ собирать, но онъ только мучится надъ этой неисполнимой работой. Челоѣкъ, обратившійся въ соленой камень, каялся, что на землѣ онъ не давалъ скотинѣ соли, а теперь несетъ наказаніе за это. Челоѣкъ, у котораго шерсть исходила изъ рта, причиной своей кары считалъ невѣрность хозяину стада барановъ, у котораго онъ воровалъ шерсть. Священникъ съ церковью на спинѣ сѣтовалъ, что въ своей деревнѣ онъ предпочиталъ проводить время на свадьбахъ и веселіяхъ отправленію религиозныхъ таинствъ причащенія и крещенія; до восхода солнца не начиналъ служить, а теперь онъ молится за всѣхъ своихъ прихожанъ всюду и вездѣ. Мужъ и жена, чувствуя тѣсноту на кожѣ буйвола, объяснили этотъ фактъ тѣмъ, что на землѣ они не любили другъ друга, и здѣсь не любятъ, но разстаться имъ не суждено. На рукояткѣ свободно расположившіеся мужъ и жена истолковали ему, что земная жизнь ихъ прошла во взаимной любви и тутъ ей наслаждаются. Тошій быкъ челоѣческимъ языкомъ заговорилъ и сказалъ, что за лѣность свою дѣлать и работать хозяину на гумнѣ, нести ярмо на ряду съ товарищемъ, онъ здѣсь при богатомъ кормѣ и питѣ не можетъ пополнѣть. Жирный быкъ на голой скалѣ, чувствуя благодарность къ хозяину за его уходы за нимъ, несъ честно свои обязанности и въ награду за это, при отсутствіи всякаго корма и питья, онъ полонъ и толстъ. Въ этомъ представленіи о загробномъ мірѣ рельефно отразились жизненные факты, имѣющіе важное нравственное значеніе для пшавовъ. По этому можно судить, какими обязанностями онъ себя связываетъ по отношенію къ супругѣ, дѣтамъ, собрату, обществу и даже къ животнымъ.

У инголойцевъ по именамъ называютъ тѣхъ счастливейцевъ, которые были въ подземномъ царствѣ, однакоже обратно вернулись въ сей тлѣнный міръ. Какой-то Цинки заболѣлъ, потерялъ разумъ и сознаніе, но скорѣ познавательная способность и мышленіе приняли правильный ходъ, явилась возможность рассказать все, что онъ видѣлъ въ загробной жизни. У горы онъ видѣлъ рѣку, въ которую ему совѣтовали прыгнуть, и онъ, руководствуясь благоразумнымъ наставленіемъ бабушки, не замочивъ ноги въ водѣ, перепрыгнулъ чрезъ рѣку. На другой ея сторонѣ ему пришлось видѣть роскошный пиръ съ пѣвьемъ, музыкой и танцами царства Плутона, гдѣ онъ любезно

былъ принятъ дѣдомъ, бабушкой, дядей братомъ и племянниками. Послышались ему звуки музыки и крики, возвѣщающіе о выходѣ невѣсты. Онъ поспѣшилъ къ ней на встрѣчу, но бабушка, замѣтивъ его, прогнала со словами, что ему нѣтъ еще тамъ мѣста. У пшавовъ мохевцевъ, тушинъ какъ у ингилойцевъ, существуетъ повѣріе, гласящее, о дегтарномъ озерѣ предъ вратами рая. Черезъ оврагъ, въ которомъ бушуетъ смоляная рѣка—озеро, перекинуть мостъ изъ одного волоска. Праведники благополучно достигаютъ рая, а грѣшники проваливаются и падаютъ въ огонь, гдѣ они безконечно жарятся. Для распредѣленія грѣшниковъ и праведниковъ существуютъ вѣсы, на которыхъ владыка Жаванаты взвѣшиваетъ всѣхъ грѣшныхъ; если правая чашка поднимается—значитъ праведникъ, опускается—грѣшникъ. При входѣ въ сулети (сулети г. е. мѣсто, гдѣ упокоаются души умершихъ) сидятъ строгіе судьи, которые принимаютъ умершихъ и остригаютъ у нихъ острыми ножницами два три волоска.¹⁾

Любопытное совпаденіе представленіе о судьяхъ и судѣ у насъ и у грековъ, въ особенности съ Атроной съ вѣсами и ножницами, которыми они отрѣзываютъ нить жизни. Въ частности рай представляется у пшавовъ громадной башней въ нѣсколько этажей; ее освѣщаютъ лучи солнца, предъ ней стоитъ кипарисовое дерево и ее обтекаетъ прохладная рѣчка, вкусная для питья. По мнѣнію же ингилойцевъ и свановъ рай—обширное, но и покрытое различными травами и роскошной нивой поле. На ней пасутся стада барановъ, растутъ въ изобиліи виноградъ и вкусные фрукты. Тутъ же Богомъ даровано озеро изъ молока на берегу дерева съ бѣлыми листьями. На деревѣ сидятъ умершіе младенцы, которые питаются молокомъ изъ озера. Рай наследуютъ всѣ безупречно проведеніе дни земной жизни, а въ адъ попадаютъ всѣ опозорившіе свое имя какимъ нибудь недостойнымъ дѣяньемъ, при чемъ наказаніе грѣшниковъ опредѣляется степенью гнусности ихъ поступка: солгавшіе вѣшаются въ аду за кончикъ языка, вступившіе въ противонравственныя связи съ кумой подвергаются оригинальной хирургической операци: у нихъ вырѣзываются на шашлыкъ мясо съ ледвей, а кончикъ вѣка просверливается остриемъ ножа; кто разстроитъ могилу, которую охраняетъ особый Богъ, подобно римскому Гермесу, варается небомъ, обрекаясь вѣчно носить на своихъ плечахъ тяжелые камни. Для грѣшниковъ другихъ категорій нѣтъ специальныхъ наказаній: всѣхъ ихъ опускаютъ головой въ котлы, которые наполнены горячей смолой и вокругъ бушуетъ

¹⁾ *Иверія*, 1888, 223. Мои очерки о пшавцахъ, мохевцахъ и тушинцахъ.

адское пламя бѣшеной геены. Многія черты загробной жизни, гдѣ цвѣтетъ виноградъ, и наказываются за тяжелыя работы назначенныя быку безъ корма и другіе виды страданій очевидно подсказаны земной жизнью, дѣйствительными условіями мѣстной природы. Слѣды Зороастрова ученія отразились въ представленіи о смоляной рѣкѣ съ мостомъ черезъ нее изъ одного волоска, а муки за прелюбодѣйство и за ложь отражаютъ вліяніе „Хожденія Богородицы по мукамъ“. Основы дуалистической системы были расширены, развиты подъ вліяньемъ наблюденія обыденныхъ явленій, подкрашены фантазіей, воспитанной подъ воздѣйствіемъ апокрифовъ.

Сопоставленія апокрифа „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ и разсказа пшавы о загробной жизни даетъ основаніе предположить, что помимо вліянія Зороастрова ученія на міровоззрѣніе грузинскаго народа сильное воздѣйствіе оказала апокрифическая литература. Последняя служитъ прекраснымъ опроверженіемъ мнѣнія, приписывающаго исключительное вліяніе персидскаго культа огня на представленіе грузинъ объ адскихъ мукахъ.

„Хожденіе Богородицы по мукамъ“ (Ἀποκάλυψις τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου), до сихъ остается не обследованнымъ, и не только темна его литературная исторія, не только не собраны его средневѣковые пересказы, но даже и греческій текстъ, столь часто встрѣчающійся во всѣхъ книгохранилищахъ, не имѣетъ сколько нибудь научнаго изданія. Два греческ. текста „Хожденія“ по рукописи XVII в. (Аѳонской библи.) готовятся къ изданію проф. Кирпичниковымъ. Нѣкоторый свѣтъ на литературную исторію „Хожденія“ можетъ бросить, повидимому, другой апокрифъ: „Видѣніе апостола Павла“, первоначальная редакція котораго, полагаютъ, составлена еретиками, позднѣйшая, до насъ дошедшая—православными монахами и направлена, вѣроятно, противъ несторіанъ и павликіанъ. Въ ней высоко поставлено почитаніе Богородицы¹⁾; но по плану первоначальной еретической редакціи все же первенствующая роль и заступничество за грѣшныхъ христіанъ предоставлены не ей, а апостолу Павлу. Самая популярность Павлова Видѣнія вызвала къ жизни другой апокрифъ, гдѣ заступничество было бы возложено на общепризнанную ходатайницу и посредницу, и такой апокрифъ долженъ былъ сохранить на себѣ слѣды подражанія апокалисису Павла. Богоматерь, какъ апостоль Павелъ,

¹⁾ *Шепелевичъ*. „Видѣніе апостола Павла“. (Харьковъ, 1892) I, 44. Самой тяжелой мукой въ колодецѣ, запечатанномъ 7-ю печатями, подвергаются тѣ, ὅσοι οὐκ ἠκολούθησαν θεοτόκῳ τῆν ἁγίαν Μαρίας.

созерцающая муки адских при посредствѣ ангеловъ и сжалившись надъ грѣшниками, приглашаетъ небесныя силы принять участіе въ моленіи за родъ человѣческой, и архангелъ Михаилъ ссылается на много разъ испытанную бесполезность такихъ моленій. Проф. Кирпичниковъ относительно времени происхожденія „Хожденія“, присоединяется къ мнѣнію Жиделя, возводящаго его къ VIII или IX в. Въ аеонскомъ текстѣ русскій ученый вскрываетъ факты, подтверждающіе голословное мнѣніе Жиделя о древности памятника: упоминаются діакоиссы, которая повдигше обратилась во вдовъ священниковъ, не соблювшихъ вдовства своего; самымъ страшнымъ грѣхомъ считается отговаривать язычниковъ отъ крещенія ¹⁾).

Заповѣдь и приказаніе Господа нашего І. Христа, данныя свыше чудомъ святому Силибистру, римскому папѣ ²⁾.

Однажды, по Божьему предопредѣленію, сошелъ съ неба огненный столпъ на римскую церковь и явился ангелъ св. Силибистру, римскому папѣ (по сирск. тексту—Аенасію). Всталъ онъ и, вошедши въ церковь, увидѣлъ величіе Божіе: отверстое небо, удивительный свѣтъ и огненный столпъ, стоящій надъ церковью; увидѣвъ это, смутился римскій папа и сказалъ: велико имя твое, который явилъ ликъ свой рабамъ твоимъ, и призвалъ священство и безчисленное множество мірянъ. И восхваляли Бога три дня и три ночи со слезами, на четвертый день помолились Богу и нашли въ церкви святую эту книгу, которую раскрыли со страхомъ и трепетомъ и нашли въ ней слѣдующіе людскіе грѣхи: безумцы, не работайте по воскресеньямъ, ибо день воскресный есть день святой! Если вы не послушаетесь, то пролью вашу кровь, наведу на васъ чужеземное войско. Пролью вашу кровь, если вы не исполните этой заповѣди. Слушайте Моего Евангелія, небо и земля преидутъ, только единое слово мое не преидетъ. Нашлю на землю ужасную зиму, которая будетъ продолжаться три года, и вѣтры,

¹⁾ Кирпичниковъ. Дискурсъ на Востокъ и Западъ стр. 15—17. („Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1893, ноябрь).

²⁾ Изъ вышеназванной рукописи П. Д. Сулханова. Ср. Епистоля о недѣлѣ. Н. Тихонравова, Памятники отречен. рус. литературы т. II, стр. 314. См. Веселовскій, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха III, 33—4 пр. Жур. М. Нар. Пр. 1876, мартъ, 1877, май. „Епистоля о Недѣлѣ“ извѣстна, по крайней мѣрѣ, съ VI в. Сирскій текстъ указываетъ появленіе епистоли въ 746 г. Флагегантскіе тексты приурочиваютъ ея появленіе къ Іерусалиму и алтарю св. Петра.

огонь, градъ, саранчу ¹⁾, истребляющую плоды вашихъ работъ. Злое сердце, полное злодѣяній! И Я обращаю милость Мою, по моленію св. матери Моей и всѣхъ св. ангеловъ и праведниковъ Моихъ, и пошлю вамъ всѣ блага: пшеницу, вино, масло и все доброе. Если же не обратитесь на путь истинный и не будете прославлять имя Мое въ—цари ли, вельможи ли, господа или рабы, и не помилуете пищихъ со слезами умоляющихъ васъ, которые не взысканы вашей милостью, когда даже среди невѣрующихъ извѣстно взаимное вспоможеніе, то плоды, которые я далъ всѣмъ деревьямъ, Самъ же за ваши грѣхи высушу, источники высушу посредствомъ лучей солнца; нашлю градъ и потоки и уничтожу деревни, если не послушаетесь словъ Моихъ. Внемлите обитатели земли, сущіе на землѣ, внемлите: тотъ человѣкъ, который исполнитъ въ воскресенье (квиріакѣ) какую нибудь работу, кромѣ молитвы и отдыха, да будетъ проклятъ! Моей десницей даровалъ это святое крещеніе вамъ свыше и повелѣніе Мое; развѣ не знаете вы, безумные: святъ есть воскресный день и это писалъ своей рукой на святой горѣ Синаѣ и далъ моему Моисею, въ видѣ начала заповѣди о воскресномъ днѣ и его соблюденіи? Нарушители воскресенья (квиріакѣ) и неисполнители моей заповѣди! развѣ не въ квиріакѣ я отдохнулъ отъ дѣлъ своихъ? Въ квиріакѣ благовѣствовалъ Мое рождество во плоти. Въ квиріакѣ я принялъ крещеніе отъ Іоанна и сошелъ на васъ также Духъ святой. Въ квиріакѣ же приду я судить живыхъ и мертвыхъ, воздать каждому по дѣламъ ихъ—вѣчное мученіе за грѣхи и блаженство праведнымъ. Клянусь церковью Отца и десницей Моей, что если не будете исполнять 10 заповѣдей и не будете поступать по Моимъ словамъ, нашлю лютаго звѣря, поѣдающаго перси матерей и мясо мужей. Проклятъ крестомъ моимъ, кто будетъ работать съ 9-го часа субботы до разсвѣта понедѣльника! Да будетъ проклятъ крестомъ Моимъ, кто не исполнитъ Моего повелѣнія! Отверзну небо и пошлю огненный дождь и сожгу всякаго, неповинующагося Моему велѣнію и въ часъ, когда не будешь чаять, встревожу землю: пошлю дождь изъ крови и золы, уничтожу посѣвы и виноградъ гнѣвомъ лица Моего и вытравлю всѣ работы въ квиріакѣ, пошлю огонь, градъ и уничтожу людей и звѣрей; нашлю на землю птицу, у которой голова будетъ львиная, орлиныя крылья, волосы богатой женщины, хвостъ же коня. И птица эта будетъ пожирать васъ безжалостно и, преслѣдуемые ею, вы вырете могилы

¹⁾ „Гусеница“ въ русскомъ апокрифѣ, Тихонравовъ, op. cit. II, 315.

предковъ и обратитесь со слезами: „пріютите и помилуйте вѣчно почившіе“! Произведу солнечное затмѣніе, и день превращу въ мракъ ночной, въ который будете убивать своихъ близкихъ. Снова обратитесь гнѣвъ Мой на васъ: будете рыдать, но не помилую васъ; будете просить, но не получите прощенія за нарушеніе работой святости квириакѣ и за ослушаніе Моей книги, если вы не послушаетесь и не обратитесь на путь истинный и не будете прославлять Мое имя до тѣхъ поръ, пока Я милосердый и человеколюбивый Богъ. Но если ты не слушаешься Моего повелѣнія, состарившійся во грѣхѣхъ человекъ, то отвѣтитъ тебѣ во время Моего послѣдняго прішествія! Наслѣдуете вы неугасимый огонь, нестерпимыя и вѣчныя муки, неусыпную червь до скончанія вѣка. Клянусь Моею матерью, непорочно Меня родившей, что эти заповѣди не выдуманы человекомъ и не написаны человекомъ, а это есть повелѣніе Отца Моего небеснаго. И кто дерзнетъ сказать, что это не повелѣніе Господа нашего Иисуса Христа, удѣломъ его будетъ геена вѣчная и кто презритъ Мое слово, пошлю ангела, который и броситъ въ неугасаемый огонь не принявшихъ немедленно словъ Моихъ. Паки царь, царипа, князь или дворянинъ, великій или малый осквернитъ церковь мою или хотъ единаго служителя ея и священника св. престола, да будетъ проклятъ устами Моими и св. апостоловъ. Это не поруганіе іереза, но Мое и церкви Моей. Вы же благовнемящіе и исполняющіе велѣніе Отца Моего, да будете благословенны отцомъ Моимъ и Мною нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Акад. Веселовскій устанавливаетъ два типа о Недѣлѣ съ Іерусалимомъ (при патріар. Іоанникіи) и Римомъ, и посредствующій, въ которомъ Эпистолиа, обрѣтенная въ первомъ городѣ, отправлялась впослѣдствіи въ Римъ. Нашъ апокрифъ принадлежитъ ко второму типу. Древнѣйшіе тексты эпистолии говорятъ лишь о почитаніи воскреснаго дня, какъ и въ грузинскомъ памятникѣ; въ редакціяхъ *завдомо* Флагеллантскихъ къ этому наставленію присоединяется и другое: наставленіе чтить пятницу, какъ день страданій Господнихъ¹⁾. Грузинской эпистолии можно поставить въ параллель заговоръ, ходившій по рукамъ въ г. Гори во время холеры въ 1892 г. (См. у меня выше 143). Въ этомъ заговорѣ предлагается праздновать воскресенье и поститься 5 пятницу.

¹⁾ *Веселовскій*, Разысканія... VI, V—10. „Его же Эвѣнская эпистолиа о недѣлѣ“. *Ж. М. Н. Пр.*, 1877 г., CXI. *Его же ibid.*, ч. CXXXVI, 72.

Плачь пресв. Богородицы Маріи въ Великій четвергъ, когда (видѣла) Сына своего распятаго (на крестѣ)¹⁾.

Или, Или! (Элой, Элой) Лама савахэани? т. е. Боже мой, Боже Мой! для чего ты Меня оставилъ? И потомъ, возопивъ громкимъ голосомъ, испустилъ духъ. Теперь пойми ты горе несчастной матери, когда Онъ испустилъ духъ и повисъ голову на крестѣ. Вблизи стояла мать, и Іоаннъ былъ при ней, оплакивала съ большой печалью, говоря такъ: Господи и сынъ мой Іисусе, котораго родила по благовѣщенію архангела Гавріила и привела въ храмъ на рукахъ св. Симеона, я считала Тебя бессмертнымъ, нынѣ я вижу, (что) нѣтъ, ты подверженъ общей смерти: (наравнѣ) съ воромъ и разбойникомъ²⁾ („казахи“) О! Сладчайшій Господь мой и Богъ мой смиренный и кроткій! Ты вѣдъ (=что) воскрешалъ мертвыхъ, слѣпымъ даровалъ зрѣніе, нынѣ Ты Себя (=Свою голову) отдалъ смерти, и такой смертью закрылъ прекрасныя очи Свои; нѣмымъ Ты отверзалъ языкъ, нынѣ сомкнулъ уста для словъ; Ты исцѣлялъ руки, нынѣ твои пречистыя руки въ древу прибиты.

Тогда Іисусъ заговорилъ (=издалъ голосъ) и сказалъ матери Своей: Не оплакивай меня, мать Моя, пожалѣй Себя, что непорочно (=безъ сѣмени) зачала, дѣвой родила, грудью выкормила и молокомъ насытила, рукой взяла и на колѣни посадила, съ сладкою любовью выростила. Не плачь, дорогая (=сладкая) родительница, не плачь любезная мать, я томлюсь въ большой печали, сердце исходитъ, и хочу отдать душу Отцу. Вотъ я далъ Тебѣ вмѣсто Себя Іоанна для твоего утѣшенія чтобы Ты была мать, а онъ былъ Твой сынъ.

Паки отвѣтила Богородица Сыну своему Іисусу: не говори этого единородный Сынъ мой, умоляю Тебя, я не могу этого сдѣлать, чтобы Бога промѣнять на человека, Создателя на созданнаго, господина на раба, учителя на ученика, царя на рыболова и чужероца на своего рожденнаго!

Три часа дня прошло, когда распяли Господа на крестѣ въ шестомъ часу³⁾.

¹⁾ Рукопись XVII в. И. Д. Суханова. У Thilo Cod. apocryphae Novi testam. нѣтъ соответствующаго разсказа.

²⁾ Слово „Казахи“ въ смыслѣ человека низкаго происхожденія употребляется въ Иеретіи. Нѣсколько еще лексическихъ особенностей этого апокрифа склоняютъ считать его западно-грузинскаго происхожденія.

³⁾ Ср. Плачь Богородицы. Твореніе св. Романа Сладкопѣвца. М. 1894.

Въ девятомъ воззвалъ къ Отцу, и померкло у Него въ глазахъ.
Вотъ! сегодня почернѣлъ свѣтъ (=затмился свѣтъ)!

Вотъ! сегодня затмилась солнце и луна и звѣзды упадутъ!

Вотъ! сегодня небо будетъ плакать и земля облечется въ трауръ,
чтобы видѣть Тебя скончившимся (собств. окончившимся), Исусе,
Сынъ Мой едиnorodный, свѣтъ моихъ очей, Боже страшный!

О! Очи морского (синяго?) цвѣта сегодня потухли для созерцанія!

О! Пречистую голову бѣлокурую сегодня повисъ, какъ мертвецъ!

О! Борода волитистая розоваго цвѣта сегодня окрасилась въ цвѣтъ
кармина!

О! Вѣщій языкъ сегодня сдѣлался нѣмъ!

О! Пречистыя длинныя плечи сегодня притупились для дѣятельности!

О! Тонкія ноги сегодня остановились для движенія!

О! Милое лицо сегоднѣ засохло, какъ цвѣтъ розы! Кого нынѣ
намъ оплакивать—покойнаго на крестѣ или упавшую на землю (мать),
наклоненіе главы Сына на крестѣ, или на землѣ паденіе матери,
жалкій видъ Его на крестѣ или жалостное терзаніе матери на (одномъ)
мѣстѣ!

Безногаго исцѣлилъ, а нынѣ Твои голени пригвождены ко кресту;
другимъ обѣщала источникъ (воду) безсмертія, а Ты умеръ у меня
отъ жажды!

Такъ оплакивала я съ огорченнымъ сердцемъ и слезами голени
Сына обливала, говоря:

О! сладчайшій Сынъ, милостивый Сынъ, смиренный Сынъ, еди-
norodный Сынъ, любезный Сынъ! Увы, что я Тебя родила! Увы мо-
имъ сосцамъ, что я Тебя кормила! Увы моимъ глазамъ, что я Тебя
видѣла! Увы моему уху, что я слышала Твой голосъ! Увы моимъ гу-
бамъ (=лицу), что я цѣловала Тебя! Увы моимъ устамъ, что я про-
сила Тебя! Увы моему языку, что я говорила съ Тобой! Вотъ не при-
дешь Сынъ мой!... (Ср. „Страсти Христовы“. *Плачъ Богородицы*).

Вопросы св. Елизаветы I. Христу. (Изъ рукописи г. Сулханова).

Св. Елизавета по сердечной мысли, влеченію и любви пожелала
узнать мученія I. Хриса.

Безчисленныя личныя молитвы и моленія обращала къ Христу,
чтобы Господь соизволилъ повѣдалъ о своихъ мукахъ.

И сжалился въ одинъ день Христосъ надъ ней, показался ей и
сказалъ: О, любезная сестра Моя, такъ какъ столько умоляешь Меня,
то внемли нынѣ разказу о моихъ страданіяхъ.

а) Впервыхъ, когда взяли Меня евреи на горѣ той Елеонской,
били мянѣ въ лицо, двѣ оплеухи, а также 30 ударовъ (колотушекъ?)
(дали) Мнѣ въ лицо.

б) Ввторыхъ, пока я достигъ дома Анны, трижды палъ, дали
Мнѣ въ грудь и спину 30 ударовъ.

в) Въ третьихъ, рвали волосы Мои трижды и 30 разъ Я перевелъ
духъ и застоналъ.

г) Въ четвер. привязали Меня къ столбу и били кнутомъ 6606 разъ.

д) Въ пятыхъ, 129 разъ таяли за Мою бороду и 30 разъ мучи-
тельно били.

е) Въ шестыхъ, сложили вѣнокъ терновый и надѣли Мнѣ на
голову и сдирали (?) съ головы 10 разъ, и обогрилось лицо и грудь
кровью моей.

ж) Въ седьмыхъ, когда Я, обремененный деревяннымъ крестомъ,
палъ разъ на землю, били Меня много кнутомъ.

з) Въ восьмыхъ, когда на горѣ Голгоѣвъ взвели на Меня вину
напрасно, плевали въ лицо Мнѣ 66 разъ.

и) Въ девятыхъ, приковали ко кресту и безъ стѣсненія трижды
били Меня страшно, и капель крови Моей лилась по землѣ 30430, а
когда пришли воины взять меня, мечей, колчановъ и кольевъ было
577, служителей, которые мучили было 33, а которые Меня схватили
и привели, было три.

Нынѣ для воспоминанія страданій Моихъ пусть читаютъ ежед-
невно семь разъ „Отче нашъ“, 7 разъ „Радуйся“ до 15 лѣтъ, и Я ему
воздамъ пять пріятныхъ благъ:

Во 1-хъ прощеніе полное и оставленіе всѣхъ грѣховъ его, за-
явленныхъ имъ на исповѣди.

Во 2-хъ освобожу отъ очистительныхъ упушеній.

Въ 3-хъ, если кончатъ дни свои ранѣе 15 лѣтъ, то пусть по-
лагаетъ, что все сказалъ(?)

Въ 4-хъ, будетъ пріятель предо мной, какъ всякій мученикъ,
пролившій кровь свою ради Меня.

Въ 5-хъ, въ часъ смерти его снизойду съ неба, возьму душу
его и примкну ее къ груди Моей и всѣхъ его родныхъ удостою славы
царства Божіаго.

Молитва пресв. Матери къ святымъ, кои обрѣли гробъ Христа ¹⁾

О, ты пресвятая и благословенная Матерь Сына Божьяго, Спа-
сителя міра, царица небесъ, краса ангеловъ, гордость апосто-

¹⁾ Изъ рукописи XVII в. Сулханова. У Thilo „Cod. arosph.“ нѣтъ соответ-
ствующаго разказа.

ловъ и евангелистовъ, хваленная людьми, прославленная на небесахъ, молю милости твоей, будь заступницей предъ Сыномъ твоимъ благимъ и милостивымъ, дабы въ часъ испусканія духа моего, даровалъ Онъ мнѣ прощеніе грѣховъ моихъ и въ день страшнаго отвѣта не ради числа моихъ дѣяній судить, а по милости своей, да помилуетъ меня во имя Отца и Сына и св. Духа... Аминь.

Клянусь васъ орудія, которыми были ранены и убиты всѣ святые Божіе, да не будетъ силы овладѣть, причинить страданіе и убить раба Божіяго!

Ходатайствомъ (предстательствомъ) Иоанна Крестителя, св. апостоловъ, исповѣдницъ—дѣвъ, ангеловъ и архангеловъ, серафимовъ и херувимовъ главенствомъ и господствомъ (властью) клянусь васъ наостренныя мечи, стрѣлы и всѣ орудія огненныя, да не будетъ у васъ силы причинить страданія рабу Божьему!

Клянусь васъ враговъ моихъ и ненавистниковъ видимыхъ и невидимыхъ, плѣненіемъ (захватомъ) І. Христа и терновымъ Его вѣнкомъ; руки Его связаны и кнотомъ биты, на крестѣ укусомъ и желчью напоены и съ креста повисшій, соизволилъ сказать 7 словъ, то есть:

- а) Отче, прости (имъ), которые не вѣдаютъ, что творятъ!
- б) Въ сей день будешь со Мною въ царствѣ небесномъ.
- в) Жена, вотъ сынъ твой!
- г) Вотъ мать твою!
- д) Жажду.
- е) Отче, въ рукахъ Твоихъ испускаю духъ Мой.
- ж) Все это исполнилось. Св. Боже, св. безсмертный! Христосъ побѣждаетъ царей и царствуетъ. Господь среди нихъ ходилъ.

Кого ищете? Иисуса Назарянина.—Я есмь Иисусъ.

Иисусе Хрусте... поклоняюсь Ти, хвала Тя, иже святымъ крестомъ Твоимъ спасъ міръ, спаси душу раба Твоего отъ всѣхъ золь. Аминь.

Но если кто-либо имѣетъ молитву эту на себѣ, (имя рекъ) сохранится отъ дьявольскаго навожденія и отъ внезапной смерти. Если женщина какая-либо будетъ имѣть книгу эту — родить безъ страха и если приближится часъ смерти, за 40 дней явится ей Дѣва Марія и утѣшена будетъ Ею¹⁾.

¹⁾ Молитва эта носитъ характеръ заговора, но такъ какъ мы не находимъ слѣдовъ *двоестрїя*, отличительной черты заклинаній, то рѣшили дать ей мѣсто среди апокрифовъ, а не въ отдѣлѣ заговоровъ.

Для полноты двухъ вышеприведенныхъ апокрифовъ прилагаемъ извлеченіе изъ рукописи¹⁾, принадлежащей Обществу распространенія грамотности среди грузинъ. Рукопись переписана, какъ гласитъ въ концѣ приписка, *Фаргадономъ Отхерели*, который проситъ помплованія у І. Христа ради мукъ, имъ претерѣнныхъ на крестномъ страданіи. Рукопись писана простымъ, обыденнымъ языкомъ со вставкой простонародныхъ выраженій²⁾. Есть мѣста, обличающія въ переписчикѣ неясное представленіе о количествѣ звуковъ въ извѣстномъ словѣ: отсюда происходитъ вписаніе гласныхъ для раздѣленія согласныхъ, какъ это часто встрѣчалось мнѣ въ церковныхъ гуджарахъ. Рассказъ въ рукописи начинается со времени избранія І. Христомъ учениковъ и въ краткомъ изложеніи доводится до суда Пилата и преданія Спасителя крестному страданію. Эта часть манускрипта согласна съ евангельскимъ повѣствованіемъ, потому мы не станемъ ее излагать. Переходимъ прямо къ изложенію интересующаго насъ мѣста. „Когда пресытились нанесеніемъ побоевъ Христу, сняли съ него терновый вѣнокъ, пестрое платье и облекли въ Его одѣяніе и повели для распятія. Столько дѣлъ совершилось, а Марія ничего не вѣдала, была дома и молилась! Нынѣ же кто-нибудь долженъ идти къ Матери Божіей, но кто пойдетъ? „Ты, Гавриилъ, знакомъ съ Дѣвой — пойди и скажи о печали (горестномъ положеніи) ея Сына“. — Отвѣчаетъ Гавриилъ: [да не будетъ, чтобы я сказалъ] я боюсь сказать вдругъ, услышавъ, она будетъ поражена страхомъ и случится съ ней что-нибудь. Тогда я благовѣствовалъ радость, нынѣ я не могу предать ее тяжелому горю; я благовѣствовалъ радость нескончаемаго царствованія, нынѣ же я не могу объявить о горести креста Его“. Такъ отказался Гавриилъ... „О, Ты Духъ Святой, Утѣшитель огорченныхъ, изволь пожаловать къ Маріи и утѣшить (ее)“. Духъ Утѣшитель также отказывается повѣдать, что Единородный распятъ на крестѣ. Поидите вы, дѣвы знакомыя, и извѣстите о смерти ея Сына. Эти пошли къ Дѣвѣ, но неосмѣлились сказать. Ты, Иоаннъ Благовѣститель, объяви: сердце женское мягко. Иоаннъ пошелъ, сѣлъ противъ нея и спрашиваетъ Божию Мать: О, Марія, гдѣ Сынъ твой, твоя радость, твое свѣтило и солнце, гдѣ твой вѣнецъ и слава, гдѣ единородный Сынъ твой, гдѣ

¹⁾ Рукопись XVIII в. *медруми* подъ № 1607 хранится въ Тифлисѣ, въ бібліотекѣ Общества грамотности.

²⁾ Пилатъ спрашиваетъ за какия злодѣянія („сїавкацѣ“) требуетъ народъ предать І. Христа смерти. Слово „сїавкацѣ“ скорѣе народное, чѣмъ литературное.

Господь твой и учитель наш? О, Мать Божія, іудеи плѣнили Сына твоего и ведутъ на Голгоу для распятія на крестѣ. При этихъ словахъ іудеи провели мимо дома Маріи Иисуса... Божія Мать выбѣжала съ быстротой молвіи (собственно-грома), поднялась, какъ орелъ, подлетѣла къ Сыну и узрѣла, что воины съ оружіемъ въ рукахъ захватили и палкой Его погоняютъ на Голгоу для распятія. Загремѣла (мать), какъ облако, заревѣла, какъ левъ за дѣтеныша, замычала, какъ теленокъ, застонала, какъ море, заволновалась, какъ рѣка, зажглось ея сердце, какъ отъ огня, больно стало печени, какъ отъ стрѣлы, потемнѣло у нея въ очахъ, какъ у мертвыхъ. Поспѣшите на помощь къ Маріи! Подняли Божью Мать, привели въ чувство, но увидѣвъ Сына столь обезчещеннаго, проливая кровавыя слезы съ очей, вскрикивала, била себя въ грудь, царапала щеки, рвала на себѣ платье и приговаривала такъ: „О, любезный Сынъ мой, какъ я потеряла Тебя! О сладость моя, какъ Ты отравилъ мнѣ жизнь! О, Ты, который долженъ былъ оплакивать меня, зачѣмъ Ты такъ унылъ?! О, жизнь моя, какъ ты погибла! О, Богъ мой, какъ Ты далъ нанести себѣ оплеуху! О, вѣра моя, зачѣмъ подвергъ себя оплеванію?! О, слава и вѣнецъ мой, зачѣмъ Ты украсился терновымъ вѣнкомъ?! О, любовь моя, какъ Ты былъ битъ?! О, безцѣнный жемчугъ мой, зачѣмъ Ты распялся на крестѣ?! О, алмазъ мой, зачѣмъ далъ себя плѣнить?! О, высокая башня (стѣна) моя, какъ Ты потрясся (поколебался)?! О, крѣпость моя, какъ Ты разрушился?! Невидѣнная роза, зачѣмъ Ты засохла?! Что дѣлать бѣдной Матери Твоей, къ кому обратиться—какъ къ сыну! О, любезный Сынъ, горе мнѣ среди всѣхъ матерей! Увы мнѣ среди всѣхъ тварей земныхъ!..

Водили Иисуса по всему Іерусалиму, и несчастная Мать всюду слѣдовала за Нимъ! О, если бы ты тамъ былъ, увидѣлъ сколько камней и песку сыпали на Иисуса! Бѣдная Мать не устояла и упала на землю, ее подняли—и снова она упала... Палъ и Сынъ Божій, измучился, такъ какъ крестъ былъ тяжелъ. Наняли нѣкоего Симеона Киринанина (Ев. отъ Луки, гл. 23, ст. 26), чтобы онъ несъ крестъ. Мать шла за Сыномъ, и вотъ ей говорятъ: „Зачѣмъ ты идешь на Голгоу, вернись домой; развѣ не достаточно, что мы потеряли Господа и учителя своего?“—„Пустите умереть мнѣ съ Сыномъ моимъ, распяться съ Нимъ на крестѣ!“ Вотъ! уложили крестъ, передъ глазами Маріи распяли Иисуса, съ четырехъ сторонъ руки, ноги веревкой обвязали, всадили большіе гвозди и били молоткомъ учащенно. Потомъ подняли крестъ, чтобы видѣли всѣ. Кровь лилась съ ранъ Христа, а Мать Божья стояла съ разбитымъ сердцемъ, и горячія слезы лились изъ ея глазъ. „Зачѣмъ Ты плачешь?“ спрашиваютъ ее.—„Плачу потому,

что вижу Сына своего въ горести и не могу помочь, вижу плачущаго и не могу утѣшить, вижу жаждущаго и не могу напоить. Просить воды, Ему даютъ желчь! боюсь идти за водой, чтобы за мое отсутствіе не испустилъ Онъ духъ. Приличествуетъ спросить ангела, гдѣ благовѣщеніе мое! Увы мнѣ нынѣ! Гдѣ слова „Радуйся, Господь съ тобой!“ Отняли у меня Господа моего! „Благословенна ты въ женахъ!“ „Благословенъ плодъ Твой!“ „Посмотри, какъ изсохъ плодъ Мой, какъ Онъ распятъ на крестѣ!“ Говоря это, взывала громкимъ голосомъ, лобызала и обнимала Сына. Иисусъ орошалъ кругомъ кровью и ждалъ отхода души. Мать видѣла, какъ Сынъ блѣднѣлъ на крестѣ, исчезла красота, Его лицо исказилось, и говорила Божья Мать іудеямъ: „Убейте меня вмѣстѣ съ Сыномъ, — смерть для меня слаще, плачь, стоны — свѣтъ для меня, мраченъ для меня рай, адъ — успокоеніе. Пожалѣйте меня! Если убійцы съ тобой сей день въ царствѣ небесномъ, зачѣмъ меня оставляешь злодѣямъ—іудеямъ?! Иисусъ смотрѣлъ все время на мать и говорилъ: Не плачь, мать, Твое горе сильнѣе давитъ Меня, чѣмъ Моя боль отъ приговора, огорченіе Твоего сердца больше Меня жжетъ, чѣмъ разрубленная грудь Моя, Твоя обнаженная голова труднѣе, чѣмъ терновый Мой вѣнокъ. Не плачь, мать Моя, не усиливай Моей боли, пожалѣй себя! Ты непорочно зачала, Дѣвой родила, грудью кормила, молокомъ напоила, нѣжно возростила. Не плачь, сладкая родительница Моя, любезная мать, Я испытываю страшныя муки, сердце изнываетъ, ибо Я собираюсь предать Огню духъ Мой. Далѣе слѣдуетъ по вышеприведенному „Плачу Богородицы“ съ начала, со вставками въ различныя мѣста до „О, сладчайшій Сынъ Мой!“ За повтореніемъ этого мѣста изъ „Плача“ слѣдуетъ длинное дополненіе:

Увы моимъ губамъ, что цѣловала Тебя! Увы моимъ устамъ, что умоляла Тебя! Увы моему языку, что говорила съ Тобой! Увы моимъ рукамъ, что поднимали Тебя! Ты не придешь больше видѣться съ Матерью и не скажешь „Мать Моя, Марія!“ и никто не порадуется словами: „пришелъ Твой Сынъ, горе матери Твоей! Ты оставилъ мать, пусть скроетъ ее вѣчная пропасть, затмятся очи, помрачатся солнце и луна, звѣзды падутъ.. (Повтореніе изъ „Плача“) и далѣе: Зававѣсь во храмъ разверзся вдвое, и вся тварь начала стонать: какъ разсѣиваются овцы по смерти пастуха, огорчаются ученики смертью учителя, оплакиваютъ домохозяина сосѣди, грустятъ рабы по смерти господина, страна съ горестнымъ сердцемъ взываетъ при смерти государя, такъ и сегодня по случаю, кончины на крестѣ Бога во плоти, взволновались всѣ твари, солнце сняло съ себя свѣтъ, луна затмилась,

(небесный сводъ и земные столбы потряслись), запавъсь сверху до низу разодрался. Всѣ сдѣлались опечаленными соучастниками въ мукахъ Безсмертнаго, а какъ могла Его родительница вытерпѣть это несчастіе? Не познали Христа!

Ср. „Страсти Христовы“ Плачь Богородицы. Изъ древнехранилища *Погодина* № 2260 (Рукописн. отд. Румянцев. музея).

Бесѣда Григорія просвѣтителя съ Ангелами ¹⁾.

По моленію св. Григорія Просвѣтителя Господь послалъ къ нему ангела на три часа для распросовъ по различнымъ вопросамъ ²⁾

1. Спросилъ Григорій просвѣтитель ангела: праведный и грѣшникъ предчувствуютъ ли первый блаженство, а второй вѣчныя муки въ огнѣ при приближеніи къ нимъ меча для извлеченія души?

— Да, душа видитъ это, какъ плоть.

2. Какова же душа? Душа, отвѣчаетъ ангель, есть подобіе огня и свѣта.

3. Душу какъ ты вынимаешь?—Когда я подхожу къ грѣшнику, то показываюсь въ видѣ злого ангела, страшнымъ и съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ. Онъ, испугавшись, теряетъ языкъ, отклоняетъ голову, закрываетъ глаза и пытается тщетно бѣжать. Онъ старается взглядами дать понять окружающимъ объ угрожающей ему опасности, но тѣ не понимаютъ и не видятъ меня, ибо я—огонь, и плоти не имѣю.

4. Душу вынимаетъ болѣзнь, а отъ нея я принимаю, говоритъ ангель.

5. Душа грѣшника (нѣчто) черное и темное, исполненное зла, душа праведника, какъ солнце свѣтитъ и согрѣваетъ.

6. При разставаніи, что скажутъ другъ другу душа и тѣло?

— Будутъ плакать и терзаться; душа скажетъ тѣлу: увы мнѣ, что ты наполнило меня въ теченіе моей жизни грѣхомъ и зломъ! а тѣло отвѣтитъ душѣ: увы и мнѣ, что совершила ты множество прегрѣшеній и не покалась! Буду я снѣдъ червей и гореть праха! Такъ страшусь я служителя Судьи, а каково мнѣ будетъ передъ Нимъ! И не найдутъ словъ для утѣшенія, кромѣ слезъ и рыданія! Попроситъ тѣло душу предстать предъ Небеснымъ царемъ и Создателемъ чело-
вѣка съ моленіемъ примириться съ Христомъ, если ктонибудь изъ родныхъ помянетъ душу усопшаго.

¹⁾ Рукопись XIX в. Общества распространенія грамотности среди грузинъ.

²⁾ Иногда вопросы Григорія Просвѣтителя пропускаю и вношу ихъ знаніе прямо въ отвѣтъ ангела.

7. Какъ ты вынимаешь душу у праведнаго?

— Я являюсь и показываюсь, какъ будто приглашаю покорно и съ спокойнымъ видомъ на судьбу, и душа, увидѣвъ меня, почувствуетъ успокоеніе, я возьму ее отъ смерти въ безсмертіе и поклоняюсь праведницѣ, сіяющей, какъ солнце.

8. Что скажетъ душа праведника плоти?

— Славять и хвалить другъ друга, душа скажетъ плоти: блаженствуй, плоть моя, ибо съ тобою я праведна и добродѣтельна!— Блаженствуй и ты, душа, отвѣчаетъ плоть, ибо я исполняла твой приказъ, и нынѣ ты почишь среди праведниковъ! И скажетъ душа тѣлу: будь ты здѣсь, а я пойду къ Небесному Царю, буду (заступницей) за себя и за тебя!—Ступай и помяни меня предъ св. Троицей.—Я поднимаю душу въ небеса, когда опустятъ плоть въ могилу.

9. Сколько небесъ?

— Два міра, отвѣчаетъ ангель; назначены 9000 ангеловъ, славящихъ и хвалящихъ Господа.—Слѣдуетъ рядъ вопросовъ о постѣ, молитвѣ, причастіи, милостынѣ. Для души лучше заупокойная литургія, чѣмъ раздача милостыни изъ казны. Грѣшникъ, покаившійся предъ смертью и принявшій причастіе, будетъ принятъ Господомъ. Всѣхъ небесъ девять: ¹⁾ Въ первомъ небѣ сонмъ дьяволовъ встрѣчаетъ душу праведника, но не могутъ ей показаться, ибо увидятъ въ правой рукѣ мечъ и печать исповѣди на правомъ пальцѣ (?) Во второмъ небѣ ночь темная, но душа не испугается, ибо освѣтитъ сама, какъ солнце. Въ третьемъ небѣ страшные морозы, но не измучится душа праведника. Въ четвертомъ небѣ огонь, но и тутъ не устратится душа. Въ пятомъ небѣ (воздухъ) узкая поднимающаяся тропа, но для праведника дорога расширится. Въ шестомъ небѣ прекрасный сводъ до солнца, гдѣ сонмы ангеловъ возрадуются при видѣ души праведника. Въ седьмомъ небѣ узкая огненная тропа не устратитъ душу. Въ восьмомъ небѣ придутъ ангелы и возьмутъ съ радостью душу. Въ девятомъ небѣ увидитъ она престолъ Божій и скажетъ Господь: пришелъ добрый и вѣрный рабъ ко Мнѣ и успокойся въ вѣчномъ домѣ! И дадутъ душѣ (праведнику) пищу и питье безсмертія, принесутъ одѣяніе изъ свѣта. Покажутъ ему добрыя дѣянія, совершенныя имъ и отведутъ его въ рай для блаженной жизни.—Слѣдуютъ вопросы о покаянніи въ грѣхахъ предъ священникомъ, приобщеніи въ году три раза.

Какъ ты несешь душу грѣшника?

— Въ первомъ небѣ сонмъ дьяволовъ борется со мною, говоря куда ты ведешь этого любезнаго исполнителя нашей воли? не отда-

¹⁾ Вѣсто небо въ грузинскомъ текстѣ стоитъ слово „азри“, т. е. воздухъ

димъ его тебѣ! Измучится душа, но сойдутъ ангелы и возьмутъ ее выше. Во второмъ небѣ страшный мракъ, и душа опечалится и пойдетъ дальше. Въ третьемъ небѣ сильный морозъ и холодъ, душа испугается, потемнѣетъ у нея въ очахъ, но и это минуетъ. Въ четвертомъ небѣ страшный огонь, душа расплачется горькими слезами, но и здѣсь освободится. Въ пятомъ небѣ очень узкая тропа, ведущая къ небу, душа здѣсь измучится. Въ шестомъ небѣ свѣтлый сводъ потемнѣетъ для грѣшника. Въ седьмомъ небѣ увидятъ ангелы, выразятъ скорбь и спросятъ, какъ она миновала горькіе пути. Въ восьмомъ небѣ придутъ ангелы и спросятъ, куда я веду эту исполненную грѣхами душу, и требуютъ возвратить ее назадъ. Издали покажутъ ей престолъ Божій и приведутъ ее къ грѣшникамъ и остается тамъ, пока душа и тѣло не соединятся. Она мучится вѣчно въ адскомъ огнѣ.

Молитвы, милостыня помогутъ облегченію участи души. Когда священникъ здѣсь помянетъ душу грѣшника, тамъ она просвѣтится. Чтеніе Евангелія на могилѣ хорошо въ томъ отношеніи, что душа и тѣло возрадуются, какъ оживляетъ дождь полевую траву. Колѣнопреклоненія и прошенія въ прощеніи грѣховъ также имѣютъ свое значеніе.

Легенда о спорѣ души съ тѣломъ, по мнѣнію г. Батюшкова, изслѣдовавшаго этотъ вопросъ, не можетъ считаться древнѣе XII в. хотя составные ея элементы слагаются гораздо древнѣе. Оригиналѣмъ, англо-саксонской поэмы X в., заключающей разговоръ души съ тѣломъ, предполагаютъ „благочестивую бесѣду“ на латинскомъ языкѣ. Въ Римѣ, въ національной библиотекѣ сохранился латинскій рукописный сборникъ конца XI и начала XII в., изъ котораго извлекъ и напечаталъ г. Батюшковъ легенду—Видѣніе неизвѣстнаго монаха смерти грѣшника и праведника (стр. 273—6 въ изслѣдованіи „Споръ души съ тѣломъ“, Сбп., 1891). Зарожденіе сказаній, приуроченныхъ къ моменту смерти, относится къ III—IV в. одновременно съ первыми основателями монашества и распространяются среди христіанскаго населенія М. Азии и Египта. Отшельнику Александру, послѣдователю Макарія, уроженца Александріи, приписывается видѣніе объ исходѣ души, послужившее отдаленной основой латинской легенды. Въ апокрифическомъ *видѣніи Павла* имѣемъ уже указанія о смерти праведника и грѣшника. Древнѣйшая латинская обработка Павлова видѣнія известна по спискамъ XI в. За нею слѣдуютъ французская, англійская и др. обработки въ прозаической и стихотворной формахъ. Черезъ славянскій югъ изъ Византіи преданія объ исходѣ души проникли и въ Россію. Разсматривая происхожденіе легендъ о сѣтованіяхъ души тѣлу, уста-

новили два типа въ приуроченіи ихъ къ различнымъ ситуациямъ душа обращается съ рѣчью къ своему тѣлу при разставаніи съ нимъ: или же она приходитъ на могилу, гдѣ похоронено тѣло въ ночь съ субботы на воскресенье и здѣсь предается сѣтованіямъ. Г. Батюшковъ выдѣляетъ въ особую группу легенды, въ которыхъ споръ души съ тѣломъ изложенъ не въ формѣ видѣнія пустытника, а передается какъ общее вѣроученіе. Къ этой группѣ онъ относитъ и армянскую версію спора души съ тѣломъ „входящей въ составъ легенды“, приписываемой Григорію Просвѣтителю (III—IV в.). Замѣтимъ однако, говоритъ онъ, что въ армянскомъ изводѣ преданія рѣчь идетъ не о *видѣніи*, а объ *откровеніи*: Григорій проситъ у Бога ниспослать ему ангела, чтобы сообщить ему о судьбѣ праведниковъ и грѣшниковъ. Является ангелъ, и старецъ задаетъ ему цѣлый рядъ вопросовъ: куда помѣщаются души праведниковъ и грѣшниковъ? Какія ощущенія испытываетъ душа при разлученіи съ тѣломъ? Что представляетъ изъ себя душа? и т. п. Ангелъ говоритъ, что въ минуту смерти душа праведника предвкушаетъ славу, ожидающую ее въ награду за добрыя дѣла, а душа грѣшника предчувствуетъ свои будущія мученія. По существу своему душа соткана изъ огня по образу и подобию человѣка, причѣмъ праведная душа блеститъ ярко, а душа грѣшника помрачена и исполнена зловоныя. Когда предстоитъ извлечь изъ тѣла грѣшную душу, ангелъ къ ней является въ страшномъ видѣ съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ; грѣшникъ трепещетъ отъ одного его вида; языкъ нѣмнѣетъ, глаза выкатываются и душа мечется туда и сюда. Тѣло зываетъ къ родственникамъ о пощадѣ, но тщетно; никто его не слышитъ, ибо одинъ я (ангелъ) являюсь призывающимъ“¹⁾:

Не приводя дальнѣйшихъ извлеченій изъ труда г. Батюшкова и по отмѣченному отрывку можно судить, что грузинская бесѣда Григорія съ ангеломъ примыкаетъ къ армянской легендѣ, имѣющей съ старо-французской поэмой Un samedi par nuit общій источникъ преданія. Повѣрье о томъ, что душа судится съ тѣломъ, сложилось, вѣроятно, на христіанскомъ востоцѣ, и это обстоятельство вызываетъ предположеніе о существованіи греческой версіи. Въ числѣ общихъ чертъ въ романскихъ и армяно-грузинской обработкахъ легенды приходится отмѣтить отголоски ученія неоплатониковъ. Легенда, припи-

¹⁾ Батюшковъ. Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы. Опытъ Историко-сравнительнаго изслѣдованія. Спб. 1891, стр. 194—5.

сываемая Григорію Просвѣтителю, занимаетъ какъ бы срединное мѣсто между двумя другими преданіями легенды во французской и провансальско-каталонской версіяхъ ея: во французской легендѣ споръ наступаетъ послѣ смерти; а въ провансальско-каталонской поэмѣ онъ происходитъ при жизни человѣка, въ ожиданіи кончины. Толкованіе армянской легенды приводитъ къ выводу, что начало спора происходитъ еще во время жизни передъ самымъ наступленіемъ смерти ¹⁾.

Рай и драгоценные камни.

Медицинскій трактатъ и учебная книга изданы г. Джанапшили изъ манускрипта X в. Месхишвили, названнаго имъ научной хрестоматіей. Здѣсь заключаются описанія драгоценныхъ камней, указанія относительно райской страны Эдема и рѣки, протекающей по этой странѣ, Фисонъ, а также свѣдѣнія о скиеяхъ и скиеской странѣ. По хрестоматіи, Фисономъ ²⁾ называется р. Индъ (на рѣчье народа фромль) и Гангъ (на рѣчье народа богитавы). Фисонъ обтекалъ всю землю Эвилатскую и азиатскую Эеіопію до океана. ³⁾ Скиеія была на сѣверѣ, гдѣ жили народы: дали, эты, давины, ларійцы, арапы до народа герменовъ и амазонокъ. (Изъ письма г. Жорданія я имѣю свѣдѣнія объ одномъ памятникѣ, перечисляющемъ народы въ числѣ 75. Между ними упоминаются осетины, грузины, образцы, одноглаза, голо-праведники, карлики, псо-образные, гогъ-магоны, дэви! Нѣкоторые изъ нихъ извѣстны изъ повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ, другіе впервые здѣсь упомянуты). И внѣ ихъ есть одна пустыня, которая называется Великой Скиеіей. Тутъ есть одно ущелье, чрезвычайно глубокое и темное, въ которое нѣтъ никакой возможности спуститься. Скиеи добываютъ камень іакинѣ, по приказанію своихъ царей. Вотъ самый способъ добыванія. Пришедши къ ущелью, рѣжутъ овецъ, снимаютъ съ нихъ шкуры и потомъ, разрѣзавъ трупы на куски, бросаютъ на дно пропасти. Тутъ на скалахъ водится множество орловъ. Эти орлы, по запаху разложившихся труповъ, слетаютъ въ ту пропасть и поднимаютъ вверхъ брошенные туда куски мяса, а съ мясомъ

¹⁾ *Батюшковъ*, ор. с., стр. 206.

²⁾ Въ Весѣдѣ 3 святителей. *Мочульскій*, стр. 253. Рѣка Фисонъ упоминается въ „Хожденіи апостола Павла по мукамъ“.

³⁾ Существованіе Ганга въ раю передается въ апокрифической книгѣ бытія. Ὁδὲ ποταμὸς, ὃ ἐν τῇ παραδείσῳ ὡν Γαγγῆς καλεῖται... *Мочульскій*, ор. сит. стр. 101.

вмѣстѣ же поднимаютъ и прилипшіе къ этимъ кускамъ іакинѣ. Орлы садятся на макушки горы, мясо съѣдаютъ, а благородные камни тамъ же остаются. Затѣмъ присланные люди собираютъ эти камни, обмываютъ ихъ въ водѣ и относятъ къ приславшимъ ихъ царямъ. Когда женщина родитъ, продолжаетъ авторъ, этотъ камень (іакинѣ) приносятъ къ ней, чтѣ и облегчаетъ роды и успокаиваетъ больную. Изъ народовъ Индіи упоминается: аластры, homerili аксимины, дулаты, богитавы, агобы, дибелы, гелидибены и сириндибелы. Эти девять народовъ составляли девять царствъ индійскихъ. Сириндибелы, пришли сюда изъ страны Эвилатской, а hindobenoni пришли изъ страны рибодовъ и пр. Находимъ свѣдѣнія также о томъ, что греки въ древнія времена не имѣли собственныхъ буквъ и писали буквами финикійскими, изъ которыхъ они передѣлали и усовершенствовали свои буквы. Нѣкто Паламидисъ нашель для Грековъ 10 буквъ (названіе и начертаніе ихъ приводится), Кадмосъ Милісскій прибавилъ къ нимъ три буквы (Theta, Phi, Chi,) Амопидосъ Джонскій набавилъ еще двѣ ега, омивронъ) и Эпихармій Сиракскій три буквы (зета, кси и пси). При произношеніи буквы альфа, требуется широкое раскрытіе рта, а прочихъ буквъ—малое раскрытіе.

Отрывокъ о камняхъ находится въ связи съ сказаніемъ о 12 ти драгоценныхъ камняхъ на наперникѣ первосвященника. На основаніи разныхъ сказаній о драгоценныхъ камняхъ, которые получили начало еще на Востоцѣ, а потомъ перешли къ греческимъ и римскимъ писателямъ, въ соч. св. Епифанія ¹⁾ о каждомъ камнѣ рассказывается, гдѣ его находятъ, какого онъ цвѣта и вида, какое его употребленіе, особенно указываются лечебныя его свойства; эти же свѣдѣнія излагаются и въ славянскомъ сказаніи, которое ближе къ греческому тексту, чѣмъ къ латинской редакціи; изъ послѣдней заимствованъ рассказъ, гдѣ и какъ находятъ яхонтъ, который отсутствуетъ въ греческомъ текстѣ и совпадаетъ съ вышеприведеннымъ грузинскимъ сказаніемъ.

Скиеію ¹⁾ же нарицаютъ страну тоу всю сѣверскою, иже соуть Готфи да Венеси, да тоу оубо оутрь в' поуустыни великія скифія и есть пропасть зело глубока и члѣомъ и входима, стѣнами бо ка-

¹⁾ Παρὶ τῶν ἐν λίθων τῶν ὄντων ἐν τοῖς στολίμοις τοῦ Ἀζρῶν βιβλίον Подробное изслѣдованіе о драгоценныхъ камняхъ въ ст. *Баталіна*. „Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ“ *Филолог. Записки* 1874. вып. V и VI.

²⁾ *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ, стр. 201—2.

менными от всюду аки ограждена есть да тѣмъ с' горы приникше ко-
моу любо аки со стѣны немощно долоу зрѣти от глоубины бо мрака
есть, не полагають тако осужоеніи члѣцы от ближнихъ Грство, да или
сами изгибноуть, или скифъ камень, обрѣтше прости боудоутъ, при-
шедшимъ южникомъ тамо и заклають овчюта и бдравши кожу снило
и менцоутъ в' пропость дебри тоя, и прилипають тамо камене ора-
кинфъ къ мясомъ тѣмъ, орли же оубо въ каменіи томъ живуще и не
воню мясноую ходять ко дноу и тако выносятъ мясо прилѣпшимъ ка-
меніемъ. и егда изыядатъ мясо, каменіи же ооставляется на мѣстѣ,
идѣжи бѣ сѣдилъ орелъ той, и тако добываютъ каменія тою, камень
же той имѣеть дѣйство сице, намощемъ на оугліе горящіе то пога-
сить оугліе, сами безъ вреда пребываютъ, аще кто обвнеть поняви-
цею и держитъ подъ огнемъ, то роукою си ожжетъ, понявицею, и
держитъ надъ огнемъ то роукою не ожжетъ, понявица же безъ вреда
пребываетъ, глють же и ражающимъ его потребоу есть.

II. Духовные стихи.

Духовные стихи—пѣсни духовнаго содержанія—образовались подѣ
вліемъ апокрифовъ. Языческая грѣховная поэзія замѣнилась пѣснями,
сюжеты которыхъ заимствовались изъ новой христіанской религіи.
Пѣсни эти донныѣ распѣваются слѣпцами иногда подѣ звуки аккопо-
нимента. (Ср. рус. *Калики*). Въ духовныхъ стихахъ сохранились слѣды
представленія о *загробной жизни*, библейскихъ разсказахъ и житьяхъ
святыхъ. О загробной жизни имѣемъ нѣсколько пѣсенъ.

(Я)¹⁾ пошелъ и увидѣлъ
Райскій (рая) виды (образъ);
Эдема вокругъ (я) обошелъ:
Четыре рѣки текутъ (тамъ)²⁾
(Съ) каждой стороны идутъ:
Ими орошается всякая сторона,
Во свѣ (миѣ) снялся эдемъ
Востока на вершинѣ (краю),

¹⁾ „Сбор. матеріал. для опис. мѣст. и племенъ Кавказа“ в. X VII, II стр. 162—4.

²⁾ Представленіе о четырехъ рѣкахъ, обтекающихъ эдемъ сохранилось въ „Весѣдѣ трехъ святителей“. Поззи потацои еѣрхонкаи еѣ 'Едѣмъ; ѣ. Теѣвн, Феисѣвн, Тѣурисъ каі Ефратъ; Ср. Калико рѣкѣ исходитъ изъ рая. Отв. А. Тконъ, Фисонъ, Онгръ, Ефратъ. *Мочумскій*, op. cit. 253, 264.

Тамъ есть солнце, есть луна,
Множество звѣздъ на небѣ,
Иду насладиться въ святой эдемскій садъ.
Пришелъ и на фруктовыхъ деревьяхъ взглянулъ:
Они насажены въ порядкѣ,
Одни поспѣваютъ, одни цвѣтутъ,
На однихъ неспѣлые (плоды) висятъ.
Одно какое-то смоляное озеро есть;
Отсюда идемъ (туда):
Надъ нимъ тоненькій въ волосокъ мостъ лежить;
Кто измѣритъ (его) глазомъ!
Праведники смѣло переходить (черезъ него),
Поселяются въ саду;
Грѣшники внизъ падаютъ;
Погибають въ озерѣ.

Стихи пшавскіе о загробной жизни ¹⁾

Видѣлъ я престрашный сонъ
Попалъ я какъ то въ адъ („шавети“)
Съ своимъ чуднымъ пегасомъ.
За мною послѣдовали враги—
Съ нимъ свѣсили меня,
Но я окаялся праведнымъ.

Для пониманія смысла этихъ стиховъ, нужно имѣть въ виду, что
пшавы представляютъ тотъ свѣтъ въ центрѣ вселенной. Адъ и рай
раздѣляются оврагомъ, гдѣ кипитъ смола, разлившаяся бурной рѣкой.
Черезъ этотъ ужасный оврагъ перекинутъ мостъ изъ одного волоска
(бецвисъ хиди—мостъ „испытаній Страшнаго суда ²⁾); *чинвади* Авесты).
Переправляющихся чрезъ мостъ встрѣчаютъ судьи, которые взвѣши-
ваютъ на вѣсахъ добрыя и злыя дѣянія души. Праведниковъ сопровож-
даютъ „божьи дѣти“. Врагъ ея старается перетянуть коромысло въ сто-
рону, но праведникъ всегда остается побѣдителемъ и благополучно
достигаетъ рая. Сопровоженіе праведныхъ ангелами и судъ надъ ду-
шею изображается въ „Видѣніи апост. Павла“, посѣтившемъ рай и
адъ.

Отраженіе библіи имѣемъ въ слѣд. духовныхъ стихахъ:

¹⁾ *Иаерія*, 1888, 223.

²⁾ *Батюшковъ*. Споръ души съ тѣломъ, 67.

Звали меня Маеусанломъ,
 Имѣлъ я бороду не изъ дерева,
 До пришествія Христа
 Мнѣ было 903 года.
 Содомъ запылалъ огнемъ:
 Я свидѣтель того дня.
 Эноха и Ильи
 Колыбели я качалъ,
 Во времена царя Горгала (?)
 Я былъ уже поваромъ (!)
 При Ноѣ я былъ плотникомъ,
 Строителемъ ковчега.

Каинъ и Авель были братья ¹⁾. У нихъ было столько скота, сколько ни у одного во всей общинѣ („теми“). Каинъ былъ пахарь, а Авель гасуэхъ. У послѣдняго былъ баранъ руно котораго въ 1000 цѣнтовъ переливалась. Авель жертвуетъ его Богу, а проклятый Каинъ за это начинаетъ сердиться. Онъ предлагаетъ Богу приносить въ жертву слѣпыхъ и хромыхъ барановъ, но Авель опасается этимъ огорчить Бога и желаетъ жертвовать лучшую часть изъ своего стада. Разногласіе ихъ переходитъ въ ссору и кончается раздѣломъ братьевъ. Каинъ получаетъ въ 1000 разъ большую долю, чѣмъ Авель. Каина начинаетъ преслѣдовать дьяволъ. Разъ, когда Авель приготовлялся на перекресткѣ принести жертву Богу, является къ нему Каинъ и предлагаетъ ему идти на охоту. Въ роцѣ стоялъ чинарь, обвитый виноградной лозой, Каинъ сорвалъ съ дерева лозу и предложилъ Авелю привязаться къ чинару. Послѣдній поздно понялъ намѣреніе брата, сталъ умолять его отпустить, но Каинъ имѣлъ въ виду его убить. Дьяволъ въ образѣ вороны явился ему. Стекломъ онъ научаетъ его зарѣзать. Господь наказалъ его тѣмъ, что трава высыхала, куда только онъ вступалъ ногой, гдѣ засыпала, надъ головой воспламенялся огонь, появился рогъ на лбу, вода впереди и шашка сзади осадилъ его, 1500 лѣтъ не долженъ былъ умирать, а убійца его могъ унаследовать всѣ эти наказанія. Мисретскому царю на охотѣ проклятый Каинъ показался въ образѣ оленя и тотъ убилъ его стрѣлой. Врата ада тогда растворяются и Каинъ на вѣки тамъ водворяется. Убійца же 40 дней молился горячо для искупленія преступленія.

Сравнивая этотъ духовный стихъ съ вышеприведеннымъ апокрифомъ о Каинѣ находимъ близко сходство и существенныя отличія.

¹⁾ *Джеджили*, 1890. VI, 31.

Въ духовномъ стихѣ только передается, что Каинъ возмѣлъ намѣреніе убить брата, послѣ того какъ онъ принесъ Богу въ жертву лучшаго барана. Далѣе слѣдуетъ ихъ раздѣлъ, охота въ роцѣ, закалываніе по указанію дьявола стекломъ, три наказанія, неизвѣстныя въ апокрифѣ, убіеніе Каина стрѣлою Мисретскаго царя и водвореніе убитаго въ аду. Всѣ эти особенности народной пѣсни заставляютъ предполагать другой источникъ, отличный отъ апокрифа.

Духовные стихи объ *Авраамѣ* ²⁾ имѣетъ близкое родство съ апокрифомъ объ немъ. Пропускъ замѣчается въ явленіи Господа Аврааму въ видѣ трехъ путниковъ, а остальные же подробности апокрифа и пѣсни совпадаютъ.

Беседа во время разлуки души съ тѣломъ. Тѣло со слезами умоляетъ душу не покидать его, иначе и ему угрожаетъ погрузиться въ землю. Душа отвѣчаетъ, что ей хочется быть всегда съ тѣломъ пѣть и веселиться съ его друзьями и знакомыми, а безъ нея и тѣло не будетъ веселиться. Тѣло говоритъ, что ему никогда не надобно быть съ душою, а та замѣчаетъ на это, что ихъ разлучаетъ безъ ея спроса и въ одиночествѣ ее ждуть вѣчныя муки, такъ какъ будучи съ нимъ, она загрязнила весь міръ. Смерти нельзя избѣгнуть: ангелъ и дьяволъ спорятъ изъ за моей души. Увы! если дьяволъ одолѣетъ, а ангелъ останется побѣжденнымъ! Душа вину такого исхода сваливаетъ на тѣло, которое отрекается отъ этого навѣта. Она возражаетъ, говоря, что она была чиста, но, вселившись въ тѣло, испортилась. Напротивъ, по словамъ тѣла, оно съ ея водвореніемъ въ немъ не знаетъ радости. Душа на это замѣчаетъ, что при жизни одинаково оба веселились, а теперь его съядятъ черви, а ее охватитъ пламя. Да, говоритъ тѣло, насъ ждетъ съ радостью сатана.

Въ этихъ стихахъ довольно ярко выступаетъ общая черта духовныхъ пѣсенъ—нравственное направленіе, поучительность, которая служить цѣлью духовныхъ ситховъ.

Для параллели приводимъ пѣснь, записанную въ Карсѣ у духовборцевъ о разговорѣ души съ тѣломъ.

— Голуби сизые!

Мы не голуби, не сизые.

— Вы лебеди, вы бѣлые!

„Мы не лебеди, не бѣлые,

Мы ангелы—архангелы:

²⁾ *Джеджили*, 1891, I. 47.

Мы летали по всему свѣту,
Свѣту бѣлому“.

— Что вы видѣли, что вы слышали?

„Мы видѣли, мы слышали,
Какъ душа съ тѣломъ разставалась,
Разставалась и прощалась“.

— Прощай мое тѣло, тѣло бѣлое

Я въ тебѣ жила,

Тебя вѣжила, лелѣла

А себя, душу въ муку вверзла.

— Тебѣ душа на судъ идти

Къ самому Христу, ко Спасителю,

Ко Спасителю избавителю

А мнѣ тѣлу въ землѣ лежать ¹⁾.

Мученическая кончина св. дѣвы Марины ²⁾). Въ Антиохіи жилъ языческой жрецъ, у котораго была жена благочестивая христіанка—Крестина. Маленькая ихъ дочь, Марина, красотой походила на солнце; шести лѣтъ она выучилась священному писанію, а двѣнадцать лѣтъ постилась и молилась, славилась и хвалила Иисуса Христа. Къ этому времени вторгся въ Антиохію воевода Ломбріозъ и вознамѣрился предать казни всѣхъ христіанъ. Въ числѣ плѣнныхъ была приведена къ Ломбріозу Марина, которая поразила всѣхъ своей красотой. Грозный завоеватель потребовалъ съ дѣвы подъ страхомъ казни отречься отъ Иисуса Христа, обѣщая, въ случаѣ согласія поклониться его богамъ, большую награду и счастье. Марина отказалась служить идоламъ, сдѣланнѣмъ человѣческой рукой, предпочла отдать свое тѣло на разсѣченіе и сжѣніе псамъ. Разгнѣвавшись „невѣрный“ велѣлъ привязать и бить ее нещадно. Марина взмолилась къ Иисусу Христу. Послѣ этого мученія ее отвели въ тюрьму, гдѣ она была отдана на пожраніе дракону. Чудовище съ кровавыми глазами испускало огонь и дымъ изъ пасти. Драконъ бросился на нее и проглотилъ ее моментально. Внутри его Марина перекрестилась, драконъ разсѣлся, а она вышла невредимой, прославляя Бога. Страданіямъ ея не было еще конца. Освободившись отъ дракона, она попала къ дьяволу въ образѣ

¹⁾ Газ. „Барсъ“ 1891, 31.

²⁾ Рукопись переписана, какъ гласятъ послѣдніе стихи, Антоніемъ (?), который молить св. Дѣву помиловать его. Очевидно, эти стихи имѣли значеніе амулета и списывались на извѣстное имя.

страшно чернаго человѣка. Святая дѣва схватила его за волосы и именемъ Христа и свѣтомъ Божиимъ, въ видѣ голубя поборола его. Дьяволъ назвалъ себя Вельзевуломъ, вводящимъ людей въ искушеніе. Онъ разсказалъ исторію появленія демоновъ въ мірѣ согласно съ народнымъ представленіемъ. Царь Соломонъ заключилъ насъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, говорить дьяволъ, въ мѣдный кувшинъ, и когда пришли халдейцы, разбили посуду, предполагая въ ней сокровище, и мы, вырвавшись на свободу, разсѣялись по свѣту. Мы овладѣли неприступными горами, незаселенными полями и всѣми ущельями. Наше дѣло помогать злодѣямъ и сѣять среди людей порокъ и вражду ¹⁾. Святая Марина велѣла дьяволу замолчать, сдѣлала надъ нимъ крестное знаменіе, говоря что онъ отнынѣ лишень возможности вредить людямъ, вырыла глубокую яму и сбросила туда нечистую силу. Завоеватель Антиохіи велѣлъ привести къ себѣ блаженную дѣву и снова предложилъ поклониться идоламъ. Святая Марина безстрашно заявила о преданности своей Единому Творцу и назвала идолы Ломбріоза (?) безсильными и ложными богами. Ломбріозъ велѣлъ ее повѣсить на дерево, бить ее нещадно, а потомъ предать ее сожженію. (Ср. муки св. Георгія). Св. дѣва осталась послѣ этихъ пытокъ невредимой; тогда наполнили громадную посудину водой и пустили Марину туда съ цѣлью утопить. Принявъ какъ бы крещеніе въ этой водѣ, мученица удостоилась царства небеснаго и расположила къ вѣрѣ Христа 40.000 душъ въ одной Антиохіи ²⁾. Ломбріозъ разгнѣвался и велѣлъ снять съ нея голову. Св. дѣва проситъ палача Малхаза дать ей нѣсколько минутъ помолиться: она просила Бога, чтобы всѣ читающіе ея житіе были спасены отъ геены огненной, воспоминающіе ее получили облегченіе въ страданіяхъ и побѣду надъ врагами, списывающіе ея „книгу“ и строющіе во имя ея церковь наследовали свѣтъ рая. За этими словами послѣдовало страшное землетрясеніе, явился Иисусъ Христосъ и обрадовалъ св. Марину тѣмъ, что блаженная дѣва среди дѣвъ удостоилась стоять одесную Отца и просьба ея будетъ исполнена. Ангелъ будетъ посланъ съ неба принять ея главу, а кто кости предастъ землѣ, тотъ удостоится Духа Святаго. Малхазъ видя Иисуса Христа отказался отрубить съ нея голову, но дѣва просила исполнить данный ему приказъ. Ангелы съ пѣніемъ взяли ея голову, а всѣ слѣпые хромые и прокаженные получали исцѣленіе отъ прикосновенія къ ея мощамъ.

¹⁾ См. о Соломонѣ, Вельзевулѣ и демонахъ у меня стр. 173—5.

²⁾ Марина—св. подвижница восточной церкви. Смерть ея по Миню въ 275 г., но вообще жизнь ея относятъ ко времени Діоклетіана. Она помощница беременнымъ. Списываніе ея „книги“ даетъ, какъ амулетъ, облегченіе въ страданіяхъ.

*Ниццй и Иоаннъ Креститель*¹⁾. Между Аманомъ (?) и Тераномъ (Тегеранъ?) поселилась одна община, въ которой живетъ лишь одинъ ниццй. Онъ въ послѣдствіи сдѣлается щеголемъ. Господь грѣшныхъ, Христосъ говоритъ Иоанну Крестителю: ты далъ сына нищему, и на тебя будетъ наложена епитемія, такъ какъ ребенку семь лѣтъ, а между тѣмъ остается онъ некрещеннымъ. Иоаннъ Креститель отправляется къ нищему; послѣдній отъ стыда вслѣдствіе наготы не можетъ встать, а жена прячется за дверьми. „Клянусь твоимъ именемъ, кумъ, говоритъ ниццй, что душа моя стремится все къ тебѣ; нѣтъ у меня быка рабочаго, ни коровы дойной, семь лѣтъ уже какъ тѣсто въ моемъ домѣ не готовилось“! Кумъ перекрестилъ посохомъ избу, и все съ четырехъ сторонъ освѣтилось, воздвиглась высокая мраморная палата. Въ полѣ показались стада овецъ, сундуки наполнились хлѣбами и платьями. Прошло нѣсколько лѣтъ, ниццй разбогатѣлъ—900 овецъ у него разгуливаетъ по полю. Христосъ велитъ Иоанну посѣтить нищаго! „Кумъ, кумушка, вашъ крестный отецъ идетъ въ гости“.—Что онъ повадился къ намъ! говорятъ они. Кумъ, возгордившійся отъ богатства, съ мѣста не встаетъ. Кума приглашаетъ гостя въ комнату и предлагаетъ закусить, если онъ проголодался. Кумушка встаетъ, и 9 горничныхъ поддерживаютъ хвостъ ея платья, сама садится на подушку, а Иоанна сажаютъ на тряпья; кумъ приводитъ барана, мясо котораго нельзя есть.

„Если хочешь, ѣшь это, говоритъ кумъ, а то можешь выйти вонъ!“ Кума же заявляетъ, что она не будетъ горевать, если Креститель съ нею разсорится: она не помнитъ имъ принесеннаго платья. Тогда Иоаннъ Креститель перекрестилъ посохомъ, и все обратилось въ пепель. Съ этимъ духовнымъ стихомъ нужно сравнить тушинскую легенду, приведенную мною въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“²⁾

*Русская легенда „Крестный отецъ“*³⁾ только по началу имѣетъ сходство съ грузинскими стихами объ Иоаннѣ Крестителѣ. У бѣднаго мужика долго не было дѣтей; молитвами они выпросили у Господа младенца, котораго отказался крестить богатый сосѣдъ. По дорогѣ встрѣчаетъ мужика незнакомый старецъ, который вмѣстѣ съ дочерью богатаго сосѣда „окрестили младенца“. Мальчикъ, подросши, идетъ искать своего крестнаго отца, которымъ былъ самъ Господь. Своего крестника онъ повелъ въ царство небесное. Здѣсь онъ, вопреки запрету Господи

¹⁾ Изъ рукописи общества распростран. груз. грамотности.

²⁾ *Этногр. Обзор.* кн. II.

³⁾ *Авантиссезъ* Народныя легенды, М. 1860, 99—104. Ср. ib. 183—189. Также легенду о крестницѣ Пресв. Дѣвы.

вошелъ въ одну комнату, гдѣ лежалъ убійца 9 человекъ, грѣхи котораго перешли на него, а чтобы замолить ихъ, онъ идетъ трудиться на землѣ. Вопреки запрету не пить изъ озеръ, по пути ему лежащихъ, онъ помочилъ голову водою, при чемъ изъ перваго озера вышелъ онъ съ серебряными волосами, а изъ другаго золотыми, которые онъ прикрылъ воловьей шкурой. Сдѣлавшись разбойникомъ у царя, онъ прививаетъ яблоню, которая даетъ прекрасные плоды. Разъ, когда онъ расчесывалъ волосы, увидѣла его младшая царевна влюбилась и вышла за него замужъ.

Стихи о св. Георгіи. Мы имѣемъ житіе св. Георгія, напечатанное въ „Раѣ грузинской церкви“ и литературную его обработку, сохранившуюся въ рукописи. Содержаніе духовныхъ стиховъ о св. Георгіи слѣд.:

Диоклетіанъ греческій царь воздвигаетъ гоненіе на христіанъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Магнетіосомъ. Былъ отправленъ приказъ ко всѣмъ правителямъ отдѣльныхъ провинцій, военачальникамъ и вельможамъ искоренять христіанство въ предѣлахъ подвластной имъ области, обратить жителей въ покорныхъ служителей Аполлона, а твердыхъ въ вѣрѣ въ Сына іудейскаго подвергать истязаніямъ и мученіямъ. Во время гоненій къ Диоклетіану является военный трибунъ (спасаларъ) Анкіорской¹⁾ комы, Георгій, родомъ изъ Капподокіи и въ собраніи государственныхъ членовъ объявляетъ себя христіаниномъ. Магнетіозъ и самъ императоръ напрасно пытаются убѣдить его поклоняться идоламъ, обѣщая еще больше почестей и богатства, чѣмъ онъ былъ награжденъ милостивымъ вниманіемъ императора къ его слугамъ. Видя его непреклонность, Диоклетіанъ приказываетъ пронзить тѣла отступника отъ Аполлона копьями. Но острѣе не пристало къ св. Георгію, отскочивъ отъ него, „словно отъ пули“. Св. Георгія заключаютъ въ темницу въ оковы и на грудь кладутъ огромный камень. Онъ остался невредимъ и возблагодарилъ Христа за явное заступничество. На другой день его снова приводятъ въ собраніе, привязываютъ къ колесу, утыканному острыми мечами, и такимъ образомъ раздираютъ его тѣло на куски. Сочтя его мертвымъ, императоръ и Магнетіозъ превозносятъ своихъ боговъ²⁾ и уходятъ принести имъ благодарственную жертву. Въ десятомъ часу слышится небесный громъ и голосъ, ободряющій мученика. Сторожившіе его въ испугѣ разбѣжались, спустившіяся на

¹⁾ *Αγκιόν κόμης.* *Веселовскій* Разысканія, 176.

²⁾ Вотъ имена боговъ, упоминаемыхъ въ грузинскомъ текстѣ: Аполлонъ, Термесъ, Діонисъ (Деоносъ), Гераклъ и Діосъ.

землю ангелъ Божій отвязалъ мученика съ колеса, залѣчилъ раны, обнялъ его, говоря: радуйся Георгій! Онъ приблизился къ мѣсту, гдѣ происходилъ царскій пиръ, по случаю мнимой торжественной побѣды Аполлона надъ Христомъ, и громко призвалъ ихъ увѣрвать въ истиннаго Бога, Творца вселенной. Магнетіозъ не узналъ его, а видѣвшіе это чудо Анатолеосъ ¹⁾ стратилать ²⁾ съ друзьями увѣрвали во Христа, за что и были казнены по приказу Діоклетіана. Императрица Александра безъ страха предъ Магнетіосомъ признала Бога св. Георгія и отказалась отъ поклоненія идоламъ. Страшный гнѣвъ наполнилъ сердце императора, въ виду отступленія Александры. Онъ велѣлъ бросить св. Георгія, совратившаго царицу, въ ровъ съ негашенной известью, а на третій день приказываетъ достать остатки костей его. Ангелъ небесный охладилъ огонь, и святой остался живымъ и невредимымъ. Св. Георгія подвергаютъ новому мученію: ему надѣваютъ утыканые гвоздями желѣзные сапоги, но голосъ съ неба ободряетъ его словами: „не бойся, Георгій, я съ тобой!“ Когда сняли съ него желѣзную обувь, язвы его быстро залѣчились и былъ онъ отправленъ въ тюрьму. Призвавъ на другой день въ собраніе, императоръ склонялъ его принести жертву богамъ. Св. Георгій съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и сталъ обличать ихъ въ безумномъ поклоненіи идоламъ. За такое дерзостное отношеніе къ покровителямъ имперіи св. Георгія велѣно было бичевать воловьими жилами. Св. Георгій остается непреклоненъ въ вѣрѣ и неуязвимъ отъ истязаній. Магнетіозъ проситъ императора освободить св. Георгія и въ доказательство превосходства силы его Христа предлагаетъ воскресить одного изъ мертвыхъ, покоящихся на кладбищѣ. Святой призываетъ имя Спасителя, проситъ во славу истиннаго Бога воскресить мертваго. Молитва его услышана: отверзлись врата могилы, и предъ св. Георгіемъ палъ жрецъ, жившій до Р. Х., и сталъ прославлять Господа Исуса Христа. Императоръ приходитъ къ заключенію, что св. Георгію помогаютъ чары. Святой ему напомнилъ, что чародѣи не могутъ обращаться ко Христу и во имя Его творить чудеса. Св. Георгія заключаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ излѣчиваетъ многихъ больныхъ, проник-

¹⁾ *Ανατόλος ὁ στρατηλάτης* *Веселовскій* оп. с. 180. Чтеніе, приведенное у проф. *Киртичниковой*—Анатолій и *Протоллеонъ*, извѣстно изъ вѣнскаго текста.

²⁾ Въ грузинскомъ житіи это мѣсто передано очень темно. Собственное имя Анатолеосъ-стратилать стоитъ въ такой формѣ, которая употребляется для обозначенія зависимости одного слова отъ другого. Здѣсь я подозреваю неумѣлое воспроизведеніе чтенія рукописи. Литературная обработка житія даетъ другую форму и другое имя: а именно—Антиохъ Стратія. См. рукопись, стр. 20.

шихъ туда посредствомъ подкупа стражей острога. Къ нему является между прочимъ пахарь Гвликери ¹⁾, у котораго умеръ лучшій быкъ, поддерживающій благосостояніе семьи. По слову св. Георгія быкъ встаетъ, а пахарь объявляетъ себя христианиномъ. Императоръ велѣлъ немедленно изрубить его въ куски: онъ съ радостью встрѣчаетъ смертную казнь.

Магнетіозъ убѣждаетъ императора дѣйствовать на св. Георгія не мученіями, а ласками и обѣщаніями мірскихъ благъ, св. Георгій притворно соглашается принести жертву богамъ и проситъ вести его къ нимъ. Глашатай радостно объявляетъ объ этомъ жителямъ города. Войдя въ храмъ, св. Георгій вступаетъ въ бесѣду съ Аполлономъ. Св. Георгій заставляетъ его признаться, что онъ не богъ, упрекаетъ его въ томъ, что вводитъ въ заблужденіе столько невинныхъ душъ, и статуи боговъ, по знаменію креста святаго, падаютъ на землю. Народъ въ ярости бросается на св. Георгія, требуя отъ императора заслуженной кары за ниспроверженіе имъ боговъ. Императрица Александра, услышавъ объ этомъ, бросилась къ ногамъ святаго, и многіе, видя это чудо, обратились ко Христу. Діоклетіанъ велѣлъ казнить и св. Георгія, и императрицу, но послѣдняя умираетъ по дорогѣ къ мѣсту казни. Передъ смертью св. Георгій произноситъ длинную молитву, въ которой молитъ Бога принять его душу, простить его мучителямъ, даровать его останкамъ цѣлебное свойство, призывающихъ его имя избавлять отъ предстоящихъ искушеній и несчастій на морѣ и на землѣ, отъ града и засухи, оживлять природу небесной влагой отъ дурнаго растворенія воздухонъ. Является Господь въ облакѣхъ и обѣщаетъ исполнить послѣднюю волю великомученика. Послѣ этого св. Георгій говоритъ, что онъ готовъ принять смерть, и палачъ рубитъ ему въ голову (въ 303 году) ²⁾.

Чудо св. Георгія о драконѣ и двоицѣ. Чудо св. Георгія съ дракономъ во всѣхъ редакціяхъ приводится послѣ мученической кончины святаго. Поэтому, по замѣчанію акад. Веселовскаго, этотъ вопросъ не только хронологическій, но и методологическій ³⁾.

Мѣсто дѣйствія чуда ⁴⁾—городъ Ласія, гдѣ царствовалъ идолопоклонникъ Селиносъ. За преслѣдованіе христіанъ Богъ посылаетъ

¹⁾ Въ редакціи болландистовъ грузинскій Гвликерій названъ Гликеріемъ По-гречески пишется *Γλοχέριος*. См. *Веселовскій* оп. с. 184 и др.

²⁾ Ср. выше стихи о св. Маринѣ.

³⁾ *Веселовскій* оп. с. 70.

⁴⁾ *Рай Грузии* стр. 59—62, и рукописная обработка стиховъ о св. Георгіи.

дракона, который поселяется въ озерѣ близъ города и начинаетъ истреблять народъ. Царь выступилъ противъ чудовища съ войскомъ, но былъ побѣжденъ. Граждане въ полномъ отчаяніи обвиняютъ царя, что онъ не принимаетъ мѣръ для огражденія жителей отъ опасности, Царь предложилъ отдавать на съѣденіе дракону по одному ребенку, и въ свою очередь обязывается вести къ дракону свою единородную дочь. Доходить очередь до царевны, царь велитъ убрать ее въ драгоцѣнный нарядъ, проливаетъ горькія слезы при разлукѣ съ ней; онъ предлагаетъ гражданамъ взять серебро, золото, царство его и оставить ему сладчайшее чадо его. Народъ былъ неумолимъ. Царь отпустилъ царевну къ озеру. Въ то время св. Георгій каппадокійскій возвращался, по приказу Діоклетіана, изъ войска на родину. Онъ остановился напойть коня у озера, гдѣ видитъ сидящую и плачущую дѣву. Св. Георгій спрашиваетъ, почему она плачетъ. Царевна, вида „осанку“ св. Георгія, уговариваетъ уѣхать немедленно, но онъ настаиваетъ на своемъ, и она излагаетъ ему все дѣло. Св. Георгій спрашиваетъ: въ кого вѣруетъ ся отецъ. Она отвѣчаетъ: въ Юпитера, Меркурія и Аполлона. Св. Георгій совѣтуетъ ей вѣровать во Христа и обращается къ Богу съ молитвой покорить ужаснаго звѣря, чтобы она увѣровала, „что Онъ съ нимъ“¹⁾ Въ это время раздался голосъ съ неба и приблизился драконъ, который, по знаменію креста, падаетъ къ ногамъ св. Георгія. Привязавъ дракона, къ поясу царевны, святой велѣлъ ей вести его въ городъ. При видѣ дракона, народъ пришелъ въ ужасъ, но св. Георгій обѣщаетъ убить „звѣря“, если народъ изъявитъ желаніе креститься. Народъ изъявилъ согласіе, и драконъ былъ убитъ. Св. Георгій призвалъ епископа Александра и въ пятнадцать дней крестилъ съ нимъ 45.000 человекъ. Былъ выстроенъ въ городѣ храмъ, изъ котораго, по слову св. Георгія, пошелъ цѣлительный источникъ (и сотворилъ нѣсколько славныхъ чудесъ).

Эта легенда, по грузинскому тексту, приурочена къ городу Ласи, ко времени царствованія тамъ Селиноса. Въ латинской легендѣ царь носитъ имя *Sevius*, въ греч. *Σελβιος*, въ русской Селевій, Селевинъ, Селевкій и др., а мѣстность, гдѣ чудо совершилось по латинской легендѣ называется *Lasia* въ Каппадокіи, въ русскихъ переводахъ Ласосія²⁾. Грузинскій текстъ стоитъ ближе къ греческому сказанію по

¹⁾ Грузинскій текстъ совершенно совпадаетъ съ греческимъ, приведеннымъ ак. Веселовскимъ въ приложеніи стр. 200—8.

²⁾ *Веселовскій*. Ор. с. стр. 72.

содержанію, чѣмъ къ русскимъ легендамъ, связь съ которыми нашей редакціи вообще не можетъ быть отмѣчена.

Въ пользу этого мнѣнія можно привести еще одно чудо Георгія, изложенное въ приложеніи къ *Acta ss.* (Arg. III, XXXIX и слѣд.) и въ грузинскомъ текстѣ, но пропущенное въ русскихъ прологахъ и сборникахъ. Это — явленіе св. Георгія пахарю Теопасту. Разказа объ этомъ, впрочемъ, я не нахожу въ житіяхъ грузинской церкви, а привожу его изъ рукописной литературной обработки легенды. Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ памятникѣ. Рукопись, въ которой рассказывается о „Георгіевыхъ мученіяхъ“ и чудесахъ, ихъ сопроваждавшихъ, датирована 1848 г. Она переписана причетникомъ Вартоломеемъ Бибилуровымъ, еще въ 1890 г. здравствующимъ въ санѣ священника въ г. Гори. (Тифлис. губ.). Къ сожалѣнію, переписчикъ не ставитъ насъ въ извѣстность, съ какой рукописи В. Бибилуровъ списалъ житіе святаго. Изъ предисловія къ самому житію святаго мы узнаемъ, что оно было составлено рабомъ св. Георгія, Аскиратиромъ. При этомъ заявлено, что легенда св. Георгія была писана церковнымъ алфавитомъ „хуцури“ и потомъ нѣкто Датуна Кваріани¹⁾, для большаго распространенія сказанія въ обществѣ, переложилъ его въ стихи, переписалъ алфавитомъ гражданскимъ „мхедрули“, болѣе доступнымъ публикѣ и присоединилъ въ стихотворной формѣ рассказъ о сотвореніи перваго человека, грѣхопадении, изгнаніи изъ рая, объ Каинѣ и Авелѣ, Благовѣщеніи Пресвятой Богородицы, Сочествіи и Распятіи Спасителя *въ 30 лѣтъ* и избавленіи рая Имъ отъ сатаны. Хотя рукопись Бибилурова списана безъ соблюденія внѣшней стихотворной формы, но при чтеніи легенды становится ясно, что, въ видахъ экономіи, переписчикъ писалъ въ строчку по порядку, не дѣлая раздѣленій на отдѣльные стихи и куплеты.

Датуна Кваріани, какъ самъ говоритъ²⁾, придалъ стихотворную форму легендѣ св. Георгія, которую онъ нашелъ въ древней рукописи, по характеру письма, недоступной публикѣ. Къ какому времени относится оригиналъ, которымъ пользовался Кваріани, мы не можемъ опредѣлять, но палеографическая особенность памятника даетъ право считать его произведеніемъ той эпохи, когда церковный алфавитъ „хуцури“ былъ, если не исключительнымъ, то, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Фамилія довольно распространенная и нынѣ въ Имеретіи.

²⁾ Онъ напоминаетъ еще разъ о своихъ заслугахъ предъ обществомъ по поводу избавленія плѣнника изъ Боржома, заключающихся въ томъ, что онъ переложилъ въ стихи житіе, писанное „хуцури“.

преобладающим письмомъ въ грузинской литературѣ. Нѣкоторыя отличительныя черты литературной обработки легенды позволяютъ предполагать, что напечатанный текстъ житія св. Георгія не могъ служить для нея источникомъ, что грузинское печатное и рукописное сказаніе исходятъ изъ различныхъ редакцій легенды великомученика.

Св. Георгій является Θεопасту. Въ Капподокіи, въ царствованіе Θεодосія, жилъ бездѣтный, благочестивый мужъ Θεопастъ съ женою Есаіей ¹⁾. Разъ послѣ работы въ полѣ, онъ прилежъ спать, а воловъ пустилъ пастись; когда онъ проснулся волю исчезли. Искаль онъ ихъ напрасно съ своимъ работникомъ до вечера. Возвращается онъ опечаленный домой и рассказываетъ все женѣ. Сосѣди начинаютъ осмѣивать его, какъ онъ съ работникомъ проспалъ и воловъ растерялъ. Они совѣтуютъ помолиться св. Георгію ²⁾. Онъ обѣщаетъ зарѣзать святому одного быка въ случаѣ его находки. Во снѣ является ему св. Георгій, приказываетъ ему одѣться и выйти на дворъ—онъ найдетъ своихъ быковъ, требуя при этомъ исполнить данное обѣщаніе. Онъ находитъ ихъ тамъ, гдѣ 20 разъ ихъ искалъ напрасно. Θεопастъ думаетъ удовольствоваться святого принесеніемъ въ жертву барана ³⁾. Св. Георгій во снѣ выражаетъ неудовольствіе и требуетъ обѣщаннаго. Θεопастъ идетъ на сдѣлку: хочетъ принести въ жертву барана и агнелка. Св. Георгій во снѣ предлагаетъ уже зарѣзать ему пару быковъ, тогда только явится къ нему въ гости: „Я былъ эриставъ“ („графъ“ по аста *ss.*), говоритъ святой. Жена ⁴⁾ успокоиваетъ Θεопаста тѣмъ, что святой увеличитъ ихъ состояніе, если исполнять его волю. По требованію св. Георгія, онъ зарѣзываетъ не только пару быковъ, но и всѣхъ своихъ домашнихъ животныхъ и птицъ: барана, свинью, гуся, курицу и пр. На пиръ пригласилъ всѣхъ немощныхъ, слабыхъ, стариковъ, дѣтей, глухихъ, слѣпыхъ. Когда сѣли обѣдать, вдали показались три всадника. Θεопастъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и пригласилъ ихъ къ трапезѣ. Никто не зналъ, кто они. Всадникъ первый заговорилъ и объявилъ, что онъ не святой, а просто Георгій. Но скоро открылось,

¹⁾ *Киртичниковъ* ор. с. стр. 81; называетъ ее Евсевіей. Въ поэмѣ Кваріани Θεопастъ дается съ окончаніемъ *os*—*θεοπαστος*, что указываетъ на греческое происхожденіе легенды.

²⁾ По аста *ss.* такой совѣтъ даетъ Θεопасту на дорогѣ „свѣтлый юноша“.

³⁾ По аста *ss.* козу предполагаетъ зарѣзать Θεопастъ, но по представленію грузинъ коза нечистое животное, считается она порожденіемъ дьявола.

⁴⁾ По грузинскому тексту она щедрѣ мужа и уговариваетъ его исполнить волю святого. „Эристави“ по буквальному переводу значить—глава народа.

кого угошалъ Θεопастъ. Пьютъ вино, истребляютъ кушанья, но ихъ количество не уменьшается. Св. Георгій на ухо говоритъ *по-грузински* Θεопасту, чтобы онъ собралъ кости вмѣстѣ. Св. Георгій читаетъ молитву („амбиконъ“), воздѣваетъ руки къ небу, и кости одѣваются плотью. Когда началось движеніе костей, присутствующіе отъ страха пали, а вставъ, узнали, что каждая зарѣзанная скотина и птица возвратилась жертвователю впитеро ¹⁾. Св. Георгій со свитой сдѣлался незримъ. Послѣ этого Θεопастъ сильно разбогатѣлъ, прижилъ отъ жены своей семь сыновей и трехъ дочерей, жилъ еще 22 года, а потомъ постригся въ монахи.

Убивъ дракона въ Ласіи, св. Георгій возвратился въ обратный путь на родину. По дорогѣ присталъ къ нему дьяволъ въ образѣ челоуѣка съ посохомъ въ рукахъ и привѣтствовалъ святого. Св. Георгій отвѣтилъ, что онъ его не знаетъ и видитъ въ немъ дьявола. Очертивъ крестъ кругомъ дьявола, святой приковалъ его къ мѣсту и спросилъ, кто онъ. „Я второе лицо послѣ Самоэля. Былъ начальникомъ 40.000 и собирателемъ облаковъ, при сотвореніи Богомъ челоуѣка. За гордость былъ низверженъ и хотѣлъ ввести тебя въ обманъ“. Онъ проситъ святого пощадить его, не предавать новымъ мученіямъ. По молитвѣ св. Георгія разверзлась скала, взялъ святой дьявола за руку и силою толкнулъ въ расщелину. По знаку святого скала снова сошлась, а дьяволъ запертъ и *нынѣ* тамъ, испытывая гнѣвъ праведнаго Бога ²⁾

Вдова, имѣвшая упованіе на св. мученика Георгія, пожертвовала колонну для воздвиженія на правой сторонѣ во храмъ ³⁾. Въ Палентиносѣ, въ прославленной деревнѣ св. Георгія, гдѣ покоятся его святые останки въ храмѣ, посвященномъ его имени, вознамѣрился царь привести въ большое благолѣпіе эту святыню. Данъ былъ приказъ одному вельможѣ изъ средствъ казны отложить часть доходовъ на украшеніе храма. Тотъ приступилъ къ перестройкѣ и скоро работа остановилась на присканіи нужныхъ колоннъ. Въ отдаленной приморской странѣ онъ покупаетъ прекрасныя колонны и везетъ на лодеѣ въ Палентиносъ. Вдова, давшая обѣщаніе св. Георгію пожертво-

¹⁾ По аста *ss.* просто безъ количественнаго возрастанія возвращается. *Киртичниковъ* ор. с. стр. 82. Ср. легенду у *Аванасьева*.

²⁾ По *рукописи* житія св. Георгія, принадлежащей г. *Сабинину*, дьяволъ святымъ былъ низвергнутъ въ родникъ, откуда воспрещается брать или пить воду.

³⁾ „*Рай Грузіи*“ стр. 63—4. Ср. мою рукопись, гдѣ вдова названа гелистанской.

вать его имени колонну, просить вельможу принять отъ нея эту жертву. Вельможа не хочет присоединять лепты вдовы къ довершенію памятника, возводимаго на счетъ казны. Вдова начинаетъ горько плакать. Она не успѣла отереть горючихъ слезъ, какъ ей показался прекрасный, статный всадникъ и разспросилъ о причинѣ печали. Всадникъ, выслушавъ ее, пальцемъ написалъ на колоннѣ: „эту колонну поставьте по правой сторонѣ во храмѣ“. Вдвоемъ донесли до моря, „пустили ее туда, и она поплыла, словно живой человѣкъ“. Вдова поняла, что подъ видомъ всадника она удостоилась лицезрѣть св. Георгія и вознесла Господу благодарственныя молитвы. Колонна остановилась близъ перестраиваемаго храма. Вельможа прочиталъ высѣченную на ней надпись и согласно ей была исполнена воля святого.

Здѣсь св. Георгій возвратилъ изъ плѣна старосту своего храма и освободилъ его ¹⁾. Агаряне (мусульмане) напали на гор. Парти, и въ числѣ уведенныхъ ими плѣнниковъ былъ староста церкви св. Георгія. Вождь агарянъ тщетно пытался перевести его въ ряды прозелитовъ Магомета. Въ наказаніе онъ велѣлъ знатнаго по происхожденію старосту отдать за упрямство на кухню, поручивъ ему таскать воду и рубить дрова. Разъ, когда этотъ непреклонный христіанинъ направился къ своей постели, ему послышался голосъ, вызывающій по имени его на дворъ. Удивленный видомъ незнакомца, онъ еще болѣе былъ пораженъ, когда послѣдній посадилъ его на коня и поскакалъ съ нимъ, привезъ въ какой-то домъ христіанина и простился съ нимъ. На зарѣ входитъ въ комнату, гдѣ онъ спитъ, жилецъ ея и былъ испуганъ видомъ платья агарянина. Разспросивъ его обо всемъ, начали оба вмѣстѣ прославлять св. Георгія, котораго признали виновникомъ этого чуда. Въ заключеніе приводится обращеніе къ святому, чтобы онъ былъ заступникомъ предъ І. Христомъ. Авторъ житія прибавляетъ, что описать всѣ чудеса св. Георгія по ихъ многочисленности, невозможно: кто сосчиталъ бы тогда количество исписанныхъ книгъ!

На этотъ храмъ дѣлаетъ нападеніе народъ „саркинозы“, т. е. арабы. Ворвавшись въ алтарь, гдѣ хранились мощи св. Георгія, устроили они тамъ себѣ шумный пиръ съ пѣніемъ и пляской. Оскверненіе святыни этимъ не кончилось. Нѣкоторые натянули луки и пускали стрѣлы въ окружающія ихъ иконы. Одинъ изъ плѣнныхъ христіанъ упрекнулъ ихъ за нечестивое обращеніе съ образами святыхъ, предупреждая въ неизбѣжности наказанія, которому подвергнетъ ихъ охранитель храма, св. Георгій. Прозелиты Магомета со смѣхомъ посмот-

¹⁾ „Рай Грузин“ 66—8. Моя рукопись стр. 52—3.

рѣли на образъ великомученика, изображеннаго въ кольчугѣ и съ копьемъ въ рукахъ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе христіанина, мусульманинъ пустилъ стрѣлу въ образъ самого св. Георгія ¹⁾. Но стрѣла отскочила назадъ, попала въ сердце пустившаго его и положила бездыханно на мѣстѣ. Всѣ видѣли, какъ св. Георгій копьемъ сталъ истреблять невѣрныхъ. Спаслись лишь тѣ, которые бѣжали или увѣрвали въ св. Георгія. „Этимъ мы покончимъ рассказъ и приведемъ другія, достойныя удивленія, его чудеса“.

Стихотворное изложеніе житія, переписанное Кваріани, присоединяетъ еще одно сказаніе, которое или сложилось, или потомъ приурочено было къ Боржому, мѣстечку горійскаго уѣзда тифлисской губерніи. Авторъ стихотворнаго изложенія, прежде чѣмъ приступить воспѣвать чудо св. Георгія, еще разъ напоминаетъ читателю, что онъ житіе съ „хуцурі“ переложилъ въ стихи. Это можетъ указать на древность текста и съ другой стороны на существованіе различныхъ вариантовъ, изъ которыхъ болѣе пространнѣе заключали въ себѣ „Чудесное спасеніе плѣнника изъ Боржома“ ²⁾.

Жилъ при монастырѣ Патамѣ св. Георгія вѣрный его слуга, Леванъ съ супругой Теофилой. Когда у нихъ родился сынъ, то, изъ преданности святому, дали ему имя Георгій, и рано былъ отданъ на воспитаніе священнику храма св. Георгія. Вскорѣ напали на этотъ храмъ невѣрные изъ Хорасана и захватили въ плѣнъ Георгія. Родители со слезами умоляли св. Георгія быть покровителемъ ихъ единственнаго сына въ неизвѣстной странѣ. Въ день праздника св. Георгія гости, по обыкновенію, собрались у Левана и съ грустью вспоминали тѣ года, когда Георгій принималъ и любезно угощалъ гостей. Между тѣмъ и Георгій въ этотъ же день не забылъ въ плѣну чтить св. Георгія и вспомнить родителей. Такъ, онъ, вознося молитвы свя-

¹⁾ „Рай Грузин“ стр. 65. Такое изображеніе св. Георгія съ копьемъ въ рукѣ предоставлена на Джуматской иконѣ великомученика. Помимо по замѣчательной строгости техники, она должна быть произведеніемъ грузинско-византийскаго искусства XI—XII в. Рус. Древности вып. IV, стр. 103. изд. гр. Толстымъ и пр. Кондаковымъ. Спб. 1891.

²⁾ Въ рукописи о св. Георгіи, принадлежащей М. П. Сабинину, передается рассказъ, какъ св. Георгій явился каменщику Василю (наз. Болокъ - Василиа), близъ Тифлиса, и потребовалъ, безъ посторонней помощи, воздвигнуть ему храмъ, угрожая за ослушаніе смертью со всѣмъ семействомъ. Ему велѣно было отправиться въ Вларджетію (нынѣш. Испиръ) въ монастырь Опизскій, къ иноку Стефану и взять у него желѣзо и осла.

тому, поднимался вверхъ къ своему невѣрному господину съ кипяткомъ. Его встрѣчаетъ на лѣстницѣ св. Георгій, сажаетъ на ковы и привозитъ домой на радость родителямъ къ обѣду. Всѣ были изумлены этимъ неожиданнымъ приходомъ. Кипятокъ въ его рукахъ былъ еще горячъ, его смѣшали съ виномъ, стали пить, но количество его не убавилось. Чудо заключалось еще въ томъ, что кипятокъ можетъ все уничтожить, если его полить на что-либо, но безвреденъ, сколько бы его не пить. 23 апрѣля и нынѣ еще это чудо приводитъ всѣхъ въ изумленіе: кипятокъ все еще горячъ и его пьютъ всѣ безъ вреда, заключаетъ свой рассказъ Кваріани ¹⁾.

Филологи, мѣологи, орьенталисты,—изъ послѣднихъ Гутшмидтъ и Клермонъ-Ганно,—давно заняты изученіемъ каноническаго и апокрифическаго житія св. Георгія, возбуждаютъ догадки о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, объ ихъ основѣ—восточной „пра-исторіи“—и конечныхъ ея источникахъ, теряющихся въ зыбяхъ какого-нибудь молодозападнаго или египетскаго культовъ.

Болѣе или менѣе ученое изслѣдованіе легендъ начинается съ болландистовъ. Папebroхъ, изслѣдовавшій легенду о св. Георгіи, счелъ древнимъ и подлиннымъ житіе греческое, начинающееся словами: Διοκλῆς τικάνος ὁ Ρωμαίων αὐτοκράτωρ ἀναξίως τῶν σκήπτρων ἐπιλαβόμενος ὁ καὶ πρῶτος ²⁾. Съ этой редакціей во всѣхъ существенныхъ чертахъ сходится очень распространенный текстъ Липомана, латинскій переводъ котораго изданъ подъ 23 апрѣля у Сурія и перепечатанъ у болландистовъ. Греческій текстъ Липомана начинается такъ: Ἦ μὲν τοῦ Θεωτῆρος ἡμῶν, Ἰησοῦ Χριστοῦ προαίωνιος βασιλεία οὔτε ἀσχήν ἡμερῶν οὔτε τέλος ζωῆς ἔχεν ὁ δὲ πανείφημος и т. д. Въ концѣ находится приписка „псевдо-автора“: имя его Пасикратъ—рабъ Георгія и очевидецъ всего описаннаго имъ ³⁾. Въ грузинской версії житія св. Георгія имя Пасикратъ въ измененной формѣ—Палекратъ (Палекратосъ) поставлено въ началѣ рассказа о чудесномъ избавленіи гор. Ласіи отъ пожирающаго жителей дракона: „Мѣсяца апрѣля 23 дня, въ день пятницы, въ семь часовъ. Я, Палекратосъ, рабъ св. Георгія съ самаго начала послѣдовалъ Господу моему и описалъ мученіе его

истинно и блаженъ вѣрующій въ Иисуса Христа, Спасителя нашего“ ⁴⁾.

Считая имена Пасикратъ и Палекратосъ тождественными, грузинскій текстъ я сопоставилъ не съ первой редакціей болландистовъ житія св. Георгія, а съ версіей Липомана. Палеографически можно объяснить ошибку грузинскаго переписчика или издателя, поставившаго букву „л“ вм. „с“ въ имени Пасикратъ. Замѣна въ грузинскомъ текстѣ буквы „и“ буквой „е“, вѣроятно, найдетъ оправданіе въ греческомъ „ι“, переданномъ у грузинъ чрезъ „е“, а у проф. Кирпичникова чрезъ „и“, а окончаніе ось равняется греческому ζς. Содержаніе грузинскаго текста больше приближается къ той же редакціи Липомана. Проф. Кирпичниковъ отмѣтилъ разницу между версіями болландистовъ и Липомана, и мы воспользуемся результатами этого сопоставленія для сравненія съ грузинской легендой о св. Георгіи.

Важнѣйшія отличія редакціи Липомана отъ редакціи болландистовъ, по словамъ проф. Кирпичникова, состоятъ въ слѣдующемъ ⁵⁾: „здѣсь (т. е. въ редакціи Липомана) Аѳанасій (магъ, предлагающій св. Георгію ядовитое питье) не поминается вовсе, воскресить приглашаетъ св. Георгія Магненцій,—Магнетіозъ груз. сказанія, (а не Аѳанасій, какъ передаетъ редакція болландистовъ); нѣтъ явленія Христа во снѣ. (По редакціи болландистовъ Христосъ въ тюрьмѣ является св. Георгію во снѣ послѣ воскресенія быка Гликерія и ободряетъ дотерпѣть мученіе до конца). Зато редакція Липомана сохранила другія апокрифическія черты: такъ Георгія въ первый же день подвергаютъ многимъ мукамъ и ударяютъ копьями въ животъ, колесо изрѣзало св. Георгія въ куски; при мукахъ разожженными сапогами раздается ободряющій св. Георгія голосъ съ неба; мертвецъ, воскрешенный Георгіемъ, оказывается умершимъ еще задолго до Р. Х.; подробнѣе изложено разговору св. Георгія съ Аполлономъ. Въ концѣ находится приписка псевдо-автора: имя его Пасикратъ, онъ—рабъ Георгія и очевидецъ всего описаннаго имъ“.

Если приложить эти отличительныя черты послѣдней редакціи къ грузинскому тексту, то нельзя не признать его родство съ версіей Липомана. Отсутствіе въ греческомъ сказаніи мага Аѳанасія,

¹⁾ Чудо св. Николая объ Агриновомъ санѣ Василии буквально напоминаетъ это чудо св. Георгія. *Галаховъ*. Ист. рус. слов. т. I, 233 (Спб. 1880).

²⁾ *Кирпичниковъ*. Св. Егорій и Егоръ Храбрый. Изслѣдованіе Литературной исторіи христіанской легенды. (Спб. 1879) стр. 2. *Ср. Веселовскій* Разысканія, 172, 189.

³⁾ *Кирпичниковъ* *рo. с.* стр. 3—4.

⁴⁾ Въ началѣ житія св. Георгія читаемъ слѣд. слова: „Тогда возсіялъ, какъ звѣзда, храбрый воинъ Христа. Господь мой св. Георгій, и я рабъ его былъ съ нимъ, послѣдовалъ и описалъ мужество его мученій“ стр. 49, *Рай Грузин*.

⁵⁾ *Кирпичниковъ*. *Op. с.* стр. 4.

изрѣзанія св. Георгія колесомъ на куски, гласъ съ неба при мученіи святаго сапогами, утыканными гвоздями, воскрешеніе жреца, жившаго до Р. Х., а не *недавно* умершаго, приписка имени Палскратоса, называющаго себя рабомъ св. Георгія при началѣ описанія его мученій— всѣ эти особенности одинаково вскрываются въ грузинскомъ текстѣ и редакціи Липомана и отсутствуют, напротивъ, въ редакціи болландистовъ. Самостоятельно сравнить грузинскій текстъ съ названными редакціями я не имѣлъ возможности: греческій текстъ ¹⁾ Липомана пока еще не изданъ, а текстъ редакціи болландистовъ я не имѣлъ подъ руками. Поэтому пока я довольствуюсь сопоставленіемъ нашего текста съ тѣми отрывками изъ другихъ версій, которыя приведены въ изслѣдованіи проф. Кирпичникова.

Возводя грузинскій текстъ къ редакціи Липомана, я не могу рѣшить вопроса, представляетъ ли грузинское сказаніе переводъ съ текста Липомана, или оба пересказа являются передѣлкой одного и того же древнѣйшаго житія. При ближайшемъ разсмотрѣніи грузинскаго текста, мы открываемъ въ немъ такія особенныя черты, которыя слегка отличаютъ его отъ редакціи Липомана. Я укажу на эти особенности, руководствуясь при сравненіи нашего сказанія съ текстомъ Липомана изложеніемъ содержанія послѣдняго въ трудѣ проф. Кирпичникова. Почтенный изслѣдователь легенды св. Георгія приводитъ лишь *важнѣйшія* отличія редакціи Липомана отъ текста болландистовъ. Поэтому онъ, не пересказывая житія св. Георгія по редакціи Липомана, отмѣчаетъ лишь ея отличительныя въ сравненіи съ текстомъ болландистовъ особенности. Если разница между этими двумя редакціями заключается лишь въ томъ, что мы указали выше, то, помимо ихъ раздѣляющихъ чертъ, остальные факты изъ текста болландистовъ должны быть отнесены также къ редакціи Липомана. Въ такомъ случаѣ, нѣкоторые эпизоды, общіе обѣимъ редакціямъ, при полномъ родствѣ грузинскаго текста съ версіей Липомана, нужно было бы искать и въ грузинскомъ сказаніи.

Однако, вотъ какія черты, отмѣченныя въ редакціи болландистовъ, не находятъ мѣста въ грузинскомъ текстѣ: императрица Александра, увѣровавшая во Христа, была уведена по приказанію *консула*, не давъ ей случая высказаться. Сапоги, которые были надѣты святому, были разожжены ²⁾. Его били палками по устамъ. Быкъ Гвликерія не уми-

¹⁾ Кирпичниковъ. Ор. с. стр. 4, примѣчаніе 1.

²⁾ См. Кирпичниковъ ор. с., стр. 5—7.

раетъ, а заболѣваетъ. Послѣ явленія Христова во снѣ, св. Георгій призываетъ своего раба и велитъ ему отнести тѣло его въ Палестину. Эти особенности редакціи болландистовъ совершенно отсутствуютъ въ грузинскомъ сказаніи. Если ихъ нѣтъ и въ редакціи Липомана, то сходство между грузинскимъ текстомъ и названной редакціей еще болѣе выступаетъ, а если указанные черты общіе обѣимъ редакціямъ, то грузинское сказаніе при родствѣ съ текстомъ Липомана имѣетъ и свои особенныя отличительныя отъ нея черты. Нашъ текстъ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ той семьѣ редакцій легенды, которыя обозначена у проф. Кирпичникова буквою А. Двѣ редакціи В и С не имѣютъ мѣста при разборѣ грузинскаго сказанія. Редакція В съ Аванасіемъ и редакція С съ Полихроніей, напечатанная у Тихонравова, въ виду отсутствія ихъ именъ и чертъ съ нимъ связанныхъ въ грузинскомъ текстѣ, должны быть оставлены внѣ рамки сравненія грузинской легенды съ апокрифическими сказаніями, собранныхъ у проф. Кирпичникова въ редакціи группъ В и С ³⁾.

Обращаемся къ повѣрїямъ и иллюстраціямъ, связаннымъ съ св. Георгіемъ. Въ селеніи Халде, въ Сванетіи, по словамъ Вакрадзе ³⁾, есть церковь, гдѣ грузинская надпись гласитъ, что „здѣсь св. Георгій посѣтилъ Θεопаста“. Послѣдній, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Кирпичниковъ, есть испорченный Θεопистъ греческаго чуда. Я имѣю теперь нѣсколько грузинскихъ надписей, объясняющихъ изображенія на иконѣ св. Георгія. Вокругъ изображеній святыхъ на обратной сторонѣ иконы св. Георгія въ сел. Илори находимъ съ иллюстраціей надписи: „св. Георгій убилъ дракона и освободилъ дочь царя“. „Здѣсь св. Георгій оживилъ быка Магнетіозу“. „Св. Георгій Хорасанскій освободилъ изъ этого плѣна“. „Царь—идолопоклонникъ черезъ посла отправилъ ядь“. „Здѣсь ядь выпилъ св. Георгій, подавшій его (ядь) умеръ“. Здѣсь св. Георгій воскресилъ своего отравителя изъ мертвыхъ“. ³⁾ Въ селеніи Отаршени въ 3 вер. отъ г. Гори (Тифлис. г.) хранится крестъ св. Георгія, на обратной сторонѣ котораго иллюстрированы всѣ важныя моменты изъ его житія. „Встрѣча“. „При-

¹⁾ Георгіево мученіе. Тихонравовъ. Памятники отреченной литературы т. II, стр. 110.

²⁾ Совпаденіе въ археологическомъ отношеніи. Вѣстн. Общ. Др.-рус. Иск. 1876, стр. 87.

³⁾ См. мой разборъ надписей, привезенныхъ съ Кавказа гр. Уваровой и археологическими экспедиціями (рукопись, стр. 51—2). Ср. Матеріалы по археол. Кавказа, вып. III, стр. 20 (М. 1893).

вызываютъ къ колесу“. „Избиеніе св. Георгіемъ идоловъ“. „Мученіе св. Георгія“. „Вропяютъ копыя“. „Бичеваніе плегью“ (св. Георгій въ лежачемъ положеніи). „Заключеніе въ ровъ съ негашеной известью“¹⁾. Нанесеніе ударовъ молоткомъ по ногамъ“. Нѣкоторые эпизоды, представленныя въ изображеніи, неизвѣстны въ греческомъ текстѣ. Такъ, послѣдняя картина — нанесеніе ударовъ молоткомъ по ногамъ—ни въ житіяхъ, ни въ поэмѣ Кваріани не указана. Возникаетъ вопросъ, откуда могли заимствовать эту иллюстрацію? Такое же недоумѣніе возбуждаетъ изображеніе на Илорской иконѣ св. Георгія сцены поднесенія яда великомученику, далѣе изображеніе, какъ св. Георгій послѣ ядовитаго питья остается невредимъ, подавшій его умираетъ и по молитвѣ святаго онъ воскресаетъ. По редакціи легенды болландистовъ Аѳанасій магъ даетъ Георгію ядовитое питье, но на св. Георгія не дѣйствуетъ отравы²⁾. Эта иллюстрація надписи на иконѣ сценой, въ виду отсутствія соотвѣствующихъ имъ свѣдѣній въ грузинскихъ литературныхъ памятникахъ, даютъ основаніе предположить другой источникъ для символическихъ представлений эпизодовъ изъ житія святаго. Возводитъ ихъ основу къ пароднымъ сказаніямъ, или къ письменному разсказу—вопросъ, который пока долженъ остаться открытымъ, за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ. Несомнѣнно только, что помимо той версіи легенды, которая извѣстна изъ „Рая Грузія“, обращались въ народѣ болѣе подробныя сказанія съ нѣкоторыми дополнительными чертами, воспроизведенными на иконахъ живописью. Чудеса св. Георгія, приуроченныя къ Капшадокіи, поклоненіе ему сохранились въ сосѣдней съ ней мѣстности: у лавовъ, мингрельцевъ, гурійцевъ, кахетинцевъ, имеретинъ, сванетовъ, пшавовъ, хевсуровъ, тушиновъ, абхазовъ, осетинъ.

Культъ св. Георгія у всѣхъ народностей грузинскаго племени затмилъ собою почитаніе всѣхъ другихъ святыхъ церкви. У сванетовъ онъ прямо называется Богомъ. Храмы въ честь этого святаго воздвигались почти на каждомъ холмѣ или горѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ историкъ Вахушти³⁾. Иконы, обряды, мѣстные преданья, надгробные памятники, древніе акты выставляютъ имя мученика, какъ патрона и заступника и хранителя во всѣхъ жизненныхъ невзгодахъ. Какъ въ древности Колхида, извѣстная византийскимъ историкамъ подъ

¹⁾ Рус. Древности гр. Толстаго и проф. Кондакова вып. IV, 137 приводятъ изображеніе мученія св. Георгія, подобное отаршенскому „заключенію въ ровъ съ негашеной известью“.

²⁾ Курничниковъ ор. с. стр. 3.

³⁾ Description de la Géorgie par le Tsarevitch Wakhoucht p. 33. 177.

именемъ Лазики, приютила мяеъ объ Язонѣ и драконѣ, стерегущемъ золотое руно, такъ и въ наше время лазы—потомки колховъ, простирающіеся до Трапезунда¹⁾, чтутъ народнымъ святымъ св. Георгія—змѣборца. Лазы передали этотъ культъ всѣмъ своимъ родственнымъ²⁾ народамъ, сохраняющійся нерѣдко у грузинъ-мусульманъ и горцевъ безъ опредѣленнаго вѣроисповѣданія. Онъ охранитель стадъ, защитникъ ихъ отъ волка, отъ заразной болѣзни, виновникъ возрастанія ихъ плодовитости. Онъ самъ становится во главѣ отряда пшавовъ, хевсуръ, тушинъ и ведетъ на враговъ, угнавшихъ скотину³⁾. Онъ изображается съ мечемъ и щитомъ въ монастырѣ Кирика и Улиты въ Сванетіи⁴⁾. Въ селѣ Накпари (по Бартоломею) или Вогреші (по Бакрадзе) церковь св. Георгія украшена снаружи барельефами бараньихъ головъ и другихъ животныхъ (по Бартоломею львиныхъ и оленьихъ)⁵⁾. На фрескахъ Курашской церкви изображено чудо св. Георгія: святой поражаетъ копьемъ дракона; женская фигура съ короной на головѣ со щитомъ держитъ дракона на цѣпи, иллюстрируя эпизодъ изъ житія св. Георгія. Въ углу стоитъ много деревянныхъ палицъ съ остриемъ на концѣ въ видѣ копыя. Это—орудія св. Георгія; ими стрѣляетъ онъ въ стѣны и куполь церкви, предвѣщая чью-либо смерть⁶⁾. На джуматской иконѣ⁷⁾ XI—XII в. великомученикъ представленъ во весь ростъ, одѣтъ въ кольчугу, въ лѣвой рукѣ держитъ щитъ, въ правой пику, позади виситъ длинный мечъ, а въ Байлетской церкви образъ свв. Георгія и Феодора представленъ въ воинскихъ костюмахъ съ пикой въ рукахъ и племомъ⁸⁾. Можно привести

¹⁾ См. мою статью Древнѣйшіе предѣлы расселенія грузинъ по М. Азіи 1—30.

²⁾ Веселовскій ор. с. 51: Лазы, родственные мингрельцамъ и сванетамъ(?)—древніе колхи. Вопросительный знакъ послѣ „сванетовъ“ не ясенъ; сомнѣваться въ принадлежности сванетскаго языка къ иверійской группѣ нѣтъ основаній. См. трудъ Георга Розена - Die Sprach. der Lazen. Abhandlung über Migrel., Suap, и Abchas. in 4—Berl. 1846. „Сбор. матер. для опис. Кавказа, вып. X.

³⁾ См. мои этногр. очерки о пшавкахъ и тушинахъ въ Этногр. сб. п. р. Миллера, вып. III и Этногр. Обзор. кн. III.

⁴⁾ Замѣтка моя объ этихъ святыхъ въ Этногр. Об. VI кн., стр. 236.

⁵⁾ Веселовскій ор. с. 52. То же самое находимъ въ Гомаретской церкви „Иверія“ № 245, 1891 г.

⁶⁾ Кондаковъ ор. с., 107.

⁷⁾ Заговоръ въ рукописи на груз. яз. въ Моск. арх. иностр. д. представляетъ св. Георгія и св. Феодора на коняхъ въ вооруженіи.

⁸⁾ Св. Георгій на иконѣ въ Хопи представленъ на конѣ ѣдущемъ; справа

еще массу изображений этого святаго на стѣнахъ церквей и иконахъ, но изъ означенныхъ примѣровъ становится ясно, что на св. Георгія перенесены черты какого-то языческаго бога войны—Марса.¹⁾ Въ Пшаветіи имя св. Георгія связывается съ Лашасъ-джвари или Лашкрисъ-джвари, что въ переводѣ значитъ крестъ войска, ополченія. Сооруженіе креста приписываетъ историкъ Вахушти Георгію Лаши, царю грузинскому, но нѣтъ сомнѣнія, что это только притязаніе объяснить происхождение Лашарисъ-джвари, филологическое толкованіе котораго даетъ право видѣть въ лашари, слово лашвари, т. е. войско. Молитва, съ которой и нынѣ обращается къ этому кресту Лаши, вооруженнаго противъ враговъ съ ногъ до головы, выѣзжающаго, по представленію пшава, противъ врага на буромъ съ черной гривой конѣ, очень характерна и достаточно уясняетъ, съ какимъ богомъ язычества слился въ представленіи народа св. Георгій. „Дай господи, говоритъ пшавъ, побѣду Лашарисъ-джвари вдали на врага, вблизи на звѣря, даруй милость мужчинамъ и женщинамъ, малому и великому, всѣмъ, приходящимъ къ тебѣ съ молитвой“²⁾! Во время войны грузинъ съ персами, по словамъ католикоса Виссаріона предъ войскомъ христіанъ, въ воздухѣ видѣнъ былъ разѣзжающимъ на бѣломъ конѣ прекрасный юноша, соврушающій враговъ. Всѣ были увѣрены, что это былъ св. Георгій побѣдоносецъ³⁾. Онъ не только своего рода Аполлонъ, но и громовникъ:

царевна на веревкѣ тянетъ за собою дракона съ разсѣченною головою. *Опись памятниковъ древности въ храмахъ Грузіи*, сост. проф. Кондаковымъ. Спб. 1891 г. стр. 63. На другой иконѣ въ Хопи же святой представленъ съ копьемъ въ правой и щитомъ въ лѣвой рукѣ. ib. 65. Въ Шемокведи святой представленъ на конѣ повергающимъ врага (ib. 123), а въ Лихаури святой поражаетъ копьемъ дракона (ib. 133).

¹⁾ Въ Илори въ 2 вер. отъ Чернаго моря между Сухумомъ и Поті, 10 ноября бываетъ чудо: „въ каменной церковной оградѣ св. Георгія, запечатанной съ вечера печатями государя и католикоса, невѣдомо откуда обрѣтается живой быкъ, котораго тутъ же убиваютъ и съѣдаютъ всѣ мірскіе народы“... Чудо см. у *Бьлюкурова, Арсеній Сухановъ*. Исслѣд. ч. I, М. 1891. стр. 300. Ср. Баррадзе, Brosset, Ламберти, Шарденъ и др. Фрески сванетскихъ церквей представляютъ св. Георгія поражающимъ не дракона, а царя Диоклетіана, который надѣлъ на голову его вѣнецъ великомученика. *Еп. Григорій*. Поѣздка въ Сванетію, стр. 16. (Поті, 1893).

²⁾ „*Иверія*“ № 177, 1888 г. Въ походѣ выходили пшавы лишь по указанію хенисъ-бери (жреца) Лашарисъ-джавари.

³⁾ Ср. Сказаніе о св. Димитріи, сражающемся впереди греческаго войска. „*Этногр. Обзор.*“ XV, 84.

сближеніе Ильи, почитаемаго за подателя дождя, и св. Георгія повело къ совмѣстному ихъ празднованію у абазинцевъ¹⁾. На грузинскомъ языкѣ сохранилась сохранилась легенда о превосходствѣ св. Георгія надъ прор. Ильей²⁾.

Во всѣхъ несчастяхъ и опасностяхъ призывается св. Георгій. Въ особенности въ полѣ, лѣсу, въ ущельѣ, въ ожиданіи или нападеніи злыхъ духовъ, достаточно назвать имя св. Георгія, чтобы демоны исчезли, не причинивъ никакого вреда стоящему на краю гибели. Желаніе св. Георгія, выраженное предъ кончиной, чтобы Господь даровалъ ему милость избавлять всѣхъ, взывающихъ къ нему, отъ опасностей, града и засухи, находитъ свое оправданіе въ представленіи грузинскаго народа. По грузинскому тексту, онъ не только дракона убиваетъ, но и дьявола запираетъ въ скалу, усвоивъ съ тѣхъ поръ надъ нимъ власть гнать и поражать его безпощадно. Историкъ XVIII в. *Вахушти* даже названіе Грузіи *Георгія* объясняетъ тѣмъ, что св. Георгій пользуется наибольшимъ почитаніемъ у грузинъ: нѣтъ въ странѣ ни холма, ни вершины горы, гдѣ бы не возвышалась церковь во имя его. Еще путешественникъ XV в. *Бранденбагъ* и XVI в. *Чуди* связываютъ названіе Георгія съ почитаніемъ св. Георгія.

Стихи о св. Георгіи и пророкѣ Ильи. Св. Георгій въ грузинскихъ духовныхъ сказаніяхъ приводится наряду съ пророкомъ Ильей. Сохранилось два варианта этого сказанія — карталинскій и имеретинскій. По *карталинскому сказанію*³⁾, I. Христосъ, въ сопровожденіи Ильи, „повелителя и вождя облаковъ“ и св. Георгія „хранителя и защитника нашего отъ зла“⁴⁾, сошедши съ небесъ, обозрѣлъ поле и присѣлъ „утомленный, какъ человекъ“, отдохнуть подъ тѣнь какого-то дерева. Подобно „сыну Адама“, ему захотѣлось ѣсть и, замѣтивъ на лугу стадо барановъ, послалъ Ілію привести одну овцу, выпросивъ ее у пастуха. Пастухъ предварительно счелъ нужнымъ освѣдомиться относительно личности посланника. Услышавъ его имя, онъ отвергъ просьбу Ильи, который не заслуживаетъ довѣрія

¹⁾ *Дубровинъ. Исторія войны на Кавказѣ*, т. I, ч. 2, стр. 25. Кадагирокъ св. Георгія пользуется особымъ уваженіемъ.

²⁾ „*Рай Грузіи*“, стр. 61—2, см. у меня дальше.

³⁾ „*Этнографич. Обзор.*“ кн. VI, стр. 235. Мой переводъ стиховъ кн. *Ак. Церетели*.

⁴⁾ На одной Илорской надписи св. Георгій именуется цѣлителемъ отъ болѣзней и избавляющимъ отъ паѣна. *Brosset. Вар. VIII, 109 Voyage. archéol.* Ср. *Заговоръ* хранящійся въ моск. архивѣ иностр. дѣлъ.

уже потому одному, что совершенно безъ причины „вождь облаковъ“ посылаетъ градъ и перебиваетъ стадо несчастныхъ овецъ. I. Христосъ улыбулся и послалъ къ пастуху св. Георгія. Пастухъ радостно принялъ святаго, который хранить его отъ „зла“, выбралъ лучшую овечку и прибавилъ, что его покровитель можетъ, сколько и когда угодно, требовать отъ пастуха приношенія. Овечку зарѣзали, изжарили, и втроемъ сѣли обѣдать. Послѣ трапезы I. Христосъ благословилъ окружающее мѣсто: „святель на этомъ мѣстѣ да пожнетъ въ тысячу разъ больше“, и вознесся на небо со своими спутниками. Св. Георгій явился пастуху и говорить: „за твою услугу я хочу тебѣ счастье принести — купи это мѣсто, посѣй хлѣбъ и не останешься недовольнымъ“. Пастухъ такъ и сдѣлалъ. Нива оказалась удивительной. Илія спрашиваетъ св. Георгія, „чья эта земля“. Узнавъ, что ее приобрѣлъ оскорбившій его пастухъ, обѣщавъ градомъ истребить всю ниву. Св. Георгій поспѣшилъ извѣстить пастуха и посоветовалъ продать землю кому-нибудь. Армянинъ, который съ завистью смотрѣлъ на ниву пастуха, предлагалъ ему еще предъ тѣмъ поль-цѣны; теперь, опасаясь потерять все, пастухъ согласился продать ему за безцѣнокъ. Армянинъ не успѣлъ налюбоваться своимъ приобретениемъ, какъ Илія градомъ положилъ ниву на землю. Расплакался армянинъ: „мое дѣло — аршинъ, говорилъ онъ, зачѣмъ я взялся за ниву?“ „Илія извѣщаетъ св. Георгія, что хлѣбъ пастуха погибъ отъ града“. Покровитель пастуха отвѣчаетъ, что земля принадлежитъ теперь армянину. Не понравилось это Илію, и выразилъ онъ твердое намѣреніе поправить ниву. Но св. Георгій и тутъ успѣлъ предупредить пастуха, который выкупилъ имѣніе у армянина. Мелкій дождикъ поднялъ ниву на ноги, и Илія указалъ на свою силу св. Георгію. Послѣдній засмѣялся и сообщилъ, что нива опять того же пастуха. Разгнѣвался Илія и проклялъ землю: „пусть она не дастъ болѣе одного коди (4 пуда) зерна съ каждой арбы!“ Св. Георгій и этому проклятію нашелъ противовѣсь. Онъ приказалъ пастуху не класть болѣе одного колоса на арбу, если даже сосѣди будутъ смѣяться надъ нимъ. Разбогатѣлъ пастухъ отъ благословенной земли.

По *имеретинскому варианту*, два брата, раздѣлившіи имѣніе, живутъ во враждѣ по винѣ сварливыхъ ихъ женъ. Перестали работать и старались только вредить другъ другу. Друзья посоветовали имъ обратиться къ священнику и принести жертву Богу. Духовный отецъ пытался внушить имъ взаимную любовь и сознание необходимости поставить себя подъ покровительство какого-нибудь святаго или пророка. Старшій поручилъ себя св. Георгію, а младшій прор. Ілію. Они вре-

стали у своихъ исповѣдниковъ дѣтей и стали жить съ ними въ дружбѣ и любви. Разъ невѣстки заговорили о крестныхъ отцахъ своихъ дѣтей. Первая восхваляла св. Георгія, который съ копьемъ въ рукахъ истребилъ огнедышащихъ драконовъ. Вторая превозносила Ілію, катающагося въ колесницѣ въ небесахъ и съ высоты поражающихъ ненавистниковъ градомъ и молніей. Заспорили невѣстки и побранили взаимно своихъ крестныхъ отцовъ. Вечеромъ Ілія встрѣчаетъ старшую невѣстку въ грустномъ и опечаленномъ видѣ. Илія разспросилъ о причинѣ скорби. Она рассказала, какъ его бранила ее невѣстка, увѣряя, что Ілія не можетъ сравниться съ св. Георгіемъ. Илія въ отмщеніе обѣщавъ ей сжечь нивы ее деверя палищимъ солнцемъ, приказавъ на этотъ счетъ хранить пока молчаніе. Возвращаясь въ веселомъ настроеніи домой, она повстрѣчала неизвѣстнаго человѣка. Послѣдній, посмотрѣвъ на небо, высказалъ, что завтра нужно ожидать дождя. Женщина возразила, увѣряя его, что вмѣсто дождя будетъ жара, все иссушающая. Праведникъ усомнился; тогда женщина не вытерпѣла и повѣдала тайну, откуда ей извѣстно достоверно состояніе погоды слѣдующаго дня. Вечеромъ того же дня кто-то (какъ оказывается св. Георгій) приходитъ къ младшему брату и советуетъ продать свой участокъ земли старшему брату. Палищее солнце спалило всю ниву. Мужъ со слезами извѣстилъ свою жену. Она выбѣжала на дворъ и встрѣчаетъ Ілію, который, узнавъ о случившемся, обѣщавъ послать мелкій дождичекъ. Тотъ же спутникъ догналъ старшую невѣстку, но она, не обративъ на него вниманія, пошла далѣе въ радости, громко оглашая тайну. Св. Георгій спѣшитъ къ младшему брату и советуетъ выкупить обратно имѣніе у старшаго. [Сказано — сдѣлано] Дождикъ оживилъ ниву, старшая невѣстка начала радоваться, но мужъ ей печально объявляетъ, что онъ землю уже продалъ брату. Жена въ ярости выбѣжала на дворъ, встрѣтила Ілію и при немъ стала бранить мужа. Илія ее остановилъ, проклялъ ниву и младшую невѣстку съ мужемъ. Получивъ наказъ никому не сказывать объ этомъ, она заснула подъ деревомъ и громко во снѣ пробормотала, что грозило нивѣ. Св. Георгій оказался въ это время тутъ, разслышалъ все и передалъ своему кліенту. Тотъ по совету своего покровителя, снова продалъ землю старшему брату, уже начинающему съ завистью смотрѣть на ниву своего брата. Градъ на другой день ее совершенно побилъ. Старшая невѣстка радовалась гибели своего деверя, но недолго, узнавъ, что несчастье обратилось на ихъ имѣніе. Со слезами на глазахъ встрѣтила Ілію. Онъ здѣсь уже увѣрился, что кто-то покровительствуетъ младшему брату. Св. Георгій Ілію открываетъ, что онъ извѣщавъ

своего исповѣдника о намѣреніяхъ громовежца, который безуспѣшно старался покарать человѣка по навѣтамъ женщины ¹⁾).

Стихи о св. *Георгіи* ²⁾ извѣстны въ обработкѣ Важа-Пшавела. На праздникъ св. Георгія Тетри направляются горцы въ арбахъ и пѣшкомъ. Мать Нене отправляетъ сына своего, предостерегая его отъ нападенія лезгинъ. Юноша съ теплою мольбой къ св. Θεодору смѣло пускается въ путь, но скоро нападаютъ на него лезгинны, берутъ его въ плѣнъ и приносятъ въ жертву Магомету. Бѣдная мать напрасно ждетъ его возвращенія! Сосѣдки вмѣстѣ съ нею оплакиваютъ погибшаго юношу. По истеченіи семи лѣтъ, въ одну темную ночь у храма Тетри Георгія былъ слышенъ голосъ: „Бѣлый Георгій! Куда ты дѣлъ моего сына! Я отправила его къ тебѣ на поклоненіе, а ты меня свергъ въ муку нестерпимую!“ Разъ, когда мать сидѣла у очага и проливала слезы, послышался топотъ коней и страшное землетрясеніе. Вдругъ освѣтилась вся хата и красивый всадникъ перedalъ Нене сына, а самъ исчезъ. Мать начинаетъ цѣловать сына, благодаря Бога, что далъ онъ ей узрѣть сына предъ смертью, и испускаетъ духъ.

Пшавы ³⁾ сохранили стихи о *дэвахъ*, которые представляются существами, покрытыми густыми волосами, скрывающимся днемъ и появляющимся ночью. Всего болѣе боятся дэви огня и острія. Лицомъ они похожи на человѣка, но выше поясицы покрыты бѣлыми щетинкою. Прежде они ѣли людей, не давали имъ воды изъ рѣкъ; но съ появленіемъ святыхъ Копалы и Яхсарга, они исчезли послѣ кровопролитной борьбы, мѣсто которой извѣстно пшавамъ. Дэви сошли со сцены лишь временно: перестанетъ народъ вѣрить въ святыхъ, и они опять начнутъ пожирать людей. Копала монахъ изъ дер. Илинди, провѣдавъ о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ дэвами, возмѣлъ желаніе освободить отъ нихъ народы. Разъ онъ пришелъ къ нимъ въ гости, въ качествѣ заблудившагося охотника и попросилъ позволенія принять участіе въ ихъ игрѣ, которая состояла въ бросаніи тяжелыхъ камней для физическаго упражненія. Онъ превзошелъ ихъ въ силѣ и ловкости, перебилъ ихъ, овладѣлъ жилищемъ и тѣмъ камнемъ на бе-

¹⁾ *Мой* „Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи“ стр. 26—9.

²⁾ Эти стихи (*Иверія* 1893, 7) въ оригиналѣ носятъ названіе баллады. Тетри Георгій, т. е. Бѣлый Георгій почитается въ Пшаветіи. Любопытно сочетаніе св. Георгія и св. Θεодора (Θевдоре). Свв. Георгій и Θεодоръ въ образѣ воиновъ представлены въ Байлетской церкви.

³⁾ См. мою замѣтку въ „Этногр. Об.“ кн. I, (изъ „Иверія“),

реку Арагвы, который и теперь считается трономъ Каналы. Дэви изъ мѣстности Удхо-гори украли было у него камень; но онъ погнался за ними и на разстояніи нѣсколькихъ верстъ удачно брошенной стрѣлой положилъ ихъ на мѣстѣ. Копала входитъ въ домъ убитыхъ враговъ, гдѣ застаётъ мать за пряжей нитей для стрѣлъ. Предъ глазами матеріи Копала убиваетъ сына ея Автандила, возвратившагося съ охоты съ убитымъ оленемъ на одномъ плечѣ и огромнымъ дубомъ на другомъ.

Автандилъ въ крови катится внизъ и образуетъ оврагъ, называемый у пшавовъ „ущельемъ Автандила“, противъ камня Копалы. Узналъ объ этихъ подвигахъ Копалы девятиглавый дэви Кортанели (мѣсто ущелья Арагвы) и загородилъ дорогу святому на возвратномъ его пути; но Копала послѣ упорнаго состязанія съ дэви, сразилъ его, отрубилъ 9 головъ и вернулся въ свою келью. Дэви прибѣгли къ послѣднему средству, чтобы поработить пшавовъ; они запрудили Арагву, съ цѣлью обратить ее въ озеро и потопить въ немъ всѣхъ святыхъ, поврительствующихихъ Пшаветіи. Копала самъ нанялся къ нимъ въ рабочіе и въ удобную минуту перебилъ всѣхъ ихъ начальниковъ. Въ этой борьбѣ остріе стрѣлы у Копалы притупилось. Кузнецъ Пиркуша отказывается отточить его, и возникаетъ ссора между Копалой и Пиркушей, во время которой дэви захватили въ плѣнъ Пиркушу. Копала, забывъ личные счеты, идетъ на помощь другу. Онъ встрѣчаетъ одного бѣглеца дэви, отъ котораго подъ угрозой смерти вывѣдываетъ, что всего удобнѣе перебить дэвовъ, когда тѣмъ деревень выпрямляется и они, пообѣдавъ, пьютъ опіумъ, и ложатся спать, теряя всякую силу. Копала воспользовался совѣтомъ и истребилъ враговъ съ помощью архангела.—Яхсартъ—ангелъ, сошедшій съ неба и поселившійся противъ Ависгоръ, обители дэвовъ, которыхъ онъ и истребилъ булавою. Лишь одинъ одноглавый дэви скрылся въ Цицидскомъ озерѣ, но Яхсартъ и тамъ убилъ его, и кровью дэви покрылось все озеро Яхсартъ долженъ былъ остаться въ глубинѣ воды, чтобы не осквернить себя нечистой кровью. Народъ, желая избавить своего покровителя, обратился за помощью къ кадаги (оракулу), который велѣлъ принести въ жертву озеру четырехрогаго и четырехухаго барана. Послѣ долгихъ поисковъ нашлось такое рѣдкое животное въ Хевсуретіи. Зарѣзали его, пустили кровь его въ озеро, и послѣднее на половину освободилось отъ крови дэви. Яхсартъ вышелъ, какъ голубь.

Стихи о Соломонѣ ¹⁾. Соломонъ-царь сказалъ: „Господи, дай мнѣ жить, чтобы помогать вдовамъ и сиротамъ.“

¹⁾ *Иверія*, 1890, 257.

Въ одной ямѣ ¹⁾ сидѣли два преступника. Одинъ изъ нихъ покался и по свѣсившемуся луку—порею сталъ вверхъ подниматься, по Божьему соизволенію. Другой, видя чудесное его восхождение, схватился за его ногу въ надеждѣ вмѣстѣ съ нимъ выбраться изъ заключенія. Но первый, по внушенію дьявола, опасаясь за прочность порея, столкнулъ второго ногой, оборвался порей и оба упали внизъ въ яму. Ангель донесъ объ этомъ І. Христу, который въ тотъ же день посѣтилъ преступниковъ. Горе тебѣ, сказалъ Господь первому, что для своего спасенія ты хотѣлъ сгубить этого, который заслуживаетъ быть извлеченнымъ на свѣтъ, а тебѣ съ гордымъ сердцемъ оставаться въ ямѣ! Такъ, измѣнникъ издревле томится душою и тѣломъ.

III. Легенды.

Легенды—народныя прозаическія сказки духовно-нравственнаго содержанія. Источникомъ легендъ служили разныя сочиненія духовной письменности и апокрифическія сказанія. Нѣкоторыя легенды, сохранивъ имена святыхъ, представляютъ передѣлку священнаго писанія на народныя нравы или служатъ изображеніемъ жизни съ религиозно-нравственной точки зрѣнія. Въ легендахъ господствуетъ двоевѣріе: сферу высшаго бытія приравниваютъ къ земному, небесныя силы заставляютъ дѣйствовать по интересамъ и замысламъ человѣческимъ. Достоинство ихъ заключается въ нравственномъ началѣ, лежащемъ въ основаніи каждой легенды—добро торжествуетъ надъ зломъ.

Изъ ветхозавѣтныхъ событій сохранились легенды о сотвореніи міра, Самоэлѣ, жизни Адама, Ноѣ, Соломонѣ.

Легенда о Самоэлѣ открываетъ рядъ сказаній, по которымъ въ созданіи міра принимаетъ участіе дьяволъ, стремящійся то испортить твореніе Бога, то помогающій ему на извѣстныхъ условіяхъ.

Тѣфу, проклятъ будь сатана, что въ Сванетію не пустилъ Христа! Говорятъ, когда Христосъ въ Карталиніи-Имеретіи производилъ плоды: виноградъ, яблоко, грушу и другіе, сатана въ Сванетію пришелъ. Когда Христосъ окончилъ производить плоды въ Карталиніи-Имеретіи, потомъ онъ отправился въ Сванетію; но на половинѣ дороги проклятый сатана встрѣтилъ (Его) и сказалъ: Господи, ты напрасно

¹⁾ *Дожджили* 1893, I. Легенда въ стихахъ *Зезва*. Легенда можетъ быть названа, стихами о *праведникѣ и грѣшникѣ*. Ср. *Сумцовъ*. Легенда о грѣшной матери.

идешь въ сванетскую страну, тамъ я былъ и произвелъ всѣ фрукты. Христосъ за правду принялъ слова сатаны и назадъ повернулъ. Онъ сидѣлъ на раши (конѣ); во-время поворота, конь передними ногами наступилъ на камень, на которомъ остались слѣды копытъ. Изъ-подъ камня потекла вода, которая дало начало источнику. Слѣды раши на томъ камнѣ и нынѣ видны. Это мѣсто называется „Поворотъ Христа“ ¹⁾. Вотъ почему нѣтъ, въ Сванетіи хорошихъ фруктовъ: винограду, кукурузы, и проч. Сатана все дурное только призвелъ въ Сванетіи. Поэтому прокликаетъ его всякій сванеть.

Сотвореніе міра ²⁾. Объ участіи дьявола въ актѣ мірозданія вмѣются нынѣ подробные рассказы, сохранившіеся въ Кахетіи, Сванетіи, Пшаветіи и Карталиніи. Новѣйшія изслѣдованія объ дуалистическомъ преданіи ³⁾, указываютъ обширное распространеніе этой легенды, доходящей до глубины Азии, но первый источникъ все еще представляется темнымъ. По представленію *кахетинцевъ*, кромѣ нашего видимаго міра, существуетъ два населенныхъ людьми міра; одинъ находится выше насъ, а другой ниже насъ. Такимъ образомъ, мы живемъ въ среднемъ мірѣ, и потому поясомъ обтягаемся по срединѣ своего туловища, между тѣмъ какъ обитатели нижняго міра подпоясываются на бедрахъ, и обитатели верхняго—выше поясицы, т. е. на груди или шеѣ. Нашъ міръ существуетъ очень давно и будетъ существовать еще болѣе того, чѣмъ прошло отъ его сотворенія. Богъ создалъ видимый міръ слѣдующимъ образомъ. Онъ прежде всего сотворилъ землю, придавъ ей видъ совершенно горизонтальной площади, а затѣмъ принялся за устройство для нея крыши, т. е. неба. Небо, сообразно съ величиною созданной земной плоскости, должно было быть огромнѣйшихъ размѣровъ, чтобы могло вполне прикрывать землю, и устройство такого неба стало затруднять Бога. Въ то время на сцену появляется дьяволъ, который, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Творца, рѣшился принять участіе въ сотвореніи міра, дабы и самому властвовать наравнѣ съ Богомъ; но Богъ не хотѣлъ уступить дьяволу, и между ними началась борьба. Предвидя, что Богу будетъ не подъ силу создать небо такихъ размѣровъ, какихъ требовала величина земли, дьяволъ сталъ вязать изъ нитокъ сѣтку, которую думалъ предложить

¹⁾ „Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. X, отд. II, 244.

²⁾ „Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“ вып. XVII, II, 124—173.

³⁾ *Аванасьева*. Поэтич. воззрѣнія II, 457, 509. *Веселовскій*. Разысканія, вып. V, гл. XI, *Этногр. Обзор.* V, 32—48.

Богу для пополнения недостающей части неба. Богъ, замѣчая намѣренія дьявола, создалъ мышей, которыя подползли къ связываемой дьяволомъ сѣткѣ и стали ее разгрызать и портить, такъ что она оказалась совершенно непригодной для присоединенія къ небесному своду. Тогда дьяволъ далъ Богу совѣтъ уменьшить размѣры самой земли, а для этого обхватить всю ея площадь своими мощными руками и стянуть ее съ краевъ къ серединѣ, пока она неумѣстится вполне подъ готовымъ небомъ, которое такимъ образомъ должно опираться на края земли и начало морей. Богъ послушался дьявола и взялся стягивать земную плоскость. Вотъ при этомъ стягиваніи и образовались всякія шероховатости въ поверхности земли, какъ то: горы ¹⁾, ущелья, долины, котловины, пещеры, пропасти. Создавши міръ и опредѣливъ въ немъ сказанные уголки для жизни нечистыхъ силъ, въ то же время Богъ мѣстомъ жизни для себя съ ангелами и прочими святыми избралъ небо. Жизнь на небѣ замѣчается и нынѣ, а именно: очень многимъ приходится иногда по ночамъ слышать глухой, отдаленный звонъ колокола, — этотъ звонъ доносится съ неба. Кромѣ того, ночью же многими случается видѣть, какъ на мгновение раскрывается небо, откуда показываются въ сѣтлыхъ священническихъ ризахъ святые, благоговѣнно поющіе разныя священныя пѣснопѣнія. При этомъ счастливецъ, удостоившійся видѣть эту картину, обязательно получаетъ все то, чего въ этотъ моментъ пожелаетъ испросить у Бога.

Послѣ неба и земли Богъ создалъ человѣка съ животными, которыхъ поселилъ на землѣ, и затѣмъ приступилъ къ устройству правильнаго хозяйства для человѣка. Прежде всего, озабочиваясь выбрать болѣе полезное животное для человѣка, Богъ призвалъ къ себѣ оленя и быка и для испытанія ихъ приказалъ, чтобы они пробѣжали по небу, съ предупрежденіемъ, что преимущество будетъ дано тому, кто скорѣе пробѣжитъ по всему небу отъ начала до конца. Олень, задумавъ опередить быка, чтобы получить Божье одобреніе, понесся съ такою быстротою, что скоро далеко оставилъ за собою быка; но зато отъ чрезмѣрнаго напряженія онъ скоро околѣлъ, не добѣжавъ до конца неба и только оставивъ ясные слѣды своихъ большихъ прыжковъ, т. е. отрывистыя полосы млечнаго пути (*ирмисъ навали*). Быкъ, медленно потащился впередъ, вяло жуя свою жвачку; поэтому онъ вполне благополучно, хотя и поздно, добрелъ до конца неба,

по всему протяженію котораго остаются цѣльные слѣды, т. е. непрерывныя полосы млечнаго пути (*харисъ навали*). Послѣ такого испытанія, Богъ далъ предпочтеніе быкамъ и благословилъ ихъ, какъ рабочую для человѣка силу, а оленямъ повелѣлъ скитаться ночью по лѣсамъ, гдѣ охотникъ можетъ убивать ихъ безнаказанно. — Затѣмъ, при дальнѣйшихъ заботахъ Бога о благѣ человѣка, опять выступилъ на сцену злой духъ, который силился вредить интересамъ человѣка. Богъ, желая приучить человѣка къ земледѣлію и опредѣлить, какіе плоды будутъ для него необходимы, самъ засѣялъ поле пшеницею и спросилъ дьявола о томъ, что бы онъ хотѣлъ получить отъ урожая этой пшеницы. Алчный, но не дальновидный дьяволъ, видя, что зерна при посѣвѣ засыпаны въ землю, попросилъ Бога удѣлить ему корешки. Тогда Богъ, выростивъ засѣянный хлѣбъ, далъ этому хлѣбу плоды (колосья) вверху, взялъ ихъ себѣ, а дьяволу передалъ испрошенные имъ корешки.

Затѣмъ Богъ посѣялъ чеснокъ и опять спросилъ дьявола, что бы ему удѣлить изъ него. Дьяволъ, обманутый предыдущимъ опытомъ, пожелалъ взять верхушки растенія. Но и тутъ Всемогуцій Богъ пересилилъ дьявола. Онъ выростилъ богатый чеснокъ, плоды завязалъ въ мясистыя луковицы въ землѣ же, эти плоды взялъ себѣ, а бесполезное надземные стебельки отдалъ на питаніе дьяволу. — Далѣе, для обращенія хлѣбныхъ зеренъ въ муку, Богъ принялся за устройство мельницы, но такъ какъ, по сложности послѣдней, Онъ сталъ затрудняться и не могъ обойтись одними своими собственными силами, то и въ данномъ случаѣ предложилъ свои услуги дьяволъ. Этотъ нечистый духъ вызвался докончить начатую Богомъ постройку мельницы такъ, чтобы человѣку оставалось только засыпать въ ковши зерно — и получать готовую муку, что онъ, съ позволенія Бога, и исполнилъ съ успѣхомъ; дьяволъ сталъ требовать, чтобы за устройство мельницы Богъ далъ ему во власть души всѣхъ тѣхъ людей, которые будутъ пользоваться мельницею, а Богъ на это не соглашался, говоря: „Такъ какъ въ мельницѣ будетъ нуждаться послѣдній человѣкъ, то, отдавъ тебѣ во власть души всѣхъ людей, настоящимъ владыкой міра будешь ты, а не Я!“ Наконецъ, споръ свой порѣшили они на томъ, что Богъ отдастъ во власть дьявола души лишь тѣхъ изъ людей, кои позволяютъ себѣ какую-либо фальшь съ хлѣбомъ на мельницѣ. Вотъ именно послѣ этого у грузинъ и считается великимъ грѣхомъ воровать изъ принесеннаго на мельницу хлѣба, обчитывать хозяина или замѣнять хорошій хлѣбъ худшимъ.

¹⁾ Ср. польскую легенду о созданіи горъ. „Этногр. Об.“ V, 33

По представленію *пшавовъ* ¹⁾, Богъ и дьяволъ братъ и сестра. Послѣдняя разгнѣвала брата, который проклялъ ее удаливъ отъ себя. Съ этихъ поръ сестра сдѣлалась дьяволомъ и стала соперникомъ Бога. Дьяволъ старался испортить твореніе Бога. Когда Господь сотворилъ небо изъ сѣтки, то дьяволъ создалъ дьяволовъ для изрѣзыванія сѣтки. Тогда Богъ сотворилъ kota. Господь развелъ садъ, а дьяволъ для его уничтоженія козъ, для истребленія же послѣднихъ Господь отвѣтилъ созданиемъ волковъ ²⁾.

Было время, по *сванетской легендѣ*, когда ни неба не было, ни земли и ни того, что теперь на нихъ есть. Все было покрыто водою, моремъ. По срединѣ этого моря поднималась высокая скала и въ срединѣ скалы былъ Богъ. Богу наскучило быть въ скалѣ одному только, и онъ раскрылъ ее на протяженіи 12 верстъ и вышелъ изъ нея. Тогда онъ осушилъ воду, и смѣсь воды и земли, что было вокругъ скалы, раздѣлилъ надвое: изъ одной части сдѣлалъ Богъ небо, изъ другой землю для людей и живыхъ существъ. Но живыхъ существъ еще не было; тогда отъ скуки изъ праваго глаза Его упала слеза, и она стала Михаиломъ архангломъ, потомъ изъ лѣваго глаза упала слеза, и сталъ Гавриилъ архангелъ. Много прошло времени. По повелѣнію Бога, на землѣ создалось много живыхъ существъ и людей. Богъ и Его ангелы ходили вмѣстѣ по вселенной. Разъ въ дорогѣ встрѣтили они одного умнаго юношу Георгія. Очень полюбилъ Богъ его и взялъ съ Собою. Много ѣздили Богъ и его ангелы по міру на своихъ раши (пегасахъ); вездѣ осушали для людей воду и, наконецъ, увидѣли они огромный камень, бѣлый какъ снѣгъ и пошли по направленію къ нему; но три Его спутника не привели Бога къ тому камню, боясь зла, Георгій же подвелъ Бога къ камню. Богъ ударилъ кнутомъ въ камень, онъ разбился и изъ него вышелъ сатана и сразу схватилъ коня Бога. Богъ просилъ о помощи, — тогда ангелы окружили сатану и начали его спрашивать: кто онъ или чей онъ властелинъ? Сатана сказалъ Богу: „Я и Ты оба мы были въ срединѣ камня; я и Ты оба одного рода происхожденія, я емъ сердце камня,

¹⁾ *Иверія* 1888, 223. Ср. съ груз. легендами арм. саги *Märchen und Sagen der Bukowinaer Armenier*. Heinrich Wlislöcki. Hamburg. 1891.

²⁾ Съ Божьяго соизволенія дьяволъ, по сотвореніи Господомъ коровы, создалъ козочку. *Романовъ*. Бѣлорусская легенда въ Бѣлорус. сборникѣ, вып. IV, 1—5.

³⁾ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. X, отд. II, стр. 244—252.

какъ и Ты, потому и удѣли мнѣ что-либо изъ вселенной“. Богъ предложилъ своимъ ангеламъ обсудить просьбу сатаны. Они раздѣлили все на три части: въ одну часть выдѣлили всѣхъ живыхъ людей, въ другую—души умершихъ людей, въ третью—всѣхъ животныхъ и птицъ. Богъ выбралъ Себѣ людей и животныхъ, сатана душу человѣка; но при этомъ ангелы прибавили одно условіе,—они сказали сатанѣ: „Сатана, ты очень не радуйся! знай, что душа человѣка будетъ во твоихъ рукахъ дотолѣ только, пока у Бога не родится Сынъ, Который и избавитъ отъ твоего господства души умершихъ людей“. Сатана отвѣтилъ, что пока у Бога родится сынъ до тѣхъ поръ много, очень много времени пройдетъ и онъ еще много человѣческихъ душъ пригласитъ къ себѣ. Сатана сдѣлалъ адъ и вокругъ него обвелъ, стѣну въ одномъ мѣстѣ оставилъ онъ небольшое отверстіе, черезъ которое и входили души людей: въ адъ было много дьяволовъ; они, по указанію старшаго сатаны, всячески мучили души. Много времени прошло, въ которое такъ мучилась душа человѣка въ адъ; но настало время, когда долженъ былъ родиться Сынъ Божій. Богъ сжалился надъ душами людей. Онъ и Его ангелы имѣли по этому дѣлу совѣщаніе; всѣ высказали свои мысли; одинъ ангелъ сказалъ, что онъ знаетъ двухъ праведныхъ супруговъ, у которыхъ есть одна дочь, по имени Марія. Тогда Богъ взялъ яблоко ¹⁾ вдувъ свою душу и отдалъ ангеламъ. Они взяли яблоко и пошли въ домъ къ Маріи. Марія была пречистая дѣва. Ангелы дошли до дома Маріи, но ея не было дома. Она стирала бѣлье у источника,—архангелъ Гавриилъ, не показывая себя, подбросилъ данное ему Богомъ яблоко. Марія взяла яблоко и откусила отъ него три раза, но укушенія слѣды такъ и не остались на яблокѣ; Марія положила его за пазуху. Въ это время Гавриилъ архангелъ явился Маріи и сказалъ: „Радуйся, Марія, что съ укушеніемъ яблока въ Тебя вошелъ Святой Духъ. Ты зачнешь и родишь Сына; Онъ будетъ Христосъ, Марія удивилась этой вѣсти ангела, но потомъ много прославила Бога. Дѣйствительно, какъ сказалъ Маріи такъ и исполнилось; въ свое время у Маріи, въ Вилеемскомъ городѣ родился Сынъ. Христосъ выросъ очень быстро и такой умный былъ, что всѣ были удивлены.

Христосъ крестился и затѣмъ началъ учить народъ и всему хорошему только училъ всѣхъ. Ясно объяснилъ народу, кто есть истинный Богъ и Его законы. Два раза на проповѣди Христосъ сказалъ народу: „Намъ предстоитъ большія тяжести песку перенести

¹⁾ Сказочный сюжетъ.

силь! Народъ не понялъ этихъ словъ. На другой день опять повторилъ Христосъ эти слова. Тогда одинъ юноша сказалъ: „Учитель нашъ, что же означаютъ твои слова, мы не поняли, объясни ихъ хорошо.“ Тогда Христосъ сказалъ: „Слѣдуйте всѣ за Мною!“ Народъ послѣдовалъ за Нимъ, и Христосъ привелъ ихъ всѣхъ въ адъ, разрушилъ его и вывелъ оттуда умершихъ и отвелъ ихъ въ рай; рай заготовилъ заранѣе Богъ. Такимъ образомъ, Христосъ побѣдилъ сатану и разрушилъ его царство—адъ.

Въ началѣ¹⁾, по *грузин. версії*, вселенная была покрыта водою. Богъ, Создатель міра, въ то время находился въ Самкарской скалѣ. Однажды онъ выскочилъ изъ нея и бросился въ воду; въ водѣ Ему стало холодно; Онъ вздохнулъ и пророчилъ двѣ слезинки изъ глазъ; слезинки эти превратились въ архангеловъ Михаила и Гавріила. Надо было уничтожить воду, въ которой Богъ тонулъ и открыть сушу. Съ этою цѣлью всѣ втроемъ стали дуть на воду и кое-какъ достигли морского дна. Здѣсь они замѣтили чьи-то слѣды, приведшіе ихъ къ синему камню (см. синий камень галицкой колядки и бѣлорусской легенды, *Веселовскій*, Разысканія, вып. V, стр. 257). Когда подняли камень, оттуда выскочилъ Самоэль, который схватилъ Бога за горло и хотѣлъ Его задушить. Помощь ангеловъ не помогла и самъ Богъ начиналъ просить Самоэля: „Отпусти только и проси чего хочешь!“—Больше ничего не хочу, только побратаемся! Богъ согласился, Самоэль освободилъ его и пошелъ своей дорогой. Богъ и ангелы принялись отдѣлять землю отъ воды, но это имъ не удается, пока Самоэль не научилъ Михаила, какъ это сдѣлать (Богъ пусть закричитъ громко, насколько позволяютъ силы). Слѣдуетъ созданіе Богомъ (въ теченіе семи дней) животныхъ и людей. Адамъ и Ева были въ началѣ слѣпые; они прозрѣли, когда Самоэль, явившись въ образѣ козла, надоумилъ Еву сорвать запретное яблоко. Послѣ этого Самоэль пошелъ опять къ Богу и, въ качествѣ брата, просилъ отмежевать ему его долю. Богъ отказалъ. — Такъ зачѣмъ же ты призналъ меня братомъ? Если другого ничего не дашь, то, по крайней мѣрѣ, дай мнѣ „сапицари“. Богъ далъ сапицари. Самоэль, который проглотилъ его, пошелъ въ адъ. Когда родился Христосъ, онъ также сошелъ въ адъ, взялъ съ собою все, что было живого на свѣтѣ, начиная съ человѣка и кончая пресмыкающимися; схватилъ за горло Самоэля, онъ заставилъ его изрыгнуть „сапицари“.

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кав.“ в. X. Ср. *Веселовскій*, „Этн. Об.“, V. 33—18. Къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ.

Переводчикъ объясняетъ „сапицари“: оно было нѣчто такое, въ силу котораго все, что ни жертвовалъ человѣкъ Богу и что ни приносилъ онъ для угощенія при поминаніи усопшаго, принадлежало хозяину „сапицари“. Въ нашей легендѣ сапицари отвѣчаетъ рукописанію Адама, внесенному и въ мордовскую и полѣскую космогоническія легенды (Разысканія, вып. V, стр. 12, 32, 80 и 82). Что слѣдуетъ далѣе, принадлежитъ мотивамъ Александрии, своеобразно влетеннымъ въ апокрифическую легенду. Въ отместку Христу Самоэль такъ затемнилъ адъ, что Онъ и его проводники два мѣсяца искали выхода изъ него. Нашелъ его человѣкъ, привязавшій у входа въ адъ своего осла, отвѣчавшаго на зовъ хозяина, Христосъ общается тому человѣку дать ему столько золота, сколько онъ самъ вѣситъ, но тотъ выпулъ изъ-за пазухи человѣческое сердце: онъ удовлетворится, если его покроютъ золотомъ. Золота набросали несмѣтное количество, а не покрыли, потому что сердце всякій разъ подскакивало вверхъ. Наконецъ кто-то бросилъ на него горсть земли—сердце остановилось, съ тѣхъ поръ люди стали умирать. Второй рассказъ о сотвореніи міра не представляетъ слѣдовъ дуализма. Отмѣтимъ въ немъ, въ параллель къ знаковой чертѣ дуалистическихъ легендъ: о сотвореніи чертей изъ брызговъ, такую же подробность о созданіи Богомъ ангеловъ изъ капель дождей, который онъ заставилъ идти въ теченіе шести дней. Еслибъ Ева не поддалась соблазну Самоэля, мать рождала бы ребенка изъ подъ мышки. Третья версія повторяетъ данныя первой: Михаилъ и Гавріиль ходили по міру. Земная кора въ то время была до того мягка, что они вязли въ нее по колѣни, хотя ходили на лыжахъ (сл. такую же подробность о прародителяхъ въ полѣскомъ вариантѣ легенды о мірозданіи). Передъ нимъ по землѣ постоянно шелъ круглый камень. Богъ хочетъ разбить его, ангелы противятся. „Не дѣлай этого не то мы будемъ каяться“. Богъ разбилъ камень ногой, изъ него выбѣжалъ Самоэль, схватилъ Бога за горло и сталъ душить. Отпусти только и чего хочешь проси, говоритъ Господь.—Дай мнѣ міръ видимый или невидимый, вѣчный.—Богъ уступилъ ему вѣчный міръ. Самоэль ушелъ, но ангелы спохватились и, нагнавъ его, сказали, что когда у Бога родится Сынъ, Самоэль придетъ уступить ему вѣчный міръ. Конецъ легенды говоритъ кратко о чудесномъ воплощеніи Спасителя, его преданіи и смерти на крестѣ. Для этого заказали кузнецу гвозди; послѣдній приготовилъ два лишнихъ гвоздя и потому всѣ кузнецы грѣшны. По смерти Христосъ сошелъ въ адъ къ Самоэлю, и вывелъ оттуда души всѣхъ людей, кромѣ души Маки (укрывшійся или исчезшій членъ общества называется у сванетовъ Маки).

Станетская космогоническая легенда не выводит нас говорить акад. Веселовский за границы ее, предположенного географического ее распространения в Европу; ее христианские мотивы не приносят ничего нового к решению вопроса: какое этническо-религиозное влияние легло в основу сказания о братьях-творцах, Богъ и Сатанилъ. Онъ предположил его не арийскимъ, а тюрско-финскимъ; упрощить это воззрение могли бы финские (въ широкомъ смыслѣ) и тюрские варианты космогонической легенды, не обличающіе еще христианскаго (богомильскаго) воздѣйствія.

Въ интересахъ вопроса о дуалистическихъ космогоніяхъ, приводимъ армянскую сагу о происхожденіи огня. (См. Wlielocki). Было время, когда камни и деревья могли ходить и говорить, ѣсть и пить, и дѣлали все такъ, какъ люди. Это было счастливѣйшее время для человечества; если кто нуждался въ яблокѣхъ, то обращался онъ въ яблонѣхъ, говоря: „иди сюда и сбрось яблоко!“ И дерево раскачается и броситъ свой плодъ человеку прямо въ полу платя. Также получали люди нужное имъ серебро и золото. Люди жили безъ заботъ и труда, такъ какъ камни и деревья служили имъ и обязаны были дѣлать для нихъ все необходимое. Всѣ созданія жили въ мирѣ и согласіи. Видѣлъ такое блаженное состояніе дьяволъ и страшно озлобился; онъ вздумалъ во что бы то ни стало разрушить мирное житіе, и тотчасъ же созрѣлъ у него планъ. Онъ явился къ Богу и говоритъ: „Небесный Отецъ! Ты все создалъ и прекрасно устроилъ, но кое-что ты забылъ! Позволь мнѣ это сотворить, чтобы и я, наравнѣ съ остальными созданіями, былъ счастливъ и доволенъ“. Богъ покачалъ головой и отвѣчаетъ. „Ты создашь для собственнаго удовольствія и для несчастья остальныхъ тварей, да, я тебя слишкомъ хорошо знаю! Однако, твоя просьба должна быть исполнена, чтобы ты не сказалъ, что я несправедливъ. Ступай и сотвори, что хочешь и можешь!“ Дьяволъ, смѣясь, вышелъ вонъ и отправился въ собраніе камней, которые сошлись, чтобы выбрать себѣ царя. Долго они не могли остановиться на одномъ выборѣ и, наконецъ, согласились посадить въ цари золотой камень. Дьяволъ громко захохоталъ и воскликнулъ: „Право, вы всѣ глупы, господа! Вы выбрали своимъ царемъ золотой камень, въ виду его красивой, блестящей наружности, и не знаете, что кремень можетъ совершить гораздо больше, чѣмъ вы всѣ вмѣстѣ. Подождите и вы увидите сейчасъ, что въ состояніи дѣлать кремень“. Онъ собралъ сѣно, хворостъ и навозъ въ одинъ громадный домъ и воззвалъ: „Подойдите сюда, кремень, и ты, желѣзнякъ! Станьте передъ домомъ и ударьтесь головой другъ о друга!“ Изъ кремня стали сыпаться искры всякій разъ, какъ къ нему прикасался

желѣзнякъ. Искры попали въ кучу собраннаго горючаго матеріала и разожгли его. Камни изумились, прибѣжали на зрѣлище и люди, ибо они никогда не видали огня. Пламя охватило все вокругъ и вскорѣ образовалось цѣлое огненное море. Люди нашли жареныхъ звѣрей и испеченные плоды, которые имъ показались очень вкусными. Они взяли уголья и развели въ своихъ жилищахъ огонь, на которомъ стали готовить различныя кушанья. Огонь же охватилъ такое громадное пространство, что половина земной поверхности покрылась имъ. Тогда Богъ призвалъ къ себѣ дьявола и говоритъ: „Что это ты сдѣлалъ? Какое ты несчастье снова изобрѣлъ?“ Дьяволъ, смѣясь, возразилъ: „Я никакого несчастья не изобрѣталъ, напротивъ, я осчастливилъ людей! Посмотри, какъ они пользуются и какъ старательно его поддерживаютъ.“—„Я прекрасно вижу, говоритъ Богъ, но это именно къ ихъ несчастью, такъ какъ я долженъ создать еще болѣе сильный огонь, который внушилъ бы имъ страхъ и трепетъ“. Тогда Онъ изобрѣлъ молнію и послалъ громъ на землю, которымъ на первый разъ убилъ 10 человекъ. Когда дьяволъ это увидѣлъ и услышалъ громъ, бѣжалъ отъ страха предъ молніей и никогда больше съ того времени не приступалъ къ Богу. Но такъ какъ камни были причиною созданія огня, Богъ наказалъ ихъ, такъ что съ тѣхъ они не могутъ ни ходить, ни говорить, ни ѣсть, ни пить, но лежатъ, какъ мертвые. Такимъ же образомъ Богъ наказалъ деревья, такъ какъ они добровольно представили людямъ дрова (хворостъ). Такъ произошли огонь и молнія.

Въ разсказѣ о сотвореніи Адама и Евы, объ ихъ жизни по изгнаніи изъ рая, можно отмѣтить грузинскую версію апокрифа „рукописаніе Адама“. Когда Ева забеременела и настало время родовъ; то она, чувствуя страшныя боли, начала стонать и плакать. Странаніе жены обезпокоило Адама и онъ высказалъ желаніе: если бы кто облегчилъ женѣ эти боли, то я бы далъ что бы онъ ни попросилъ.—Я готовъ говорить Самалъ помочь подъ условіемъ: пока нерожденный не родится и бессмертный не умретъ, пусть твое потомство будетъ въ моей власти. Адамъ согласился. Такимъ образомъ потомство Адама перешло въ распоряженіе Самала. Разгнѣвался Богъ, созвалъ совѣтъ ангеловъ, на которомъ рѣшено было родиться Христу, какъ не рожденному и бессмертному. Родился Христосъ и господство Самала пало *).

* „Сб. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. XVII, отд. II, стр. 144 и слѣд. Ср. *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія оветхозавѣтныхъ лицахъ, стр. 41: Адамъ далъ рукописаніе діаволу за облегченіе страданія Евы, которыя она перетерпѣвала кормя грудью Каина, родившагося съ 12 змѣиными головами.

Отражение другого апокрифа о *голова Адама* можно уловить въ сказкѣ „Сильнѣе сильнаго всегда можно найти“. Въ одной громадной головѣ почувють 60 братьевъ, черепъ этотъ великанъ притащилъ къ дверямъ шалаша одного пастуха, который его выбрасываетъ. Нарты застигнутые ночью, входятъ въ пещеру, которая оказывается гигантскимъ черепомъ¹⁾.

Легенда о *сотвоpеніи челоvѣка* передаетъ, что Богъ далъ челоvѣку право жить 30 лѣтъ. Но потомъ онъ выпросилъ себѣ 20 лѣтъ изъ 40, которыя были дарованы ослу и 40 лѣтъ изъ 60, отъ которыхъ отказалась свинья.

Поэтому, хотя челоvѣкъ достигаетъ иногда 100 лѣтняго возраста, но почеловѣчески онъ живетъ лишь 30 лѣтъ²⁾.—Отраженіе слѣдовъ апокрифа о Моисей находимъ въ сказаніи объ Амирапѣ, какъ мы указывали выше.

О *Соломонѣ мудромъ*³⁾. Царь Соломонъ окруженъ цѣлымъ роємъ апокрифическихъ сказаній, которыя пользовались обширною популярностью на всемъ пространствѣ христіанскаго востока и даже за предѣлами его. Вопросная форма сказанія, притчи, загадки въ значительной степени расположились вокругъ Соломона.

У Соломона Мудраго былъ слуга. Когда прошелъ срокъ службы, Соломонъ и говоритъ ему: что ты предпочитаешь: чтобъ я тебѣ заплатилъ твое жалованье, или чтобъ далъ тебѣ три мудрыхъ совѣта? Слуга отказался отъ жалованья и захотѣлъ выслушать три мудрыхъ совѣта. Тогда Соломонъ далъ ему слѣдующія три совѣта:

1. „Не выдавай своихъ тайнъ никому!“

¹⁾ *Миллеръ*, Осетин. этюды, ч. I, стр. 61, 137. „Сбор. матер. для опис. „Кавказа“ X, 2, 32—5. Ср. *Порфирьевъ*, ib. 112: ветхозавѣтный апокрифъ рассказываетъ о головѣ Адама, что однажды, во время охоты Соломона, одинъ изъ его отроковъ, отставъ отъ свиты, попалъ въ пещеру и замѣтилъ, что она состоитъ не изъ камня, а изъ кости. Соломонъ приказалъ очистить кость отъ земли и кореньевъ и узналъ, что это голова Адамова. Ее перенесли въ Иерусалимъ и засыпали камнями, изъ коихъ образовалась Голгофа.

²⁾ *Этногр. Об.* (изъ *Иверіи*) VIII, 221. Ср. *Порфирьевъ*, op. cit., 45.

³⁾ „Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстностей Кавказа“, вып. IX, отд. II, 171—174. Ср. армян. легенды о Соломонѣ, назван. Сборникъ вып. XIII, отд. 2,—81—83. Татарскія ib., отд. I, стр. 158. См. еще Сб. свѣд. о Кавказскихъ горцахъ, вып. I, отд. III, стр. 36, 22. Этногр. очерки Аргунскаго округа. Статья съ примѣч. А. П. *Иптомитова*.

2. „Когда тебя не просятъ объ одолженіи чего либо, такъ ты и не одолжай!“

3. „Возьми ты вотъ эту орѣховую палочку, надѣнь на нее змѣйную кожу, которую найдешь на дорогѣ, и въ такомъ видѣ воткни эту палочку посреди своего двора.“ Слуга выслушалъ наставленія мудреца, поблагодарилъ его и пошелъ къ себѣ. На дорогѣ онъ находитъ змѣйную кожу, которую надѣваетъ на палочку и, придя домой, втыкаетъ ее посреди двора. Черезъ нѣсколько времени изъ палки выросло большое дерево съ золотыми плодами. Бывшій слуга Соломона сталъ собирать золото и прятать его въ сундукахъ. Скоро онъ очень разбогатѣлъ и женился. Однажды, когда его не было дома, къ его женѣ приходятъ три армянина и начинаютъ упрашивать ее, чтобъ она разрѣшила имъ переочевать; она согласилась. Вотъ видятъ армяне посреди двора роскошное дерево съ золотыми плодами, и глаза у нихъ разбѣжались. Тутъ они принялись разспрашивать жену счастливица, какъ и откуда мужъ ея досталъ дерево, они все упрашиваютъ ее, чтобъ она вывѣдала тайну у мужа, за что обѣщали ей большое вознагражденіе. Но мужъ вспомнилъ первое наставленіе Соломона („Не выдавай своихъ тайнъ никому“) и отказалъ ей, но она въ концѣ концовъ довела его до того, что онъ все рассказалъ ей. Она пошла, да и сообщила секретъ армянамъ. Тогда хозяину и говорятъ ночлежники: „Или продай ты намъ это дерево, или мы возьмемъ его силою“. Желая избавиться отъ нихъ, говоритъ онъ имъ: „Когда такъ, давайте пари держать: если угадаете, откуда я досталъ дерево, возьмите его, нѣтъ—такъ заплатите штрафъ“. Армяне съ радостью согласились на пари и, конечно, выиграли его при содѣйствіи жены. Соломонъ очень разсердился на него и сказалъ: А вѣдь я тебѣ говорилъ, чтобъ ты никому не выдавалъ своихъ тайнъ! Впрочемъ, ступай и предложи армянамъ новую загадку: Пускай они угадаютъ откуда восходитъ солнце!... Хотя загадка была не трудная, но армяне не разгадали ея, такъ-какъ бывшему своему слугѣ помогалъ Соломонъ: когда армяне говорили: „съ востока,“ солнце вдругъ появлялось съ запада; когда же они говорили: съ запада, то солнце появлялось съ востока. Такимъ образомъ, слуга вернулъ себѣ проигранное дерево, Однажды къ Соломону приходитъ визирь и просить его, отъ имени царя, пожаловать на обѣдъ. Соломонъ, отказываясь, говоритъ, что онъ занятъ дѣломъ вмѣстѣ съ слугами. Тогда царь снова присылаетъ сказать, чтобъ онъ приходилъ вмѣстѣ съ слугами. Соломонъ идетъ и беретъ съ собою слугу (героя легенды). Во время обѣда царь потребовалъ ножъ. Сидѣвшій тутъ же за общимъ столомъ Соломонъ слуга достаетъ изъ ноженъ свой ножъ и даетъ царю: царь, желая ис-

пытать находчивость Соломона говорить слугѣ: Вѣдь, это мой нож! Кто его тебѣ далъ? Слуга вспомнилъ второе наставленіе Соломона. (Когда тебя не просятъ объ одолженіи, такъ и не одолай), но было поздно. Въ отвѣтъ царю онъ ничего не могъ сказать. Тутъ визири царя немедленно взяли слугу и заперли въ отдѣльную комнату. Соломона же приказано было не впускать къ нему, такъ какъ онъ могъ освободить его. Хочется Соломону помочь своему слугѣ; но какъ это сдѣлать? Кругомъ дома—караулъ: заговорить громко, такъ всѣ услышатъ! Находясь въ раздумьи, Соломонъ вдругъ замѣтилъ въ углу комнаты, предоставленной ему царемъ для отдыха кошку. Не долго думая, онъ поймалъ ее и началъ бить по головѣ. Кошка начинаетъ сильно мяукать, а Соломонъ приговариваетъ: „бѣдная ты кошка! Вѣдь, я тебѣ говорилъ, чтобъ ты не давала ничего, когда тебя не просятъ! Скажи ты, кошечка, царю, что ножъ, который онъ присваиваетъ себѣ, найденъ былъ въ животѣ твоего отца; что убійца еще не открытъ; и что если ножъ на самомъ дѣлѣ его, то, значитъ, онъ, царь, и есть убійца! Слуга, слышалъ всѣ эти слова, и, когда на другой день онъ былъ позванъ на допросъ, то онъ и повторилъ эти слова. Царь не нашелся, что сказать, возвратилъ ему ножъ и отпустилъ домой съ подарками.

Былъ одинъ царь, который каждого родившагося въ его царствѣ жеребенка присваивалъ себѣ. Это отъ моей кобылицы! говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ.

Приходить къ этому царю Соломонъ—онъ былъ тогда еще очень молодъ—и нанимается въ услуженіе. Ему поручаютъ смотрѣть за собаками. Вотъ однажды Соломонъ собираетъ всѣхъ собакъ и начинаетъ, что есть силы, бить ихъ. Царь узнаетъ объ этомъ и спрашиваетъ его. Зачѣмъ ты колотишь собакъ?—„Да какъ же мнѣ ихъ не колотить! Въ моей деревнѣ волкъ утащилъ теленка, а ваши собаки не погнались за нимъ! Откуда моимъ собакамъ знать, что въ твоей деревнѣ дѣлается? Ну, а какъ же ты-то рассуждаешь, царь: когда гдѣ то, за тридевять земель, рождается жеребенокъ отъ чужой лошади, говоришь, что онъ отъ твоей кобылицы, и присваиваешь его себѣ! Царь сконфузился и... пересталъ присваивать себѣ чужихъ жеребятъ.

О происхожденіи князей ¹⁾. Получивъ отъ Бога откровеніе, что скоро наступитъ всемірный потопъ, Ной поспѣшно сталъ строить корабль для своего спасенія. Но работа тянулась, а потопъ приближался.

Поэтому Ной пригласилъ къ себѣ на помощь плотника, которому обѣщалъ въ уплату выдать за него свою дочь. Въ скоромъ времени понадобилось пригласить еще одного плотника. Ной и этому обѣщалъ выдать свою дочь. Наконецъ, понадобился еще и третій плотникъ. Ной и этому сказалъ тоже самое. Работа кончилась, и плотники потребовали исполненія обѣщаній. Но у Ноя только и было, что одна дочь: что тутъ дѣлать? Вотъ онъ обращается къ Богу съ мольбою помочь ему. Богъ тогда создалъ изъ собаки одну дочь, а изъ осла другую. Вотъ, значитъ, стало у Ноя три дочери. Онъ и выдалъ всѣхъ трехъ за плотниковъ: отъ первой дочери Ноя (настоящей) произошли князья, отъ второй—дворяне, а отъ третьей—крестьяне.

Легенда объ Иисусѣ Христѣ и Иоаннѣ Крестителѣ. Жилъ бѣднякъ съ женой. Онъ былъ такъ бѣденъ, что даже изорванная чохя представлялась ему пріятной мечтой. Подбиралъ лоскутки, онъ изъ нихъ готовилъ себѣ одѣянье. Прошло семь лѣтъ, у бѣдняка родился сынъ. Ни бѣднѣй, ни тѣмъ болѣе богачъ, не желалъ быть крестнымъ отцомъ его сына. Иоаннъ Креститель, обращаясь къ І. Христу, говоритъ: „Мальчикъ, котораго мы дали бѣдняку, остается безъ миропомазанія: крестимъ его“. Какъ вы можете у насъ крестить, когда у насъ нѣтъ ни вола, ни коровы? „Мы можемъ дать вамъ много добра, если только вы окажетесь достойными нашего благодѣянія“. Кума за неимѣніемъ платья прячется за корзину, кумъ же корчится отъ продолжительнаго голоданія. „Если вы заслужите нашего вниманія, мы васъ обогатимъ: наполнимъ окрестныя поля и ущелья овцами и коровами“. Сказали и ушли. Проходитъ семь лѣтъ, а крестникъ ни разу не видѣлъ еще своего крестнаго отца. Разъ Иоаннъ Креститель говоритъ І. Христу: „Отправляйся къ своей кумѣ, посмотри, какъ она тебя приметъ“. І. Христосъ пошелъ. „Къ намъ пожаловалъ дорогой кумъ“, докладываетъ служанка своей хозяйкѣ.—Пусть убирается отсюда! Что онъ такъ повадился къ намъ? Ничего хорошаго я отъ него не видала, хотя бы разъ онъ мнѣ принесъ на платье.—Нѣтъ, уважаемая хозяйка, не говорите этого о немъ. Лучше зарѣжемъ откормленную курицу, разстелемъ дорогіе ковры и примемъ его радушно.—Молчи, служанка, не позволяй себѣ много! Лучше отнеси ему кусокъ кукурузнаго хлѣба и не много кислаго молока. Если онъ голоденъ, то и это съестъ, а если не хочетъ, то пусть убирается куда ему угодно. „Тебѣ бы лучше повидаться съ кумомъ“, говоритъ І. Креститель Христу, „отъ женщины толку не добьешься“. Вотъ Христосъ идетъ навѣстить своего кума. „Дорогой кумъ, дайте намъ шерсти: немного недостало для посковъ“. Взялъ кумъ и бросилъ горсть шерсти.

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа“, вып. IX, отд. 2, 174—5. Ср. *Иверія*, 1893, 168. Дочери Нол.

„Кумъ, зарѣжь намъ жирную овцу; за одну получишь тысячу!“—Если хорошую вамъ зарѣзать, то хромую для кого прикажете оставить? Кумъ и кума возсѣли на золотой „тахтѣ“ (восточный диванъ). „Разступись земля и скрой ихъ въ своей глубинѣ, этихъ неблагодарныхъ людей! Да обратится, кумъ, твоя борода въ траву, пусть вѣчно косить тебя косарь и пусть трава не истощается! А твоя кровь, кума, обратится въ корень парентъ, пусть грекъ тебя копааетъ безпрестанно и пускай ты будешь не истощима! А крестнаго сына возьмемъ съ собою, ибо миро священно“¹⁾.

Три брата. Три брата раздѣлились: старшему брату домъ достался, среднему брату одна кцева (900 квадрат. саж.) земли и лѣса, младшему брату одинъ барашекъ и одна квада (1 пудъ) ладану. Младшій братъ пошелъ и достигъ равнины. Здѣсь онъ взглянулъ и увидѣлъ бѣлый холмъ и взшелъ туда. Здѣсь онъ загналъ барана въ яму, а ладанъ воскурилъ Богу. Въ это время Богъ и рядомъ съ Нимъ сидитъ Георгій и Спаситель. Дымъ ладана тремя золотыми рядами обвился вокругъ Божьяго стола. Сказалъ Богъ: „Георгій и Спаситель, многіе у меня просили и такого приношенія никто не приносилъ; ступайте и узнайте, кто это“. Георгій и Спаситель спустились и спросили человѣка. Онъ отвѣтилъ: „насъ было три брата, мнѣ досталась одна квида ладану и одинъ баранъ; ладанъ воскурилъ Богу, а барашекъ—здѣсь“. Барана взяли вверхъ Георгій и Спаситель къ Богу и приготовили для ѣды. Послѣ ѣды Всевышній собралъ кости, ударилъ ихъ ногой и превратилъ въ корову. Георгій и Спаситель сошли къ человѣку, одежду сѣрую надѣли, взяли его съ собою и очутились въ царскомъ дворѣ. У царя въ это время въ домѣ сидятъ два жениха: одинъ съ золотой бородой, другой съ золотой кисточкой. Георгій и Спаситель старыми людьми прикинулись и просили впустить ихъ. Царь сказалъ: „бейте много и выгоните ихъ!“ Это услышалъ Георгій, ударилъ плечомъ въ дверь, выломилъ (ее), вошелъ въ домъ и сѣлъ во главѣ. Георгій сказалъ, товарищъ мой хочетъ жениться на твоей дочери и предложилъ царю, пусть будетъ что такое гаданіе: огонь разведемъ: чья шапка изъ огня, золотомъ окованная, выйдетъ, того де будетъ его дочь. Бросили шапки въ огонь три человѣка: отъ шапокъ золотой бороды и золотой кисточки отруби остались; спутника-человѣка Георгія и Спасителя шапка золотомъ окованной осталась. „Одно гаданіе еще пусть будетъ“, сказалъ царь Георгію. Георгій

¹⁾ Любопытно, что І. Христосъ посылается Іоанномъ Крестителемъ, стави какъ бы его выше Спасителя.

отвѣтилъ царю: женихи пусть по палкѣ—лозѣ держать на лаквинѣ (подлѣ костра камень, на который кладутъ дрова)—чья палка внизу корень пуститъ и вверху принесетъ виноградъ (плоды), того будетъ твоя дочь“¹⁾. Согласился царь. Золотой бороды и золотой кисточки палки засохли, Георгія палка внизу корень пустила, а вверху виноградъ принесла. Дочь спросила отца: „кому должно мнѣ передать заздравный кубокъ“. Отецъ отвѣтилъ: „кому хочешь!“ Дочь передала заздравный кубокъ золотой бородѣ, и онъ взялъ (ее) въ жены. За супругами сзади гонится золотая кисточка, и произошла ссора на дорогѣ. Георгій сказалъ: „золотая кисточка и золотая борода умертвите другъ друга!“ Они другъ друга убили, а женщина осталась для спутника Георгія. Георгій, наконецъ, уступилъ просьбѣ женщины взять ее и сказалъ человѣку: впередъ ступай и готовымъ насъ встрѣчай дома. Георгій далъ свое полотенце и сказалъ, (что) гдѣ захочешь, тамъ ставь полотенце, и домъ и башня выстроятся, протяни полотенце по землѣ и ограда обведется“. Пошелъ этотъ человѣкъ впередъ, домъ построилъ и огонь развелъ, но муки для испеченія хлѣба не оказывается. Георгій сказалъ: „ты взойди на верхній этажъ и затѣмъ не безпокойся!“ Человѣкъ взшелъ на верхній этажъ и нашелъ закрома наполненные мукою. Принесъ онъ муку и заставилъ печь свою на жену ужинъ. Потомъ сказалъ Георгій человѣку: „вино принеси“. Пошелъ человѣкъ въ кладовую и нашелъ полные кувшины вина; одинъ стоманъ (кувшинъ емкости 5—6 бутылокъ) принесъ къ ужину. На другой день ушли Георгій и Спаситель. Догналъ человѣкъ Георгія и Спасителя и спросилъ, будутъ ли дѣти у нихъ? Георгій сказалъ: этого не знаемъ мы: это Всевышній Богъ знаетъ, о чемъ буду просить и, можетъ быть, дастъ дѣтей. Всевышній сказалъ Георгію: „Георгій это ты все, а то онъ не вспомнилъ бы обо всемъ этомъ. (Если) имъ дитя дадимъ, (люди) слишкомъ размножатся въ мірѣ и человѣку мѣста не будетъ въ мірѣ; двухъ дѣтей дадимъ, они до половины жизни будутъ, потомъ умрутъ. Георгій отвѣтилъ: „если дадимъ, то навсегда дадимъ, а то напрасно что мучимъ?“ Прошло много времени лѣтъ, Георгій сказалъ Спасителю: „пойдемъ посмотримъ на нами поселеннаго человѣка“. Обратились въ старыхъ людей и пошли къ человѣку, и большой дождь низведенъ былъ имъ. Пристали Георгій и Спаситель къ дверямъ этого человѣка. Онъ разсердился на нихъ. Жена же тайкомъ (отъ мужа) отворила дверь и впустила старыхъ людей въ домъ. Прошло много времени, опять пришли къ этому человѣку. Жена имъ опять отворила дверь и

¹⁾ Ср. *Сванетскія сказки*, стр. 20. Кутаисъ, 1893.

впустила. Гости сказали человѣку: „пошли двухъ дѣтей и прикажи имъ вино принести!“ Георгій сказалъ (самъ себѣ): „мальчики, утоните въ кувшинѣ“. Женщина дѣтей нашла утонутыми въ кувшинѣ; возвратилась и сказала, что мальчики опьянѣли и упали въ отверстіе кувшина. Георгій сказалъ: я—Георгій и я умертвилъ (погубилъ) дѣтей, потому что ты мое наставленіе забылъ и бѣдныхъ не выпускаешь. Воскресилъ потомъ онъ по просьбѣ ихъ дѣтей и пошли. Всевышній сказалъ, что Онъ такой градъ ниспошлетъ на землю, что совершенно уничтожить урожай и посѣвы. Георгій сошелъ къ человѣку и сказалъ: „сегодня пригласи помочь жать, все сожни, а то такой градъ пойдетъ, что не останется зерна и на одну ночь“. Этотъ работниковъ на толоку пригласилъ и спряталъ весь урожай домой. Всевышній взглянулъ и увидѣлъ, что у этого человѣка въ домѣ стоитъ урожай (все спрятано), а у другихъ на одинъ день не осталось, такъ испортилъ градъ и сказалъ Георгію: „это все ты, а тотъ не придумалъ всего этого, такъ нѣтъ и сождемъ твоего поселеннаго человѣка!“ Георгій опять сошелъ къ человѣку и сказалъ, что зажечь хотятъ его боги и онъ какъ скажетъ, такъ и пусть сдѣлаетъ: когда они придутъ во дворъ, въ верхнемъ этажѣ отвяжи барановъ, выпусти черезъ дворъ и потомъ не пугайся. Возвратились Всевышній и Спаситель, чтобы зажечь этого человѣка. Какъ только подошли къ дверямъ верхняго этажа, человѣкъ барановъ отвязалъ и черезъ дверь верхняго этажа выпустилъ: передъ Всевышнимъ и Спасителемъ баранъ три раза перевернулся направо, три раза упалъ на колѣни, и сказалъ Онъ: это опять Георгій сдѣлалъ, а то человѣкъ не придумалъ (бы) всего этого! Очень хочеть онъ этого человѣка поселить и уступимъ ему! Всевышній и Спаситель возвратились на верхъ. Человѣкъ тотъ устроился хорошо.

Христосъ въ образѣ нищаго. Старикъ встрѣтился въ лѣсу съ мгель-каца (чудовище). Старикъ хотѣлъ бѣжать отъ него, но мгель-каца остановилъ и предложилъ ему корову, дающую ежегодно по теленку и ежедневно по три тунги молока съ условіемъ чрезъ три года онъ долженъ рѣшить три вопроса, иначе чудовище съѣстъ его съ семействомъ. Съ надеждой на Бога жена посоветовала мужу взять корову. Въ послѣдній день срока, принимаетъ онъ нищаго на ночлегъ, объявивъ ему, что явится мгель-каца. Въ полночь послѣдній покричалъ старикъ: „уже двѣнадцать!“—Если было въ домѣ 12 отвѣчалъ нищій, братьевъ и быковъ, то распахали бы землю.—Нѣтъ, я пришелъ, отвѣчай!—Я тоже сейчасъ пришелъ, сказалъ нищій.—Гдѣ ты былъ?—На той сторонѣ моря; ворону осѣдлалъ взвалилъ на нее 1000 пудовъ соли и самъ на ней переправился чрезъ море.—Ворона изъ штенцовъ!—Ея

тѣнь покрывала городъ.— Маленькій городокъ?—Какой маленькій! Если въ одномъ концѣ его закричить эсель, на другомъ не слышно!— Вѣроятно, осленокъ?!— Изъ его кожи шуба, фуражка и лапти вышли бы для человѣка!— Вѣроятно, маленький человѣкъ?— Если бы на его колѣнахъ закричалъ пѣтухъ, онъ не услышалъ бы его крика?!— Должно быть онъ былъ глухой?— Своимъ чуткимъ ухомъ слышитъ, какъ на возвышенности олень траву щиплетъ!“ Мгель-каца не нашелся, что сказать. Нищій тогда его проклялъ: чтобы ты сталъ дубовымъ бревномъ, въ него былъ воткнуть топоръ, выходилъ старикъ, рубилъ тебя и ты не истончался. Такъ и случилось. Нищій этотъ былъ І. Христосъ.

Любопытная легенда существуетъ о равноправности и *угодности всѣхъ религій* предъ Господомъ. Одинъ старикъ ропталъ подъ тяжестью глыбы соли. Во снѣ ангелъ взялъ его въ рай съ условіемъ не говорить ни слова. Видитъ старикъ человѣка, который хотѣлъ взвалить на себя гору хвороста, но не могъ; онъ уходилъ и прибавлялъ еще хворосту къ своей ношѣ. Старикъ не вытерпѣлъ и закричалъ ему убавить, а не прибавить хворосту. Нарушилъ онъ обѣщаніе, проснулся и подъ головою лежала та же глыба соли. Онъ покался передъ ангеломъ и былъ взятъ снова въ рай. Видитъ онъ котель, въ которомъ мясо варится и супъ выливается, а человѣкъ все прибавлялъ мяса. Около него стоялъ наполненный виномъ кувшинъ; отъ полноты вино выливалось, а хозяинъ наливалъ въ него изъ другихъ сосудовъ. Старикъ за поданные имъ солѣты снова очутился съ глыбой соли. Третій разъ покаившагося старца взялъ ангелъ въ рай. Разъ видитъ онъ огромный камень, который тянутъ, люди въ разныя стороны. „Нельзя такъ сдвинуть камень!“ сказалъ имъ старецъ, проснулся и, увидѣвъ глыбу соли, сталъ плакать. Ангела онъ проситъ только объяснить видѣнныя имъ картины. Взаливающій на себя хворостъ былъ воръ, который 80 лѣтъ долженъ такъ страдать, такъ какъ и на старости лѣтъ не оставлялъ грѣха. Человѣкъ, у котораго супъ и вино выливаются—щедрый, кормившій нищихъ и прохожихъ. Супъ съ мясомъ и вино въ котлѣ, по благословенію Божьему, не уменьшается. А камень тотъ означаетъ Бога, а тянущіе его— грузины, русскіе, татары; каждый старается взять его, каждый хвалитъ свою религію и никто не думаетъ, что Богъ одинъ для всѣхъ и никому онъ не принадлежитъ¹⁾.

Любопытно сопоставить эту легенду съ сказаніемъ о трехъ зна-

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ X, III, 75—80.

менитыхъ кольцахъ изъ Gesta Romanorum, перешедшимъ оттуда въ Боккаччо и Лессингу въ драмѣ „Натанъ мудрый“.

Легенда, отражающая слѣды вліянія евангельской притчи о пяти хлѣбахъ и внушающая творить милостыню носитъ названіе:

Домъ Бога. Жили были мужъ да жена. Когда голодъ началъ страшно мучить ихъ, то мужъ пошелъ отыскивать Бога, желая спросить Его о причинѣ своего бѣдственнаго положенія. Послѣ долгаго пути онъ вышелъ на одну открытую равнину. На этой равнинѣ онъ встрѣтился съ однимъ святымъ человѣкомъ, спросившимъ его, куда онъ идетъ.—„Ты Бога не найдешь на землѣ“, сказалъ святой старецъ: „Богъ на небѣ, и если ты хочешь чего-либо отъ Него, то скажи мнѣ: я пойду туда и, по возвращеніи оттуда, передамъ тебѣ, что Онъ мнѣ скажетъ“. — Я съ голоду умираю со всей семьей своею; пусть Онъ дастъ мнѣ возможность жить на свѣтѣ, или пусть возьметъ обратно жизнь, дарованную Имъ Самимъ несчастной семьѣ“. — Старецъ пришелъ къ Богу и разсказалъ о случившемся. Богъ сказалъ: „Я назначаю этой семьѣ въ день три монеты“. Старецъ вернулся и сообщилъ нищему о милости Бога, но нищій проситъ чрезъ старца, чтобы Онъ прислалъ ему деньги на цѣлый годъ; старецъ принесъ отъ Бога нищему два рубля сорокъ копѣекъ. Обрадованный нищій вернулся домой. Онъ купилъ на два рубля свѣжаго хлѣба, мяса, вина, и мужъ и жена поужинали сытно. У нищаго осталось только сорокъ копеекъ. На другой день утромъ пошелъ въ церковь помолиться Богу. Около церкви находилось нѣсколько стариковъ, разсуждавшихъ о душевспасительныхъ дѣлахъ. Одинъ изъ этихъ стариковъ говоритъ: „Деньги, отданныя взаймы Богу, никогда, не пропадаютъ, а, напротивъ, онѣ возвращаются отдавшему самъ тысячу“. — Какимъ-же образомъ отдавать деньги взаймы Богу? спросили другіе—Надо ставить свѣчу Богу, не отказывать нищимъ въ милостынѣ и подавать руку помощи бѣднымъ и беззащитнымъ“, отвѣтилъ старикъ. Услышавъ это нищій, сейчасъ на 20 копѣекъ поставилъ онъ свѣчей Богу, а остальное роздалъ подобнымъ же себѣ нищимъ.

Отошла обѣдня, и въ радостномъ настроеніи нищій возвратился домой. Голодъ опять началъ страшно мучить нищаго. Нищій пошелъ отыскивать Бога. Онъ началъ кидать комками земли въ небо и кричать: „Боже мой! или отдай мнѣ, что должно быть дано, или возврати мнѣ мои деньги! Явился ему Богъ и сказалъ: „Я приду вечеромъ къ тебѣ въ гости и принесу твои деньги“. Нищій велѣлъ женѣ приготовить хорошій ужинъ и попросить для этого у сосѣдей два-три хлѣба. Но, въ кому она ни обращалась, каждый ей отказывалъ. Наконецъ, она

зашла къ одной старухѣ, которая съ трудомъ достала незначительное количество муки и выпекла изъ нея нѣсколько хлѣбовъ. Старуха снабдила ее двумя хлѣбами и отпустила домой. Мужъ нашелъ немного соли и зелени, и такимъ образомъ былъ приготовленъ ужинъ для Бога. Во время ужина Богъ сказалъ нищему: „Возьми большой сосудъ и изъ кувшина, который у тебя есть, принеси его сюда“. — Господи! отвѣчалъ нищій, сороковой годъ протекаетъ, какъ у меня въ этомъ кувшинѣ не было вина, и сосѣди мои хранили въ немъ то солону, то саманъ! — „Иди и сдѣлай то, что Я тебѣ говорю“, сказалъ Господь. Нищій больше не осмѣлился противорѣчить Богу; пришедши къ кувшину, увидѣлъ, что онъ былъ полонъ виномъ краснымъ, какъ кровь. Зачерпнувъ вина, онъ принесъ его на ужинъ. Когда они кончили ужинать, Богъ сказалъ женѣ нищаго, чтобы она убрала все. Сколько ни убирала она, а хлѣба становилось все больше и больше. Нищій подумалъ: „Богъ далъ мнѣ хлѣба и вина вдоволь, а денегъ нѣтъ и копѣйки“. Узнавъ о желаніи нищаго, Богъ сказалъ ему: „Иди и принеси вина изъ кувшина, находящагося за тѣмъ большимъ кувшиномъ“. — „Тамъ нѣтъ вина“, отвѣчалъ нищій — „Иди и сдѣлай, что сказано“, отвѣтилъ Господь. Пошелъ онъ и увидѣлъ, что кувшинъ тотъ былъ полонъ серебряныхъ и золотыхъ денегъ; сколько онъ не доставалъ ихъ оттуда, количество денегъ не уменьшалось въ кувшинѣ. Нищій вернулся, хотѣлъ броситься къ ногамъ Чудеснаго Гостя и обლობызать, но онъ не засталъ Его тамъ. Нищій разбогатѣлъ. Бѣдные приходили къ нему занимать у него денегъ, но онъ не взаймы давалъ имъ, а дарилъ тысячами ¹⁾.

Идею о примиреніи съ назначенной выше долей имѣемъ въ легендѣ *Бѣднякъ* ¹⁾.

Жилъ бѣднякъ съ женою и сыномъ. Богъ ежедневно посылалъ имъ по сухому хлѣбу. Бѣднякъ сталъ роптать на Бога, что Онъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ, не даетъ имъ, хоть по одной головкѣ чесноку, и рѣшилъ пойти къ Нему, чтобы испросить у Него что-либо. Доро-

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем.“ Кавказа X, отд. III, 68—72. Въ Бесѣдѣ 3-хъ свитателей сохранилось отраженіе чудеснаго насыщенія пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами и двумя рыбами. Ерѳт. Το πέμπτον τῆς γῆς, δέμοιρον τῆς θαλάσσης πεντάκις Χιλίοστον, δωδέκατον; Ἀποκ. ἔ ἄρτοι οὐς εὐλόγησεν ὁ Χριστός, δέμοιραν τῆς θαλάσσης. οἱ δύο ἰχθύες ταῖς (?) οἱ χορτάσαντες ἐκ τῶν. ἔ. ἄρτων. *Мочульскій.* Слѣды народной библии, 251.

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстн. К.“ вып. XIII, отд. II, стр. 45—6.

гою онъ встрѣтился съ ангеломъ, который спросилъ его, откуда и куда онъ идетъ.

Ангель сказалъ ему, что вмѣсто него онъ самъ пойдетъ къ Богу и доложить Ему обо всемъ. Когда Ангель разсказалъ Богу о бѣдникѣ, то Богъ велѣлъ сказать бѣднику слѣдующее: „Что разъ написано Мною, того вычеркнуть нельзя“. Ангель сообщилъ слова Бога бѣднику. Бѣдникъ попросилъ тогда Ангела, чтобы онъ сказалъ Богу отъ его лица: „Какъ написать была Твоя воля, такъ и вычеркнуть Твоя же воля“. Ангель донесъ слова бѣдника Богу. Тогда Богъ позволилъ, чтобы каждый членъ семьи бѣдника просилъ отдѣльно, чего пожелаетъ, и ангель сообщилъ волю Бога дому бѣдника. Жена бѣдника первая стала просить Бога: она пожелала, чтобы Онъ сдѣлалъ его такою красавицею, которая годилась бы въ невѣсты царевичу. Такъ и случилось: ее взялъ царевичъ... Опечалился бѣдникъ; думалъ—думалъ и, наконецъ, попросилъ Бога, чтобы Онъ возвратилъ ему жену, хотя бы въ видѣ ослицы. Жена бѣдника, превращенная въ ослицу, воротилась домой... Оставалось просить сыну; онъ подумалъ; какая польза, если онъ получитъ отъ Бога счастье и добро, а мать его будетъ ослицею. Сынъ порѣшилъ попросить Бога, чтобы Онъ превратилъ его мать опять въ женщину. И эта просьба тоже была исполнена, и бѣдникъ съ его семьею остались по прежнему на сухомъ хлѣбѣ.

О Палеостомѣ ¹⁾. Относительно происхожденія озера Палеостома у жителей Озургетскаго уѣзда сохранилось слѣдующее преданіе. На мѣстѣ этого озера былъ нѣкогда городъ Палеостомъ, гдѣ была церковь съ иконой Божіей Матери, принесенной Андреемъ Первозваннымъ. Жители города до того развратились, что, несмотря на святость храма, начали вѣзжать въ него на коняхъ. Чтобы воспрепятствовать этому нечестію, Богъ настолько понизилъ двери церкви, что уже нельзя было вѣзжать въ нее на лошади. Жители города, дѣйствительно, стали оставлять лошадей на дворѣ, но не нагибались, при

¹⁾ „Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа, вып. XIII, отд. II, 71—2. О происхожденіи Палеостома см. во 2 вып. назв. „Сборника“ статью Шафранова. Въ соч. груз. беллетриста Е. Ниношвили Палеостомъ объясняется слѣд. образомъ: по преданію, на мѣстѣ Палеостома была суша, гдѣ жила семья Павла. Въ одинъ день, за грѣхи людей, земля провалилась, выступила вода и потопила всѣхъ, за исключеніемъ одного Дарчіа (=оставшагося), который успѣлъ взять въ Джумати крестъ. Отсюда Палеостомъ—Павліастомъ, т. е. „томи“ (родъ Павла. Ср. „Этн. Об.“ XII, 35 (Изъ Иверіи).

входѣ въ церковь, а просовывали туда сначала ноги, а потомъ и все тѣло. Тогда, видя неисправность жителей, Богъ рѣшилъ потопить Палеостомъ. Только одинъ человѣкъ, по имени Кико, хранилъ благочестіе. Господь явился ему во снѣ и сказалъ:—„Возьми икону Божіей Матери и отнеси ее въ селеніе Шемокмеды, потому что городъ Палеостомъ долженъ погибнуть“. Кико немедленно сѣлъ на катера, святую икону поставилъ передъ собою, а сзади себя посадилъ уважаемую имъ женщину, которой онъ не желалъ гибели. Какъ только Кико выѣхалъ изъ Палеостома, Богъ ударилъ сверху огнемъ и потопилъ городъ. Вѣдетъ Кико, а погошь достигаетъ его: заднія ноги катера уже были въ водѣ. Тогда является ему Господь и говоритъ: „Брось женщину и спасешься, а не бросишь, такъ погибнешь!“ Кико бросилъ женщину, и погошь остановился. Кико пріѣхалъ въ Шемокмеды, черезъ три мѣсяца явился ему во снѣ Богъ, велѣлъ переселиться въ Бахви и перенести туда святую икону.

Аналогичная легенда объ образованіи *узельчатого источника въ Ахталѣ* передаетъ что тамъ, гдѣ нынѣ бьетъ ключемъ свищоваго цвѣта грязь, находилось гумно. Въ день Преображенія священникъ здѣсь молотилъ хлѣбъ. Христосъ, проходя проклялъ его, а на мѣстѣ гумна стала бить лѣбчатая грязь, вынося изъ глубины лопатку, дубину и пр. Днынѣ въ народѣ сохранилась легенда объ Ахталѣ въ стихотворной формѣ ¹⁾.

Тамъ, гдѣ нынѣ ²⁾ тянется кахетинская долина, было море, а народъ жилъ на вершинахъ горъ и холмовъ. Въ это время у Бочормскаго св. Георгія былъ откормленный баранъ, который по временамъ, исчезая, возвращался съ окровавленными рогами. Оказалось, что онъ борется на берегу моря съ морскими драконами, кожу которыхъ онъ тщетно старался проглотить. Тогда богомольцы св. Георгія прикрѣпили къ его рогамъ острия стрѣлы. Почувствовавъ силу ихъ, драконъ бѣжалъ въ море, ударился о гору Ширакскую, гдѣ нынѣ рѣки Алазанъ и Гюръ, пробилъ ее, и море чрезъ это отверстіе вышло, освободивъ Алазанскую долину. Существующее мнѣніе о Кавказѣ, составляющемъ нѣкогда дно моря, находитъ параллель въ народной традиціи. Такое же сказаніе сохранилось у ингилойцевъ. Послѣдніе передаютъ, что жители, будучи стѣснены моремъ въ горахъ Кахетин, обратились къ одному умному угольщику за совѣтомъ. „Мудрецъ“ предложилъ бросить сумку съ

¹⁾ „Этногр. Обзор.“ кн. III, 221 (Изъ Иверіи).

²⁾ Иверія 1894, 66 и 71.

углями и куда ее вода понесетъ, тамъ будетъ выходъ, пусть тогда пророчутъ и море чрезъ отверстіе вылется.

О монахѣ ¹⁾. Былъ одинъ монахъ, который часто читалъ въ Священномъ Писаніи слѣдующія слова: чего попросишь съ вѣрою у Бога, — дано будетъ. Монахъ желая узнать, насколько это правда, сталъ съ вѣрою просить Бога сдѣлать его зятемъ царя. Послѣ горячихъ молитвъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, онъ пошелъ, передѣвшишь, къ царю и сталъ просить руки его дочери. Когда царь увидѣлъ, что никакъ не можетъ отдѣлаться отъ просьбы монаха, сказалъ ему: „На моей дочери женися тотъ, кто достанетъ мнѣ золотой кубокъ, который мой отецъ уронилъ въ морѣ“. Монахъ отправился искать кубокъ. Онъ проситъ Бога, чтобы онъ помогъ ему въ этомъ дѣлѣ. Проходя мимо одной церкви, онъ услышалъ шумъ и страшныя ругательства, которыя, казалось, выходили изъ нея. Вошедши въ церковь, онъ, никого не встрѣтивъ, а брань все таки продолжала слышаться. Потомъ онъ вошелъ въ алтарь и увидѣлъ лежащую на престолѣ митру, и замѣтилъ, что шумъ и брань выходили изъ нея. Прислушавшись, онъ спросилъ: „Кто ты такой и что съ тобой случилось?“ — Я злой духъ, отвѣчалъ изъ митры голосъ, меня заперъ въ этой митрѣ проклятый монахъ, но если мнѣ удастся освободиться какъ нибудь, тогда я заплачу ему! — Если я тебя освобожу, что ты мнѣ дашь тогда? спросилъ монахъ. — Клянусь всѣми злыми духами, чего попросишь, то и исполню! отвѣчалъ злой духъ. Злой духъ согласился достать кубокъ монаху; послѣдній поднялъ митру, и злой духъ вылетѣлъ изъ церкви, какъ птичка. Черезъ четверть часа онъ увидѣлъ, что въ двери вошелъ великанъ, держа въ рукѣ кубокъ. Приблизившись къ монаху, злой духъ палъ на колѣна, подаль кубокъ и горячо благодарилъ его за освобожденіе. „Да какъ же ты великанъ могъ помѣститься въ этой митрѣ? притворно удивился монахъ. Если ты тотъ же самый духъ, то помѣстись и теперь въ ней!“ Злой духъ, ничего не подозрѣвая, залѣзъ въ митру, а монахъ положилъ тогда на митру крестъ и сказалъ: „я не имѣю права тебя выпустить! Кто заперъ тебя, пусть тотъ и освободитъ тебя!“ Потомъ онъ взялъ кубокъ и отправился къ царю. Царь, не могъ не исполнить обѣщанія, но монахъ сказалъ: „Я, бѣдный монахъ и не желаю вступитъ въ бракъ, а только хотѣлъ удостовѣриться насколько вѣрны слова Св. Писанія!“ Сказавъ это, инокъ простился съ царемъ.

¹⁾ „Сбор матер. для опис. племен и мѣстн. Кавказа“ XIII, II стр. 72—4.

Воронья башня ¹⁾. На холмѣ, недалеко отъ быстрой и шумной Арагвы и вблизи стараго Мухета, стоитъ древняя развалина, которая въ народѣ по преданію называется вороньей башней. Давнымъ давно, въ вороньей башнѣ стоялъ караулъ въ защиту отъ грабежа осетинъ. Людей на стражу высылалъ старый и сильный князь Симонъ, человекъ добродушный и щедрый. Крѣпко любили князя Симона всѣ разные ему князья и подданные, но больше ихъ любила старика дочь его, красавица Макрина, тоже ангельская душа. Былъ у князя еще сынъ Мамука, да не благословилъ его Создатель отцовскою доблестью, добродушіемъ и ласкою. Съ юнаго дѣтства видно было, что за человекъ будетъ молодой князь; попадется ли ему слабый птенецъ — выколетъ онъ ему глаза, или притвоздитъ къ дереву, задушитъ котенка, забьетъ камнями щенка, а что еще хуже, не пропуститъ случая сдѣлать всякое зло какому бы то ни было человекъ. Много терпѣла отъ него Макрина, скрывала отъ отца синяки, но свѣтлый взоръ князя Симона видѣлъ дурныя наклонности сына, печалился и горевалъ бѣдный старикъ; но не успѣлъ помочь горю. Скончался добрый старикъ, вся окрестность огласилась плачемъ и стономъ; больше всѣхъ убивалась Макрина, а Мамука не проронилъ ни слезинки. Изъ дальнихъ и близкихъ деревень съѣхались многочисленные друзья и соратники покойнаго. Старые князья говорили длинныя и цвѣтистыя рѣчи объ его заслугахъ, умѣ и достоинствахъ. Послѣ трехдневной тризны разѣхались всѣ во свояси и остались въ печальномъ домѣ неутѣшная Макрина и мрачный Мамука. Все измѣнилось въ этомъ жилищѣ, которое бѣдные и убогіе считали пріютомъ, а сосѣди и пріятели самымъ гостепріимнымъ убѣжищемъ; измучилась прислуга, исполняя жестокія прихоти молодаго князя, трудно стало и народу: обижаютъ всѣхъ неповинныхъ Мамука, увеличилъ галлу (хлѣбная подать) и сабалахо (плата за подножный кормъ и сѣнокосъ); за малѣйшій ропотъ или недоплату завелъ джохи (палки) и плети, глумится и издѣвается надъ всѣми, а еще больше надъ беззащитной сестрой; а та, слыша стонъ подвластныхъ, съ мольбой и слезами проситъ брата усмирить свое гордое сердце. Но для Мамука хуже ножа остраго просьбы сестры: бѣснуется онъ, какъ только Макрина начнетъ умолять его смириться грозить ей, что запретъ ее въ Арагвскую башню и уморитъ съ голоду; страхъ

¹⁾ Изъ газ. „Бавказъ“ *Дункель Веллингъ Ср.* „Нов. Об.“ № 2476. *Ил. Хонели* „Бависъ-Сагдари“.

чужды сердцу молодой княжны, и снова пристаёт она къ брату, чтобы не разорялъ онъ крестьянъ и былъ милостивѣе къ близкимъ и слугамъ. Разсвирѣпѣлъ онъ на сестру и заточилъ ее въ караульную башню, а стражу свелъ внизъ и велѣлъ ей, оставаясь на дождѣ, жарѣ, крѣпко сторожить Макрину. Провѣдали осетины, что сверху башни никто не будетъ слѣдить за ними и начали отгонять скотъ и барановъ, а иногда и людей таскать въ горы; тревога за тревогой, а Мамука высккиваетъ со стражи и пугаетъ караульныхъ лютой казнью. Прошелъ годъ, какъ заперъ братъ молодую княжну въ тѣсную башню. Усердно молилась Богу страдальца и молила Божию Матерь и св. угодниковъ, чтобы смягчили они сердце Мамуки не для ея освобожденія, а для спокойствія тѣхъ, которые страдали подъ его игомъ. Князь Мамука согналъ всѣхъ людей своихъ на тяжелую работу и безжалостный не позволялъ имъ отлучаться даже за пищей въ дома, а около башни поставили на кострахъ котлы и варили работникамъ скудную пищу. Поднялась молодая княжна на верхъ башни и видитъ, что утомленные толпы подходятъ къ котламъ, надъ которыми вереницей кружатся и каркаютъ черные вороны и по-два, да по-три падаютъ въ котлы; гадко стало голоднымъ труженикамъ, что въ пищу ихъ сварились нечистыя птицы и стали они выливать на землю, что было въ котлахъ. „Что вы дѣлаете“, загремѣлъ голосъ Мамуки, „я васъ“—но не договорилъ... Изъ котловъ, какъ толстые канаты, попадали лютыя змѣи и, переплетаясь, окружили изверга; вотъ онъ уже сътыю запутали его злое тѣло и разверзли пасти... Боже, спаси меня, проговорилъ Мамука, „каюсь въ грѣхахъ моихъ!“ „Боже, спаси его“, повторилъ на башнѣ кроткій голосъ Макрины, „я отмолю грѣхи брата моего, надѣну власяницу и всю жизнь проведу въ монастырѣ!“ И совершилось великое чудо; змѣи, какъ сухіе корни, попадали на землю, стая вороновъ съ крикомъ унеслись за горы, а надъ башней взвился бѣлый голубь: „то душа князя Симона“, говорилъ народъ. Раскаялся князь Мамука, стало опять легко и привольно на всѣхъ его земляхъ, даровалъ онъ народу большія льготы, роздалъ добро свое разореннымъ. Княжна свято исполнила обѣтъ свой, надѣла грубую власяницу и вериги и безвыходно въ Мцхетскомъ храмѣ стала молиться Богу за прежніе грѣхи брата и благодарить за чудное его спасеніе. Тихая грусть обвила душу и сердце Мамуки, рѣшился онъ мірскимъ подааніемъ воздвигнуть храмъ во славу Божию, босой съ длинной бородой, въ нищенскомъ одѣяннѣ пошелъ онъ въ дальнія и чуждыя страны. Прошло 70 лѣтъ; не осталось въ живыхъ ни одного очевидца обращенія Мамуки. На исходѣ 70 года въ Мцхетской церкви отпѣвали

преставившуюся сестру Марію, долгой и святой жизнью, заслужившую себѣ заживо вѣнецъ безсмертія; всѣ сошлись, чтобы поклониться праху праведницы; прибрелъ издалека и невѣдомый богомолецъ, старикъ, изможденный, но бодрый не по лѣтамъ; спокойно и важно подошелъ онъ къ покойницѣ, благоговѣнно преклонилъ колѣна и, лобызая очи ея, сказалъ: „милая сестра, мы исполнили наши обѣты!“ Только выговорилъ онъ эти слова, и духъ его покойно соединился съ душою сестры. Догадались всѣ, что это князь Мамука, наложившій, по преданію, на себя трудный подвигъ воздвигнуть храмъ Божій мірскимъ подааніемъ. Благоговѣнно исполняя волю покойницы, похоронили ее около князя Симона и тамъ же схоронили Мамуку. Добрые люди говорятъ, что въ ту ночь сладко и звучно шептались вокругъ родовой церкви и зеленая трава и густые листья деревъ, а къ утру расцвѣли яркіе цвѣты, которыхъ ни прежде, ни послѣ не видали въ ихъ странѣ.

„Квавись-сакдары“ приурочивается еще къ однѣмъ развалинамъ между Ахалсопели и Шавшети въ Горійскомъ уѣздѣ (Тифлис. г.). Когда знаменитый князь Гиви-Амилахвари вернулся изъ Персіи, онъ, между прочимъ, задумалъ заняться хлѣбопашествомъ. Когда наступилъ день жатвы, князь по древнему обычаю, велѣлъ сдѣлать приговоренія, чтобы, отпраздновать этотъ день, какъ слѣдуетъ. Князь былъ среди рабочихъ, шутилъ и ободрялъ ихъ. Когда рабочіе проголодались, то поспѣшили къ княжескому обѣду. Недалеко дымился котель. Когда всѣ усѣлись, вдругъ откуда-то взялся воронъ, сталъ онъ кружиться надъ котломъ и, прежде чѣмъ князь успѣлъ выстрѣлить въ него, онъ тяжелымъ камнемъ ринулся прямо въ котель. Брань и проклятія раздались кругомъ. Озлобленный поваръ началъ выливать супъ и вмѣстѣ съ обвареннымъ ворономъ вывалилась изъ котла громадная змѣя. Ропотъ удивленія раздался кругомъ. Князь набожно перекрестился и призналъ въ воронѣ посланника небесной воли. „Да будетъ свято это мѣсто, и святая церковь да возвѣститъ о сегодняшнемъ чудѣ!“ И церковь, въ продолженіе многихъ вѣковъ, возвѣщала о немъ.

Преданіе о Шота-Руставели ¹⁾). Было дѣло въ Кизирѣ, въ большомъ замкѣ, на крутой горѣ подлѣ Кара-агачъ. Давала Тамара пиръ великій. Три недѣли гонцы сзывали гостей, три дня охотники били дичь, и три дня жарились быки и бараны. Когда гости собрались и попиروвали много, царица велѣла Шота-Руставели читать стихи, и басню одну, что перевелъ онъ, по ся велѣнію, съ персидскаго языка.

¹⁾ Кавказъ, 1853, 4. Руставели, знаменитый поэтъ XII в.

Шота-Руставели прочелъ сказку, много плакала царица и много плакали всѣ ея гости—такъ хороша была сказка. Тогда Тамара позволила сазандарю (поэту) просить у себя награды за то, что исполнилъ онъ ея волю,—перевелъ такую славную сказку. Попросилъ сазандарь руки Тамары. Радостны были гости, но испугались всѣ—когда закипѣла гнѣвомъ царица. Велѣла она ему выйти вонъ, взять лучшую лошадь ея и скакать изъ замка безъ оглядки. Долго толковали шопотомъ смущенные гости, но отпустила ихъ царица—и прекратился пиръ. Скакалъ Руставель день цѣлый и ночью прискакалъ въ Тифлисъ, гдѣ былъ его домъ. Но не радостная встрѣча ждала его. Тихо было въ домѣ, тихо онъ входитъ въ комнату жены—и засталъ у нея невольника, араба, котораго купилъ въ Константинополь, когда учился тамъ книжному дѣлу. Не понявъ Руставели наказанія Божьяго за то, что отъ живой жены просилъ онъ руку Тамары, да еще такой святой царицы!... созвалъ на другой день Руставели всѣхъ своихъ и жениныхъ родственниковъ и горожанъ. Ждали они угощенія большаго, усѣлись въ кружокъ, но ставятъ на супру (скатертъ) мертвую голову араба, и рассказываетъ имъ Руставели о невѣрности жены и говоритъ, что ему пѣвцу уже не приходится съ ней жить, что отдастъ онъ ее на судъ родственниковъ, а самъ пойдетъ въ земли далекия и никогда они о немъ не услышатъ.... На память же о себѣ оставилъ онъ книгу, что велѣла ему царица перевести съ персидскаго языка—и крѣпко просилъ онъ ихъ беречь эту книгу, передать внукамъ и сказать имъ, что былъ когда-то пѣвецъ, что любилъ онъ слагать стихи, любилъ свою царицу, — да не сподобилъ его Богъ умереть на родной сторонѣ.

Пастухъ, со словъ котораго записана легенда въ 1853 г., прибавилъ, что книга Шота Руставели и досихъ поръ есть въ Грузіи, что случилось ему разъ во дворцѣ Ираклія, проходя мимо дарбаза царевнѣ, остановиться у двери и слышать, какъ читали ее и учили на память царевны....

По другому преданію, внесенному въ повѣсть *Варцixe* ¹⁾, Шота-Руставели, влюбленный въ царицу Тамару, женится на какой-то Нинѣ и получаетъ отъ царицы приказанье перевести на груз. языкъ подарокъ шаха, предъ тѣмъ побѣжденнаго ей. Въ теченіе трехъ недѣль поэтъ исполняетъ блестяще порученіе Тамары, но отъ награды за трудъ отказывается. Черезъ недѣлю послѣ этого рыбаки нашли обез-

¹⁾ „Кавказъ“, 1846. Повѣсть Майсурова. Ср. мою замѣтку *Иверія*, 1892, 95.

главленный трупъ поэта, признаннаго женой. По третьему сказанію ¹⁾, Ш. Руставели царица подала за чудное твореніе кольцо, супругъ ея опоясалъ его мечомъ, а свита поднесла ему разныя драгоценности. Во время торжественнаго пира поэтъ былъ вызванъ неизвѣстнымъ юношей, который посоветовалъ поспѣшить къ женѣ. Руставели засталъ ее въ объятіяхъ араба Адула. Разгнѣванный онъ убиваетъ юношу, который оказывается первой брошенной имъ невѣстой. Опозоренный красивый и талантливый поэтъ, любимецъ царицы, постригся въ монахи, а араба убилъ братъ жены Шота, и голову убитаго повѣсилъ сестрѣ на шею.

Преданія о царицѣ Тамарѣ ²⁾. I. Говорятъ, что на одной изъ вершинъ—Кавказскаго хребта, на „Брут-сабдзели, находится дворецъ царицы Тамары, гдѣ она часто жила. Многіе пытались добраться до дворца, но никто не могъ, потому что имъ мѣшали нечистые духи, которые бросали камни въ пытавшихся пробраться туда. Одинъ священникъ съ крестомъ и молитвою достигаетъ вершины. Около дворца была построена церковь. Осмотрѣвъ дворецъ, священникъ входитъ въ церковь и приноситъ благодарственную молитву Богу. Удивляясь могуществу Тамары, дарованному ей Богомъ, онъ выходитъ изъ церкви и вдругъ у дверей слышитъ жалобный голосъ. Подойдя ближе, онъ видитъ серебряный шарикъ, висящій у дверей, и слышитъ, выходящій изъ него, голосъ, говорящій слѣдующее:— „Я была воспитательницею царицы Тамары. Разъ она поймала утреннюю звѣзду и посадила ее въ девять ящичковъ, вложенныхъ одинъ въ другой, отъ этой звѣзды зависѣла снѣгъ и хорошая погода. Послѣ этого переменна погоды зависѣли уже отъ Тамары. Такимъ образомъ, Тамара избавила свою страну отъ сильныхъ морозовъ, которые производила утренняя звѣзда. Она не показывала этой звѣзды мнѣ. Разъ, отправляясь осматривать свое царство, царица Тамара поручила ящикъ, въ которомъ находилась утренняя звѣзда, мнѣ и сказала, что, если я раскрою ящикъ, она жестоко накажетъ меня. Не совладѣвъ съ своимъ любопытствомъ, я раскрыла ящикъ и увидѣла, что въ немъ находится другой ящикъ,

¹⁾ Ш. Руставели и его супруга. *А. Пурцеладзе*, Тифлисъ, 1886.

²⁾ „Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“, вып. XIII, стр. 44—5. Царица Тамара, по мнѣнію народа, не умирала, она спитъ въ золотой колыбели, такъ какъ другіе еще не закончили своего царствованія. Но настанетъ время, и она проснется; когда народъ очень будетъ стѣсненъ то онъ расплачется, голосъ скорби дойдетъ до нея, она проникнется народной мольбой и снова овладѣетъ царствомъ“ Этн. Об. XVI, 189.

во второмъ—третій и т. д., такъ дошла я до девятого ящика; открываю его, и вдругъ изъ него вылетаетъ звѣзда. Сейчасъ же утренняя звѣзда посылаетъ на землю небывалый снѣгъ. Увидя это, я впала въ отчаяніе, такъ какъ знала, что ожидаетъ меня суровое наказаніе; но бѣдѣ не могла помочь. При видѣ снѣга Тамара огорчилась, зная, что это произошло отъ утренней звѣзды. Она догадалась, что я выпустила эту звѣзду, и немедленно отправилась домой. Много мученій перенесла она, чтобы добраться до своего дворца, такъ какъ ей мѣшалъ глубокой снѣгъ. Увидя меня, она съ гнѣвомъ спросила: почему ты не исполнила моего приказанія? Я начала просить прощенія, но Тамара прокляла меня, сказавъ: „да будешь ты проклята Богомъ! да обратишься ты въ духа на вѣчныя мученія! По произнесеніи этихъ словъ, я сейчасъ же обратилась въ духа и вотъ нахожусь въ вѣчной мукѣ, въ этомъ шарикѣ“.

Эта же легенда передается въ нѣсколько дополненномъ видѣ. Царица Тамара держала въ коробкѣ Сулгуми-создателя зимы и утреннюю зарю. Въ отсутствіе царицы, ея ключница, завѣдующая царскими драгоценностями, открыла коробку, откуда вылетѣлъ Сулгуми, понесся къ горамъ и основался у Казбека, въ ущельѣ Архотскомъ. Сулгуми сталъ на свободѣ расправлять крылья, прогналъ солнце, вызвалъ вѣтры, поднялъ тучи и наполнилъ все снѣгомъ. Тамара огорчилась, а утренняя звѣзда съ тѣхъ поръ свѣтитъ на небѣ, Сулгуми же правитъ состояніемъ погоды и круговращеніемъ временъ: весну удручаетъ лѣтомъ, лѣто вянетъ съ наступленіемъ осени, осень сковываетъ ледянымъ покровомъ и вынимаетъ у нея душу. Сулгуми по народному воззрѣнію, дѣйствительно существующее лицо. Охотникъ Цагала—кистинецъ встрѣтился съ нимъ, подружился и узналъ отъ него, гдѣ въ горахъ пролегаютъ дороги и угрожаютъ завалы ¹⁾.

¹⁾ *Иверія*, 1893, 228. Ср. *Миллеръ*, Осет. этюды, ч. III, 174—6. (М. 1887). Тамара была бездѣтной царицей. Она жила на горѣ Брутсабдзели. Отправляясь въ Имеретію, она велѣла служанкѣ никому не отдавать ключей. Но служанка не устояла, отворила двери и вылетѣла оттуда утренняя звѣзда и сѣла на небо. Послѣ этого небо заволокло и началъ валить снѣгъ. Увидѣвъ это, Тамара вернулась и достигла Опи, гдѣ снѣгъ перевалилъ ея коня выше лопатокъ. По этому и называется Опи (*Упи*). Въ Кудари (*жадари*,—мертвый), конь ея умеръ. Прибывъ отсюда въ Брутсабдзели, она стала бранить служанку.—Однажды изъ щели солнечный лучъ упалъ на Тамару, и она забеременѣла. Черезъ годъ родился мальчикъ, котораго, опасаясь срама, отнесли въ лѣсъ. Здѣсь лань давала мальчику сосать. Разъ охотникъ прицѣлился въ лань, но, видя подъ ней маль-

II. Въ Батумскомъ округѣ существуетъ цѣлый районъ, извѣстный подъ именемъ Мачахели, лежащій на юговостокѣ отъ мѣста слиянія рр. Аджарисъ-цхали и Чороха. Между рр. Аджарисъ-цхали и Мачахелись-цхали тянется отъ сѣвера къ югу до рѣки Чороха высокій Карлхальскій хребетъ. Въ началѣ и концѣ этого хребта видѣются древнія развалины, такъ-называемые замки Тамары. Развалины перваго замка лежатъ у начала хребта въ деревнѣ Ефратъ; развалины же втораго—въ Мачахелахъ (дер. Кведа-Чхутунети). Здѣсь преданіе, сохранившееся среди грузинъ-магометанъ, гласитъ, что царица Тамара очень часто проводила лѣтнее время въ Мачахельскомъ замкѣ.

Разъ царица, сидя на эстрадѣ Карлхальскаго замка, наслаждалась спокойствіемъ ночи и созерцала южное небо, усѣянное міриадами звѣздъ, ярко блиставшихъ надъ ея царственною головою. Вдругъ далеко на востокѣ, на высотѣ горы Ефрата, она увидѣла свѣтъ, подобный зажженной лампадѣ. Послѣ этого она каждую ночь аккуратно стала выходить на эстраду своего замка, и каждый разъ свѣтъ лампы съ горы Ефрата привлекалъ ея вниманіе.—Чтобы это такое могло быть?—спрашивала себя царица въ недоумѣніи. Вѣдь, на этомъ пунктѣ—мѣсто царской охоты, дремучій словый лѣсъ, полный стадами кабановъ и разной дичи!... Кромѣ ночныхъ духовъ—„каджи“, „ешмаки“ и другихъ привидѣній, боящихся свѣта, тамъ сроду никто ничего не видалъ?... Сгорая желаніемъ поскорѣе узнать, въ чемъ дѣло, царица снарядила гонцовъ къ вершинѣ горы Ефрата.

Къ утру посланные вернулись назадъ и доложили царицѣ, что они, кромѣ тьмы и всеобщаго заустѣнія, ничего на мѣстѣ не нашли. Тогда царица приняла чудное видѣніе свѣта съ вершины горы Ефрата за знаменіе свыше и приказала на мѣстѣ появленія свѣта воздвигнуть церковь съ замкомъ и окружить ихъ высокою каменною оградой. Кромѣ того, она повелѣла соединить потайнымъ ходомъ деревню Ефратъ съ Карлхальскимъ замкомъ. Для этого она приказала разставить воиновъ—каждаго на шагъ разстоянія другъ отъ друга, до д.

чина, не застрѣлялъ. Лань убѣжала, и мальчикъ принесъ охотникъ въ свое жилище и когда послѣдній выросъ, то сталъ пасти барашковъ. Разъ при возвращеніи домой, онъ увидѣлъ сороку, которая сказала, что къ нему придутъ 12 всадниковъ. Услышавъ мальчикъ передалъ эти слова охотнику, и тотъ далъ ему доспѣхи. Всадники взяли его въ Тифлисъ и тамъ сосватали ему дочь мелика.

¹⁾ Легенда эта записана въ деревняхъ Зеда-Чхутунети и Кведа-Чхутунети. См. „Новое Обзорѣніе“ № 2764. I. *Церетели*.

Ефрата, отстоявшей от Карчхали на 6 часовъ ѣзды. Эти войны передавали изъ рукъ въ руки матеріалъ, какъ-то: кирпичъ, камень, песокъ, известъ отъ Карчхали до Ефрата. Такимъ образомъ были сооружены крѣпость, храмъ, каменная ограда и потайной ходъ.

Въ этой мѣстности, у слиянія притоковъ р. Мачахелись-цхали, до сихъ поръ существуетъ древній съ каменнымъ пролетомъ мостъ, постройка котораго приписывается той-же царицѣ.

III. Вскорѣ послѣ того, по сказанію легенды, на царицу поднялся войною восточный владыка, въ досадѣ за отказъ руки царицы. Вотъ какъ легенда, записанная со словъ грузина-магометанина, жителя Зеда-Чхутунеты, Ходжа-Асанъ-эфенди, говоритъ:

„Жилъ былъ царь персидскій (а по другому варианту царь арабскій), государь могущественный, передъ которымъ склонялъ голову весь міръ. Его скипетру подчинялись всѣ народы земного шара; только царица Тамара не хотѣла признавать надъ собою ни его власти, ни выходить за него замужъ. Разгнѣвался владыка востока и собрался въ походъ противъ нея съ огромными полчищами. Царица Тамара въ это время стояла съ войскомъ въ карчхальскомъ замкѣ. Царь персидскій вступилъ въ предѣлы царства Тамары, осадивъ замокъ Карчхали. Долго стояло персидское войско вокругъ недоступнаго замка. Ни голодъ, ни ежедневныя битвы не могли поколебать мужество царицы. Но властитель Ирана, все-таки, не унывалъ. Онъ обложилъ замокъ такъ тѣсно, что сквозь ряды его войска не могла пролетѣть никакая птица. Могущественный царь захотѣлъ добиться терпѣніемъ и упорствомъ, чего не могъ достигнуть ни многочисленностью, ни храбростью своего полчища.

Разъ онъ призвалъ своего визиря и спросилъ объ осаждаемыхъ. Визирь отвѣтилъ, что у царицы вышла провизія и въ войскѣ страшная голодуха; даже у самой царицы не стало ея любимаго напитка. Какъ слышно, она довольствуется глотками воды изъ высохшаго царскаго родника.

Тогда персидскій царь, желая посмѣяться надъ царицею, послалъ ей въ замокъ бурдюкъ мургульскаго вина, со словами: „Царицѣ будетъ пріятно отвѣдать ея любимаго напитка, давно изыскаго для нея въ ея же государствѣ“. Въ отвѣтъ на это Тамара прислала живую шамаю, поручивъ сказать: „Царь давно не вѣдаетъ вкуса своего любимаго блюда. Не пробудить-ли видъ живой шамаи пріятное воспоминаніе объ его родицѣ и не пожелаетъ-ли царь вернуться поскорѣе къ выблкимъ волнамъ Гиркана“¹⁾.

¹⁾ Каспійское море.

Послѣ этого царь сильно приунылъ. Онъ заперся въ своемъ золотомъ шатрѣ и не хотѣлъ видѣть съ отчаянія никого. Въ одинъ день царскій любимецъ, негръ-конюхъ, дерзнулъ нарушить тишину въ царскомъ шатрѣ. Онъ предсталъ предъ грознымъ царемъ и выпросилъ позволеніе пробраться въ лагерь царицы и похитить у нея единственнаго сына. Царь далъ на это свое согласіе.

Негръ, явившись къ Тамарѣ, сталъ жаловаться на жестокость цари персидскаго и умолялъ принять его въ свое подданство. Царица отнеслась къ просьбѣ негра великодушно, взяла его чрезъ подземный ходъ въ Ефратскій замокъ и повелѣла ему смотрѣть за царскими конями.

Сынъ царицы полюбилъ бывшаго конюха персидскаго царя. Вслѣдъ за тѣмъ царевичъ сталъ часто выѣзжать на охоту, въ сопровожденіи своего любимаго негра.

Разъ царевичъ, будучи на охотѣ, заблудился въ дремучемъ лѣсу. Пользуясь этимъ, негръ вызвался показать дорогу и обходною тропою привелъ царевича въ лагерь персидскаго царя. Сынъ Тамары, такимъ образомъ, очутился въ плѣну у непріятеля, и Тамара лишилась единственнаго сына навсегда...

Не послужила-ли настоящая легенда матеріаломъ отцу исторіи, Геродоту, когда и онъ писалъ свою исторію о великомъ Кирѣ, плѣнившемъ единственнаго сына массагетской царицы *Томириси*. Само имя „Томириса“ очень напоминаетъ грузинскій родительный падежъ имени „Тамари“—Тамариса.

IV. Что многія изъ легендъ о Тамарѣ имѣютъ въ виду болѣе древній мифъ, чѣмъ историческую личность славной грузинской царицы Тамары, жившей въ XII вѣкѣ, — въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться.

Нижеслѣдующая легенда, записанная въ нижней Имеретіи, еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль. Начиная съ г. Кутаиса до Чернаго моря въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу въ долинѣ р. Ріона, чрезъ каждыя 6 или 10 верстъ разстоянія, появляется маленькое конусообразное земляное возвышеніе отъ 12 до 20 футовъ высоты. Назначеніе этихъ холмиковъ до сихъ поръ не выяснено. Археологъ Дм. З. Бакрадзе утверждалъ, что эти земляныя насыпи были сооружены съ древнѣйшихъ временъ, какъ указатели караваннаго пути на протяженіи всей длины Кавказскаго перешейка.

Но народъ прозвалъ эти насыпи характернымъ именемъ „Накошари“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „отъ сандалій“. Въ поясненіе этого имеретинская легенда гласитъ слѣдующее: „царица Тамара держала при себѣ женское войско, какъ пѣшее, такъ и

копное. Разъ ей объявилъ войну могущественный царь *Ерана* (Ирана). Тамара собрала съ горъ свое женское войско и направилась въ сторону моря встрѣтить непріятели. Было дождливое время года, и женщины-воины, по временамъ производя привалы, счищали съ своихъ высокихъ сандалій прилипшую къ нимъ грязь, мѣшавшую имъ ходить. Женское войско Тамары было столь многочисленно, что отъ грязи ихъ сандалій образовались цѣлые холмы, именуемые „Накошари“ (отъ сандалій) ¹⁾.

Настоящая легенда, какъ видно, ничего общаго не имѣетъ съ историческою личностью грузинской царицы, жившей въ XII вѣкѣ по Р. Х. Событіе, въ ней повѣствуемое, относится къ болѣе легендарной эпохѣ кавказскихъ амазонокъ

V. По одной легендѣ ²⁾ у Тамары была любимая птица карататка. Она отпустила птицу на свободу, но благодарное существо чрезъ годъ, вернувшись весною изъ Индіи, отыскало царицу, обласкало ее и, давъ три палочки, улетѣло въ неведомыя страны. Палочки эти обладали чудодѣйственной силой. Первая изъ нихъ, опущенная въ вино, обращало его въ мѣдъ, вторая—въ серебро, третья—въ золото. Разбогатѣла казна царица, расцвѣла Грузія: Тамара строитъ всюду церкви, крѣпости—башни, перекидываетъ мосты, проводитъ дороги. Пѣсня при этомъ передаетъ, что царица подняла голову до небесъ, Стамбуль и Дербендъ покорили своей власти, въ морѣ поставила свои межи, сушей овладѣла, пробила грозныя горы, провела широкія дороги, на высяхъ горъ и въ дремучихъ лѣсахъ построила церкви, прославила свою страну и оставила по себѣ великое имя. Народъ чудеснымъ обогащеніемъ Грузіи желаетъ объяснить источникъ средствъ, необходимыхъ для величественныхъ строеній, которыя приписываются царицѣ Тамары.

VI. Преданія рисуютъ Тамару великодушнаго и щедрою, и одна изъ легендъ рассказываетъ слѣдующее. Въ торжественный день, когда царица собиралась въ Гелатскій соборъ и прикрѣпляла драгоцѣнныя лалы къ царской повязкѣ, ей пришли сказать, что нищія просятъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла ей подождать, а когда вышла, то нищей уже не было. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой въ милостынѣ, сняла съ себя бв-

¹⁾ Такая же легенда о происхожденіи холма отъ грязи, прилипшихъ къ сандаліямъ войска Тамары, сохранилась въ Джавахетіи—холмъ указываютъ близъ г. Ахалкалаки.

²⁾ *Джеджили*, 1892, VI. Гаріела. *Ө. Разикашвили*.

шую виною ея замедленія повязку и надѣла на вѣнецъ Гелатской Богоматери.

VII. *Тамара и Каспій* ¹⁾. Ребенкомъ малымъ была она, великая изъ женщинъ, когда мать сказала ей въ одно утро:

— Дочь моя, мнѣ снился сонъ, и страшный, и радостный. Не жилецъ онъ на свѣтѣ, твой отецъ,—Господь зоветъ его въ небесную обитель. Онъ же готовитъ тебѣ участь, неслыханную для женщины. Я узрѣла его во мракѣ будущаго. На тронѣ Давида, вся въ блескѣ красоты и славы, въ ореолѣ безсмертія, сидѣла ты, вѣнчанная царица Грузіи... Золотая корона, въ алмазахъ и сапфирахъ, украшала твои кудри, царская мантия облекала легкій станъ, драгоцѣнный скипетръ—символь могущества—сверкалъ въ твоей десницѣ. Тебѣ предстоитъ тронъ,—будь же достойна его! Покровомъ крѣпкимъ стань для немощныхъ, защитою сильною для слабыхъ, источникомъ богатства немущимъ. Побѣждай сердца кротостью, умъ—мудростью, взоръ—красотою, рази мечомъ строптивыхъ и властвуй, дивная, отъ края и до края...

Исполнился сонъ матери: смежилъ очи отецъ Тамары, вступила она на прародительскій престолъ. Лучомъ кроткимъ озарила она Грузію, тучею грозною надвинулась на востокъ, гнѣвомъ божіимъ разразилась надъ невѣрными.

Она повелѣла, и все стало по ея велѣнію.

Бурною силою помчались войны, вихремъ могучимъ пронеслись они по полямъ сраженій. И въ знойныхъ степяхъ, и на горныхъ высяхъ развернулись знамена Тамары,—и въ знойныхъ степяхъ, и на горныхъ высяхъ загремѣли ея „спасалары“. При шумѣ битвъ, въ вихрѣ сраженій рушились во прахъ царства и троны, и грозный полумѣсяцъ смиренно склонился предъ крестомъ. Пали персы, вострепетали сельджуки, сложили оружіе непокорные горцы. Отъ вратъ Дербента до Трапизунда, отъ вершинъ Кавказа до Дамаска—все пало ницъ предъ всеильной. Востокъ раскрылъ свои сокровища, западъ воспѣлъ ея славу, сѣверъ и югъ дивились ея мощи. Города слали ей богатства, села—божій даръ, Гробъ Господень—свое благословеніе. И не было

¹⁾ Легенда эта, вмѣстѣ съ другою, аналогичною-же легендою объ Александрѣ Македонскомъ, сообщена грузинской газетѣ „Иверія“ г. М. Джанашивили (см. „Иверію“ за 1890 г., № 119). Она записана имъ въ Закавказскомъ краѣ. Эта же легенда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, напечатана въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа“ в. X и прислана изъ Мингреліи. Ср. „Нов. Обзор.“ № 2508. *Ил. Хонели*.

твари, которая не благословляла бы имя Тамары, не было строптивца, который не страшился бы ее силы. Горы слушались ее воли, земля жаждала ее прикосновения, небо добивалось ее улыбки.

Не смирялся, не покорствовал, не унимался лишь Каспій. Бурно взметнулся онъ зелеными волнами, грозно одѣлся сѣрою мглою, мощно рванулся изъ глубокаго ложа.

Что мнѣ великая,—сказалъ онъ, дерзкій,—что мнѣ Тамара, царица царей!.. Пусть грозны ее силы,—онѣ не грознѣе моихъ волнъ, пусть страшны ее войны, они не страшнѣе моихъ буруновъ. Гибелью скорою грозятъ они врагамъ, щитомъ надежнымъ служатъ власти моей. Не удивить меня силою, не поразить богатствами! Драгоценны богатства царицы, но имъ не сравняться съ моими. Много самоцвѣтныхъ камней на днѣ Каспія, много разныхъ богатствъ по шире его водъ. И сколько ихъ, данниковъ, плющихъ ему воды, мчащихъ товары и съ сѣвера, и съ юга! О, вѣтъ, куда же тягаться со мною царицѣ Грузіи, гдѣ-жъ ей сравняться со старымъ Каспиемъ! Не данникъ я Тамары, не буду имъ вовѣкъ, и останусь, какъ былъ, свободною стихіею...

И достигли эти рѣчи до слуха царицы, до трона красоты державы могучей.

Тихо повернула она голову къ морю-кромольнику, къ морю-безумцу, и темная складка легла между бровей. И помчались войны наказать строптивца, понеслись „спасалары“ образумить безумца. Стономъ застонала побережь Каспія, воплемъ завопили лѣса ее и степи. Все, что было на пути, до самаго Гургана,—все легло подъ сталью, полегѣло въ Каспій... Всколыхнулась подъ нимъ и мать сыра земля. Потоками бурными, мстя за гнѣвъ царицы, выбросила она въ море нефть—то масло черное. Загремѣлъ громъ съ неба, засверкала молнія, и запылалъ Каспій отъ края и до края.

Долго метался онъ въ огненномъ ложѣ, долго умолялъ о пощадѣ царицу. Обѣщалъ онъ ей и богатства свои, и смиреніе полное, и вѣрность данника. Царица смиловалась и сняла наказаніе. И вотъ съ тѣхъ поръ, и въ бурю, и въ тишь, благословляетъ онъ память великой царицы.

VIII. Преданіе о царицѣ Тамарѣ, записанное въ сел. Белоканы Закатальскаго округа любопытно по перенесенію на Тамару сказочнаго мотива о посѣщеніи переодѣтымъ царемъ красавицы-царицы, мотива, известнаго уже изъ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ. При полномъ отсутствіи хронологическихъ свѣдѣній, свойственнымъ народнымъ преданіямъ, современникомъ Тамары (XII в.) является

персидскій шахъ Аббасъ, жившій въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. Последній, переодѣвшись помощникомъ лудильщика, проникаетъ въ его замокъ и бросаетъ на царицу страстный взоръ. Тамара, какъ женщина проницательная, догадалась, что передъ нею не простой человекъ, и дѣйствительно, на второй день по уходѣ лудильщика, ей донесли, что вмѣстѣ съ другими къ ней являлся шахъ Аббасъ! Въ началѣ слѣдующаго года персидскій шахъ собралъ обромное войско и двинулся на крѣпость Тамары, въ надеждѣ овладѣть царицей. Персы одолѣли войско Тамары, но гордая красавица, чтобы живою не попасть въ руки шаха Аббаса, рѣшилась лучше погубить себя: она поднялась на куполъ церкви и бросилась внизъ. Такъ, народная фантазія, олицетворивъ отношенія Грузіи къ Персіи въ образахъ Тамары, внесла въ эти отношенія романтическую черту о нераздѣляемой любви. Преданіе о сватовствѣ Аббаса, быть можетъ, представляетъ искаженный отголосокъ дѣйствительнаго событія. Въ 1596 г. Аббасъ прислалъ къ грузинскому царю Александру посла Бирибея, чтобы просить себя въ жены дочь Александра. Подъ угрозой войны царь вынужденъ былъ вмѣсто дочери, просватанной уже за кн. Дадіани, послать шаху свою племянницу ¹⁾. По другой легендѣ царица узнала переодѣтаго Аббаса по его изящной манерѣ ѣсть пилавъ.

IX. По легендѣ, сохранившейся у свановъ, любимой резиденціей Тамаріей была Сванетія. Страна при ней процвѣтала, вмѣсто арака привозилось вино, нравственность стояла высоко, никакихъ преступленій не совершалось. Построеніе нѣсколькихъ церквей и ихъ украшеніе приписывается этой же царицѣ. По вызову Тамары каждый воинъ при построеніи несъ по одному камню, по кувшину песку и извести. Ушкульцы въ своемъ участкѣ указываютъ могилу Тамары, оспариваемую другими монастырями—Вардзіа, Гелати, Рача. Въ развалинахъ дворца на небольшой горѣ ищутъ сваны слѣды жилища царицы Тамары. Гора окружена башнями и занимаетъ важный стратегическій и поэтический пунктъ. Съ нея открывается видъ на ледники съ одной стороны, а съ другой на дѣвственный лѣсъ. Будучи увѣрены, что Тамара погребена подъ алтаремъ Ушкульской Богородичной церкви, сваны скрываютъ ее нетлѣнное тѣло, такъ какъ боятся, что унесутъ ее, а съ нею вмѣстѣ покинетъ счастье Сванетію. Царь-обладатель тѣломъ Тамары будетъ первымъ счастливецомъ въ мірѣ. У нихъ даже сохранились сорочка изъ канаоза и бархатная шубка въ сундукѣ, ко-

¹⁾ *Блюкурровъ*. Сношенія Россіи съ Кавказомъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Р.“, кн. 146. М. 1889, стр. 310.

торыя считаются принадлежностью Тамары. Объ этой царицѣ поется хоровадная пѣсня. Пришла царица Тамара, на головѣ у нея шлемъ, въ ухахъ серьги, глаза яхонтовые, зубы жемчужные, лицо ея съ блестящимъ золотомъ, на шеѣ яшмы, одѣта въ кольчугу, подъ ней атласъ, закована въ латы, сидитъ на конѣ песочнаго цвѣта, съ золотымъ сѣдломъ, и золотой уздой ¹⁾.

Легенда объ Александрѣ Македонскомъ ¹⁾. Великій царь Македонскій покорилъ всю сушу. Востокъ, западъ, сѣверъ и югъ сдѣлались его данниками; все пало предъ нимъ, все покорилось его власти. Оставалось непокореннымъ лишь одно Черное море: гордо отвергло оно предложеніе героя, грозно взбушевалось волнами...

Македонецъ воспылялъ гнѣвомъ. Немедленно собралъ онъ войска и приказалъ имъ закидать море сѣномъ, наполнить его нефтью, зажечь его огнемъ отъ края до края. Приказаніе исполнено. Черное море превратилось въ безбрежный костеръ и запылало на всемъ своемъ просторѣ.

Ужасно было положеніе понта, но еще ужаснѣе—прибрежныхъ жителей. Послали они пословъ къ гнѣвному владыкѣ съ просьбою пощадить ихъ, смиловаться надъ моремъ...

Александръ согласился. Онъ пощадить и море, и жителей, но требуетъ дани. Что могутъ дать послы, взамѣнъ жизни пославшихъ, за свободу моря?

Изъ группы пословъ выступилъ карликъ и повелъ такую рѣчь:

— Ты требуешь дани,—вотъ наша дань! Съ этими словами онъ положилъ предъ царемъ три пшеничныхъ зерна: съѣсть первое зерно—быть вѣчно юнымъ, проглотить второе—быть мудрымъ изъ мудрыхъ, отвѣдать третье—знать часъ смерти своей и лѣкарства отъ всѣхъ болѣзней.

Александръ удовольствовался: онъ принялъ дань. Понтъ Эвксинскій спасся отъ огня, прибрежные жители вздохнули свободнѣе.

Прошло много лѣтъ. Царь состарился, силы его приходили къ концу. И вотъ сидѣлъ онъ разъ задумавшись и вспомнилъ о зернахъ. Что если въ нихъ та сила, какъ говорилъ посолъ, что если они ода-

¹⁾ *Дрозба*, 1885, 103. Воспоминаніе о царицѣ Тамарѣ. *Вольный сванъ*.

¹⁾ Легенда эта, аналогичная съ легендой „Тамара и Каспій“, напечатанною въ № 2508 „Нов. Обзор.“, записана въ Закавказскомъ краѣ М. Джанашивили. 119 № газеты „Иверія“ за 1890 годъ. Ср. „Сбор. матер. для оп. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. X. См. *Истрия*, Александрія рус. хронографовъ. М. 1893.

вать его земными благами? И почему не попробовать, не попытать счастья, не вкусить милости отъ даровъ Чернаго?

И созвалъ онъ гостей, и приказалъ хлѣбопеку изъ тѣхъ зеренъ трехъ спечь три хлѣба маленькихъ. Царь думалъ потѣшить вельможъ, показать имъ чудо: на глазахъ всѣхъ стать полнымъ юности...

Наѣлись гости, напились до-пьяна. Принесли царю три чудесныхъ хлѣба. Съѣлъ онъ одинъ—не ощутилъ юности, съѣлъ другой—не сталъ мудрымъ изъ мудрыхъ, съѣлъ третій—не узналъ лѣкарства, не извѣдалъ часа кончины своей.

Пригорюнился царь, опечалился... Покачалъ онъ головою, покачалъ и молвилъ: „Обмануло меня море Черное, перехитрило вѣроломное“...

И повелѣлъ онъ призвать хлѣбопека.

— Ты скажи мнѣ, рабъ,—грозно молвилъ царь,—изъ тѣхъ ли зеренъ чудныхъ выпекъ ты мнѣ хлѣбъ? Не случилось ли бѣды, нѣтъ ли фальши какой?

И упалъ хлѣбопекъ, повинившись во всемъ...

— Я выпекъ хлѣбы изъ тѣхъ зеренъ трехъ,—сказалъ онъ,—но они вывалялись въ золѣ и стали негодны для царской трапезы. Тогда отдалъ я ихъ бѣдняку-нищему и спекъ новыя хлѣбы изъ другой муки для царя царей.

Опечалился царь и повелѣлъ созвать нищихъ со всѣхъ концовъ земли. Собрались нищія, стеклись бѣдняки, и сталъ искать хлѣбопекъ, кто межъ ними счастливецъ? Долго искалъ онъ сго, долго смотрѣлъ въ лицо всѣмъ, но не нашель того, кто взялъ хлѣбы царскіе.

И спросилъ царь нищихъ: „Всѣ ли вы здѣсь, не осталось ли кого, нѣтъ ослушника-ль межъ вами?“

Отвѣчали нищія:

— Нѣтъ межъ нами одного, нѣтъ старика-нищаго, нѣтъ счастливица, чуднаго между всѣми смертными. Приключилось съ нимъ чудо: изъ нищаго онъ сталъ богачемъ великимъ. Былъ онъ старъ и хворъ—сталъ молодъ, силенъ, былъ онъ глупъ и недалеко—сталъ мудрѣе мудраго и лѣчить онъ всѣхъ отъ всякихъ болѣзней.

Царь послалъ за нимъ, пригласилъ мудреца и сдѣлалъ его врачомъ своимъ домашнимъ. И спросилъ его разъ: „Ты скажи мнѣ, врачъ, когда день кончины, часъ смерти моей?“

Отвѣчалъ ему врачъ: „Этотъ день тотъ самый, когда небо мѣдное сводомъ будетъ мѣднымъ надъ землею мѣдною“...

Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ. Хворый, изможденный, лежалъ царь у себя во палатахъ мѣдныхъ, на своей постели мѣдной. И чудится ему, что небо надъ нимъ — тотъ потолокъ мѣдный, земля подъ нимъ — полъ тотъ мѣдный, и понялъ, державный, что настала часъ смерти... Опустилъ онъ главу, закрылъ онъ вѣжды, и не стало вождя, надъ вождями вождя, полубога земного.

Въ Кахетіи ¹⁾ недалеко отъ Уджарма (древній городъ) о царь Вахтангъ Горгасланъ (V в.) сохранилось преданіе, что онъ жилъ на вершинѣ одной горы, гдѣ и нынѣ видны развалины его дворца. Отсюда онъ правилъ царствомъ. Сила и слава Вахтанга распространились далеко, притомъ Самъ Богъ полюбилъ его и давалъ ему слышать звонъ небесныхъ колоколовъ, какъ передается въ одной пѣснѣ. Онъ построилъ много церквей и заложилъ Тифлисъ. Но въ семейной жизни былъ несчастливъ. Вступивъ на престолъ 14 лѣтъ, онъ вскорѣ столкнулся съ однимъ царемъ на войнѣ, вышелъ на единоборство съ нимъ и хитростью убилъ своего противника: Вахтангъ замѣтилъ врагу, что послѣдній идетъ на него цѣлымъ вспомогательнымъ полчищемъ, тотъ обернулся, и грузинскій царь, воспользовавшись моментомъ, пустилъ стрѣлу прямо въ шею.

Отправляясь въ походъ въ Индію, жену свою оставилъ въ крѣпости близъ Уджармы. У подошвы ея жилъ пахарь Джавахъ. Невѣрная царица соблазнила его и онъ высѣкъ ночью въ скалѣ небольшую, сохранившіяся понинѣ, углубленія, по которымъ онъ взобрался на вершину. Въ первую же ночь засталъ его во дворцѣ возвратившійся изъ Индіи царь. „Днемъ я пахалъ землю, ночью разрушалъ скалу, въ полночь встрѣтился съ низкорослымъ и солнцеподобнымъ, оставилъ я совѣсть, да поможетъ Господь моему убійцѣ“, сказалъ пахарь пѣсню царю. Но послѣдній не убилъ его, выселивъ его въ Джавехетію, куда пахарь перенесъ изобиліе урожая Кахетіи и Карталиніи. Царь потомъ просилъ его вернуться, но тотъ, отказавшись отъ этого предложенія, прислалъ нѣсколько колосевъ, которыми обсыпали Карталинію и Кахетію, гдѣ возродился прежній урожай.

Жена, оставленная добрымъ царемъ безъ наказанія, измѣнила ему еще разъ, когда осадили невѣрные Уджарму. Вахтангъ неустайно боролся съ врагами, а жена вошла въ сношенія съ царемъ послѣднихъ и обѣщала дать ему убить своего мужа, если онъ женится на ней. Она дала коню Вахтанга много соли и на другой день на рѣкѣ

Горѣ конь сталъ долго пить воду, а когда царь нагнулся, чтобы поднять узду коня, то врагъ пустилъ стрѣлу и смертельно ранилъ Вахтанга. А врагъ, не довѣряясь грузинской царицѣ, велѣлъ ее привязать къ конскому хвосту. — О походѣ Горгаслана въ Индію говорить и лѣтопись.

Доглаури ¹⁾. Это было въ XVII-мъ вѣкѣ. Царь Грузіи Ростомъ пировалъ въ Мцхетѣ. Воспитанный въ нѣгѣ тегеранской жизни, на рукахъ гаремныхъ красавицъ, царь не любилъ государственныхъ заботъ и предпочиталъ имъ шумъ веселья. Въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, онъ былъ въ зенитѣ счастья. Охота удалась, и чадъ рѣчей придворныхъ льстецовъ вскружилъ ему голову. Его называли великимъ, славнымъ, „подобнымъ Таріэлю и Рустему“. Груды турачей и фазановъ, царственный олень, нѣсколько штукъ горныхъ барановъ и много всякой дичи, — все это приводило въ восторгъ и царя, и его свиту. Последняя ликовала вдвойнѣ. Ростомъ не всегда былъ такъ доступенъ. По происхожденію грузинъ, по воспитанію персіанинъ, онъ часто напоминалъ собою восточнаго деспота. Царскій гнѣвъ при дворѣ былъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ царская милость. Нынѣ на всѣхъ лицахъ сіяла радость, и даже самъ „эзосъ-модзгвари“ — престарѣлый правитель царскаго дома — не казался столь суровымъ. Оставивъ царя въ кругу его придворныхъ, старый царедворецъ весь предался заботамъ о царскомъ столѣ. Царскій шатеръ, раскинутый подъ открытымъ небомъ среди пахучей зелени, огласился звуками „тара“ и пѣніемъ персидскихъ „баяти“.

Слуги, стоявшіе за спинами обѣдавшихъ, не успѣвали наполнять азарпеші (чаши), и начальники ихъ — „местумреть-ухуцеси“ — принужденъ былъ подбадривать ихъ и пинками, и внушеніями. Царь и свита, отуманенные винными парами, возлежали запросто, какъ равный съ равными. Разговоръ давно принялъ интимный характеръ. Говорили объ охотѣ, о военныхъ подвигахъ, о побѣдахъ надъ прекраснымъ поломъ... Молодежь смѣялась надъ мужьями, — царь хохоталъ громче всѣхъ. О, онъ знаетъ ихъ, этихъ прелестницъ, и давно уже пересталъ вѣрить въ ихъ цѣломудріе. Одержать надъ ними побѣду легче, чѣмъ осушить азарпешу.

Всѣ смѣялись, соглашались, дивились успѣхамъ царя.. Не смѣялся одинъ молодой эджиби. Гордо прислонившись къ дереву, камергеръ не принималъ участія въ весельѣ. При послѣднихъ словахъ Ростомъ онъ улыбнулся съ видомъ чловѣка, который слышитъ неправду. Царь нахмурился.

¹⁾ *Дрозба*, 1885, 25. Горгасланъ въ груз. лѣтописи окруженъ роємъ побѣдоносныхъ войнъ и легендъ.

¹⁾ *Новое Обозрѣніе*, 2419. *Ил. Хонем*.

— Что это, нашъ эджиби изволить усмѣхаться?—спросилъ онъ съ отѣпкомъ неудовольствія.—Или онъ не вѣритъ нашимъ словамъ, или принимаетъ ихъ за хвастовство?

— Мнѣ ли, рабу, смѣяться надъ государемъ!—отвѣтилъ тотъ. Я только думаю, что ваше величество не знали настоящихъ женщинъ. Есть красавицы, которыхъ не прельстятъ ни санъ, ни красота, ни богатства міра.

— Ложь!—отвѣтилъ царь, вспыхнувъ. Если нѣтъ,—укажи такую!

— Извольте, государь! Это—молодая жена нашего „спасалари“ Догладзе...

Какъ громомъ поразила всѣхъ выходка „эджиби“: никогда врагъ не могъ улучшить болѣе благоприятной минуты, чтобы поразить врага. Догладзе былъ гордъ и болѣе чѣмъ нелюбимъ придворными,—зачѣмъ же жалѣть его! Нужно поддержать „эджиби“, довести дѣло до конца.

— Это вѣрно, — сказали они. Жена Догладзе — одна изъ женщинъ, предъ которой безсильны всѣ старанія даже сильнѣйшаго изъ мужчинъ. Это олицетвореніе долга, супружеской вѣрности.

Царь задумался. Разгоряченный виномъ, а еще болѣе споромъ, онъ готовъ былъ на сумасбродство.

— Да это такъ — сказала „мандатуртъ-ухудеси“. И пусть тотъ, кто не вѣритъ „эджиби“, докажетъ противное. Я готовъ держать пари на что угодно.

— О, если такъ,—сказалъ царь,—я готовъ. Сѣдлать коней и готовиться въ путь!

Черезъ часъ и царь, и свита выѣхали изъ Мцхета по направленію къ дому „спасалари“.

Въ то время въ Карталиніи не было человѣка сильнѣе Догладзе. Послѣ царя онъ былъ первымъ, и даже превосходилъ его вліяніемъ на народъ. Владѣнія его обнимали почти всю среднюю Карталинію, отъ теперешняго Михайлова до Карели (горійск. у. тифлис. г.). Мѣстность эта поэтому и теперь слыветъ у крестьянъ подъ именемъ „Доглаури“. Но Догладзе былъ силенъ не богатствомъ, а традиціями своей фамиліи. Ни одинъ изъ его предковъ не умиралъ въ постели,—всѣ они вляли голову на поляхъ битвы. Тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ послѣднимъ представителемъ славнаго рода. вмѣстѣ съ другими доблестями онъ выдавался еще одною чертою, присущею его фамиліи: онъ не любилъ придворной жизни. За нелюбовь ему платили тѣмъ же и обвиняли въ гордости. Царь махнулъ рукою и забылъ про него. Догладзе былъ радъ этому и весь отдался семейной жизни. Жена его — изъ бѣдной дворянской фамиліи — была его кумиромъ. Красавица, какихъ мало,

умная, любящая, она принесла мужу въ даръ всѣ прелести семейнаго счастья.

И вдругъ, въ этотъ мирный уголокъ гонецъ съ извѣстіемъ, что „ѣдетъ царь Ростомъ“! Догладзе былъ изумленъ, но казался спокойнымъ. Мало-ли дѣлѣ, не терпящихъ отлагательствъ! Да и помимо этого развѣ царь не вправѣ пріѣхать къ нему, развѣ каждый домъ не его домъ. Это честь для него, высшая милость, какая могла быть оказана царемъ...

Она всею чуткостью своей души возмущалась этимъ пріездомъ. Царь ѣдетъ къ намъ? Но для чего?

И вся подъ вліяніемъ тревожныхъ предчувствій она повѣдала мужу свое горе.

— Не знаю, почему, но я боюсь царя, боюсь бѣды. Скажи царю, что я больна, въ постели, и прими его, какъ подобаешь его сану.

Догладзе слушалъ жену съ улыбкою... Изъ-за бабьихъ капризовъ онъ не оскорбитъ никого,—тѣмъ болѣе царя Грузіи. Прочъ-же слезы, открытъ „квеври“ (кувшины), призвать музыкантовъ для встрѣчи царя.

Шумъ царскаго посѣщенія огласилъ домъ Догладзе. Ростомъ былъ веселъ и любезенъ, какъ никогда. Онъ мило шутилъ надъ „нелюдимомъ“, позабывшимъ Тифлисъ, выговаривалъ за жену, которую держать въ неволѣ Догладзе былъ счастливъ отъ царскихъ милостей. Ему, такъ предубѣжденному противъ двора, царь показался инымъ. Онъ не замѣчалъ двусмысленныхъ улыбокъ свиты.

Но все-же, гдѣ причина, отчего такое счастье его опальному дому?

За обѣдомъ все стало ясно. Царь приказалъ налить себѣ азарпешу и, поднявъ ее высоко, сказалъ:

— Шахъ-инъ-шахъ требуетъ отъ насъ помощи противъ бухарцевъ. Кого-же послать туда, какъ не храбраго Зураба? Пью за здоровье его, моего вѣрнаго слуги, за славнаго „спасалари“.

Царь выпилъ. Свита послѣдовала его примѣру. Затѣмъ было выпито за здоровье хозяйки, которой предстояла разлука съ мужемъ. Царь утѣшалъ ее, ссылаясь на обязанности службы.

Обѣдъ продолжался долго. Наконецъ, царь, распростившись съ хозяевами, уѣхалъ на охоту. На другой же день и Догладзе отправился въ Тифлисъ готовиться въ походъ.

Прошло нѣсколько дней. Молодая жена „спасалари“, думая, что мужъ ея въ походѣ, старалась, какъ-нибудь заглушить свое горе.

И вдругъ!..

Въ одинъ вечеръ съ балкона своего дома она видитъ кавалькаду. Черезъ нѣсколько минутъ, и царь, и его свита были у крыльца и слѣзали съ коней. Ростомъ объяснилъ въ чемъ дѣло. Увлечшись охотою, они вотъ уже сколько времени блуждаютъ по горамъ. Возвращаясь въ городъ они завернули къ ней.

Это была новая милость, новое отличіе для дома Догладзе. И радужная хозяйка и ея слуги превзошли себя.

Межъ тѣмъ ужипъ превращался въ оргію. Вспомнили и о мцетскомъ разговорѣ. Царь вызвался исполнить обѣщаніе.

Было за полночь, когда жена Догладзе услышала стукъ въ двери. Царь хотѣлъ повидаться съ нею, у него есть неотложное дѣло... Хозяйка вышла и, черезъ минуту, очутилась лицомъ къ лицу съ нимъ въ отдѣльной комнатѣ.

Она поняла и, блѣдная, обезсиленная, опустила предъ нимъ на колѣни.

— Царь, умоляю всѣмъ, что есть...

Ростомъ нетерпѣливо махнула рукою.

— Если согласна—никто не узнаетъ объ этомъ; а нѣтъ—тебя принудятъ силою...

— По крайней мѣрѣ, пощади мою стыдливость. Я приду къ тебѣ, но тайкомъ, чтобъ не узнала о томъ ни одна душа живая.

Царь вышелъ къ пирующимъ, она направилась въ свою комнату. Тамъ, въ углу, у иконы Божіей Матери, сидѣла молодая дѣвушка. То была молочная сестра жены Догладзе, воспитанница ея матери. И обхвативъ подругу, молодая женщина, стала умолять ее о чемъ то... Та слушала въ ужасѣ и, въ свою очередь разразилась рыданіями.

Черезъ часъ, когда въ домѣ все спало, стройная фигура, закутанная въ чадру, дрожа и озираясь, проскользнула въ царскую опочивальню.

Весело возвращались царь и его свита въ Тифлисъ.

— Эй, эджибъ,—вскричалъ онъ, обращаясь къ камергеру,—будешь еще вѣрять въ женскую добродѣтель?..

— Больше, чѣмъ когда нибудь,—отвѣтилъ тотъ. Жена Догладзе еще разъ доказала, на что способна женщина.

Царь посмотрѣлъ на него удивленно.

— Ужели не знаетъ государь,—продолжалъ тотъ, улыбаясь, что она была не она, и молодая серна заступила мѣсто лани?

Ростомъ остановился, какъ вскопанный. Краска стыда бросилась ему въ лицо.

И, повернувъ коня, царь помчался къ Догладзе.

Бѣшеннымъ вопремъ ворвался онъ въ домъ, въ которомъ пировалъ день тому назадъ.

— Гдѣ она, гдѣ преступница?

И когда царь, забываясь все болѣе, началъ поносить ее предъ свитою, ее поразило шумъ на дворѣ. Она бросила туда взгляды и обомлѣла. Въ дверяхъ стояла могучая фигура Зураба... „Спасалари“ еще не выѣхалъ и неожиданно вернулся домой.

И царь, и свита окаменѣли отъ ужаса.

— Зурабъ, мой милый Зурабъ, спаси свою жену! — вырвалось у нея.

Догладзе понялъ. Блѣднѣе смерти, онъ схватился за пашку, и дамасская сталь вылетѣла изъ ноженъ. Еще мигъ, и царская кровь обагрила бы домъ вѣрнѣйшаго изъ его слугъ. Но свита предупредила „спасалари“. Кинжалъ эджиби проникъ ему въ спину, и удары шапекъ посыпались, какъ градъ...

Когда кончилось все, и послѣдній изъ Догладзе палъ бездыханнымъ, предъ смущенными его убійцами выступила виновница несчастія.

— Будь ты проклятъ, будь проклята страна, воспитавшая тебя, мать, родившаго такого урода! Гляди же сюда, какъ жена Догладзе боится тебя, какъ бѣжитъ отъ смерти.

И съ этими словами, выхвативъ кинжалъ, она закололась надъ трупомъ мужа.

Возвратившись въ Тифлисъ, царь заперся у себя дома. Судьба семейства Догладзе поразила его, какъ громъ. Онъ не хотѣлъ принимать никого, ни друзей ни придворныхъ. Самъ престарѣлый католикосъ съ трудомъ могъ проникнуть къ страдальцу и успокоить его душу. Для спасенья послѣдней, по совѣту святаго отца, все имѣніе Догладзе было передано церквамъ и монастырямъ. Сел. Дирби и до сихъ поръ принадлежитъ Гробу Господню...

При нашествіи шаха Аббаса на Грузію создалась легенда ¹⁾ народомъ, въ которой персидскій властелинъ рисуется не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ. Къ завладѣвшему всей Кахетіей и большею частью Карталинніи шахъ Аббасу однажды явился стройный, „какъ тополь на берегу Куры“ посоль отъ грузинскаго царя съ корзиной свѣжихъ плодовъ. Шахъ похвалилъ подарокъ, съѣлъ самое большое яблоко,

¹⁾ *Иверія*, 1887, 93. Ср. *Потто*. Кавказская война, т. I, 240 — 246. (Спб. 1887).

зарыл его сѣмена копьемъ въ землю и, обратившись къ карталинскому таваду (князю), сказалъ: „клянися царь и донеси, что пока изъ этихъ сѣмянъ не выростетъ садъ, и я не вкушу плодовъ отъ него, до тѣхъ поръ не выйду изъ вашей земли, гдѣ мнѣ спится лучше, чѣмъ дома“. Тавадъ этотъ былъ Шіо (фамилія неизвѣстна), который предъ тѣмъ сочетался съ прекрасной Хорешаной. Пораженный униженіемъ своего царя и родины, онъ съ рѣшимостью по дорогѣ думалъ: „пожертвую моей милой, ненаглядной Хорешаной—отчизна дороже жены“!...

Шахъ Аббастъ отдалъ чудовищный приказъ—съ каждою новою луною набирать 50 красавицъ и приводить въ персидскій лагерь. Шахъ самъ раздавалъ ихъ своимъ воеводамъ. Но былъ одинъ ханъ, по имени Алла Верды, который не довольствовался, „дарами брата луны“, и самъ собиралъ такую дань. Каждый день, выѣзжая на охоту изъ стана около г. Телава, вечеромъ наслаждался новой данью въ образѣ красивой грузинки.

Между тѣмъ остатки грузинскаго войска близъ Мцхета сошлись подъ царскою хоругвью, обнимались и клялись надъ хитомъ Господнимъ умирать другъ за друга. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда тавадъ Шіо прискакалъ къ Хорешанѣ и сказалъ ей: „спаси отечество!—Слабой ли женщинѣ его спасти, когда храбрѣйшіе тавады бездѣйствуютъ?! — „Гдѣ какъ сестры обнялись и слились на вѣчный союзъ Кура и Арагва, тамъ соединились разрозненные силы Иверіи. Последнія эти силы—не болѣе, какъ горсть, а кизильбашей (персовъ) несмѣтное число. Намъ остается честно умереть, но наша смерть не спасетъ отчизны. Но гдѣ храбрѣйшіе люди безсильны, тамъ женщина можетъ все... безмѣрнымъ величіемъ любящаго сердца. Пожертвуй собой!.. Отдай свою любовь отъ вечерней звѣзды до утренней хану Алла Верды“. Хорешана помертвѣла а благородный карталинецъ говорилъ долго, и дивны были его рѣчи, какихъ не слыхалъ еще міръ. Хорешана постигла величіе жертвы, нашла въ неизмѣримой глубинѣ своего любящаго сердца невѣдомую силу—и рѣшилась. Она пришла въ персидскій станъ, трепещущая и смущенная. Смущеніе только увеличило ея красоту, и ханъ Алла-Верды клялся бородою пророка, что никогда еще не видывалъ подобной красавицы. Наступила мрачная ночь. Гроза разразилась въ горахъ, дождь заливалъ долины, буря срывала шатры въ татарскомъ станѣ. Подъ шелковымъ наметомъ хана шелъ споръ ожесточенный. Алла-Верды не соглашался на цѣну, которой требовала грузинка. Онъ предлагалъ ей всѣ свои сокровища, все, кромѣ измѣны шаху. Хорешана отвергала все и требовала только измѣны. Не разъ могучій ханъ приходилъ въ порывъ неистоваго бѣ-

шенства, не разъ заносилъ надъ нею „канджаръ“. Хорешана все выдержала—и не сбавила цѣны.

Слѣдующій день ханъ просидѣлъ въ шатрѣ, задумчивъ и свирѣпъ, не прикасаясь къ пилаву. Весь лагерь примолкъ и никто не смѣлъ разговаривать громко. Въ полночь ханъ согласился на цѣну, вышешнюю Хорешаной. Потребована была клятва, и онъ клялся бородою пророка.

Утромъ прискакалъ гонецъ отъ шаха, который требовалъ присоединиться къ нему противъ возмущившихся гяуровъ. „Бѣли“ (хорошо) скалалъ Алла-Верды. Клятва, казалось, была забыта, и въ душѣ Хорешаны зрѣла мечь и рѣшимость въ ту же ночь отрѣзать голову клятвопреступнику. Во снѣ ее посѣтило дивное видѣніе: явился старецъ, убѣленный сѣдинами, въ рубищѣ отшельника, съ лицомъ свѣтлымъ и кроткимъ. Старецъ поднялъ руку и сталъ благословлять Хорешану. „Недостойна отче, вскричала она, — благословенія та, которая осквернила себя на ложѣ, невѣрнаго и приготовила руки свои на вѣроломное убійство!“ Старецъ, вѣщаль: „Отложи намѣреніе твое, о лучшая изъ дочерей Иверіи! Не поднимай руки на хана Алла-Верды, ибо онъ призванъ на великое дѣло: его жизнь довершитъ спасеніе отчизны, его кончина воздвигнетъ обитель изъ развалинъ, надъ которыми плачу долгіе годы. Заутра повѣдай хану желаніе вкусить снѣдь отъ его собственной ловитвы“... Старецъ еще разъ благословилъ колѣнопреклоненную Хорешану и сталъ невидимъ.

Путру Хорешана говорила хану, что она хотѣла бы кебабъ изъ джайрана (жаркое изъ дикой козы), убитаго собственною его рукою. Охотники немедленно направились по дорогѣ къ обители св. Георгія. Здѣсь спущенъ былъ любимый соколъ Алла-Верды на куропатокъ, и самъ ханъ мчался на конѣ, поощряя сокола бѣшенными криками. А вдалькѣ на утесистомъ берегу р. Алазани стоялъ на колѣнахъ отшельникъ и подъ палящимъ солнцемъ молился объ избавленіи родины отъ тяжкаго нашествія иноплеменниковъ. Соколъ уже настигалъ куропатку, какъ вдругъ она ринулась на землю и скрылась подъ полой молящагося пустытника. Ханъ наскочилъ на отшельника и громко крикнулъ! „Спугни изъ поды полы птицу?“ Отшельникъ молился.—Тебѣ говорю, спугни птицу!“ Отшельникъ пламенно молился о спасеніи бѣдствующей родины; сердце его унеслось въ міръ и весь земной міръ съ своими красотами и ужасами не существовалъ для него.—„Такъ ты не слушаешься меня, дерзкій гяуръ!“ вскричалъ ханъ. Канджаръ блеснулъ надъ головою отшельника, но, прикоснувшись къ сѣдинамъ старца, разлетѣлся въ дребезги. Ханъ упалъ съ коня, и рука, сжи-

мавшая рукоять, усюхла. А отшельникъ молился „о ненавидящихъ и обидящихъ насъ“. Пораженный чудомъ и всепрощающимъ словомъ христіанской молитвы, гордый ханъ смирился. „Отпусти мой грѣхъ, говорилъ онъ старцу, возврати мнѣ руку, я отдамъ ее на служеніе народу христіанскому!“ Благословеніе старца оживило руку Алла-Верды, и первый лучъ пронизъ въ его мрачное, чувственное сердце. И когда шахъ и царь сошлись на битву, ожидая каждый себѣ на помощь Алла-Верды, послѣдній съ татарской конницей повернулъ на кизильбашей. Персидское воинство, охваченное паникой, обратилось въ бѣгство. Шіо былъ найденъ въ числѣ убитыхъ въ этомъ сраженіи. Надъ нимъ стоялъ и плакалъ молодой тавадъ въ татарскихъ доспѣхахъ—то была Хорешана. Раненый Алла-Верды успѣлъ принять крещеніе и умеръ вторымъ мужемъ Хорешаны, завѣщавъ свои несмѣтные сокровища на возобновленіе обители св. Георгія. Грузинскій лѣтописецъ прибавляетъ къ легендѣ, что не было и не будетъ такого любящаго сына отчины, какъ карталинецъ Шіо; не было и не будетъ такой любящей жены, какъ кахетинка Хорешана ¹⁾.

Одна легенда связана съ именемъ *царя Левана* (XVI в.), соединившаго съ Кахетіей Пшаветію, Тушетію и Хевсуретію. Столицей своей онъ сдѣлалъ г. Греми, сохранившій много остатковъ былаго величія. Царь Леванъ имѣлъ одну красавицу—дочь, которая отвергла предложенія лучшихъ представителей грузинской знати. Но случилось такъ, что Греми осадили лезгинны, во главѣ которыхъ стоялъ юноша 25—26 лѣтъ стройный и храбрый. Съ укрѣпленной башни столицы царица слѣдила за нимъ и, очарованная его красотой, она задумала измѣну, бросила въ непріятельскій станъ яблоко, во внутрь котораго она вложила письмо съ страстнымъ объясненіемъ обворожительному вождю въ любви и обѣщаніемъ отворить ночью тайкомъ ворота въ крѣпость, если онъ женится на ней. Врагъ воспользовался ея услугами при взятіи столицы, виновницу же побѣды онъ закололъ съ словами: дѣвица, которая не пощадила отца и родины, не достойна быть женой кого-нибудь—она заслуживаетъ только смерти ²⁾.

Подобная легенда связывается еще съ сел. Тмогви, гдѣ жила грузинская царица (?), которая, прельстившись красотой шаха Аббаса, отворила ему ворота крѣпости ³⁾.

¹⁾ Ср. аналогичную легенду объ обращеніи силою любви къ грузинкѣ магометанина въ христіанскую вѣру, приведенную В. Л. Величко въ *Ночь* 1894 № 16.

²⁾ *Иверія*, 1888, 203.

³⁾ „Этногр. Обзор.“ кн. XVII, стр. 212.

При царѣ *Иракліи II* (XVIII в.) ¹⁾ жилъ храбрый военачальникъ князь *Кайхосро Вацнадзе*. Онъ не разъ отражалъ враговъ отъ нападенія на Кахетію и навелъ такой ужасъ, что лезгинны прозвали его шакаломъ и пугали его именемъ расплакавшихся дѣтей. Эготъ именитый человекъ осквернилъ себя однимъ преступнымъ дѣяніемъ. Разъ въ церкви предъ женою его стала крестьянка *Мартишвили*, которая, по требованію княгини, не уступала ей мѣста. Обиженный Кайхосро собралъ лезгинъ и сталъ разорять свою страну до тѣхъ поръ, пока царь Ираклій не далъ ему въ крѣпостные семью *Мартишвили*, а виновницу своего озлобленія Кайхосро доставилъ княгинѣ на подносѣ обезглавленной.

Объ *Иракліи же* передается, что царская корона была возложена на него ангелами съ небесъ въ тотъ моментъ, когда онъ подалъ вино въ своей чашѣ прожаженному нищему и самъ выпилъ изъ той же чаши, наполненной червями, которые изо рта больного бѣдняка упали въ царскую посуду.

Легенда, почему въ Грузіи такъ много красавицъ, записана въ Кабулети (Батумской обл.). Былъ въ Индіи царь, по имени Шедатъ, человекъ настолько гордый и дерзкій, что вздумалъ развести эдемскій садъ, чтобы подданные его признали за Бога. Эдемъ его оказался красивъ, какъ рай, но имѣлъ одинъ крупный недостатокъ: въ немъ не было ангеловъ. Царь послалъ слугъ во все концы свѣта собрать красавицъ (гурій) и привести ихъ къ нему для водворенія въ Эдемъ. Гонцы исполнили приказаніе царя и уже возвращались въ Индію. По пути на Кавказѣ они узнали, что Господь наказалъ за гордость царя, Шедата: мушки и комары овладѣли имъ и покусали его такъ сильно, что онъ распухъ и вскорѣ въ мученіяхъ испустилъ духъ. „Гурій“ (красавицы), услышавъ эту вѣсть, рѣшили не возвращаться домой и остаться въ чудной Грузіи, очаровавшей ихъ своей красотой. Онѣ поселились въ Грузіи, и вотъ почему въ этой сторонѣ такъ много красавицъ ²⁾.

Мы привели нѣсколько легендъ, связанныхъ съ именами историческихъ лицъ. Онѣ любопытны въ томъ отношеніи, что представляютъ содержаніе, большею частью странствующее, преурочиваемое къ различнымъ временамъ и народамъ. Легенды же, образовавшіяся подъ влияніемъ апокрифовъ, составляютъ цѣлый религіозный эпосъ, въ которомъ сохранилось оригинальное міровоззрѣніе съ пережива-

¹⁾ *Дроба*, 1885, 35.

²⁾ См. *Иверія*, 1894, № 13.

ниями туземной мифологической старины и отголосками изъ церковнаго ученія христіанской поэзіи. Съ распространіемъ христіанства у вновь обращенныхъ народовъ источники этого ученія получали новые отростки, но съ тѣмъ же традиціоннымъ характеромъ. Отсюда то обиліе параллелей, какія новѣйшіе изслѣдователи находятъ въ восточныхъ и западныхъ легендарныхъ.

IV. Суевѣрныя и гадательныя книги.

Въ греческомъ индексѣ рядомъ съ апокрифическими церковными книгами поставлены были книги астрологическія. Памятники отреченной литературы, по различію суевѣрій, могутъ быть объединены въ группы подъ тѣмъ или другимъ названіемъ: вѣра въ примѣты, сны, гаданія, заговоры и пр. Одни изъ этихъ суевѣрій относятся къ личности человѣка, другія къ животнымъ, или предметамъ и случаямъ изъ домашней жизни; третьи къ небеснымъ явленіямъ. „Колядникъ“ русскихъ, приписываемый въ одномъ сборникѣ XV в. Ездру, находитъ себѣ подобіе въ грузинскомъ памятникѣ X вѣка, извѣстномъ подъ именемъ „Каландоба, сказанная пророкомъ Ездрой“. Русский „Колядникъ“ предсказываетъ состояніе погоды, урожая на хлѣбъ и другія произведенія смотря по тому, въ какой день недѣльный придется Рождество Христова. Грузинская „Каландоба“, которая сближается съ латинскимъ *calendae* (первое въ каждомъ мѣсяцѣ число) указываетъ, какихъ перемѣнъ погоды и урожая въ году надобно ожидать, судя по тому, въ какой день недѣля приходится Новый годъ. „Если январь наступитъ, — говорится въ памятникѣ, — въ недѣлю“ (въ воскресенье — квириаке собственно значить недѣля въ священномъ писаніи, а нынѣ съ усѣченнымъ окончаніемъ „квира“ — воскресенье), зима будетъ сырая, лѣто сухое, плодовъ много, виноградный урожай малый, меду много, скотъ хорошій, осень вѣтреная.

Въ понедѣльникъ — наступитъ, зима будетъ теплая, лѣто и *ари* (ѣвр. род. *ѣрос*, *ѣрос* весна) хорошіе, дождливые и съ большими воздушными ужасами, осень сухая, плодовъ много, меду мало, непрерывныя болѣзни, неожиданныя смерти бѣдныхъ и сильная лихорадка.

Во вторникъ — наступитъ, зима будетъ вѣпкая осень сырая, поврежденіе плодовъ, смерть женщинъ, болѣзни и крушеніе на моряхъ кораблей.

Въ среду — наступитъ, зима будетъ лютая, лѣто сырое, *ари* хорошій, пшеницы мало, винограда и плодовъ много и всякаго предпріятія исполненіе, смерть мужчинъ.

Въ четвергъ — наступитъ, зима будетъ хорошая, лѣто вѣтреное, осень и *ари* благорастворенные, меду мало, начальниковъ и вельможъ гибель.

Въ пятницу — наступитъ, зима будетъ медленная и лютая, лѣто и *ари* сырые, осень сухая, вина и хлѣба много, всякіе плоды (будутъ) дешевы, глазныя болѣзни и смерть младенцевъ.

Въ субботу — наступитъ, зима будетъ тяжелая, *ари* чистый, ограниченность плодовъ, надежъ скота, горячка, непрерывная лихорадка, пожары домовъ и смерть старцевъ ¹⁾. Грузинскій памятникъ восходитъ къ греческому оригиналу *Τοῦ προφήτου „Εσδρα Διάγνωσις*. Для сравненія этихъ текстовъ привожу предсказаніе на цѣлый годъ по наступленіи Нового года во вторникъ: *Πιέρχ τρίτη ἐὰν γένωνται κάλανθαι Ιαννουρίων, ἔστα, κειμὼν μέγας κιονώδης ἔαρ ὑγρὸν, θέρος καλόν, μετόπωρον ξηρὸν καρπῶν σπάνις χρόνος σκληρὸς αὐξηθήσεται ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν ἀπόλεια ²⁾*.

Изъ приписки къ манускрипту видно, что его переписчикъ имѣлъ оригиналомъ древнюю рукопись: „основаніемъ я принялъ рукопись древнюю“. Весь манускриптъ написанъ заглавнымъ церковнымъ алфавитомъ, что можетъ свидѣтельствовать одревности самого памятника. Въ пользу этого мнѣнія, помимо выставленной въ рукописи даты — *941 годъ*, переписанной въ монастырѣ св. Саввы „грѣшнымъ Іоанномъ“ (нынѣ эта пергаментная рукопись хранится въ Спб. Академіи Наукъ) могутъ говорить нѣкоторыя палеографическія ея и грамматическія особенности, извѣстныя намъ изъ древнихъ манускриптовъ. Буква *υ* еще совершенно не употребляется, звукъ этотъ выражается посредствомъ сочетанія знаковь *οσ*, эти же звуки употребляются вм. *οα*, *οε*, *οι*.

Въ „Личебникъ“ даны совѣты (чего нужно избѣгать и что принимать для благополучія и здоровья тѣла) и общія указанія, сверхъ частныхъ одобій, для сохраненія здоровья. „Сказано учеными философами: въ январѣ на тощакъ выпей вина; въ февралѣ — избѣгай сладкой свеклы и не ѣшь; въ мартѣ ѣшь и пей сладкое, но избѣгай кислаго; въ апрѣлѣ не ѣшь орѣховаго листка; въ маѣ ножекъ и головы (птицы и животныхъ) не ѣшь; въ іюнѣ на тощакъ выпей холодной воды; въ іюлѣ

¹⁾ *Βακράδε*. *Исторія Грузин*, 235—6.

²⁾ *Starine na sviet* izdaje jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Knjiga X. U Zagrebu 1878. Стр. 116—117. Ср. Славянскій текстъ: „Аще вѣторникъ прѣиметь генварь, будетъ зима велика, весна дъждева, жетва вѣдрна, овооще по малу, скоту пагуба, езе напрасну плавающимъ усилне, жита много и меда и женскому полу смьреть.“

избѣгай съ женщиной ложе дѣлать; въ августѣ орѣховыхъ листковъ не ѣшь; въ сентябрѣ на тощакъ пей молока; въ ноябрѣ зелени не ѣшь, въ декабрѣ *ноба* (?) не ѣшь. Лѣчебники, извѣстные подъ именемъ карабадини, дошли до насъ въ многочисленныхъ спискахъ. Здѣсь приводится описаніе разныхъ волшебныхъ и цѣлебныхъ травъ, заговоры и другія суевѣрныя средства при разнообразныхъ болѣзняхъ. Авторъ его неизвѣстенъ; вѣроятно, онъ представляетъ сводъ разновременно собранныхъ свѣдѣній о болѣзняхъ различными лицами. Чаще всѣхъ мудрецовъ упоминается врачъ Бакратъ и Джанаозъ, (персидское произношеніе Галена-Джалинуса).

Карабадини. Въ отечествѣ великаго Зороастра и Рустема жилъ когда то великій знахарь, звался онъ Джанаозъ ¹⁾ и пользовался на своемъ вѣку завидною славою, гремѣвшею даже внѣ предѣловъ его родины Персіи. Свои и чуждые равно благоговѣли при его имени, удивляясь его уму, отъ котораго ничего не было сокрыто ни на землѣ, ни подъ землею, и надъ землею. Всю мудрость исчерпалъ онъ до дна. Астрологию онъ зналъ какъ свою бороду, магія была ему ни по чѣмъ. Но особенно возвышало его въ глазахъ народа — необыкновенное знаніе лѣчить всякаго рода болѣзни посредствомъ травъ. Рассказывали, что понимаетъ онъ языкъ растений, изъ которыхъ каждое говорило о цѣлебной силѣ своей противъ какого бы то ни было недуга. Многие старались какъ нибудь допытаться у Джанаоза ²⁾ объ его искус-

¹⁾ Джанаозъ, вѣроятно, персидскій Джалинусъ (Галенъ), о которомъ между прочимъ узнаемъ изъ походовъ Хаджи Баба, соч. *Моріера*, пер. бар. *Брамбеуса*, ч. I, 143. Галенъ извѣстенъ и русскимъ травникамъ. *Проф. Флоринскій*, Русскіе просто-народные травники, Казань, 1880, предисловіе, II.

²⁾ Въ одномъ *Карабадини* (Рукопись Общества распротр. грамот. № 1274), упоминаются еще Бакратъ, (Иппократъ?) Масарджа, Юанна, Магометъ сынъ Захарія, Андромасъ и Абуджорія, Тіатикъ, Фолосъ, Мано сынъ Иессея, Арбісюзъ Маданскій (?) Тебиткуръ, Архиджанъ, Девджанъ, Упанъ, Меія, Ибнимасъ, Руфосъ сынъ Синапа, — великіе мудрецы, стремящіеся сдѣлать человека безсмертнымъ ищущіе цѣлебныхъ травъ и изгоняющіе болѣзни. По поводу каждой болѣзни приводятся ихъ мѣтнія. Изъ приписки къ этой рукописи видно, что Карабадини былъ переведенъ съ арабскаго языка при царѣцѣ Тамарѣ, (XII в.) по приказанію Антонія митрополита Чкондидскаго. Весь *Карабадини* раздѣленъ на 226 главъ, изъ нихъ 7 главъ утрачено. Глава первая о врачеваніи и его пользѣ; глава вторая о мѣрѣ веществъ и ихъ раздѣленіи; глава третья о природѣ и желудкѣ; глава пятая о рожденіи человека; глава шестая о появленіи шести климатовъ; глава восьмая о познаніи пульса; глава 14-я о круговращеніи временъ въ четырехъ образахъ; глава 15-я о происхожденіи головной боли и пр.

ствѣ, о его таинственной наукѣ, но хитро-умный старикъ не поддавался; многие старались сдѣлаться его учениками и даже рабами, лишь бы этимъ путемъ узнать въ чемъ дѣло, но напрасно старались они. Наконецъ, одна старуха ухитрилась. Она предлагаетъ ему своего сына въ рабы; тотъ строгитиво отказывается, но старуха увѣряетъ, что великому искуснику нечего опасаться потому что сынъ ея глухо-нѣмой. „Не уклоняйся отъ старой дороги, ни стараго друга“ — гласитъ грузинская пословица. Джанаозъ забылъ пословицу и согласился принять въ прислуги парня и заставилъ его стряпать на кухнѣ. Парень былъ не глупъ и замѣтивъ, что самое любимое блюдо господина — шашлыкъ изъ змѣй, смекнулъ, что это не даромъ. Дай отвѣдаю, подумалъ онъ и когда жарилъ на веретелѣ змѣю подставилъ подъ нее ломоть хлѣба, такъ — что на него спадали капли жира. Едва успѣлъ онъ съѣсть этотъ хлѣбъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что все существо его переродилось и превратился онъ въ другого человека. Ему послышались какіе-то странные звуки, ему чудилось, что рѣютъ вокругъ какія то дивныя существа, ему казалось, что даже стѣны ведутъ съ нимъ рѣчь. Однажды господинъ взялъ его на прогулку въ поле — вотъ чуетъ онъ, что травы вокругъ него наперерывъ рассказываютъ о томъ, какое лекарство заключается въ каждой изъ нихъ. Эгого дотолѣ невѣдомый ему гласъ такъ ошеломилъ его, что онъ расхохотался словно безумный. Джанаозъ понялъ, что тайна его открыта и съ тоскою и злобою въ душѣ далъ обѣтъ при первомъ случаѣ уничтожить коварнаго соперника.

Въ это время у персидскаго шаха опасно заболѣла единокровная дочь; болѣзнь сосредоточилась въ головѣ и ничѣмъ не могли помочь ей. Многие врачи напрасно истощали свои искусства. Наконецъ, пригласили Джанаоза. Посмотрѣвъ страдалицу, онъ нашелъ нужнымъ вскрыть ей черепъ. Оказалось, что въ головѣ сидѣла черепаха, покрывъ собою весь мозгъ. Вскрыть-то голову, положимъ было легко, но снять гадину, вцѣпившуюся лапами въ мозгъ, не было возможности. Джанаозъ думалъ, думалъ и ничего не придумалъ. Вдругъ среди окружающей его толпы, увидѣлъ онъ своего ученика котораго говоритъ ему: средство, снять черепаху очень просто; возьми мѣдный тазъ, влей воды и звони въ него палкою возлѣ больной.... Лишь только сдѣлали это, какъ черепаха подпрыгнула и упала въ тазъ.

Бѣшенство овладѣло Джанаозомъ. Какъ! ничтожному слугѣ навѣстять его при всѣхъ въ искусствѣ, котораго царемъ онъ слылъ до селѣ! Бросился Джанаозъ за бѣжавшимъ слугою въ погоню и долго преслѣдовалъ его, пока тотъ, выбившись изъ силъ, не остановился подъ тѣнью огромнаго дуба, гдѣ нашелъ пастуха, расположившагося тутъ

на почлегъ со стадомъ. Разказавъ пастуху свою исторію, слуга объяснилъ, что не миновать ему смерти отъ рукъ гонителя, который растерзаетъ его въ куски, и вручилъ ему три стеклянки съ лѣкарствами.— Эти лѣкарства могутъ воротить мнѣ жизнь, говорилъ онъ, — если только ты употребишь ихъ, такъ какъ я наставляю. Части моего тѣла собери, разложи на овечьей шкурѣ по порядку и облей ихъ жидкостью изъ перваго пузырька, — онѣ соединятся во едино, другая жидкость сообщитъ тѣлу кровь и упругость, и, наконецъ, послѣдняя призоветъ меня къ жизни. При послѣднихъ словахъ Джанаозъ постигъ похитителя своей тайны и изрубилъ его въ куски. Пастухъ сдѣлалъ по сказанному: два лѣкарства произвели желаемое дѣйствіе, но на бѣду третье не достигло всего назначенія: неосторожный пастухъ уронилъ пузырекъ, который разбился въ дребезги. Надеждамъ бѣдняка не суждено было исполниться, и бездушное тѣло его лежитъ донинѣ все въ томъ же положеніи у подножія вѣковаго дуба....

Карабадини и нынѣ служатъ домашнимъ лѣчебникомъ.

Для изученія міеологіи грузинъ необходимо обратиться къ этой книгѣ; она содержитъ въ себѣ всю тайну знахарства и простаго врачебнаго искусства, которыми въ Грузіи преимущественно занимаются старухи. Въ ней заключаются всѣ заговоры, молитвы и заклинанія отъ разныхъ болѣзней. Замѣчательно, что болѣзни представлены въ этихъ заклинаніяхъ въ пластическихъ образахъ; головная боль (мигрень) напримѣръ, представлена въ образѣ быка, грызущаго желѣзо; съ понятіемъ о чесоткѣ соединяется понятіе о безродномъ чудовищѣ, которое выходитъ изъ черныхъ скалъ, входитъ въ тѣло людей, гложетъ кости и, высасывая кровь, превращаетъ ихъ въ прахъ.

Книга карабадини ¹⁾, какъ это показывается и первая полови на слова (кара по-татарски черный), есть нѣчто въ родѣ русскаго чернокунижія, смѣсь медицинскихъ замѣтокъ съ народными суевѣріями. Нѣсколько выписокъ дадутъ понятіе о восточномъ воззрѣніи на природу и отношенія ея къ человѣку. Слово о курицѣ. Когда два пѣтуха будутъ драться между собою до утомленія, поймай одного изъ нихъ и зарѣжь. Если желаешь поссорить двухъ закадычныхъ пріятелей, хотя бы они жили другъ съ другомъ душа въ душу, то это легко сдѣлать, примѣшавъ кровь того пѣтуха къ ихъ пицѣ. Если будешь носить при себѣ ноготь пѣтуха, то не бойся безвременной напасти. Кромѣ того, глазъ пѣтуха, носимый на правомъ рукавѣ, предохраняетъ отъ всего ядовитаго и отъ всякой злобы человѣческой. Хочешь ли заградить уста

¹⁾ „Кавказъ“, 1857, 2. Ср. Кавказ. календаръ на 1856 г.

своему завистнику или поносителю? Напиши его имя на бумагѣ и подь нимъ подпиши слѣдующія слова... (заключеніе состоитъ изъ 10 словъ на неизвѣстномъ языкѣ), завяжи три раза узелъ на имя того человѣка, и достигнешъ цѣли. — Нужно ли унять плачъ неугомоннаго ребенка? Привѣсь къ его колыбели ослиное коныто; еще дай ему сокъ подорожника (травы), разведенный въ молокѣ матери, и онъ перестанетъ плакать. Если садовыя деревья не будутъ давать плода, привѣсь къ нимъ ландышевый корень, и они дадутъ сторичный плодъ. Чтобъ однажды навсегда предохранить деревню отъ нашествія волковъ, нужно убить одного изъ нихъ и зарыть на площади среди деревни. Если преслѣдуетъ домовая, то нужно говорить слѣдующее заклинаніе: Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Арозъ, Марозъ, Анбарозъ, мы взшли на гору Галилейскую, искали слѣдъ звѣря, поймали дѣвушку — пламень; у ней коса до пятъ, волосы до колѣнъ; уши ослиныя, носъ песій, когти кошачьи. Выну мой мечъ стальной, подрѣжу косу длинную, уши, носъ, когти. — Нѣтъ, пощади меня, не дѣлай этого; я удалюсь, и гдѣ услышу это заклинанье, такъ не быть моему роду до трехъ столѣтій. Противъ подагры предлагается читать молитву: „Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Среди моря стояло древо ливанское, безъ вѣтвей, безъ листьевъ; на немъ сидѣла птичка безъ клюва, безъ перьевъ. Взобрался я (на дерево) безъ рукъ, сошелъ безъ ногъ, зарѣзалъ (птицу) безъ ножа, изжарилъ безъ огня“. Молитва о томъ же: Есть церковь славная, у дверей ея большая скала, сѣлъ на нея бѣлый коршунъ, а болѣзнь ушла въ пропасть“. Кто боится оплѣшивить, тому предлагается средство: сожги мышъ и ея золою посыпь гладкое мѣсто, либо лысину, и она покроится волосами. Кто желаетъ имѣть длинные и красивые волосы, пусть три раза посыплетъ голову порошкомъ изъ листьевъ смоквъ. Кому не нравится сѣдина, тому совѣтуетъ сдѣлать снадобье изъ жженой печени чернаго осла съ примѣсю купороса, на льняномъ маслѣ, и мазать имъ сѣдые волосы, и они будутъ всегда черны. Кто хочетъ избавиться веснушекъ, тотъ пусть прикладываетъ къ нимъ, по ночамъ, лукъ съ недавно срѣзанною головкой, это искоренить ненавистныя пятнышки рано или поздно.

Въ дополненіе приведу изъ рукописи парижской національной библиотеки ¹⁾ лѣченіе неправильныхъ родовъ: для этого нужно тереть животъ и спину, потомъ смѣшай перецъ, мускусъ, корицу, миндаль, масло, лилію и намажь больную. Если хочешь узнать, говорится въ

¹⁾ Грузинскія рукописи париж. національн. библ. Мои письма въ *Иверіи*, 1889 г. № 118 и сл.

Карабадини XVI—XVII вв. ¹⁾), мужъ ли умереть раньше жены или жена раньше мужа, то сложи цифровое значеніе буквъ именъ ихъ и дѣлай вычитаніе — Адамъ и Ева, Адамъ и Ева; если окончится на Адамъ, то мужъ умереть раньше жены, а если на Евѣ, то умереть жена раньше мужа. Грузинскому „Карабадини“ соответствуетъ русскій Травникъ, Цвѣтникъ, Лѣчебникъ.

Сказаніе о „дняхъ“, указывающее, какіе дни лунные, счастливы и какіе несчастны, находитъ связь съ „лунной книгой“ у грузинъ. Въ первый день луны добро начинать всякое дѣло, ибо въ этотъ день сотворенъ Адамъ, — сѣять, сажать, путешествовать, закладывать основаніе, распускать виноградную лозу, ибо въ этотъ день Ной началъ строить ковчегъ, Моисей вывелъ евреевъ изъ Египта, архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Богородицѣ, Соломонъ впервые началъ храмъ (строить). Больные исцѣляются, потерянное найдется, сонъ благополучно исполнится. Для сравненія съ грузинскимъ памятникомъ привожу начало изъ русскаго памятника, приведеннаго ак. Тихоуравовымъ. Въ первый день луны Адамъ сотворенъ бысть; въ тотъ день на все строенъ, купити и продати, и по водѣ плавати, сѣяти и садити и власа урѣзати тонци и глаза бываютъ; воли сучити напязати; свадьбы творити, порты скронтити... погибшее скоро обряцете, недужный исцѣлѣть до 4-хъ дни; аще родится мужекъ полъ веселье будетъ и разуменъ во всемъ ²⁾). Дальнѣйшія подробности о лунномъ календарѣ приведу изъ газ. „Кавказъ“).

Точный и правдивый лунный календарь ³⁾). Въ немъ грузинъ стараго времени находитъ отвѣты на все вопросы, своей былой несложной жизни. Построить ли избу, сѣять ли, садить ли, обрѣзать ли, рубить ли деревья, пускаться ли въ путь, женить ли сына, играть ли свадьбу дочери? На все эти вопросы въ календарѣ готовы отвѣты и отвѣты удовлетворительные. Что ожидаетъ новорожденнаго, отчего родившій имѣетъ дурныя склонности, получить ли исцѣленіе болящій? все это подробно обсуждено и тщательно взвѣшено календаремъ.

Кромѣ значенія оракула, лунный календарь имѣетъ, и не малое значеніе лингвистическое и историческое, но съ этихъ двухъ сторонъ нынѣ не будемъ разсматривать.

¹⁾ „Карабадини“ писанный неособенно твердымъ алфавитомъ мхедрули, стр. 5.

²⁾ Рукописи общества разпротр. грам. среди грузинъ, № 1229.

³⁾ *Тихоуравовъ*. Памяти. отреч. лит. II, стр. 388.

⁴⁾ *Кавказъ*, 1853, 71. *Н. Берзеновъ* О примѣтахъ *Дубровинъ*, I, II, 122 5. См. „Кар.—Цх.“ II, 28.

Лунный календарь этотъ, въ грузинскомъ подлинникѣ и французскомъ переводѣ, напечатанъ въ книгѣ *Mémoires inédits, relatifs à l'histoire et à la langue Géorgiennes; composés ou traduits et écrits par Brosset jenne. Paris 1833*, и извлеченъ изъ древнѣйшей рукописи Таріель (1702 г.).

Въ первый день луны хорошо сѣять, садить, обрѣзать, рубить деревья, путешествовать. Ной началъ строить ковчегъ, Моисей избавилъ изральтянъ отъ рабства, и ангелы повелѣли Богоматери бѣжать. Кто родится въ этотъ день, будетъ силенъ и счастливъ, кто заболѣетъ — выздоровѣетъ, потерянное найдется, сонъ въ руку. 2-й день счастливъ для посѣва, посадки и обработки, и рубки деревьевъ. Въ этотъ день Каинъ убилъ брата своего Авеля. Кто родится въ этотъ день будетъ развратникъ, большой выдерживающій 10 дней, исцѣлится; потерянное въ этотъ день, въ этотъ же день найдется; украденное будетъ возвращено; сонъ въ теченіе трехъ дней сбудется. Въ 3-й день успѣхъ во всемъ. Кто родится въ этотъ день будетъ воинъ. Въ этотъ день Давидъ убилъ Голиаѳа и Крестъ Спасителя нашего отысканъ въ Иерусалимѣ. Кто заболѣетъ получить исцѣленіе, потерянная вещь найдется, украденная возвратится, сны несчастливы. 4-й день несчастливъ; не сади, не сѣй и не торгуй. Въ этотъ день Навуходопосоръ, царь Вавилонскій, сжегъ праведныхъ. Кто родится въ этотъ день, утонетъ сгорить или какое нибудь другое несчастіе приключится съ нимъ. Потерянное не будетъ отыскано, украденное не будетъ возвращено; больной если выдержитъ 10 дней, выздоровѣетъ; сны счастливы. 5-й день, когда Ной, окончивъ ковчегъ, вошелъ въ него со всеми тварями, счастливъ. Жените (молодаго) человѣка, покупайте раба, работайте, но не клянитесь и не заставляйте другихъ клясться. Не пускайтесь въ дорогу, чтобы не поплатиться. Больному сдѣлается хуже, но, наконецъ, онъ исцѣлится, потерянное съ великимъ трудомъ отыщется; о снѣ своемъ и не говори. 6-й день счастливъ для торговли, для путешествія, для перехода въ другой домъ. Кто родится въ этотъ день будетъ жить долго, но будетъ воръ. День счастливый для женитьбы молодыхъ людей. Въ этотъ день Иисусъ Христосъ распредѣлилъ труды между апостолами и послалъ ихъ въ міръ проповѣдывать Слово Божіе. Браки счастливы, не клянитесь. Больной, выдерживающій 5 дней, исцѣлится; въ теченіе 5 дней, или въ теченіе года сонъ твой сбудется. 7-й день не счастливъ, изъ рай Адамъ былъ изгнанъ; не охотитесь и не торгуйте. Если загремитъ громъ, земля будетъ навозная. День для всего несчастливый. Что потеряно, то потеряно навсегда. Не прикасайся къ женѣ. Больному будетъ хуже, но, наконецъ, онъ

исцѣлится; сонъ дурной и въ этотъ же день объяснится, но не иначе, какъ съ помощію молитвъ. 8-й день счастливый. Въ этотъ день свѣтъ отдѣленъ былъ отъ тьмы и раздѣлены языки. Въ этотъ день родился Матосъ-ага (Маѳасуиль?...). День счастливый для торговли посадки; и путешествій. Кто родится будетъ плодотворенъ, но будетъ не красивъ и не уживчивъ. Потерянная вещь съ трудомъ отыщется; больному будетъ труднѣе, выздоровѣть, потомъ исцѣлится. Сны хороши. Въ 9-й день счастливъ для путешествія и торговли, а для всего остального не хорошъ. Кто родится въ этотъ день, будетъ бѣденъ, но съ сердцемъ. Потерянная вещь отыщется, больному будетъ труднѣе, потомъ исцѣлится; сны хороши. Въ 10-й Моисей отнесъ скрижали и разбилъ. День несчастливый для путешествія; торговли и займовъ; потерянное не отыщется; но воръ будетъ повѣшенъ. Больной умретъ. Въ этотъ день погибли дѣти Вилеема. Сны дурны. Въ 11-й бездѣтная Анна молила Всемогущаго о дарованіи ей дѣтей и содѣлалась матерью Самуила; хорошо молиться Творцу, строить, пересаживать, сажать, путешествовать и торговать. Потерянное отыщется; украденное не будетъ возвращено. Сны хороши. 12-й день рожденія Іуды, не пускайся въ путь, не мой головы и не торгуй. Кто родится въ этотъ день, обогатится, будетъ любимъ и ласкаемъ князьями. Сны дурны. 13-й день взятіе Іерусалима—не предпринимай ничего. Кто родится въ этотъ день будетъ бѣденъ, больной умретъ сны не въ руку. Въ 14-й день, пророкъ Іона былъ поглещенъ китомъ. День счастливый для путешествій (но не въѣрайся водѣ), для закладки фундамента и для всего. Если перемѣнить мѣсто больной, хорошо сдѣлаете; потерянное вовсе не найдется, сны счастливы. Въ 15-й день Іисусъ Христосъ бесѣдовалъ съ Авраамомъ, остановился у него и поразилъ демона. Хорошо сѣять, садить, жениться. Кто родится въ этотъ день долженъ остерегаться соли. Больной получить исцѣленіе. Не ходи на войну, не закладывай фундаментъ; сны не хороши. 17-й день счастливый. Іисусъ Христосъ побѣдилъ адъ. Не покупай, не продавай, не давай и не бери въ займы. Не прикасайся къ женѣ. Кто родится въ этотъ день, будетъ счастливъ; потерянное отыщется, сны не хороши. 18-й день счастливый. Въ этотъ день Всевышній даровалъ Аврааму сына Исаака¹⁾. День благополучный для путешествій, построекъ и брака. Кто родится въ этотъ день, не будетъ любимъ міромъ. Въ этотъ день души племени Авраамова были изъяты Спасителемъ изъ страны воздуха-

¹⁾ Въ 18 день луны Исаакъ родился. *Флоринскій*. Русскіе народ. лѣчебники, стр. 190. О дняхъ добрыхъ см. *Буслаевъ*, II, 33 et sq.

ній. Сны хороши. Въ 19-й день Господь явился Моисею. День счастливый для путешествій и для молитвы. Кто родится будетъ счастливъ; потерянное отыщется; снамъ не вѣрь. Въ 20-й Исаакъ молилъ о сынѣ своемъ Іаковѣ. Въ этотъ день всякая молитва спасительна. День благополучный для посѣва и для посѣщенія старшихъ; больной получаетъ исцѣленія; сонъ сбудется въ теченіе одного мѣсяца. 21-й день счастливъ для путешествій, для торговли, для закладки фундамента и для женитьбы. Кто родится будетъ счастливъ и Богомъ любимъ. Сонъ сбудется сегодня же. 22-й день счастливый, день рожденія прекраснаго Іосифа¹⁾. Въ этотъ день всё удается: можно сѣять, кататься въ лодкѣ. Больной выздоровѣть. Не ходи въ погребъ, не посылай лошадь свою на подножный кормъ. Украденая вещь не будетъ возвращена. Кто родится, будетъ счастливъ и Богомъ любимъ, справедливъ къ бѣднымъ. Сны хороши. 23-й день счастливъ, рожденіе Вано²⁾. День благополучный для всего—для женитьбы, сна, посѣвовъ, торговли, закладки фундамента и охоты. Потерянное или украденное отыщется. Больнымъ будетъ хуже. Кто родится будетъ сребролюбивъ. Больной въ странѣ далекой исцѣлится, проживетъ еще 40 лѣтъ, потомъ съѣденъ будетъ волкомъ. Сны дурны. 24-й день рожденіе Фараона, день несчастливый. Блюди за всѣми своими дѣйствіями. Больной умретъ. Украденная вещь не будетъ возвращена. Кто родится, будетъ уменъ и мудръ—умретъ отъ пера. Сны дурны. 25-й день несчастливый. Кто поклянется, умретъ; больному сдѣлается хуже; охота удачна. Кто родится, будетъ вялый и неспособный болтунъ. Если больной выдержитъ день, мѣсяць, годъ,—жить будетъ долго. Въ 26-й день Моисей раздѣлил море³⁾. Молитвы твои услышаны будутъ Господомъ, предпріятія твои удадутся. Жени, путешествуй. Кто родится, спасенъ будетъ; потерянные вещи не отыщутся. Черезъ годъ сбудется твой сонъ. 27-й день счастливый. Всё удается, торговля, путешествія, постройка и заемъ. Больной выздоровѣть. Хорошо родится въ этотъ день, но сны ничего не стоятъ. Въ 28-й день Авраамъ принесъ въ жертву сына своего Господу. Хорошо торговать и путешествовать. Кто родится будетъ жить долго. Сны ничего не значать. Въ 29-й день Израильяне выступили въ обѣтованную землю: предпріятія твои удадутся—это день искупленія; больной исцѣлится. Братъ, договоръ, путешествія счастливы, потерянные вещи отыскиваются. Кто родится, будетъ лю-

¹⁾ Въ 22 день луны Іосифъ родился. *Флоринскій*, стр. 6., 190.

²⁾ Рожденіе Веніамина? Ср. сказаніе Филлона.

³⁾ „Моисей жезломъ раздѣли море“.

бимъ людьми за свой добрый нравъ и проживеть 60 лѣтъ. 30-й рожденіе пророка Самуила. Успѣхъ будетъ во всѣхъ предриятіяхъ. Пограничная вещь отыщется; больной выздоровѣетъ; въ бракѣ въ путешествіи преуспѣютъ. Кто родится въ этотъ день, законно обогатится, будетъ высокоумнымъ. Если проживеть 8 дней, мѣсяцъ, годъ достигнетъ 80 лѣтъ. Сны объясняются въ теченіе года.

Въ дополненіе къ этому календарю приводимъ извлеченіе изъ лексикона Сулхана-Саба Орбеліани, изданнаго еп. Александромъ.

9 и 22 Марта, 6 и 25 апрѣля, 4 и 29 мая, 5 и 22 іюня; 9 и 26 іюля, 7 и 29 Августа, 3 и 22 сентября, 6 и 21 октября, 6 и 20 ноября, 5 и 22 декабря, 5 и 27 января, 9 и 22 февраля—несчастливны для всего: для работъ, постройки, путешествій, покушки, продажи, для займовъ, перестройки, переходовъ въ новый домъ, для свадебъ, кровопусканія, сновъ, посѣвовъ, посадокъ, для всего однимъ словомъ. Въ эти дни не нужно ничего дѣлать. Ребенокъ, рожденный въ одинъ изъ этихъ дней едва ли будетъ жить, а если и останется въ живыхъ, будетъ несчастливъ; ибо числа эти и дни фатальные, называются петикони. Заболѣтъ въ эти дни—худой знакъ. Оттого-то Господь и повелѣлъ израильтянамъ строго наблюдать ихъ.

Сравнивая нашъ лунный календарь съ русскимъ памятникомъ „о дняхъ лунныхъ“, находимъ нѣкоторую разницу въ приуроченіи фактовъ изъ священнаго писанія къ тѣмъ или другимъ числамъ. По грузинской рукописи во второй день луны Каинъ убилъ Авеля, а по русскому памятнику Ева сотворена отъ ребра Адамова; въ третій день по грузинской рукописи Давидъ убилъ Голиаза, а по русскому памятнику Каинъ родился и пр. Въ установленіи добрыхъ и злыхъ дней также замѣчается разногласіе. Десятый день луны по русскому толкованію ковчегъ сотворенъ, и день этотъ добръ на все, а грузины считаютъ несчастливымъ этотъ день для путешествія и торговли, ибо въ этотъ день Моисей отнесъ скрижали и разбилъ ¹⁾. Въ 30 день и по грузинскому и по русскому „родился Самойлъ“.

Дурными днями въ народѣ считаются въ сентябрѣ и октябрѣ 3 и 4 число, въ ноябрѣ 8 и 2, въ декабрѣ 20 и 24, въ январѣ 4 и 11, въ февралѣ 20 и 24; въ мартѣ 4 и 6, въ апрѣлѣ 3 и 6, въ маѣ 6 и 20, въ іюнѣ 18 и 20, въ іюлѣ 4 и 20, въ августѣ 8 и 20. „Въ эти дни ничего не давай въ долгъ, ни покупай. Заболѣвшему трудно будетъ

¹⁾ См. *Тихонравовъ*, Памятники отречен. литературы, I, 388—91. Ср. *Флоринскій*. Русскіе травники и лѣчебники, стр. 1881, Казань, 1879. Сказаніе это приписывается нѣкому Филону.

вылѣчиться; кто женится, скоро разойдется; поселившійся въ новомъ домѣ не возрадуется, остерегайтесь рѣзать и одѣваться“.

Громникъ ¹⁾. Рукопись въ 16° въ деревянномъ переплетѣ, подчеркъ мелкій хуцури, заглавія сдѣланы киноварью. представляетъ молитвословъ съ присоединеніемъ Громника (*Βροντολογία*), въ которомъ объясняется значеніе грома въ извѣстный мѣсяцъ года. Если погромить, сказано въ рукописи въ *январь*, то урожай пшеницы и вина будетъ полный, а если землетрясеніе случится, то будетъ смертность. Въ *февраль* громъ—признакъ всего хорошаго, землетрясеніе—горячая борьба. Въ *мартъ* въ первомъ случаѣ пшеница уродится хорошо, а во второмъ произойдетъ война. Въ *апрѣль* прогромить—все будетъ дешево, а при землетрясеніи ничего не будетъ. Въ *май* при первомъ условіи будетъ урожай, при второмъ миръ. Въ *іюнь* громъ—признакъ паденія великихъ, землетрясеніе—предзнаменованіе борьбы. Въ *іюль* прогромить, значить будетъ голодъ, землетрясеніе предскажетъ смерть великихъ. Въ *августъ* громъ обозначаетъ здоровье, а землетрясеніе—смерть. Въ *сентябрь* если прогромить, то будетъ хорошій урожай пшеницы, при землетрясеніи же болѣзни. Въ *октябрь* при громѣ—вѣтры поднимутся, при землетрясеніи—сильный умрутъ. Въ *ноябрь* если прогромить, то будутъ болѣзни, если землетрясеніе случится, то успокоеніе. Въ *декабрь* громъ—признакъ большаго урожая пшеницы, землетрясеніе—признакъ смертности. Къ Громнику приложенъ лунный календарь, въ которомъ указываются, какіе дни лунные счастливы или несчастливы. Въ первый день Адамъ былъ сотворенъ, тотъ день для всего пригоденъ и пр.

Хиромантия ²⁾. Отрывокъ этотъ извлеченъ изъ рукописи, принадлежащей Парижской Королевской бібліотекѣ и напечатанъ въ грузинскомъ подлинникѣ и французскомъ переводѣ въ *Mémoires inédits, relatifs à l'histoire et à la langue géorgiennes, composés ou traduits et écrits par Brosset jeune, Paris 1833* ³⁾.

Подъ пятью пальцами находятся горы пяти планетъ, ладонь руки—долина Марса, подъ мизинцемъ—долина Луны. Первая гора большаго пальца—гора Венеры. Если она возвышена, изрѣзана красными, глубокими линіями, знакъ большой склонности къ сладострастію. Цвѣтъ кожи красный съ бѣлымъ означаетъ сильную наклонность къ чувствен-

¹⁾ См. мой отчетъ о поѣздкѣ въ страну инглойцевъ.

²⁾ *Кавказъ*, 1854, 23.

³⁾ О суевѣрныхъ и гадательныхъ книгахъ. *Каренскій*. Ж. М. Нар. Пр. 1874, 3 и 4.

нымъ наслажденіямъ человѣка, который будетъ правиться прекрасному полу и пользоваться его благосклонностью. Если на Венериной горѣ будетъ крестъ, знакъ, что тотъ убьетъ соперника въ любви. Если крестъ этотъ у подошвы горы, знакъ, что соблазнить женщину и что захвораетъ: ибо крестъ этотъ въ линіи жизни. Если есть маленькія линіи на горѣ, новый знакъ болѣзни. Каждый человѣкъ имѣетъ двѣ руки; наблюдайте внимательно руку. Знайте также, ночью или днемъ родился человѣкъ: въ 2-мъ случаѣ наблюдайте правую руку, — лѣвую въ первомъ. У дѣвушки особенно разсматривайте лѣвую руку и знайте твердо, днемъ или ночью она родилась. Мы даемъ правила на всякій случай. И во 1-хъ поговоримъ о жизни человѣка. Измѣряютъ ширину ногтя большого пальца посредствомъ хлѣбнаго зерна. Потомъ прикладываютъ эту мѣру къ линіи жизни. Сколько уляжется на ней этихъ зеренъ, столько разъ десять лѣтъ жизни. По мнѣнію Аристотеля, вена, соотвѣтствующая линіи жизни, оканчивается у сердца, источника всякой мудрости. Если эта линія широка, глубока, красна, — знакъ здоровья и счастья; узка, синя, — предзнаменованіе несчастья и плохого здоровья. Какъ дерево, которое красиво зеленѣетъ и никому не мѣшаетъ, но придетъ кто нибудь и ударомъ топора срубитъ его, или буря, разлитіе повергнуть его, такъ окончатъ жизнь этотъ несчастливецъ. Общее правило: сколько зеренъ уляжется на линію жизни, столько разъ десять лѣтъ жизни; но въ то же время состояніе руки указываетъ, въ тысячѣ родахъ, случаи, угрожающіе нашему существованію или здоровью. Маленькія линіи выше линіи жизни на большомъ пальцѣ — знаки болѣзни. Тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе приближаются къ ней, особенно опасны. Есть линіи, которыя такъ близко касаются линіи жизни, что оставляютъ мало надежды, и такая, которая преобладаетъ до того, что не даетъ никакой (надежды). Гора подъ указательнымъ пальцемъ принадлежитъ Юпитеру. Когда она выше горы 3-го пальца знакъ богатства, роскоши и счастья. Если на ней будетъ линія, похожая на крестъ †, знакъ большихъ почестей; еще большихъ, если линія глубже, а въ особенности когда крестъ очень малъ. Этотъ знакъ † означаетъ злоупотребленіе власти и падменность. Подъ среднемъ пальцемъ горы — Сатурна. Если она выше горы указательнаго пальца — знакъ печали, раздражительности, слабоумія, несчастья. Пусть лучше этотъ человѣкъ не занимается торговлею — банкротство неизбѣжно. Линіи | | предостерегаютъ отъ путешествія водою. Крестъ † знаменуется долгое заключеніе и множество недруговъ, которые не дадутъ покоя. Гора перстневаго пальца — гора Меркурія. Линія широкая, длинная и глубокая на ней означаетъ мудраго, судью,

доктора, администратора. Когда она выше горы мизинца — совѣтника, министра въ довѣрчивости у властей. Узкая и пропорціонально короткая — знакъ невѣжества. Подъ мизинцемъ гора солнца. Когда она широка и красна — знакъ мирнаго благополучія, скромности. У кого она обозначена крестомъ, тотъ будетъ любимъ старцами и мудрыми и самъ достигнетъ старости. Когда на ней есть длинныя линіи, линіи эти означаютъ человѣка, весьма заботящагося о своемъ здоровьи, великаго въ этомъ мірѣ, счастливаго въ томъ: да ниспошлетъ небо знакъ 14 всякому христіанину. Подъ мизинцемъ далѣе равнина луны. Чѣмъ болѣе крестовъ на ней, тѣмъ болѣе должно избѣгать воды. Линіи || означаютъ путешествія; чѣмъ длиннѣе онѣ, тѣмъ длиннѣе будетъ дорога, тѣмъ счастливѣе будетъ человѣкъ; если же онѣ коротки — знакъ засады. Когда цвѣтъ ихъ измѣняется, предзнаменованіе болѣзни. Ладонь руки, долина Марса, будучи очень широкою, предзнаменуетъ великаго воина: онъ будетъ столько же счастливъ, сколько храбръ. Если посрединѣ замѣтны знаки, похожіе на звѣзды, онъ достигаетъ высшихъ степеней военнаго званія. Линія |, смотря по величинѣ или малости ея, означаетъ большую или меньшую храбрость, линія — — — — несчастнаго воина, который долженъ остерегаться погубить себя и всю свою армію. Когда линія лунной равнины начинается далеко отъ линіи жизни, — знакъ роскоши и большой щедрости; если онѣ соприкасаются — знакъ убыточнаго разврата. Руки грубыя, шершавыя — слѣдствіе холода, маленькая рука и длинныя пальцы, по мнѣнію Аристотеля, означаютъ трудные роды и узкій тазъ; нижнія кости пальцевъ красныя и правильныя, — знакъ долго скверной жизни, толстыя суставы — жизнь краткую и хорошую. Пропорціональныя руки — страхъ Господень, благоразуміе, правосудіе; руки, которыя дрожатъ при прикосновеніи къ предметамъ, гнѣвъ, который легко утишить, мудрость и робкость. Линія большого пальца, когда онѣ соприкасаются и перемѣшиваются — самоубійство. Чѣловѣкъ повѣситя или отчаяніе задавить его. Да сохранитъ Господь Богъ отъ этого cadaго христіанина! Бѣлыя пятна на ногтяхъ, окрашенныя на подобіе небольшихъ кусковъ раскаленнаго угля, знакъ счастья, совершенно круглыя — хорошія извѣстія. Если знаки обѣихъ рукъ сходны между собою — высшее благополучіе; но избави Богъ всякаго христіанина отъ черныхъ пятенъ.

Въ связи съ хиромантіей находятся ученіе „о пѣниі членовъ“. Существуетъ рукописная книга, въ которой дается объясненіе значенія игры членовъ человѣческаго тѣла, всѣхъ и cadaго порознь,

начиная съ бровей до ногъ съ ихъ пальцами суставами и ногтями ¹⁾. Если шея играетъ, то избавится отъ дурнаго дѣла и печали. Если лобъ играетъ, то получить большую честь, сокровище. Если носъ играетъ, то отъ великихъ людей получить выгоду. Если правая нога играетъ, то пойдешь въ дорогу. Если третій палецъ играетъ, то будетъ радость ²⁾.

Къ числу гадательныхъ книгъ принадлежитъ *сонникъ* (сносудѣцъ)—вѣра въ сновидѣнія и толкованія ихъ. Въ Тифлисѣ въ 1892 г. вышла книга, заглавіе которой даетъ представленіе объ ея содержаніи: „Полное толкованіе сновидѣній по алфавиту (расположенное) и по днямъ луны, книга о планетахъ, пѣніе членовъ и дни злые“. Изъ толкованія сновидѣній приведемъ нѣсколько примѣровъ: алмазъ найти во снѣ означаетъ свадьбу и богатство. Летать во снѣ—уѣхать куда-нибудь; видѣть осла во снѣ къ несчастью, а олена—къ счастью; пить молоко во снѣ хорошо, пролить вино—хорошо; убить ворона знакъ побѣды надъ врагомъ; поцѣловать близкаго—узнаешь приятную вѣсть. Брить бороду—знакъ убытка; видѣть крестъ—къ печали ³⁾.

По днямъ луны снотолкованіе сводится не къ объясненію видѣній, а къ воспоминаніямъ изъ священнаго писанія, связаннымъ съ извѣстнымъ днемъ луны. „Въ первый день луны сонъ счастливо исполнится: въ этотъ архангелъ Гавріиль явился Богородицѣ, потерянное найдется ⁴⁾. Во второй день луны сонъ счастливо исполнится. Въ этотъ день Каинъ убилъ Авеля. Кто родится въ этотъ день будетъ развратникъ. Больной съ трудомъ исцѣлится. Въ третій день луны сонъ ничего не означаетъ. Все въ этотъ день къ успѣху. Кто родится въ этотъ день будетъ счастливъ (Соломонъ мудрый родился); потерянное найдется. Въ четвертый день луны сонъ ложенъ. Родившійся въ этотъ день умретъ случайно. Въ этотъ день Навуходоносоръ разрушилъ храмъ. Больной умретъ.—Сравнивая это толкованіе сновъ по луннымъ днямъ съ точнымъ луннымъ календаремъ, мы находимъ общія черты и рѣзкія отличія, которыя дають основаніе предполагать, что приведенныя Берзеновымъ въ *Кавказъ* и напечатанныя на грузинскомъ языкѣ толкованія по луннымъ днямъ восходятъ къ двумъ различнымъ вариантамъ гадательной лунной книги, распространенной въ древней Грузіи.

¹⁾ Очерки деревен. нравовъ Грузіи. Н. Берзеновъ. *Кавказъ*, 1854, № 1.
²⁾ Рукопись „Общ. распротр. грамотности среди грузинъ“ № 1229.
³⁾ Ср. мою рукопись о толкованіи сновъ, записанномъ въ Гори.
⁴⁾ Ср. рукопись „общества грамотности“ № 1229.

Книги о планетахъ соотвѣтствуютъ *Звѣздочетцу* ¹⁾. Кто родится въ январѣ (водолей), будетъ гостеприименъ, на первомъ году жизни постигнетъ большая опасность и если минуетъ, ожидаетъ большое благо. Будетъ покорнымъ волѣ родителей, женится счастливо; знакъ будетъ на шеѣ и плечѣ; на 3, 21, 73 году заболѣетъ и если спасется проживетъ 106 лѣтъ. Если родится дѣвушка, то знакъ будетъ имѣть на спинѣ, будетъ хозяйкой и гостеприимной; получить радость отъ перваго сына, отъ брата испытаетъ бѣдность. На 1, 16, 25, 40 заболѣетъ и если минуетъ проживетъ 85 лѣтъ.

¹⁾ *Тихонравовъ*, Памятнику отречен. рус. литер. II, 422—225.

V. ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ.

Остается изложить нѣсколько житій святыхъ, которыя отразились въ воззрѣніяхъ народа или перерабатывались на грузинской почвѣ согласно съ его взглядами и вкусами.

Житіе и дѣянія святаго и блаженнаго Андрея Салоса ¹⁾. Житіе св. Андрея, какъ видно изъ различныхъ мѣстъ грузинскаго текста, переведено съ греческаго языка. Въ царствованіе христілюбиваго Леона, былъ въ Константинополѣ одинъ знатный человѣкъ, по имени Θεογνωστοςъ. Онъ былъ „стратилатомъ“ на востокѣ. У него жилъ среди рабовъ одинъ молодой язычникъ, Андрей, котораго господинъ очень любилъ. Мальчикъ скоро выучился читать псалтырь и своей мудростью поражалъ всѣхъ. Онъ пристрастился къ чтенію священнаго писанія и потомъ всецѣло себя посвятилъ благочестивой жизни. Ему пришлось вести непрерывную борьбу съ дьяволами, но послѣдніе всегда оставались посрамленными святостью блаженнаго Андрея.—Мы изложимъ лишь нѣсколько фактовъ изъ житія святаго, отразившихся на міросозерцаніи грузинскаго народа. Такъ, прежде всего, любопытно тутъ описаніе рая, схожее съ народнымъ представленіемъ. Рай благоухаетъ неизъяснимо пахучимъ ароматомъ, навѣваемымъ тихимъ вѣтеркомъ. Кругомъ чудныя деревья, посаженныя десницей Господа. Деревья увѣшаны прелестными плодами, на которыхъ цѣпляются разноцвѣтныя птицы, издающія пріятнѣйшіе звуки. Широкая рѣка обильно орошаетъ райскій садъ, а птицы утоляютъ

жажду ея чистой водой. На берегу рѣки раскинуты виноградныя лозы золотистаго цвѣта, бросающія кругомъ огненные искры. Съ разныхъ сторонъ вѣютъ вѣтерки, приносящіе дыханіе благоухающей природы. Они окрашиваются въ разные цвѣта, то въ красный, подобный порфиру, то въ бѣлый, какъ снѣгъ, и приводятъ въ движеніе благовонные плоды, наполняющіе все кругомъ ароматомъ мұра. За этимъ чуднымъ уголкомъ зияетъ мрачная пропасть, поглощающая все въ своей черной глубинѣ, какъ бурное море. Но Хламидоносецъ, привратникъ рая, успокоилъ св. Андрея и возвелъ его во второе небо, сверкающее подобно снѣгу и оглашаемое пѣніемъ прекрасныхъ мотивовъ. Здѣсь широкое пламя, исходящее со креста, угрожаетъ все поглотить, но Хламидоносецъ разсѣиваетъ страхъ и поднимаетъ его въ третье небо. Сіяющая, какъ молнія, завѣса закрывала небесное воинство, восхваляющее и прославляющее Бога. Минуя ихъ царство, приближаются къ Творцу вселенной и приносятъ Ему поклоненіе.

Въ другомъ мѣстѣ рукописи поддерживается мысль о существованіи трехъ небесъ, вопреки ученію Моисея, признающаго одно небо. Въ бесѣдѣ св. Алексѣя съ Епифаніемъ встрѣчаются возраженія и опроверженія существующихъ въ народѣ суевѣрныхъ представленій. Епифаній спрашиваетъ святаго, насколько вѣрно воззрѣніе, что пророкъ Ілія правитъ облаками, катается на колесницѣ, которая издаетъ громъ, и преслѣдуетъ въ воздухѣ дракона. Андрей отвѣчаетъ, что подобному представленію не слѣдуетъ придавать вѣры, ибо оно составлено невѣрующими или еретиками. Большая часть бесѣды посвящена богословскимъ и космогоническимъ вопросамъ. Ангелы и дьяволы вначалѣ были сотворены по одному образу, но впоследствии дьяволы сдѣлались черными и темными, а ангелы свѣтлыми и блестящими. Самоэль былъ низвергнутъ съ неба не за отказъ поклониться Адаму, какъ говорятъ, а вслѣдствіе зависти къ Богу и желанія окружить себя собственнымъ сонмомъ и создать свою церковь въ воздухѣ.

Адаму были даны для охраны ангелы, и нынѣ у каждаго человека есть свой ангель-хранитель. По истеченіи 7000 лѣтъ пошлетъ Господь страшный духъ, и возмутится вся вселенная. Слѣдуетъ подробное изложеніе воззрѣній о воскресеніи по звуку ангельской трубы всѣхъ мертвыхъ и о страшномъ судѣ.

Изъ другихъ вопросовъ, затронутыхъ въ бесѣдѣ, наиболѣе важными представляются толкованіе о двухъ естествахъ въ Иисусѣ Христѣ, о видимомъ небѣ, о числѣ небесъ, о причинѣ именованія Іоанна Богослова громовымъ. Онъ былъ названъ такъ за свою громкую проповѣдь о Божествѣ. Что такое молнія? спрашиваетъ Епифаній. Св. Андрей

¹⁾ Рукопись переписана гражданскимъ шрифтомъ инокомъ Серапіономъ въ 1851 году и принадлежитъ, судя по припискѣ въ концѣ, княгинѣ Кесарин Дадіани. На первой страницѣ рукою іеромонаха Виссаріона приписано, что блаженный Андрей жилъ въ 5971 году отъ сотворенія міра, память о немъ церковь чтитъ 2 октября. „По Рождествѣ Христовѣ въ V вѣкѣ“. Рукопись хранится въ кожаномъ переплетѣ и заключаетъ 225 страницъ in 4°. Житіе святаго Симеона Салоса, рукопись IX—X в. хранится въ Синайскомъ монастырѣ. *Царем.* Памятники на Синаѣ, стр. 226.

отвѣчаетъ подробнымъ разсказомъ о погруженіи облаковъ въ озеро, гдѣ насыщается водою и потомъ разливается дождемъ, но молнію считаетъ недоступною разуму человѣка и составляющею тайну Св. Троицы. Громъ же происходитъ отъ столкновенія силою вѣтра облаковъ, а не огнемъ, исходящимъ отъ молніи, какъ неправильно думаютъ иные. Снѣгъ зарождается также въ облакахъ. Ангель, поставленный надзирателемъ надъ сокровищницей снѣга, въ моментъ исхода послѣдняго изъ облаковъ отъ бурныхъ вѣтровъ, приближается къ нему и покрываетъ той бѣлизной, съ какою онъ падаетъ на землю. Другія воззрѣнія, до сихъ поръ весьма распространенныя среди грузинскаго народа, также дѣлаются предметомъ обсужденія.

„Вешапи“ или драконъ, проникающій въ большинство грузинскихъ миеологическихъ сказокъ и христіанскихъ легендъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ „житія“ упоминается съ безусловной вѣрой въ его существованіе. Тексты изъ священнаго писанія подрѣпляютъ народное вѣрованіе. Давидъ псалмопѣвецъ говоритъ: „Хвалите Господа дракона“. Вешапи—утроба и гнѣздо дьявола. По природѣ своей „вешапи“ змѣя, но по образу похожъ на человѣка. Дьяволъ входитъ въ вешапи, и послѣдній растетъ до громаднхъ размѣровъ, иногда въ цѣлую гору. Тогда „вешапи“ начинаетъ двигаться, переходитъ съ одного мѣста на другое, стремясь поглотить человѣка. Но милосердый Господь посылаетъ ангела, который огнемъ сжигаетъ его. Душа нечестивая, исходя изъ „вешапи“, ищетъ пріюта и вселяется въ человѣка. Но Господь повелѣлъ ангелу не щадить ни человѣка, ни дерева, ни дома, ни церкви, ни лодки и поражать громомъ и молніей всюду, гдѣ обрѣтается душа дракона. Такъ низвергнутъ вешапи въ адъ, а соумышленники его—дьяволы преданы вѣчному наказанію. Преслѣдованіемъ души „вешапи“ объясняется въ народѣ пораженіе громовымъ ударомъ церковнаго купола ¹⁾, дома или неожиданная гибель человѣка въ полѣ подъ деревомъ.

Конецъ рукописи посвященъ состоянію міра предъ вторымъ пришествіемъ: владычество чернаго царя, усиленіе чародѣйствъ, воцареніе женщины, именующей себя мужчиной, появленіе рыжаго народа „Руси“, нравственный упадокъ Константинополя и пр. Нѣсколькими словами характеризуется адъ, уподобленный могилѣ, гдѣ тѣлесная красота меркнетъ и обращается въ прахъ. Книга пересыпана примѣрами житейскими съ цѣлью искоренить вредные обычаи и проти-

¹⁾ Ср. русскую легенду „Ангель“, бросающій камень въ врьсть.

воцерковные нравы. Рассказывается, какъ св. Андрей останавливалъ одного вора, усвоившаго привычку грабить всѣхъ новыхъ покойниковъ. Въ одну ночь онъ выкопалъ только-что погребенную женщину, снялъ съ нея драгоценности, но не довольствуясь ими, вознамѣрился раздѣть покойницу. Въ защиту своей женской чести, послѣдняя поднялась и нанесла нечестивцу оплеуху. Воръ ослѣпъ, а она стала его топтать ногами, потомъ она снова сошла въ могилу, а тѣтъ со слезами пришелъ въ городъ, разсказалъ всѣмъ о своемъ несчастіи и съ тѣхъ поръ пересталъ заниматься этимъ позорнымъ ремесломъ.

Изъ изложеннаго содержанія можно заключить, что житіе святаго Андрея представляетъ назидательную книгу, дающую въ доступномъ разсказѣ основы христіанскаго ученія и практической жизни. Такимъ характеромъ книги и объясняется ея распространенность въ Грузіи, что можно усмотрѣть изъ многочисленныхъ списковъ житія, дошедшихъ до насъ.

Житіе св. и блаженнаго Іоанна, сдѣлавшагося нищимъ во имя Христа ¹⁾. Жилъ въ Константинополѣ благочестивый мужъ по имени Евтропосъ съ супругой Θεодорой. У нихъ было три сына, изъ которыхъ младшаго Іоанна отдали въ обученіе. 12 лѣтъ мальчикъ уже обладалъ большими познаніями въ философіи и священномъ писаніи и поражалъ всѣхъ своимъ умомъ. Прибывшій въ Константинополь изъ монастыря инокъ по пути въ Іерусалимъ такъ расположилъ къ себѣ юношу, что послѣдній просилъ монаха, по возвращеніи изъ Святой Земли, взять его съ собою въ отшельническую келью. Предварительно же онъ просилъ у родителей Евангеліе оковать ему въ золото и усыпать его драгоценными камнями. Мастеръ за 140 драконовъ приготовилъ прекрасное Евангеліе для Іоанна. Къ тому же времени вернулся монахъ и съ нимъ вмѣстѣ Іоаннъ на лодкѣ, хозяину которой уплатилъ 100 драконовъ, переправился въ монастырь. Здѣсь онъ, будучи обрѣтъ, сталъ вести строгій иноческій образъ жизни, изнурялъ себя голодомъ и вызывалъ въ настоятелѣ монастыря опасеніе, что онъ разстроитъ силы и лишится возможности исполнить даже самыя слабыя требованія устава. Дьяволъ же, вида такую преданность и вѣру во Христа, приступилъ его искушать, напоминая ему объ оплакивающихъ его родителяхъ. Блаженный тогда просилъ благословенія у братіи повидаться съ родными для успокоенія своей души, а не вслѣдствіе утомленія отъ воздержанной жизни.

¹⁾ Изъ рукописнаго (мхедрули) сборника житій святыхъ, списанныхъ священникомъ Петре Хабалианидзе. Даты нѣтъ.

Блаженный Иоаннъ по пути домой встрѣчаетъ нищаго, съ которымъ онъ обмѣнялся платьемъ и въ рубищѣ бѣдняка появился предъ вратами дома своихъ родителей. У привратника онъ просилъ позволенія оставить его во дворѣ и прожилъ тутъ цѣлый годъ въ дуплѣ, питаясь остатками съ трапезы родительскаго дома. Мать блаженнаго Иоанна выразила неудовольствіе, что неизвѣстный нищій въ лохмотьяхъ встрѣчаетъ ее ежедневно, напоминая собою объ сынѣ, и велѣла перевести подалеже отъ глазъ. Но вдали отъ любимой матери онъ получалъ чрезъ привратника подаваніе, которое онъ раздавалъ нищимъ.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Иоаннъ поселился въ домѣ родныхъ, и вотъ явился къ нему во снѣ Иисусъ Христосъ и объявилъ, что въ награду за добровольно паложненное на себя воздержаніе и гоненіе во имя Его, онъ удостоенъ вѣчнаго покоя вмѣстѣ со святыми праведниками. Проснувшись, онъ возблагодарилъ Господа за милость и попросилъ привратника позволенія переговорить съ „царицей“, т. е. съ матерью своей. Царица велѣла привести къ себѣ нищаго. Здѣсь наединѣ онъ взялъ съ нея клятву, что его похоронятъ тутъ-же, въ тѣхъ же лохмотьяхъ. Получивъ отъ царицы обѣщаніе исполнить его волю, онъ передалъ ей Евангеліе, нѣкогда окованное родителями для него. Царица показала полученный даръ супругу, и оба увѣрились, что нищій—это ихъ сынъ, Иоаннъ. Родители стали громко оплакивать, что не вѣдали, что творили, не насладились въ теченіе трехъ лѣтъ созерцаніемъ любимаго сына. Собрался народъ для поклоненія мощамъ блаженнаго Иоанна, и велѣно было соорудить золотую раку для праха святаго и одѣть его, вопреки обѣщанію въ дорогія ткани. Но отецъ, узнавъ о желаніи покойнаго, снялъ златотканное одѣяніе, и возложилъ на него прежнія лохмотья, тогда только мать снова овладѣла способностью рѣчи. Таково житіе блаженнаго Иоанна, обрешаго себя на нищенство во имя Христа. Память о немъ чествуется января 15 дня.

Житіе нищаго Иоанна по своему содержанию близко подходитъ къ разсказу объ Алексіи, человѣкѣ Божьемъ.

Алексій человекъ Божій. Жилъ въ Римѣ праведный мужъ Евфеміаній съ супругой Агнессе, онъ былъ очень богатый, (имѣлъ 3000 рабовъ) но бездѣтный. Каждый день въ его домѣ накрывались три трапезы для нищихъ и сиротъ. Супруги горячо и покорно молили Господа даровать имъ сына въ утѣшеніе и на радость. Господь услышалъ ихъ молитву и даровалъ имъ сына Алексія. Ребенка отдали въ обученіе и быстро усвоилъ онъ священное писаніе и всякую мудрость. Когда онъ созрѣлъ, то родители поспѣшили его женить. Взяли для

него невѣсту изъ царскаго рода и устроили пышную свадьбу. По окончаніи брачнаго пира, Алексій зашелъ къ женѣ, снялъ перстень и поясъ царскій и передалъ ей для сохраненія. Въ полночь при глубокомъ общемъ снѣ, онъ тайкомъ оставилъ домъ и прибылъ въ городъ Клавтиолисъ, расположенный на берегу моря. Онъ велѣлъ лодочнику перевезти его въ Ассирію (!) въ Хертвиси (ср. груз. Хертвиси, сел. Горійскаго уѣзда, Тифлисской губерніи) гдѣ хранится икона Божьей Матери. Въ церкви пресвятой Богородицы онъ, передавъ свое богатое одѣяніе нищимъ, въ нищенскихъ лохмотьяхъ сталъ усердно молиться и поститься отъ воскресенія до воскресенія, принимая въ пищу только двѣ унціи хлѣба и двѣ унціи воды, да и ту порцію онъ отдавалъ нищимъ, если они просили у него. Въ Римѣ, между тѣмъ тщетно искали родители по всѣмъ окрестностямъ своего любимаго сына. Рабы ихъ, прибывшіе въ Ассирію, не узнали своего господина, Алексій же, узнавъ ихъ, отдалъ имъ милостыню, какъ нищимъ. Слезы и плачъ усилились въ домѣ Евфеміанія. Алексій семь лѣтъ провелъ подъ навѣсомъ церкви Богородицы, а по истеченіи этого времени съ неба послышался голосъ священнослужителямъ, чтобы человѣка, стоащаго подъ навѣсомъ ввели въ церковь, ибо онъ удостоился милости Божьей. Алексій же вернулся обратно, въ Лавдикію, сѣлъ на лодку и велѣлъ вѣтрамъ привести въ домъ родительскій. Встрѣтившись съ отцомъ, Алексій не былъ признанъ имъ и просилъ пріютить его, какъ нищаго. Евфеміаній обрадовался, найдя странника, велѣлъ отвести ему комнату и кормить съ господскаго стола. Семнадцать лѣтъ онъ такъ провелъ въ домѣ, что постился съ воскресенія до воскресенія, принимая въ пищу двѣ унціи хлѣба и двѣ унціи воды. Но домочадцы притѣсняли и надсмѣхались надъ странникомъ: обливали его водою, давали пить помон, но Алексій все терпѣлъ, какъ дьявольскіе соблазны.

Когда приблизилась часъ его смерти, онъ попросилъ бумаги и описалъ все съ нимъ случившееся и представилъ держа въ рукахъ этотъ документъ. Голосъ ангела возвѣстилъ патриарху о кончинѣ блаженнаго въ домѣ Евфеміанія. Патриархъ, царь и народъ направились къ жилищу Алексія. Отецъ его разсказалъ о воздержанной жизни представившагося, но взять „карту“ изъ его рукъ не удалось. Но патриарху она была вручена по молитвѣ, и изъ нея вычитали житіе праведнаго. Родители и жена рвали на себѣ волосы съ горя, и не было утѣшенія въ ихъ печали. Предали погребенію прахъ Алексія, человѣка Божьяго и многіе одержимые болѣзнью получали исцѣленіе у его гроба. Мощи его были положены въ особую раку, осыпанную

драгоценными камнями, и онъ стали распространять благовонный аромат.

Это житіе св. Алексія по своему содержанию близко стоитъ къ русскимъ стихамъ объ Алексіи, человѣкѣ Божьемъ. Мы привели изложение житія блаженнаго изъ вышеназваннаго сборника, откуда былъ заимствованъ нами рассказъ о нищемъ Іоаннѣ.

Житіе св. Георгія по рукописи М. П. Сабина. Былъ нѣкто Басила ¹⁾ -каменьщикъ. Разъ какъ-то Басилѣ случилось отправиться въ Сомхетію; близъ Тифлиса, ему явился св. Георгій и поручилъ ему построить храмъ собственноручно безъ содѣйствія постороннихъ лицъ, угрожая за ослушаніе наказаніемъ. Басила, съ прозвищемъ „Болокъ“ (рѣдка), умолялъ святаго освободить его отъ исполненія его воли, такъ какъ съ *сотворенія міра* не было такого случая, при томъ онъ своимъ ремесломъ кормитъ всю семью и трудно ему отказаться отъ жизненныхъ заработковъ. Св. Георгій въ отвѣтъ на эту просьбу предлагаетъ Басилѣ отправиться въ Кларджетію, въ пустынь Огизскій (Описскій?), ²⁾ гдѣ живетъ праведный инокъ Стефанъ, одержимый сильной болѣзью. Во имя святаго Басила долженъ обѣщать иноку исцѣленіе и взять у него лошака (осла) и желѣзо. Изъ желѣза онъ самъ долженъ сдѣлать орудіе безъ помощи другихъ, парюю собственныхъ быковъ возитъ нужный для постройки матеріалъ (камни и пр.), а на осла доставлять песокъ. Помощью людей и другихъ животныхъ ему запрещено пользоваться. Удивленный и пораженный страхомъ, Басила рассказалъ о видѣніи домашнимъ, которые приняли его за помѣшаннаго. Прибывъ въ пустынь, онъ взялъ лошака и желѣза у Стефана, который именовъ св. Георгія тотчасъ же исцѣлился. Сдѣлавъ орудіе изъ желѣза, сталъ работать Басила съ помощью пары быковъ и осла. Св. Георгій его предупредилъ и сказалъ, что тѣми камнями онъ можетъ пользоваться (вынутыми изъ земли и отсѣченными отъ скалы), на которыхъ сидятъ птицы, а другіе должны быть оставлены, чтобы не потерпѣть несчастія и не принять образа птицы. Разъ Басилѣ въ участкѣ, наз. Дчале, показался огромный змѣй съ страшными глазами. Явился св. Георгій и успокоилъ Басилу. Змѣй изгнанъ

¹⁾ Басила т.-е. Василій.

²⁾ Описскій монастырь, по мнѣнію Бакрадзе, назвѣстенъ былъ подъ именемъ *Дѣвятинадцати пустынь*. *Археолог. путеш.* стр. 196. Житіе св. Георгія отчасти подтверждаетъ это мнѣніе. Описскій монастырь находится въ ущельѣ Имеръ-Хевисъ-Цхали, въ складкѣ отрога Карчхали, въ 20 вер. отъ большой батумской дороги.

святымъ въ гору Прасинаули ¹⁾ и, направляясь туда, онъ скрылся за горою Дчаралискою. Другой разъ, когда Басила нагнулся пить воду изъ родника, опять явился ему св. Георгій и удержалъ его отъ питья, такъ какъ въ родникъ имъ низвергнуты дьяволы, и потому нужно всѣмъ объявить, что запрещается оттуда пить воду.

Авторъ житія для сокращенія рассказа хочетъ повѣдать вѣрующимъ одно чудо при добываніи Басилою камней. На горѣ св. Захарія, (назв. такъ, потому что здѣсь находится крестъ св. Захарія) Басила положилъ на свои сани, запряженные парой быковъ, огромный камень. Камень сорвался съ саней, спустился внизъ на равнину къ тому мѣсту, гдѣ была церковь во имя Іоанна крестителя ²⁾, а потомъ Басила отвезъ его на быкахъ сто шаговъ (4 утевани; утевань—25 шаговъ) и поставилъ этотъ камень плитой у западныхъ дверей. Сынъ Басилы „необразованный и свѣтскій“ построилъ домъ при храмѣ св. Георгія, но когда онъ сталъ помогать отцу то камень скатился на Басилу, и палъ онъ мертвъ до появленія святаго. Послѣ этого онъ отказался отъ чужой помощи, построивъ замѣчательный храмъ парой быковъ и осломъ блаженнаго Стефана. Онъ построилъ еще другой храмъ по желанію св. Георгія.

Былъ нѣкто въ плѣну у персовъ. Явился ему св. Георгій и обѣщаль его освободить изъ плѣна, если онъ ему сдѣлаетъ каменный подсвѣчникъ. Будучи избавленъ отъ персовъ, онъ исполнилъ волю святаго, и каменный подсвѣчникъ и *нынѣ* стоитъ въ его храмѣ.

Неизвѣстный другъ сына Басилы взялъ въ храмъ, построенный отцемъ бревно, которое долженъ былъ нести сынъ Басилы, Иванъ. Св. Георгій явился назавануѣ воскресенья и приказалъ сыну Басилы купить болѣе тяжелое бревно и нести самому въ храмъ, угрожая истребить его со всѣмъ семействомъ за ослушаніе. Воля святаго была исполнена. Пока крестъ оставался на храмѣ, птицы не могли пере-

¹⁾ *Вахушти* въ *Географіи* своей не называетъ этой горы. Название ея происходитъ, быть можетъ, отъ грузинскаго слова „праса“—лука—парен (растеніе). Деревню Прасіанъ въ Кахетіи царевичъ-географъ знаетъ, стр. 480. *Descript. géographique.*

²⁾ Въ Описѣ сохранились развалины монастыря во имя Іоанна Крестителя. *Гр. Уварова. Кавказъ, Абхазія, Аджарія, Шавшетія, Псховскій уа-стокъ.* Ч. II, 314. М. 1891. Монастырь этотъ построенъ Гургеномъ, сыномъ Ашота, великаго куропалата, говоритъ *Вахушти. Description géographique.* p. 113. По надписи же, снятой покойнымъ Бакрадзе, оказывается, что монастырь этотъ построенъ или возобновленъ Ашотомъ куропалатомъ. (826—876). *Исторія Грузіи Вахушти*, стр. 122, примѣч. Бакрадзе.

летѣть черезъ него. Когда еще рылъ землю Басила, св. Георгій пред-
ложилъ ему измѣрить глубину. При производствѣ имъ этой работы,
святой прикатилъ на него камни. Крики ужаса издалъ каменьщикъ,
будучи запертъ въ землѣ. Св. Георгій, смѣясь, освободилъ его. Лошакъ
его съ тѣхъ поръ возилъ большія тяжести и во всѣхъ работахъ онъ,
съ помощію св. Георгія, имѣлъ удачу.

Привелъ чудесно св. Георгій юношу въ Алаверди (въ Кахетіи)
и посадилъ его у дверей храма. Пришедшіе на заутреню увидѣли его
завоуваемаго въ цѣпи. Будучи разбуженъ отъ сна, цѣпи пали съ него,
и сталъ онъ прославлять Бога. Пробылъ юноша при храмѣ нѣсколько
времени по приказанію св. Георгія, который далъ ему коня. Онъ
былъ изъ армянъ (?) и слабо зналъ грузинскій языкъ.

Вблизи Цхморици ¹⁾ пошли жители къ морю для пріобрѣтенія ра-
боты. Здѣсь напали на нихъ агаряне и взяли въ плѣнъ двухъ въ Пер-
сію. Въ плѣну они не забыли праздника св. Георгія: одинъ строго
держалъ постъ, а другой менѣе усердно молился. Св. Георгій явился
и обѣщалъ ихъ на конѣ вывезти изъ Персіи. Тотъ, который проявилъ
болѣе упованія на святаго, былъ посаженъ при дверяхъ храма св.
Георгія въ Цхомириси. Видѣли молящіеся его въ цѣпяхъ и стали про-
славлять святаго. Имя этого человѣка *Кванили*, а имя другаго *Ониль*
(съ придыханіемъ). Его не привезъ за его неусердіе святой въ Адчару,
его родину, но оставилъ его на границѣ съ иновѣрными.

Когда напали хваразміицы ²⁾ на Грузію и разорили *большой го-
родъ Тифлисъ* и истребили жителей Имери, каменный крестъ въ храмѣ,
построенномъ Басилой, уцѣлѣлъ. За исключеніемъ блаженнаго священ-
ника Іосифа, внука Басила и его дома никто не устоялъ въ Адчарѣ
противъ врага. Іосифъ на яву и во снѣ часто видалъ св. Георгія. Здѣсь
авторъ житія отказывается перечислять дальнѣйшія чудеса св. Георгія.

Рукопись г. Сабинина, списана по его просьбѣ, съ манускрипта,
хранящагося у частнаго лица въ Кахетіи. Трудно положиться, на-

¹⁾ *Цхомириси*, быть-можетъ, *Цхомириси*, находившейся въ Абхазіи на рѣкѣ
того же имени при впаденіи ея въ Черное море. Построенъ онъ царемъ Саур-
магомъ за 2 вѣка до Р. Х. Мурванъ Абуль-Казимъ разорилъ его въ VII в. Съ
того времени не возставалъ онъ изъ своихъ развалинъ. П. *Тоссемиани. Горо-
рода существовавшіе и существующіе въ Грузіи*, стр. 73.

²⁾ Хварасанскій султанъ Джелаль-Эддинъ разоряетъ Грузію въ царство-
ваніе царицы Русуданъ (1223—1247?), дочери царицы Тамары. Тифлисъ взятъ
имъ въ первый разъ въ 1226 г. и второй разъ въ 1229 году. *Hist. de la Géogrie I*,
504, 501 *Brosset Additions et éclaircissements* p. 314. *Вахушти. Исторія
Грузіи* 224—5.

сколько точно воспроизведена копія и, въ особенности, прочтены ли
вѣрно собственныя имена. Судя по лексическому составу и характеру
конструкціи изложенія рукопись должна быть древняя, хотя не мо-
жемъ опредѣлить эпоху ея, за неимѣніемъ подъ рукою самой руко-
писи. „Караули“ „утевани“ и ряды другихъ—слова архаическія, упот-
ребляемыя въ священномъ писаніи и въ древнихъ рукописяхъ. Судя
по содержанію житія, всѣ здѣсь изложенныя чудеса совершаются въ
предѣлахъ Грузіи и всего чаще упоминается западная ея часть—Клард-
жетія, Адчара, Цхомиси, Опиза и др. Это можетъ указывать на то-
пографическій характеръ происхожденія сказанія. Эту мысль можетъ
подкрѣпить упомянутою въ концѣ житія имя „дѣда нашего“ (то-есть
автора или переписчика) *Абусера*, который былъ эриставомъ Тбети.
При Багратѣ IV (1027—1072) упоминается Эбусеръ, эриставъ Арта-
нуджескій ¹⁾. Тбети расположенъ въ Шавшети и извѣстенъ своимъ
храмомъ св. Георгія ²⁾. Внукъ Абусера удостоился, по рукописи, по-
строить новый храмъ во имя св. Георгія для спасенія душъ родите-
лей и тетокъ Фотинѣ и Сагдухте и трехъ его братьевъ, патрона сво-
его Датисъ Гнутна (?) и Цація и сестры нашей царицы Ванена, по-
строившей церковь во имя Іоанна Богослова.

¹⁾ *Hist. de la Géogrie I*, 311—320.

²⁾ Баградзе. *Археолог. Путешествіе*, стр. 195. Онъ построенъ Ашотъ
Бухомъ (+ 916). См. *Исторію Вахушти*, 313.

ПРИЛОЖЕНИЕ (въ стр. 20—43).

Амиранъ Дареджаніани ¹⁾.

Глава I. Разсказъ объ Абесаломѣ, царѣ индійскомъ. Былъ въ Индіи царь Абесаломъ. Держалъ 100 гончихъ, 600 бѣлыхъ ястребовъ, 300 кобузовъ. Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду приглашалъ на пиръ по 10,000 вельможъ и раздавалъ щедрыя милостыни. Въ четвергъ, пятницу и субботу ходилъ на охоту, а въ воскресенье занимался государственными дѣлами, производилъ судъ и расправу надъ городами и крѣпостями. Разъ, послѣ удачной охоты, одинъ вельможа встрѣтилъ антилопа (сайгу), который имѣлъ рога золотые, глаза и копыта черные, животь бѣлый, спину красную. Донесъ объ этомъ чудномъ звѣрѣ царю. Послѣдній со своей свитой немедленно отправился по слѣдамъ антилопа, прошли пространство семидневнаго пути, но догнать звѣря, скрывшагося въ скаль, не удалось. Среди пустынной мѣстности замѣтили только одинъ каменный домъ, въ которомъ оказались шесть труповъ юношей и одинъ трупъ дѣвицы среди нихъ. Красота ихъ поразила царя и вельможъ. Одинъ изъ юношей въ особенности обратилъ ихъ вниманіе: онъ былъ одѣтъ въ кольчугу и въ рукъ держалъ саблю съ надписью: „Я Амиранъ Дареджанидзе, рабъ (слуга) мой Саварсимидзе; Бадри Яманидзе, рабъ его юноша Индо, Насаръ Нифели и рабъ его Али Далами. Когда мы перебили бѣсовъ (лѣшихъ) и морскую царевну похитили, прибыли въ это мѣсто, гдѣ на насъ напала вся Аравія“. Въ полѣ нашли обломки оружія и кости коня, поразившіе посѣтителей своимъ необыкновеннымъ видомъ. Не было возможности узнать, кто такіе эти таинственные юноши. Царь, крайне огорченный, вернулся домой и прекратилъ устройство пировъ и пріемовъ. Подданные впали въ уныніе. Визирь Джазаръ, наконецъ, осмѣлился предложить царю созвать всѣхъ на пиръ и разспросить, не можетъ ли кто-нибудь сообщить свѣдѣнія о тѣхъ юношахъ. На пиръ между прочими

явился Абуласанъ Абулакамисидзе, который разсказалъ, что его отецъ Абуль Касимъ отправилъ разъ товары въ Багдадъ. На возвратномъ пути изъ Багдада имъ угрожало нападеніе арабовъ на торговый караванъ, поэтому купцы стали ждать благопріятнаго времени для возвращенія на родину. Въ этомъ томительномъ ожиданіи явился къ нимъ одинъ арабъ, который согласился за вознагражденіе провести ихъ безопаснымъ путемъ. По дорогѣ они встрѣтили домъ, гдѣ нашли Амирана въ кольчугѣ и съ нимъ шесть юношей, какъ выше сказано. Послѣ этого царь еще больше опечалился. По совѣту визирей были отправлены во всѣ концы свѣта собрать какія либо вѣсти о загадочныхъ герояхъ. Двое изъ вѣстниковъ прибыли въ Багдадъ и догнали на дорогѣ одного старца, которому разсказали о цѣли своего далекаго путешествія. Старецъ сказалъ, что недалеко отъ нихъ находится городъ, въ которомъ живетъ рабъ Амирана, Саварсамидзе, онъ разскажетъ все имъ нужное. Приблизившись къ городу, гонцы замѣтили статую Амирана на конѣ. Ихъ приняли въ городѣ, угощали, но не спрашивали, зачѣмъ гонцы прибыли. Былъ одинъ громадный домъ, на которомъ былъ нарисованъ Амиранъ. Старецъ Саварсамидзе угощалъ гонцовъ тамъ обѣдомъ. Поднимая первый бокалъ, онъ взглянулъ на Амирана, прослезился и сказалъ: „вотъ человекъ, подобнаго которому не бывало на землѣ!“ Гонцы на четвертый день по пріѣздѣ просили старца отъ имени царя индійскаго повѣдать объ Амиранѣ. Старецъ заплакалъ и сказалъ, что, еслибы они не были посланы великимъ царемъ, онъ бы снялъ съ нихъ головы. Гонцы донесли объ этомъ царю. Послѣдній, опасаясь смерти старца, поспѣшно послалъ къ нему письмо, въ которомъ онъ выражалъ радость, что дни Саварсамидзе такъ долго угодно было Богу продлить, и умолялъ его переселиться къ нему, обѣщаясь, какъ отца, держать его въ покоѣ и почетѣ, за что онъ долженъ повѣдать о господинѣ своемъ Амиранѣ. Въ почтительномъ отвѣтѣ старецъ, „прахъ царя“, отказывался пуститься въ далекій путь по слабости силъ и немощи. Царь не удовлетворился отвѣтомъ и велѣлъ двумъ вельможамъ—Омару и Джунару—отправиться съ трономъ, прикрытымъ балдахиномъ и привести Саварсамидзе. Старецъ былъ принятъ съ почетомъ, дали ему нѣсколько дней отдохнуть, а потомъ онъ сталъ разсказывать отрывокъ изъ жизни своего года, отказавшись повѣдать всѣ „12 главъ“, чего онъ не можетъ кончить въ теченіи года.

Глава II. Разсказъ о Бадри Яманидзе. Внемли царь царей, будь здоровъ, да прославить Господь вѣрныхъ тебѣ и осрамить вѣроломныхъ! Были мы на охотѣ,—говоритъ Саварсамидзе,—гончая поймала серну, а Амиранъ замѣтилъ чернаго витязя съ чернымъ лицомъ, на черномъ конѣ,

¹⁾ Произведеніе это приписывается Мосе Хонели, жившему въ XII в. при царцѣ Тмарѣ. Объ немъ упоминаетъ Ш. Руставели въ послѣдней строфѣ своей поэмы „Барсова кожа“.

который оказался постельничьимъ Бадри Яманидзе. Послѣдній обладалъ необыкновенной силой, такъ что, вслѣдствіе неимѣнія соперника, предался скукѣ, отказавшись отъ пировъ и охоты. Пришелъ къ нему арабъ и предложилъ для развлечения похитить дочь (suli-asuli) морскаго царя. Онъ самъ вызвался его сопровождать, но по дорогѣ онъ покинулъ Бадри, который продолжаетъ путь вмѣстѣ съ Индо юношей и вышеназваннымъ чернымъ витяземъ. Послѣ продолжительнаго скитанія они увидѣли одну палатку, откуда вышелъ *красный витязь* и сталъ бранить Индо. Послѣдній вызвалъ его на поединокъ, побѣдилъ, привязалъ къ коню и привезъ его къ Бадри. Bravo! Носаръ Нифели, ты пожаловалъ къ намъ, говоритъ красный юноша Бадри. Побѣдители заявили, что они не знаютъ Носара Нифели. Вмѣстѣ съ этимъ краснымъ плѣнникомъ поѣхали далѣе и встрѣтили двѣ палатки, въ одной изъ нихъ спалъ юноша, котораго сторожили два воина съ обнаженными мечами. Индо спрашиваетъ, кто они такіе; тѣ же вмѣсто отвѣта предлагаютъ поскорѣе удалиться молча, чтобы не разбудить господина. Индо ихъ однимъ ударомъ повалилъ, ворвался въ палатку и крикомъ разбудилъ витязя. Послѣдній вступилъ въ бой съ Индо, окончившійся неудачно для перваго, онъ также принялъ побѣдителя за Насара Нифели, который просилъ у морскаго царя руки его дочери. Поѣхали далѣе, встрѣтили 12 отрядовъ *чернаго витязя*, которые ихъ приняли за Носара Нифели. Произошла страшная битва, въ которой Бадри спалъ голову съ чернаго витязя и разсѣялъ его отрядъ. Красный витязь привѣтствовалъ Бадри, отомстившему черному витязю за убійство 12 богатырей („бумбурази“). Къ Бадри изъ побѣжденнаго отряда присоединился *Усибъ*, свѣдущій человѣкъ въ той мѣстности. По дорогѣ встрѣтили скалы и лѣса, гдѣ гнѣздились страшные звѣри. Показался единорогъ, котораго геройски убилъ витязь Индо. Затѣмъ вышелъ двуглавый слонъ, изъ пасти котораго исходило огненное пламя. Усибъ его сразилъ послѣ пылкаго единоборства. Двинувшись далѣе, ихъ окликнулъ съ утеса человѣкъ, который держалъ одну змѣю въ рукѣ, а другой былъ опоясанъ. На другой горѣ они нашли двухъ драконовъ—чернаго и бѣлаго. На чернаго напалъ Бадри и удачнымъ ударомъ убилъ его; на бѣлаго же пошли оставшіеся трое витязей. Индо витязя драконъ до поясицы уже проглотилъ, но тутъ на помощь подоспѣлъ Бадри. Послѣ этихъ битвъ, они побѣдоносно сразились съ 3000 воиновъ, охраняющихъ пути и достигли береговъ. Здѣсь они на лодкахъ вступили въ состязаніе съ многочисленнымъ отрядомъ и остались побѣдителями. Переплыли на островъ и нашли на берегу 20.000 прекрасно благоустро-

енныхъ поселеній. Здѣсь они по очереди ночью сторожили и отражали нападеніе враговъ, которые мертвыми падали на полѣ брани.

Борьба ¹⁾ Бадри съ двумя богатырями морскаго царя кончилась въ пользу перваго. Царь предлагаетъ дочери выйти замужъ за побѣдителя. Она соглашается съ условіемъ, чтобы Бадри вступилъ въ состязаніе съ третьимъ героемъ и доказалъ, что нѣтъ сильнѣе его богатыря.

Въ третій бой вступилъ богатырь Арзаманки, въ присутствіи царя, царицы, царевны и вельможъ. Нерѣшительный бой продолжался съ утра до вечера; ночью отъ невѣсты Бадри получилъ красиваго коня и острую саблю. При звукахъ пѣсенъ и музыки возобновился на другой день страшный бой. Вечеръ приближался, сабли переломились, Бадри удачнымъ ударомъ опрокинулъ противника; восторгъ и сочувствіе публики вызвалъ этотъ геройскій подвигъ. Царь далъ побѣдителяю города, сокровища и 100 замковъ. Явились со всѣхъ концовъ подданные съ цѣнными подарками, устроили торжественный пиръ, на которомъ царь снялъ съ себя корону и возложилъ ее на Бадри, благословилъ брачный его союзъ съ дочерью своей. Но Бадри тяжело было оставаться царемъ въ чуждой странѣ. Морской повелитель понялъ это грустное настроеніе и предложилъ ему вернуться на родину, взявъ съ собою жену и сокровища на ослахъ и верблюдахъ.

На пути ночью на нихъ напалъ *Бакбакъ-дэви*, овладѣлъ Бадри, а жена, Усибъ и Индо только на другое утро узнали объ исчезновеніи ихъ повелителя. Молодую царицу привезли обратно къ отцу и извѣстили его о похищеніи Бадри дэвомъ. Царь отправилъ посольство за помощью къ Носару, искателю руки его дочери.

Глава 4. Разказъ Носаръ Нисрели. Городъ Насара не былъ окруженъ стѣнами, и татары, въ отсутствіе владѣтеля, подошли къ нему. Когда Носару послы донесли объ этомъ, то онъ жестоко отомстилъ непріятелямъ за это злодѣяніе. Вмѣстѣ съ послами морскаго царя онъ отправился искать Бадри. По дорогѣ ихъ встрѣтило три всадника, съ которыми Носаръ вступилъ въ жаркій бой. Носаръ привелъ, въ качествѣ побѣднаго трофея, двуликаго человѣка—одно лицо было у него черное, а другое красное; первымъ онъ говорилъ по персидски, а вторымъ—непонятнымъ языкомъ. Онъ умолялъ не убивать его,

¹⁾ Отсюда начинается III глава, насколько можно судить по выцѣпленнымъ черниламъ.

общая быть вѣрнымъ. Въ полѣ на Маиби, Саварсамидзи (нс⁴) и Алидилама напала птица, которая, по убіеніи ея Носаромъ, оказалась величавой въ слона. По пути по очереди они становились стражей и перебивали нападающихъ враговъ. Наконецъ, они приблизились къ замку дэвовъ, въ которомъ плѣнникомъ содержался Бадри Яманидзе. Когда Носаръ спалъ, на него напали братья дэви Бакбакъ и Хазаранъ, вырѣзали землю въ видѣ „гумна“ и похитили его. Саварсамидзе пошелъ просить помощи у Амираана Дареджанидзе. Последний, высказавъ сочувствіе старцу Яману, отцу похищеннаго Бадри, увѣрилъ, что онъ или погибнетъ, или освободитъ его сына изъ плѣна дэвовъ. Двукій человекъ вызвался сопровождать Амираана, легко овладѣвшаго однимъ замкомъ, откуда онъ вывелъ Али-Динами и витязя Индо, также захваченныхъ дэвами, когда они послѣшили на помощь похищеннымъ своимъ господамъ—Бадри и Носару Нисрели. Запечатавъ замокъ, Амиранъ пошелъ искать плѣнныхъ витязей. Въ лѣсу они перебили 500 слоновъ и тигровъ и сѣли на лодку, чтобы переплыть рѣку. Въ серединѣ рѣки лодки провалились, и лодочники взяли подъ мышки Амираана и Саварсамидзе и такъ достигли берега. Изъ пещеры тутъ вышелъ человекъ, который оказался царемъ Дидо, войска котораго перебили дэви, и онъ остался одинъ. Онъ упросилъ Амираана взять его съ собой, общаясь быть ему полезнымъ. Пошли дальше по скалистой дорогѣ, и вдругъ изъ этой пещеры выходятъ громадная змѣя, за которой послѣдовалъ нескончаемый рядъ змѣй; когда перебивать ихъ устали, Амиранъ пустилъ стрѣлу въ ту змѣю, которая сидѣла на вершинѣ скалѣ, и ея убійствомъ кончился приливъ этихъ гадовъ. На ея мѣсто вышелъ человекъ, а за нимъ другой и съ угрозой сказали Амирану, что достанется имъ за убійство змѣи, и *вышли три дракона—черный, бѣлый и красный.*

Амиранъ вступилъ въ бой съ чернымъ дракономъ, съ бѣлымъ предложилъ состязаться Саварсамидзе, а съ краснымъ Усибу. Последний отъ боя отказался въ пользу Амираана. Амиранъ убилъ и краснаго, и бѣлаго дракона, но въ это время *подкрался черный и проломилъ его.* Саварсамидзе догналъ дракона и отрубилъ у него хвостъ. Драконъ скрылся недалеко отъ поля битвы въ воздвигнутомъ домѣ. Друзья Амираана стали плакать, а онъ *вынулъ изъ кармана ножи, вырѣзалъ животъ дракону и вышелъ весь въ крови.* Запечатавъ сокровища въ этомъ домѣ, пошли дальше и встрѣтили Саварсамидзе великана, имѣющаго одинъ глазъ на лбу. Витязь вступилъ съ нимъ въ жаркій бой, убилъ его и донесъ о своемъ подвигѣ Амирану, который поблагодарилъ Саварсамидзе.

На скалѣ замѣтили плачущую будто бы о Бадри женщину. Она пригласила Амираана къ себѣ въ пещеру на обѣдъ и привалила къ выходу огромный камень. *Она оказалась дэви.* Въ пещерѣ былъ одноглазый дэви съ сыномъ своимъ; Амиранъ схватилъ одноглазаго сына и ударилъ имъ въ лицо отца, а глазъ у послѣдняго вырвалъ ножомъ. Дэви у Амираана выпросилъ себѣ жизни, а жену его обманщицу онъ все же убилъ. Мы вошли, говорить Саварсамидзе, и Усибъ убилъ еле дышавшаго дэви. На возвратномъ пути стояли стражей по очереди. Когда караулилъ Амиранъ своихъ сотоварищей, то на него напали дэви Бакбакъ и Хазаранъ. Амиранъ убилъ послѣдняго, а Бакбакъ скрылся. Показался замокъ, гдѣ въ плѣну сидѣлъ Бадри и Носаръ. Вышелъ оттуда Дидо и показалъ имъ тѣнистые сады, орошаемые чудными источниками. Проникнуть въ замокъ не было возможности. Дидо научилъ ихъ прибѣгнуть къ хитрости. Когда громадная птица спустится къ источнику напиться воды, то нужно схватиться за ея ноги, и она подниметъ и опуститъ въ середину замка. Амиранъ такъ и сдѣлалъ; перебилъ всѣхъ дэвовъ, освободилъ плѣнныхъ и на 500 верблюдахъ вывезъ сокровища. Слухъ объ ихъ подвигахъ распространился по всей Аравіи. По дорогѣ они перебили трехъ слоновъ и по прежнему пути вернулись къ Яману.

Глава 5-я. Разсказъ объ Амбри арабѣ. Саварсамидзе, обращаясь къ царю, рассказываетъ, какъ онъ разъ съ Амираномъ въ Багдадѣ былъ, и двое съ крыши указывали на Амираана, говоря: „вотъ человекъ, которому нѣтъ равнаго“, третій же сказалъ, что есть даже лучше его—это Амбри арабъ. Потребовалъ Амиранъ, чтобы онъ разсказалъ объ этомъ арабѣ, но тотъ отказался отъ своихъ словъ, произнесенныхъ „съ похмѣля“. Но по настоянію Амираана, обѣщавшаго ему жизнь, онъ сталъ разсказывать. Въ Аравіи было два царя, враждебные другъ другу, и вся Аравія раздѣлилась на два лагеря: одни поддерживали Ханскаго царя, а другіе—Яманскаго царя. На сторонѣ первыхъ были турки и арабы и побѣдили вторыхъ. У Яманскаго царя былъ приближенный человекъ, Омаръ. Будучи въ изгнаніи, у него родился сынъ Амаръ, котораго отецъ отдалъ въ обученіе витязю Абутару. На седьмомъ году онъ чудно пѣлъ, искусно стрѣлялъ и ловко ѣздилъ на дивномъ конѣ, купленномъ за 300 дравановъ ¹⁾. Въ первой же битвѣ съ разбойниками онъ перебилъ 1500 человекъ, которые оказались изъ подданныхъ Ханскаго царя. Тогда напали на аманцевъ ханцы и опустошили ихъ страну. Амбри арабъ вступилъ во второй бой съ ними (ханцами),

¹⁾ 1 р. 50 к. составляетъ драванъ.

самъ убилъ 1500 человекъ; а Абутаръ его рабъ—500 человекъ. После одной битвы съ ханцами воспитатель и „рабъ“ его Абутаръ былъ взятъ въ плѣнъ, а знаменитый его конь убитъ, но Амбри освободилъ его изъ плѣна, былъ ласково встрѣченъ яманцами, и выпросилъ у царя отрядъ съ цѣлью отомстить туркамъ въ ихъ же странѣ за ихъ опустошенія яманцевъ. Амбри и Абутара распространили ужасъ своими побѣдами среди яманцевъ. Царь ихъ обратился за помощью къ тремъ витязямъ. Съ послѣдними и въ сопровожденіи большого отряда царь выступилъ противъ вторгшихся яманцевъ. До битвы онъ послалъ сказать Амбри, что вѣдь онъ арабъ, а не яманецъ, пусть откажется отъ боя и женится на его дочери. Амбри не принялъ предложенія. Тогда царь вызываетъ Амбри вступить въ единоборство съ его витязями. Онъ сразилъ перваго витязя при звукахъ музыки и пѣнія, забавляющихъ царя, а за нимъ второго и третьяго, самого же царя онъ помиловалъ.

Глава 6-я. Объ Индо витязь. Индо витязь буйствовалъ въ предѣлахъ владѣній яманскаго царя, но послѣдній, опасаясь за жизнь Амбри араба, скрывалъ отъ него, что Индо грабитъ всѣ караваны, вступающіе въ страну яманцевъ. Разъ, когда Амбри забавлялся на пирѣ пѣніемъ и музыкой, показался какой-то человекъ со слезами на глазахъ. На вопросъ Амбри, онъ рассказалъ о грабежѣ его каравана витяземъ Индо. Амбри тотчасъ прекратилъ веселіе, заявилъ царю о своемъ желаніи избавить страну отъ ея разорителей.—Абутаръ первый встрѣтился съ Индо, во время сбросилъ его съ коня ударомъ копы и продолжилъ свою охоту. Первый бой Амбри съ Индо кончился примиреніемъ, такъ какъ они понравились другъ другу. Отыскали Абутара, привели его въ чувство, и Индо извинился, что причинилъ ему по незнанію страданіе. Пятый бой послѣ оглушительныхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону, кончился въ пользу Амбри, который побратался съ побѣжденнымъ и представилъ его царю. Яманцы были очень рады, и царь отдалъ ему своихъ дѣтей подъ покровительство. Старецъ царь умеръ, на престолъ вступилъ его старшій сынъ, а младшій съ Амбри пошелъ отвоевывать у ханцевъ захваченныя у первыхъ земли.

Другой бой съ участіемъ Амбри араба и витязя Индо съ ханцами кончился пораженіемъ послѣднихъ и убійствомъ ихъ царя, павшаго отъ удара Амбри, и смертью арабскаго царя, сраженнаго Индо витяземъ. Всѣ эти поразительные подвиги совершилъ Амбри на глазахъ рассказчика, который разстался съ витяземъ полтора года предъ встрѣчей своей съ Амираномъ. Ко времени этой встрѣчи витязю только 35 лѣтъ исполнилось. Амиранъ проситъ рассказчика провести

ихъ къ Амбри въ Аравію, и вотъ съ огромными сокровищами витязи Амайбъ-Кабанидзе, Али-Маманидзе, Асоль Бадридзе, Камаръ Камрала, Каост Косидзе, самъ Саварсамидзе во главѣ Амирана отправились къ знаменитому витязю. Но по дорогѣ повстрѣчали людей, одѣтыхъ въ траурныя платья, какъ оказалось по распросамъ, въ знакъ выраженія горести по поводу смерти Амбри араба. Витязи очень опечалились этимъ извѣстіемъ и возвратились въ Багдадъ.—Конецъ разсказу объ Амбри арабѣ и витязѣ Индо.

Глава 7. Разсказъ о странѣ свѣтилъ. Багдадскій эмиръ Мули устроилъ пиръ; три его прекраснѣйшихъ сына присутствовали на этомъ торжествѣ. Они были не женаты, и потому царедворцы Абрамъ, старшій визирь и Аджеръ, старшій конетабль предложили царю сыскать невѣсть для царевичей и съ этою цѣлью призвать Амирана, человека бывалаго и знающаго всѣхъ красавицъ въ мѣрѣ. Амиранъ слышалъ, что эмиръ Мули отказывается принять предложеніе дочерей царей греческаго, индійскаго и хозарскаго и потому на время отклоняетъ исполнить желаніе багдадскаго повелителя. Тогда отправились выше-названные царедворцы навести справки о лучшихъ невѣстахъ. По дорогѣ они полагали разойтись: одному идти на востокъ, другому на западъ и на 30-й день сойтись на томъ же мѣстѣ. Но тутъ они встрѣтили слона съ треномъ, на которомъ возсѣдала красавица, сияющая, какъ солнце. Ея спутникъ, Абуталибъ въ красномъ одѣяніи, узнавъ о цѣли царедворцевъ, указалъ на „страну свѣтилъ“, гдѣ царствуетъ Аспаль, имѣющій семь „свѣтящихъ“ дочерей. Царедворцы донесли объ этомъ пріятномъ открытіи эмиру Мули, который призвалъ Амирана, напомнилъ ему, что онъ обѣщался исполнить его желаніе и съ безсчетными сокровищами отправилъ своего витязя на разысканіе страны свѣтилъ.

Абу Талибъ, который самъ разсказалъ эмиру Мули о чудной странѣ, далъ въ проводники Амирану своего раба, который покинулъ караванъ съ небольшимъ отрядомъ въ неизвѣстной мѣстности. Побѣдивъ напавшихъ разбойниковъ, Амиранъ съ Саварсамидзе, Абаномъ Кабанидзе, Али Моаманидзе, Асаномъ Бадридзе, Каморъ Камрала, Косомъ Косидзе двинулись далѣе и встрѣтили на верблюдѣ въ красномъ одѣяніи человека, который оказался братомъ Абу Талиба. Онъ вызвался ихъ сопровождать въ искомую страну и сообщилъ о ней предварительныя свѣдѣнія: царя Аспана окружаютъ четыре богатыря, получающихъ въ день 1000 дракановъ, и шесть другихъ богатырей, получающихъ по 500 дракановъ. Никто не въ силахъ съ ними состязаться. Прибыли Свимонъ, царевичъ синскій (китайскій?), Яманъ витязь, царевичъ

вичъ Яманскій, Лакуръ, царевичъ Деламакскій (?) и Хосра, царевичъ Хозарскій, чтобы похитить дочерей царя Астана. Последній поручилъ опытнымъ „эриставамъ“ Лосору Лосоминидзе 200,000 воиновъ, а Кабару Кависдзе 150,000 воиновъ противъ вторгшихся въ страну царевичей. Эриставы пали на полѣ брани и приступили къ Астану съ требованіемъ выдать дочерей. И Амирану придется вступить съ ними въ борьбу. Абу Талибъ донесъ царю о приходѣ Амираана. Астанъ много слышалъ о геройствѣ багдадскаго богатыря и выслалъ къ нему на встрѣчу четырехъ витязей. Царь принялъ Амираана ласково и одарилъ его щедро. На другой день его со свитой пригласили на пиръ прибывшіе къ Астану вышеназванные царевичи.

По предложенію царя, царевичи, искатели рукъ его дочерей, вступаютъ въ бой съ его витязями. Первый вызвался въ единоборство царевичъ Синскій, Свимонъ, въ присутствіи Астана, царицы и царевенъ. Царскій богатырь былъ убитъ царевичемъ при общихъ кликахъ радости собравшагося народа. За нимъ на другой день послѣ торжественнаго пира выступилъ въ бой Хосро, царевичъ Хозарскій, замѣчательный стрѣлокъ, и также остался побѣдителемъ. Яманъ витязь, царевичъ Яманскій, недолго боролся съ царскимъ богатыремъ: его онъ выбросилъ съ сѣдла и размахомъ сабли отрубилъ ему голову. Началось пѣніе и музыка на пирѣ по поводу счастливой побѣды. На другой день Ласуръ Делама вступилъ въ единоборство съ оставшимся четвертымъ богатыремъ Астана и остался побѣдителемъ. Царевичи предложили Астану для заключенія мира выдать за нихъ дочерей или выслать противъ нихъ новыхъ богатырей. Астанъ еще разъ прибѣгъ къ семи своимъ богатырямъ, вызвавшимся противъ витязей-азнауровъ (дворянъ!) царевичей, но и они потерпѣли пораженіе. Тогда царь предложилъ вступить Амирану и его свитѣ въ бой съ царевичами, такъ какъ обѣ стороны являются искателями рукъ его дочерей.

Амиранъ поочередно сбросилъ царевичей съ лошади, пробивъ шлемы ихъ, воздержавшись ихъ убить, какъ царевичей: въ одинъ день Свимона, Синскаго царевича, на другой день Хосро, Хозарскаго царевича, на третій витязя Ямана, а на четвертый Ласура, Динамскаго царевича, хотя этотъ послѣдній и пробилъ шлемъ Амираана. Царь, царица, царевны и весь народъ, присутствовавшій при этихъ бояхъ, прославлялъ Амираана, говоря, что нѣтъ богатыря равнаго ему. Звуки музыки и пѣнія радостно встрѣчали побѣдителя. Саварсамидзе, который рассказываетъ объ Амиранѣ, по обыкновенію послѣ каждаго боя прибавляетъ, что „такого славнаго состязанія никто никогда не видалъ“. За Амираномъ вступили въ бой шесть его рабовъ съ шестью

азнаурами — витязями царевичей, и послѣдніе потерпѣли пораженіе. Послѣ всѣхъ этихъ состязаній *царевичи съ Амираномъ потребовали отъ царя Астана выдачи дочерей за нихъ*¹⁾. Красавица оберегала войско: трехъ старшихъ по 3000 человекъ, а остальныхъ по 1000 избранныхъ воиновъ. Амиранъ и царевичи разбили охрану красавицы, первыхъ трехъ изъ нихъ взялъ Амиранъ для багдадскихъ царевичей, а послѣднихъ четырехъ отдалъ воевавшимъ съ нимъ царевичамъ. Дочери именитыхъ вельможъ Астана были выданы за тѣхъ азнауровъ-витязей, сыграли торжественную свадьбу, и съ большимъ приданымъ различныхъ сокровищъ на 1000 ослахъ и 2000 верблюдахъ отпустилъ царь своихъ дочерей.

Багдадскій эмиръ Мули отпраздновалъ пышную свадьбу, „невыразимую языкомъ“ по своей роскоши. Роздалъ большія милостыни Амирану и всѣмъ его спутникамъ. Конецъ разсказа о странѣ свѣтилъ гласить: „Будь живъ, царь, во вѣки, да возвеличится царствованіе твое, и да будетъ оно безконечнымъ до скончанія вѣка. Аминъ“. Такъ обыкновенно завершается каждая глава повѣсти.

Глава 8. Разсказъ о чародѣйствѣ. Разъ утромъ Амиранъ призвалъ къ себѣ Саварсамидзе и съ печатью горести на лицѣ указалъ на образъ замѣчательной красавицы, нарисованной на стѣнѣ. Оказалось, что *Амирану являлась* во снѣ какая-то таинственная женщина, говоря: „развѣ подобаетъ тебѣ, витязю Амирану Дареджанидзе не *лицезрѣть „солнце“*“ (т. е. красавицу), когда она обрѣтается въ мірѣ!“ Амиранъ проснулся и призналъ вѣстницу за нечистый духъ, но когда заснулъ, та же особа нѣсколько разъ являлась, повторяя свои слова, и въ заключеніе нарисовала образъ неизвѣстной красавицы на стѣнѣ. При этомъ она заявила, что ей неизвѣстно, въ какой странѣ живетъ красавица. Огорченіе Амираана и его раба Саварсамидзе не имѣло способа излѣченія. Случилось, что, возвращаясь съ ипподрома, они встрѣтили ночью всадника въ красномъ одѣяніи и вышитой золотомъ шапкѣ. Обращаясь къ Амирану, онъ говоритъ: „я знаю, ты опечаленъ видомъ неизвѣстной красавицы, ты чрезъ Индію найдешь къ ней дорогу“. Сказавъ это, онъ исчезъ. На другой день, назначивъ надъ городами и крѣпостями вѣрныхъ начальниковъ и вмѣстѣ съ Саварсамидзе, Абаномъ Кабанидзе и Коосомъ Косидзе выступили въ путь,

¹⁾ Курсивомъ я отмѣчаю большую часть мѣста, которыя находятся въ связи съ устнымъ сказаніемъ. Вопросъ же о происхожденіи „Амиранъ-Дареджанида“ мы разберемъ во II-й части нашихъ Очерковъ по исторіи словесности.

а Али Моамадидзе, Асаль Бадридзе и Камарь Камрели въ это время отсутствовали. Встрѣчаютъ путниковъ на утесѣ человекъ и предупреждаетъ, что ихъ ожидаетъ толпа грозныхъ разбойниковъ. Коосъ одинъ нападаетъ и перебиваетъ 500 всадниковъ. Далѣе встрѣтили трехъ трехъ путниковъ, спасшихся отъ разбойниковъ изъ цѣлаго каравана. Абанъ Касидзе догналъ 1000 человекъ, перебилъ ихъ и самъ получилъ легкую рану. Вступили путники въ безлюдную жаркую пустыню, гдѣ ни птицъ, ни воды, ни травы не было. Амирану послышался конскій топотъ; скоро показался неизвѣстный всадникъ, который по имени привѣтствовалъ Амирана съ прибытіемъ и исчезъ. Спутники узнали въ немъ дьявола и взволновались. Подѣхали другіе на сѣренскихъ ослахъ въ желтыхъ одѣяніяхъ съ золотыми покрывалами и также привѣтствовали Амирана, слухъ о геройствѣ котораго дошелъ и до нихъ. Они оказались членами каравана изъ Басра, во главѣ которыхъ стоялъ старецъ Абрамъ. Они возвращались изъ Индіи, куда ѣздили съ торговою цѣлью вмѣстѣ съ астрологомъ („мунаджиби“); послѣдній, взглянувъ на свою астролябію („стролаби“), предсказалъ счастливый пропускъ. Узнали о движеніи каравана витязи-разбойники, сыновья Амтараба, и преградили имъ путь. Въ виду страха они спрятались въ оврагѣ, а астрологъ по астролябии возвѣстилъ, что четыре перса появятся и спасутъ ихъ отъ разбойниковъ, а черезъ нѣсколько времени онъ прямо заявилъ, что багдадскій богатырь Амиранъ Дареджанидзе, левъ львовъ, придетъ къ нимъ съ тремя спутниками. Человекъ, привѣтствовавшій предъ тѣмъ Амирана, былъ отправленъ изъ каравана и, вернувшись, онъ донесъ купцамъ о приходѣ непобѣдимаго героя. Но помимо тѣхъ разбойниковъ, которыхъ Амиранъ легко перебилъ и разсѣялъ, угрожалъ каравану красный витязь, который по астролябии непобѣдимъ никѣмъ. Купцы стали плакать, а Амиранъ ихъ успокоивалъ. Амиранъ разбилъ еще шесть витязей въ желтыхъ и шесть въ красныхъ одѣяніяхъ, и послѣ своего пораженія, они исчезли. Убитые же разбойники, сыновья Аштара, оказались племянниками краснаго витязя, который прислалъ требованіе Амирану, чтобы послѣдній оставилъ караванъ, угрожая ему мстью за гибель племянниковъ. Амиранъ не принялъ предложенія „краснаго витязя“, и произошло составленіе между ними. Красавецъ „красный витязь“ съ войскомъ въ красномъ одѣяніи и съ красными палатками прибылъ на разсвѣтъ противъ Амирана. Началась страшная битва, какъ будто двѣ горы столкнулись, и стукъ ихъ кольчугъ походилъ на небесный громъ. Амиранъ побѣждаетъ „краснаго витязя“, воины котораго извѣщаютъ поворность багдадскому герою, но послѣдній освобождаетъ ихъ,

говоря, что ихъ повелителя онъ не имѣлъ въ виду убивать, а случилось это несчастіе нечаянно и противъ его воли. Караванъ привѣтствовалъ Амирана и одарилъ его богатыми приношеніями. Старецъ Абрамъ спрашивалъ Амирана, съ какою цѣлью послѣдній путешествуетъ по безлюдной степи. Амиранъ, смѣясь, отвѣчаетъ: ты заботься о торговлѣ, а объ этомъ моемъ путешествіи къ чему спрашиваешь? Но раздумавъ, онъ разсказалъ ему обо всемъ. Оказалось, что рабъ старца зналъ дорогу къ той красавицѣ. Старецъ догналъ и передалъ четыре порфиры и четыре жемчуга, говоря, что они ему пригодятся.

Пройдя значительное пространство, они нашли домъ, на стѣнѣ котораго оказался портретъ той же таинственной красавицы. Надпись гласила, что это образъ Хварешаны. Проводникъ заявилъ, что отсюда дорога лежитъ черезъ скалу, гдѣ находится очарованный мѣдный человекъ, убивающій всѣхъ проходящихъ. Для испытанія погнали верблюда, который былъ убитъ мѣднымъ человекомъ ударомъ сабли. Никто кромѣ Амирана не осмѣлился вступить въ бой съ этимъ страшнымъ лицомъ. Амиранъ сѣлъ на коня, положилъ саблю и взялъ посохъ; погнавъ предъ собой верблюда, онъ подѣхалъ къ скалѣ мѣднаго человека: послѣдній поразилъ верблюда и вернулся въ пещеру, а въ это время Амиранъ напалъ и ударомъ посоха сокрушилъ чудовище. Звукъ трубы и барабана встрѣтили въ знакъ радости побѣдителя. Вошли въ пещеру и тамъ увидѣли образъ прекраснаго витязя на стѣнѣ съ надписью: „Когда я, доблестный Бакаджаръ, послѣ страшной войны вывезъ красавицу, тогда здѣсь астрологъ мой создалъ это чародѣйство, чтобы никто ее не могъ отсюда похитить“. Нашли и другой образъ, надпись подъ которымъ гласила: „Я, астрологъ Жамсаръ, создавшій это чародѣйство; никто, за исключеніемъ самаго сильнаго льва-героя, сюда не можетъ придти, а въ особенности отсюда уже пусть не рассчитываетъ выйти, иначе погибнетъ. На другой день Амиранъ съ спутниками, однако, двинулись далѣе и скоро услышали ревъ слона, оказавшагося мѣднымъ, на его ревъ приближали львы одни за другими, которыхъ они не могли перебить, пока Коосъ Косидзе не сокрушилъ мѣднаго льва.

Проводникъ оставилъ путниковъ, и они шли, не зная дороги, куда глаза глядятъ. Видятъ что-то мѣдное въ родѣ гумна, и стоитъ мѣдный человекъ страшной величины, рядомъ съ нимъ другой мѣдный человекъ, который заигралъ въ трубу, какъ только увидѣлъ путниковъ. На эти звуки высыпалось безчисленное войско, и произошла страшная, безконечная битва. Наконецъ Абанъ, Кабанидзе напалъ на мѣднаго человека, нанесъ ему ударъ, но чудовище повалило его, также были поражены Коосъ Косидзе и Саварсамидзе. Тогда Амиранъ,

вооружившись посохомъ, вступилъ въ чудовищный бой съ мѣднымъ челоукомъ (а войско послѣдняго по звукамъ непрерывно прибываетъ) и сокрушилъ его послѣ продолжительнаго состязанія. Прославили его шесть зеленыхъ и шесть красныхъ музыкантовъ, говоря, что нѣтъ ему героя равнаго, а на другой день зеленое и желтое войска также принесли поздравленіе и удивленіе, что Амиранъ первый проникъ въ ихъ страну. Зеленое войско принадлежало царицѣ, а красное Хварешанъ, отецъ которой Остарасъ предъ тѣмъ скончался.

Славные города и дворцы, выстроенные въ красный цвѣтъ, были Хварешаны, а въ зеленый цвѣтъ царицы. Вошли въ городъ и встрѣтили женщину съ двумя мальчиками; напали на послѣднихъ два льва — одинъ похитилъ одного ребенка, а другаго — другой. Горько заплакала мать, а Амиранъ, видя это, крикнулъ на львовъ, и они бросили дѣтей, а львовъ Амиранъ ударилъ другъ о друга головами и перебилъ. Горожане привѣтствовали и одарили Амираана приношеніями. Городъ былъ такъ великъ, что съ разсвѣта до полудня прошли только его половину; онъ былъ окруженъ зеленой стѣной съ вратами тоже зеленого цвѣта, похожаго на изумрудъ. У царскаго дворца стояла стража изъ 2000 именитыхъ, которые поклонились Амирану. Вошли во дворецъ и увидѣли тронъ, покрытый жемчугомъ и изумрудомъ, а предъ ними растлались золотые шитые ковры. Здѣсь его встрѣтилъ главный придворный со свитой, изящно одѣтый. Съестъ ихъ пригласили на золотые стулья, и словно лучи солнца поразили ихъ два драгоценныхъ камня, багровый и бѣлый. Отворились двери, и вошли дамы, а за ними царица и Хварешана. Амиранъ всталъ, и они обмѣнялись привѣтствіями. Царица выражала свою радость, что Богъ оказалъ ей милость узрѣть такого жениха-героя для дочери. Принесли гостямъ-героямъ дорогія одѣянія, и царица оставила ихъ для отдыха послѣ страшныхъ трудовъ. Царица отправила письма во все концы государства, приглашая вельможъ и народъ узрѣть зятя и будущаго ихъ царя, — она сама уже стара, а „краса красавицъ“ остается безъ мужа. Гости и представители явились съ подарками и привѣтствовали небывалаго героя, прошедшаго трудные пути. Свадьба была отпразднована необыкновенно пышно; на двухъ тронахъ возсѣдали царь Амиранъ и его молодая жена царица, на обѣихъ сіяли изумрудные вѣнцы. Спутникамъ Амираана были розданы щедрые подарки; за каждымъ новымъ пиромъ мѣнялась драгоценная посуда и раздаваемые одѣянія. По предложенію царицы, гости отправились на охоту въ сопровожденіи 60 гончихъ и 60 ястребовъ. Охота была весьма удачна. Затѣмъ отправились въ удѣлъ молодой царицы, и тамъ въ новыхъ чудныхъ владѣніяхъ продолжа-

лась свадьба и охота. Амирану были вручены 100 ключей со 100 сокровищницъ. За пиромъ подали изумительные плоды, подобныхъ которымъ нигдѣ нельзя было найти. Старая царица скрывала отъ Амираана, откуда эти плоды: она говорила, что ей поднесли ихъ купцы изъ Индіи. Амиранъ зналъ индѣйскіе караваны и не повѣрилъ. Нѣкто Али вельможа, по настоянію Амираана, заявилъ, что вышеозначенный астрологъ Мунаджибъ изъ свиты Бакаджа околдовалъ прекраснѣйшій садъ, гдѣ растутъ эти плоды и откуда выносятся они только рѣкой. Садъ оберегается дракономъ, и никто не можетъ туда проникнуть. Несмотря на слезы невѣсты и просьбы другихъ, Амиранъ приготовился въ бой съ дракономъ. Мѣдныя двери сада оберегались двумя драконами. При приближеніи Амираана и его войска, драконы стали выбрасывать изъ пастей камни и огонь, а ревъ ихъ походилъ на морскую бурю. Выступили мѣдные люди со страшными головами. Амиранъ напалъ прежде всего на большого дракона; Хварешана-царица пролила горько слезы, когда мѣдные люди убили коня подъ Амираномъ и послѣдній пѣшій напалъ на дракона, разинувшаго пасть съ цѣлью поглотить богатыря. Амиранъ переломилъ надъ дракономъ двѣ сабли, затѣмъ чудовище егохватило за ноги и до колѣна проглотило его. Амиранъ досталъ изъ обуви ножъ и вонзилъ его въ горло дракона; послѣдній выпустилъ богатыря и бросился на Саварсамидзе, котораго съ конемъ вмгъ проглотилъ, но тутъ Амиранъ нанесъ ударъ саблей и перерубилъ его. Маленькій драконъ похитилъ Абанъ Кабанидзе съ конемъ, но его отбилъ Коосъ Косидзе. Убили этого дракона и всѣхъ мѣдныхъ людей. Зашли въ чудный садъ, гдѣ нашли удивительныя деревья.

Амиранъ съ Хварешаной побѣдителемъ возвращается въ Багдадъ. По дорогѣ у него происходитъ бой съ братомъ „краснаго витязя“, Сабуромъ Рабагидзе. Съ этимъ же вступили въ состязаніе двинувшіеся на розыски Амираана его оставшіеся въ Багдадѣ витязи Алп-Моамидидзе, Асанъ Бадридзе и Камаръ Камрели. Амиранъ подоспѣлъ къ ихъ битвѣ, побѣждаетъ брата „краснаго витязя“, но не убиваетъ по просьбѣ его войска, такъ какъ онъ одинъ остается въ домѣ родителей. Амиранъ его предупреждалъ, что и братъ его погибъ отъ гордости и потому совѣтовалъ оставить попытку мести. Тотъ не послушался и потерпѣлъ пораженіе. Конецъ разсказа о чародѣйствѣ: Амиранъ пригласилъ художниковъ и поручилъ имъ нарисовать образъ его и всѣхъ витязей въ томъ домѣ, гдѣ находился портретъ красавицы Хварешаны.

Глава 9-ая. Разсказъ о Сенедвиль Дариспанидзе. Разъ эмиръ Мули за обѣдомъ послѣ удачной охоты въ домѣ, подобнаго которому

Саварсамидзе ¹⁾ не видалъ, просилъ рассказать что либо. Нѣкто Омадъ Амадисдзе повѣдалъ о своихъ подвигахъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ пѣлъ прекрасно и всѣхъ своихъ сверстниковъ побѣждалъ; тигра, льва и другихъ звѣрей, какъ кошекъ убивалъ. Подросши, онъ вызвался сопровождать караванъ изъ Нисри, бывшій въ Багдадѣ, съ цѣлью оберегать его отъ разбойниковъ. Послѣ побѣды надъ послѣдними, онъ не рѣшился вступить въ бой съ Амираномъ и отправился въ Васри, на который, вскорѣ по его приходѣ, напалъ арабскій царь. Витязь послѣдняго побѣдилъ трехъ лучшихъ богатырей басрскихъ, и за убійствомъ ихъ оставалось сдать городъ неприятелямъ. Но тутъ вызвался въ бой съ арабскимъ витяземъ Омадъ Амадисдзе и сразилъ его. Онъ получилъ большія награды отъ басрскаго владѣтеля и отправился въ путь, по которому онъ встрѣтилъ палатку; въ ней сидѣлъ на тронѣ человекъ, рядомъ съ которымъ сидѣла красавица, какъ солнце. Отъ него онъ потерпѣлъ поражение и побѣдитель исчезъ, а побѣжденный двинулся далѣе. Встрѣтилъ онъ всадника, который самъ въ себя вонзилъ ножъ, отказавшись отъ боя, а въ гнѣвѣ на другаго путника безъ вызова пустилъ коня и повалилъ его, объяснивъ ему, что онъ испытываетъ свои силы. Путникъ назвалъ Амадисдзе достойнаго ему соперника— Сепедвале Дариспанидзе. По пути къ нему онъ встрѣчаетъ пастуховъ, за ними табунчиковъ Дариспанидзе, которые пьютъ вино за своего витязя. Они его спрашиваютъ, чтобы онъ не убивалъ Дариспанидзе, а другой путникъ, одѣтый въ золото, сказалъ Амадисдзе, что нѣтъ богатыря равнаго Дариспанидзе. Отецъ его Дариспанъ также отличался геройствомъ, и по его смерти, врагъ Парсанъ Рабашанидзе отнялъ у малолѣтнаго сына его много городовъ и имѣній. Подросши, Сепедвале узналъ объ этомъ отъ матери и вызвался себѣ возвратить потерянные владѣнія. Онъ разбилъ замки своего врага, взялъ ихъ города, сразилъ слона, на которомъ сидѣли 12 воиновъ и побѣдоносно возвратился домой.

Разъ къ нему приходятъ послы отъ береговыхъ жителей Индіи просить помощи противъ единорога. Жители приняли его съ восторгомъ и показали ему единорога, втрое превосходящаго слона, но онъ его убилъ, какъ коза. Рассказавъ этотъ подвигъ Омаду Амадисдзе, путникъ напрасно удерживалъ его отъ состязанія съ Дариспанидзе. Прибыли въ городъ, богатый и чудный. Здѣсь онъ встрѣтился съ Дариспанидзе, которому онъ объяснилъ, что ищетъ случая примѣнить свои богатырскія силы. Послѣ большихъ угощеній Дариспанидзе вышелъ

¹⁾ Онъ воспитывался въ Персіи, но бывалъ во всей Индіи.

въ бой съ нимъ, сломалъ ему плечо и самъ же приставилъ доктора лѣчить больнаго,

Вмѣстѣ съ Дариспанидзе и его рабомъ, Омаромъ Абрамидзе, побѣжденный Омадъ Мадидзе отправился добывать для своего побѣдителя дочь ченскаго (китайскаго?). По пути они спасли караванъ отъ разбойниковъ, за что въ благодарность купцы указали на женщину Шаосани (черненькая), которая поможетъ имъ по дорогѣ, исполненной разныхъ чародѣйствъ. Шаосани обѣщала Дариспанидзе свое содѣйствіе, если онъ освободитъ ея дѣтей отъ дэви Разимантъ, который мужа и братьевъ ея уже перебилъ. Дариспанидзе приблизился къ крѣпости, гдѣ обиталъ дэви и послѣ отчаянной битвы убилъ его, дѣтей Шаосани освободилъ и ей же отдалъ всѣ сокровища, оказавшіяся въ крѣпости дэви. Шаосани не скрываетъ отъ Дариспанидзе тѣхъ трудностей, которыя ему придется преодолевать по пути къ дочери ченскаго царя. Дариспанидзе и спутники его встрѣтятъ на дорогѣ русло рѣки, по которому отъ крика крылатыхъ мужей пойдутъ бурные потоки; для предохраненія отъ гибели она даетъ ему лѣкарство, которымъ онъ долженъ подмазать ноги и такъ переплыветъ рѣку. Потомъ они очутятся въ непроницаемомъ мракѣ, который можетъ быть разсѣянъ другимъ лѣкарствомъ, врученнымъ Шаосани. Выбившись на дорогу, они попадутъ въ околдованный садъ, съѣденіе плодовъ изъ котораго причинять потерю сознанія. Все такъ и случилось. Дариспанидзе перевезъ подъ мышкой Омара чрезъ бурный потокъ, *разсѣялъ мракъ даннымъ лѣкарствомъ*, поѣли въ паркѣ плоды, напоминающіе вкусъ дыни, и спутники Дариспанидзе потеряли сознаніе, а на крикъ сторожа нахлынуло войско, которое однимъ Дариспанидзе было перебито. Достигли башни, гдѣ была царевна ченская, вывели ее оттуда, посадили на носилки и похитили ее, прежде чѣмъ узналъ объ этомъ ея отецъ. Первый напалъ на похитителя витязь Доразъ, но былъ отраженъ Омадомъ Мадидзе. Вскорѣ и самъ царь съ женихомъ дочери, арабскимъ царевичемъ, погнался за Омадомъ Мадидзе. Но соперникъ послѣдняго былъ убитъ, войско разсѣяно, а богатырь Росадъ съ единорогомъ послѣ страшной битвы былъ пораженъ. Царь, видя такую храбрость своего врага, примирился съ нимъ и съ радостью призвалъ его затѣмъ своимъ. По пути домой Дариспанидзе встрѣтилъ Шаосани, получилъ отъ нея чудныя подарки: платье, блестяще вышитое жемчугомъ и драгоценными камнями, наилучшаго коня и др.; Дариспанидзе взялъ ее на родину, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ соотечественниками. Шаосани была одарена и возвращена домой. Амиранъ, выслушавъ этотъ рассказъ, пожелалъ сразиться съ неизвѣстнымъ сопер-

никомъ, раздѣляющимъ съ нимъ славу непобѣдимаго витязя. Со своими вѣрными рабами Амиранъ прибылъ въ богатый городъ Дариспанидзе, гдѣ были приняты очень ласково, нѣсколько времени провели въ веселіи и наслажденіи, при звукахъ пѣнія и музыки, наконецъ, на одномъ пирѣ Коосъ Косидзе подалъ двумъ знаменитымъ витязямъ два кубка витязя и провозгласилъ, что давно приблизился часъ ихъ состязанія. Царица была противъ ихъ боя, но онъ былъ неизбеженъ. Раздѣлили войско на двѣ части, выбрали по 100 коней и стали убивать другъ у друга коней: по парѣ, по 20, 40 и 100. Побѣда оставалась то на одной, то на другой сторонѣ. Наскучило имъ убивать коней, и явилось рѣшительное желаніе кончить бой единоборствомъ. Бой былъ страшный и необыкновенный, конца его нельзя было предвидѣть, поэтому предложили примириться, хотя побѣда видимо осталась за Амираномъ, такъ какъ онъ выбилъ у противника поднятую на него саблю, а Сенедвалидзе говорилъ („неправду“), что онъ самъ ее бросилъ. За боемъ послѣдовалъ перъ, на которомъ Амиранъ и Сенедвалидзе побратались и обѣщали взаимно, въ случаяхъ нужды, помощь. По пути въ Багдадъ Амиранъ повстрѣчалъ великана - витязя Антрикавадзе, который съ „арканомъ“, какъ человѣкъ дикій, вступилъ въ бой съ багдадскимъ героемъ, но самъ потерпѣлъ поражение, а войско его было разбѣяно. Въ палаткѣ его нашли неисчислимое богатство, которое, подѣливъ между собою, спутники Амирана привезли съ собою на родину.

Глава 10. Разсказъ о Мзечабуки („Юношѣ-солнцѣ“). Во время одной охоты Амиранъ убилъ двухъ львовъ. Видѣвши навшихъ царей звѣрей нѣкій „черный человѣкъ“ сталъ горько плакать. Его привели къ Амирану и попросили сказать, почему онъ плакалъ. „Я Раибъ, — началъ онъ, — воспитывался въ Араніи плѣнникомъ. Подросши, я присоединился къ тремъ арабскимъ разбойникамъ, которые наводили ужасъ на торговые караваны. Разбогатѣли мы замѣчательно, зиму проводили въ долинѣ, а лѣто въ горахъ. Разграбили мы разъ удачно одинъ караванъ и возвращались къ своей стоянцѣ, какъ замѣтили, что двое напали на одного изъ членовъ каравана и безжалостно его изрубили. Мы догнали ихъ, освободили раненаго и излѣчили его. Онъ, по нашей просьбѣ, объяснилъ, что въ качествѣ путеводаителя обѣщался караванъ провести благополучно, но такъ какъ надежда его не исполнилась, то ему и отомстили такъ жестоко. Онъ остался съ нами и указалъ намъ на табунъ лошадей, который можно было бы угнать безнаказанно. Когда мы съ новымъ табунномъ, во главѣ новаго проводника, направилась въ путь, то насъ догнали четыре всадника и спросили, зачѣмъ мы угнали чу-

хой табунъ. Не получивъ отвѣта, одинъ изъ этихъ четырехъ всадниковъ, Мзечабуки, напалъ на насъ и сталъ рубить. Оказалось, что раненный человѣкъ прибѣгъ къ хитрости и указалъ на табунъ Мзечабука, чтобы побудить его къ мести. Я присоединился къ Мзечабуку и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на охоту. Мзечабуки убиваетъ чудовище — „левъ-человѣкъ“ („ломкац“) ¹⁾ и освободилъ отъ его вторженія въ страну *Кекела*. Ему сообщаетъ Абрамъ проводникъ къ чудовищу, что у воспитанника его, хозарскаго царя Хвасро, есть дочь-красавица, которую онъ хочетъ выдать только за лучшаго витязя. Онъ приводитъ его по трехдневному пути въ страну хозарскую, но здѣсь уже оказались другіе „голаеы“ — Гомаръ Газнели, Ордаверели, Мосоръ Надридзе во главѣ Имариндо ¹⁾. За ними прибыли съ войсками Дорать Дилами и Амаръ Яшанели. Съ послѣдними Мзечабуки входить въ дружбу, и вмѣстѣ подходятъ къ вратамъ города. Здѣсь взаимно обмѣнялись визитами Мзечабуки и Имариндо, стали проводить весело время на пирахъ, на которыхъ представитель хозарскаго царя одарялъ витязей цѣнными одѣянными и вещами. Изъ этихъ витязей Мзечабуки былъ лучший стрѣлокъ, Имариндо — первый ратоборецъ, Ордаверели — выдающійся пѣвецъ, Дорать Дилами — отличный вѣдокъ, Мосоръ Надридзе — превосходный охотникъ, Амаръ Яшанели — не имѣющій соперника въ игрѣ въ шахматы. За продолжительными веселіями начались въ присутствіи царя состязанія: въ первомъ бою участвовали Амаръ Яшанели и Мосоръ Надридзе; бой остался нерѣшеннымъ. Во второе состязаніе вступили Дорать Дилами и Ордаверели, причѣмъ второй отказался продолжать бой и тѣмъ призналъ себя побѣжденнымъ. Третій бой начали Гомаръ Газнели и Омаръ Яшанели, послѣдній оказался убитымъ первымъ. Тогда съ побѣдителемъ вступилъ въ единоборство Мзечабуки и сразилъ его первымъ же ударомъ въ шлемъ. За своего сотоварища вступился Имариндо, и произошло три боя его съ Мзечабукомъ, длившіеся каждый разъ съ утра до вечера. Послѣдній бой кончился торжествомъ Мзечабука, который отказался убить своего противника, а послѣдній въ сознаниі благодарности просилъ побратимства у побѣдителя. Разъ, когда новые друзья сидѣли вмѣстѣ, пришелъ Абрамъ и горестно заявилъ, что красавицу, дочь хозарскаго царя, похитили враги и увезли въ страну чаръ, куда нѣтъ возможности проникнуть. Мзечабуки вызвался ее сыскать, хотя всѣ его отговаривали, а проводники согласились его сопровождать только до извѣстнаго пункта, а потомъ Мзечабуки предоставлялся собственной участи.

¹⁾ Имариндо былъ въ Грузіи замѣнялся именемъ Амирииндо.

Вступивъ въ страну чаръ, Мзечабукъ встрѣтилъ шесть черныхъ всадниковъ, а за ними войска, которыя называли одно имя Ибада-Абаши. На другой день они очутились на берегу кровавой рѣки, оказавшейся потокомъ крови изрубленнаго великана, Ибада-Абаши. Въ одной рукѣ онъ держалъ саблю, а въ другой узду коня. Мзечабукъ огорчился, что не могъ догнать убійцу витязя, а Мосиръ Надиридзе пожелалъ отвести чуднаго коня павшаго героя. Но послѣдній привсталъ и саблей нанесъ смертельный ударъ коню, чтобы онъ никому не достался. За этимъ подвигомъ герой палъ за смертью, а Мзечабукъ со спутниками двинулся далѣе. По пути ночью поочереды караулили другъ друга: сперва Даратъ Диламиа, за нимъ Мосаръ Надиридзе: обоимъ пришлось вести борьбу съ напавшими на нихъ врагами; когда же сталъ стражей Мзечабукъ—никто не покушался дѣлать нападенія. За то на другой день встрѣтилъ онъ вышеназванныхъ шесть черныхъ всадниковъ и вступилъ съ ними въ жаркій бой. Разсѣявъ враговъ, они *приблизимся къ озеру*, обладающему чудесными свойствами: пришли пять человѣкъ, *выкутались въ немъ и обратились въ львовъ*; за ними вошли въ озеро пять драконовъ и приняли образъ людей; пришли еще пять человѣкъ, погрузились въ воду и превратились въ птицъ. Когда всѣ эти поразительныя преобразованія свершились, то Мзечабукъ заключилъ, что все это дьявольское навожденіе, спутники же его были объаты страхомъ. Когда насталъ другой день, то на тѣхъ пяти львахъ подѣхали пять человѣкъ и вступили съ однимъ Мзечабукомъ въ страшный бой. На помощь къ нимъ подоспѣлъ еще кто-то, возсѣдающій на драконѣ и пускающій стрѣлы съ большимъ крикомъ. За нимъ слѣдовало войско, которое было разбито Мзечабукомъ. По окончаніи битвы, Мзечабукъ съ улыбкой встрѣтилъ своихъ спутниковъ, отъ страха отказавшихся ему помогать въ боѣ съ чудовищами, и вмѣстѣ съ ними приблизился къ крѣпости, у подножья которой былъ разведенъ прекрасный садъ. Здѣсь какой-то человѣкъ черпалъ воду, на вопросъ путниковъ—кто онъ, тотъ отвѣчалъ, что онъ рабъ убитаго Ибада-Абаши, и пригласилъ ихъ въ крѣпость къ старухѣ. Послѣдняя ласково приняла Мзечабука и просила къ столу закусить. Вдругъ за спиной Мзечабука показались два воина съ обнаженными саблями, но Доратъ Диламиа вскочилъ и убилъ обоихъ для спасенія своего лучшаго товарища-витязя. Старуха въ огорченіи встала и крикнула; на ея призывъ нахлынуло къ крѣпости войско, но Мзечабукъ, Дирятъ и Мосоръ, занявъ три двери, вступили съ все увеличивающейся массой въ продолжительный бой и остались побѣдителями, лишь по убіеніи старухи.

Миновавъ эту мѣстность чаръ, путники вошли въ новую околдованную страну. Здѣсь предъ ними показался прекрасный домъ, гдѣ былъ накрытъ роскошный столъ. Опасаясь чаръ, путники отказались ѣсть, но за ними *влетѣли птицы изъ озера, приняли образъ людей и поили выставленныя яства.*¹⁾ вопель какой-то¹⁾ человѣкъ и спросилъ, почему Мзечабукъ уступилъ приготовленныя для него яства этимъ незнакомымъ лицамъ, послѣднія за такое оскорбленіе убили его, и когда Мзечабукъ за него заступился, то тѣ крыльями захлопали ему въ лицо и въ ту же минуту очутились у вратъ хозарскаго царя. Все это такъ быстро произошло, что Мзечабуку и его спутникамъ представлялось сновидѣніемъ. Тотъ же Абрамъ сказалъ имъ, что нужно было убить прежде всего тѣхъ крылатыхъ людей. Мзечабукъ немедленно прибылъ обратно къ тому же дому; птицы влетѣли, упали и остались въ безчувственномъ состояніи. Доратъ Дилами приложилъ къ нимъ копье, рукоятка котораго была сожжена огнемъ, отдѣлившимся отъ птицъ. Птицы прибѣгли къ коварству: если бы приложили руки, то самъ Мзечабукъ со спутниками были бы объаты пламенемъ. Отдѣлавшись отъ нихъ, витязи вышли изъ дому и напали на кладбище, гдѣ всѣ мертвые привстали и пригласили къ себѣ путниковъ. Они испугались, но ничего не отвѣтили. Вырвавшись на свободу, они вступили на дорожку среди двухъ скалъ. Дорогу эту занималъ огромный драконъ, изъ пасти котораго исходило пламя. На крикъ дракона нахлынуло войско: на чудовище напалъ Мзечабукъ, а на войско его спутники. За гибелью дракона появился тигръ и крылатые люди на коняхъ, которые также были сражены. Миновавъ эти опасности, они приблизились къ крѣпости, гдѣ жила дочь хозарскаго царя. По дорогѣ къ ней они очутились предъ страшной скалой, подъ которой находилась пещера, охраняемая войскомъ. Мзечабукъ ворвался туда, а спутники бѣжали. Разбивъ войско, герой похитилъ красавицу и вернулся къ сотоварищамъ, которые уже оплакивали его, считая его погибшимъ. Хвосро, хозарскій царь, вида такого мужественнаго героя, охотно выдалъ за него дочь свою, отпраздновалъ свадьбу роскошно и возложилъ на нихъ царскіе вѣнцы. Всѣ радовались, что такой храбрый и щедрый царь вступилъ на хозарскій престолъ.

Разъ во время охоты къ Мзечабуку подошли шесть витязей и привѣтствовали его. Онъ отвѣтилъ имъ ласково и по просьбѣ ихъ взялъ съ собою. Нѣкто Али предостерегалъ Мзечабука отъ этихъ незнакомыхъ людей, которыхъ онъ слишкомъ приблизилъ къ себѣ. Для

¹⁾ Ср. съ повѣстью объ Александрѣ Македонскомъ.

испытанія Мзечабукъ посылаетъ въ одну крѣпость, которой будто бы овладѣлъ его рабъ, отказавшійся ему повиноваться. Тѣ изъѣвили готовность привести непокорнаго подданнаго, а самъ предупредилъ ихъ, пошелъ въ крѣпость, надѣвъ маску, оградилъ ихъ мужественно, говоря что пусть самъ Мзечабукъ овладѣетъ крѣпостью. Увѣрившись въ ихъ вѣрности, онъ вмѣстѣ съ этими новыми витязями и прежними сотоварищами (Мосоръ и Дорать) отправился на охоту. Съ Мосоромъ онъ спалъ въ одной палаткѣ. Напали на нихъ шесть витязей и убили Мосора, а Мзечабукъ, смертельно раненый, напалъ на одного изъ измѣнниковъ и положилъ его на мѣстѣ. Умирая, Мзечабукъ просилъ Дата призрѣть его сына, оставивъ попытку мести. Народъ горько оплакивалъ своего любимаго витязя, а мать его, пришедшая на похороны, вызвала еще больше слезъ и печали. Такъ кончилъ разсказъ Дорать Дилами о Мзечабукѣ. Амиранъ былъ тронутъ коварнымъ убійствомъ непобѣдимаго героя и вызвался искать крови съ убійцъ.

Глава 11-я. Разсказъ о мести. Амиранъ послалъ къ Сенедвале Дариспанидзе сказать, что мать Мзечабука проситъ достойныхъ витязей отомстить за коварное убійство ея сына. Дариспанидзе принялъ предложеніе своего собрата и назначилъ ему свиданіе въ странѣ Газали. Произошла страшная битва: Дорать Дилами убилъ Махотъ Газали, Али-Надибадзе, Амиранъ и Сенедвале вступили въ бой съ Хорозаномъ Хіасели и Устарамаломъ Асурастанели (Ассирійскимъ?); бой продолжался до вечера, а на другой день онъ возобновился и кончился торжествомъ первыхъ. Побѣдители овладѣли всѣмъ сокровищемъ побѣжденных и вернулись домой ¹⁾.

Глава 12-я. Разсказъ о вступленіи Амираана въ Балхи. Какой-то человекъ разъ въ полѣ подаль Амирану „маленькую записку“ отъ царицы Балхской, въ которой она просила немедленно помощи противъ Валхама Камидзе убившаго царя страны и овладѣвшаго ею всецѣло. Царица предлагала въ жены дочь свою, если только освободитъ ея единственный городъ отъ осады непріятеля. Амиранъ съ 100 воиновъ и витязями немедленно отправился въ Балхи, пробился черезъ непріятельскій строй въ городъ царицы и поднялъ павшій духъ населенія. Отпраздновавъ свадьбу, герои принялись за истребленіе враговъ: самъ Амиранъ перебилъ въ одинъ день 500 человекъ,

¹⁾ За одиннадцатой главой слѣдуетъ глава „меатотхмете“, т. е. 14-я, но эта ошибка должна быть приписана переписчику, такъ какъ Саварсамидзе въ началѣ своего разсказа заявилъ индійскому царю, что подвиги Амираана будутъ изложены въ 12 главахъ.

на другой день Саварсамидзе сразилъ 300 человекъ, на третій день Абанъ-Кабанидзе 250 человекъ, на четвертый - Али Камидзе убилъ 200 человекъ, на пятый день Асалъ Бадридзе—160 человекъ. Страхъ объялъ лагерь непріятелей. Валхамъ Кабанидзе, для успокоенія воиновъ, вызвалъ Амираана въ бой: два дня онъ продолжался, но остался нерѣшеннымъ. Тогда по 6 витязей съ обѣихъ сторонъ должны были закончить состязаніе: побѣда осталась за витязями Амираана. За ихъ пораженіемъ Валхамъ вызвалъ въ третій бой, который кончился его убійствомъ. Враги были разбѣяны, Амиранъ провозглашенъ царемъ, и началось общее веселіе и торжество. Оно отравлялось только вторженіемъ Гамазъ дэви, который ввергалъ населеніе въ слезы и трепетъ. Отъ Амираана царица скрывала существованіе этого чудовища. Въ одну ночь поднялась тревога вслѣдствіе нападенія, а на другой день одна женщина дерзнула заявить Амирану, что единственнаго ея сына дэви разрубилъ своимъ мечемъ. Амиранъ разгнѣвался, что ему не говорили о чудовищѣ, подобныхъ которому онъ не разъ вострѣлялъ. Треть чернымъ воинамъ велѣно было дать знать, когда дэви вторгнется въ городъ. Онъ не далъ долго ждать: верхомъ на драконѣ съ саблей въ рукахъ эви вступилъ въ городъ. Амиранъ выхалъ на встрѣчу. Завязался бой: въ разинутыя пасти дракона Амиранъ всадилъ мечъ и убилъ его, а дэви отрубилъ голову у коня героя; бой продолжали пѣшіе и кончился пораженіемъ дэви. Радость распространилась по всему городу, всѣ прославляли Амираана, и слава о немъ дошла до самыхъ отдаленныхъ царей. „Такого-то героя пережилъ я, Саварсамидзе“, закончилъ свой разсказъ старецъ. Индійскій царь поблагодарилъ его, одарилъ щедро и по его желанію возвратилъ его на родину.

„Амиранъ - Дареджаніани“ я изложилъ по рукописи „Общества распространности среди грузинъ“ ¹⁾. Памятникъ переписанъ на синей бумагѣ почеркомъ гражданскимъ и заключаетъ 316 стр. in 8°. Переписанъ онъ неизвѣстнымъ труженникомъ въ 1825 г. апрѣля 19 дня. Въ концѣ читается: „Завершилось геройское сказаніе Мосе Хонели.

¹⁾ Въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ хранится подъ № 59, переписанный въ С.-Петербургѣ въ 1818 г. Іоанномъ Хмаладзе, „Амиранъ-Дареджаніани“, начинающійся и оканчивающійся такъ же, какъ и рукопись Общества грамотности. Д. Чубиновъ напечаталъ въ „Грузинской хрестоматіи“ 4-ю главу изъ этой повѣсти (Спб. 1863). Ср. по рукописи стр. 41 и слѣд.

Внемлите читающіе! Аминь“. Конецъ разсказа не даетъ отвѣта о загадочной его смерти. Амиранъ въ разсказѣ выставляется мягкосердечнымъ и честнымъ воиномъ, который отвращается отъ крови, ищетъ мира, почитаетъ власть и любитъ сиротъ. Онъ добръ и не гордится своей силой; вступаетъ въ бой лишь по необходимости, въ интересахъ защиты страны. Помимо храбрости онъ располагаетъ къ себѣ всѣхъ своимъ великодушіемъ и остроуміемъ. Преувеличенное восхваленіе одинаково расточается предъ всѣми рассказчикомъ: часто приходится слышать, что „такого-героя“ или „такой битвы“ никогда не бывало. Безконечныя состязанія героевъ въ присутствіи царя и горожанъ составляютъ также принадлежность грузинскихъ героическихъ повѣстей. Изъ-за красавицъ эти состязанія сопряжены съ крупными препятствіями, которыя благополучно, какъ въ сказкахъ, героями отдѣльныхъ главъ устраняются. Весь разсказъ идетъ отъ имени Саварсамидзе, соратника (раба) Амираана. Слѣдовъ христіанства въ повѣсти не замѣчаемъ, и слово „аминь“ въ концѣ ея, вѣроятно, является позднѣйшимъ прибавленіемъ переписчика. Связь же Амиранъ-Дареджаніани съ устнымъ сказаніемъ объ Амиранѣ замѣтна всего ярче въ началѣ разсказа, гдѣ упоминаются трупъ Амираана съ письмомъ въ рукахъ, борьба его съ чернымъ и красными витязями, съ чернымъ, бѣлымъ, краснымъ драконами, съ Бакбакъ-дэви, исканіе Амираномъ невѣсты, по злomu указанію женщины. Болѣе же подробный разборъ и сопоставленіе его съ устнымъ сказаніемъ откладываемъ для II части.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 41. Объ Амиранѣ. См. „Сбор. мат. для опис. Кавказа“ вып. XVIII, Тифлисъ, 1894, стр. 378—381.

Къ стр. 42 et sq. Упомянутое о Ростомѣ находимъ у Ш. Руставели, поэта XII в. См. изд. 1846 г., стр. 25, строфа 198. О Ростомѣ же Удинская сказка въ Сбор. мат. для опис. Кавказа. VI в.

Къ стр. 66. О грузинскомъ пѣвнѣ Г. Садзигеловъ „Нов. Обзор.“ № 3061.

Зурабъ, арагвскій Эривастъ, по народнымъ историческимъ пѣснямъ (къ стр. 58—63).

Во времени царя Георгія Блистательнаго (1318—1346) горцы были свободны отъ феодаловъ, подчиняясь одному царю. Подъ вѣдѣніемъ арагвскаго и ксанскаго эривастовъ были правители ущелій: хевисъ-бери, хевисъ-тави, цихисъ-тави. Горцы, строго говоря, были независимы, благодаря естественнымъ условіямъ страны и управлялись собственнымъ обычнымъ правомъ. Суровая природа выработала изъ горца безстрашнаго и отважнаго воина:

Мужъ долженъ имѣть желѣзное сердце,
А латы деревянные,
Глаза озирающіе, какъ коршунъ
И грудь соколиную¹⁾.

Такой характеръ горцевъ внушалъ царямъ мысль осторожно относиться къ нимъ. Самъ Ираклій, „герой-героевъ“, не покушался на ихъ свободу. Одинъ только арагвскій эривастъ, Зурабъ, попытался въ XVII в. сломить ихъ гордость. Горцы на времянесли тяжелое иго. До сихъ поръ они вспоминаютъ съ омерзѣніемъ эпоху Зураба:

„Зурабъ опозорилъ страну:
А матерей заставилъ плакать,
Растегнулъ у женщинъ платье
И ущипнулъ (дерзко) за грудь“.

¹⁾ *Иверія*, 1888, 238 и 241. Н. Урбели.

По грузинской летописи Эривастъ Нугзаръ овладѣлъ Хеви и Мтиулетіей, относительно же Пшаветіи и Хевсуретіи тамъ не находимъ свѣдѣній. По народнымъ пѣснямъ, однако, можно заключить, что Зурабъ сынъ Нугзара, пытался покорить своей власти и эти послѣднія области, но тщетно. Дѣдъ Нугзара былъ простой дворянинъ азнауръ изъ сел. Вапати на р. Ляхвѣ. Царь Свимонъ I пожаловалъ крѣпость Ванатскую дѣду Нугзара, когда послѣдній взялъ ее у возмущившагося противъ царя ванатскаго владѣтеля. Затѣмъ склонивъ на свою сторону ксанскаго эристава, „ванатскій азнауръ“ напалъ на Тектурманидзе и Дчармеули и овладѣлъ ихъ помѣстьемъ—Базалети, а Свимонъ пожаловалъ ему арагвское эриставство. По смерти поваго Базалетскаго помѣщика, одинъ изъ его незаконорожденныхъ сыновей перебилъ своихъ законорожденныхъ братьевъ и только одинъ молодой племянникъ его, Нугзаръ, уцѣлѣлъ. Это было время шаха Аббаса, когда царская власть ослабѣла, а феодалы усилились. Тогда-то Нугзаръ, арагвскій эриставъ, овладѣлъ Базалети и покорилъ мтиульцевъ, хотя они подчинялись ему мало. По смерти Нугзара, эриставомъ долженъ былъ сдѣлаться старшій сынъ его Баадуръ, но Зурабъ отправился къ Аббасу, получилъ эриставство, изгналъ брата и самъ овладѣлъ Базалети. Покоривъ Мтиулетію, Зурабъ протянулъ руку къ Пшаветіи и Хевсуретіи. Война возникла между Зурабомъ „прославившимся и сначала востанавшимся у шаха“ и съ „горными львами“. Первая битва произошла при слияніи Пшавской и Хевсуретской Арагвы; на открытой полянѣ Зурабъ нападаетъ на нихъ со стороны Мтиулетіи. Изъ ущелья Ликови, занятый отдѣльнымъ родомъ, выступилъ „отрядъ соколовъ“, перебившій у Зураба множества дворянъ, кровь которыхъ образовала непереходимую Алазань, а вороны растаскали трупы азнауровъ. Пшавы—„орлы горъ“ близъ дер. Матура истребили у Зураба—„да будетъ имя его проклято“—войско, собранное въ теченіе 7 мѣсяцевъ. Первый походъ такимъ образомъ былъ неудаченъ. Горцы стали сами разорять эриставскіе владѣнія въ отмщеніе, окрашивая кровью пески и траву. Зурабъ тогда напалъ на нихъ уже со стороны Хеви и ворвался въ окрестности Рошки; тогда то „расплакались крѣпости“, просятъ его хевсуры уйти, обѣщая ему бегару (дань). Зурабъ же не довольствовался бегарой, желалъ ихъ подчинить полной своей власти. Возобновилась война близъ селъ Гудани въ Бегентгори, признаннаго нынѣ народомъ сватымъ мѣстомъ, п. ч. здѣсь подъ камнемъ покоится герой Мамука Калиндаури. Здѣсь возжигаютъ свѣчи, слѣзаятъ съ коней и кланяются ему, освободителю отъ вторженія Зураба. Побѣдивъ войско послѣдняго, Мамука всадилъ въ землю камень (межу), переступившіе чрезъ который на себя примутъ грѣхъ

пашекъ; пало такъ много народу, что изъ крови убитыхъ могло мельничное колесо вертѣться. Послѣдствіемъ битвы былъ отказъ Зураба подчинить хевсуровъ — непокорныхъ, имѣющихъ во главѣ „свѣтлаго Калундаури“.

Зурабъ причинилъ много неприятностей и пшавамъ. Онъ осквернилъ ихъ святыню Лашарисъ-джвари, срубивъ „старый дубъ“ послѣдняго. Дубъ вершиной, по мнѣнію народа, связывался съ помощью золотой цѣпи съ небесами и охранялся ангелами—хранителями пшавскихъ воиновъ. Послѣ святотатственнаго поступка Зураба, обмазавшаго дубъ кровью кошки, чтобы срубить дубъ, ангелы улетѣли, знаменуя этимъ гибель страны. Зурабъ, вскармливая ячменемъ съ долины своего коня, не привыкшаго къ горному ячменю, неуклонно стремился сломить Лашарисъ-джвари, и достигъ цѣли. Но царь Теймуразъ убиваетъ возгордившагося и усилившагося Зураба, тестя знаменитаго Георгія Саакадзе. Царь предъ тѣмъ отдалъ за него дочь свою Дареджану, чтобы съ его помощью покорить Кахетію и Карталинію, но потомъ Зурабъ опять перешелъ на сторону царя Свимона, называвшаго эристава своимъ отцомъ. Но царь ошибся жестоко: Зурабъ снялъ съ него голову и поставилъ въ подарокъ своему тестю. Послѣ этого, конечно, Теймуразъ мало довѣрялъ своему зятю. По пѣснямъ послѣдній былъ приглашенъ царемъ въ Сапурцле. Онъ является съ свитой приближенныхъ воиновъ. Здѣсь его угощаютъ плодами, напитками, пѣніемъ и музыкой; усиленно и во время сна наносятъ ему смертельные удары Элумъ Тугумишвили при участіи моурава—правителя тушинъ, Барамъ Сашкашвили и др. Пшаво-хевсурскія жены могутъ спать теперь спокойно, а мать Зураба горько оплакиваетъ его, приговаривая: кто убилъ тебя Зурабъ, кто лишилъ тебя главенства въ Карталиніи (по смерти Саакадзе), когда я думала, что нѣтъ храбрѣе тебя никого! Жена его, сестра Теймураза, тоже жалуется, а царь, вступивъ въ Душетъ, выдаетъ ее за имеретинскаго царя Александра, но здѣсь Дареджанъ надоѣлъ гоми (просо итальянское) и вспоминаетъ кахетинское вино.

Къ стр. 85. Сказка Объ Очо-кочо См. „Сбор. мат. для опис. Кавказа“ в. XVIII, отд. III, 361.

Къ стр. 109. Когда Ной выпустилъ изъ ковчега коршуна послѣдній не вернулся, за что былъ проклятъ Ноемъ. Вѣчно мучимый жаждою, коршунъ летаетъ съ тѣхъ поръ надъ водою и жалобно кричитъ: „мцкуріа“ (жажду).

Къ стр. 110. „Кто былъ кади“, *Иверія*, 1894, 189.

Къ стр. 137. Заговоръ названъ по ошибкѣ противъ *смаза*, слѣдуетъ читать противъ болѣзни ногтей. Заговоры см. еще „Сб. мат.“ в. XVIII, отдѣлъ III.

Къ ст. 165—178 (изъ Рукописи церков. музея № 153).

По выходѣ изъ рая, Адамъ и Ева, разыскивая въ теченіе 7 дней пищу, горько плакали. Они рѣшили 40 дней каяться, чтобы удостоиться благоволенія Божьего. Ева въ рѣкѣ Тигрѣ до шеи погрузилась въ воду, а Адамъ направился къ р. Иордану, которому онъ жаловался со слезами, что животныя имѣютъ пропитаніе, а онъ его лишентъ. По истеченіи 12 дней, дьяволъ пришелъ къ Евѣ и отъ имени Адама привелъ ее изъ рѣки къ нему. Увидѣвъ второе прегрѣшеніе жены своей, Адамъ сталъ горько плакать, онъ сталъ упрекать дьявола, что онъ вынужденный по ея винѣ томиться на землѣ. Дьяволъ отвѣтилъ, что виновникъ его паденія Адамъ. По сотвореніи перваго человѣка, по подобію Божьему, ангелы получили приказаніе поклониться ему. Но дьяволъ отказался почитать созданіе моложе и меньше себя и вмѣстѣ съ 6 единоплеменными ангелами Самоэль былъ низвергнутъ. Адамъ сталъ каяться въ рѣкѣ, а Ева стала его славить, что онъ преступилъ заповѣди. Она направилась къ востоку, гдѣ за три мѣсяца до рожденія Каина стала страдать отъ болей. Слышалъ Адамъ ея стоны въ Иорданѣ, началъ молиться Богу о дарованіи ей облегченія ¹⁾. Послалъ ему Господь арх. Михаила съ сѣменами, а Евѣ 12 ангеловъ, которые научили родить и назвали младенца Каиномъ, такъ какъ онъ будетъ истребителемъ добра. По истеченіи 8 лѣтъ родился у нихъ на восточной сторонѣ сынъ Авель. Ева видитъ зловящій сонъ, какъ Адамъ пьетъ кровь Авеля ²⁾.

По наущенію двухъ дьяволовъ Каинъ убиваетъ, несмотря на мольбы, брата своего острымъ камнемъ. Въ утѣшеніе у Адама рождается Сейтъ и 30 сыновей и 30 дочерей ³⁾. Когда прошло 930 лѣтъ впалъ въ болѣзнь Адамъ. Онъ приказываетъ собраться въ палатъ, имъ сдѣланный всѣмъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. На вопросъ Снеа о болѣзни Адама сначала самъ послѣдній рассказываетъ, а потомъ Евѣ приказываетъ рассказать, какъ они жили въ раю подъ покровительствомъ 12 ангеловъ, но пали и изгнаны изъ него. Слѣдуетъ хожденіе Снеа въ рай за елеемъ милосердія для больного отца, но на ихъ воззваніе у рая Богъ послалъ арх. Михаила сказать, что елеса имъ невозможно получить.

¹⁾ Ср. у меня стр. 265, гдѣ передается грузинская версія „рукописанія Адама“.

²⁾ Въ греч. текстѣ такой сонъ Ева видитъ предъ убіеніемъ Авеля, а въ славянскомъ сонъ видитъ Адамъ до рожденія Каина и Авеля. *Порфирьевъ*, 36.

³⁾ Адамъ и Ева живутъ 18 л. и 2 м. на востокѣ, пророчесвенный сонъ Евѣ, убіеніе Авеля, рожденіе Снеа, 30 сыновей и 30 дочерей, болѣзнь Адама. См. *Порфирьевъ*, 37.

По придетъ Христосъ и крестить на Иорданѣ народъ водою и елеемъ, когда исполнится 5500 лѣтъ ⁴⁾.

По смерти Адама спустились ангелы, воскурили оніамъ, помазали его елеемъ, облекли и предали его погребенію, а за нимъ такимъ же образомъ Авеля, который оставался непогребеннымъ, а душу ихъ Господь возвелъ въ третія небеса. Господь запечаталъ гробъ Адама и запретилъ 6 дней прикасаться къ нему. Ева горько плакала и просила Господа не разлучать ее съ Адамомъ. По окончаніи молитвы, она испустила душу. Спустились три ангела и положили ея плоть рядомъ съ Адамомъ —Этотъ отрывокъ заимствованъ нами изъ пергаментной рукописи Тифлиса. церковнаго музея. Памятникъ писанъ мелкимъ хуцури (церковными буквами) на 375 стр. in 8°. Принадлежимъ Давидо—Гареджийской пустыни. Въ концѣ памятника читаемъ: Господи продли дни... (имя соскоблили), по приказанію котораго написано сія книга. На послѣдней страницѣ приписано *мездрули* (гражданскими буквами): эту книгу гражданскими буквами переписалъ іеромонахъ Стефанъ. Другія приписки не важны. На 161 стр. текста при изложеніи исхода евреевъ изъ Египта читаемъ приписку: „здѣсь не доставало слова“, что указываетъ на болѣе древній подлинникъ. Книга представляетъ краткій обзоръ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи.

Содержаніе ея: созданіе прародителей и время отъ нихъ до Христа; переводъ библіи; переселеніе израильтянъ въ Египетъ. О созданіи Адама; изъ философовъ; изъ философіи Платона. Ученіе Іоанна Златоуста: объ усопшихъ и плакальщикахъ; видѣніе грѣшниковъ Павломъ; ⁵⁾ бесѣда І. Христа съ разслабленнымъ; о бѣдномъ Лазарѣ и богачѣ; о страхѣ Божьемъ и покаяніи; о терпѣнн и переселеніи въ тотъ міръ; его же о покаяніи; его же о столпничествѣ.

На 54 стр. послѣ приведеннаго отрывка читаемъ: книги эти наз. *анукрофи* ⁶⁾. Чтеніе (книга) для проповѣдниковъ (учителей) а не каждаго мірянина, не для невѣжественныхъ, а для мудрыхъ людей“.

Переводъ св. отца нашего Ефрема о созданіи неба и земли, о смерти Адама и погребеніи его на Голгоѣѣ. *Ἰωάννης ἁερογούργος περὶ τοῦ Αδάμ.*

⁴⁾ Это мѣсто заимствовано изъ Евангелія Никодима. *Порфирьевъ*, 38.

⁵⁾ Ср. *Sextus Iulius Africanus und die Byzantische Chronographie von Heinrich Gelzer. Leipzig. 1880.*

⁶⁾ См. Сбор. груз. рукоп. XVIII в. изъ библ. *Чубинова* № 106. Книга эта по гречески наз. апокрифъ, сказанный св. Ефремомъ или его переводъ созданія неба и земли.

За рассказом о создании міра, начиная съ воскресенья по библіи, слѣдуетъ повѣсть о сотвореніи Адама въ шестой (пятницу) день изъ четырехъ стихій холоднаго и теплаго, мокраго и сухого. Отъ Адама исходили лучи, какъ отъ солнца, и далъ онъ имя всѣмъ животнымъ. Взялъ его Господь въ эдемъ, усыпилъ, взялъ одно ребро и создалъ ему жену, Еву. Обрадовался Адамъ и провелъ съ нею въ раю 3 часа, какъ говоритъ *Мосе Цицикли*. Далъ намъ заповѣдь на деревѣ жизни, изъ котораго былъ крестъ Спасителя. Слѣдуетъ рассказъ объ изгнаніи изъ рая, о собираніи Адамомъ золота, ладана и мѣды, которые онъ отнеситъ въ пещеру, названную имъ сокровищницей¹⁾. Рождаются Каинъ и сестра его Ліуду, Авель и сестра Кальмана (у Порфирьева дочери Адама—Азара и Асуама). Каинъ не доволенъ назначеніемъ въ жены Кальману, и желаетъ красивѣйшую Ліуду, отданную Авелю. Рожденіе (Сеита); убійство Авеля. Рожденіе Сеита и женитьба его на Кальманѣ, сестры Авеля. Рождается у нихъ Энохъ, а у послѣдняго Каппана, которая рождаетъ Малалаепъ. При смерти Адама въ 930 г. они собираются при прародителѣ. Адамъ завѣщаетъ имъ бальзамировать и предать его погребенію, не сближаться съ потомствомъ Каина и прославлять Бога. Умеръ Адамъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Сеитъ и его потомки поселились на горѣ, гдѣ былъ погребенъ Адамъ. Они не сѣяли и не знали заботъ. Глазъ ангеловъ былъ слышенъ, такъ какъ небо было на разстояніи 30 парсаховъ (парсавиговъ, что указ. на переводъ грузинскаго текста съ греч. языка). Сеитъ благословилъ Эноха и назначилъ правителемъ, заповѣдавъ чтить могилу Адама. Ум. Сеитъ въ 1012 г. августа 17, во вторникъ.— Ламекъ убиваетъ Каина: Энохъ умеръ 905 лѣтъ.

Къ стр. 165. Абукурова, можетъ быть даетъ намекъ на Абукура и Балавари. См. *Hommel*. Prinz und Derwisch. Munchen, 1890, стр. 137 и 146.

Къ стр. 169. Господь повелѣваетъ Ною построить ковчегъ въ 300 локтей въ длину и 50 шир.

На стр. 209. наз. рукописи читаетъ, на 19 году царствованія кесаря Тиверія былъ распятъ Христосъ въ 5500 г. Благовѣщеніе Богородицы случилось въ воскресенье. Введеніе во Храмъ Соломона въ четвергъ, въ день пятницы 1 апрѣля, въ 15 день луны пришелъ Христосъ принять страданіе для насъ. Возложенъ вѣнокъ терновый. Въ день пятницы созданіе Адама, въ слѣдующую пятницу Адамъ даетъ имена собравшимся животнымъ. Въ 5-ую пятницу Ева приблизилась къ запретному дре-

¹⁾ Эти подробности отсутствуютъ у Порфирьева, оп. с. 245—6.

ву, а Христосъ взшелъ на древо жизни. Въ 6-ую пятницу Адамъ сталъ нагъ, а Христосъ нагимъ распятъ на Крестѣ. Въ пятницу Адамъ умеръ и вошелъ въ царство небесное. Въ пятницу Адамъ и Ева согрѣшили и въ пятницу получили прощеніе и т. д. Кровь и вода изъ прободеннаго ребра Христа омыла лобъ Адама, погребеннаго подъ воздвигнутымъ для распятія Спасителя крестомъ хитонъ его былъ связанъ на небесахъ¹⁾.

Къ стр. 193. См. объ Абгарѣ еще L'Eroubna d'Edesse. Histoire d'Abgar et de la prediction de Thaddée, trad. sur le manuscrit unique de la bibliotheque impériale de Paris par Emine. Въ Collection des historiens de l'Arménie par V. Langlois I, 317—331.

Дополненіе къ „Хожденію Богородицы по мукамъ: (стр. 200). Въ 1893 л. въ Кембриджѣ вышла книга Textes and Studies contributions to biblical and patristic literature edited by. J. Armitage Robinson B. D. Fellow of Christ's college Cambridge norrisian professor of divinity Vol. II № 3. Apocrypha anecdota by montague Rhodes James M. A. Отзвъвъ объ этой книгѣ въ „Byzantische Zeitschrift“ подъ ред. К. Крумбахера, 1894, III, 2, 421—4.

115—126 стр. посвящена Ἀποκάλυψις τῆς ἁγίας Θεοτόκου. Онъ начинается Ἦμελλεν ἡ παναγία Θεοτόκος παρεῦσεσθαι πρὸς τὸ ἔρος τῶν ἐλαίων τοῦ προσεῦχασθαι προσευχομένης δι' αὐτῆς πρὸς κύριον Θεὸν ἡμῶν εἶπεν.

Къ духов. стихамъ (къ стр. 229 et sq.).

I. Христосъ.

Былъ Я въ небесахъ со свѣтомъ,
Отъ свѣта принялъ лжкъ,
На землѣ никто не зналъ,
Сыномъ Адама воплотился.
Окружили меня соблазнами,
Но Я остался побѣдителемъ,
Создалъ Я пѣвчихъ
И далъ Свой образъ священнику—
И свои сердечные запросы
На бѣломъ (?) показалъ.

¹⁾ Ср. Хожденіе Богородицы по мукамъ у меня стр. 200. Мы переведемъ „Видѣніе Павла“ на русскій языкъ въ другое время, такъ какъ рукопись была вытребована въ Тифлисѣ. Ср. Хожденіе игумена Даниїла объ омовеніи лба Адама кровью и водою изъ ребра Христа.

Построилъ два дома —
 Одинъ сладкій, другой горькій,
 Разрушилъ горькій домъ,
 Сохранилъ его четверть,
 Посадилъ туда царя Ирода,
 Канна-братоубійцу,
 Рядомъ съ нимъ Иуду —
 Продавца Спасителя.
 Бипить смола и выливается,
 Бругомъ пылаетъ геена,
 Тамъ лежатъ кончикъ языка
 Не чтящаго родныхъ сына ¹⁾.

Къ стр. 256. Легенда о грѣшной матери, приведенная проф. Сумцовымъ, передаетъ, что монахъ или апостоль Петръ хотѣлъ вытащить изъ ада свою грѣшную мать посредствомъ стрѣлки лука. Грѣшныя души уцѣпились за грѣшную мать; она стала отбивать ихъ ногами, но и сама оборвалась въ адъ („Кіев. Старина“ 1894, IV).

Къ стр. 272. *Было три брата* ²⁾, одинъ пастухъ, другой земледѣлецъ, третій находился въ распоряженіи первыхъ двухъ. Пастухъ имѣлъ обыкновеніе по воскресеньямъ изъ благочестія отпускать рабочихъ домой и самъ становился стражемъ своего стада. Разъ онъ видитъ, что одна овца отдѣлилась отъ стада и куда-то направилась. Слѣдуя за нимъ, пастухъ увидѣлъ большую яму, въ которую упалъ за недѣлю голодный волкъ, а нынѣ онъ лакомился живой овцой. Врагъ выкопалъ эту яму въ надеждѣ, что пастухъ погонитъ стадо, туда упадутъ овцы, которыми онъ намѣревался воспользоваться. Гибель одной овцы спасла цѣлое стадо и пастухъ, благодаривъ Господа, вытащилъ волка изъ ямы, не желая причинить *зла за зло*. Разказалъ онъ объ этомъ братьямъ, и вскорѣ отъ нихъ выдѣлился, раздавъ все доставшееся состояніе бѣднякамъ. Жена очень огорчилась такимъ распоряженіемъ мужа, который ее успокаивалъ упованіемъ на Господа: если Онъ не забылъ волка въ ямѣ, то тѣмъ болѣе не забудетъ Онъ ихъ. Когда жена все же пригнала двухъ буйволовъ изъ дома своихъ родныхъ, то мужъ отказался отъ нихъ. Буйволы паслись на свободѣ недалеко отъ ихъ дома и во время жары купались въ озерахъ. Разъ жена видитъ, что буйволы откопали камень, который прикрывалъ кладъ золота и серебра. Она предлагаетъ мужу взять кладъ, но тотъ отвѣчаетъ, что если Богъ

¹⁾ *Иверія*, 1888, 87. Запис. въ Карталиннѣ Ап. Годердзашвили.

²⁾ *Джеджими* 1891, III. *Кабалдзе*.

хочетъ, то Самъ принесетъ его на домъ. Считая его сумасшедшимъ, жена съ своимъ сосѣдомъ ночью направляется къ кладу и къ удивленію, вмѣсто золота находятъ въ кувшинахъ змѣй и лягушекъ. Сосѣдъ, оскорбленный обманомъ и, видя въ поступкѣ сосѣдки злой умыселъ, отплатилъ тѣмъ, что кувшинъ съ змѣями и лягушками доставилъ тайкомъ въ деревню и бросилъ ей избу, желая сдѣлать мужа съ женою достояніемъ этихъ гадъ. Утромъ жена видитъ, что кругомъ въ избѣ разсыпаны жемчугъ и драгоценные камни. Мужъ спокойно отвѣтилъ, что кто достоинъ милости Господа, Онъ самъ знаетъ.

Три нищихъ и Христосъ ¹⁾. Христосъ встрѣтилъ трехъ нищихъ и спросилъ ихъ, о чемъ каждый ихъ нихъ желалъ бы просить Бога. Первый пожелалъ, чтобы камни на берегу рѣки обратились для него въ стадо барановъ. Другой предпочелъ просить Бога о превращеніи кустарниковъ въ виноградный садъ, а третій скромно ограничился нужнымъ для плуга числомъ быковъ. Желанія ихъ исполнились и они разбогатѣли. Разъ І. Христосъ въ качествѣ нищаго посѣтилъ ихъ. Первый изъ бывшихъ нищихъ велѣлъ бросить ему ненужную шерсть, второй Ему несѣдобный виноградъ подалъ, а третій принялъ радушно, умылъ ноги и угостилъ отъ души. Господь наказалъ первыхъ двухъ тѣмъ, что бараны обратились снова въ камни, виноградный садъ въ кустарникъ, а третьяго благословилъ, сдѣлавъ его хозяиномъ и виноградника, и стада барановъ.

Къ стр. 283. Какой-то царь прижилъ съ царицей Тамарой сына. Мальчикъ былъ кормилицей отнесенъ въ лѣсъ. Здѣсь она отрѣзала ему мизинецъ. По прошествіи трехъ недѣль, она пришла въ лѣсъ и увидѣла, что ребенка кормитъ лань своими сосками. Черезъ три мѣсяца она опять нашла лань возлѣ ребенка. Онъ выросъ и возмужалъ. Молва объ его красотѣ дошла до царя. Царю представила ребенка. Мамка бывшая при этомъ замѣтила, что на его рукѣ не достаетъ мизинца и тотчасъ вспомнила о побочномъ сынѣ царя, брошенномъ ею въ лѣсу на произволъ судьбы. Изъ питомца лани вышелъ знаменитый и богатый Багратъ (?). („Сбор. мат. для опис. Кавказа“, вып. XVIII стр. 318—2).

Къ стр. 314—315 („о двякъ добрыхъ и злыхъ“) „Сказаніе про рокомъ Азономъ (Эздрой?) о томъ, что въ каждомъ мѣсяцѣ два дня каимати“ (дурныхъ): въ январѣ 4 и 9; въ февралѣ 6 и 9; въ мартѣ 6 и 15; въ апрѣлѣ 3 и 10; въ маѣ 3 и 20; въ іюнѣ 18 и 27; въ іюлѣ 4 и 20; въ августѣ 6 и 17; въ сентябрѣ 3 и 20; въ октябрѣ

¹⁾ *Джеджими* 1890, I.

3 и 15; въ ноябрѣ 8 и 15; въ декабрѣ 3 и 24. Въ эти что сдѣлаешь, все окончится къ несчастью; рожденный несчастенъ, свадьба неудачна. См. еще „Сбор. мат. для опис. Кавказа“, вып. XVIII, отд. III, 275.

Къ стр. 324. Алексѣй челоѣкъ Божій. Ср. *Arthur Amind. La légende syrique de saint Aexis l'homme de Dieu. Paris, 1889.* Объ этомъ же *Hommel* и *Weisslovits. Prinz und Dervisch. Ein indischer Roman enthaltend die Jugendgeschichte Budda's. München, 1890, стр. 145.*

Сохранились указанія въ различныхъ рукописяхъ, книгахъ и каталогахъ о существованіи на грузинскомъ языкѣ слѣд. еще апокрифовъ:

1. Жизнь Адама (въ Давидо-Гареджійской пустыни).
2. „Небротіани“ или книга Эноха.
3. Плачь Адама по-загнагорійски въ Спб. публичной библиотекѣ.
4. „Пренія І. Христа съ дьяволами изъ рукописей Месхишвили въ библиотекѣ Общества распространенія грамотности среди грузинъ“. Въ одномъ „Карабадина“, составленномъ Алмасханомъ Гургенидзе, (располагая персидскимъ оригиналомъ) рассказываетъ о важности теплоты крови для жизни и прибавляется, что по этому вопросу (предмету) повѣствуетъ мудрый врачъ Елизбаръ авторъ „Разлуки души съ тѣломъ“. („Дрозба“ 1885, 95). Относительно этого же апокрифа П. Квицаридзе писалъ мнѣ въ 1893 г., что одинъ знакомый рассказалъ ему содержаніе большой рукописи о „разлукѣ души съ тѣломъ“. Рукопись эта погибла, по словамъ г. Квицаридзе, во время пожара.
5. „Мцкемси“ 1893, 7 сообщаетъ о „Цвѣткѣ (розѣ) райа“, рукописи, переписанной съ древняго подлинника въ 1794 г. въ Давидо-Гареджійской пустыни. Ср. каталогъ „Общ. распростр. грам.“ I, 162.
6. Св. Евѣмій упоминаетъ, что на грузинскій языкъ были переведены сочиненія Оригена, которыя Церковью не признаются. По этому же вопросу находимъ слѣд. свѣдѣнія въ припискѣ къ одному Евангелію (1033 г.) местійской общины въ Сванетіи: если кто ограбилъ церковь, если кто лишить свободы челоѣка или обидитъ священниковъ, если кто поймаетъ священника или женщину, если кто продастъ челоѣка въ Осетію, если подожжетъ домъ, да будетъ проклятъ онъ, домъ его, вся его житница, пища и жетье и на землѣ и въ загробной жизни. Да будетъ онъ вмѣстѣ съ Ростаномъ и Орагине (т. е. Несторъ и Оригенъ). „Условіе это принято всѣми обществами, входящими въ составъ „Хевн“ (ущелья). См. *Путешествіе епископа Григорія, Поти, 1893.*

7. Въ одномъ памятникѣ, какъ пишетъ мнѣ О. Д. Жорданія, пе-

речисляются различныя народности въ числѣ ихъ: дидойцы, лезгины, джиги, русскіе, падчици (печенѣги?), грузины, абхазцы, сваны, мпгрельцы и др. За ними слѣдуютъ: одноглазы, нагоправедники¹⁾, карлики, псиголовые, морскіе люди, дэви, гогъ-магогъ, тушины, якобиты и др. Такимъ образомъ, на ряду съ историческими народами называются сказочныя и вымышленныя племена.

8. „О семи небесахъ“, рукопись, заключающая гораздо больше, чѣмъ объѣцаетъ заглавіе.

9. „Слово о второмъ пришествіи“ — рукопись, начинающаяся: „явятся варвары, которые суть турки и плѣнятъ всю страну“. Покажется: 1) царь-орель послѣ господства персовъ и грековъ; 2) царь-воль; 3) царь-серигъ; 4) царь-нищій; 5) царь-патріархъ; 6) царь-женщина.

10. „Вопросъ Соломона и отвѣта Зирахин“.

11. „О сотвореніи неба и земли, какъ объ этомъ писано въ книгѣ Ефратъ“.

12. Слово Діонисія Ареопагита о сотвореніи райа и Адама.

13. О сладости райа и вѣсти о раѣ.

14. Вопросъ и отвѣты свв. Василія и Григорія.

15. Слово о Мелхиседекѣ рукопись Георгія Ломіашвили („Иверія“, 1893, 28). Ср. *Веселовскій. Разысканія, III—V, 42 et sq.*

16. Испытаніе Маріи жрецами.

Грузинскія народныя сказки и игры, собранныя Бебуръ Б. Тифлисъ, 1887. Объ играхъ см. еще *Джеджим, I, 1893.* Сказки о Тариелѣ мы разберемъ въ связи съ поэмой Ш. Руставели „Барсова кожа“.

Изъ рукописи церковнаго музея № 153.

Стр. 222. Вслѣдъ за краткимъ изложеніемъ исторіи Ветхаго и Новаго Заѣта (Рождество Христово, избіеніе младенцевъ. Воскресеніе Христово и др.) слѣдуетъ съ киноварью: *Изъ сочиненій философовъ.* Начинается словами: нѣтъ продолжительности во времени; все (совершающееся) есть наставникъ въ мудрости. Принятіе пищи умѣренно согласно съ природою. Дѣйствуй внимательно въ жизни своей и ищи источника для вѣчной жизни... Царь тотъ, кто имѣетъ власть надъ страстями вредными для души... Сокровищница всѣхъ благъ — любовь божественныхъ заповѣдей и служеніе имъ. Слѣдуетъ толкованіе заповѣдей... Бога прославляй, а людямъ дѣлай добро... Исцѣленіе

¹⁾ Существуетъ въ переводѣ разсказа „о нагомудрецахъ“ *Цагаремъ* „Памятники на Синаѣ“ стр. 237. Ср. мою статью объ Александрѣ Македонскомъ и Сербская Алдксандрія. Жур. Мин. Нар. Пр. 1893, сентябрь.

язвъ души важнѣе, чѣмъ лѣченіе язвъ тѣлесныхъ, ибо муки душевныя силнѣе мукъ тѣлесныхъ. Научи людей дѣлать добро, а зло они сами умѣютъ.

Стр. 243. Изъ философіи мудреца Платона.

Радость твоя—искренность сердца; радости мірскія—цари мірскіе, творящіе справедливость и міръ. Стѣсненіе тѣла есть сердце испорченное отъ болѣзни. Стѣсненіе міра—цари творящіе несправедливость, всяческое злое и нечестіе. Цари—время. Если цари хороши и время хорошо, а если цари злы, то и время зло. Цари суть тѣлесные боги—воспитатели души.

Присланная изъ церковнаго музея рукопись № 173 (вм. № 174), заключаетъ Хронграфъ Георгія Мниха (монаха, Μόναχος) хотя мхедрули—приписка гласитъ, что это Небротиати). № 173 in. fol. съ миниатюрами—Псалмы Давида на пергаментѣ.

Прислана была еще рукопись № 178 изъ того же музея вмѣсто рукописи XI в., заключающей „Дѣтство Христа“. № 178 представляетъ житіе Григорія Богослова—на бомбицивѣ писана хуцури.

Метафрастъ X-XI в. Книга, написанная Юсифомъ Аримавейскимъ, ученикомъ І. Христа и рассказъ о построеніи церкви, сущей въ Іерусалимѣ, въ святомъ градѣ Богородицы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе I—II.

Грузинскій языкъ 1—2.

Народная словесность: I. *Обряды и тѣсни.* Святочные 5—7. Новогодиѣ 7—13. Весенне 13—14. Масляничные 14—15. Кеелоба 15—16. Пасхальныя 16—17. Свадебные 17—18. Бытовья пѣсни 18—19.

II. *Героическія тѣсни.* Амيرانъ; версія шавская 20—27. Сванетская 27—34. Карталанская 34—40. Амيرانъ и Амбрій 40—41. Амيرانъ и Роканп 41. Двойственный характеръ Амриана 42—43. Ростомъ; версія сванетская 43—45. Шавская 45—47. Сравненіе съ франскимъ Рустемомъ 47—50. Имеретинская версія 50—52. Тушинская пѣсня о Ростомѣ 52. Этеріани 52—54. Пѣсни о Тиледзе 54—56. Пѣсни объ Арсенѣ 56—57. Поэма о Сологѣ 56—58.

III. *Историческія тѣсни.* Пѣсни объ Пракіи 58—60. Пѣсни о Тамарѣ 61—63. Пѣсни объ царяхъ Арчилѣ, Вахтагѣ и Эривастѣ арагвскомъ 61—62.

IV. *Лирическія тѣсни.* Эротическія 63—66. Полевья 66—67. Хороводныя 68—70. Мусульманскія пѣсни 70—72. Армянскія 73—74. Пѣвцы 74—76.

V. *Сказки.* Мифологическія сказки 76—79. Легендарныя сказанія 79—80. Сказанія о змѣяхъ и дѣвахъ 80—88. Сказки о соловьѣ, живой водѣ 88—94. Объ оборотничествѣ 94—98. О вѣдьмахъ 98—102. Бытовья сказки 102—105. Животный эпосъ 105—110. Сказки о красотѣ, долѣ и пр. 110—118.

VI. *Пословицы.* Мифическія пословицы 118—119. Историческія 119. Бытовья 120—121. Поговорки 121—122.

VII. *Загадки.* Мифическія 126—128. Сказки въ загадкахъ 122—125.

VIII. *Заговоры.* 125. Противъ града 126. Сглаза 127—128. При выдергиваніи зуба 128. Противъ рожиатаго воспаленія 128—129. Противъ искуга 129—132. Заговоръ противъ сглаза изъ Барабадини 133—134. Представленія о болѣзни 135—136. Лихорадка 136. Мигрень 136. Чирей 136—137. Чесотка 137—138. Сванетскіе заговоры 138—142. Оспа и корь 142—143. Холера 143.

Словесность нинняя. Древніе памятники грузинской письменности 145—155. Центры просвѣщенія въ древней Иверіи 155—164.

I. *Апокрифы.* Убіеніе Авеля 165—168. Благовѣщеніе ангела о рожденіи Сеты, построеніе Ноемъ ковчега и потопъ 168—170. Соломонъ и рыболовъ 170—175. Дѣвица и юноша (въ Бесѣдѣ 3 святителей) 175—182. Абраманъ 182—184. Пѣснь объ Іовѣ 184—186. Успеніе Пресв. Богородицы 187—192. Посланіе царя Авгаря въ І. Христу 193—200. Хожденіе Богородицы по мунамъ

200—212. Заповѣдь І. Христа, данная папѣ Римскому Сильвестру 212—214. Плачь Богородицы въ Великій четвергъ 215—216. Вопросы св. Елизаветы І. Христу 216—217. Молитва Богородицы къ святымъ 217—222. Бесѣда Григоріи просвѣтителя съ ангелами 222—226. Рай и драгоценные камни 226—228.

II. *Духовныя стихи.* Стихи о загробной жизни 228—229. Библейскіе мотивы 229—231. Бесѣда души съ тѣломъ 231—232. Мученическая кончина св. Маринны 232—234. Ницій и Іоаннъ Креститель 234—237. Стихи о св. Георгіи 235—247. Повѣрія и иллюстраціи, связанныя съ св. Георгіемъ 247—251. Стихи о св. Георгіи и пророкъ Іліи 251—254. Стихи о св. Георгіи въ литературной обработкѣ 254. Стихи о дѣвахъ (Кюнала и Яхсартъ) 254—255. Стихи о Соломонѣ 255. Стихи о праведникѣхъ и грѣшникѣхъ 256.

III. *Легенды.* Легенда о Самоэлѣ 256—257. Сотвореніе міра; версіи Кахетинская 257—260. Пшавская 260. Сванетская 260—262. Карталинская 262—264. Армянская сага о происхожденіи огня 264—265. Рукописаніе Адама 265—266. О головѣ Адама 266. Сотвореніе человѣка 266. Соломонъ Мудрый 266—268. О происхожденіи князей отъ дочерей Ноя 268—269. Легенда объ І. Христѣ и Іоаннѣ Крестителѣ 269—270. Три брата (св. Георгіи и Спаситель) 270—272. Христосъ въ образѣ нищаго 272—273. Легенда объ угодности всѣхъ религій предъ Богомъ 273—274. Долгъ Бога 274—275. Бѣдникъ (доля) 275—276. Объ озерѣ Палеостемѣ 276—277. Источникъ въ Ахталѣ 277. Кахетинская долина 277—278. О монахѣ 278. Воронья башня 278—281.

Историческія легенды. Шота Руставели 281—282. Царица Тамара 283—292. Александръ Македонскій 293—294. Царь Вахтагъ Горгасланъ 294—295. Доглауръ 295—299. Шахъ Аббасъ и Хорешана 299—302. Царь Леванъ 302. Байхосро Вачнадзе и царь Пракій 303. Почему въ Грузіи такъ много красавицъ 303—304.

IV. *Суевѣрныя и гадательныя книги.* Калаидоба 304—305. Лѣчебникъ 305—306. Карабадини 306—310. Лушій календарь 310—315. Громникъ 315. Хиромантія 315—318. Сонникъ 318—319.

V. *Житія святыхъ.* Житіе Андрея Салоса 320—323. Житіе блаженнаго Іоанна 323—324. Алексѣй—человѣкъ Божій 324—326. Житіе св. Георгіи 326—329.

Приложеніе. Амирапъ—Дареджаніани 330—352,
Дополненіе и поправки 352—364.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
7	4 снизу	ор. cit.	Разысканія въ области рус. дух. стиховъ.
10	2 "	Этюды	Осетинскіе этюды.
41	2 "	Eranische и пр.	Spiegel...
48	4 "	такъ какъ о	такъ какъ.
65	4 "	послѣ	погѣ.
92	17 сверху	побѣдниковъ	побѣжденныхъ.
115	20 снизу	сварская	аварская.
154	17—20 "	Хронографы...	Хронографы заключали всеобщ. исторію, переведены въ различное время и послужили источникомъ для хронографа...
—	3 "	Амартола	Амартолъ.
162	7 сверху	Ареонагъ	Ареонагитъ.
203	18 снизу	Пресвятая	Пресвятая,
216	8 "	Елисавета	Елизавета.
224	19 "	древнѣе	раньше.
262	9 сверху	грузинской	карталинской.
268	5 снизу	О происхожденіи князей	О происхожденіи князей отъ Ноя.
272	3 сверху	утонутыми	утонувшими.
282	3 "	себя	для себя.
299	8 снизу	Грузіи	Грузію.
305	14 "	звуки	буквы.